This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 937,314

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817

СОЧИНЕНІЯ

К. Н. БАТЮШКОВА.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.
Пріятный стихотворецъ и добрый человѣкъ.

Ты знаешь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ:
„Рабомъ родится человѣкъ,
„Рабомъ въ могилу ляжетъ
„И смерть ему едва ли скажетъ,
„За чѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
„Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, изчезъ?

Дозв. ценз. С.-Петербургъ, 25 Сентября 1885 г.   Гел. Фототипографія Экспедиціи Заготовленія Госуд. Бумагъ.

1021-22v

Б-28

СОЧИНЕНІЯ

Batiushkov, Konstantin Nikolaevich

К. Н. БАТЮШКОВА.

ИЗДАНЫ

П. Н. Батюшковымъ.

СО СТАТЬЕЮ О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ К. Н. БАТЮШКОВА, НАПИСАННОЮ Л. Н. МАЙКОВЫМЪ, И ПРИМѢЧАНІЯМИ, СОСТАВЛЕННЫМИ ИМЪ ЖЕ И В. И. САИТОВЫМЪ.

ТОМЪ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) Котомина, у Обуховскаго моста, № 99.
1885.

ВС 15916
П
9
891.78
B333
1885
v.2
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
900706

Exch
St Pub Hist Lib
7-12-73
1012960-293

Оглавленіе.

		стран.
I.	Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи	1
II.	Похвальное слово сну (первая редакція)	11
III.	Прогулка по Москвѣ	19
IV.	Мысли	35
V.	Анекдотъ о свадьбѣ Ривароля	37
VI.	Предслава и Добрыня	41
VII.	Путешествіе въ замокъ Сирей	61
VIII.	Письмо къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева	73
IX.	Прогулка въ Академію Художествъ	92
X.	Нѣчто о поэтѣ и поэзіи	118
XI.	Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи	127
XII.	О лучшихъ свойствахъ сердца	142
XIII.	Аріостъ и Тассъ	149
XIV.	Петрарка	159
XV.	О характерѣ Ломоносова	175
XVI.	Двѣ аллегоріи	181
XVII.	Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій	186
XVIII.	Воспоминаніе о Петинѣ	190
XIX.	Похвальное слово сну (вторая редакція)	203
XX.	Вечеръ у Кантемира	219
XXI.	Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ	237
XXII.	Гризельда	250
XXIII.	Олиндъ и Софронія	262
XXIV.	Изступленіе Орланда	273
XXV.	Письмо Бернарда Тасса къ Порціи о воспитаніи дѣтей	282
XXVI.	Чужое—мое сокровище	288

Приложеніе.

стран.

Discours pour le couronnement de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies Alexandre I. 369

Примѣчанія.

I. Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи 377
II. Похвальное слово сну (первая редакція). 383
III. Прогулка по Москвѣ 385
IV. Мысли 394
V. Анекдотъ о свадьбѣ Ривароля 395
VI. Предслава и Добрыня 396
VII. Путешествіе въ замокъ Сирей 399
VIII. Письмо къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева 408
IX. Прогулка въ Академію Художествъ 432
X. Нѣчто о поэтѣ и поэзіи 445
XI. Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи 452
XII. О лучшихъ свойствахъ сердца 456
XIII. Аріостъ и Тассъ 458
Замѣтки К. Н. Батюшкова на принадлежавшемъ ему экземплярѣ Gerusalemme Ziberata (Записка П. А. Безсонова) 460
XIV. Петрарка 465
XV. О характерѣ Ломоносова 473
XVI. Двѣ аллегоріи 475
XVII. Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій 476
XVIII. Воспоминаніе о Петинѣ . . . . . —
XIX. Похвальное слово сну (вторая редакція) 478
XX. Вечеръ у Кантемира 482
XXI. Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ 486
XXII. Гризельда 528
XXIII. Олиндъ и Софронія . . . . . —
XXIV. Изступленіе Орланда . . . . . —
XXV. Письмо Бернарда Тасса къ Порціи о воспитаніи дѣтей. 529
XXVI. Чужое—мое сокровище . . . . . —

Дополненія.

XXVII. Моровая зараза во Флоренціи 551

Примѣчанія дополнительныя 559

Указатель личныхъ именъ 569

Къ этому тому приложены два портрета К. Н. Батюшкова (на одномъ листѣ): первый набросанъ имъ для В. А. Жуковскаго, который подписалъ подъ нимъ стихи К. Н. Батюшкова, второй рисованъ для Е. Г. Пушкиной.

ПРОЗА.

I.

ОТРЫВОКЪ

изъ писемъ русскаго офицера

о Финляндіи.

Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, сосѣднюю Гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно—только въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, но гдѣ, также какъ въ странахъ благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастіе. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюменя до шумной Улеи, въ бурное военное время, и спѣшу сообщить тебѣ глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей при видѣ новой земли, дикой, но прелестной и въ дикости своей. Здѣсь повсюду земля кажетъ видъ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма [1]). Здѣсь лѣто продолжается не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ теченіи девяти мѣсяцевъ, осень ужасная, и самая весна нерѣдко принимаетъ видъ

[1]) Особенно въ старой Финляндіи.

мрачной осени; куда ни обратишь взоры, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды, или камни. Здѣсь глубокія, длинныя озера омываютъ волнами утесы гранитные, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранитныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ или разлитіемъ океана. Въ концѣ апрѣля начинается весна; снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣною низвергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Ботническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе, пирамидальные утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ. На нихъ-то хищныя птицы вьютъ свои гнѣзда и, по древнему преданію Скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера вызываютъ крикомъ своимъ бурю изъ тайной глубины пещеръ. Вѣтеръ повѣялъ съ сѣвера, и поверхность соннаго озера пробудилась, какъ отъ сна!.. Видишь ли, какъ она пѣнится? Слышишь ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о гранитныя, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько вѣковъ презираютъ порывъ бурь и ярость волнъ? Сосѣдніе лѣса повторяютъ голосъ бури, и вся природа является въ ужасномъ разстройствѣ. Сіи страшныя явленія напоминаютъ мнѣ мрачную миѳологію Скандинавовъ, которымъ божество являлось почти всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое человѣчество.

Лѣса финляндскіе непроходимы; они растутъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаетъ. Деревья, сокрушенныя временемъ или дуновеніемъ бури, заграждаютъ путь предпріимчивому охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ

пространныхъ вертепахъ путникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плотоядной птицы; завыванія волка, ищущаго добычи; паденіе скалы, низвергнутой рукою всесокрушающаго времени, или ревъ источника, образованнаго снѣгомъ, который стрѣлою протекаетъ по каменному дну между скалъ гранитныхъ, быстро превозмогаетъ всѣ препятствія и увлекаетъ въ теченіи своемъ деревья и огромные камни. Вокругъ его пустыня и безмолвіе! Посмотри далѣе: огнь небесный или неутомимая рука пахаря зажгли сей боръ; опаленныя сосны, исторгнутыя изъ утробы земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы; дымъ, восходящій густымъ, чернымъ облакомъ отъ сего огнища, все это образуетъ картину столь дикую, столь мрачную, что путешественникъ невольно содрогается и спѣшитъ отдохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, которое величественно дремлетъ въ отлогихъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ волъ жуетъ сочную и густую траву, орошенную водами источника.

Какіе народы населяли въ древности землю сію? Гдѣ признаки ихъ бытія? Гдѣ слѣды ихъ?—Время все изгладило, или сіи сыны дикихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, и исторія, начертавшая малѣйшія событія странъ полуденныхъ и восточныхъ, молчитъ о народахъ Сѣвера. Но существовали народы сіи — угрюмые, непобѣдимые сыны первобытной природы, или изгнанники изъ странъ счастливѣйшихъ[1]): они населяли сіи пещеры, питались млекомъ звѣрей и полагали предѣломъ блаженства удачу на

[1]) Руны, которыя я видѣлъ въ Финляндіи и потомъ въ Швеціи, принадлежатъ къ позднѣйшимъ вѣкамъ. До сихъ поръ историки не могутъ утвердительно сказать, кто были первые обитатели Финляндіи.

охотѣ или побѣду надъ врагомъ, изъ черепа котораго (страшное воспоминаніе!) пили кровь, и славили свое могущество. Когда зима покрывала рѣки льдами, сыпала иней и снѣга, тогда дикія чада лѣсовъ выходили изъ логовищей своихъ и пролагали путь по морямъ Гиперборейскимъ къ новымъ пустынямъ, къ новымъ лѣсамъ. Вооруженные сѣкирою и палицей, они идутъ войной на стада пустынныхъ чудовищъ; ихъ мчатъ быстрые олени; ихъ несутъ лыжи по равнинамъ снѣжнымъ; они сражаются, побѣждаютъ и учреждаютъ кровавую трапезу! Томимые голодомъ, нуждою, исполненные мужества, рѣшимости, презирая равно и смерть, и жизнь, не знаютъ опасности; въ звѣрскомъ изступленіи наполняютъ крикомъ лѣса—и эхо повторяетъ гласъ ихъ въ пространной пустынѣ. Но сіи пустыни, сіи вертепы, сіи непроходимые лѣса, въ среднихъ вѣкахъ, повторяли голосъ скальда. И здѣсь поэзія разсыпала цвѣты свои: она смягчила нравы, укротила звѣрство и утѣшила страждущее человѣчество своими волшебными пѣснями о богахъ, о герояхъ, о лучшемъ мірѣ и о прекрасной будущей жизни. Разныя племена народовъ собрались воедино, составили селенія на берегахъ сего залива. Мало по малу и самая природа приняла другой видъ, не столь суровый и дикій.

Можетъ быть, на сей скалѣ, осѣненной соснами, у подошвы которой дыханіе зефира колеблетъ глубокія воды залива, можетъ быть, на сей скалѣ воздвигнутъ былъ храмъ Одена. Здѣсь поэтъ любитъ мечтать о временахъ протекшихъ и погружаться мыслями въ оные вѣки варварства, великодушія и славы; здѣсь съ удовольствіемъ взираетъ онъ на волны морскія, нѣкогда струимыя кораблями Одена, Артура и Гаральда, на сей

мрачный горизонтъ, по которому носились тѣни почившихъ витязей, на сіи камни, остатки сѣдой древности, на коихъ видны таинственные знаки, рукою неизвѣстною начертанные. Здѣсь, погруженный въ сладкую задумчивость,

Въ полночный часъ
Онъ слышитъ скальда гласъ,
Прерывистый и томный.
Зритъ: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоятъ кругомъ костровъ,
Зажженныхъ въ полѣ брани;
И древній царь пѣвцовъ
Простеръ на арфу длани,
Могилу указавъ, гдѣ вождь героевъ спитъ:
«Чья тѣнь, чья тѣнь», гласитъ
«Въ священномъ изступленьи,—
«Тамъ съ дѣвами плыветъ въ туманныхъ облакахъ?
«Се ты, младый Иснель, иноплеменныхъ страхъ,
«Со славой падшій на сраженьи!
«Миръ, миръ тебѣ, герой!
«Твоей сѣкирою стальной
«Пришельцы гордые побиты...
«Но ты днесь палъ на грудахъ тѣлъ.
«Отъ тучи вражьихъ стрѣлъ
«Палъ витязь знаменитый!

«И се... ужь надъ тобой посланницы небесны,
«Валкиріи прелестны,
«На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарміи, коняхъ,
«Съ златыми копьями въ рукахъ,
«Въ безмолвіи спустились,
«Коснулись до зѣницъ копьемъ своимъ, и вновь
«Глаза твои открылись;
«Течетъ по жиламъ кровь
«Чистѣйшаго эѳира;
«И ты, безплотный духъ,
«Въ страны безвѣстны міра
«Летишь стрѣлой.... и вдругъ

«Открылись предъ тобой тѣ радужны чертоги,
«Гдѣ уготовали для сонма храбрыхъ боги
«Любовь и вѣчный пиръ.

«При шумѣ горнихъ водъ и тихострунныхъ лиръ,
«Среди полянъ и свѣжихъ сѣней
«Ты будешь поражать тамъ скачущихъ еленей
«И златорогихъ сернъ».
Склонясь на злачный дернъ
Съ дружиною младою,
Тамъ снова съ арфою златою
Въ восторгѣ скальдъ поетъ
О славѣ древнихъ лѣтъ.
Поетъ, и храбрыхъ очи,
Какъ звѣзды тихой ночи,
Утѣхою блестятъ.
Но вечеръ притекаетъ,
Часъ нѣги и прохладъ;
Гласъ скальда замолкаетъ.
Замолкъ, и храбрыхъ сонмъ
Идетъ въ Одиновъ домъ.
Гдѣ дочери Веристы,
Власы свои душисты
Раскинувъ по плечамъ,
Прелестницы младыя,
Всегда полунагія,
На пиршества гостямъ
Обильны яствы носятъ
И пить умильно просятъ
Изъ чаши сладкій медъ...

Такимъ образомъ и въ снѣгахъ, и подъ суровымъ небомъ, пламенное воображеніе создавало себѣ новый міръ и украшало его прелестными вымыслами. Сѣверные народы съ избыткомъ одарены воображеніемъ: сама природа, дикая и безплодная, непостоянство стихій и образъ жизни, дѣятельной и уединенной, даютъ ему пищу.

Здѣсь царство зимы. Въ началѣ октября все покрыто снѣгомъ. Едва сосѣдняя скала выказываетъ безплодную вершину; иней падаетъ въ видѣ густаго облака; деревья, при первомъ утреннемъ морозѣ, блистаютъ радугою, отражая солнечные лучи тысячью пріятныхъ цвѣтовъ. Но солнце, кажется, съ ужасомъ взираетъ на опустошенія зимы: едва явится и уже погружено въ багровый туманъ, предвѣстникъ сильной стужи. Мѣсяцъ въ теченіи всей ночи изливаетъ сребряные лучи свои и образуетъ круги на чистой лазури небесной, по которой изрѣдка пролетаютъ блестящіе метеоры. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колеблетъ деревъ, обѣленныхъ инеемъ: они кажутся очарованными въ новомъ своемъ видѣ. Печальное, но пріятное зрѣлище сія необыкновенная тишина и въ воздухѣ, и на землѣ! Повсюду безмолвіе! Робкая лань торопко пробирается въ чащу, отрясая съ роговъ своихъ оледенѣлый иней; стадо тетеревей дремлетъ въ глубокой тишинѣ лѣса, и всякій шагъ странника слышенъ въ снѣжной пустынѣ.

Но и здѣсь природа улыбается (веселою, но краткою улыбкою). Когда снѣга растаяли отъ теплаго лѣтняго вѣтра и яркихъ лучей солнца, когда воды съ шумомъ утекли въ моря, образовавъ въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ, тысячи водопадовъ,—тогда природа примѣтно выходитъ изъ тягостнаго и продолжительнаго усыпленія. Вдругъ озимыя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга душистыми цвѣтами. Ходъ растительной силы примѣтенъ. Сегодня все мертво, завтра все цвѣтетъ, все благоухаетъ. Народныя басни всегда имѣютъ основаніемъ истину. Древніе Скандинавы полагали, что Оденъ, сей великій чародѣй, чуткимъ ухомъ своимъ слышитъ, какъ весною прозябаютъ травы. Ко-

нечно, быстрое, почти невѣроятное ихъ возрастаніе подало поводъ къ сему вымыслу. Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно пріятны. Дню предшествуетъ обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, является во всемъ велелѣпіи на концѣ озера, позлащеннаго внезапу румяными лучами. Пустынныя птицы радостно сотрясаютъ съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу; рѣзвыя бѣлки выбѣгаютъ изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь березокъ, растущихъ на отлогомъ берегѣ. Все тихо, все торжественно въ сей первобытной природѣ! Большія рыбы плещутъ среди озера златыми чешуями, между тѣмъ какъ мелкіе жители влажной стихіи играютъ стадами у подошвы скалъ или близь песчанаго берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медленно умираютъ на гранитныхъ скалахъ, которыхъ цвѣтъ измѣняется безпрестанно. Тысячи насѣкомыхъ (минутные жители сихъ прелестныхъ пустынь) то плаваютъ на поверхности озера, то кружатся надъ камышемъ и наклоненными ивами. Стада дикихъ утокъ и крикливыхъ журавлей летятъ въ сосѣднее болото, и важные лебеди торжественнымъ плаваніемъ привѣтствуютъ вечернее солнце. Оно погружается въ безднѣ Ботническаго залива, и сумракъ, вмѣстѣ съ безмолвіемъ, воцарился въ пустынѣ... Но какой предметъ для кисти живописца: ратный станъ, расположенный на сихъ скалахъ, когда лучи мѣсяца проливаются на утружденныхъ ратниковъ и скользятъ по блестящему металлу ружей, сложенныхъ въ пирамиды! Какой предметъ для живописи и сіи великіе огни, здѣсь и тамъ раскладенные, вокругъ которыхъ воины толпятся въ часы холодной ночи! Этотъ лѣсъ, хранившій безмолвіе, можетъ быть, отъ созданія міра, вдругъ оживляется при внезапномъ пришествіи полковъ. Войско рас-

положилось; все приходитъ въ движеніе: пуки зажженной соломы, переносимые съ одного мѣста на другое, пылающіе костры хвороста, древніе пни и часто цѣлыя деревья, внезапно зажженныя, отъ которыхъ густой дымъ клубится и восходитъ до небесъ: однимъ словомъ, движеніе ратныхъ снарядовъ, ржаніе и топотъ коней, блескъ оружія и смѣшанные голоса воиновъ, и звуки барабана и конной трубы, все это представляетъ зрѣлище новое и разительное! Вскорѣ гласы умолкаютъ; огонь пылающихъ костровъ потухаетъ; ратники почили, и прежнее безмолвіе водворилось; изрѣдка прерываемо оно шумомъ горнаго водопада или протяжными откликами часовыхъ, расположенныхъ на ближнихъ вышинахъ, противъ лагеря непріятельскаго: мѣсяцъ, склоняясь къ своему западу, освѣщаетъ уже безмолвный станъ.

Теперь всякій шагъ въ Финляндіи ознаменованъ происшествіями, которыхъ воспоминаніе и сладостно, и прискорбно. Здѣсь мы побѣдили, но цѣлые ряды храбрыхъ легли, и вотъ ихъ могилы! Тамъ упорный непріятель выбитъ изъ укрѣпленій, прогнанъ; но эти уединенные кресты, вдоль песчанаго берега или вдоль дороги водруженные, этотъ рядъ могилъ Русскихъ въ странахъ чуждыхъ, отдаленныхъ отъ родины, кажется, говорятъ мимоидущему воину: и тебя ожидаетъ побѣда— и смерть! Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаемъ мы или оставленную батарею, или древній замокъ съ готическими острыми башнями, которыя возбуждаютъ воспоминаніе о древнихъ рыцаряхъ, или передовый непріятельскій лагерь, или мостъ, недавно выжженный, или опустѣлую деревню. Повсюду слѣды побѣдъ нашихъ или слѣды вѣковъ, давно протекшихъ, пагубные слѣды войны и разрушенія! Иногда лагерь распола-

гается на отлогихъ берегахъ озера, гдѣ до сихъ поръ спокойный рыбакъ бросалъ свои мрежи; иногда видимъ рвы, батареи, укрѣпленія и весь снарядъ воинскій близъ мирной кущи селянина. Разительная противуположность!...

Финляндія. 1809.

II.

Похвальное слово сну

[говоренное въ Обществѣ Лѣнивыхъ].

Пока еще сладостный сонъ не сомкнулъ рѣсницъ вашихъ, и полуоткрытые глаза могутъ взирать на оратора, лежащаго на мягкомъ пуховикѣ, почтенные слушатели и прекрасныя слушательницы, преклоните ухо ваше къ словамъ моимъ! Не грозныя битвы, не шумъ воинскій, не гибельные подвиги героевъ, подвиги, клонящіеся къ отнятію сна у бѣдныхъ человѣковъ, нѣтъ! я хочу выхвалять способность спать,—и ежели душа есть источникъ прекрасныхъ мыслей, то повѣрьте, что рѣчь моя, истекающая изъ оной, должна вамъ нравиться, ибо душа моя дышетъ любовію къ благодатному богу лѣсовъ Киммеринскихъ.

Вы улыбаетесь, слушатели, вы отдѣляете медленно головы свои отъ мягкихъ подушекъ, чтобъ не пропустить ни одного слова краснорѣчиваго витіи,—и я, ободренный симъ геройскимъ подвигомъ, смѣло выступаю на обширное поле краснорѣчія!

Кто не спитъ, кто не вкушаетъ сладости сна? Злодѣй, преступникъ; ибо и невинный, приговоренный къ смерти, и несчастный страдалецъ подъ бременемъ бѣдности и зла, и они смыкаютъ вѣжды свои, омоченныя

слезами, и они усыпляютъ свои горести. Сладостное усыпленіе, истинный даръ небесъ, оставшійся на днѣ сосуда неосторожной Пандоры! Ты вмѣстѣ съ надеждою украшаешь бытіе несчастнаго! Ты украшаешь жизнь его прелестными мечтами!.. Ахъ, сонъ есть свидѣтель нашей совѣсти! Сонъ, надежда и добрая совѣсть неразлучны; они суть братья и сестры одного семейства. Бросьте взоръ свой на сего спящаго младенца: это ангелъ, который покоится на лонѣ невинности; розы, райскія розы горятъ на ланитахъ малютки, уста его улыбаются... они ищутъ поцѣлуевъ матери; дыханіе его легко и сладостно. Спи, малютка, пока страсти и люди, ненавистники сна, не лишили тебя способности спать!..

Взгляните на сонъ благотворительнаго человѣка: онъ тихъ и спокоенъ, какъ ночь весенняя. Душа его, которой ничто не препятствуетъ излиться наружу, дышетъ на его устахъ, на ясномъ челѣ его, даже на опущенныхъ рѣсницахъ. Сердце его утопаетъ въ веселіи, пульсъ его ударяетъ тихо и ровно: онъ счастливъ, ибо онъ учинилъ доброе дѣло, ибо сонъ напоминаетъ ему несчастнаго, котораго онъ извлекъ изъ пропасти, съ которымъ подѣлился послѣдними крохами, съ которымъ плакалъ наединѣ. Кажется, что ангелъ-хранитель присутствуетъ у ложа праведника и отгоняетъ благовонными крилами ужасныя мечты и призраки. Надежда сыплетъ на него цвѣты свои обильною рукою, и онъ просыпается едва ли столько счастливъ; ибо первый взоръ его часто, очень часто встрѣчаетъ неблагодарнаго! Что нужды? Онъ уже наслаждался во снѣ! Я жалѣю, жалѣю отъ искренняго сердца о томъ, кто не заснулъ послѣ добраго дѣла.

Взгляните теперь на оратая, который засыпаетъ на

жесткомъ ложѣ, въ объятіяхъ супруги своей; взгляните на поденщика, который, окончивъ трудъ свой, бросается на голый камень; взгляните на ратника, утружденнаго походомъ, дождемъ, холодомъ: онъ нѣсколько дней сряду сражался; кровь и потъ лились ручьями, голодъ изнурялъ его; но онъ заснулъ,—и все забыто, и онъ счастливѣе сатрапа, засыпающаго тонкимъ сномъ на персяхъ восточной красавицы. Скажите мнѣ теперь, что̀ награждаетъ страдальцевъ сихъ за труды, потъ и раны?—Сонъ!

Кто изъ насъ не былъ влюбленъ и кто не спалъ вопреки любви своей? Сладостенъ сонъ любовника; онъ видитъ или бархатные луга, орошенные журчащими ручьями, или прохладные сады, гдѣ все таетъ и нѣжится, или луну, царство сильфовъ... Но всѣ сіи предметы украшены присутствіемъ его возлюбленной. Вездѣ она съ нимъ ходитъ рука съ рукою, вездѣ неразлучна—и въ хижинѣ, и во дворцѣ. Сонъ и самыя печали услаждаетъ. Любовница тебѣ измѣнила, или она, новая Галатея, невнимательна къ твоимъ пѣснямъ; цѣломудренна какъ Цинтія, или какъ Зеновія, которая даже супругу своему на условіи позволяла раздѣлять брачное ложе, какъ Зеновія, едва, едва склоняетъ къ тебѣ суровые взоры?.. Утѣшься, печальный страдалецъ! Я не стану тебѣ совѣтовать вооружаться терпѣніемъ стоика, или потоплять любовь свою въ чашѣ вина [1]), или забыть вѣроломную: первое не есть дѣло невозможное (ибо въ какой странѣ любовники терпѣливы?), другое и третіе противно нравамъ. Но никто не отнималъ у тебя сна. Никто не лишалъ тебя способности усыплять сердце твое посредствомъ сла-

[1]) Ou bien buvez: c'est un parti fort sage.—Voltaire.

достныхъ мечтаній? Спи же, любовникъ, спи же отъ вечера до утра, отъ утра до вечера, и къ наказанію твоей каменной Лауры — ты вѣрно когда-нибудь проснешься съ прежнимъ спокойствіемъ, съ прежнимъ равнодушіемъ: ибо сонъ, успокоивая страсти, истребляетъ даже ихъ вредное начало. Что̀ есть сердце наше? Море. Удержи дыханіе вѣтровъ,—и оно спокойно.

Природа, благая мать смертныхъ! Ты начинаешь наказывать преступника, рушителя правъ твоихъ, прежде законовъ человѣческихъ. Взгляните на юношу, который въ первый разъ нарушилъ ея священныя права: взоръ его пасмуренъ, нетерпѣливъ; онъ ищетъ чего-то, ибо убѣгаетъ самого себя; онъ ищетъ разсѣянія въ шумномъ свѣтѣ, въ опасныхъ удовольствіяхъ, и горе ему, если новыя преступленія изгладятъ слѣды первыхъ! Но если, ведомый рукою совѣсти, онъ скроется на минуту отъ взоровъ человѣческихъ и тамъ, въ безмолвномъ уединеніи, предастся размышленію, то слезы— вѣстники добраго сердца—слезы раскаянія, омочатъ его ланиты, душа его успокоится, подобно мутной водѣ, протекающей по ровному песчаному долу; душа его придетъ въ лучшее состояніе, и сонъ, награда всякаго добраго дѣла, сонъ заключитъ его въ мягкія объятія [1]); ибо сонъ, вопреки всѣмъ наблюдателямъ страстей человѣческихъ, идетъ непосредственно за первымъ раскаяніемъ: явная премудрость небеснаго Провидѣнія, которое врачуетъ язвы сердца нашего посредствомъ благотворнаго усыпленія!

Но какія ужасныя картины представляются взорамъ нашимъ! Преступникъ, преступникъ, закоренѣлый въ

[1]) Выраженіе Гомерово.

злодѣяніяхъ! Гласъ оскорбленной природы, подобно грому, раздался въ его сердцѣ, и гласъ сей былъ ужасенъ: Злодѣй, ты не будешь спать [1])! Вотъ приговоръ тиранамъ, сластолюбцамъ, рушителямъ священныхъ правъ человѣчества! Приведемъ на память сильныя слова латинскаго стихотворца [2]): «Ужели страшный ревъ быка Фаларидова, ужели мечъ, прицѣпленный къ златому крову и висящій надъ главою увѣнчаннаго тирана, ужаснѣе грызеній совѣсти того несчастнаго, который, блѣднѣя, говоритъ—и столь тихо, что жена, лежащая съ нимъ на одномъ ложѣ, слышать не можетъ: я бѣгу, бѣгу къ погибели!» Знали ли сонъ Діонисій Сиракузскій и сіи изверги природы, сіи ряды вѣнчанныхъ злодѣевъ Рима, которыхъ, какъ говоритъ Расинъ [3]), одно имя есть ужасная обида ужасному тирану? Вкушалъ ли сонъ и сей счастливый злодѣй Британіи [4]), котораго жизнь была загадка, который, подобно древнему тирану, укрывался всякую ночь въ новомъ убѣжищѣ своего лабиринта? Между тѣмъ какъ герой Сѣвера—сей великій мужъ, котораго жизнь достойна пера Плутархова, ибо малѣйшее его дѣяніе есть подвигъ великаго ума,—между тѣмъ, говорю я, какъ Суворовъ спалъ на плащѣ, подъ открытымъ небомъ, въ виду огней непріятельскихъ и на канунѣ рѣшительнаго сраженія!!!

Такъ, почтенные слушатели, способность спать во всякое время есть признакъ великой души. Древность, неисчерпаемый источникъ истины и басень, древность,

[1]) Шекспиръ.
[2]) Персій.
[3]) Расинъ, см. Британника.
[4]) Кромвель.

хранилище опытности, развертываетъ предъ нами свои хартіи. Примѣры обильны и убѣдительны. Александръ на канунѣ ужасной битвы съ Даріемъ засыпаетъ ввечеру. Парменіонъ принужденъ его будить, ибо знамена персскія блистали уже вблизи стана греческаго. Катонъ имѣлъ привычку засыпать при наступленіи опасности, ибо ничто не могло поколебать великаго духа героя стоиковъ: Mediis tempestatibus placidus. Августъ спитъ мертвымъ сномъ во время упорнаго морскаго сраженія, происходившаго у береговъ цвѣтущей Сициліи. Марій—и что̀ еще чудеснѣе—засыпаетъ подъ деревомъ во время послѣдней битвы съ Силлою, и тогда только сонъ покидаетъ предпріимчиваго вождя, когда сонмы непріятелей обратили въ бѣгство его воинство. Гибельный сонъ, но не менѣе того славный! Мудрый Эпименидъ, если вѣрить историкамъ, проспалъ 47 лѣтъ сряду, и Геродотъ, отецъ лѣтописцевъ, свидѣтельствуетъ, что народы Сѣвера спятъ въ теченіи шести зимнихъ мѣсяцевъ, подобно суркамъ, не просыпаясь.

Изъ всего мною сказаннаго ясно извлекается слѣдующее заключеніе: Сонъ есть признакъ великаго духа и доброй души. Доброй души—ибо сонливый человѣкъ неспособенъ дѣлать зло, которое требуетъ великихъ усилій, безпокойства и безпрестанной дѣятельности. Лафонтенъ, жертвовавшій ему половиною жизни своей, посмотрите, съ какимъ удовольствіемъ говоритъ о безпечномъ снѣ вездѣ, гдѣ можетъ сказать что-нибудь въ пользу его!

Je ne dormirai point sous de riches lambris:
Mais voit-on que le somme en perde de son prix?
En est-il moins profond et moins plein de délices?
Je lui voue au desert de nouveaux sacrifices.

Fable du Mogol.

А добродушіе Лафонтена, какъ извѣстно вамъ, вошло въ пословицу. Сонъ есть стихія стихотворцевъ. Отчего же предаются оному даже до излишества? Вопросъ важный, достойный вниманія мудрецовъ, и котораго я, хотя и могъ бы, разрѣшить не смѣю, боясь вооружить противъ себя высокопарнаго Мевія и неусыпнаго, но усыпительнаго Бавія, которые—о, святотатство! — и самое божество ночи оскорбляютъ кропаніемъ стиховъ! [1]) Но поэты всегда прославляли сладость сна, начиная отъ Омира; всѣ они, всѣ до одного, описывали менѣе и болѣе, хуже и лучше сіе успокоеніе души и тѣла. Тибуллъ, котораго вся жизнь была поэзія (простите мнѣ сіе выраженіе!), Тибуллъ не въ одномъ мѣстѣ выхваляетъ сонъ. Я всегда съ живымъ удовольствіемъ привожу на память стихи его:

....подъ тѣнію древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою даритъ.
Сквозь солнце иногда дождь мелкій чуть шумитъ:
Я, слушая его, помалу погружаюсь
Въ забвеніе—и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь.

Дмитріевъ.

Какая истинная любовь къ наслажденіямъ тихимъ, какая любовь ко сну!... Далѣе:

Иль въ мрачну, бурну ночь, въ объятіяхъ драгой
Не слышу и грозы, гремящей надо мной!
Вотъ сердца моего желанья и утѣхи!

Дмитріевъ.

Первые два стиха показываютъ мастера наслаждаться. Послѣдній принадлежитъ къ малому числу стиховъ, написанныхъ отъ души.

[1]) Древніе не смѣли нарушать безмолвія ночи. Битвы прекращались съ закатомъ солнца.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Ахъ, почтенное сословіе сонныхъ! Еслибъ я не боялся траты времени, которое можно посвятить съ такою пользою на сонъ, еслибъ томные глаза ваши не показывали, что онъ вамъ становится нужнѣе краснорѣчивѣйшей похвалы,—то вѣрно бъ сдѣлалъ убѣдительное и многорѣчивое сравненіе двухъ народовъ: одного—воинственнаго, другаго—мирнаго; одного—провождающаго дни и ночи на стражѣ съ копьемъ въ рукахъ, другаго—изгнавшаго изъ предѣловъ своихъ все, что̀ клонится къ нарушенію сна: и пѣтуховъ, вѣстниковъ утра, и шумныя художества, и снаряды воинственные. Я бы сдѣлалъ сравненіе Спартанъ со счастливыми Сибаритами, и сравненіе мое клонилось бы въ пользу послѣднихъ. Я бы доказалъ, что счастія нѣтъ въ дѣятельности народной, и чрезъ то открылъ бы неисповѣдимыя истины и новое поле политикамъ, поле вовсе неизвѣстное. Но я вижу, что Морфей сыплетъ на васъ зернистый макъ свой! Я ощущаю и самъ тайное присутствіе бога Киммеринскаго. Крилѣ его сотрясаютъ благовонную росу на любимцевъ... Перстъ его смыкаетъ уста мои... языкъ коснѣетъ... и я... засыпаю.

Любитель сна.

III.

Прогулка по Москвѣ.

Ты желаешь отъ меня описанія Москвы, любезнѣйшій другъ, вещи совершенно невозможной (для меня, разумѣется) по двумъ весьма важнымъ причинамъ. Первое—потому, что я не въ силахъ удовлетворить твоему любопытству за неимѣніемъ достаточныхъ свѣдѣній историческихъ и пр. и пр., которыя необходимо нужны; ибо здѣсь на всякомъ шагу мы встрѣчаемъ памятники вѣковъ протекшихъ, но сіи памятники безмолвны для невѣжды, а я притворяться ученымъ не умѣю. Вторая причина—лѣность, причина весьма важная! И такъ, мимоходомъ, странствуя изъ дома въ домъ, съ гулянья на гулянье, съ ужина на ужинъ, я напишу нѣсколько замѣчаній о городѣ и о нравахъ жителей, не соблюдая ни связи, ни порядку, и ты прочтешь оныя съ удовольствіемъ: они напомнятъ тебѣ о добромъ пріятелѣ,

Который посреди разсѣяній столицы
Тихонько замѣчалъ характеры и лицы
Забавныхъ Москвичей;
Который съ годъ зѣвалъ на балахъ богачей,
Зѣвалъ въ концертѣ и въ собраньѣ,
Зѣвалъ на скачкѣ, на гуляньѣ,
Вездѣ равно зѣвалъ,
Но дружбы и тебя нигдѣ не забывалъ.

Теперь, на досугѣ, не хочешь ли со мною прогуляться въ Кремль? Дорогою я невольно восклицать буду на каждомъ шагу: это исполинскій городъ, построенный великанами: башня на башнѣ, стѣна на стѣнѣ, дворецъ возлѣ дворца! Странное смѣшеніе древняго и новѣйшаго зодчества, нищеты и богатства, нравовъ европейскихъ съ нравами и обычаями восточными! Дивное, непостижимое сліяніе суетности, тщеславія, и истинной славы и великолѣпія, невѣжества и просвѣщенія, людскости и варварства. Не удивляйся, мой другъ: Москва есть вывѣска или живая картина нашего отечества. Посмотри: здѣсь, противъ зубчатыхъ башенъ древняго Китай-города, стоитъ прелестный домъ самой новѣйшей итальянской архитектуры: въ этотъ монастырь, построенный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, входитъ какой-то человѣкъ въ длинномъ кафтанѣ, съ окладистою бородою, а тамъ къ булевару кто-то пробирается въ модномъ фракѣ: и я, видя отпечатки древнихъ и новыхъ временъ, воспоминаю прошедшее, сравнивая оное съ настоящимъ, тихонько говорю про себя: Петръ Великій много сдѣлалъ и ничего не кончилъ.

Войдемъ теперь въ Кремль. На право, на лѣво мы увидимъ величественныя зданія, съ блестящими куполами, съ высокими башнями, и все это обнесено твердою стѣною. Здѣсь все дышетъ древностію: все напоминаетъ о царяхъ, о патріархахъ, о важныхъ происшествіяхъ: здѣсь каждое мѣсто ознаменовано печатью вѣковъ протекшихъ. Здѣсь все противное тому, что̀ мы видимъ на Кузнецкомъ мосту, на Тверской, на булеварѣ и пр. Тамъ книжныя французскія лавки, модные магазины, которыхъ уродливыя вывѣски заслоняютъ цѣлые домы, часовые мастера, погреба, и словомъ, всѣ снаряды моды и роскоши. Въ Кремлѣ все тихо, все

имѣетъ какой-то важный и спокойный видъ; на Кузнецкомъ мосту все въ движеніи:

Корнеты, чепчики, мужья и сундуки.

А здѣсь одни монахи, богомольцы, должностные люди и нѣсколько часовыхъ. Хочешь ли видѣть единственную картину? Когда вечернее солнце во всемъ великолѣпіи склоняется за Воробьевы горы, то войди въ Кремль и сядь на высокую деревянную лѣстницу. Вся панорама Москвы за рѣкою! На право Каменный мостъ, на которомъ безпрестанно волнуются толпы проходящихъ; далѣе—Голицынская больница, прекрасное зданіе, дома гр. Орловой съ тѣнистыми садами, и наконецъ, Васильевскій огромный замокъ, примыкающій къ Воробьевымъ горамъ, которыя величественно довершаютъ сію картину. Чудесное смѣшеніе зелени съ домами, цвѣтущихъ садовъ съ высокими замками древнихъ бояръ; чудесная противуположность видовъ городскихъ съ сельскими видами. Однимъ словомъ, здѣсь представляется взорамъ картина достойная величайшей въ мірѣ столицы, построенной величайшимъ народомъ на пріятнѣйшемъ мѣстѣ. Тотъ, кто, стоя въ Кремлѣ и холоднымъ глазами смотрѣвъ на исполинскія башни, на древніе монастыри, на величественное Замоскворѣчье, не гордился своимъ отечествомъ и не благословлялъ Россіи, для того (и я скажу это смѣло) чуждо все великое, ибо онъ былъ жалостно ограбленъ природою при самомъ его рожденіи; тотъ поѣзжай въ Германію, и живи и умирай въ маленькомъ городкѣ, подъ тѣнью приходской колокольни съ мирными Германцами, которые, углубясь въ мелкіе политическіе расчеты, протянули руки и выи для принятія оковъ гнуснѣйшаго рабства.

Но солнце медленно сокрывается за рощами. Взглянемъ еще на Кремль, котораго золотые куполы и шпицы колоколенъ ярко отражаютъ блистаніе зари вечерней. Шумъ городской замираетъ вмѣстѣ съ замирающимъ днемъ. Кругомъ насъ все тихо; изрѣдка пройдетъ человѣкъ. Здѣсь нищій отдыхаетъ на Красномъ крыльцѣ, положивъ голову на котомку; онъ отдыхаетъ безпечно у подножія палатъ царскихъ, не зная даже, кому онѣ нѣкогда принадлежали. Теперь встаетъ и медленно входитъ въ монастырь, гдѣ раздается мрачное пѣніе иноковъ, и гдѣ цѣлыми рядами стоятъ гробы великихъ князей и царей Русскихъ (нѣкогда обитавшихъ въ ближнихъ палатахъ). Печальный образъ славы человѣческой!.. Но мы не станемъ дѣлать восклицаній вмѣстѣ съ модными писателями, которые проводятъ цѣлыя ночи на гробахъ и бѣдное человѣчество пугаютъ привидѣніями, духами, страшнымъ судомъ, а болѣе всего своимъ слогомъ; мы не предадимся мрачнымъ разсужденіямъ о бренности вещей, которыя позволено дѣлать всякому въ нынѣшнемъ вѣкѣ меланхоліи: а пойдемъ потихоньку на Кузнецкій мостъ, гдѣ все въ движеніи, все спѣшитъ, а куда?—посмотримъ.

Эта большая дѣдовская карета, запряженная шестью чалыми тощими клячами, остановилась у дверей людной лавки. Вотъ изъ нея вылѣзаетъ пожилая женщина въ большомъ чепцѣ, мадамъ, конечно Француженка, и три молодыя дѣвушки. Онѣ входятъ въ лавку—и мы за ними. «Дайте намъ головныхъ уборовъ, покажите намъ эти шляпки, да по христіанской совѣсти, госпожа мадамъ!» И торговка, окинувъ взорами своихъ гостей, узнаетъ, что они изъ степи, продаетъ имъ лежалую старину вдвое, втрое дороже обыкновеннаго. Старушка сердится и покупаетъ.

Зайдемъ оттуда въ конфектный магазинъ, гдѣ Жидъ или Гасконецъ Гоа продаетъ мороженое и всякія сласти. Здѣсь мы видимъ большое стеченіе московскихъ франтовъ въ лакированныхъ сапогахъ, въ широкихъ англійскихъ фракахъ, и въ очкахъ и безъ очковъ, и растрепанныхъ и причесанныхъ. Этотъ, конечно, Англичанинъ: онъ, разиня ротъ, смотритъ на восковую куклу. Нѣтъ, онъ Русакъ и родился въ Суздалѣ. Ну, такъ этотъ Французъ: онъ картавитъ и говоритъ съ хозяйкой о знакомомъ ей чревовѣщателѣ, который въ прошломъ годѣ забавлялъ весельчаковъ парижскихъ. Нѣтъ, это старый франтъ, который не ѣзжалъ далѣе Макарья и, промотавъ родовое имѣніе, наживаетъ новое картами. Ну, такъ это Нѣмецъ, этотъ блѣдный высокій мужчина, который вошелъ съ прекрасною дамою? Ошибся! И онъ Русскій, а только молодость провелъ въ Германіи. По крайней мѣрѣ жена его иностранка: она на силу говоритъ по русски. Еще разъ ошибся! Она Русская, любезный другъ, родилась въ приходѣ Неопалимой Купины и кончитъ жизнь свою на святой Руси. Отчего же они всѣ хотятъ прослыть иностранцами, картавятъ и кривляются, отчего?... Я на это буду отвѣчать послѣ, а теперь прошу замѣтить этого пожилого человѣка въ шпорахъ. Онъ изобрѣлъ прошлаго года новыя подковы для своихъ рысаковъ, дрожки о двухъ колесахъ и карету безъ козелъ. Онъ живетъ на конюшнѣ, завтракаетъ съ любимымъ бѣгуномъ и ѣздилъ нарочно въ Лондонъ, чтобъ посовѣтоваться съ извѣстнымъ коноваломъ о болѣзни своей англійской кобылы.

Вздохнемъ, любезный другъ, отъ глубины сердца и скажемъ съ Аріостомъ:

Дурачься, смертныхъ родъ! Въ лунѣ разсудокъ твой.

Теперь мы видимъ передъ собою иностранныя книжныя лавки. Ихъ множество, и ни одной нельзя назвать богатою въ сравненіи съ петербургскими. Книги дороги, хорошихъ мало, древнихъ писателей почти вовсе нѣтъ, но за то есть мадамъ Жанлисъ и мадамъ Севинье, два катихизиса молодыхъ дѣвушекъ и цѣлыя груды французскихъ романовъ: достойное чтеніе тупаго невѣжества, безсмыслія и разврата. Множество книгъ мистическихъ, назидательныхъ, казуистскихъ и пр., писанныхъ разстригами-попами (ci-devant soit disant jésuites) на чердакахъ парижскихъ, въ пользу добрыхъ женщинъ. Ихъ безпрестанно раскупаютъ и въ Москвѣ, ибо наши модницы не уступаютъ парижскимъ въ благочестіи и съ жадностію читаютъ глупыя и скучныя проповѣди, лишь бы только онѣ были написаны на языкѣ медоточиваго Фенелона, сладостнаго друга почтенной дѣвицы Гіонъ. Но мы, разговаривая, пришли въ городъ. Какое стеченіе народа, какое разнообразіе! Это совершенный базаръ восточный! Здѣсь мы видимъ Грека, Татарина, Турка въ чалмѣ и въ туфляхъ; тамъ сухаго Француза въ башмакахъ, искусно перескакивающаго съ камня на камень, тутъ важнаго Персіанина, тамъ ямщика, который бранится съ торговкою, здѣсь бѣднаго селянина, который устремилъ оба глаза на великолѣпный цугъ, между тѣмъ какъ его товарищъ разсматриваетъ народныя картины и любуется ихъ замысловатыми надписями. Вотъ и цѣлый рядъ русскихъ книжныхъ лавокъ; иныя весьма бѣдны. Кто не бывалъ въ Москвѣ, тотъ не знаетъ, что можно торговать книгами точно такъ, какъ рыбой, мѣхами, овощами и пр., безъ всякихъ свѣдѣній въ словесности; тотъ не знаетъ, что здѣсь есть фабрика переводовъ, фабрика журналовъ и фабрика романовъ, и что книж-

ные торгаши покупаютъ ученый товаръ, то-есть, переводы и сочиненія, на вѣсъ, приговаривая бѣднымъ авторамъ: не качество, а количество, не слогъ, а число листовъ! Я боюсь заглянуть въ лавку, ибо къ стыду нашему думаю, что ни у одного народа нѣтъ и никогда не бывало столь безобразной словесности. Къ счастію, многія книги здѣсь въ Москвѣ родятся и здѣсь умираютъ, или по крайней мѣрѣ на ближайшихъ ярмаркахъ. Теперь мы выходимъ на Тверской булеваръ, который составляетъ часть обширнаго вала. Вотъ жалкое гульбище для обширнаго и многолюднаго города, какова Москва, но стеченіе народа, прекрасныя утра апрѣльскія и тихіе вечера майскіе привлекаютъ сюда толпы праздныхъ жителей. Хорошій тонъ, мода требуютъ пожертвованій: и франтъ, и кокетка, и старая вѣстовщица, и жирный откупщикъ скачутъ въ первомъ часу утра съ дальнихъ концовъ Москвы на Тверской булеваръ. Какіе странные наряды, какія лица! Здѣсь вы видите пріѣзжаго изъ Молдавіи офицера, внука этой придворной ветхой красавицы, наслѣдника этого подагрика, которые не могутъ налюбоваться его пестрымъ мундиромъ и невинными шалостями. Тутъ вы видите провинціальнаго щеголя, который пріѣхалъ перенимать моды и который, кажется, пожираетъ глазами счастливца, прискакавшаго на почтовыхъ съ береговъ Секваны—въ голубыхъ панталонахъ и въ широкомъ безобразномъ фракѣ. Здѣсь красавица ведетъ за собою толпу обожателей; тамъ старая генеральша болтаетъ съ своей сосѣдкою, а возлѣ ихъ—откупщикъ, тяжелый и задумчивый, который твердо увѣренъ въ томъ, что Богъ создалъ одну половину рода человѣческаго для винокуренія, а другую для пьянства, идетъ медленными шагами съ прекрасною женою и съ карломъ. Универ-

ситетскій профессоръ въ епанчѣ, которая бы могла сдѣлать честь покойному Кратесу, пробирается домой или на пыльную каѳедру. Шалунъ напѣваетъ водевили и травитъ прохожихъ своимъ пуделемъ, между тѣмъ какъ записной стихотворецъ читаетъ эпиграмму и ожидаетъ похвалы или приглашенія на обѣдъ. Вотъ гулянье, которое я посѣщалъ всякій день, и почти всегда съ новымъ удовольствіемъ. Совершенная свобода ходить взадъ и впередъ съ кѣмъ случится, великое стеченіе людей знакомыхъ и незнакомыхъ имѣли всегда особенную прелесть для лѣнивцевъ, для праздныхъ и для тѣхъ, которые любятъ замѣчать физіономіи. А я изъ числа первыхъ и послѣднихъ. Прибавлю къ этому: на гулянье пріѣзжаютъ одни, чтобъ отдыхать отъ заботъ, другіе—ходить и дышать свѣжимъ воздухомъ; женщины пріѣзжаютъ собирать похвалы, мужчины—удивляться, и лица всѣхъ почти спокойны. Здѣсь страсти засыпаютъ; люди становятся людьми; одно самолюбіе не дремлетъ: оно всегда на часахъ, но и оно имѣетъ здѣсь привлекательный видъ, и оно заставляетъ улыбнуться стараго игрока гораздо привѣтливѣе, нежели за карточнымъ столомъ. Наконецъ, на гуляньи всѣ кажутся счастливыми, и это меня радуетъ какъ ребенка, ибо я никогда не любилъ скучныхъ и заботливыхъ лицъ.

Теперь мы опять вышли на улицу. Взгляни на право, потомъ на лѣво и дѣлай самъ замѣчанія, ибо увидишь вдругъ всю Москву со всѣми ея противуположностями.

Вотъ большая карета, которую на силу тянетъ четверня: въ ней чудотворный образъ, передъ нимъ монахъ съ большою свѣчей. Вотъ старинная Москва и остатокъ древняго обряда прародителей!

Посторонись! Этотъ ландо насъ задавитъ: въ немъ

сидитъ щеголь и красавица; лошади, лакей, кучера, все въ послѣднемъ вкусѣ. Вотъ и новая Москва, новѣйшіе обычаи!

Взгляни сюда, счастливецъ! Возлѣ огромныхъ чертоговъ вотъ хижина, жалкая обитель нищеты и болѣзней. Здѣсь цѣлое семейство, изнуренное нуждами, голодомъ и стужей: дѣти полунагія, мать за пряслицей, отецъ, старый заслуженный офицеръ въ изорванномъ маіорскомъ камзолѣ, починиваетъ старые башмаки и ветхій плащъ, затѣмъ, чтобъ по утру можно было выйдти на улицу просить у прохожихъ кусокъ хлѣба, а оттуда пробраться къ человѣколюбивому лѣкарю, который посѣщаетъ его больную дочь. Вотъ Москва, большой городъ, жилище роскоши и нищеты!

Но здѣсь предъ нами огромныя палаты съ высокими мраморными столбами, съ большимъ подъѣздомъ. Этотъ домъ открытъ для всякаго, кто можетъ сказать роскошному Амфитріону:

Joignez un peu votre inutilité
A ce fardeau de mon oisiveté.

Хозяинъ цѣлый день зѣваетъ у камина, между тѣмъ какъ вокругъ его все въ движеніи: роговая музыка гремитъ на хорахъ, вся челядь въ галунахъ, и роскошь опрокинула на столъ полный рогъ изобилія. Въ этомъ человѣкѣ всѣ страсти изчезли; его сердце, его умъ и душа износились и обветшали. Самое самолюбіе его оставило. Онъ, конечно, великій философъ, если совершенное равнодушіе посреди образованнаго общества можно назвать мудростію. Онъ окруженъ ласкателями, иностранцами и шарлатанами, которыхъ онъ презираетъ отъ всей души, но безъ нихъ обойтиться не можетъ. Его тупоуміе невѣроятно. Пользуясь всѣми вы-

годами знатнаго состоянія, которымъ онъ обязанъ предкамъ своимъ, онъ даже не знаетъ, въ какихъ губерніяхъ находятся его деревни; за то знаетъ по пальцамъ всѣ подробности двора Людовика XIV по запискамъ Сенъ-Симона, перечтетъ всѣхъ любовницъ его и регента, одну послѣ другой, и назоветъ всѣ парижскія улицы. Его домъ можно назвать гостинницей праздности, шума и новостей, посреди которыхъ хозяинъ осужденъ на вѣчную скуку и вѣчное бездѣйствіе. Вотъ слѣдствіе роскоши и праздности въ сей обширнѣйшей изъ столицъ, въ семъ маломъ мірѣ!

Я думаю, что ни одинъ городъ не имѣетъ ниже малѣйшаго сходства съ Москвою. Она являетъ рѣдкія противуположности въ строеніяхъ и нравахъ жителей. Здѣсь роскошь и нищета, изобиліе и крайняя бѣдность, набожность и невѣріе, постоянство дѣдовскихъ временъ и вѣтренность неимовѣрная, какъ враждебныя стихіи, въ вѣчномъ несогласіи и составляютъ сіе чудное, безобразное, исполинское цѣлое, которое мы знаемъ подъ общимъ именемъ: Москва. Но праздность есть нѣчто общее, исключительно принадлежащее сему городу; она болѣе всего примѣтна въ какомъ-то безпокойномъ любопытствѣ жителей, которые безпрестанно ищутъ новаго разсѣянія. Въ Москвѣ отдыхаютъ, въ другихъ городахъ трудятся менѣе или болѣе, и потому-то въ Москвѣ знаютъ скуку со всѣми ея мученіями. Здѣсь хвалятся гостепріимствомъ, но—между нами—что̀ значитъ это слово? Часто—любопытство. Въ другихъ городахъ васъ узнаютъ съ хорошей стороны и приглашаютъ навсегда; въ Москвѣ сперва пригласятъ, а послѣ узнаютъ. Музыка прошлой зимы вскружила всѣмъ головы; вся Москва пѣла: я думаю отъ скуки. Нынѣ вся Москва танцуетъ—отъ скуки. Здѣсь всѣ влюблены или

стараются влюбляться: я бьюсь объ закладъ, что это дѣлается отъ скуки. Молодыя женщины играютъ на театрѣ, а старухи ѣздятъ по монастырямъ—отъ скуки, и это всякому извѣстно. Карусель, который стоилъ столько издержекъ, родился отъ скуки. Однимъ словомъ, здѣсь скуку можно назвать великою пружиною: она поясняетъ много странныхъ обстоятельствъ. Для жителей московскихъ необходимо нужны новыя гулянья, новые праздники, новыя зрѣлища и новыя лица. Здѣсь славная актриса Жоржъ принята была съ восторгомъ и скоро наскучила большому свѣту. Сію холодность къ дарованію издатель Русскаго Вѣстника готовъ приписать къ патріотизму; онъ весьма грубо ошибается.

Москва есть большой провинціальный городъ, единственный, несравненный: ибо что значитъ имя столицы безъ двора? Москва идетъ сама собою къ образованію, ибо на нее почти никакія обстоятельства вліянія не имѣютъ. Здѣсь всякій можетъ дурачиться какъ хочетъ, жить и умереть чудакомъ. Самый Лондонъ бѣднѣе Москвы по части нравственныхъ каррикатуръ. Какое обширное поле для комическихъ авторовъ, и какъ они мало чувствуютъ цѣну собственной неистощимой руды! Надобно еще замѣтить, что здѣсь семейственная жизнь, которую можно назвать хранительницею нравовъ, придаетъ какое-то добродушіе и откровенность всѣмъ поступкамъ. Это замѣтилъ мнѣ Англичанинъ-путешественникъ, который называлъ Москву прелестнѣйшимъ городомъ въ мірѣ и прощался съ нею со слезами.

Но время летитъ, и почти часъ обѣда приходитъ. Мы опоздали зайдти въ этотъ домъ, котораго наружность вовсе не привлекательна. Здѣсь большой дворъ, заваленный соромъ и дровами; позади огородъ съ про-

стыми овощами, а подъ домомъ большой подъѣздъ съ перилами, какъ водилось у нашихъ дѣдовъ. Войдя въ домъ, мы могли бы увидать въ прихожей слугъ оборванныхъ, грубыхъ и пьяныхъ, которые отъ утра до ночи играютъ въ карты. Комнаты безъ обоевъ, стулья безъ подушекъ, на одной стѣнѣ большіе портреты въ ростъ царей Русскихъ, а напротивъ—Юдиѳь, держащая окровавленную голову Олоферна надъ большимъ серебрянымъ блюдомъ, и обнаженная Клеопатра съ большой зміею: чудесныя произведенія кисти домашняго маляра. Сквозь окна мы можемъ видѣть накрытый столъ, на которомъ стоятъ щи, каша въ горшкахъ, грибы и бутылки съ квасомъ. Хозяинъ въ тулупѣ, хозяйка въ салопѣ; по правую сторону приходскій попъ, приходскій учитель и шутъ, а по лѣвую—толпа дѣтей, старуха-колдунья, мадамъ и гувернеръ изъ Нѣмцевъ. О, это домъ стараго Москвича, богомольнаго князя, который помнитъ страхъ Божій и воеводство. Пойдемъ далѣе. Вотъ маленькій деревянный домъ, съ палисадникомъ, съ чистымъ дворомъ, обсаженнымъ сиренями, акаціями и цвѣтами. У дверей насъ встрѣчаетъ учтивый слуга не въ богатой ливреѣ, но въ простомъ опрятномъ фракѣ. Мы спрашиваемъ хозяина: Войдите! Комнаты чисты, стѣны расписаны искусной кистію, а подъ ногами богатые ковры и полъ лакированный. Зеркала, свѣтильники, кресла, диваны, все прелестно и, кажется, отдѣлано самимъ богомъ вкуса. Здѣсь и общество совершенно противно тому, которое мы видѣли въ сосѣднемъ домѣ. Здѣсь обитаетъ привѣтливость, пристойность и людскость. Хозяйка зоветъ насъ къ столу: мы сядемъ гдѣ хотимъ, безъ принужденія, и можетъ быть, развеселенный старымъ виномъ, я скажу, только не въ слухъ:

Налейте мнѣ еще шампанскаго стаканъ:
Я сердцемъ Славянинъ, желудкомъ галломанъ!

Вотъ ударило шесть часовъ: мы можемъ идти въ театръ. Я скажу тебѣ, что я видѣлъ въ Петербургѣ дурныхъ актеровъ, слышалъ на сценѣ нестройные крики, провинціальное нарѣчіе, видѣлъ кривлянія, подлые жесты и самые дурные навыки; видѣлъ, что актеръ не умѣлъ и не хотѣлъ понимать своей роли, читалъ въ глазахъ его самое глубокое невѣжество; однимъ словомъ, я видѣлъ русскую комедію, русскую трагедію и оперу; видѣлъ и сказалъ: Можетъ ли что быть хуже этого? Теперь, побывавъ въ Московскомъ театрѣ, могу смѣло отвѣчать самому себѣ: Можетъ, и есть хуже! Здѣсь опера не хороша, комедія еще хуже, а трагедія и еще хуже комедіи. Но французскіе актеры не лучше русскихъ. Я видѣлъ Тезея, которому мнѣ хотѣлось сказать: Братецъ, вычисти мнѣ сапоги! Я бьюсь объ закладъ, что онъ былъ честный артистъ décrotteur и, постепенно переходя изъ состоянія въ состояніе, сдѣлался наконецъ актеромъ вопреки уму и природѣ и теперь весьма спокойно тиранитъ стихи Ивана Расина въ бѣлокаменной Москвѣ. Я видѣлъ Ипполита, сего дикаго Скиѳа, которому въ уста безсмертный авторъ Федры вложилъ прекраснѣйшіе стихи, я видѣлъ сего гордаго Ипполита въ самомъ жалкомъ положеніи: черные его волосы, которые до сихъ поръ, падая по высокому стройному челу, вились кудрями, подобно кудрямъ Аполлона Бельведерскаго, сіи волосы порыжѣли; чистые пламенные глаза его сдѣлались отъ времени свинцовыми. Конечно, нашъ Скиѳъ немного поразвратился. Ноги и руки жалкимъ образомъ высохли и пожелтѣли. Голосъ звонкій, чистый, голосъ дѣвственника Ипполита,

нихъ бранитъ погоду—а время очень хорошо; другой бранитъ людей—а люди все тѣ же; и оба бранятъ правительство, которое въ нихъ нужды не имѣетъ и, что всего досаднѣе, не заботится о ихъ рѣчахъ. Оба они недовольные. Они очень жалки! Одинъ имѣетъ сто тысячь доходу, и желудокъ его варить не можетъ. Другой прожился на фейерверкахъ и называетъ людей неблагодарными за то, что они не собираются въ его садъ, въ глубокую полночь. Но кто этотъ пожилой человѣкъ, высокій и блѣдный, какъ покойный капитанъ Хинъ-Хилла. Старый щеголь, великій мастеръ дѣлать визиты, который на погребеніяхъ и на свадьбахъ является какъ тѣнь, какъ памятникъ временъ Екатерининскихъ; онъ человѣкъ праздный, говорунъ скучный, ибо лгать не умѣетъ за недостаткомъ воображенія, а молчать не можетъ за недостаткомъ мысленной силы.

Это гульбище имѣетъ великое сходство съ Полями Елисейскими. Здѣсь мы видимъ тѣни великихъ людей, которые, отыгравъ важныя роли въ свѣтѣ, запросто прогуливаются въ Москвѣ. Многіе изъ нихъ пережили свою славу. Eheu, fugaces!...

Но заря потухаетъ. Всѣ разъѣхались. Прости, до будущей прогулки.

IV.

Мысли.

Молчаніе есть украшеніе и щитъ юности.

Скупые на похвалу доказываютъ, что они небогаты достоинствами.

Путешественникъ имѣетъ много хозяевъ и мало друзей.

Не дѣлай ничего такого, чего бъ не долженъ былъ знать твой непріятель.

Если ты хочешь свѣсить услугу и обиду, то отними вѣсу у одной, прибавь отнятое къ другой—и будешь справедливъ.

Что есть благодарность?—Память сердца.

Добродѣтель идетъ мимо счастія и злополучія, на то и на другое, бросая презрительные взоры.

Боги, даруйте мнѣ мудрость, остальное все—вамъ!

Философія господствуетъ надъ протекшимъ и будущимъ; настоящее убиваетъ ее.

Любовь старѣется, почтеніе также.

Великіе люди предпринимаютъ великія дѣла, потому что они велики, а дураки—потому, что считаютъ ихъ бездѣлками.

Великія мысли истекаютъ изъ сердца.

Кондильякъ говоритъ, что чтеніе стихотворцевъ образуетъ лучше способность мыслить вѣрно, нежели чтеніе философовъ: въ трагедіяхъ Расиновыхъ болѣе логики, нежели въ Сенекѣ, и проч.

V.

Анекдотъ о свадьбѣ Риваролля.

«Нѣтъ ни одного человѣка», говоритъ Вольтеръ,—«который бы въ жизни своей не сдѣлалъ одного дурачества, и самаго чудеснаго!» Герцогъ Іоркскій, разбитый при Дункеркѣ и при Гельдерѣ (въ Голландіи), воображалъ себя героемъ; Неккеръ думалъ о себѣ, что онъ сотворенъ для политики, для преобразованія земель; а дочь его мечтала быть прекраснѣйшею изъ всѣхъ женщинъ. Дурачество Риваролля состояло въ томъ, что онъ воображалъ себя дворяниномъ, и дворяниномъ самымъ крупнымъ.

Въ Версальи онъ назывался аббатомъ Парсье и жилъ маленькимъ пенсіономъ; потомъ, переходя изъ одного званія въ другое и получа мѣсто дядьки въ домѣ нѣкотораго вельможи, преобразовалъ имя свое и изъ Риварота сдѣлался Риваролемъ. Послѣднее ему показалось благозвучнѣе. Сколько было и есть стихотворцевъ, присвоившихъ себѣ имена деревень, которыя осчастливлены ихъ рожденіемъ—для блага народовъ.

Фортуна улыбнулась господину Риваролю. Желая

блеснуть въ большомъ свѣтѣ, проказникъ нашъ однажды, лежа на постели и

Покояся еще подъ авторскимъ наметомъ,

провозгласилъ себя велегласно сіятельнымъ графомъ, облагородилъ все свое семейство, назначилъ цвѣтъ и галуны ливреи, раскрасилъ гербъ свой и приложилъ къ оному всѣ знаки, каковыми могли гордиться его родственники со стороны женскаго колѣна. Потомъ славный г. Ривароль долженъ былъ вопреки своимъ метафорамъ, по примѣру бѣдныхъ дворянъ, приняться за убогой завтракъ; ибо мы, сыны персти,

Похлебкою живемъ, не красными словами.

Однажды съ тощимъ желудкомъ прогуливаясь въ Люксамбургѣ, онъ увидѣлъ женщину большаго роста, одѣтую почти въ лохмотья, но важную, осанистую, настоящую театральную царицу. Сіятельный графъ вступилъ съ нею въ разговоръ. «Вы не догадываетесь, государь мой», сказала ему почтенная дама послѣ нѣсколько учтивыхъ словъ,—«вы не догадываетесь, съ какою особою теперь говорите... Я происхожу по прямой линіи отъ Іакова II, короля Англійскаго, котораго зять и родная дочь столь нагло и насильственно лишены престола. Георгъ III мой непріятель; королева Анна есть младшая дочь Іакова, а я происхожу отъ старшаго колѣна; посудите сами, справедливы ли мои требованія?»

«Черты лица вашего», отвѣчалъ съ благоговѣніемъ Ривароль, — «черты лица вашего обнаруживаютъ высокій санъ предковъ.

И міръ тебя своей владычицей нарекъ!

«Я и самъ... и это извѣстно всѣмъ и каждому,—я имѣю неоспоримыя права на герцогство Тосканское, ибо происхожу отъ знаменитыхъ Риваролей, потомковъ великаго Сципіона. Сядемъ, принцесса!»

«Съ удовольствіемъ, герцогъ!»

И свѣтлѣйшіе собесѣдники сѣли другъ подлѣ друга на соломенные стулья.

Разговоръ продолжался. Принцесса и герцогъ пересчитали по пальцамъ всѣ славныя фамиліи въ Европѣ, и всѣ онѣ казались имъ низкими въ сравненіи съ высокою породою Ривароля и наслѣдницы короля Іакова. Потомъ заговорили о физическомъ и нравственномъ злѣ, обитающемъ на семъ маломъ земноводномъ шарѣ; потомъ многорѣчивый ораторъ началъ по обыкновенію своему изливать потоками мысли: «Идеи», сказалъ онъ,—«ходятъ вокругъ свѣта, переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ нарѣчія въ нарѣчіе, изъ стиха въ стихъ, изъ прозы въ прозу; наконецъ, онѣ являются въ приличной себѣ одеждѣ, въ счастливомъ выраженіи и тогда-то становятся достойными принадлежать наслѣдственно человѣческому роду».

Едва окончилъ онъ ораторскій свой періодъ, является носильщикъ. Глубокій вздохъ вылетѣлъ изъ груди наслѣдницы Іакова; ей не хотѣлось бы возвратиться въ городъ пѣшкомъ... Но деньги... ими-то нуждались потомки великихъ предковъ... Они вознамѣрились медленными стопами шествовать въ свои жилища и дорогою условились принести жертву на алтарѣ Гименея. Усердный другъ, какой-то литераторъ, согласился быть свидѣтелемъ брачнаго обряда. Такъ, Лудовикъ XIV въ присутствіи двухъ брадобрѣевъ, людей неизвѣстныхъ въ мірѣ, вступилъ въ союзъ съ госпожею Ментенонъ въ домашней церкви дюка Бургон-

скаго. Честный стихотворецъ, пріятель новобрачныхъ, заказалъ умѣренный ужинъ въ улицѣ Мясниковъ; онъ же сдѣлалъ всѣ другія приготовленія къ бракосочетанію сихъ знаменитыхъ особъ, и онъ же ссудилъ ихъ камышевою постелью.

VI.

Предслава и Добрыня.

(Старинная повѣсть).

Древній Кіевъ утопалъ въ веселіи, когда гонецъ принесъ вѣсть о побѣдѣ надъ Печенѣгами. Скачетъ всадникъ за всадникомъ, и послѣдній возвѣщаетъ приближеніе побѣдоноснаго войска. Шумными толпами истекаютъ Кіевцы чрезъ врата сѣверныя; радостный гласъ цѣвницъ и восклицаній народныхъ раздается по холмамъ и долинамъ, покрытымъ снѣгомъ и веселою апрѣльскою зеленью. Пыльное облако уже показалось въ отдаленіи; оно приблизилось, разсѣялось и обнажило стальные доспѣхи и распущенные стяги войска, пылающіе отъ лучей утренняго солнца. Владиміръ, счастливый Владиміръ ведетъ рать свою, и красныя дѣвы сыплютъ предъ конемъ его цвѣты и травы весенніе. Въ устройствѣ ратномъ проходитъ дружина, тихо и торжественно, рядъ за рядомъ, и шумныя толпы восторженныхъ Кіевцевъ безпрерывно восклицаютъ: «Да здравствуетъ побѣдитель Печенѣговъ, храбрый Владиміръ!»

Герой, по обычаю древнему, преклонилъ мечъ свой къ землѣ, благосклонно поклонился народу и сказалъ богатырскимъ голосомъ: «Честь и слава Добрынѣ! Онъ

избавитель мой!» Богатырь, сидящій на борзомъ конѣ своемъ, отрѣшилъ златую запону забрала, снялъ шлемъ и открылъ голову предъ народомъ и Владиміромъ въ знакъ почтенія и благодарности.

Слезы блистали въ очахъ его; черныя кудри, колеблемыя дыханьемъ вѣтра, развѣвались по плечамъ, и правая рука его лежала на сердцѣ. Восторженные Кіевляне снова воскликнули: «Честь и слава Добрынѣ и всей дружинѣ русской!» Цвѣты посыпались на юношу изъ рѣзныхъ кошницъ прекрасныхъ женъ и дѣвъ кіевскихъ, и эхо разнесло по благоуханной долинѣ, гдѣ видны были развалины храма, посвященнаго вѣчноюной Зимцерлѣ: «Честь и слава дружинѣ!»

Супруга Владиміра, прекрасная царевна Анна, и дочь ея, Предслава, выходятъ на встрѣчу къ великому князю. Онъ простираетъ къ нимъ свои руки, попеременно прижимаетъ къ стальной бронѣ, подъ которой билось нѣжное сердце, то супругу, то дочь свою, и всѣ труды ратные забыты въ сію сладкую минуту свиданія! Владиміръ указываетъ имъ на Добрыню: «Вотъ избавитель мой!» говоритъ онъ, обращаясь къ супругѣ, къ царедворцамъ и сѣдовласымъ мудрецамъ греческимъ, притекшимъ съ царевною изъ Царяграда. «Вотъ избавитель мой!» продолжаетъ великій князь.—«Когда единоборство съ исполиномъ печенѣгскимъ кончилось побѣдою, когда войска мои ринулись во слѣдъ бѣгущимъ врагамъ, тогда я, увлеченный побѣдою, скакалъ по грудамъ тѣлъ и вторгся въ толпу отчаянныхъ враговъ. Мечи ихъ засверкали надо мной, стрѣлы пробили шлемъ и щитъ; смерть была неизбѣжна. Но Добрыня разсѣялъ лтоны враговъ, вторгся въ средину ужасной сѣчи: онъ спасъ меня! Чѣмъ и какъ заплачу ему?»

Слезы благодарности заблистали въ очахъ прекрас-

ной Анны; она подала супругу своему и Добрынѣ правую и лѣвую руку и повела ихъ по узорчатымъ коврамъ въ высокій теремъ княжескій. Предслава взглянула на Добрыню, и ланиты ея запылали, подобно алой зарѣ предъ утреннимъ солнцемъ; и длинныя рѣсницы ея покрылись влагою, какъ у стыдливой дѣвы, взглянувшей на жениха своего при блескѣ брачныхъ свѣтильниковъ.

Прекрасна ты была, княжна Кіевская! Осѣненная длинною фатою, ты была подобна стыдливому мѣсяцу, когда онъ сквозь тонкій туманъ смотритъ на безмолвныя долины и на синій Днѣпръ, сверкающій въ просѣкахъ дубовыхъ. Но отчего сильно бьется дѣвическое сердце твое подъ парчами и златою дымкою? Отчего бѣлая грудь твоя волнуется, какъ лебедь на заливахъ Чернаго моря, когда полуденный вѣтеръ расколыхаетъ воды его? Отчего глаза твои блистаютъ огнемъ, когда они невольно обращаются на прекраснаго витязя? Ахъ, и Добрыня давно любилъ тебя! Давно носилъ образъ твой въ сердцѣ, въ пламенной груди своей, покрытой тщетно стальною кольчугою! Повсюду образъ твой, какъ тайный призракъ, за нимъ слѣдовалъ: и на потѣшныхъ играхъ, гдѣ легкія копья ломаются въ честь красныхъ женъ и дѣвъ кіевскихъ, и на войнѣ противъ Ляховъ и Половцевъ, на страшныхъ битвахъ, гдѣ стрѣлы свистятъ какъ вихри, и острые мечи, ударяя по шлемамъ, наносятъ глубокія раны. Давно уже богатырь любилъ красавицу; но никогда не являлась она ему столь прелестною, какъ въ сіи минуты славы и радостей народныхъ. Тщетная любовь, источникъ слезъ и горести! Все разлучаетъ тебя съ возлюбленной: и высокій санъ ея, и слава Владиміра, и слава предковъ красавицы, повелителей Царяграда! Ты знаешь сіе,

несчастный Добрыня, знаешь и—любишь. Но сердце твое чуждо радостей, чело твое мрачно посреди веселій и торжествъ народныхъ. Какъ дерево, котораго соки погибли отъ морозовъ и непогодъ зимнихъ, не воскресаетъ съ весною, не распускаетъ отъ вешняго дыханія молодыхъ листковъ и почекъ, но стоитъ уныло посреди холмовъ и долинъ бархатныхъ, гдѣ все нѣжится и пируетъ, такъ и ты, о витязь, часто мраченъ и безмолвенъ стоишь посреди шумной гридницы, опершись на булатное копье. Все постыло для тебя: и красная площадь, огражденная высокимъ тыномъ (поприще словутыхъ подвиговъ), и столы дубовые, на которыхъ блестятъ кубки и златыя чары съ медомъ искрометнымъ и заморскими винами: все постыло для тебя: турій рогъ недвижимъ въ рукѣ богатырской, и унылые взоры твои ничѣмъ не прельщаются, ниже плясками юныхъ Гречанокъ [1]), подругъ Предславиныхъ, которыя, раскинувъ черныя кудри свои по плечамъ, подобнымъ въ бѣлизнѣ снѣгамъ Скандинавіи, и сплетясь рука съ рукою, увеселяютъ слухъ и взоры Владиміра разнообразными хороводами и нѣжнымъ, протяжнымъ пѣніемъ. Онѣ прекрасны, подруги Предславины... Но что звѣзды вечернія предъ краснымъ мѣсяцемъ, когда онъ выходитъ изъ-за рощи въ величіи и въ полной славѣ?

Долго ли таиться любви, когда она взаимна, когда

[1]) Извѣстно по исторіи, что въ княженіе Владиміра I находилось множество Грековъ при его дворѣ. Скажемъ мимоходомъ, что мы не позволяли себѣ большихъ отступленій отъ исторіи; но просимъ читателя не забыть, что повѣсть не лѣтопись. Здѣсь вымыслъ позволенъ. Относительно къ баснямъ

Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable

принимается въ другомъ значеніи.

все питаетъ ее, даже самая робость любовниковъ? Тогда сердца подобны двумъ ручьямъ, которые невольно, какъ-будто влекомые тайною силою, по покатамъ долинъ и отлогихъ холмовъ ищутъ другъ друга, сливаются воедино, и дружныя воды ихъ составляютъ единую рѣку, тихую и прозрачную, которая по долгомъ и счастливомъ теченіи исчезаетъ въ моряхъ неизмѣримыхъ. Счастливы они, если не найдутъ преградъ въ своемъ теченіи!

Такъ красавица и рыцарь невольно, неумышленно прочитали во взорахъ, въ молчаніи и въ словахъ отрывистыхъ, имъ однимъ понятныхъ, взаимную страсть. Они не видѣли подъ цвѣтами ужасной пропасти, на вѣки ихъ разлучающей, ибо она засыпана была руками двухъ сильныхъ волшебницъ, руками любви и надежды! Предслава не помышляла объ опасности. Добрыня тогда только ужасался своей страсти, тогда только сердце его заливалось кровью, когда прекрасная Анна, мать его возлюбленной, обращала къ нему привѣтливую рѣчь, или когда Владиміръ выхвалялъ посламъ чуждыхъ народовъ силу и храбрость своего избавителя. Юноша страшился неблагодарности.

Теремъ младой княжны былъ отдѣленъ отъ высокихъ теремовъ Владиміра. Длинные деревянные переходы, украшенные рѣзьбою, соединяли сіи зданія. Вѣковые дубы, насажденные руками отважнаго Кія,—какъ говоритъ преданіе—осѣняли уединенную обитель красавицы. Часто весенніе вечера она просиживала на высокомъ крыльцѣ, опершись рукою на дубовыя перилы; часто взоры ея стремились въ синюю даль, гдѣ высокіе холмы, величественно возвышаясь одинъ надъ другимъ, непримѣтно сливались съ небесной лазурью; часто, отдаливъ усердныхъ прислужницъ, одна среди безмолвія ночнаго, она предавалась сладкимъ мечтаніямъ

дѣвическаго сердца, мечтаніямъ, которыя невольно украшались образомъ Добрыни. Когда мѣсяцъ осребрялъ высокіе верхи дубовъ и кленовъ, и тихое дыханіе полночи колебало листы, перебирая ихъ одинъ послѣ другаго, тогда Предславу обнималъ ужасъ. Ей мечталось видѣть Добрыню. Она вперяла прилежно слухъ и взоры; но все было тихо, безмолвно, мечта изчезала, а съ ней и тайный, но сладостный страхъ. Такъ младая княжна питала тоску и любовь свою, когда Добрыня воевалъ Печенѣговъ съ великимъ княземъ Владиміромъ. Она переносилась мысленно на поля, обагренныя кровью: опасности, окружающія отца ея, ужасали сердце красавицы; но при мысли, что Добрыня падетъ подъ мечемъ или булавою варвара, сердце ея обливалось кровью, тяжко поднималась высокая грудь, и слезы падали обильною росою на златошвейныя ткани.

Теперь сіи деревянные переходы, осѣненные тѣнію столѣтнихъ дубовъ, сія тайная обитель невинности, учинилась свидѣтельницею ея радости. Страстный витязь позабылъ и страхъ, и благодарность: все забыто, когда сердце любитъ.

Витязь, въ часы туманной полуночи, приходилъ къ княжнѣ, и тамъ, у ногъ ея, повѣрялъ ей сердечную тоску и мученія, клялся въ вѣрности и утопалъ въ счастіи. Но любовники были скромны. Тихъ и ясенъ ручей при истокѣ, но скоро, возрастая собственными водами, становится быстръ, порывистъ, мутенъ. Такова любовь при рожденіи, таковы и наши любовники.

Между тѣмъ всѣ народы покорялись великому князю. И воинственные жители Дуная, и дикіе Хорваты, сыны густыхъ лѣсовъ и пустынь, и Печенѣги, піющіе вино изъ череповъ убіенныхъ враговъ на сраженіи, всѣ платили дань христіанскому владыкѣ. Народы странъ сѣ-

верныхъ, жители туманныхъ береговъ Варяжскаго моря, обитатели неизмѣримой и безплодной Біарміи страшились и почитали Владиміра. Многіе владѣльцы желали вступить въ бракъ съ Предславою, желали, но тщетно, ибо они были всѣ служители идоловъ или поклонники Магомета.

Часто на холмахъ, окружающихъ Кіевъ, неизвѣстный витязь становилъ златоглавый шатеръ и вызывалъ на единоборство богатырей кіевскихъ. Ристалище открывалось, и пришлецъ, почти всегда побѣжденный, со стыдомъ удалялся въ свое отечество. Витязи иноплеменные ежедневно увеличивали дворъ Владиміровъ. Межь ними блистали красотой и храбростью Гориславъ Ляхскій, юноша прекрасный, какъ солнце весенняго утра, храбрый Стефанъ Угорскій и сильный Андроникъ Чехскій, покрытый косматой кожей медвѣдя, котораго онъ задавилъ собственными руками въ безплодныхъ пустыняхъ, орошенныхъ Вислою. Всѣ они требовали руки Предславиной, всѣ состязалися съ богатырями кіевскими и угощаемы были подъ богатыми наметами гостепріимнымъ Владиміромъ. «Не наживу друзей сребромъ и золотомъ», говорилъ онъ,—«нѣтъ, а друзьями наживу, по примѣру дѣда и отца моего, сокровища и славу!»

Но ужасная туча сбиралась надъ главами нашихъ любовниковъ. Радміръ, сынъ князей Болгарскихъ, владыка христіанскаго поколѣнія, спѣшитъ заключить союзъ съ народомъ Русскимъ и тайно требуетъ руки Предславиной. Владиміръ принимаетъ богатые дары его и даетъ ласковый отвѣтъ посланнику болгарскому: Радміръ вскорѣ является на берегахъ днѣпровскихъ. Десять ставокъ, одна другой богатѣе, блистаютъ при восходѣ солнечномъ, и сіи ставки принадлежатъ Радміру,

который, окруженный блистательной толпою витязей дунайскихъ, вступаетъ въ терема княжескіе. Видъ его былъ величественъ, но суровъ: взоры проницательны, но мрачны; стройный станъ его былъ препоясанъ искривленнымъ мечемъ, руки обнажены; грудь покрыта легкою кольчугой, а внизъ раменъ висѣла кожа ужаснаго леопарда. Предслава увидѣла незнакомца, и сердце ея затрепетало отъ тайнаго предчувствія.

Невольный румянецъ, замѣняемый смертною блѣдностію, обнажали страсти, волнующія грудь красавицы. Взоры ея искали Добрыни, который безгласенъ, блѣденъ стоялъ въ толпѣ царедворцевъ; но надменный Радміръ толковалъ въ свою пользу явное смущеніе красавицы и, ободренный своимъ заблужденіемъ: «Повелитель земли Русской», сказалъ онъ,—«тебѣ извѣстны храбрыя поколѣнія Болгаровъ, населяющихъ обильные берега Дуная. Мечъ храбрыхъ Славянъ не одинъ разъ притуплялся о сіе желѣзо (указывая на свой мечъ); не одинъ разъ лилась кровь обоихъ народовъ, народовъ равно славныхъ и воинственныхъ, отъ которыхъ трепеталъ и западъ, и поколѣнія сѣверныя: ибо гдѣ не извѣстна храбрость Болгаръ и Славянъ! Храбрые Россы унизили надменныя стѣны Царяграда; ты разсѣялъ въ прахъ стѣны корсунскія. Мечемъ предковъ моихъ избиты безчисленныя полчища Грековъ, ими выжженъ градъ, носившій имя древняго Ореста. Мудрые предки мои приняли вѣру истиннаго Бога [1]), и ты, Владиміръ, отвергъ служеніе идоловъ, и ты капища претворилъ во храмы. Я желаю твоего союза, о повелитель земли

[1]) Болгары были магометанскаго исповѣданія, но не всѣ; ибо императоръ Михаилъ, побѣдивъ ихъ, принудилъ принять христіанскую вѣру (смотри Нестора). Они же разорили Адріанополь, носившій въ древности имя основателя своего Ореста (и объ этомъ упоминаетъ Несторъ).

Русской! Соединенные народы наши воедино удивятъ подвигами вселенную, расширятъ за Уралъ предѣлы твоего владычества... У твоего знамени будутъ сражаться мои воины. Мечъ мой будетъ твоимъ мечемъ... Но да введу въ домъ престарѣлаго отца моего твою дочерь, да назову Предславу супругою!.. Владиміръ, я ожидаю благосклоннаго отвѣта».

Царедворцы и младые витязи русскіе съ негодованіемъ взирали на гордаго Радміра; они съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшительнаго отказа. Но тѣ изъ нихъ, которые посѣдѣли не на полѣ ратномъ, а въ служеніи гридницы, лучше знали сердце своего владыки: они прочитали во взорахъ его совершенное согласіе, и хитрая ихъ улыбка одобрила рѣчь надменнаго Радміра. Рѣшительность въ битвахъ, пылкая храбрость и духъ величія болгарскаго владыки, духъ, алкающій славы и подвиговъ, давно были извѣстны Владиміру; гордыя слова, гордый и величавый видъ его напоминали ему о годахъ его юности, и наконецъ, союзъ двухъ народовъ, доселѣ непріязненныхъ, но равно храбрыхъ и сильныхъ, союзъ двухъ народовъ, скрѣпленный бракомъ Предславы, долженствовалъ возвеличить княжество Русское,—и мудрый Владиміръ подалъ руку свою въ знакъ согласія. Красавица безмолвна, блѣдна, какъ жертва, обреченная року, склонясь на руку прекрасной Анны, робкими, медленными шагами приблизилась къ своему отцу, который подалъ ей чашу пиршества, исполненную сладкаго меда. Совершается древній обрядъ праотцевъ: женихъ принимаетъ чашу изъ рукъ стыдливой невѣсты и выпиваетъ до дна сладостный напитокъ.

Десять дней сряду солнце кіевское освѣщаетъ радушные пиры въ теремахъ княжескихъ. Десять дней сряду все торжествуетъ и радуется. Но красавица про-

ливаетъ слезы на лоно матери: единственное утѣшеніе въ горести! Часто ужасная тайна готова вылетѣть изъ груди ея и всегда замираетъ на робкихъ устахъ. Анна приписываетъ къ нѣжности сердечной тоску дочери своей, и слезы ея текутъ съ слезами красавицы. Но гордый Радміръ, познавшій въ первый разъ любовь, близокъ проникнуть ужасную тайну. Съ негодованіемъ взираетъ на слезы и силится подавить въ глубинѣ сердца своего ужасную страсть — ревность, спутницу пламенной любви.

Между тѣмъ настаетъ великій день, посвященный играмъ богатырскимъ. При восходѣ лучезарнаго солнца, голосъ бранной трубы раздается въ заповѣдныхъ лугахъ, и на возвышенномъ мѣстѣ, устланномъ коврами вавилонскими (похищенными при взятіи Корсуня), возвышается высокій наметъ княжескій. Тамъ возсѣдаетъ Владиміръ съ супругою и прекрасною Предславой. Тамъ, подъ другими шатрами, засѣдаютъ старцы и жены кіевскіе. Изъ нихъ старѣйшины называются судьями тризны, ибо награда храбраго искони принадлежала мудрости и красотѣ. Народъ стекается за ставками, и безчисленныя толпы его покрываютъ ближнія возвышенія. Посреди ратнаго мѣста пѣшіе и конные витязи ожидали знака для начатія игръ. Грозный Роальдъ, витязь новгородскій, возвышался межь ними, какъ древній дубъ посреди низкаго кустарника. Юный Переяславъ, богатырь низкаго рода, но низвергнувшій разъяреннаго вола, Переяславъ, побѣдившій исполина Печенѣговъ, гордился чудесной силою. Онъ былъ пѣшъ; кожа безобразнаго звѣря, имъ растерзаннаго, развѣвалась на широкихъ его раменахъ. Тяжелая сѣкира, которую и три воина нашего вѣка едва ли поднять могутъ, лежала на правомъ плечѣ богатыря. Онъ ожидалъ

борца и громкимъ голосомъ вызывалъ на поединокъ всѣхъ витязей, вызывалъ—тщетно! Всякой страшился неестественной его силы. Гордый Свенальдъ, древлѣ пришедшій съ отлогихъ береговъ озера Нево, Свенальдъ воевода Владиміровъ, являлся въ толпѣ витязей въ бронѣ вороненой, въ желѣзномъ шеломѣ, на которомъ вѣтеръ развѣвалъ широкія крылья орлиныя. Израненная грудь его, на которой струилась сѣдая брада, черный шлемъ, исполинское копье и щитъ величины необычайной напоминали Кіевцамъ о товарищѣ отважнаго Святослава. Но межь вами, о витязи, находилась славная воительница, притекшая съ береговъ баснословнаго Термодона [1]). Высокая грудь ея, гдѣ розы сочетались съ свѣжими лиліями, грудь ея, подобная двумъ холмамъ чистѣйшаго снѣга, покрыта была легкою тканью. Черные власы красавицы, едва удержанные златою повязкой, развѣвались волною по плечамъ, за которыми звенѣлъ рѣзной тулъ, исполненный стрѣлъ. Нетерпѣливый конь ея, легкій какъ вѣтръ, былъ покрытъ кожею ужаснаго леопарда; ноги его воздымали облако праха; златыя бразды его, омоченныя пѣною, громко звенѣли, и онъ, казалось, гордился своею всадницею. Мечъ, кованный въ Дамаскѣ, блисталъ въ правой рукѣ ея, а лѣвая покрыта была щитомъ серебра литаго. Все въ ней обличало дѣву: и гибкій станъ, подобный пальмѣ или стеблю лилейному, и маленькая нога, обутая въ багряный полусапогъ; но рука ея—страхъ врагамъ и дерзкимъ витязямъ! Кіевцы, пораженные новымъ для нихъ зрѣлищемъ, громко выхваляли красавицу, и сердце, гордое сердце дѣвицы, сильно билось отъ радости.

[1]) Конечно—Царь-дѣвица.

Но Добрыня явился, и всѣ взоры на него обратились, и ланиты Предславы запылали розами. Витязь вошелъ въ толпу, одѣтый тонкимъ панцыремъ, на которомъ блистала голубая повязка, тайный подарокъ его любезной. Бѣлыя перья развѣвались на его шлемѣ. Мечъ-кладенецъ висѣлъ на широкомъ поясѣ у лѣвой бедры. По поданному знаку изъ шатра княжескаго, юные гридни подвели ему коня, на которомъ Владиміръ воевалъ въ молодости. Давно уже никто не сѣдлалъ его, давно уже на свободѣ топталъ онъ траву въ заповѣдныхъ лугахъ кіевскихъ. Преданіе говоритъ, что конь сей былъ нѣкогда посвященъ Свѣтовиду и имѣлъ даръ пророчества [1]). Въ знакъ дружбы своей, Владиміръ его отдаетъ витязю. Добрыня смѣло вложилъ ногу въ златое стремя: конь почувствовалъ сѣдока, преклонилъ смиренно дикую свою голову и радостнымъ ржаніемъ огласилъ луга и долины.

Знакъ былъ поданъ старѣйшинами, и взоры устремились на высокую мѣту, поставленную на концѣ поприща. Къ ней былъ привязанъ быстрокрылый соколъ.

Стрѣлки отдѣлились, и въ числѣ ихъ прекрасная воительница. Златый лукъ зазвенѣлъ въ ея рукахъ, и стрѣла помчалась по воздуху; но тщетное остріе ударилось въ дерево, зашаталось, и устрашенная птица затрепетала крыльями. Юный Гориславъ вынулъ каленую стрѣлу, и пернатая, пущенная изъ сильныхъ рукъ его, разсѣкла воздухъ пламенною стезею. Такъ пролетаетъ молнія или звѣзда воздушная по синему небу! Стрѣла перерѣзала нити, которыми былъ привязанъ соколъ, и птица, свободная отъ узъ, быстро полетѣла надъ гла-

[1]) Конь бога Свѣтовида имѣлъ даръ пророчества. Смотри Мнеологію Славянъ г. Кайсарова.

вами зрителей. Добрыня натягиваетъ лукъ свой, пускаетъ мѣткую стрѣлу... И соколъ лежитъ у ногъ Предславы, и народъ восклицаетъ: «Честь и слава Добрынѣ!» А сердце красавицы утопало въ веселіи.

Изводятъ на поприще дикаго вола, воспитаннаго на пажитяхъ черкасскихъ: ужасная глава его, вооруженная крутыми рогами, поникла къ землѣ; взоры дикіе и мутные обращены были на толпу, которая раздалась въ ту и другую сторону. Андроникъ, дерзкій витязь, желая разъярить чудовище, вонзилъ въ ребра его легкое копье; остріе впилось, древко зашаталось, и черная кровь хлынула рѣкою. Разъяренный волъ бросается на толпу; тяжелыя ноги его вздымаютъ къ небесамъ облако праха и пыли; пышетъ черный дымъ, искры сыплются изъ глубокихъ его ноздрей, и страшный ревъ, подобный грому, оглушаетъ устрашенныхъ зрителей. Между тѣмъ отрокъ Переяславъ исторгается изъ толпы и сильными мышцами ухватываетъ за рога дикаго звѣря. Начинается ужасная борьба. Трижды разъяренный волъ опрокидывалъ богатыря и давилъ его своею громадою; трижды богатырь опрокидывалъ звѣря, и ноги его, подобныя столбамъ тяжелаго зданія, глубоко входили въ песокъ. Наконецъ, храбрый юноша, уже близкій къ погибели, вскакиваетъ на хребетъ его, обхватываетъ жилистыми руками... и чудовище, изрыгая ручьи кровавой пѣны, падаетъ бездыханно. Богатырь, покрытый пылью и потомъ, однимъ махомъ сѣкиры своей отрубаетъ ужасную голову чудовища, приподымаетъ ее за крутые рога и бросаетъ къ ставкѣ княжеской. Прекрасныя княжны ужаснулись, а Кіевцы, удивленные симъ новымъ и чудеснымъ зрѣлищемъ, провозглашаютъ богатыря побѣдителемъ.

Радміръ, сохраняя глубокое молчаніе, стоялъ близь ставки княжеской. Онъ желаетъ сорвать пальму побѣды,

требуетъ позволенія войдти въ толпу храбрыхъ и въ тайнѣ сердца своего полагаетъ совершить побѣду надъ Добрынею.

Начинаются игры не менѣе опасныя, но въ которыхъ сила и храбрость должны уступить искусству; всадники раздѣляются на двѣ стороны; каждый изъ нихъ выбираетъ соперника; Радміръ назначилъ Добрыню, и витязь благословляетъ сей выборъ! Въ рукахъ его и жизнь, и слава соперника; въ рукахъ Предславы награда побѣдителю—златый кубокъ, чудо искусства греческихъ художниковъ.

Разъѣзжаются по широкой равнинѣ: легкіе кони летятъ какъ вихри, одинъ на встрѣчу другому, копья ударились въ щиты. Добрыня удвояетъ удары, и Радміръ, простертый на землѣ, глотаетъ пыль и прахъ! Русскій витязь покидаетъ коня своего, мечъ сверкаетъ въ рукѣ Болгара, удары сыплются на доспѣхи любовника Предславы, звонкіе иверни летятъ съ кольчуги,—мщеніе и гнѣвъ владѣетъ рукою витязей, равно храбрыхъ и искусныхъ... Но Владиміръ подаетъ знакъ,—и витязи остановились.

Ибо внезапно воздухъ помрачился тучами. Зашумѣли вихри, и громъ трижды ударилъ надъ главами зрителей. Сердца малодушныхъ женъ и старцевъ, которые въ тайнѣ поклонялись мстительному Чернобогу, исполнились ужасомъ. Празднество кончилось: мечи и копья витязей опустились долу; но дождь и снѣгъ безпрестанно шумѣли и наполняли внезапными ручьями путь и окрестную равнину. Порывистый вихрь сорвалъ воткнутыя древки и разметалъ далеко наметы княжескіе. Народъ укрывался подъ развалинами древнихъ капищъ и толпами бѣжалъ къ городу. Анна прижала къ груди своей Предславу и робкою, но поспѣшною

стопою, ведомая Владиміромъ и окруженная вѣрными гриднями, удалялась въ теремъ свой. Гласы бѣгущаго народа, топотъ скачущихъ по полямъ всадниковъ, свистъ разъяренныхъ вихрей, дождь, падающій рѣками, все сіе устрашало прекрасную княжну. Омоченные власы разсыпались по высокому челу ея, вихрь сорвалъ легкіе покровы съ главы, дыханіе ея перерывалось отъ скораго бѣга, и она, изнемогая, почти бездыханна, упала на пути, въ дальнемъ разстояніи отъ Кіева. Анна и Владиміръ спѣшили къ ней на помощь, и Радміръ предложилъ ей коня своего. Сердце Добрыни въ свою очередь запылало ревностью: онъ желалъ бы самъ проводить княжну, желалъ бы... Тщетное желаніе! Ненавистный Болгаръ, женихъ ея, онъ одинъ имѣетъ сіе право. Между тѣмъ служитель Радміровъ подводилъ коня за звучащія бразды; Предслава приблизилась къ нему... Она увидѣла безпокойство Добрыни, прочитала въ глазахъ витязя глубокую печаль его, и горестный вздохъ вылетѣлъ изъ груди прекрасной дѣвицы. Женихъ ей подалъ свою руку... О, счастіе! Нетерпѣливый конь, устрашенный шумною толпою, вырвался изъ рукъ клеврета и стрѣлою изчезъ во мракѣ. Болгарскій князь, снѣдаемый гнѣвомъ, бросился вслѣдъ за нимъ: тщетны были его старанія, и ревность на крилахъ вѣтра заставила его возвратиться къ Предславѣ. Но Добрыня, по приказанію Владиміра, сидѣлъ уже на конѣ съ княжною; уже борзый конь вихремъ уносилъ счастливую чету, и великое пространство поля отдѣляло любовниковъ отъ ревнивца. Сладкія минуты для Добрыни! Красавица обнимала его лилейными руками, сердце ея билось, билось такъ близко его сердца; нѣжная грудь ея прикасалась къ стальной кольчугѣ, дыханіе ея смѣшивалось съ его дыханіемъ (ибо витязь безпрестанно

обращалъ къ ней голову свою), и лице ея, омоченное хладными ручьями дождя и снѣга, разгорѣлось, какъ сильное пламя... Конь мчался вихремъ... И витязь въ первый разъ въ жизни сорвалъ продолжительный, сладостный поцѣлуй съ полуотверстыхъ устъ милой всадницы. Гибельный поцѣлуй! Онъ разлился какъ огнь, глубоко проникъ въ сердце и затмилъ свѣтлыя очи красавицы облакомъ любви и сладострастія. Она невольно преклонила голову свою на плечо витязя, подобно нѣжному маку, отягченному излишними каплями майской росы. Благовонные власы ея, развѣваемые дыханіемъ вѣтровъ, касались ланитъ счастливаго любовника; онъ осыпалъ ихъ сладкими поцѣлуями, осушалъ ихъ своимъ дыханіемъ, и упоеніе обоихъ едва ли кончилось, когда быстрый конь примчался къ терему Владиміра, когда онъ трижды ударилъ нетерпѣливымъ копытомъ о землю, и прислужницы княжескія вышли имъ на встрѣчу съ пылающими свѣтильниками.

Владиміръ возвратился въ высокіе терема и тамъ нашелъ печальную и блѣдную Предславу. Ахъ, если бы матерь ея, которой ласковыя руки осушали омоченные волосы дочери, еслибъ матерь знала, какая буря свирѣпствовала въ ея сердцѣ, отчего лиліи покрыли блѣдностію чело и ланиты, отчего высокая грудь красавицы столь томно волнуется подъ покровами!..

Но вскорѣ княжна, окруженная подругами, скрылась въ теремъ свой, ибо глубокая ночь уже давно покрывала землю. Добрыня, увлеченный любовію, забывъ и долгъ, и собственную безопасность, Добрыня, пользуясь ночнымъ мракомъ, поспѣшилъ къ терему красавицы. Все начинало вкушать сонъ въ чертогахъ княжескихъ, но буря не умолкала. Ужасно скрыпѣли древніе дубы, осѣняющіе мирную обитель красоты, и градъ шумѣлъ

безпрестанно, падая на деревянный кровъ терема. Тусклый свѣтъ ночной лампады едва мерцалъ сквозь густыя вѣтви, и богатырь, стоящій на сырой землѣ, сохранялъ глубокое молчаніе. Онъ желалъ отличить образъ Предславы, мелькающій въ окнахъ терема, приблизился и увидѣлъ ее. Тамъ, въ тайномъ уединеніи, освѣщенная лучемъ лампады, являлась она посреди своихъ прислужницъ, подобно дѣвѣ, посвященной служенію Знича, подобно жрицѣ, когда она въ глубокую ночь, уклонившись въ муромскія убѣжища, медленно приближается къ жертвеннику, на которомъ пылаетъ неугасаемое пламя, медленно снимаетъ предъ тайнымъ божествомъ дѣвственные покровы и совершаетъ неисповѣдимые обряды.

Какъ билось сердце твое, храбрый юноша, когда красавица, отдаливъ подругъ, отрѣшила узлы таинственныхъ покрововъ! Какъ билось сердце твое, несчастный и вмѣстѣ счастливѣйшій изъ смертныхъ, когда рука ея обнажила грудь, подобную двумъ глыбамъ чистѣйшаго снѣга, когда волосы ея небрежно разсыпались по высокому челу и по алебастровымъ плечамъ! Нѣтъ, не въ силахъ языкъ человѣческій изобразить страстей, пылающихъ въ груди нашего рыцаря! Но вы, пламенные любовники, перенеситесь мыслями въ тѣ времена страстей и блаженства, когда случай или любовь, властительница міра (ибо и случай ей покорствуетъ), когда любовь открывала предъ вами свои таинства; вы, счастливцы, можете чувствовать блаженство Добрыни!

Робкій голосъ его называлъ имя Предславы, и вѣтеръ трижды заглушалъ его. Наконецъ, красавица услышала: встревоженна, приблизилась къ окну и при блѣдномъ лучѣ свѣтильника узнала его. Долго смотрѣла она, какъ вѣтеръ развѣвалъ черныя его кудри, какъ

снѣгъ сыпался медленно на открытую голову возлюбленнаго; долго въ недоумѣніи глядѣла она... и наконецъ сожалѣніе (преданіе говоритъ: любовь), владѣя робкою рукой, тихонько отодвинуло желѣзные притворы терема—и витязь упалъ къ ея ногамъ! «Что ты дѣлаешь?» сказала прекрасная,—«что ты дѣлаешь, несчастный? Бѣги отъ меня, сокройся, пока мстительный богъ... Ахъ, я на вѣки твоей не буду! Небо разлучаетъ насъ». «Люди разлучаютъ насъ», прервалъ ее Добрыня;—«люди разлучаютъ два сердца, созданныя одно для другаго, въ одинъ часъ, подъ одной звѣздою, созданныя, чтобы утопать въ блаженствѣ или глубоко, глубоко лежать въ сырой землѣ, но лежать вмѣстѣ, неразлучно!» «Удались, заклинаю тебя...» «Ахъ, Предслава, ты моя навсегда... Женихъ твой, сей Болгаръ, долженъ упасть отъ меча храбраго!» «Ахъ, что ты хочешь предпринять? А судьба матери моей, а гнѣвъ, неукротимый гнѣвъ великаго князя?..» «Такъ, Предслава: я вижу, ты меня не любишь. Бракъ съ повелителемъ обильныхъ странъ дунайскихъ льститъ твоему честолюбію. Вѣроломная женщина, ты не любишь Добрыню, ты забыла священнѣйшій долгъ, клятвы любви... Но смерть мнѣ остается въ награду за вѣрность!..»

Сіяющій мечъ висѣлъ при бедрѣ героя, правая рука его лежала на златой рукояткѣ; но Предслава, слабая и вмѣстѣ великодушная, Предслава бросилась въ его объятія; горячія слезы текли изъ глазъ ея, слезы любви, растворенныя сердечною тоскою. Любовники долго безмолвствовали. Сама любовь запечатлѣвала стыдливыя уста красавицы; вскорѣ слезы сладострастія заблистали какъ перлы на длинныхъ ея рѣсницахъ, розы запылали на щекахъ, грудь, изнемогая подъ бременемъ любви, едва, едва волновалась, и прерывистый, томный вздохъ, подобный шептанію майскаго вѣтерка, засыпающаго на

цвѣтахъ, вылетѣлъ изъ груди ея, вылетѣлъ... и замеръ на пламенныхъ устахъ любовника.

Быстро мчится время на крилахъ счастія; любовь осыпаетъ розами своихъ любимцевъ, но время прикосновеніемъ хладныхъ крилъ своихъ вскорѣ и самыя розы сладострастія превращаетъ въ терны колючіе! Все безмолвствовало въ обители красавицы. Свѣтильникъ, догорая, изрѣдка бросалъ пламень свой... и она проснулась отъ очарованія среди мрака бурной ночи. Напрасно витязь прижималъ печальную къ груди своей, напрасно пламенныя уста его запечатлѣвали тихое, невольное роптаніе: рука ея трепетала въ рукѣ любовника, слезы лились обильными ручьями, и хладный ужасъ застудилъ послѣдній пламень въ крови печальной любовницы.

Наконецъ, горестный поцѣлуй прощанія соединилъ на минуту души супруговъ. Красавица вырвалась изъ объятій витязя. Добрыня надвинулъ сіяющій шлемъ свой, открылъ двери терема, ведущія на длинные переходы... О, ужасъ, онъ увидѣлъ, при сомнительномъ блескѣ мѣсяца, который едва мелькалъ сквозь облако, увидѣлъ ужасный призракъ... вооруженнаго рыцаря, и сердце его, незнакомое со страхомъ, затрепетало—не за себя, за красавицу.

Предслава упала бездыханна на прагъ свѣтлицы. Но мечъ уже сверкалъ въ рукѣ незнакомца, страшный голосъ его раздался во мракѣ: «Вѣроломные, мщеніе и смерть!» Добрыня, лишенный щита и брони, вооруженный однимъ шлемомъ и острымъ мечемъ своимъ, тщетно отбивалъ удары: тайный врагъ нанесъ ему тяжелую рану, и кровь ударилась ручьями. Богатырь, пылая мщеніемъ, поднялъ мечъ свой обѣими руками; незнакомецъ уклонился—ударъ упалъ на перилы; щепы и искры посыпались, столпы зданія зашатались въ основаніяхъ, и сердце незнакомца исполнилось ужасомъ. Красавица,

пробужденная отъ омрака, бросилась въ объятія Добрыни; тщетно дрожащая рука ея удерживала его руку, тщетно слезы и рыданія умоляли соперника: ревность и мщеніе кипѣли въ лютомъ его сердцѣ. Онъ бросился на Добрыню, и витязь, прижавъ къ окровавленной груди своей плачущую супругу, долго защищалъ ее мечемъ своимъ. Отъ частыхъ ударовъ его разбился шлемъ соперника, иверни падали съ кольчуги, гибель его была неизбѣжна... Но правая нога измѣнятъ несчастному Добрынѣ; онъ скользитъ по помосту, омоченному ручьями дождя и крови, несчастный падаетъ, защищая красавицу, и хладный мечъ соперника трижды по самую рукоять впивается въ его сердце. Свѣтильники, принесенные устрашенными дѣвами, стекающимися изъ терема, освѣтили плачевное зрѣлище... Радміръ (ибо это онъ былъ, сей незнакомецъ, завлеченный ревностію къ терему Предславы), Радміръ довершалъ свое мщеніе. Добрыня, плавая въ крови своей, устремилъ послѣдній, умирающій взоръ свой на красавицу; улыбка, печальная улыбка, потухла въ очахъ его, и имя Предславы вмѣстѣ съ жизнію замерло на устахъ несчастнаго.

Нѣтъ ни жалобъ, ни упрека въ устахъ красавицы. Нѣтъ слезъ въ очахъ ея. Хладна какъ камень, безотвѣтна какъ могила, она бросила печальный, умоляющій взоръ на притекшаго Владиміра, на отчаянную матерь и, прижавъ къ нагой груди своей сердце супруга, пала бездыханна на оледенѣлый его трупъ... какъ лилія, сорванная дыханіемъ непогодъ, какъ жертва, обреченная любви и неизбѣжному року.

На силу досказалъ!

VII.

Путешествіе въ замокъ Сирей.

Письмо изъ Франціи къ Д. В. Дашкову.

Изъ деревни Болонь, лежащей близь города Шомона, я поскакалъ верхомъ въ Сонкуръ, гдѣ ожидали меня баронъ де-Дамасъ и г. Писаревъ, съ которыми на канунѣ уговорился я посѣтить замокъ Сирей и поклониться тѣнямъ Вольтера и его пріятельницы. Въ окрестностяхъ Сирея назначены были квартиры нашему отряду; полки тянулись по дорогѣ, и мы ихъ опередили въ ближнемъ селеніи. Сначала погода намъ вовсе не благопріятствовала: холодный и рѣзкій вѣтеръ наносилъ снѣгъ и дождь; наконецъ небо прояснилось, и солнце освѣтило прекрасныя долины, рощи и горы. Мы проѣхали чрезъ мѣстечко Виньори, гдѣ замѣтили развалины весьма древняго замка на высокомъ утесѣ, который господствуетъ надъ селеніемъ и близь лежащими долинами:

Ein bethürmtes Schloss, voll Majestät,
Auf des Berges Felsenstirn erhöht!

«Кому принадлежитъ этотъ замокъ?» спросилъ я у старика, сидящаго на порогѣ сельскаго домика, тѣсно примыкающаго къ развалинамъ. «Какой-то старой дворянкѣ», отвѣчалъ онъ, приподнявъ красный колпакъ, старый, изношенный, и который, конечно, игралъ боль-

шую ролю въ бурные годы революціи. Это замѣчаніе я сдѣлалъ мимоходомъ и продолжалъ вопросы. «Когда построенъ замокъ?» «Во время Шампанскихъ графовъ, сказывалъ мнѣ покойный дѣдъ [1]). Храбрые рыцари искали здѣсь убѣжища отъ народныхъ возмущеній и укрѣпили замокъ башнями, рвами, палисадами. Время и революція все разрушили. Здѣсь не одна была революція, господинъ офицеръ, не одна революція! Я на вѣку моемъ пережилъ одну; тяжелыя времена... не лучше нынѣшнихъ! Посадили дерево вольности... я самъ имѣлъ честь садить его вотъ тамъ, на зеленомъ лугу... Разорили храмы Божіи... У меня рука не подымалась на злое!.. Но чѣмъ же это все кончилось? Дерево срубили, и надписи на паперти церковной: вольность, братство или смерть мѣломъ забѣлили. Чего я не насмотрѣлся въ жизни? И непріятелей на родинѣ моей увидѣлъ, и съ офицеромъ казачьимъ теперь разговариваю! Чудеса, по совѣсти чудеса!» «Ты разорился отъ войны, добрый старичекъ?» «Много пострадалъ, а бѣдные

[1]) Французы и теперь мало заботятся о древнихъ памятникахъ. Развалины, временемъ сдѣланныя, ничего въ сравненіи съ опустошеніями революціи: бурныя времена прошли, но невѣжество или корыстолюбіе самое варварское пережили и революцію. Одинъ путешественникъ, который недавно объѣхалъ всю полуденную Францію, увѣрялъ меня, что цѣлые замки продаются на свозъ, и такимъ образомъ вдругъ уничтожаются драгоцѣнные историческіе памятники. Напрасно правительство хотѣло остановить сіи святотатства; ничто не помогало, ибо для нынѣшнихъ Французовъ ничего нѣтъ ни священнаго, ни святаго — кромѣ денегъ, разумѣется. Какая разница съ Нѣмцами! Въ Германіи вы узнаете отъ крестьянина множество историческихъ подробностей о малѣйшемъ остаткѣ древняго замка или готической церкви. Всѣ рейнскія развалины описаны съ возможною историческою точностію учеными путешественниками и художниками, и сіи описанія вы нерѣдко увидите въ хижинѣ рыбака или земледѣльца. Притомъ же Нѣмцы издавна любятъ все сохранять, а Французы—разрушать: вѣрный знакъ, съ одной стороны, добраго сердца, уваженія къ законамъ, къ нравамъ и обычаямъ предковъ, а съ другой стороны, легкомыслія, суетности и жестокаго презрѣнія ко всему, что не можетъ насытить корыстолюбія, отца пороковъ.

сосѣди еще болѣе. Мы всѣ желаемъ мира». «О, мы знаемъ это, но императоръ вашъ не желаетъ». «Прямой Корсиканецъ! Знаете ли, что онъ объявилъ намъ?» Здѣсь старикъ покачалъ головою, посмотрѣлъ на меня пристально и, конечно—отъ робости, заикнулся. «Говори, говори!» «Охотно, если прикажете. Императоръ»—это было сказано важнымъ и торжественнымъ голосомъ—«императоръ объявилъ намъ, что онъ не хочетъ трактовать о мирѣ съ плѣнными, ибо онъ почитаетъ васъ въ плѣну. Онъ нарочно завелъ васъ сюда, чтобы истребить до послѣдняго человѣка: это была военная хитрость, понимаете ли?.. военная хитрость, ни что иное... Но вы смѣетесь... И намъ это смѣшно показалось, такъ смѣшно, что мы префекта, пріѣхавшаго сюда съ этимъ объявленіемъ, камнями и грязью закидали. Il s'en souviendra! Но вамъ пора догонять товарищей. Добрый путь, господинъ офицеръ!»

Размышляя о странномъ характерѣ Французовъ, которые смѣются и плачутъ, рѣжутъ ближнихъ, какъ разбойники, и даютъ себя рѣзать, какъ агнцы, я догналъ моихъ товарищей.

Часъ отъ часу дорога становилась пріятнѣе: холмы, одѣтые виноградникомъ и плодоносными деревьями, между коими мелькали пріятные сельскіе домики, напоминали намъ Саксонію, благословенныя долины Дрездена, мѣста очаровательныя! Разговаривая съ товарищами и любуясь красотою видовъ, мы непримѣтно проѣхали нѣсколько миль; каждый замокъ, каждое мѣстечко мы принимали за Сирей и смѣялись своей ошибкѣ. Наконецъ, поворотя вправо съ большой дороги, вдоль по рѣчкѣ Блезъ, мы увидѣли жилище славной нимфы Сирейской, которой одно имя рождаетъ столько пріятныхъ воспоминаній...

Во ста шагахъ отъ селенія возвышается замокъ на высокомъ уступѣ; кругомъ рощи и кустарники. Все просто, но природа все украсила.

Къ замку примыкаетъ англійскій садъ и нѣсколько тѣнистыхъ аллей, къ которымъ никогда не прикасались ножницы, даже въ тѣ времена, когда безжалостный Ленотръ остригалъ боскеты версальскіе, когда послѣдній провинціяльный дворянинъ разсаживалъ по шнуру смиренныя акаціи и овощи въ своемъ огородѣ. Вольтеръ, говоря о замкѣ Сирейскомъ, описывая красоты его окрестностей, кажется—въ письмѣ къ королю Прусскому, прибавляетъ:

Trop d'art me révolte et m'ennuie:
J'aime mieux ces vastes forêts!

Эти лѣса и понынѣ украшаютъ Сирей своею дикостію. Замокъ сохранилъ древнюю наружность; можно отличить новыя постройки и балконы. Они принадлежатъ къ Вольтерову времени. На крутой кровлѣ (à la mansarde) я замѣтилъ нѣкоторыя украшенія и высокія продолговатыя трубы, обложенныя лѣпными изображеніями, похожія на трубы замка Pont-sur-Seine, принадлежащаго Летиціи, матери Наполеона. Мы вошли въ Сирей и удивились обширнымъ заламъ, убраннымъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Наружность того не обѣщала.

Замокъ принадлежитъ г-жѣ де-Семіанъ, женщинѣ весьма умной, нѣкогда прекрасной. Онъ былъ разграбленъ въ революцію, и послѣ того времени все строеніе возобновлено [1]). Къ сожалѣнію, мы нашли мало слѣдовъ прежней обладательницы и ея славнаго друга, который,

[1]) По отступленіи Русскихъ, Сирей былъ снова разграбленъ Французами за то именно, что русскіе варвары его пощадили!

какъ говоритъ Лебрюнъ, утомилъ стогласную Славу.

Въ столовой нѣсколько картинъ, изображающихъ звѣрей и охоту. Эта живопись, довольно пріятная, существовала уже при маркизѣ, и мы смотрѣли на нее съ большимъ удовольствіемъ. Пройдя нѣсколько покоевъ, въ правомъ флигелѣ замка намъ отворили дверь въ залу Вольтерову.

Здѣсь мы нашли большой мраморный каминъ, тотъ самый, который согрѣвалъ Вольтера, нѣсколько новыхъ мебелей: клависинъ, маленькій органъ и два комода. Окны до полу. Двѣ круглыя стеклянныя двери въ садъ; одна изъ нихъ украшена надписями, на камнѣ высѣченными. На фронтонѣ мы прочитали Виргиліевъ стихъ: Deus nobis haec otia fecit, изъ первой эклоги; на косякѣ нѣсколько стиховъ изъ Поне, котораго Вольтеръ всегда любилъ, и наконецъ:

Asile des beaux arts, solitude où mon coeur
Est toujours occupé dans une paix profonde,
C'est vous qui donnez le bonheur
Que promettoit en vain le monde—

стихи, написанные Вольтеромъ въ счастливую минуту наслажденія душевнаго, въ глазахъ божественной Эмиліи, единственной женщины, которую онъ любилъ наравнѣ со славою, которой онъ былъ обязанъ всѣмъ, и которая достойно гордилась дружбою творца Заиры [1]). Изъ оконъ сей залы видны ближнія деревни и два ряда

[1]) Напрасно мы искали въ саду мраморнаго Амура, который нѣкогда стоялъ подъ балкономъ, съ надписью изъ Антологіи: Qui que tu sois, voici ton maître, и пр., которую перевелъ г. Дмитріевъ:

Кто бъ ни былъ ты, пади предъ нимъ:
Былъ, есть иль будетъ онъ владыкою твоимъ!

холмовъ, заключающихъ прелестную долйну, по которой извивается рѣчка Блезъ. Въ глубокомъ молчаніи и я, и товарищи долго любовались пріятнымъ видомъ отдаленныхъ горъ, на которыхъ потухали лучи вечерняго солнца. Можетъ быть, совершенная тишина, царствующая вокругъ замка, печальное спокойствіе зимняго вечера, зелень, кое-гдѣ одѣтая снѣгомъ, высокія сосны и древніе кедры, осѣняющіе балконъ густыми, наклоненными вѣтвями и едва колеблемые дыханіемъ вечерняго вѣтра, наконецъ сладкія воспоминанія о жителяхъ Сирея, которыхъ имена принадлежатъ исторіи, которыхъ имена отъ дѣтства намъ были драгоцѣнны, погрузили насъ въ тихую задумчивость.

«Здѣсь фернейскій мудрецъ», такъ воскликнулъ г. Р-нъ, житель Сирея, прервавъ наше молчаніе,—«здѣсь славнѣйшій мужъ своего вѣка, чудесный, единственный, который, какъ говорятъ, вырѣзывалъ на мѣди для потомства [1]), который все зналъ, все сказалъ [2]), который имѣлъ доброе, рѣдкое сердце, умъ гибкій, обширный, блестящій, способный на все, и наконецъ, характеръ вовсе несообразный ни съ умомъ его, ни съ сердцемъ,— здѣсь онъ жилъ, сей Протей ума человѣческаго; здѣсь во цвѣтѣ лѣтъ своихъ наслаждался онъ уединеніемъ и свободою, которымъ зналъ цѣну, и долго не покидалъ ихъ для коронованной сирены, для рукоплесканій и для прихожей г-жи Помпадуръ. Странный человѣкъ! Онъ многое предвидѣлъ, многое предсказалъ въ политикѣ; но могъ ли онъ предвидѣть, что, нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, вы придете въ замокъ Эмиліи съ оружіемъ въ рукахъ, съ толпою жителей береговъ Волги и людей, піющихъ воды сибирскія, и что тамъ,

[1]) Qui gravoit pour la postérité—выраженіе Паллисота, если не ошибаюсь.
[2]) Qui a tout dit: Шатобріанъ, говоря о Вольтерѣ.

гдѣ маркиза прекрасною рукою поливала макъ, розы и лилеи, кормила голубей ячменемъ, вотъ у этой самой голубятни, что тамъ, гдѣ она любила отдыхать подъ тѣнью древнихъ кедровъ, у входа въ Заирину аллею[1]), гдѣ Вольтеръ у ногъ ея въ восторгѣ читалъ первые стихи безсмертной трагедіи и искалъ похвалъ и одобренія въ голубыхъ глазахъ своей Ураніи, въ божественной ея улыбкѣ,—тамъ, милостивые государи, тамъ вы разставите часовыхъ съ ужасными усами, гренадеръ и козаковъ, которые приводятъ въ трепетъ всю Францію...?»

Мы засмѣялись словамъ г. Р-на, и онъ продолжалъ, понизивъ немного свой голосъ.

«Здѣсь долгое время былъ счастливъ Вольтеръ въ объятіяхъ музъ и попечительной дружбы. Тамъ, гдѣ я обитаю, земной рай, писалъ онъ къ пріятелю своему Теріо. Не мудрено! Представьте себѣ лучшее общество, ученѣйшихъ людей во Франціи, придворныхъ, остроумныхъ поэтовъ, такихъ, напримѣръ, какъ Сенъ-Ламберъ, который умѣлъ соединять любезность съ глубокими свѣдѣніями, философію съ дюдкостію, и въ кругу такихъ людей маркизу, которая умѣла все одушевить своимъ присутствіемъ, всему давала неизъяснимую прелесть,—и вы будете имѣть понятіе о земномъ раѣ Вольтера. Она чудо во Франціи, говорилъ Вольтеръ [2]). Умъ необыкновенный, лице прекрасное, душа ангела, откровенность ребенка и ученость глубокая, все было очаровательно въ этой волшебницѣ! Она, вопреки г-жѣ Жанлисъ, вопреки журналисту Жоффруа и всѣмъ вра-

[1]) И до сихъ поръ одна аллея называется Заириною. Тамъ сочинялъ Вольтеръ свою трагедію.

[2]) «Madame du Châtelet sera comptée au rang des choses qu'il faut voir en France, parmi celles, qu'on y regrettera toujours», писалъ Вольтеръ къ Кейзерлингу.

гамъ философіи, была достойна и пламенной любви Сенъ-Ламбера, и дружбы Вольтера, и славы вѣка своего. Здѣсь маркиза кончила жизнь свою, на лонѣ дружества. Всѣ жители плакали о ней, какъ о нѣжной, попечительной матери. У бѣдныхъ память въ сердцѣ: они еще благословляли прахъ ея, когда литераторы наши начали возмущать его спокойствіе клеветами и постыднымъ ругательствомъ. Но Вольтеръ былъ неутѣшенъ. Вы помните его письмо, въ которомъ онъ изъ Баръ-Сюръ-Оба увѣдомляетъ о болѣзни и потомъ о смерти маркизы. Безпорядокъ этого письма доказывалъ его глубокую горесть. И могъ ли онъ не сожалѣть объ утратѣ единственной женщины, о которой и вы, иностранцы, непріятели, говорите съ любовію, съ уваженіемъ?»

Нашъ учтивый путеводитель продолжалъ бы болѣе рѣчь свою, если бы не позвали къ обѣду.

Столовая была украшена русскими знаменами... Но мы утѣшили пугливыя тѣни Сирейской нимфы и ея друга, прочитавъ нѣсколько стиховъ изъ Альзиры.

Такимъ образомъ примирились мы съ пенатами замка, и съ нѣкоторою гордостію, простительною воинамъ, въ тѣхъ покояхъ, гдѣ Вольтеръ написалъ лучшіе свои стихи, мы читали съ восхищеніемъ оды пѣвца Фелицы и безсмертнаго Ломоносова, въ которыхъ вдохновенные лирики славятъ чудесное величіе Россіи, любовь къ отечеству сыновъ ея и славу меча русскаго.

C'est du Nord à présent que nous vient la lumière.

Отъ сѣвера теперь сіяетъ свѣтъ наукъ.

Обѣдъ продолжался долго. Вечеръ засталъ насъ, какъ героевъ древняго Омера, съ чашею въ рукахъ и въ сладкихъ разговорахъ, основанныхъ на откровен-

ности сердечной, извѣстныхъ болѣе добродушнымъ воинамъ, нежели вамъ, жителямъ столицы и блестящаго большаго свѣта.

Но мы еще воспользовались сумерками: обошли нижнее жилье замка, гдѣ живетъ г-жа де-Семіанъ; осмотрѣли ея библіотеку, прекрасный и строгій выборъ лучшихъ писателей, составляющихъ любимое чтеніе сей умной женщины, достойной племянницы г-жи дю-Шатле: любезность, умъ и красота наслѣдственны въ этомъ семействѣ. Есть другая библіотека въ нижнемъ этажѣ; она, кажется, предоставлена гостямъ. Древнее собраніе книгъ, важное по многимъ отношеніямъ, совершенно расхищено въ революцію. Вольтеровыхъ книгъ и не было въ замкѣ со времени его отъѣзда: по смерти маркизы онъ увезъ съ собою книги, ему принадлежавшія, и нѣкоторыя рукописи. «Надобно ѣхать въ Ферней», говорилъ г. Р-нъ:—«тамъ, можетъ быть, находятся сіи драгоцѣнности». «Надобно ѣхать въ Петербургъ», замѣтилъ справедливо г. Писаревъ, — «въ Эрмитажѣ и рукописи, и библіотека фернейскія».

Стужа увеличилась съ наступленіемъ ночи. Въ Вольтеровой галлереѣ мы развели большой огонь, который не могъ насъ согрѣть совершенно. Передъ нами на столѣ лежали всѣ Вольтеровы сочиненія, и мы читали съ большимъ удовольствіемъ нѣкоторыя мѣста его переписки, въ которыхъ онъ говоритъ о г-жѣ дю-Шатле. Въ шумѣ военномъ пріятно отдохнуть мыслями на предметѣ, столь любви достойномъ. Глубокая ночь застала насъ въ разговорахъ о протекшемъ вѣкѣ, о великой Екатеринѣ, лучшемъ его украшеніи, о ссорѣ короля Прусскаго съ своимъ камергеромъ и пр., у того самаго камина, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Вольтеръ сочинялъ свои посланія къ славнымъ современникамъ

и тѣ безсмертные стихи, для которыхъ единственно проститъ его памяти справедливо раздраженное потомство. Г. Писаревъ былъ въ восхищеніи. Наконецъ, надобно было разстаться и думать о постелѣ. Мнѣ отвели комнату въ верхнемъ жильѣ, весьма покойную, но гдѣ съ трудомъ можно было развести огонь. Старый ключникъ объявилъ мнѣ, что въ этомъ покоѣ обыкновенно живетъ г. Монтескьу, родственникъ хозяйки, весьма умный и благосклонный человѣкъ, и что онъ, ключникъ, радуется тому, что мнѣ досталась его спальня. «Vous avez l'air d'un bon enfant, mon officier», продолжалъ онъ, дружелюбно ударивъ меня по плечу. Прекрасно; но отъ его учтивостей комната мнѣ не показалась теплѣе. Во всю ночь я раскладывалъ огонь, проклиналъ французскіе камины и только на разсвѣтѣ заснулъ желѣзнымъ сномъ, позабывъ и Вольтера, и маркизу, и войну, и всю Францію.

Проснувшись довольно поздно, подхожу къ окну и съ горестью смотрю на окрестность, покрытую снѣгомъ.

Я не могу изъяснить того чувства, съ которымъ, стоя у окна, высчитывалъ я всѣ перемѣны, случившіяся въ замкѣ. Сердце мое сжалось. Все, что было пріятно моимъ взорамъ на канунѣ, и луга, и рощи, и рѣчка, близь текущая по долинѣ между веселыхъ холмовъ, украшенныхъ садами, виноградникомъ и сельскими хижинами, все нахмурилось, все уныло. Вѣтеръ шумитъ въ кедровой рощѣ, въ темной аллеѣ Заириной и клубитъ сухіе листья вокругъ цвѣтниковъ, истоптанныхъ лошадьми и обезображенныхъ снѣгомъ и грязью. Въ замкѣ, напротивъ того, тишина глубокая. Въ каминѣ пылаютъ два дубовые корня и приглашаютъ меня къ огню. На столѣ лежатъ письма Вольтеровы, изъ сего замка писанныя. Въ нихъ все напоминаетъ о

временахъ прошедшихъ, о людяхъ, которые всѣ изчезли съ лица земнаго съ своими страстями, съ предразсудками, съ надеждами и съ печалями, неразлучными спутницами бѣднаго человѣчества. Къ чему столько шуму, столько безпокойства? Къ чему эта жажда славы и почестей? спрашиваю себя, и страшусь найти отвѣтъ въ собственномъ моемъ сердцѣ.

На другой день.

Ввечеру я простился съ товарищами, какъ будто предчувствуя, что ихъ долго, долго не увижу. Печаленъ.

Come navigante
Ch'a detto a dolci amici addio.

На дворѣ ожидалъ меня козакъ съ верховою лошадью. «Поздно мы пустились въ путь!» сказалъ онъ, какъ мертвецъ въ балладѣ. «Что нужды?» отвѣчалъ я,—«дорога извѣстна». Притомъ же....

Вотъ и мѣсяцъ величавой
Всталъ надъ тихою дубравой.

Топотъ конскихъ ногъ раздался по мостовой обширнаго двора. Мы удалились отъ замка... Между тѣмъ ночь становилась темнѣе и темнѣе. Съ трудомъ находили мы дорогу, пробирались по высокимъ горамъ дремучимъ лѣсомъ въ виду древняго замка Виньори, гдѣ Австрійцы расположились биваками, посреди лошадей и высокихъ фуръ, въ различныхъ положеніяхъ, достойныхъ кисти Орловскаго. Одни спокойно спали на соломѣ, которая начинала загораться; другіе распѣвали тирольскія и богемскія пѣсни вокругъ пылающаго пня, который осыпалъ ихъ искрами при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра; другіе оборачивали вертелъ съ большою частью барана, въ ожиданіи товарищей, которые толпились вокругъ маркитанта, разливающаго имъ вино

и водку. Одѣяніе и лица ихъ еще страшнѣе казались, освѣщенныя пламенемъ бивака, и напоминали мнѣ Валленштейновъ лагерь, описанный Шиллеромъ, или сбировъ Сальватора Розы. Изъ Виньори мы поворотили вправо по дорогѣ, проложенной по лѣсу. Поднялась страшная буря: конь мой отъ страху останавливался, ибо вдали раздавался вой волковъ, на который собаки въ ближнихъ селеніяхъ отвѣчали протяжнымъ лаемъ...

Вотъ, скажете вы,—прекрасное предисловіе къ рыцарскому похожденію! Бога ради, сбейся съ пути своего, избавь какую-нибудь красавицу отъ разбойниковъ или заѣзжай въ древній замокъ. Хозяинъ его, старый дворянинъ, роялистъ, если тебѣ угодно, приметъ тебя какъ странника, угоститъ въ залѣ трубадуровъ, украшенной фамильными гербами, ржавыми панцырями, мечами и шлемами; хозяйка осыплетъ тебя ласками, станетъ распрашивать о родинѣ твоей, будетъ выхвалять дочь свою, прелестную, томную Агнесу, которая потупя глаза, покраснѣетъ какъ роза, а за десертомъ, въ угожденіе родителямъ, запоетъ древній романсъ о древнемъ рыцарѣ, который въ бурную ночь нашелъ пристанище у невѣрныхъ.... и проч. и проч. и проч. Напрасно, милый другъ! Со мной ничего подобнаго не случилось. Не стану слѣдовать похвальной привычкѣ путешественниковъ, не стану украшать истину вымыслами, а скажу просто, что, не желая ночевать на дорогѣ съ волками, я пришпорилъ моего коня и благополучно возвратился въ деревню Болонь, откуда пишу эти строки въ сладостной надеждѣ, что онѣ напомнятъ вамъ о странствующемъ пріятелѣ. Сказанъ походъ; вдали слышны выстрѣлы. Простите!

26-го февраля 1814 года.

VIII.

Письмо къ И. М. Муравьеву-Апостолу

о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева.

Перечитывая снова рукописи и сочиненія М. Н. Муравьева (изданныя по его кончинѣ, Москва, 1810), я осмѣлился сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Двѣ причины были моимъ побужденіемъ. Вамъ будетъ пріятно, м. г., бесѣдовать со мною о незабвенномъ мужѣ, котораго утрата была столь горестна для сердца вашего. Все тѣснѣе и тѣснѣе связывало васъ съ покойнымъ вашимъ родственникомъ. Самая дружба питалась, возвеличивалась взаимною любовію къ музамъ, единственнымъ утѣшительницамъ сей бурной жизни. Она украсила дни цвѣтущей молодости вашей и позднимъ лѣтамъ приготовила сладостныя воспоминанія. Конечно, каждый стихъ, каждое слово Виргилія напоминаетъ вамъ о незабвенномъ другѣ вашемъ, ибо съ нимъ вы читали древнихъ, съ нимъ наслаждались прекрасными вымыслами чувствительнаго поэта Мантуи, глубокимъ смысломъ и гармоніей Горація, величественными картинами Тасса, Мильтона и неизъяснимою

прелестью стенаній Петрарка, однимъ словомъ—всѣми сокровищами древней и новѣйшей словесности.

Вторую причину, побудившую меня говорить о сочиненіяхъ г. Муравьева, могу смѣло отнести на счетъ пользы общественной. Въ 1810 году г. Карамзинъ взялъ на себя пріятный трудъ быть издателемъ оныхъ, не смотря на важныя свои занятія по части исторіи, ибо онъ любилъ въ покойномъ авторѣ не одно искусство писать, соединенное съ обширною ученостію, но душу, прекрасную его душу. Говоря о писателѣ въ краткомъ предисловіи, онъ заключаетъ слѣдующими словами: «Страсть его къ ученію равнялась въ немъ только со страстію къ добродѣтели». Прекрасныя слова, и совершенно справедливыя! Кто зналъ сего мужа въ гражданской и семейственной его жизни, тотъ могъ легко угадывать самыя тайныя помышленія его души. Они клонились къ пользѣ общественной, къ любви изящнаго во всѣхъ родахъ и особенно къ успѣхамъ отечественной словесности. Онъ любилъ отечество и славу его, какъ Цицеронъ любилъ Римъ; онъ любилъ добродѣтель, какъ пламенный ея любовникъ, и всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, остался вѣренъ своей благородной страсти.

Послѣ долгаго отсутствія возвращаясь въ отчизну и съ новымъ удовольствіемъ принимаясь за русскія книги, я искалъ во всѣхъ журналахъ выгоднаго или строгаго приговора сочиненіямъ г. Муравьева. Четыре года прошло со времени ихъ изданія въ свѣтъ, и никто, ни одинъ изъ журналистовъ не упоминаетъ объ нихъ [1]). Чему приписать сіе молчаніе? Лѣни гг. ре-

[1]) Въ прошломъ 1813 году г. Гнѣдичъ упомянулъ о сочиненіяхъ г. Муравьева, говоря о лучшихъ нашихъ прозаическихъ писателяхъ въ Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесно-

дакторовъ и холодности читателей къ книгамъ полезнымъ, которыхъ появленіе столь рѣдко на горизонтѣ нашей словесности. Нѣкоторые изъ гг. журналистовъ нашихъ поставляютъ себѣ долгомъ говорить только о томъ, что подѣйствовало на чернь нашей публики. Они захвалятъ по одному предубѣжденію юный, возникающій талантъ или въ одномъ словѣ напишутъ ему страшный и несправедливый приговоръ. Ихъ лѣность сбираетъ плоды съ одного невѣжества. Къ несчастію, они во многомъ похожи на нашихъ актеровъ, которые, играя для партера, забываютъ, что въ ложахъ присутствуютъ строгіе судьи искусства.

Я пропущу другую причину хладнокровія и малаго любопытства нашей публики къ отечественнымъ книгамъ. Онѣ происходятъ отъ исключительной любви къ французской словесности, и эта любовь не излѣчима. Она выдержала всѣ возможныя испытанія и времени, и политическихъ обстоятельствъ. Все было сказано на сей счетъ; всѣ укоризны, всѣ насмѣшки Таліи и людей просвѣщенныхъ остались безъ пользы, безъ вниманія [1]). Но я твердо увѣренъ, что есть благоразум-

сти. Мы съ удовольствіемъ услышали, что е. пр. г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа предписалъ чтеніе сочиненій г. Муравьева въ училищахъ сего округа.

[1]) Бурный и славный 1812 годъ миновался, и любовь къ отечеству, страсть благородная, не ослѣпляетъ насъ на счетъ французской словесности. Просвѣщенный Россіянинъ будетъ всегда уважать писателей Лудовикова вѣка: не Сѣверъ есть родина Омировъ. Наши воины, спасители Европы отъ новаго Аттилы, потушили пламенникъ брани въ отечествѣ Расина и Мольера и на другой день по вступленіи въ Парижъ, къ общему удивленію его жителей, рукоплескали величественнымъ стихамъ французской Мельпомены на собственномъ ея театрѣ. Но исключительная страсть къ какой-либо словесности можетъ быть вредна успѣхамъ просвѣщенія. Истина неоспоримая, которую г. Уваровъ, въ письмѣ къ г. Каннисту, изложилъ столь блестящимъ образомъ: «Безъ основательныхъ познаній и долговременныхъ трудовъ въ древней словесности», говоритъ почтенный защитникъ Омера и экзаметровъ,—«ни какая новѣйшая существовать не можетъ; безъ тѣснаго знакомства съ другими

ные читатели, которые, желая находитъ въ чтеніи пріятность, соединенную съ пользою, и будучи недовольны нашею литературою, столь бѣдною въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, часто съ горестію прибѣгаютъ къ иностранной. Такого рода люди—ихъ число ограничено—радуются появленію хорошей книги и перечитываютъ ее съ удовольствіемъ. Для нихъ я спѣшу сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на сочиненія г. Муравьева вообще и напомянуть имъ о собственномъ ихъ богатствѣ.

Собраніе сихъ сочиненій (изданныхъ въ Москвѣ 1810) составлено изъ отдѣльныхъ піесъ, которыя, какъ говоритъ г. Карамзинъ, были написаны авторомъ для чтенія великихъ князей. Онъ имѣлъ счастіе преподавать имъ наставленія въ россійскомъ языкѣ, въ нравственности и словесности [1]).

Желая начертать въ юной памяти историческія лица знаменитыхъ мужей, а особливо великихъ князей и царей Русскихъ, авторъ, подобно Фонтенелю, заставляетъ разговаривать ихъ тѣни въ царствѣ мертвыхъ. Но французскій писатель гонялся единственно за остроуміемъ: дѣйствующія лица въ его разговорахъ разрѣшаютъ какую-нибудь истину блестящими словами: они, кажется намъ, любуются сами тѣмъ, что сказали. Подъ перомъ Фонтенеля нерѣдко древніе герои преображаются въ придворныхъ Лудовикова времени и напоминаютъ намъ живо учтивыхъ пастуховъ того же автора, которымъ не достаетъ парика, манжетъ и красныхъ каблуковъ, чтобы шаркать въ королевской

новѣйшими мы не въ состояніи обнять все поле человѣческаго ума, обширное и блистательное поле, на которомъ всѣ предубѣжденія должны бы умирать и всѣ ненависти гаснуть».

[1]) Нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и цесаревичу великому князю Константину Павловичу.

передней, какъ замѣчаетъ Вольтеръ—не помню въ которомъ мѣстѣ. Здѣсь совершенно тому противное: всякое лицо говоритъ приличнымъ ему языкомъ, и авторъ знакомитъ насъ, какъ будто невольно, съ Рурикомъ, съ Карломъ Великимъ, съ Кантемиромъ, съ Гораціемъ и пр. Онъ, какъ Фонтенель, разрѣшаетъ въ маленькой драмѣ своей какую-нибудь истину или политическую, или нравственную, но жертвуетъ ей ничтожными выгодами остроумія и, если смѣю сказать, скрывается за дѣйствующее лицо. Напримѣръ, желая сказать, что истинное богопочитаніе не разлучно съ человѣколюбіемъ, онъ заставляетъ разговаривать Игоря и Ольгу, которая была жестокою по добродѣтели и дѣйствовала по ложнымъ понятіямъ воспитанія и народныхъ нравовъ. Въ другомъ разговорѣ онъ выводитъ на сцену Карла Великаго и Владиміра, имѣя въ виду слѣдующее предложеніе: «Слава добрыхъ государей никогда не погибаетъ, и безпристрастной гласъ исторіи, отдѣляя отъ нихъ нѣкоторыя легкія несовершенства человѣчества, представляетъ добродѣтели ихъ для подраженія потомству». И такъ далѣе.

Сіи разговоры и Письма обитателя предмѣстія могутъ замѣнить въ рукахъ наставниковъ лучшія произведенія иностранныхъ писателей. Въ нихъ моральныя истины изложены съ такою ясностію, съ такимъ добродушіемъ, облечены въ столь пріятныя формы слога, что самая разборчивая критика увѣнчаетъ ихъ похвалами. Насъ лучше удостовѣрятъ примѣры. Возьмемъ ихъ на удачу изъ писемъ. Сочинитель, удаленный отъ городскаго шума, въ пріятномъ сельскомъ убѣжищѣ, на берегахъ свѣтлаго ручья, по которымъ разбросано нѣсколько кустовъ орѣшника, пишетъ къ своему пріятелю о различныхъ предметахъ, его окру-

жающихъ, веселится сельскими картинами, мирнымъ счастіемъ полей и человѣкомъ, обитающимъ посреди чудесъ первобытной природы. Часто облако задумчивости осѣняетъ его душу: часто углубляется онъ въ самого себя и извлекаетъ истины, всегда утѣшительныя, изъ собственнаго своего сердца. Тихая, простая, но веселая философія, неразлучная подруга прекрасной, образованной души, исполненной любви и доброжеланія ко всему человѣчеству, съ неизъяснимой прелестью дышетъ въ сихъ письмахъ. «Никакое непріятное воспоминаніе не отравляетъ моего уединенія»— (здѣсь видна вся душа автора).—«Чувствую сердце мое способнымъ къ добродѣтели. Оно біется съ сладостною чувствительностію при единомъ помышленіи о какомъ-нибудь дѣлѣ благотворительности и великодушія. Имѣю благородную надежду, что, будучи поставленъ между добродѣтели и несчастія, изберу лучше смерть, нежели злодѣйство. И кто въ свѣтѣ счастливѣе смертнаго, который справедливымъ образомъ можетъ чтить самого себя?» Прекрасныя, золотыя строки! Кто, кто не желалъ бы написать ихъ въ изліяніи сердечномъ?— Потомъ, описавъ сладостныя занятія любителя музъ въ тихомъ кабинетѣ, нашъ авторъ прибавляетъ: «И послѣ того есть еще люди, которые ищутъ благополучія въ разсѣяніяхъ, въ многолюдствѣ, далеко отъ домашнихъ боговъ своихъ!... Какое счастіе отереть слезы невинно страждущаго, оказать услугу маломощному, облегчить зависимость подчиненныхъ? Но что я скажу о дружбѣ? Чувствовать себя въ другомъ, разумѣть другъ друга столь искренно, столь скоро, при единомъ словѣ, при единомъ взорѣ? Кто называетъ дружбу, называетъ добродѣтель». Сіи строки, и многія другія, напоминаютъ намъ Монтаня, тамъ, гдѣ онъ, предаваясь

счастливому изліянію своего сердца, говорилъ о незабвенномъ своемъ Лабоесѣ [1]).

Тонъ иныхъ писемъ важнѣе, но нравственная цѣль всегда одинакова. Признаюсь вамъ, м. г., я не могу удержаться отъ удовольствія выписывать; притомъ это единственный и лучшій способъ показать красоты сочиненія и дать ясное понятіе объ авторѣ. «Тихій вечеръ оканчивалъ знойный день. Солнце, величественнѣе и медленнѣе на концѣ пути своего, покоилося за мгновеніе передъ закатомъ на крайнихъ горахъ горизонта, а я прогуливался на крутомъ берегу Волги съ добродѣтельнымъ другомъ юности моей, кроткимъ моимъ наставникомъ... Власы главы его бѣлѣли уже отъ хлада старости; весна жизни моей не разцвѣла еще совершенно. Мы касалися оба противуположныхъ крайностей вѣка. Но дружба его и опытность сокращали разстояніе, которое раздѣляло насъ, и часто, позабываяся, мнилъ я видѣть въ немъ старшаго и благоразумнѣйшаго товарища. Будучи важнѣе обыкновеннаго въ тотъ вечеръ, онъ говорилъ мнѣ: «Сынъ мой!» (симъ именемъ любви одолженъ я былъ нѣжности сердца его и послушанію моего) «Озирая холмы сіи, одѣваемые небесною лазурью, поля, жатвы и напоющія ихъ струи, не чувствуешь ли въ сердцѣ благополучія? Чудеса природы не довольны ли для счастія человѣка? Но одно худое дѣло, котораго сознаніе оскорбляетъ сердце, можетъ разрушить прелесть наслажденія. Великолѣпіе и вся красота природы вкушаются только невиннымъ сердцемъ.... Одно счастіе—добродѣтель, одно несчастіе—порокъ. И всѣ вечера твои будутъ такъ тихи, ясны, какъ нынѣшній. Спокойная со-

[1]) Si on me presse de dire, pourquoi je l'aimois, je sens que cela ne se peut exprimer qu'en répondant: parceque c'étoit lui, parceque c'étoit moi (Монтань).

вѣсть творитъ и природу спокойною». Слова его глубоко проникли въ душу мою, и я повергся съ умиленіемъ въ объятія старца».

Другіе отрывки принадлежатъ къ вышнему роду словесности. Между ими повѣсть О с к о л ь д ъ, въ которой авторъ изображаетъ походъ сѣверныхъ народовъ на Царьградъ, блистаетъ красотами. Здѣсь мы видимъ толпы дикихъ воиновъ, которыхъ какъ будто невидимая сила влечетъ къ роскошной столицѣ Восточной имперіи. Мы переносимся во времена глубокой древности, въ степи и дремучіе лѣса полуобитаемой Россіи, то на бурныя волны Варяжскаго моря, покрытыя судами отважныхъ плавателей, то въ непроходимыя снѣжныя пустыни Біарміи, освѣщенныя холоднымъ солнцемъ, то въ роскошное царство Михаила, гдѣ «игры, удивительныя ристалища занимаютъ ежедневно праздность безчисленнаго народа... Счастливъ, кто видѣлъ все сіе единожды въ жизни! Сладостное воспоминаніе распространится на остальное теченіе дней его и облегчитъ ему бремя ненавистной старости». Авторъ съ обыкновеннымъ искусствомъ говоритъ о Труворѣ и Синеусѣ, сохраняя всю приличность историческую, выводитъ честолюбиваго Вадима, котораго «взоры изображаютъ... столько же упрековъ Новгородцамъ, сколько строгости воинской», и возбуждаетъ въ памяти нашей цѣпь великихъ отечественныхъ воспоминаній. Сила изобрѣтенія блистаетъ въ исчисленіи Оскольдовыхъ ратниковъ. Они отличены рѣдкими чертами одинъ отъ другаго; они живутъ, дѣйствуютъ передъ вами: «Но кто можетъ назвать имена безчисленнаго воинства? Таковы тучи пернатыхъ, наполняющихъ воздухъ крикомъ, когда, почувствовавъ приходъ зимы, оставляютъ крутые берега Русскаго моря, не памятуя любви и прекрасныхъ дней,

коими тамъ насладились онѣ лѣтомъ; удивленный путешественникъ забываетъ дорогу свою, на нихъ взирая, и унываетъ въ сердцѣ, видя себя оставляемаго свирѣпости мразовъ и бурныхъ вѣтровъ». Вы видите предъ полками сонмъ вдохновенныхъ скальдовъ съ златыми арфами: «Нетерпѣливый, добрый отличается между ими юный Славянинъ, который на влажныхъ берегахъ моря и на краю земли почувствовалъ вдохновеніе скальда, оставилъ сѣти и парусы, способы скуднаго пропитанія,.. и воспѣлъ соотчичамъ своимъ неслыханныя пѣсни о браняхъ и герояхъ». Этотъ юный скальдъ напоминаетъ намъ Ломоносова. Конечно, его имѣлъ въ виду нашъ авторъ, и здѣсь, сохраня всю приличность разсказа, представилъ намъ въ блистательномъ видѣ отца русскаго стихотворства, сего чудеснаго мужа, котораго не только дарованія поэтическія, неимовѣрные успѣхи и труды въ искусствахъ и наукахъ, но самая жизнь, исполненная поэзіи,—если смѣю употребить сіе выраженіе — заслуживаетъ вниманія позднѣйшаго потомства![1])

Искусство, неразлучное съ глубокимъ познаніемъ исторіи, болѣе всего блистаетъ въ описаніи нравовъ сѣверныхъ племенъ. Авторъ Оскольда краткими словами умѣетъ возбудить вниманіе читателя и перенести его на сцену тогдашняго міра, который знакомъ ему, какъ Омеру древняя Троада. Замѣтимъ еще, что эпоха, избранная имъ для поэтическаго повѣствованія, соединяетъ всѣ возможныя выгоды и доказываетъ его вѣрный вкусъ и обширныя свѣдѣнія. Дѣйствіе происходитъ въ Россіи во времена отдаленныя, которыя поэту столь удобно украшать вымыслами и цвѣтами творче-

[1]) Мы приглашаемъ прочитать въ Опытахъ исторіи, словесности и нравоученія г. Муравьева прекрасную статью о заслугахъ Ломоносова въ наукахъ.

скаго воображенія. Оскольдъ, товарищъ Руриковъ, поклоняется Одену, сему кровавому божеству Скандинавовъ, которыхъ и жизнь, и суевѣрія ознаменованы были мрачною поэзіею. Спутники Оскольдовы имѣютъ, или могутъ имѣть, свои преданія, какъ Славяне имѣютъ свою вѣру, и отъ сего рождается пріятное разнообразіе, истинная принадлежность эпопеи. Въ нѣкоторомъ отдаленіи мы видимъ Царьградъ, жилище роскоши и нѣги, колыбель христіанской религіи, куда кочующіе народы Сѣвера вторгались съ мечемъ и пламенемъ для похищенія земныхъ сокровищъ, и нерѣдко возвращались съ святымъ знаменіемъ вѣры въ свои непостоянныя становища. Туда устремлены воины Оскольда и любопытство читателя... Къ сожалѣнію, сія повѣсть не кончена: она есть начало большаго творенія, которое, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду нашъ авторъ; но государственныя занятія отклонили его отъ словесности. При концѣ жизни своей онъ рѣдко бесѣдовалъ съ музами, удѣляя нѣсколько свободныхъ минутъ на чтеніе древнихъ въ подлинникѣ, и особенно греческихъ историковъ, ему отъ дѣтства любезныхъ.

Историческіе отрывки г. Муравьева заслуживаютъ особенное вниманіе, и мы смѣло увѣрить можемъ, опираясь на мнѣніе ученѣйшихъ мужей по этой части, что на русскомъ языкѣ едва ли находится что-нибудь подобное Краткому начертанію россійской исторіи, напечатанному въ первый разъ въ 1810 году, и статьямъ подъ названіемъ: Разсѣянныя черты изъ землеописанія россійскаго и соединеніе удѣльныхъ княженій въ единое государство. Онѣ начертаны перомъ ученаго, политика и философа. Вотъ рѣдкое явленіе въ нашей словесности, ибо наши писатели не всегда соединяли въ себѣ ка-

чества, потребныя историку—философію и критику. Мы надѣемся, что ученые люди, занимающіеся отечественною исторіею, сообщатъ читающей публикѣ свои замѣчанія о сихъ безцѣнныхъ отрывкахъ, а наставники включатъ ихъ въ малое число книгъ, посвященныхъ чтенію юношества. Исторія наша, исторія народа, совершенно отличнаго отъ другихъ по гражданскому положенію, по нравамъ и обычаямъ, исторія народа, сильнаго и воинственнаго отъ самой его колыбели и нынѣ удивившаго неимовѣрными подвигами всю Европу, должна быть любимымъ нашимъ чтеніемъ отъ самаго дѣтства. «Мы ходимъ», говоритъ краснорѣчивый авторъ землеописанія русскаго,— «мы ходимъ по землѣ, обагренной кровію предковъ нашихъ и прославленной отважными предпріятіями и подвигами князей и полководцевъ, которые только для того осѣнены глубокою нощію забвенія, что не имѣли достойныхъ провозвѣстниковъ славы своей. Да настанетъ нѣкогда время пристрастія къ отечественнымъ произшествіямъ, ко своимъ героямъ, ко нравамъ и добродѣтелямъ, которыя суть природныя произрастенія нашего отечества» [1]).

Мы должны упомянуть о философическихъ и нравственныхъ произведеніяхъ нашего автора. Здѣсь болѣе, нежели гдѣ-нибудь, видна его душа и горячія впечатлѣнія его сердца. Къ нему можно примѣнить то, что Шиллеръ сказалъ о Матиссонѣ: «Тѣсное обращеніе съ природою и съ классическими образцами напитало его духъ, очистило его вкусъ и сохранило его нравственную грацію; пламенная и чистѣйшая любовь къ чело-

[1]) Любители исторіи и словесности ожидаютъ съ нетерпѣніемъ полной исторіи русской того писателя, который показалъ намъ истинные образцы русской прозы и въ трудолюбивомъ молчаніи болѣе десяти лѣтъ приготовляетъ своему отечеству новое удовольствіе, новую славу. Его твореніе будетъ имѣть непосредственное вліяніе на умы и болѣе всего на словесность.

вѣчеству одушевляетъ его произведенія, и всѣ явленія природы отражаются въ душѣ его со всѣми оттѣнками, какъ въ тихомъ зеркалѣ—воды». Здѣсь находимъ мы самого автора, вступаемъ съ нимъ въ тѣсное знакомство. Искусство человѣческое можетъ всему подражать, кромѣ движеній добраго сердца. Вотъ истинная оригинальность нашего автора! Онъ часто, какъ будто противъ воли своей, обнажаетъ прекрасную душу и рѣдкую чувствительность, и болѣе всего въ отрывкѣ подъ названіемъ: Просвѣщеніе и роскошь, гдѣ, описывая странный характеръ Руссо, онъ готовъ съ нимъ предаться сладостной мечтательности; въ статьѣ о Блаженствѣ, гдѣ онъ, опредѣляя счастіе, увлекается своимъ воображеніемъ и отдыхаетъ въ тишинѣ сельской, на лонѣ природы, ему всегда любезной. Вы можете читать его во всякое время—и въ шумѣ дѣятельной жизни, и въ тишинѣ уединенія; его слова подобны словамъ стараго друга, который, въ откровенности сердечной, говоря о себѣ, напоминаетъ вамъ собственную вашу жизнь, ваши страсти, печали, надежды и наслажденія. Онъ сообщаетъ вамъ тишину и ясность своей души и оставляетъ въ памяти продолжительное воспоминаніе своей бесѣды. Однимъ словомъ, самое бремя печалей и заботъ—я занимаю его выраженіе — отпадаетъ по его утѣшительному гласу.

Въ Забавахъ воображенія, говоря о томъ государственномъ человѣкѣ, который первый въ Россіи ознаменовалъ дни свои покровительствомъ отечественныхъ музъ, котораго имя должно быть драгоцѣнно позднему потомству—ибо перейдетъ къ нему съ именами Ломоносова и Державина,—говоря о Шуваловѣ, сочинитель продолжаетъ: «Пріятно воспоминать государственнаго человѣка, который былъ чувствителенъ

къ прелестямъ письменъ и художествъ и посреди сіянія знатности и попеченій правленія удостоивалъ взорами своими просвѣщеніе,—какъ любимецъ Августовъ, или Кольбертъ, давалъ покровительство изящнымъ умамъ или призывалъ дарованія изъ другихъ земель». Конечно, иныя черты можно примѣнить къ нашему автору, котораго память столь любезна и художникамъ, и ученымъ. Онъ посѣщалъ ихъ кабинеты, ихъ мастерскія; они искали въ немъ покровителя и часто находили попечительнаго друга. Имя его и до сихъ поръ почтенные члены Московскаго университета произносятъ со слезами живѣйшей благодарности. Незабвенное имя для сердецъ благородныхъ! Оно напоминаетъ отечеству всѣ гражданскія добродѣтели.

«Все то, что способствуетъ къ доставленію вкусу болѣе тонкости и разборчивости»,—прибавляетъ сочинитель въ статьѣ о Забавахъ воображенія, изъ которой я выписываю сіи строки,—«все то, что приводитъ въ совершенство чувствованіе красоты въ искусствахъ или письменахъ, отводитъ насъ въ то же самое время отъ грубыхъ излишествъ страстей, отъ неистовыхъ воспаленій гнѣва, жестокости, корыстолюбія и прочихъ подлыхъ наслажденій. Кто восхищается красотами поэмы или расположеніемъ картины, не въ состояніи полагать благополучія своего въ несчастіи другихъ, въ шумныхъ сборищахъ безпутства или въ исканіи подлой корысти. Нѣжное сердце и просвѣщенный разумъ услаждаются возвышенными чувствованіями дружбы, великодушія и благотворительности». Давно сказано было, что слогъ есть зеркало души, и относительно къ нашему автору это совершенно справедливо. Слогъ его можно уподобить слогу Фенелона. Та же чистота и точность выраженій, стройность мыслей, то же сердечное, убѣдительное

краснорѣчіе. Образованный въ училищѣ древнихъ, его слогъ сохранилъ на себѣ ихъ печать неизгладимую—простоту, важность и приличіе.

Я не сдѣлаю ни одного замѣчанія на погрѣшности. Пускай другіе ищутъ ошибокъ грамматическихъ, галлицизмовъ и пр.

Мы предоставимъ себѣ сладостное удовольствіе хвалить то, что достойно похвалъ и самой разборчивой критики, которая въ словесности нашей болѣе приноситъ пользы, указывая на красоты, нежели порицая недостатки ядовитымъ перомъ своимъ, и часто несправедливымъ.

Вамъ извѣстно, м. г., что я многимъ обязанъ покойному автору; но благодарность меня не ослѣпляетъ. Я опирался на судъ людей просвѣщенныхъ, знатоковъ въ нашей словесности, отдавая должную справедливость тому, что заслуживаетъ похвалы, и назову себя совершенно счастливымъ, если могъ быть хотя слабымъ, но вѣрнымъ отголоскомъ ихъ мыслей и сужденій о томъ человѣкѣ, котораго память будетъ мнѣ драгоцѣнна до позднихъ дней жизни и украситъ ихъ горестнымъ и вмѣстѣ сладкимъ воспоминаніемъ протекшаго!

Долгомъ поставляю упомянуть здѣсь о стихотворныхъ его произведеніяхъ. Многія изъ нихъ напечатаны были безъ имени сочинителя въ разныхъ журналахъ, и въ послѣдній разъ въ Собраніи русскихъ стихотвореній, изданныхъ г. Жуковскимъ, который взялъ себя на трудъ, пересмотрѣвъ нѣсколько рукописей автора, приготовить ихъ для печати, особенно то, что не входило въ планъ книги, изданной въ Москвѣ въ 1810 году. Конечно, любители словесности ожидаютъ съ нетерпѣніемъ третьей части сочиненій г. Муравьева, которая

будетъ состоять изъ его стихотвореній. Желательно, м. г., чтобы вы сдѣлали нѣсколько замѣчаній на жизнь автора: она любопытна не только для любителя словесности, но и для каждаго друга добродѣтели. Истинному патріоту пріятно узнать нѣкоторыя обстоятельства жизни гражданина, принесшаго пользу отечеству безпрерывными трудами и перомъ своимъ: мы будемъ помнить сыновъ Россіи, прославившихъ отечество на полѣ брани: исторія вписываетъ уже имена ихъ въ свои скрижали; но должны ли мы забывать и тѣхъ сограждановъ, которые, употребя всю жизнь свою для пользы нашей, отличились гражданскими добродѣтелями и рѣдкими талантами? Древніе, чувствительные ко всему прекрасному, ко всему полезному, имѣли два вѣнца: одинъ для воина, другой для гражданина. Плутархъ, описывая жизнь великихъ полководцевъ, царей и законодателей, помѣстилъ между ими Гезіода и Пиндара. Мы желаемъ отъ всей души, чтобъ вы исполнили надежду нашу. Замѣчанія ваши на жизнь г. Муравьева могутъ служить предисловіемъ къ третьей части полнаго собранія его сочиненій.

Стихотворенія г. Муравьева, безъ сомнѣнія, будутъ стоять на ряду съ лучшими его произведеніями въ прозѣ. Въ нихъ то же достоинство: философія, которой источникъ чувствительное и доброе сердце; выборъ мыслей, образованныхъ прилежнымъ чтеніемъ древнихъ; стройность и чистота слога. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ посланія къ покойному И. П. Тургеневу, достойному пріятелю автора, котораго онъ любилъ и уважалъ отъ самой юности. Наклонности и страсти друзей были одинаковы: добродѣтель и пламенная любовь къ музамъ. Онѣ запечатлѣли ихъ священный союзъ, который могла разрушить единая смерть. Посмотримъ,

какъ авторъ, описывая въ своемъ посланіи дѣятельнаго мудреца, добраго отца семейства, истиннаго патріота, любителя порядка и счастія ближнихъ, описываетъ себя и друга своего:

Любовью истины, любовью красоты
Исполненъ духъ его, украшены мечты.
Искусства, васъ къ себѣ онъ въ помощь призываетъ,
Отъ зависти себя онъ въ вашу сѣнь скрываетъ!
Безъ гордости великъ и важенъ безъ чиновъ,
На пользу общую всегда, вездѣ готовъ,
Онъ свято чтитъ родства священные союзы,
И чтобъ свободнымъ быть, пріемлетъ легки узы:
Внимательный супругъ и любящій отецъ,
Онъ властью облеченъ по выбору сердецъ,
Счастливъ, что можетъ быть семейства благодѣтель:
Что нужды—домъ тому иль цѣлый міръ свидѣтель!
Таковъ Эмилій Павлъ, равно достоинъ хвалъ,
Какъ жилъ въ семьѣ своей, иль какъ при Каннахъ палъ.

Прекрасное начертаніе добродѣтельнаго и дѣятельнаго мудреца! Прекрасный и счастливый примѣръ!— Далѣе продолжаетъ поэтъ:

Служить отечеству—верховный душъ обѣтъ.
Нашъ долгъ—туда спѣшить, куда оно зоветъ.
Но если въ множествѣ ревнителей ко славѣ
Мнѣ должно уступить, уже ли буду въ правѣ
Пренебреженною заслугой досаждать?
Мнѣ только что—служить, отчизнѣ—награждать.
Изъ трехъ сотъ праздныхъ мѣстъ спартанскаго совѣта
Народъ ни на одно не избралъ Педарета.
«Хвала богамъ», сказалъ,—«народа не виня:
«Есть триста человѣкъ достойнѣе меня».

Здѣсь каждая мысль можетъ служить правиломъ честному гражданину. И какая утѣшительная мудрость, какое сладостное изліяніе чистой и праведной души! Скажемъ болѣе съ однимъ изъ лучшихъ нашихъ писа-

телей: Счастливъ тотъ, кто могъ жить, какъ писалъ, и писать, какъ жилъ!

Полезнымъ можно быть, не бывши знаменитымъ;
Срѣтаютъ счастіе и по тропинкамъ скрытымъ.
Сей старецъ, коего Виргилій воспѣвалъ,
Что близь Тарента макъ и розы поливалъ
И, въ позднюю ночь подъ кровъ склоняяся домашній,
Столы обременялъ не купленными брашны,
Онъ счастье въ хижинѣ, конечно, находилъ
И пышныхъ богачей душой превосходилъ!

Тотъ истинно свободенъ, куда бы онъ ни былъ брошенъ фортуною, куда бы онъ ни былъ поставленъ людьми—управлять ими или повиноваться, сіять въ вѣнцѣ или скрывать себя въ пустынѣ: тотъ истинно счастливъ, говоритъ нашъ поэтъ въ слѣдъ за Гораціемъ,—

Кто счастья въ крайностяхъ всегда съ собою сходенъ,
Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
Въ себѣ самомъ свое достоинство сокрылъ;
Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури усмиряетъ
И скуку житія ученьемъ украшаетъ.

Въ другомъ посланіи, въ которомъ авторъ болѣе предается игрѣ своего воображенія, мы находимъ блестящее изображеніе Вольтера,

Сего чудеснаго, столѣтняго шалбера,
По превосходству мудреца,
Который говорилъ прекрасными стихами.
Къ которому стихи въ уста входили сами....
Въ его привѣтствіяхъ не видѣнъ трудъ пѣвца—
Учтивость тонкаго маркиза!
Замѣтьте, что маркизъ не могъ воспѣть бы Гиза,
Не могъ бы начертать шестидесяти лѣтъ
Въ Китаѣ страшнаго Чингиза,
Потомъ унизить свой трагическій полетъ
Въ маркизѣ де-Вильетъ
И во власахъ сѣдыхъ бренчать еще на лирѣ

Младыя шалости иль растворять въ сатирѣ
Свой лицемѣрный слогъ,
Иль философствовать съ величествомъ о мірѣ,
О Міроздателѣ,—Вольтеръ все это могъ!
И славну старость велъ онъ съ завистью у ногъ
Превыше хвалъ и порицаній.
Въ Парижѣ сколько восклицаній,
Когда явился онъ къ принятію вѣнца!
Великіе умы, красавицы, вельможи,
Придворныхъ легкій рой изъ королевской ложи,
Плескали долго въ честь безсмертнаго творца;
За ними вся толпа плескала безъ конца.
Такой-то нравится намъ въ обществѣ творецъ,
Который изжилъ бы во свѣтѣ лѣта юны
И сдѣлался мудрецъ
Волненьями фортуны,
Открывшими ему излучины сердецъ.

Къ несчастію, говоритъ поэтъ,—трудно быть свѣтскимъ человѣкомъ и писателемъ. Одно вредитъ другому:

Условья общества — для мыслящаго цѣпи!
А тотъ, кто въ обществѣ свой выдержалъ искусъ,
Зѣваетъ въ обхожденьи музъ.
Въ наукѣ нравиться учу я основанья,
Но, старый ученикъ, не знаю ни аза,
И не задремлется со мной лоза,
Которой общество чинитъ увѣщеванья.
Межъ тѣмъ замедлены успѣхи дарованья,
Что льстился въ юности имѣть.
Замедлены?.. Я выражаюсь мало!
Ихъ уничтожено въ душѣ моей начало;
Прелестна лѣнь поставила мнѣ сѣть,
Изъ коей я не выду.
Не бывъ Ринальдомъ, я нашелъ свою Армиду
И въ лѣни сладостной забылъ искусство пѣть.
Поэтомъ трудно быть, а легче офицеромъ:
Съ Доратомъ я успѣлъ сравниться въ томъ,
Что онъ, какъ я, былъ мушкетеромъ.

Часто въ стихахъ нашего поэта видна сладкая задумчивость, истинный признакъ чувствительной и нѣж-

ной души; часто, подобно Тибуллу и Горацію, сожалѣетъ онъ объ утратѣ юности, объ утратѣ пламенныхъ восторговъ любви и безпредѣльныхъ желаній юнаго сердца, исполненнаго жизни и силы. Въ стихотвореніи подъ названіемъ Къ Музѣ, обращаясь къ тайной подругѣ души своей, онъ дѣлаетъ ей нѣжные упреки:

Ты утро дней моихъ прилежнѣй посѣщала:
Почто жь печальная распространилась мгла
И ясный полдень мой своей покрыла тѣнью?
Иль лавровъ по слѣдамъ твоимъ не соберу
И въ пѣсняхъ не прейду къ другому поколѣнью,
Или я весь умру?

Нѣтъ, мы надѣемся, что сердце человѣческое безсмертно. Всѣ пламенные отпечатки его въ счастливыхъ стихахъ поэта побѣждаютъ и самое время. Музы сохранятъ въ своей памяти пѣсни своего любимца, и имя его перейдетъ къ другому поколѣнію съ именами, съ священными именами мужей добродѣтельныхъ. Музы, взирая на преждевременную его могилу, восклицаютъ съ поэтомъ Мантуи:

....Manibus date lilia plenis
Purpureos spargam flores....

С.-Петербургъ. 1814 года.

IX.

Прогулка въ академію художествъ.

Письмо стараго московскаго жителя къ пріятелю въ деревню его Н.

Ты требуешь отъ меня, мой старый другъ, продолженія моихъ прогулокъ по Петербургу. Повинуюсь тебѣ.

На этотъ разъ я буду говорить объ академіи художествъ, которая, послѣ двадцатилѣтняго нашего отсутствія изъ Петербурга, столько перемѣнилась....

«Говори, говори объ академіи художествъ!» такъ воскликнешь ты, начиная чтеніе моего болтливаго письма. — «Мы издавна любили живопись и скульптуру, и въ твоемъ маленькомъ домикѣ на Прѣснѣ (котораго теперь и слѣдовъ не осталось!) мы часто заводили жаркіе споры о головѣ Аполлона Бельведерскаго, о мизинцѣ Гебы славнаго Кановы, о конѣ Петра Великаго, о кисти Рафаеля, Корреджіо, даже самого Сальватора Розы, Мурилло, Койпеля и пр. Такъ, я во многомъ съ тобой соглашался, а ты ни въ чемъ со мною, а еще менѣе съ добрымъ живописцемъ Ализовымъ, съ товарищемъ славнаго Лосенкова, который часто смѣшилъ и сердилъ насъ своимъ упрямствомъ и добродушіемъ. Мы спорили; время летѣло въ пріятныхъ

разговорахъ. Счастливое, невозвратное время! Пожаръ Москвы поглотилъ и домикъ твой со всѣми дурными картинами и эстампами, которыя ты покупалъ за безцѣнокъ у торгашей на аукціонахъ, а въ Нѣмецкой слободѣ у отставныхъ стряпчихъ; онъ поглотилъ маленькую Венеру, въ которой ты находилъ нѣчто божественное, и бюстъ Вольтеровъ съ отбитымъ носомъ, и маленькаго Амура съ факеломъ, и бронзоваго фавна, котораго Ализовъ отрылъ... будто бы на развалинахъ какой-то бани близь Неаполя, и которымъ онъ приводилъ въ восхищеніе и тебя, и меня, и всѣхъ знатоковъ нашего квартала. Пожаръ, немилосердый пожаръ поглотилъ даже акаціеву бесѣдку съ красивыми скамейками, съ дубовымъ столомъ, на которомъ мы, разливая чай, любовались прелестными видами: Москвой рѣкою, которая извивается по лугу вокругъ стѣнъ и высокихъ башенъ Дѣвичьяго монастыря, Васильевскимъ, Воробьевыми горами съ тѣнистыми рощами и закатомъ вечерняго солнца. Пожаръ поглотилъ наше убѣжище. Но въ памяти моей осталось воспоминаніе твоей любви къ изящнымъ художествамъ и охоты спорить, которая, конечно, укротилась отъ времени, а болѣе всего отъ политическихъ обстоятельствъ. И такъ, говори объ академіи художествъ, о произведеніяхъ нашихъ артистовъ: я буду слушать съ удовольствіемъ. Всякая новость изъ столицы пріятна пустыннику, который и на старости лѣтъ еще пламенно любитъ отечество, успѣхи и славу согражданъ».

Вотъ что ты скажешь, развернувъ мое письмо. Я начну мой разсказъ сначала, какъ начинаетъ обыкновенно болтливая старость. Слушай.

Вчерашній день по утру, сидя у окна моего съ Винкельманомъ въ рукѣ, я предался сладостному мечта-

нію, въ которомъ тебѣ не могу дать совершенно отчета; книга и читанное мною было совершенно забыто. Помню только, что, взглянувъ на Неву, покрытую судами, взглянувъ на великолѣпную набережную, на которую, благодаря привычкѣ, жители петербургскіе смотрятъ холоднымъ окомъ,—любуясь безчисленнымъ народомъ, который волновался подъ моими окнами, симъ чудеснымъ смѣшеніемъ всѣхъ націй, въ которомъ я отличалъ Англичанъ и Азіатцовъ, Французовъ и Калмыковъ, Русскихъ и Финновъ, я сдѣлалъ себѣ слѣдующій вопросъ: что было на этомъ мѣстѣ до построенія Петербурга? Можетъ быть, сосновая роща, сырой, дремучій боръ или топкое болото, поросшее мхомъ и брусникою; ближе къ берегу — лачуга рыбака, кругомъ которой развѣшены были мрежи, невода и весь грубый снарядъ скуднаго промысла. Сюда, можетъ быть, съ трудомъ пробирался охотникъ, какой-нибудь длинноласый Финнъ

За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.

Здѣсь все было безмолвно. Рѣдко человѣческій голосъ пробуждалъ молчаніе пустыни дикой, мрачной; а нынѣ?.. Я взглянулъ невольно на Троицкій мостъ, потомъ на хижину великаго монарха, къ которой по справедливости можно примѣнить извѣстный стихъ:

Souvent un faible gland recéle un chêne immense!

И воображеніе мое представило мнѣ Петра, который въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные!.. Изъ крѣпости Нюсканцъ еще гремѣли шведскія пушки; устье Невы еще было покрыто непріятелемъ, и частые ружейные выстрѣлы раздавались

по болотнымъ берегамъ, когда великая мысль родилась въ умѣ великаго человѣка. «Здѣсь будетъ городъ», сказалъ онъ,—«чудо свѣта. Сюда призову всѣ художества, всѣ искусства. Здѣсь художества, искусства, гражданскія установленія и законы побѣдятъ самую природу». Сказалъ—и Петербургъ возникъ изъ дикаго болота.

Съ какимъ удовольствіемъ я воображалъ себѣ монарха, обозрѣвающаго начальныя работы: здѣсь валъ крѣпости, тамъ магазины, фабрики, адмиралтейство. Въ ожиданіи обѣдни въ праздничный день или въ день торжества побѣды, государь часто сиживалъ на новомъ валѣ съ планомъ города въ рукахъ, противъ крѣпостныхъ воротъ, украшенныхъ изваяніемъ апостола Петра изъ грубаго дерева. Именемъ святаго долженъ былъ назваться городъ, и на жестяной доскѣ, прибитой подъ его изваяніемъ, изображался славный въ лѣтописяхъ міра 1703 годъ римскими цифрами. На ближнемъ бастіонѣ развѣвался желтый флагъ съ большимъ чернымъ орломъ, который заключалъ въ когтяхъ своихъ четыре моря, подвластныя Россіи. Здѣсь толпились вокругъ монарха иностранные корабельщики, матрозы, художники, ученые, полководцы, воины; межь ними, простой рожденіемъ, великій умомъ, любимецъ царскій Меншиковъ, великодушный Долгорукій, храбрый и дѣятельный Шереметевъ и вся фаланга героевъ, которые создали съ Петромъ величіе Русскаго царства....

Такимъ образомъ, погруженный въ мое мечтаніе, я не примѣтилъ, что двери комнаты отворились, и сынъ моего стараго пріятеля Н., молодой, весьма искусный художникъ, привѣтствовалъ меня съ добрымъ утромъ. «Я пришелъ нарочно за вами», сказалъ онъ,—«сегодня академія художествъ открыта для любопытныхъ, и я готовъ быть вашимъ путеводителемъ, ва-

шимъ чичероне, если угодно! Вы увидите много хорошаго, полюбуетесь нѣкоторыми произведеніями русскаго рѣзца и кисти; о другихъ теперь ни слова. Посмотрите», продолжалъ онъ, открывая окно,—«какое прекрасное время! Весь городъ гуляетъ, и мы съ толпой гуляющихъ непримѣтнымъ образомъ пройдемъ въ академію».

«Съ удовольствіемъ», отвѣчалъ я молодому человѣку;—«около двадцати лѣтъ я не видалъ академіи, и какъ здѣсь все идетъ исполинскими шагами къ совершенству, то надѣюсь, что и художества приведутъ меня въ пріятное изумленіе. Вотъ мой посохъ, моя шляпа—пойдемъ!»

И въ самомъ дѣлѣ время было прекрасное. Ни малѣйшій вѣтерокъ не струилъ поверхности величественной, первой рѣки въ мірѣ, и я привѣтствовалъ мысленно богиню Невы словами поэта:

Обтекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тѣнисты острова.

Великолѣпныя зданія, позлащенныя утреннимъ солнцемъ, ярко отражались въ чистомъ зеркалѣ Невы, и мы оба единогласно воскликнули: «Какой городъ, какая рѣка!»

«Единственный городъ!» повторилъ молодой человѣкъ.—«Сколько предметовъ для кисти художника! Умѣй только выбирать. И какъ жаль, что мои товарищи мало пользуются собственнымъ богатствомъ; живописцы перспективы охотнѣе пишутъ виды изъ Италіи и другихъ земель, нежели сіи очаровательные предметы. Я часто съ горестію смотрѣлъ, какъ въ трескучіе мо-

розы они трудятся надъ пламеннымъ небомъ Неаполя, тиранятъ свое воображеніе и часто—взоры наши. Пейзажъ долженъ быть портретъ. Если онъ несовершенно похожъ на природу, то что въ немъ? Надобно разстаться съ Петербургомъ», продолжалъ онъ,—«надобно разстаться на нѣкоторое время, надобно видѣть древнія столицы: ветхій Парижъ, закопченный Лондонъ, чтобъ почувствовать цѣну Петербурга. Смотрите, какое единство, какъ всѣ части отвѣчаютъ цѣлому, какая красота зданій, какой вкусъ, и въ цѣломъ какое разнообразіе, происходящее отъ смѣшенія воды со зданіями! Взгляните на рѣшетку Лѣтняго сада, которая отражается зеленью высокихъ липъ, вязовъ и дубовъ! Какая легкость и стройность въ ея рисункѣ! Я видѣлъ славную рѣшетку Тюльерійскаго замка, отягченную, раздавленную, такъ сказать, украшеніями — пиками, касками, шрофеями. Она безобразна въ сравненіи съ этой».

Энтузіасмъ, съ которымъ говорилъ молодой художникъ, мнѣ весьма понравился. Я пожалъ у него руку и сказалъ ему: «Изъ тебя будетъ художникъ!» Не знаю, понялъ ли онъ мои пророческія слова, но, посмотрѣвъ на меня съ улыбкою удовольствія, продолжалъ: «Взгляните теперь на набережную, на сіи огромные дворцы—одинъ другаго величественнѣе, на сіи домы—одинъ другаго красивѣе! Посмотрите на Васильевскій островъ, образующій треугольникъ, украшенный биржею, ростральными колоннами и гранитною набережною, съ прекрасными спусками и лѣстницами къ водѣ. Какъ величественна и красива эта часть города! Вотъ произведеніе, достойное покойнаго Томона, сего неутомимаго иностранца, который посвятилъ намъ свои дарованія и столько способствовалъ къ украшенію сѣверной Пальмиры! Теперь отъ биржи съ какимъ удоволь-

ствіемъ взоръ мой слѣдуетъ вдоль береговъ и теряется въ туманномъ отдаленіи между двухъ набережныхъ, единственныхъ въ мірѣ!»

«Такъ, мой другъ», воскликнулъ я,—«сколько чудесъ мы видимъ передъ собою, и чудесъ, созданныхъ въ столь короткое время, въ столѣтіе, въ одно столѣтіе! Хвала и честь великому основателю сего города, хвала и честь его преемникамъ, которые довершили едва начатое имъ—среди войнъ, внутреннихъ и внѣшнихъ раздоровъ! Хвала и честь Александру, который болѣе всѣхъ, въ теченіе своего царствованія, украсилъ столицу Сѣвера! И въ какія времена? Когда бремя и участь цѣлой Европы лежали на его сердцѣ, когда врагъ поглощалъ землю Русскую, когда мечъ и пламень безумца пожиралъ то, что созидали вѣки!»

Разговаривая такимъ образомъ, мы подходили къ адмиралтейству. Помню, скажешь ты,—помню эту безобразную длинную фабрику, окруженную подъемными мостами, рвами глубокими, но не чистыми, заваленными досками и бревнами. Остановись, почтенный мой пріятель! Кто не былъ двадцать лѣтъ въ Петербургѣ, тотъ его, конечно, не узнастъ. Тотъ увидитъ новый городъ, новыхъ людей, новые обычаи, новые нравы. Вотъ что я повторяю тебѣ ежедневно въ моихъ запискахъ. И здѣсь то же превращеніе. Адмиралтейство, перестроенное Захаровымъ, превратилось въ прекрасное зданіе и составляетъ теперь украшеніе города. Прихотливые знатоки недовольны старымъ шпицомъ, который не соотвѣтствуетъ, по словамъ ихъ, новой колоннадѣ, но за то колоннада и новые павильоны или отдѣльные флигели прелестны. Вокругъ сего зданія расположенъ сей прекрасный бульваръ, обсаженный липами, которыя всѣ принялись и защищаютъ отъ солнечныхъ лучей.

Прелестное, единственное гульбище, съ котораго можно видѣть все, что Петербургъ имѣетъ величественнаго и прекраснаго: Неву, Зимній дворецъ, великолѣпные домы Дворцовой площади, образующей полукружіе, Невскій проспектъ, Исакіевскую площадь, конногвардейскій манежъ, который напоминаетъ Партенонъ, прелестное строеніе г. Гваренги, сенатъ, монументъ Петра I и снова Неву съ ея набережными!

Я хотѣлъ отдохнуть, и мы сѣли на одну изъ лавокъ бульвара. Площадь была покрыта каретами, бульваръ —гуляющими. Между тѣмъ какъ я разсматривалъ знакомыя и незнакомыя лица, нѣкто, человѣкъ пожилой и хворой, присѣлъ на лавку возлѣ меня. Черты его мнѣ были знакомы, но время изгладило изъ моей памяти его имя. Знакомый незнакомецъ глядѣлъ на меня пристально, минуту, двѣ, три... и наконецъ я узналъ въ немъ Старожилова. «Какъ ты перемѣнился!» воскликнули мы оба, глядя пристально другъ на друга. «Какъ все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я тебя видѣлъ здѣсь!» прибавилъ Старожиловъ съ тяжелымъ вздохомъ, отъ котораго морщины на его лбу сдѣлались еще глубже. Я не стану тебѣ говорить о вопросахъ, которые мы дѣлали въ запуски другъ другу: можешь ихъ легко угадать; скажу только, что нашъ старый знакомый, узнавъ намѣреніе наше посѣтить академію, взглянулъ на часы и сказалъ мнѣ: «Теперь еще рано; къ тремъ часамъ я могу поспѣть въ клубъ, гдѣ я долженъ пробовать новое вино и сказать мое мнѣніе на счетъ важнаго постановленія въ клубѣ, о которомъ я размышлялъ цѣлое утро». Важность, съ которою онъ говорилъ, заставила насъ улыбнуться. Къ счастію, Старожиловъ того не примѣтилъ и продолжалъ: «Прогулка мнѣ будетъ полезна, ибо сегодня солнце грѣетъ, какъ

лѣтомъ. Я побреду съ вами въ академію вовсе не изъ любопытства; тамъ ничего хорошаго нѣтъ. Я давно недоволенъ нашими художниками во всѣхъ родахъ, но мнѣ нужно разсѣяніе, единственно разсѣяніе!» прибавилъ онъ, кашляя безпрестанно.

Между тѣмъ какъ мы идемъ медленными шагами въ Академію, соображаясь съ походкою подагрика, я скажу тебѣ мимоходомъ, что Старожиловъ, котораго мы знали въ молодости нашей столь блестящаго, столь веселаго, столь разсѣяннаго, нынѣ сдѣлался брюзгою, недовольнымъ, однимъ словомъ—совершеннымъ образцомъ стараго холостаго человѣка. Ты помнишь, что въ молодости онъ имѣлъ живой умъ, нѣкоторыя познанія и большой навыкъ въ свѣтѣ. Нынѣ цвѣтъ ума его завялъ, прежняя живость изчезла, познанія, не усовершенныя безпрестанными трудами, изгладились или превратились въ закоренѣлые предразсудки, и все остроуміе его погибло, какъ блестящій фейерверкъ. Конечно, разсудокъ забылъ шепнуть ему: «Старайся быть полезенъ обществу! Недѣятельная жизнь, говоритъ мудрецъ херонейскій,—разслабляетъ тѣло и душу. Стоячая вода гніетъ; способности человѣка въ бездѣйствіи увядаютъ, и за молодостію невидимо крадется время:

Прійдутъ, прійдутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ граціи трепать!

Тогда общество справедливою холодностію отмститъ тебѣ за то, что ты былъ его безплоднымъ членомъ».

Старожиловъ, прожившій вертопрахомъ до нѣкотораго времени, проснулся въ сорокъ лѣтъ старикомъ, съ подагрою, съ полуразстроеннымъ имѣніемъ, безъ друга, безъ привязанностей сердечныхъ, которыя составляютъ и мученіе, и сладость жизни; онъ проснулся съ душев-

ною пустотою, которая превратилась въ эгоизмъ и мелочное самолюбіе. Ему все наскучило, онъ всѣмъ недоволенъ: въ его время и лучше веселились, и лучше говорили, и лучше писали. Трагедіи Княжнина, по его мнѣнію, лучше трагедій Озерова; басни Сумарокова предпочитаетъ онъ баснямъ Крылова, игру Сахаровой игрѣ Семеновой и такъ далѣе. «Какъ скучна нынѣшняя жизнь!» говоритъ онъ; и этому повѣрить можно. Зачѣмъ, спрашиваю я,—зачѣмъ постоянно десять лѣтъ является онъ въ клубѣ? Чтобы слушать, изобрѣтать или распускать городскія вѣсти или газетныя тайны, чтобы бранить нещадно все новое и прославлять любезную старину, отобѣдать и заснуть за чашкою кофе, при стукѣ шаровъ и при единообразномъ счетѣ маркёра, который, насчитавъ 48, ненавистнымъ числомъ напоминаетъ ему его лѣта. Сонный садится онъ въ карету и едва просыпается въ театрѣ при первомъ ударѣ смычка.

Разговаривая съ нимъ о старинѣ, которую я выхвалялъ изъ снисхожденія, мы приближались къ академіи.

Я долго любовался симъ зданіемъ, достойнымъ Екатерины, покровительницы наукъ и художествъ. Здѣсь на каждомъ шагу просвѣщенный патріотъ долженъ благословлять память монархини, которая не столько завоеваніями, сколько полезными заведеніями, заслуживаетъ отъ признательнаго потомства имя великой и мудрой. Сколько полезныхъ людей пріобрѣло общество чрезъ академію художествъ! Рѣдкое заведеніе у насъ въ Россіи принесло столько пользы. Но чему приписать это? Постоянному и мудрому плану, которому слѣдуетъ съ давняго времени начальство, и достойному выбору вельможъ дѣятельныхъ и просвѣщенныхъ на мѣсто пре-

зидентское. Я старъ уже; но при мысли о полезномъ дѣлѣ или учрежденіи для общества, чувствую, что сердце мое бьется живѣе, какъ у юноши, который не утратилъ еще прелестной способности чувствовать красоту истинно полезнаго и предается первому движенію благородной души своей. Вступая на лѣстницу, я готовъ былъ хвалить съ жаромъ монархиню и нѣкоторыхъ вельможъ, покровителей отечественныхъ музъ; но докучный Старожиловъ воскликнулъ, съ трудомъ переводя духъ и отдыхая на первыхъ ступеняхъ: «Боже мой, какая крутая лѣстница, и какъ она узка, и какъ безобразна! И къ чему эта Венера съ амазонками? Я никогда не былъ охотникъ до гипсовъ; лучше ничего или все: вотъ мое правило. Здѣсь надлежало бы поставить что-нибудь свое, произведеніе нашихъ художниковъ», и пр. и пр.

Толпа у дверей не позволила ему окончить своего критическаго замѣчанія, и мы остановились весьма кстати у двухъ превеликихъ сатировъ, называемыхъ Теламонами или Атлантами (мужескія каріатиды). «Вотъ украшеніе довольно странное», замѣтилъ молодой художникъ,—«и которое новѣйшіе художники употребляли часто некстати, а болѣе всего въ Парижѣ. Женскія каріатиды еще безобразнѣе мужескихъ. Можно ли видѣть безъ отвращенія прекрасную женщину, страдающую подъ тягостнымъ бременемъ и съ необыкновеннымъ усиліемъ во всѣхъ членахъ и мускулахъ поддерживающую цѣлое зданіе или огромную часть онаго? Одно жестокое сердце можетъ любить такого рода изображенія, и за тѣмъ-то, можетъ быть, французскіе артисты, тайно угождая вкусу Наполеона, ставили каріатиды вездѣ, гдѣ только можно было. Въ нѣкоторыхъ его замкахъ каждую дверь поддерживаютъ двѣ страдалицы. Въ самомъ

музеумѣ ихъ множество. Здѣсь же сіи каріатиды приличны, ибо могутъ служить образцами любопытнымъ молодымъ художникамъ».

Мы вошли въ ротонду, установленную гипсовыми слѣпками съ антиковъ. «Вотъ консулъ Бальбусъ», сказалъ мнѣ нашъ спутникъ, указывая на большаго всадника;—«подлинникъ статуи найденъ въ Геркуланумѣ».

«Но эта лошадь вовсе не красива», замѣтилъ Старожиловъ молодому артисту, качая головою.

«Вы правы», отвѣчалъ онъ,—«конь не весьма статенъ, коротокъ, высокъ на ногахъ, шея толстая, голова съ выпуклыми щеками, поворотъ ушей непріятный. То же самое замѣтите въ другой залѣ у славнаго коня Марка Аврелія. Художники новѣйшіе съ бо́льшимъ искусствомъ изображаютъ коней. У насъ передъ глазами Фальконетово произведеніе, сей чудесный конь, живой, пламенный, статный и столь смѣло поставленный, что одинъ иностранецъ, пораженный смѣлостію мысли, сказалъ мнѣ, указывая на коня Фальконетова: онъ скачетъ, какъ Россія! Но я не смѣю мыслить вслухъ о конѣ Бальбуса, боясь, чтобы меня не подслушали нѣкоторые упрямые любители древности. Вы себѣ представить не можете, что терятъ въ ихъ мнѣніи молодой художникъ, свободно мыслящій о нѣкоторыхъ условныхъ красотахъ въ изящныхъ художествахъ... Пойдемте далѣе».

Мы вошли въ другую залу, гдѣ находятся слѣпки съ неподражаемыхъ произведеній рѣзца у Грековъ и Римлянъ: прекрасное наслѣдіе древности, драгоцѣнные остатки, которые яснѣе всѣхъ историковъ свидѣтельствуютъ о просвѣщеніи древнихъ; въ нихъ-то искусство есть, такъ сказать, отголосокъ глубокихъ познаній природы, страстей и человѣческаго сердца. Какое

истинное богатство, какое разнообразіе! Здѣсь вы видите Геркулеса Фарнезскаго, образецъ силы душевной и тѣлесной. Вотъ умирающій боецъ или варваръ, вотъ комическій поэтъ и безподобный Фавнъ! Здѣсь прекрасныя группы: Лаокоонъ съ дѣтьми—драматическое твореніе рѣзца неизвѣстнаго! Вотъ Арія и Петусъ, и семейство несчастной Ніобы! Здѣсь вы видите Венеру, образецъ всего красивѣйшаго, однимъ словомъ—Венеру Медицисъ. Вотъ цѣлый рядъ колоссальныхъ бюстовъ Юпитера Олимпійскаго,

Кто маніемъ бровей колеблетъ неба сводъ,

Юноны, Менелая, Аякса, Кесаря и пр. И наконецъ—я спрашиваю себя—отъ чего сердце мое забилось сильнѣе?

Наполнилъ грудь восторгъ священный,
Благоговѣйный обнялъ страхъ,
Пріятный ужасъ потаенный
Течетъ во всѣхъ моихъ костяхъ;
Въ весельи сердце утопаетъ,
Какъ будто Бога ощущаетъ,
Присутствующаго со мной!..
Я вижу, вижу Аполлона
Въ тотъ мигъ, какъ онъ сразилъ Пиѳона
Божественной своей стрѣлой!
Зубчата молнія сверкаетъ,
Звенитъ въ рукѣ спущенный лукъ—
Ужасная змія зіяетъ
И въ мигъ свой испускаетъ духъ.

Вотъ сей божественный Аполлонъ, прекрасный богъ стихотворцевъ! Взирая на сіе чудесное произведеніе искусства, я вспоминаю слова Винкельмана: «Я забываю вселенную», говоритъ онъ,—«взирая на Аполлона; я самъ принимаю благороднѣйшую осанку, чтобы достойнѣе созерцать его». Имѣя столь прекраснаго бога по-

кровителемъ, мудрено ли—спрашиваю васъ—мудрено ли, что одинъ изъ нашихъ поэтовъ воскликнулъ однажды въ припадкѣ піитической гордости:

Я съ возвышенною вездѣ хожу главой!

«Вотъ наши сокровища», сказалъ художникъ Н., указывая на Аполлона и другіе антики;—«вотъ источникъ нашихъ дарованій, нашихъ познаній, истинное богатство нашей академіи, богатство, на которомъ основаны всѣ успѣхи бывшихъ, нынѣшнихъ и будущихъ воспитанниковъ! Отнимите у насъ это драгоцѣнное собраніе и скажите, какіе бы мы сдѣлали успѣхи въ живописи и въ ваяніи? Надобно желать, чтобъ оно еще было удвоено, утроено. Здѣсь многаго недостаетъ; но то, что есть, прекрасно: ибо слѣпки вѣрны и могутъ удовлетворить самаго строгаго наблюдателя древности».

Пройдя двѣ небольшія залы, мы увидѣли толпу зрителей передъ большою картиною. Вотъ новая картина г. Егорова! Одно имя сего почтеннаго академика возбуждаетъ твое любопытство.... И такъ, я перескажу отъ слова до слова сужденіе о его новой картинѣ, то-есть, то, что я слушалъ въ глубокомъ молчаніи.

«Подойдемте поближе», сказалъ Старожиловъ, надѣвая съ комическою важностію очки свои.—«Я немного наслышался объ этомъ художникѣ».

Художникъ изобразилъ истязаніе Христа въ темницѣ. Четыре фигуры выше человѣческаго роста: главная изъ нихъ, Спаситель, передъ каменнымъ столпомъ, съ связанными назадъ руками, и три мучителя, изъ которыхъ одинъ прикрѣпляетъ веревку къ столпу, другой снимаетъ ризы, покрывающія Искупителя, и въ одной рукѣ держитъ пукъ розогъ; третій воинъ, кажется, дѣлаетъ упреки Божественному Страдальцу; но рѣ-

шительно опредѣлить намѣреніе артиста весьма трудно, хотя онъ и старался дать сильное выраженіе лицу воина—можетъ быть, для противуположности съ фигурою Христа.

«Посмотрите», сказалъ намъ молодой художникъ,—«какъ туловище Христа нарисовано правильно, просто и благородно. Кажется, что глубокій вздохъ готовъ вырваться изъ подъятой груди его».

«Но лице не соотвѣтствуетъ красотѣ всего тѣла», возразилъ Старожиловъ,—«признайтесь сами, что глаза его слишкомъ велики; въ нихъ нѣтъ ничего божественнаго».

«Я съ вами не совсѣмъ согласенъ: положеніе головы прекрасно, и въ лицѣ вы видите сильное выраженіе страданія, горести и покорности волѣ Отца Небеснаго».

«Къ сожалѣнію, эта фигура напоминаетъ изображеніе Христа у другихъ живописцевъ, и я напрасно ищу во всей картинѣ оригинальности, чего-то новаго, необыкновеннаго, однимъ словомъ—своей мысли, а не чужой».

«Вы правы, хотя не совершенно: этотъ предметъ былъ написанъ нѣсколько разъ. Но какая въ томъ нужда? Рубенсъ и Пуссень каждый писали его по своему, и если картина Егорова уступаетъ Пуссеневой, то конечно, выше картины Рубенсовой...»

«Какъ, что нужды? Пуссень и Рубенсъ писали истязаніе Христово: тѣмъ я строже буду судить художника, тѣмъ я буду прихотливѣе. Еслибъ какой-нибудь, впрочемъ и весьма искусный живописецъ вздумалъ написать картину Преображенія, я сказалъ бы ему: конечно, вы не видали картины Рафаелевой? Еслибъ поэтъ вздумалъ написать намъ Ифигенію въ Авлидѣ, я сказалъ бы ему: ее написалъ Расинъ прежде тебя; и такъ далѣе».

«Но признайтесь, по крайней мѣрѣ, что мучитель, прикрѣпляющій веревку, которою связаны руки Христа, написанъ прекрасно, правильно и можетъ назваться образцемъ рисунка. Онъ ясно доказываетъ, сколько г. Егоровъ силенъ въ рисункѣ, сколько ему извѣстна анатомія человѣческаго тѣла. Вотъ оригинальность нашего живописца!»

«Это все справедливо; но къ чему усиліе сего человѣка? Чтобы затянуть узелъ? Я вижу, что живописецъ хотѣлъ написать академическую фигуру и написалъ ее прекрасно; но я не однѣхъ побѣжденныхъ трудностей ищу въ картинѣ. Я ищу въ ней болѣе: я ищу въ ней пищи для ума, для сердца; желаю, чтобъ она сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе, чтобъ она оставила въ сердцѣ моемъ продолжительное воспоминаніе, подобно прекрасному драматическому представленію, если изображаетъ предметъ важный, трогательный. Къ тому же согласитесь, что другой мучитель поставленъ дурно. А воинъ?... Онъ вовсе лишній, онъ ни на кого не глядитъ, хотя глаза его отверзты необыкновеннымъ образомъ... Къ чему—спрашиваю васъ—на римскомъ воинѣ шлемъ съ змѣемъ, и почему въ темницѣ Христовой лежитъ желѣзная рукавица? Ихъ начали употреблять десять вѣковъ или болѣе послѣ Рождества Христова; не значитъ ли это»....

«Конечно такъ!» сказалъ Старожилову какой-то незнакомецъ, который долго вслушивался въ разговоръ, (мы приняли его за художника),—«конечно такъ! Если художники наши будутъ болѣе читать и разсматривать прилежнѣе книги, въ которыхъ представлены обряды, одежды и вооруженіе древнихъ, то подобныхъ анахронизмовъ дѣлать не будутъ».

«Но признайтесь, государь мой, признайтесь,

отложа всякое пристрастіе, что эта картина обѣщаетъ дальнѣйшіе успѣхи. Если обстоятельства, которыя часто не благопріятствовали нашимъ артистамъ, если обстоятельства позволятъ ея живописцу заниматься постоянно сочиненіемъ большихъ картинъ, то можно ожидать, что онъ, утвердясь въ выборѣ, въ употребленіи и согласованіи красокъ и познакомясь со многими механическими пріемами (тайны, которыя долженъ угадывать художникъ въ живописномъ дѣлѣ), при твердой, правильной и красивой его рисовкѣ, при изобрѣтательномъ и благоразумномъ дарованіи, со временемъ не уступитъ лучшимъ живописцамъ италіянской, французской и испанской школы».

Будучи отъ природы снисходительнѣе и любя наслаждаться всѣмъ прекраснымъ, я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на картину г. Егорова и сказалъ мысленно: «Вотъ художникъ, который приноситъ честь академіи, и которымъ мы, Русскіе, можемъ справедливо гордиться».

Въ слѣдующихъ комнатахъ продолжались выставки, и по большей части молодыхъ воспитанниковъ академіи. Я смотрѣлъ съ любопытствомъ на ландшафтъ, изображающій видъ окрестностей Шафгаузена и хижину, въ которой Государь Императоръ съ великою княгинею Екатериною Павловною угощены новымъ Филемономъ и Бавкидою. Вдали видно паденіе Рейна, не весьма удачно написанное. Въ той же самой комнатѣ проектъ на соборную церковь и два проекта для монумента изъ отнятыхъ у непріятеля пушекъ: оба не соотвѣтствуютъ прекрасной и высокой мысли. Вотъ празднованіе Пасхи въ Парижѣ Александромъ и его побѣдоносными войсками. Какой предметъ для патріота! Съ какимъ чистѣйшимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на эту

картину! Толпы народа и войска представлены ясно; но я замѣтилъ, что цвѣтъ неба и облаковъ холоденъ и тяжелъ.

Множество зрителей всякаго званія толпились передъ большою картиною, изображающею Христа съ учениками и блудницею. Одни хвалили съ жаромъ, другіе осуждали. De gustibus non est disputandum! «Видно, что живописецъ», сказалъ намъ молодой нашъ путеводитель,— «живописецъ, скупой на искусство и вкусъ, не пощадилъ полотна, розовой и голубой краски».

«И времени», прибавилъ Старожиловъ.

«Вы видите здѣсь и другую картину: Венеру розовую на голубомъ полѣ, съ голубками и съ Купидономъ - неудачное подраженіе Тиціану или китайскимъ картинамъ безъ тѣней; Венеру, которая не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ Венерою Омера, Овидія или Лукреція, но живымъ образомъ напоминаетъ намъ какую-нибудь богиню изъ шуточной поэмы Майкова или изъ Энеиды, вывороченной на изнанку. Вы видите тамъ, на другой стѣнѣ, тріумфъ Государя, на подобіе Рубенса. Теперь взгляните на этого больнаго старика съ факеломъ, подражаніе Жирару де-ла Нотте, и признайтесь, что эти живописцы въ своемъ подражаніи оригинальны. Они-то могутъ назваться со временемъ основателями новой италіянской школы, la scuola Pietroborghese, и затмить своею чудесною кистію славу своихъ соотечественниковъ славу Рафаеля, Кореджіо, Тиціана, Альбана и проч.»

Пускай глаза наши, ослѣпленные яркими красками сихъ живописей, на которыхъ Ньютонъ могъ бы открыть всѣ преломленія луча солнечнаго, пускай глаза наши отдохнутъ на произведеніи г. Есакова. Вотъ его рѣзные камни: одинъ изображаетъ Геркулеса, бросающаго Іоласа въ море, другой — Кіевлянина, переплывшаго Днѣпръ.

Большая твердость въ рисункѣ! Пожелаемъ искусному художнику болѣе навыка, безъ котораго нѣтъ легкости и свободы въ отдѣлкѣ мелкихъ частей. Смѣлости у него довольно, а знаній?.. «Вѣкъ живи, вѣкъ учись», сказалъ Старожиловъ.—«Согласитесь однакоже», шепнулъ онъ молодому художнику, — «согласитесь, что, кромѣ картины Егорова, мы ничего еще не видѣли совершеннаго или близкаго къ совершенству».

«Можетъ быть!» отвѣчалъ онъ; — «но прошу васъ взглянуть на рисунокъ Уткина. Этотъ превосходный рисунокъ, какъ вы видите, изображаетъ святую Фамилію съ Гвидо Рени. Другой рисунокъ—портретъ князя Александра Борисовича Куракина и съ него гравированный портретъ сего вельможи».

«Вотъ истинное искусство!» сказалъ Старожиловъ, измѣняя своему прекрасному правилу: Nil admirari. — «Г. Уткинъ, извѣстный и уважаемый въ Парижѣ, можетъ стать на ряду съ лучшими граверами въ Европѣ. Конечно, и въ отечествѣ своемъ найдетъ онъ людей просвѣщенныхъ, достойныхъ цѣнителей его рѣдкаго таланта!»

Но съ какимъ удовольствіемъ смотрѣли мы на портреты г. Кипренскаго, любимаго живописца нашей публики! Правильная и необыкновенная пріятность въ его рисункѣ, свѣжесть, согласіе и живость красокъ, все доказываетъ его дарованіе, умъ и вкусъ нѣжный, образованный [1]).

[1]) Въ собраніи портретовъ г. Кипренскаго, по важности предмета и по отдѣлкѣ, занимаютъ первое мѣсто два портрета великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича; голова старика съ сѣдою бородою, или образецъ для апостольской головы; имъ же гравированный портретъ и весьма схожій славнаго актера Дмитревскаго, и рисованный чернымъ карандашемъ—Фигнера, славнаго соглядатая нашей арміи, о которомъ можно сказать, что Тассъ говорилъ о Ваеріи:

Старожиловъ, къ удивленію нашему, плѣнился мастерскою его кистью и, открывъ въ своей памяти два италіянскіе стиха, сказалъ ихъ съ необыкновенною живостію:

Manca il parlar: di vivo altro non chiedi:
Nè manca questo ancor, s'a gli occhi credi.

«Видите ли», продолжалъ онъ,—«видите ли, какъ образуются наши живописцы? Скажите, чтобъ былъ г. Кипренскій, еслибъ онъ не ѣздилъ въ Парижъ, если бы»...

«Онъ не былъ еще въ Парижѣ, ни въ Римѣ», отвѣчалъ ему художникъ.

. . . per dritto sentier tra regie porte
Trapassa, ed or dimanda, ed or risponde.
A dimande a risposte astute e pronte
Accoppia baldanzosa audace fronte.
Di qua di là sollecito s'aggira
Per le vie, per le piazze e per le tende.
I guerrier' i destrier' l'arme rimira;
L'arti e gli ordini osserva, e i nomi apprende.
Nè di ciò pago, a maggior' cose aspira:
Spia gli occulti disegni, e parte intende.
Tanto s'avvolge, e così destro e piano...

То-есть: «Прямымъ путемъ проходитъ чрезъ врата царскіе. Дѣлаетъ вопросы, даетъ отвѣты; хитрымъ вопросамъ и быстрымъ отвѣтамъ соотвѣтствуетъ его смѣлое и гордое чело. Туда и сюда проходитъ торопливыми шагами, чрезъ пути и площади между шатровъ непріятельскихъ. Осматривая ряды воиновъ, коней и оружія, замѣчаетъ порядокъ, искуство воиновъ; познаетъ ихъ имена. Сего не довольно: онъ стремится къ высшей цѣли: проникаетъ въ тайные замыслы и хитрыя намѣренія враговъ».

Нашъ Фингеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи:
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ:
Все зрѣли быстры очи.
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ,
А онъ ужь витязь на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ...

Жуковскій.

«Это удивительно, удивительно!» повторилъ Старожиловъ.

«Почему? Развѣ нѣтъ образцовъ и здѣсь для портретнаго живописца? Развѣ Эрмитажъ закрытъ для любопытнаго, а особенно для художника? Развѣ не позволяется художнику списывать тамъ портреты съ Вандика, пейзажисту учиться надъ богатымъ собраніемъ картинъ единственныхъ въ своемъ родѣ? Или вы думаете, что нуженъ непремѣнно воздухъ римскій для артиста, для любителя древности, что ему нужно долговременное пребываніе въ Парижѣ? Въ Парижѣ! Согласенъ! Но сколько дарованій погибло въ этой столицѣ? Разсѣяніе, всѣ прелести свѣта не только препятствовали развитію дарованія, но губили его на вѣки».

«Вотъ московскіе виды», сказалъ молодой художникъ, указывая на картины, изображающія Каменный мостъ, Кремль и пр. съ большою истиною и искусствомъ.

Какія воспоминанія для московскаго жителя! Разсматривая живопись, я погрузился въ сладостное мечтаніе и готовъ былъ воскликнуть почти то же, что Эней у Гелена, въ долинахъ Хаонейскихъ, гдѣ все чудеснымъ образомъ напоминало изгнаннику его священную Трою, рощи, луга и источники родины незабвенной [1]); я готовъ былъ сказать моимъ товарищамъ:

Что матушки Москвы, и краше, и милѣе?

Но Старожиловъ разсѣялъ воспоминаніе о древней бѣлокаменной столицѣ громкимъ и безпрерывнымъ смѣхомъ, разсматривая чудесныя мозаики, въ той же ком-

[1]) Procedo, et parvam Troiam, simulataque magnis
Pergama et arentem Xanthi cognomine rivum,
Adgnosco Scaeaeque amplector limina portae, и пр.
Aeneid. liber III.

натѣ выставленныя. Я взглянулъ на нихъ съ негодованіемъ, пожалъ плечами и пошелъ въ другую комнату, гдѣ ожидалъ насъ портретъ покойнаго гр. А. С. Строганова, писанный г. Варнекомъ. Вокругъ него мы нашли толпу зрителей: одни хвалили смѣлость кисти, отдѣлку платья, бѣлаго глазета и весь рисунокъ картины; другіе, напротивъ того, утверждали, что краски вообще тусклы, отдѣлка груба, нетщательна и пр. и пр. и пр.; а я восхищался удивительнымъ сходствомъ лица.

«Такъ, это онъ, точно онъ!» сказалъ какой-то пожилой человѣкъ нашему путеводителю.—«Эта прекрасная картина г. Варнека возбуждаетъ въ моей памяти тысячу горестныхъ и сладкихъ воспоминаній! Она живо представляетъ лицо покойнаго графа, сего просвѣщеннаго покровителя и друга наукъ и художествъ, вельможу, котораго мы будемъ всегда оплакивать, какъ дѣти—нѣжнаго и попечительнаго отца. Полезные совѣты, лестное одобреніе знатока, рѣдкое добродушіе, истинный признакъ великой и прекрасной души, желаніе быть полезнымъ каждому изъ насъ, пламенная, но просвѣщенная любовь къ отечеству, любовь ко всему, что можетъ возвысить его славу и сіяніе, вотъ чѣмъ отличался почтенный президентъ нашей академіи, вотъ что мы будемъ воспоминать со слезами вѣчной признательности, и что искусная кисть г. Варнека столь живо напоминаетъ всѣмъ академикамъ, которые имѣли счастіе пользоваться покровительствомъ любезнѣйшаго и добрѣйшаго изъ людей. Черты, незабвенныя черты нашего мецената будутъ намъ всегда драгоцѣнны!»

Художникъ говорилъ съ большимъ жаромъ, и слезы навернулись на его глазахъ. Я былъ внѣ себя отъ радости, ибо я раздѣлялъ вполнѣ его чувства. Самъ Старожиловъ былъ тронутъ и долго стоялъ въ молчаніи

предъ почтеннымъ ликомъ почтеннаго старца, престарѣлаго Нестора искусствъ, истиннаго образца людей государственныхъ, вельможи, который доказалъ краснорѣчивымъ примѣромъ цѣлой жизни, что вышній санъ заимствуетъ прочное сіяніе не отъ богатства и почестей наружныхъ, но отъ истиннаго, неотъемлемаго достоинства души, ума и сердца.

Долго сладкое впечатлѣніе оставалось въ моей душѣ, и я, занятый разговоромъ почтеннаго художника, прошелъ безъ вниманія мимо нѣкоторыхъ картинъ, ученической работы, иностранцевъ, которые на сей разъ какъ будто нарочно согласились уступить безспорно преимущество нашимъ художникамъ, выставя безобразныя и уродливыя произведенія своей кисти. Мы остановились у подножія Актеона (изобрѣтенія г. Мартоса), большой статуи, отлитой для гр. Н. П. Румянцова г. Екимовымъ: прекрасное произведеніе русскихъ художниковъ! «Замѣтьте, сказалъ намъ услужливый путеводитель нашъ,— «замѣтьте, что литейное искусство сдѣлало большой шагъ въ Россіи подъ руководствомъ г. Екимова» [1]).

Картина г. Куртеля «Спартанецъ при Θермопилахъ» привлекла наше вниманіе. Прекрасный юноша, сразившійся за свободу Греціи, умираетъ одинъ, безъ помощи, безъ друга, въ мѣстахъ пустынныхъ. Кровавый долгъ Спартѣ отданъ, оружіе избито, кровь пролита ручьями изъ ранъ глубокихъ и смертельныхъ, и послѣднія минуты убѣгающей жизни принадлежатъ ему: послѣдніе взоры, исполненные страданія и любви, устрем-

[1]) Отлитая г. Екимовымъ фигура Актеона, по разобраніи формы, не была ни опилена, ни отчеканена; но отлитіе оной такъ совершенно, что по отбитіи путцевъ, чрезъ которые течетъ въ форму растопленный металлъ, осталось только всю фигуру пройти пескомъ, для того чтобъ ей дать общій цвѣтъ. Хвала г. Екимову, особливо за удачное во всѣхъ частяхъ отлитіе колоссальныхъ статуй для Казанскаго собора, также конченныхъ безъ чеканки!

лены на медальонъ, изображающій черты ему любезныя. «Вотъ прекрасная мысль», сказалъ я моимъ товарищамъ,—«и выраженная мастерскою кистію». Но они замѣтили, и справедливо, что въ фигурѣ нѣтъ ни соразмѣрности, ни согласія. «Это туловище небольшаго фавна, приставленное къ ногамъ Боргезскаго борца», сказалъ молодой художникъ;—«конечно, много истины въ выраженіи лица и мертвенности другихъ членовъ; но признаюсь вамъ, я неохотно смотрю на подобныя сему изображенія. И можно ли смотрѣть спокойно на картины Давида и школы, имъ образованной, которая напоминаетъ намъ одни ужасы революціи: терзаніе умирающихъ насильственною смертію, оцѣпенѣніе глазъ, трепещущія, поблѣднѣлыя уста, глубокія раны, судороги, однимъ словомъ—ужасную побѣду смерти надъ жизнію. Согласенъ съ вами, что это представлено съ большою живостію; но эта самая истина отвратительна, какъ нѣкоторыя истины, изъ природы почерпнутыя, которыя не могутъ быть приняты въ картинѣ, въ статуѣ, въ поэмѣ и на театрѣ».

Разговаривая такимъ образомъ, мы оставили академію. Если мое письмо не наскучило пустыннику, то я сообщу тебѣ продолженіе нашей прогулки и разговора о художествахъ. Прости до первой почты.

NN.

P. S. На третій день моей прогулки въ академію я кончилъ мое письмо къ тебѣ и готовъ былъ его запечатать, какъ вдругъ мнѣ пришла на умъ слѣдующая мысль: Если кто-нибудь прочитаетъ то, что я сообщалъ пріятелю въ откровенной бесѣдѣ?.... «Что нужды», отвѣчалъ молодой художникъ Н., которому я прочиталъ мое письмо,—«что нужды? Развѣ вы обидѣли кого-нибудь изъ художниковъ, достойныхъ уваженія? Выставя картину

для глазъ цѣлаго города, развѣ художникъ не подвергаетъ себя похвалѣ и критикѣ добровольно? Одинъ маляръ гнѣвается за сужденіе знатока или любителя; истинный талантъ не страшится критики; напротивъ того, онъ любитъ ее, онъ уважаетъ ее, какъ истинную, единственную путеводительницу къ совершенству. Знаете ли, что убиваетъ дарованіе, особливо если оно досталось въ удѣлъ человѣку безъ твердаго характера? Хладнокровіе общества: оно ужаснѣе всего! Какія сокровища могутъ замѣнить лестное одобреніе людей чувствительныхъ къ прелестямъ искусствъ! Одинъ богатый невѣжда заказалъ картину моему пріятелю; картина была написана, и художникъ получилъ кучу золота... Повѣрите ли, онъ былъ въ отчаяніи. Ты недоволенъ платою? спросилъ я.—О нѣтъ, я награжденъ слишкомъ щедро!—Что же огорчаетъ тебя?—Ахъ, любезный другъ, моя картина досталась невѣждѣ и сгніетъ въ его кабинетѣ: что мнѣ въ золотѣ безъ славы!—Въ Парижѣ художники знаютъ свою выгоду. Они живутъ въ тѣсной связи съ писателями, которые за нихъ сражаются съ журналистами, съ знатоками и любителями и проливаютъ за нихъ источники чернилъ. Двѣ, три недѣли, часто мѣсяцъ занимаютъ они публику послѣ перваго выставленія картинъ». «Это все справедливо; но я могъ ошибаться». «Что нужды, если безъ намѣренія!» «Но я употребилъ въ моемъ письмѣ новыя выраженія, напримѣръ: механическій пріемъ (въ живописномъ дѣлѣ), желая изъяснить то, что Французы называютъ le faire, и боюсь»... «Пускай другіе переведутъ лучше, исправнѣе; у насъ еще не было своего Менгса, который открылъ бы намъ тайны своего искусства и къ искусству живописи присоединилъ другое, столь же трудное, искусство изъяснять свои мысли. У насъ не бы-

ло Винкельмана.... Но запечатайте, запечатайте письмо: его никто не прочитаетъ!» повторялъ художникъ съ хитрою улыбкою. И его слова успокоили меня, хотя не совершенно. Признаюсь тебѣ, любезный другъ, я боюсь огорчить нашихъ художниковъ, которые нерѣдко до того простираютъ ревность къ своей славѣ, что малѣйшую критику, самую умѣренную, самую осторожную, почитаютъ личнымъ оскорбленіемъ.

X.

НѢЧТО О ПОЭТѢ

и поэзіи.

Поэзія, сей пламень небесный, который менѣе или болѣе входитъ въ составъ души человѣческой, сіе сочетаніе воображенія, чувствительности, мечтательности, поэзія нерѣдко составляетъ и муку, и услажденіе людей, единственно для нея созданныхъ. «Вдохновеніемъ генія тревожится поэтъ», сказалъ извѣстный стихотворецъ. Это совершенно справедливо. Есть минуты дѣятельной чувствительности; ихъ испытали люди съ истиннымъ дарованіемъ; ихъ-то должно ловить на лету живописцу, музыканту и болѣе всѣхъ поэту,—ибо онѣ рѣдки, преходящи и зависятъ часто отъ здоровья, отъ времени, отъ вліянія внѣшнихъ предметовъ, которыми по произволу мы управлять не въ силахъ. Но въ минуту вдохновенія, въ сладостную минуту очарованія поэтическаго, я никогда не взялъ бы пера моего, если бы нашелъ сердце способное чувствовать вполнѣ то, что я чувствую, если бы могъ передать ему всѣ тайныя помышленія, всю свѣжесть моего мечтанія и заставить въ немъ трепетать тѣ же струны, которыя издали голосъ въ моемъ сердцѣ. Гдѣ сыскать сердце, готовое раздѣлять съ нами всѣ чувства и ощущенія наши? Нѣтъ его

съ нами, и мы прибѣгаемъ къ искусству выражать мысли свои—въ сладостной надеждѣ, что есть на землѣ сердца добрыя, умы образованные, для которыхъ сильное и благородное чувство, счастливое выраженіе, прекрасный стихъ и страница живой, краснорѣчивой прозы суть сокровища истинныя... «Они не могутъ читать въ моемъ сердцѣ, но прочитаютъ книгу мою», говорилъ Монтань, и въ самыя бурныя времена Франціи, при звукѣ оружія, при заревѣ костровъ, зажженныхъ суевѣріемъ, писалъ О п ы т ы свои и, бесѣдуя съ добрыми сердцами всѣхъ вѣковъ, забывалъ недостойныхъ современниковъ.

Нѣкто сравнивалъ душу поэта въ минуту вдохновенія съ растопленнымъ въ горнилѣ металломъ: въ сильномъ и постоянномъ пламени онъ долго остается въ первобытномъ положеніи, долго недвижимъ; но раскаленный рдѣется, закипаетъ и клокочетъ, снятый съ огня—въ одну минуту успокоивается и упадаетъ. Вотъ прекрасное изображеніе поэта, котораго вся жизнь должна приготовлять нѣсколько плодотворныхъ минутъ; всѣ предметы, всѣ чувства, все зримое и незримое должно распалять его душу и медленно приближать сіи ясныя минуты дѣятельности, въ которыя столь легко изображать всю исторію нашихъ впечатлѣній, чувствъ и страстей. Плодотворная минута поэзіи, ты быстро изчезаешь, но оставляешь вѣчные слѣды у людей, владѣющихъ языкомъ боговъ!

Люди, счастливо рожденные, которыхъ природа щедро надѣлила памятію, воображеніемъ, огненнымъ сердцемъ и великимъ разсудкомъ, умѣющимъ давать вѣрное направленіе и памяти, и воображенію,—сіи люди, имѣютъ, безъ сомнѣнія, даръ выражаться, прелестный даръ, лучшее достояніе человѣка, ибо посредствомъ его

онъ оставляетъ вѣрнѣйшіе слѣды въ обществѣ и имѣетъ на него сильное вліяніе. Безъ него не было бы ничего продолжительнаго, вѣрнаго, опредѣленнаго, и то, что мы называемъ безсмертіемъ на землѣ, не могло бы существовать. Вѣки мелькаютъ, памятники рукъ человѣческихъ разрушаются, изустныя преданія измѣняются, исчезаютъ; но Омеръ и книги священныя говорятъ о протекшемъ. На нихъ основана опытность человѣческая. Вѣчные кладези, откуда мы почерпаемъ истины утѣшительныя или печальныя, что даетъ вамъ сію прочность? Искусство письма и другое, важнѣйшее, искусство выраженія.

Сей даръ выражать и чувства, и мысли свои давно подчиненъ строгой наукѣ. Онъ подлежитъ постояннымъ правиламъ, проистекшимъ отъ опытности и наблюденія. Но самое изученіе правилъ, безпрестанное и упорное наблюденіе изящныхъ образцовъ, недостаточны. Надобно, чтобы вся жизнь, всѣ тайныя помышленія, всѣ пристрастія клонились къ одному предмету, и сей предметъ долженъ быть искусство: поэзія—осмѣлюсь сказать—требуетъ всего человѣка.

Я желаю — (пускай назовутъ страннымъ мое желаніе!)—желаю, чтобы поэту предписали особенный образъ жизни, піитическую діэтику, однимъ словомъ—чтобы сдѣлали науку изъ жизни стихотворца. Эта наука была бы для многихъ сдва ли не полезнѣе всѣхъ Аристотелевыхъ правилъ, по которымъ научаемся избѣгать ошибокъ, но какъ творить изящное—никогда не научимся!

Первое правило сей науки должно быть: живи какъ пишешь, и пиши какъ живешь; talis hominibus fuit oratio, qualis vita. Иначе всѣ отголоски лиры твоей будутъ фальшивы. Къ чему произвела тебя природа? Что вложила въ сердце твое? Чѣмъ плѣняется воображеніе—часто

противъ воли твоей? При чтеніи какого писателя трепеталъ твой геній съ неизъяснимою радостію, и гласъ, громкій гласъ твоей піитической совѣсти восклицалъ: Проснись, и ты поэтъ! При чтеніи творцовъ эпическихъ? И такъ, удались отъ общества, окружи себя природою: въ тишинѣ сельской, посреди грубыхъ, не испорченныхъ нравовъ читай исторію временъ протекшихъ, поучайся въ печальныхъ лѣтописяхъ міра, узнавай человѣка и страсти его, но исполнись любви и благоволенія ко всему человѣчеству: да будутъ мысли твои важны и величественны, движенія души твоей нѣжны и страстны, но всегда покорены разсудку, спокойному властелину ихъ. Этого мало! Эпическому стихотворцу надобно все испытать, о б ѣ Ф о р т у н ы: подобно Тассу—любить и страдать всѣмъ сердцемъ, подобно Камоэнсу—сражаться за отечество, обтекать всѣ страны, вопрошать всѣ народы дикіе и просвѣщенные, вопрошать всѣ памятники искусства, всю природу, которая говоритъ всегда краснорѣчиво и внятно уму возвышенному, обогащенному опытами, воспоминаніями; однимъ словомъ—надобно, забывъ всѣ ничтожныя выгоды жизни и самолюбія, пожертвовать всѣмъ славѣ и тогда только погрузиться (не съ дерзостію кичливаго ума, но съ рѣшимостію человѣка, носящаго въ груди своей внутреннее сознаніе собственной силы), тогда только погрузиться въ бурное и пространное море эпопеи...

Жить въ обществѣ, носить на себѣ тяжелое ярмо должностей, часто ничтожныхъ и суетныхъ, и хотѣть согласовать выгоды самолюбія съ желаніемъ славы есть требованіе истинно суетное. Что образъ жизни дѣйствуетъ сильно и постоянно на талантъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Примѣръ тому—Французы: ихъ словесность, столь богатая во всѣхъ родахъ, не имѣетъ ни

эпопеи, ни исторіи. Ихъ писатели по большей части жили посреди шумнаго города, посреди всѣхъ обольщеній двора и праздности, а исторія и эпопея требуютъ вниманія постояннаго и сей важности, и сей душевной силы, которую общество, не только что отнимаетъ у человѣка разсѣяннаго, но уничтожаетъ совершенно. «Хотите ли быть краснорѣчивыми писателями?» говоритъ краснорѣчивая женщина нашего времени,—«будьте добродѣтельны и свободны, почитайте предметъ любви вашей, ищите безсмертія въ любви, Божества въ природѣ; освятите душу, какъ освящаютъ храмъ, и ангелъ возвышенныхъ мыслей предстанетъ вамъ во всемъ велелѣпіи!» Прелестныя строки, исполненныя истины, васъ разсѣянные умы или не поймутъ, или прочитаютъ съ гордымъ презрѣніемъ.

Взглянемъ на жизнь нѣкоторыхъ стихотворцевъ, которыхъ имена столь любезны сердцу нашему. Горацій, Катуллъ и Овидій такъ жили, какъ писали. Тибуллъ не обманывалъ ни себя, ни другихъ, говоря покровителю своему Мессалѣ, что его не обрадуютъ ни тріумфы, ни пышный Римъ, но спокойствіе полей, здоровый воздухъ лѣсовъ, мягкіе луга, родимый ручеекъ и эта хижина съ простымъ соломеннымъ кровомъ, ветхая хижина, въ которой Делія ожидастъ его съ распущенными власами по высокой груди. Петрарка точно стоялъ опершись на скалу Воклюзскую, погруженный въ глубокую задумчивость, когда вылетали изъ устъ его гармоническіе стихи:

sott' un gran sasso
In una chiusa valle, ond' esce Sorga,
Si sta: nè chi lo scorga
V'è, se no Amor, che mai nol lascia un passo;
E l'immagine d'una che lo strugge.

Счастливый Шолье мечталъ подъ ветхими и тѣнистыми древами Фонтенейскаго убѣжища; тамъ сожалѣлъ онъ объ утратѣ юности, объ утратѣ невѣрныхъ наслажденій любви. Богдановичъ жилъ въ мірѣ фантазіи, имъ созданномъ, когда рука его рисовала плѣнительное изображеніе Душеньки [1]). Державинъ на дикихъ берегахъ Суны, орошенный кипящею ея пѣною, воспѣвалъ водопадъ и Бога въ пророческомъ изступленіи. И въ наши времена, болѣе обильныя славою, нежели благопріятныя музамъ, Жуковскій, оторванный Беллоною отъ милыхъ полей своихъ, Жуковскій, одаренный пламеннымъ воображеніемъ и рѣдкою способностію передавать другимъ глубокія ощущенія души сильной и благородной, въ станѣ воиновъ, при громѣ пушекъ, при заревѣ пылающей столицы писалъ вдохновенные стихи, исполненные огня, движенія и силы.

Если образъ жизни имѣетъ столь сильное вліяніе на произведенія поэта, то воспитаніе дѣйствуетъ на него еще сильнѣе. Ничто не можетъ изгладить изъ памяти сердца нашего первыхъ, сладостныхъ впечатлѣній юности. Время украшаетъ ихъ и даетъ имъ восхитительную прелесть. Въ среднемъ возрастѣ зримые предметы слабо врѣзываются въ памяти, и душа, утомленная ощущеніями, пренебрегаетъ ими: ее занимаютъ однѣ страсти. Въ преклонныхъ лѣтахъ человѣкъ не пріобрѣтаетъ, и послѣднимъ его сокровищемъ остается то единственно, чѣмъ онъ запасъ себя въ молодости. Такимъ образомъ природа соединяетъ вечеръ съ утромъ жизни, какъ вечерняя заря сливается съ утреннею въ долгіе дни лѣта подъ нашимъ сѣвернымъ небомъ.

[1]) Богдановичъ жилъ въ совершенномъ уединеніи. У него были два товарища, достойные добродушнаго Лафонтена: котъ и пѣтухъ. Объ нихъ онъ говорилъ, какъ о друзьяхъ своихъ, разсказывалъ чудеса, безпокоился объ ихъ здоровьѣ и долго оплакивалъ ихъ кончину.

Если первыя впечатлѣнія столь сильны въ сердцѣ каждаго человѣка, если не изглаживаются во все теченіе его жизни, то тѣмъ болѣе они должны быть сильны и сохранять неувядаемую свѣжесть въ душѣ писателя, одареннаго глубокою чувствительностію:

Утѣшно вспоминать подъ старость дѣтски лѣты,
Забавы, рѣзвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!

Если бы мы знали подробно обстоятельства жизни великихъ писателей, то безъ сомнѣнія, могли бы найти въ ихъ твореніяхъ слѣды первыхъ, всегда сильныхъ ощущеній. Сердце имѣетъ свою особенную память. Руссо помнилъ начало пѣсни, которую ему напѣвала его добродушная тетка. Молодой Аріостъ, въ бытность свою во Флоренціи, влюбился въ прелестную женщину; онъ часто посѣщалъ ее; цѣлые часы въ глубокомъ безмолвіи просиживалъ, любуясь красавицею, которая вышивала по серебру пурпурнымъ шелкомъ; впечатлѣніе прелестныхъ рукъ навсегда осталось въ памяти любовника, и столь сильно, что впослѣдствіи времени, разсказывая битву Мандрикара съ злополучнымъ Сербиномъ, онъ сравниваетъ алую кровь, текущую изъ глубокой раны юноши, съ пурпурными начертаніями, которыя вышивала по серебру бѣлоснѣжная рука незабвенной Флорентинки. Нѣжныя сердца помнятъ тѣ мѣста въ Виргиліи, гдѣ поэтъ говоритъ о своей милой Мантуѣ: стихи римскаго Омера исполнены воспоминаній о юности; они исполнены сихъ глубокихъ, неизгладимыхъ впечатлѣній, которыя погружаютъ читателя въ сладкую задумчивость, напоминая ему его собственную жизнь и ясную зарю молодости.

Климатъ, видъ неба, воды и земли, все дѣйствуетъ

на душу поэта, отверзтую для впечатлѣній. Мы видимъ въ пѣсняхъ сѣверныхъ скальдовъ и эрскихъ бардовъ нѣчто суровое, мрачное, дикое и всегда мечтательное, напоминающее и пасмурное небо сѣвера, и туманы морскіе, и всю природу, скудную дарами жизни, но всегда величественную, прелестную и въ ужасахъ. Мы видимъ неизгладимый отпечатокъ климата въ стихотворцахъ полуденныхъ— нѣкоторую нѣгу, роскошь воображенія, свѣжесть чувствъ и ясность мыслей, напоминающія и небо, и всю благотворную природу странъ южныхъ, гдѣ человѣкъ наслаждается двойною жизнію въ сравненіи съ нами, гдѣ все питаетъ и нѣжитъ его чувства, гдѣ все говоритъ его воображенію. Напрасно уроженецъ Сициліи или Неаполя желалъ бы состязаться въ пѣсняхъ своихъ съ бардомъ Морвена и описывать, подобно ему, мрачную природу сѣвера; напрасно сѣверный поэтъ желалъ бы изображать роскошныя долины, прохладныя пещеры, плодоносныя рощи, тихіе заливы и небо Сициліи, высокое, прозрачное и вѣчно ясное. Одинъ Тассъ, рожденный подъ раскаленнымъ солнцемъ Неаполя, могъ описать столь вѣрными и свѣжими красками ужасную засуху, гибельную для крестовыхъ воиновъ. По сему описанію, говоритъ ученый Женгене,— можно узнать полуденнаго жителя, который неоднократно подвергался смертному вліянію вѣтровъ африканскихъ, неоднократно изнемогалъ подъ бременемъ зноя. У насъ Ломоносовъ, рожденный на берегу шумнаго моря, воспитанный въ трудахъ промысла, сопряженнаго съ опасностію, сей удивительный человѣкъ, въ первыхъ лѣтахъ юношества былъ сильно пораженъ явленіями природы: солнцемъ, которое въ должайшіе дни лѣта, дошедъ до края горизонта, снова возстаетъ и снова течетъ по тверди небесной; сѣвернымъ сіяні-

емъ, которое въ полуночномъ краю замѣняетъ солнце и проливаетъ холодный и дрожащій свѣтъ на природу, спящую подъ глубокими снѣгами; Ломоносовъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ описываетъ сіи явленія природы, величественныя и прекрасныя, и повторяетъ ихъ въ великолѣпныхъ стихахъ своихъ:

Закрылись крайніе пучиною лѣса,
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліяны небеса....
. . . Сквозь воздухъ въ югѣ чистый
Открылись два холма и берега лѣсисты.
Межь ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ,
Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крутясь печальна Уна
Медлительно течетъ въ объятія Нептуна.....
Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло;
Какъ пламенна гора, казалось межь валовъ
И простирало блескъ багровый изъ-за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верхи златыхъ зыбей пловцамъ свѣркаютъ въ очи.

Мы не остановимся на красотѣ стиховъ. Здѣсь всѣ выраженія великолѣпны: горящее лицо солнца, противуположенное хладнымъ водамъ океана, солнце, остановившееся на горизонтѣ и, подобно пламенной горѣ, простирающее блескъ изъ-за льдовъ, суть первоклассныя красоты описательной поэзіи. Два послѣдніе стиха, заключающіе картину, восхитительны:

Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.

Но мы замѣтимъ, что поэтъ не могъ бы написать ихъ, если бы онъ не былъ свидѣтелемъ сего чудеснаго явленія, которое поразило огненное воображеніе вдохновеннаго отрока и оставило въ немъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе.

XI.

НѢЧТО О МОРАЛИ,

основанной на философіи и религіи.

Есть необыкновенная эпоха въ жизни: иные ранѣе другіе позже испытали мученіе и сладость, ей особенно свойственныя. Я хочу говорить о томъ времени, въ которое человѣкъ посредствомъ опыта и страстей получаетъ новое нравственное существованіе, когда, разодравъ завѣсу сомнѣній, онъ открываетъ новое поприще, становится на новый рубежъ, озираетъ съ него протекшее и будущее, сравниваетъ одно съ другимъ и рѣшается протекать остальное поприще жизни съ свѣтильникомъ вѣры или мудрости, оставляя за собою предразсудки легкомыслія, суетныя надежды и толпу блестящихъ призраковъ юности.

Скоро и невозвратно изчезаетъ юность, это время, въ которое человѣкъ, по счастливому выраженію Кантемира, еще новый житель міра сего, съ любопытствомъ обращаетъ взоры на природу, на общество и требуетъ однихъ сильныхъ ощущеній; онъ съ жаждою пьетъ тогда въ источникѣ жизни, и ничто не можетъ утолить сей жажды: нѣтъ границы наслажденіямъ, нѣтъ мѣры требованіямъ души, новой, исполненной силы и не ослабленной ни опытностію, ни трудами жизни.

Тогда все дѣлается страстію, и самое чтеніе. Счастливъ тотъ, кто найдетъ наставника опытнаго въ оное опасное время, наставника, коего попечительная рука отклонитъ отъ порочнаго и суетнаго; счастливъ тотъ еще болѣе, кого сердце спассть отъ заблужденій разсудка, ибо въ юности сердце есть лучшая порука за разсудокъ. Одна опытность даетъ разсудку и силу, и дѣятельность. Во время юности и огненныхъ страстей каждая книга увлекаетъ, каждая система принимается за истину, и читатель, не руководимый разумомъ, подобно гражданину въ бурныя времена безначалія, переходитъ то на одну, то на другую сторону. Сомнѣніе не существуетъ и не можетъ существовать, ибо оно уже есть слѣдствіе сравненія, для котораго нужны понятія, цѣлый запасъ воспоминаній. Тѣ моралисты, которые говорятъ сердцу, одному сердцу, тѣ политики, которые нападаютъ софизмами на всѣ предразсудки безъ изъятія и поражаютъ зло стрѣлами сатиры или палицею желѣзнаго человѣка [1]), не взирая ни на лица, ни на условія и законы общества, суть самые опаснѣйшіе. Блескъ остроумія изчезаетъ; одно убѣдительное краснорѣчіе страстей, или возбуждающее ихъ, оставляетъ въ сердцѣ сіи глубокіе слѣды, часто неизгладимые [2]).

Но время чтенія изчезаетъ, ибо пресыщенное любопытство утомляется. За симъ слѣдуетъ непосредственная эпоха сомнѣній. Сомнѣніе мучительно; оно есть необыкновенное состояніе души и продолжительно не бываетъ. Надобно рѣшиться мыслящему человѣку при-

[1]) Смотри мечтанія Мерсье подъ названіемъ: L'An 2440.

[2]) Вотъ почему чтеніе Вольтера менѣе развратило умовъ, нежели пламенныя мечтанія и блестящіе софизмы Руссо: одинъ говоритъ безпрестанно уму, другой — сердцу; одинъ угождаетъ суетности и скоро утомляетъ остроуміемъ, другой никогда не можетъ наскучить, ибо всегда плѣняетъ, всегда убѣждаетъ или трогаетъ: онъ во сто разъ опаснѣе.

нять свѣтильникъ мудрости (той или другой школы); надобно запастись мудростію человѣческою или небесными утѣшеніями—ибо онъ видитъ, онъ чувствуетъ, что для самой ограниченной дѣятельности въ обществѣ надлежитъ имѣть нѣсколько постоянныхъ нравственныхъ истинъ въ опору своей слабости. Къ несчастію, —или къ счастію, можетъ быть, ибо кто извѣдалъ всѣ пути Промысла?—мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, въ которомъ человѣческая мудрость недостаточна для обыкновеннаго круга дѣятельности самаго простаго гражданина; ибо какая мудрость можетъ утѣшить несчастнаго въ сіи плачевныя времена, и какое благородное сердце, чувствительное и доброе, станетъ довольствоваться сухими правилами философіи или захочетъ искать грубыхъ земныхъ наслажденій посреди ужасныхъ развалинъ столицъ, посреди развалинъ, еще ужаснѣйшихъ, всеобщаго порядка и посреди страданій всего человѣчества, во всемъ просвѣщенномъ мірѣ? Какая мудрость въ силахъ дать постоянныя мысли гражданину, когда зло торжествуетъ надъ невинностію и правотою? Какъ мудрости не обмануться въ своихъ математическихъ расчетахъ (ибо всякая мудрость человѣческая основана на расчетахъ), когда всѣ ея замыслы сами себя уничтожаютъ? Къ чему прибѣгаетъ умъ, требующій опоры? По какимъ постояннымъ правиламъ или расколамъ древней или новой философіи, по какой системѣ расположитъ свои поступки, связанные столь тѣсно съ ходомъ идей политическихъ—превратныхъ и шаткихъ? И что успокоитъ его? Какіе свѣтскіе моралисты внушатъ сію надежду, сіе мужество и постоянство для настоящаго времени столь печальнаго, для будущаго столь грознаго?—Ни одинъ, смѣло отвѣчаю,—ибо вся мудрость человѣческая принадлежитъ вѣку, обстоятельствамъ.

Она подобна тѣмъ нѣжнымъ растеніямъ, которыя прозябаютъ, цвѣтутъ и украшаются плодами подъ природнымъ небомъ, но въ землѣ чуждой; окруженныя несвойственными растеніями, при вѣяніи малѣйшаго вѣтерка, скудѣютъ листьями и вянутъ безпрестанно. Слабость человѣческая не излѣчима вопреки стоикамъ, и всѣ произведенія ума его носятъ отпечатокъ оной. Признаемся, что смертному нужна мораль, основанная на небесномъ откровеніи, ибо она единственно можетъ быть полезна во всѣ времена и при всѣхъ случаяхъ: она есть щитъ и копье добраго человѣка, которые не ржавѣютъ отъ времени.

И къ чему всѣ опыты мудрости человѣческой? Къ чему совѣты и наблюденія зоркаго разума? Достаточны ли они для человѣчества вообще, и для человѣка частно, во время его странствованія по бурному морю жизни? Къ чему, напримѣръ, сельскому жителю вся мудрость и опытность Дюкло? Къ чему тонкія замѣчанія Ларошфуко, котораго книга, по словамъ и самихъ свѣтскихъ людей, сушитъ сердце? Къ чему всѣ эти истины, основанныя на ложныхъ понятіяхъ? Ибо для мудрецовъ сихъ и дружба, и любовь, и чувство сына къ отцу, и нѣжнѣйшее чувство матери къ своему рожденію, однимъ словомъ—благодарность, безкорыстіе и все, что человѣчество имѣетъ драгоцѣннаго, прекраснаго, великаго, всѣ позывы великой души, всѣ невольныя движенія и тайныя пожертвованія благороднаго сердца, все есть слѣдствіе корысти.

Другіе свѣтскіе моралисты повторяли однѣ и тѣ же мысли или (напримѣръ, Гельвецій) давали имъ обширнѣйшее распространеніе, но вѣчно ложное [1]). Они опеча-

[1]) Число понятій моральныхъ и политическихъ, говоритъ Ансильонъ,—весьма ограничено; вообще мало понятій въ обращеніи. Каждое поколѣніе выбиваетъ монету или, лучше сказать, перемѣняетъ только штемпель, а металлъ все тотъ же.

лили человѣчество, они ограбили его, сіи дерзкіе и суетные умы, ибо что говорили они?—Будь счастливъ по нашимъ правиламъ.—Согласенъ, слѣдую имъ слѣпо; но я все недоволенъ ни судьбою, ни сердцемъ своимъ. Что же мнѣ остается?—Терпѣніе, отвѣчали они, и отсылали насъ къ стоикамъ.

Вотъ въ чемъ совершенно заключается вся нравственная теорія новѣйшихъ мечтателей, которую опровергъ другой мечтатель [1]), отступникъ отъ вѣры, отступникъ отъ философіи. Ни слова въ утѣшеніе, ибо гдѣ обрѣсти его?—Въ совѣсти! кричали они.—Согласенъ; но кто утѣшитъ эту мать, прижавшую къ груди своей трепетнаго младенца, бѣгущую изъ столицы, объятой пламенемъ? Кто утѣшитъ этого отца, супруга, который подъ развалинами дома своего оставляетъ все, что имѣлъ, и дѣтей, и жену, и всѣ блага жизни, всѣ надежды свои? Здѣсь совѣсть будетъ существо отрицательное. Она будетъ спокойна у невиннаго страдальца, но слезы его прольются на прахъ разрушеннаго счастія; взоры его обратятся къ небу; тамъ найдетъ онъ отвѣтъ на вопросы отчаяннаго сердца, или оно погибнетъ: здѣсь нѣтъ середины.

Стоическая система ложна, ибо мораль ея основана на одномъ умствованіи, на одномъ отрицаніи; она ложна потому, что безпрестанно враждуетъ съ нѣжнѣйшими обязанностями семейственными, которыя основаны на любви, на благоволеніи. Пусть будетъ она лучшая изъ древнѣйшихъ системъ, ибо она внушаетъ человѣку твердость, мужество, постоянство, безъ которыхъ нѣтъ добродѣтели, ибо она указуетъ смертному высокую цѣль и Бога на концѣ поприща жизни, проведенной въ правдѣ, въ трудахъ, въ отрицаніи самого себя. но

[1]) Руссо.

сердцу она ничего не сказываетъ. Всѣ моральныя истины должны менѣе или болѣе къ нему относиться, какъ радіусы къ своему центру, ибо сердце есть источникъ страстей, пружина моральнаго движенія. Умъ долженъ имъ управлять; но и самый умъ (у людей счастливо рожденныхъ) любитъ отдавать ему отчетъ, и сей отчетъ ума сердцу есть то, что мы осмѣлимся назвать лучшимъ и нѣжнѣйшимъ цвѣтомъ совѣсти [1]).

Есть другой родъ моралистовъ: они принадлежатъ къ школѣ Эпикуровой. (Новѣйшіе тѣ, которые не руководствовались истинами Откровенія и повторяли только сказанія древнихъ) [2]). Французскіе писатели осьмагонадесять вѣка большею частію расположили мораль свою по ученію сего мудреца; они желали распространить ея вліяніе на всѣ состоянія, на всѣ случаи жизни, могущіе постигнуть человѣка въ обществѣ. Система Эпикурова заключается въ слѣдующемъ предложеніи: «Человѣкъ не можетъ возвыситься до Существа Верховнаго; его наклонности безпрестанно противорѣчатъ закону: онъ влечется невольно къ видимымъ благамъ и ищетъ въ нихъ благополучія, даже въ вещахъ самыхъ гнуснѣйшихъ. И такъ, все не вѣрно: истинное благо подлежитъ сомнѣнію, и это ведетъ насъ къ познанію, что не можно имѣть постояннаго правила для нравовъ,

[1]) Вотъ въ чемъ заключали все ученіе стоики: „Есть Богъ, слѣдственно, Онъ создалъ человѣка. Онъ создалъ его для себя, создалъ таковымъ, чтобы онъ содѣлался правосудным ъ и счастливым ъ на землѣ; слѣдственно, человѣкъ можетъ познать истину и можетъ посредствомъ мудрости своей возвыситься до Бога, который есть верховное благо“. Мы приглашаемъ прочитать опроверженіе Монтаня системы Эпиктетовой и Паскалево опроверженіе Монтаня и Эпиктета: христіанскій мудрецъ сравниваетъ обѣ системы, заставляетъ бороться Монтаня съ Эпиктетомъ и обоихъ поражаетъ необоримыми доводами.

[2]) Во всемъ, говоритъ Монтань (если не ошибаюсь),—мы влечемся по слѣдамъ древнихъ, какъ малыя дѣти за школьнымъ учителемъ на гуляньѣ. Въ недавнемъ времени въ Германіи воскресили всю мечтательную философію Платона подъ другимъ именемъ.

ни точности въ наукахъ». Монтань, великій защитникъ сего, представляетъ намъ стоическую добродѣтель въ видѣ ужаснаго пугалища, а свою науку называетъ игривою, чистосердечною, простою и проч. Слѣдуя тому, что ей нравится, говоритъ онъ,—играетъ она небрежно съ дурными и счастливыми случайностями жизни, покоится сладостно на лонѣ праздности, откуда показываетъ людямъ путь къ истинному на землѣ благополучію. Невѣдѣніе и нелюбопытство, восклицаетъ онъ,—вотъ два мягкія изголовья для головы счастливо образованной!

Убѣжденная въ сей истинѣ, толпа философовъ эпикурейцевъ, отъ Монтаня до самыхъ бурныхъ дней революціи, повторяла человѣку: Наслаждайся! Вся природа—твоя: она предлагаетъ тебѣ всѣ сладости свои, всѣ упоенія уму, сердцу, воображенію, чувствамъ; все, кромѣ надежды будущаго, все—твое, минутное, но вѣрное!

Но гдѣ же сіи сладости, сіи наслажденія безпрерывныя, сіи дни безоблачные, сіи часы и минуты, сотканные усердною Паркою изъ нѣжнѣйшаго шелка, изъ злата и розъ сладострастія? Гдѣ они, спрашиваетъ сластолюбивый въ тишинѣ страстей своихъ?—Гдѣ и что такое эти наслажденія, убѣгающія, обманчивыя, непостоянныя, отравленныя слабостію души и тѣла, помраченныя воспоминаніемъ или грустнымъ предвидѣніемъ будущаго? Къ чему ведутъ эти суетныя познанія ума, науки и опытность, трудомъ пріобрѣтенныя?

Нѣтъ отвѣта, и не можетъ быть!

Заглянемъ въ самое сердце человѣка просвѣщеннаго и счастливаго по понятіямъ міра. Напримѣръ, кто былъ просвѣщеннѣе и счастливѣе Горація, и кто страдалъ подобно ему? Природа лелѣяла его, какъ любимое дитя свое. Мы знаемъ его жизнь. Судьба, испытавшая его

въ юности, осыпала всѣми дарами и славы, и богатства въ зрѣлыя лѣта. Дружество Августа и Мецената, наслажденія роскошнаго двора, общее уваженіе къ великому таланту, здоровье не измѣняющее, друзья любезные сердцу и уму и въ вѣрности подобные благосклонной фортунѣ, прелестныя женщины, готовыя увѣнчать миртами любимца монархова и музъ и—что всего лучше—мудрость, удовлетворительная для всѣхъ случайностей счастія, мудрость, которая открыла золотую середину во всѣхъ вещахъ, истинный философскій камень: чего бы не доставало? Но счастливецъ, при всѣхъ дарахъ фортуны, при всей философіи, скучалъ, ибо сердце человѣческое имѣетъ нѣкоторый избытокъ чувствъ, который не рѣдко бываетъ источникомъ живѣйшихъ терзаній. Наслажденіе насъ съѣдаетъ, говоритъ Монтань,—сердце скоро пресыщается. «Юноша, наливающій фалернское, дай горькаго!» восклицаетъ Катуллъ, увѣнчанный розами, пресыщенный на пиршествѣ:

Minister vetuli puer Falerni
Inger mi calices amariores.

Такъ создано сердце человѣческое, и не безъ причины: въ самомъ высочайшемъ блаженствѣ, у источника наслажденій оно обрѣтаетъ горечь. И это испыталъ Горацій. Нигдѣ не могъ онъ найти спокойствія: ни въ влажномъ Тибурѣ, ни въ цвѣтущемъ убѣжищѣ Мецената, ни въ градѣ, ни въ объятіяхъ любовницы, ни въ самыхъ наслажденіяхъ ума и той философіи, которую украсилъ онъ неувядаемыми цвѣтами своего воображенія,—ибо если науки и поэзія услаждаютъ нѣсколько часовъ въ жизни, то не оставляютъ ли онѣ въ душѣ какой-то пустоты, которая охлаждаетъ насъ къ

видимымъ предметамъ и набрасываетъ на природу и общество печальную тѣнь? [1])

Гдѣ же истинное блаженство? Увидимъ далѣе.

Мы испытали, что эпикурейцы не обрѣли его за чашею наслажденія, ни стоики въ безстрастіи и въ непреклонной суровости нравовъ (ибо человѣкъ созданъ любить). Никто не нашелъ блаженства: ни умный, ни сильный, ни богатый въ чертогахъ, ни бѣдный въ хижинѣ своей, ибо и тотъ, кто блистаетъ въ пурпурѣ, и тотъ, кто таилъ всю жизнь свою въ убогомъ шалашѣ, говоритъ Горацій,—не могутъ назваться счастливыми.

Гдѣ же это совершенное благополучіе, котораго требуетъ сердце, какъ тѣло—пищи? Оно нигдѣ не находится вполнѣ, отвѣчаетъ опытность всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Человѣкъ есть странникъ на землѣ, говоритъ святый мужъ;—чужды ему грады, чужды веси, чужды нивы и дубравы: гробъ — его жилище во вѣкъ. Вотъ почему всѣ системы и древнихъ, и новѣйшихъ недостаточны! Онѣ ведутъ человѣка къ блаженству земнымъ путемъ и никогда не доводятъ; систематики забываютъ, что человѣкъ, сей царь лишенный вѣнца, брошенъ сюда не для счастія минутнаго; онѣ забываютъ о его высокомъ назначеніи, о которомъ вѣра, одна святая вѣра, ему напоминаетъ. Она подаетъ ему руку въ самыхъ пропастяхъ, изрытыхъ страстями или не-

[1]) „Въ Египтѣ я зналъ жреца, который, истощивъ всю жизнь свою на познаніе начала и конца вещей міра сего, сказалъ мнѣ съ глубокимъ вздохомъ: «Горе тому, кто захочетъ снять покрывало съ лица природы: горе тому, для кого уже не существуетъ то очарованіе, которое предразсудки и нужды навели на предметы міра! Вскорѣ душа его, поблекшая и томная, въ самой жизни найдетъ ничтожество, ужаснѣйшее изъ всѣхъ наказаній»... При сихъ словахъ слезы навернулись на глазахъ, и онъ сокрылся въ густотѣ лѣса. Путешествіе младшаго Анахарсиса.

Это тягостное состояніе души нерѣдко бываетъ извѣстно людямъ добрымъ и образованнымъ. Что избавитъ ихъ отъ сего мученія?—Религія.

пріязненнымъ рокомъ; она изводитъ его невредимо изъ треволненій жизни и никогда не обманываетъ, ибо она переноситъ въ вѣчность всѣ надежды и все блаженство человѣка. Лучшіе изъ древнѣйшихъ писателей приближались къ симъ вѣчнымъ истинамъ, которыя Святое Откровеніе явило намъ въ полномъ сіяніи.

И горе тому, кто отвращаетъ взоры свои! Собственное сердце его накажетъ: чѣмъ оно чувствительнѣе, чѣмъ благороднѣе, тѣмъ болѣе и сильнѣе будутъ его терзанія, ибо ни дары счастія, ни блескъ славы, ни любовь, ни дружество, ничто не удовлетворитъ его вполнѣ. Въ новѣйшія времена Руссо, одаренный великимъ геніемъ, тому явный и краснорѣчивый примѣръ. Онъ нигдѣ не обрѣталъ благополучія, ибо всю жизнь искалъ его не тамъ, гдѣ надлежало. Слава учинилась ему бременемъ, люди и общество—ненавистными, ибо онъ оскорбилъ ихъ неограниченною гордостію. Любовь земная не могла насытить его жаднаго сердца; самая дружба его терзала. Оскорбленный, растерзанный всѣми страстями, онъ покидалъ общество, требовалъ счастія въ объятіяхъ природы, вопрошалъ безмолвные лѣса, скитался при шумѣ клубящихся водопадовъ, въ часы румянаго утра и прохладнаго вечера, но не могъ успокоить своего сердца. Въ обществѣ напрасно облекается онъ въ мантію стоиковъ, напрасно подражаетъ имъ въ твердости: собственное сердце ему измѣняетъ. Одна религія могла утѣшить и успокоить страдальца; онъ зналъ, онъ чувствовалъ эту истину и, жертва неизлѣчимой гордости, отклонялъ безпрестанно главу свою отъ легкаго и спасительнаго ярма. Краснорѣчивый защитникъ истины (когда истина не противорѣчила его страстямъ), пламенный обожатель и жрецъ добродѣтели, посреди величайшихъ заблужденій своихъ какъ часто

измѣнялъ онъ и добродѣтели, и истинѣ! Кто сооружилъ имъ великолѣпнѣйшіе алтари, и кто оскорбилъ ихъ болѣе въ теченіи жизни своей и дѣломъ, и словомъ? Кто заблуждался болѣе въ лабиринтѣ жизни, неся свѣтильникъ мудрости человѣческой въ рукѣ своей? Ибо свѣтильникъ сей недостаточенъ; одинъ лучъ вѣры, слабый лучъ, но постоянный, показываетъ намъ вѣрнѣе путь къ истинной цѣли, нежели полное сіяніе ума и воображенія.

Покланяться добродѣтели и измѣнять ей, быть почитателемъ истины и не обрѣтать ея—вотъ плачевный удѣлъ нравственности, которая не опирается на якорь вѣры. Одно заблужденіе рождаетъ другое. Руссо началъ софизмами, кончилъ ужасною книгою; онъ пожелалъ оправдаться передъ людьми, какъ передъ Богомъ, со всею искренностію человѣка глубоко растроганнаго, но гордаго въ самомъ униженіи, тогда, когда надлежало исповѣдывать тайны единому Верховному Существу, не съ гордостію мудреца, который укоряетъ природу въ своихъ слабостяхъ, но съ смиреніемъ христіанина. Одинъ Богъ можетъ требовать отъ насъ подобной исповѣди; люди не достойны оной. И что же? Оправдывая себя, онъ оскорбилъ и дружество, и любовь, и родство, и все, что человѣчество имѣетъ священнаго, завѣтнаго для души благородной; онъ оскорбилъ тѣни своихъ друзей, давно забытыхъ согражданами, оскорбилъ ихъ самымъ несправедливымъ приговоромъ по невѣдѣнію, ибо истина на землѣ одному Богу извѣстна. Кто требовалъ у него сихъ признаній, сей страшной повѣсти цѣлой жизни? Не люди, а гордость его. Какое право имѣлъ онъ повѣдать міру о слабостяхъ женщины, которой дружество, столь нѣжное, столь безкорыстное, усладило юность и успокоило тревожимое сердце

мечтателя. Такъ, человѣкъ, рожденный для добродѣтели, учинилъ страшное преступленіе, неслыханное доселѣ, и это преступленіе родила мудрость человѣческая!... Десятилѣтній отрокъ, который помнитъ свой катихизисъ, можетъ уличить его въ этомъ преступленіи. Боже великій, что же такое умъ человѣческій въ полной силѣ, въ совершенномъ сіяніи, исполненный опытности и науки? Что такое всѣ наши познанія, опытность и самыя правила нравственности безъ вѣры, безъ сего путеводителя и зоркаго, и строгаго, и снисходительнаго? [1])

Вѣра и нравственность, на ней основанная, всего нужнѣе писателю. Закаленныя въ ея свѣтильникѣ, мысли его становятся постояннѣе, важнѣе, сильнѣе, краснорѣчіе убѣдительнѣе; воображеніе при свѣтѣ ея не заблуждается въ лабиринтѣ созданія; любовь и нѣжное благоволеніе къ человѣчеству дадутъ прелесть его малѣйшему выраженію, и писатель поддержитъ достоинство человѣка на высочайшей степени. Какое бы по-

[1]) Безъ смѣха и жалости нельзя читать признаній женевскаго мечтателя. Я не стану выписывать тѣхъ мѣстъ изъ книги его, которыя могутъ оскорбить нравственность самую свѣтскую, самую снисходительную: ихъ множество. Но одно мѣсто меня забавляетъ болѣе другихъ, когда я воображаю себѣ защитника правъ человѣчества и философіи, столь лакомаго въ молодости своей. У г. Мабли, въЛіонѣ, если не ошибаюсь, исправляя должность учителя и наставника, онъ любилъ отдыхать въ своей комнатѣ и пить вино, заѣдая пирожками: тутъ нѣтъ еще большаго зла; но вино было краденое... Дѣло сдѣлано! говоритъ философъ,—malheureusement je n'ai jamais pu boire sans manger... mais aussi quand j'avais une fois ma chère petite brioche, et que, bien enfermé dans ma chambre, j'allais trouver ma bouteille au fond d'une armoire, quelles bonnes petites buvettes je faisais là tout seul, en lisant quelques pages de roman!» Можно ли удержаться отъ смѣха? Гдѣ тутъ достоинство человѣка и мудреца? О слогѣ ни слова. Въ такомъ случаѣ слогъ есть вѣрное выраженіе души. И этотъ человѣкъ имѣлъ столько любезныхъ качествъ, столько небесныхъ дарованій! И этотъ человѣкъ чувствовалъ всю прелесть религіи и благодѣтельное вліяніе оной на общество и на человѣка частнаго! Чего недоставало ему? Постояннаго убѣжденія, менѣе гордости и страстей, болѣе разсудительности и смиренія.

прище онъ ни протекалъ съ своею музою, онъ не унизитъ ея, не оскорбитъ ея стыдливости и въ памяти людей оставитъ пріятныя воспоминанія, благословенія и слезы благодарности: лучшая награда таланту.

Невѣріе само себя разрушаетъ, говоритъ краснорѣчивый Квинтиліанъ нашихъ временъ, который зналъ всю слабость гордыхъ вольнодумцевъ, ибо онъ всю молодость свою провелъ въ станѣ непріятельскомъ. — Одна вѣра созидаетъ мораль незыблемую. Священное Писаніе, продолжаетъ онъ,—есть хранилище всѣхъ истинъ и разрѣшаетъ всѣ затрудненія. Вѣра имѣетъ ключъ отъ сего хранилища, замкнутаго для коварнаго любопытства; вѣра обрѣтаетъ въ немъ свѣтъ спасительный. Невѣріе приноситъ въ него собственные мраки, которые бываютъ тѣмъ густѣе, чѣмъ они произвольнѣе. Чтобъ быть выше другихъ людей, оно становится на высоты, окруженныя пропастями. Оттуда взоръ его, смутный и блуждающій, смѣшиваетъ всѣ предметы. Невѣріе мыслитъ обладать орлинымъ окомъ и ничего не различаетъ. Не случалось ли вамъ путешествовать при первыхъ лучахъ денницы путемъ, проложеннымъ по высокимъ горамъ, когда пары, отъ земли восходящіе, простираютъ со всѣхъ сторонъ туманную завѣсу, скрывающую горизонтъ, гдѣ изображается множество мечтательныхъ предметовъ, отъ смѣшенія свѣта со тьмою происходящихъ? Но мѣрѣ того, какъ вы сходите съ высотъ, сіе облако земное рѣдѣетъ, разсѣвается; вы проникаете чрезъ него и находите на себѣ малые слѣды влаги, скоро изсыхающей. Тогда открывается и разширяется предъ вами необъемлемый горизонтъ: вы видите близь лежащія горы, жатвы и стада, ихъ покрывающія, селенія человѣческія и холмы, надъ ними возвышенные; вся природа вамъ отдана снова: вотъ эм-

блема невѣрія и вѣры. Сойдите съ сихъ высотъ невѣрія, гдѣ вы ходите около пропастей неизмѣримыхъ, гдѣ взоръ вашъ встрѣчаетъ одни призраки; сойдите, говорю вамъ; призванные и поддержанные смиренной вѣрою, идите прямо къ симъ облакамъ, обманчивымъ, восходящимъ отъ земли (они скрываютъ отъ васъ истину и являютъ одни обманчивые образы); сойдите и пройдите сквозь сію ничтожную преграду паровъ и призраковъ; она уступитъ вамъ безъ сопротивленія; она изчезнетъ, и ваши взоры обрѣтутъ необъемлемую перспективу истинъ, всѣ утѣшенія сего земнаго жилища и горѣ лазурь небесную.

Но для насъ изчезли всѣ призраки мудрости человѣческой. Къ счастію нашему мы живемъ въ такія времена, въ которыя не возможно колебаться человѣку мыслящему; стоитъ только взглянуть на произшествія міра и потомъ углубиться въ собственное сердце, чтобы твердо убѣдиться во всѣхъ истинахъ вѣры. Весь запасъ остроумія, всѣ доводы ума, логики и учености книжной истощены передъ нами; мы видѣли зло, созданное надменными мудрецами, добра не видали. Счастливые обитатели обширнѣйшаго края, мы не участвовали въ заблужденіяхъ племенъ просвѣщенныхъ: мы издали взирали на громы и молніи невѣрія, раздробляющіе и тронъ царя, и алтарь истиннаго Бога; мы взирали съ ужасомъ на плоды нечестиваго вольнодумства, на вольность, водрузившую свое знамя посреди окровавленныхъ труповъ, на человѣчество униженное и оскорбленное въ священнѣйшихъ правахъ своихъ; съ ужасомъ и съ горестію мы взирали на успѣхи нечестивыхъ легіоновъ, на Москву, дымящуюся въ развалинахъ своихъ; но мы не теряли надежды на Бога, и ѳиміамъ усердія курился нетщетно въ кадильницѣ вѣры, и слезы, и моленія не-

тщетно проливалися передъ Небомъ: мы восторжествовали. Оборотъ единственный, безпримѣрный въ лѣтописяхъ міра! Легіоны непобѣдимыхъ затрепетали въ свою очередь. Копье и сабля, окропленныя святою водою на берегахъ тихаго Дона, засверкали въ обители нечестія, въ виду храмовъ разсудка, братства и вольности, безбожіемъ сооруженныхъ, и знамя Москвы, вѣры и чести водружено на мѣстѣ величайшаго преступленія противъ Бога и человѣчества! [1])

Faut-il encore, faut-il vous rapeller le cours
Des prodiges sans nombre accomplis en nos jours?

Должно ли приводить на память послѣднія чудеса, новыя покушенія злобы и невѣрія и сіяющее торжество невинности, человѣколюбія и религіи? Сколько уроковъ уму! Сердце въ нихъ нужды не имѣетъ.

Съ зарею наступающаго мира, котораго мы видимъ сладостное мерцаніе на горизонтѣ политическомъ, просвѣщеніе сдѣлаетъ новые шаги въ отечествѣ нашемъ: снова процвѣтутъ промышленность, искусства и науки, и всѣ сладостныя надежды сбудутся; у насъ, можетъ быть, родятся философы, политики и моралисты и, подобно свѣтильникамъ эдинбургскимъ, долгомъ поставятъ основать ученіе на истинахъ Евангелія, кроткихъ, постоянныхъ и незыблемыхъ, достойныхъ великаго народа, населяющаго страну необозримую, достойныхъ великаго человѣка, имъ управляющаго!

Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространна,
Гдѣ бъ можно столь добра творить [2]).

[1]) Назадъ тому нѣсколько лѣтъ Шатобріанъ сказалъ: „Храбрость безъ вѣры ничтожна; — «посмотримъ, что сдѣлаютъ наши вольнодумцы противъ козаковъ грубыхъ, не просвѣщенныхъ, но сильныхъ вѣрою къ Богу?“... Всѣ журналисты вступились за честь оскорбленной великой націи (la grande nation), но предсказаніе сбылось.

[2]) Державинъ.

XII.

О лучшихъ свойствахъ сердца.

Масьё, воспитанникъ Сикаровъ, на вопросъ: что есть благодарность, отвѣчалъ: память сердца. Прекрасный отвѣтъ, который еще болѣе дѣлаетъ чести сердцу, нежели уму глухонѣмаго философа. Эта память сердца есть лучшая добродѣтель человѣка и не столь рѣдка, какъ полагаютъ нѣкоторые строгіе наблюдатели. Человѣкъ добръ по природѣ, кричалъ женевскій мизантропъ, и клеветалъ общество, слѣдственно, клеветалъ человѣка, ибо онъ созданъ жить въ обществѣ, какъ муравей, какъ пчела: всѣ его добродѣтели относительны къ ближнему и отвлеченно отъ онаго существовать не могутъ, какъ рука, отдѣленная отъ тѣла. Человѣкъ есть созданіе злое, говорятъ другіе моралисты, и приводятъ множество свидѣтельствъ о развратѣ и злобѣ сердца нашего; но я не вѣрю имъ и не могу вѣрить, чтобы общество походило на скопище свирѣпыхъ звѣрей. Живутъ ли тигры вмѣстѣ, строятъ ли города? Нѣтъ! Ясное доказательство, что злоба не связываетъ, но разлучаетъ. Кто живетъ въ обществѣ? Не злобныя созданія: голубь, муравей, бобръ, умный слонъ, и каждое изъ сихъ созданій имѣетъ какое-нибудь качество, которое укра-

шаетъ человѣка и есть одно изъ незыблемыхъ основаній общежительности.

Первый нашъ долгъ—благодарность къ Творцу. Но для исполненія его надобно начать съ людей. Провидѣнію угодно было связать чрезъ общество всѣ наши отношенія къ Небу. Быть виновникомъ бытія не есть достоинство передъ Богомъ и людьми; но принять младенца изъ рукъ матери въ минуту его рожденія, отъ колыбели до зрѣлыхъ лѣтъ служить ему защитою и опорою, передать ему въ наслѣдіе имя, званіе, сокровища, землю, праотцами воздѣланную,—вотъ обязанность отца. Благодарность есть обязанность дѣтей. На подобныхъ взаимныхъ обязанностяхъ основано все благосостояніе общества. Всѣ основанія его суть добро, и чѣмъ болѣе добра, тѣмъ тверже его основаніе, ибо одно добро имѣетъ здѣсь прочность и постоянность. Зло есть насильственное состояніе. Подъ шумомъ ли бури, или при сладостномъ сіяніи солнца зрѣютъ нивы? Какъ сила плодородія имѣетъ свое основаніе въ теплотѣ, такъ сила гражданственности основана на добрѣ.

Многіе умы наблюдали человѣка въ одномъ тѣсномъ кругу, въ которомъ дѣйствовали сами. Ларошфуко, остроумнѣйшій изъ писателей остроумнаго вѣка, основалъ мораль свою на подобныхъ наблюденіяхъ. Но я спрашиваю: если бы натуроиспытатель глядѣлъ на муравья во время его странствованія за былинкою или за зерномъ, наблюдалъ его ссоры съ товарищами, а забылъ заглянуть въ огромное гнѣздо, гдѣ все имѣетъ видъ порядка, стройности, гдѣ всѣ части относятся совершенно одна къ другой и составляютъ прекрасное цѣлое, то какое произнесъ бы онъ сужденіе о трудолюбивомъ насѣкомомъ? Вотъ что сдѣлалъ Ларошфуко, говоря о человѣкѣ и наблюдая за нимъ въ прихожей Тюльерій-

скаго замка. Но прихожая не есть вселенная, и человѣкъ придворный не есть лучшій изъ людей.

Впрочемъ, меня никто не увѣритъ, чтобы чувство благодарности было слѣдствіемъ нашего эгоизма, и я не могу постигнуть добродѣтели, основанной на исключительной любви къ самому себѣ. Напротивъ того, добродѣтель есть пожертвованіе добровольное какой-нибудь выгоды, она есть отреченіе отъ самаго себя. Есть добродѣтели, уму принадлежащія, другія—сердцу; благодарность, лучшая изъ нашихъ добродѣтелей или, вѣрнѣе, отголосокъ многихъ душевныхъ качествъ, принадлежитъ сердцу. «Ты мнѣ сдѣлалъ добро, слѣдовательно, я тебя люблю». Такъ говоритъ благородное сердце. Эгоистъ иначе: «Ты мнѣ сдѣлалъ добро; но будешь ли мнѣ дѣлать добро и впредь? Добро, тобою сдѣланное, не требуетъ ли пожертвованій съ моей стороны?» Вотъ слова эгоиста; они совершенно противны благодарности, которая тѣмъ прелестнѣе, тѣмъ святѣе, чѣмъ менѣе разсуждаетъ, чѣмъ менѣе торгуется съ пользою личною и болѣе предается одному сердечному движенію.

Сердца, одаренныя глубокою или раздражительною чувствительностію, часто не знаютъ средины; для нихъ все есть зло или добро: видятъ совершенный порядокъ въ обществѣ, или отсутствіе онаго, скорѣе—послѣднее. Чувствительный человѣкъ, страдавшій въ теченіе всей жизни, дѣлается наконецъ мизантропомъ и убѣгаетъ въ дремучіе лѣса отъ взоровъ людей неблагодарныхъ. Тамъ возноситъ онъ клеветы на все человѣчество, оскорбившее его сердце, и въ гнѣвѣ своемъ забываетъ, что онъ самъ есть человѣкъ, то-есть, созданіе слабое, доброе, злое и неразсудительное, лучь Божества, заключенный въ прахѣ, существо, порабощенное всѣмъ сти-

хіямъ, всѣмъ измѣненіямъ нравственнымъ и физическимъ. Но пусть мизантропъ приведетъ себѣ на память всю жизнь свою отъ колыбельныхъ дней до той страшной эпохи, когда сердце его воскликнуло въ гнѣвѣ: «Человѣкъ золъ, и люди подобны тиграмъ!» Пусть приведетъ онъ на память и младенчество, и юношество, и зрѣлый возрастъ, въ которомъ воля и разсудокъ начинали заглушать голосъ страстей! Пусть онъ спроситъ себя: «Или я не нашелъ добрыхъ и честныхъ людей въ теченіе цѣлой жизни, или я лучше и добрѣе всѣхъ людей, имѣю всѣ добродѣтели и всѣ качества, и чуждъ страстей, и чуждъ всего низкаго и порочнаго?»—«Нѣтъ», скажетъ ему разсудокъ и опытъ,—«и ты человѣкъ, и ты заплатилъ человѣчеству дань пороковъ, слабости и страстей; ты не ангелъ, ты и не чудовище».

Опытъ и разсудокъ показываютъ намъ рѣдкія добродѣтели, и часто въ сердцѣ порочномъ наблюдатель чудесъ нравственныхъ съ неизъяснимою радостію открываетъ яркіе лучи душевной доблести: великодушіе, состраданіе, презрѣніе къ корысти и тысячу прелестныхъ качествъ, которыя примиряютъ его съ порочнымъ и съ Небомъ, создавшимъ человѣка не для однихъ преступленій.

Кто изъ насъ, отложа всѣ предразсудки и всѣ предубѣжденія, не сосчитаетъ нѣсколько примѣрныхъ людей, утѣшившихъ собою человѣчество? Не станемъ искать героевъ добродѣтели въ исторіи; поищемъ ихъ вокругъ себя, и найдемъ, конечно! Курцій бросился въ пропасть, но Римъ на него смотрѣлъ. Леонидъ обрекаетъ себя смерти, но все отечество (и какое отечество? Спарта!) объ немъ въ страхѣ и надеждѣ. Долгорукій раздираетъ роковую бумагу въ присутствіи разгнѣваннаго монарха; но онъ совершаетъ подвигъ свой

въ сенатѣ, окруженный великими людьми, достойными его и перваго владыки въ мірѣ. Прекрасные подвиги, достойные подражанія и слезъ удивленія, недокупныхъ, сладостныхъ, божественныхъ слезъ! Теперь спрашиваю: если мы удивляемся великимъ дѣламъ на великомъ поприщѣ, если вѣруемъ добродѣтели, твердости душевной, безкорыстію въ великихъ обстоятельствахъ, то почему не вѣровать имъ въ малыхъ? Добродѣтель подъ спудомъ не есть ли добродѣтель? Бѣдный, который дѣлится послѣдними крохами съ нищимъ, сестра милосердія, въ душной больницѣ стоящая съ сосудомъ врачеванія при ложѣ врага ея отечества, смѣлый и человѣколюбивый врачъ, испытующій свое искусство и терпѣніе въ дальней хижинѣ дровосѣка, безъ свидѣтелей своего добраго дѣла, кромѣ одного въ небесахъ и другаго въ груди своей,—всѣ эти люди, обреченные забвенію, не суть ли добродѣтельные люди? И тотъ, кто безпристрастною рукою начертываетъ имена ихъ въ книгѣ судебъ, не напишетъ ли ихъ на ряду съ именами Говарда, Ласъ-Казаса, Еропкина и другихъ людей, которыхъ добродѣтель и человѣчество называютъ с в о и м и. Монтань замѣтилъ справедливо, что лучшіе подвиги храбрости теряются въ неизвѣстности; одинъ похищаетъ знамя: имя его гремитъ въ рядахъ, но сотни неустрашимыхъ погибли передъ нимъ и кругомъ его... Перенесите сей порядокъ въ міръ нравственный. Ласъ-Казасъ спасаетъ любезныхъ своихъ Американцевъ отъ рабства: онъ безсмертенъ; бѣдный миссіонеръ въ снѣгахъ канадскихъ бродитъ изъ шалаша въ шалашъ, изъ степи въ степь; окруженный смертію, проповѣдуетъ Бога и утѣшаетъ страждущихъ: какихъ? семью дикаго или изгнанника, живущаго на неизвѣстномъ берегу безъимянной рѣки или озера: сей смиренный воинъ

Христа не есть ли великій человѣкъ въ полномъ нравственномъ смыслѣ?.. Но къ чему намъ переноситься въ дальныя страны? Здѣсь, кругомъ насъ, кто не испыталъ, что есть добрые люди, что въ обществѣ есть добродѣтели рѣдкія посреди страстей, посреди разврата и роскоши: одно злое сердце можетъ въ нихъ сомнѣваться, одно жестокое сердце не находило сердецъ нѣжныхъ.

И въ странахъ отдаленныхъ, и въ дебряхъ, незнакомыхъ взорамъ человѣка, родятся цвѣты: на дикихъ берегахъ Амура, среди мховъ и болотъ выходитъ прелестный цвѣтокъ, до сихъ поръ неизвѣстный любопытному испытателю природы; медленно распускается онъ подъ кроткимъ вѣяніемъ лѣтняго вѣтерка; наконецъ, украшеніе пустыни, цвѣтокъ увядаетъ,

Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!

Но сѣмена его, падая на землю, разцвѣтаютъ съ первою весною въ новой красотѣ, въ новомъ убранствѣ. Вотъ истинная эмблема сей добродѣтели, неизвѣстной человѣкамъ, но не потерянной для человѣчества, ибо ничто доброе здѣсь не теряется, подобно какъ ни одна былинка въ природѣ: все имѣетъ свою цѣль, свое назначеніе, все принадлежитъ къ вѣчному и пространному чертежу и входитъ въ составъ цѣлаго въ нравственномъ мірѣ. Въ роскошномъ Парижѣ, въ многолюдномъ Лондонѣ и Пекинѣ та же самая сумма или то же количество добра и зла по мѣрѣ пространства, какое и въ юртахъ кочующихъ народовъ Сибири или въ землянкахъ Лапландцевъ. Добродѣтельный старецъ (Мальзербъ) защищаетъ монарха, покинутаго друзьями, родственниками, дворянствомъ, цѣлымъ народомъ; онъ защищаетъ его подъ лезвеемъ мечей, при проклятіи

озлобленныхъ тирановъ—но въ виду вселенной и, такъ сказать, въ присутствіи потомства. Въ ту же самую минуту—сдѣлаемъ сіе предположеніе—Лапландецъ пробѣгаетъ на лыжахъ необъятное пространство въ трескучій морозъ, посреди ужасной вьюги: зачѣмъ? Чтобы принести нѣсколько пищи бѣдному семейству друга своего, утѣшить больную вдовицу и спасти отъ явной смерти груднаго младенца. Мальзербъ и Лапландецъ равны передъ Тѣмъ, Кто ихъ создалъ, равны передъ лицомъ добродѣтели и правосудія небеснаго: оба жертвуютъ жизнію для добраго дѣла.

XIII.

Аріостъ и Тассъ.

Ученіе италіянскаго языка имѣетъ особенную прелесть. Языкъ гибкій, звучный, сладостный, языкъ, воспитанный подъ счастливымъ небомъ Рима, Неаполя и Сициліи, среди бурь политическихъ и потомъ при блестящемъ дворѣ Медицисовъ, языкъ, образованный великими писателями, лучшими поэтами, мужами учеными, политиками глубокомысленными,—этотъ языкъ сдѣлался способнымъ принимать всѣ виды и всѣ формы. Онъ имѣетъ характеръ, отличный отъ другихъ новѣйшихъ нарѣчій и коренныхъ языковъ, въ которыхъ менѣе или болѣе примѣтна суровость, глухіе или дикіе звуки, медленность въ выговорѣ и нѣчто принадлежащее Сѣверу.

Великіе писатели образуютъ языкъ; они даютъ ему нѣкоторое направленіе, они оставляютъ на немъ неизгладимую печать своего генія; но обратно, языкъ имѣетъ вліяніе на писателей. Трудность выражать свободно нѣкоторыя дѣйствія природы, всѣ оттѣнки ея, всѣ измѣненія, останавливаетъ нерѣдко перо искусное и опытное. Аріостъ, напримѣръ, выражается свободно, описываетъ вѣрно все, что ни видитъ (а взоръ сего чудеснаго Протея обнимаетъ все мірозданіе); онъ описываетъ сельскую природу съ удивительною точностію,

благовонные луга и рощи, прохладные ключи и пещеры полуденной Франціи, лѣса, гдѣ Медоръ, утомленный нѣгою, почиваетъ на сладостномъ лонѣ Анжелики, роскошные чертоги Альцины, гдѣ волшебница сіяетъ между нимфами (si come è bello il sol più d'ogni stella!); все живетъ, все дышетъ подъ его перомъ. Переходя изъ тона въ тонъ, отъ картины къ картинѣ, онъ изображаетъ звукъ оружія, трескъ щитовъ, свистъ пращей, преломленіе копій, нетерпѣливость коней, жаждущихъ боя, единоборство рыцарей и неимовѣрные подвиги мужества и храбрости или брань стихій и природу, всегда прелестную, даже въ самыхъ ужасахъ (bello è l'orrore)! Онъ разсказываетъ, и разсказъ его имѣетъ живость необыкновенную. Всѣ выраженія его вѣрны и съ строгою точностію прозы передаютъ читателю блестящія мысли поэта. Онъ шутитъ, и шутки его, легкія, веселыя, игривыя и часто незлобныя, растворены аттическимъ остроуміемъ. Часто онъ предается движенію души своей и удивляетъ васъ, какъ ораторъ, порывами и силою мужественнаго краснорѣчія. Онъ трогаетъ, убѣждаетъ, онъ невольно исторгаетъ у васъ слезы; самъ плачетъ съ вами и смѣется надъ вами и надъ собою, или увлекаетъ васъ въ міръ неизвѣстный, созданный его музою, заставляетъ странствовать изъ края въ край, подниматься на воздухъ; онъ вступаетъ съ вами въ царство луны, гдѣ находитъ все утраченное подъ луною и все, что мы видимъ на земноводномъ шарѣ, но все въ новомъ, премѣнномъ видѣ; снова спускается на землю и снова описываетъ знакомыя страны и человѣка, и страсти его. Вы безъ малѣйшаго усилія слѣдуете за чародѣемъ, вы удивляетесь поэту и въ сладостномъ восторгѣ восклицаете: Какой умъ, какое дарованіе! А я прибавлю: Какой языкъ!

Такъ, одинъ языкъ италіянскій (изъ новѣйшихъ—разумѣется), столь обильный, столь живой и гибкій, столь свободный въ словосочиненіи, въ выговорѣ, въ ходѣ своемъ, одинъ онъ въ состояніи былъ выражать всѣ игривыя мечты и вымыслы Аріоста, и какъ еще? въ тѣснѣйшихъ узахъ стихотворства (Аріостъ писалъ октавами). Но перенесите этого чародѣя въ другой вѣкъ, менѣе свободный въ мысляхъ[1]), болѣе порабощенный правиламъ сочиненія, основаннымъ на опытности и размышленіи, дайте ему языкъ сѣвернаго народа, какой заблагоразсудите, англійскій или нѣмецкій, напримѣръ, и я твердо увѣренъ, что пѣвецъ Орланда не въ силахъ будетъ изображать природу такъ, какъ онъ постигалъ ее и какъ описалъ въ своей поэмѣ, ибо—еще повторю—поэма его заключаетъ въ себѣ все видимое твореніе и всѣ страсти человѣческія: это Иліада и Одиссея, однимъ словомъ—природа, порабощенная жезлу волшебника Аріоста [2]).

Но счастливому языку Италіи, богатѣйшему наслѣднику древняго латинскаго, упрекаютъ въ излишней изнѣженности? Этотъ упрекъ совершенно несправедливъ и доказываетъ одно невѣжество; знатоки могутъ указать на множество мѣстъ въ Тассѣ, въ Аріостѣ, въ самомъ нѣжномъ поэтѣ Валлакіузскомъ и въ другихъ пи-

[1]) Аріостъ писалъ, что хотѣлъ, противъ папъ. Онъ смѣялся надъ подложной хартіей, которою императоръ Константинъ уступаетъ викарію св. Петра Римъ и потомственное правленіе, и книга его напечатана въ Римѣ con licenzia de superiori.

[2]) Напрасно будутъ мнѣ указывать на англійскихъ и нѣмецкихъ писателей, подражавшихъ Аріосту. Я отдаю полную справедливость Виланду, остроумному поэту и зиждителю новаго языка въ своемъ отечествѣ; но скажу, и должно со мною согласиться, что въ Оберонѣ менѣе вещей, нежели въ Орландѣ; языкъ не столь полонъ и заставляетъ всегда чего-нибудь желать; поэтъ не договариваетъ, и весьма часто. Позвольте сдѣлать слѣдующій вопросъ: если бы Виландъ писалъ въ Италіи во время Аріоста, то какой видъ получила бы его поэма? Языкъ у стихотворца то же, что крылья у птицы, что матеріалъ у ваятеля, что краски у живописца.

сателяхъ, менѣе или болѣе славныхъ, множество стиховъ, въ которыхъ сильныя и величественныя мысли выражены въ звукахъ сильныхъ и совершенно сообразныхъ съ оными, гдѣ языкъ есть прямое выраженіе души мужественной, исполненной любви къ отечеству и свободѣ. Не одно «Chiama gli abitator» найдете въ Тассѣ; множество другихъ мѣстъ доказываютъ силу поэта и языка. Сколько описаній битвъ въ поэмѣ Торквато! И мы смѣло сказать можемъ, что сіи картины не уступаютъ или рѣдко ниже картинъ Виргилія. Онѣ часто напоминаютъ намъ самого Омера..

Посмотрите на это ужасное послѣдствіе войны, на груды блѣдныхъ тѣлъ, по которымъ бѣгутъ изступленные воины, преслѣдуя матерей, прижавшихъ трепетныхъ младенцевъ къ персямъ своимъ:

Ogni cosa di strage era già pieno:
Vedeansi in mucchj e in monti i corpi avvolti.
Là i feriti su i morti; e qui giaciéno
Sotto morti insepolti egri sepolti.
Fuggian premendo i pargoletti al seno
Le meste madri co' capelli sciolti.
E'l predator di spoglie e di rapine
Carco, stringea le vergini nel crine.

«Всѣ мѣста преисполнились убійствомъ. Груды и горы убіенныхъ! Тамъ раненые на мертвыхъ, здѣсь мертвыми завалены раненые; прижавъ къ персямъ младенцевъ, убѣгаютъ отчаянныя матери съ раскиданными власами, и хищникъ, отягченный ограбленными сокровищами, хватаетъ за власы дѣвъ устрашенныхъ».

Желаете ли видѣть поле сраженія, покрытое нетерпѣливыми воинами,— картину единственную, величественную! Солнце проливаетъ лучи свои на долину; все сіяетъ: и оружіе разноцвѣтное, и стальные доспѣхи, и шлемы, и щиты, и знамена. Слова поэта имѣютъ нѣчто

блестящее, торжественное, и мы невольно восклицаемъ съ нимъ: bello in sì bella vista anco è l'orrore.

Grande e mirabil cosa era il vedere
Quando quel campo e questo a fronte venne:
Come spiegate in ordine le schiere,
Di mover già, già d'assalire accenne.
Sparse al vento ondeggiando ir le bandiere,
E ventolar su i gran cimer' le penne:
Abiti, fregi, imprese, arme e colori,
D'oro e di ferro al sol lampi e folgori.

Sembra d'alberi densi alta foresta
L'un campo e l'altro: di tant'aste abbonda.
Son tesi gli archi, e son le lance in resta:
Vibransi i dardi, e rotasi ogni fionda.
Ogni cavallo in guerra anco s'appresta:
Gli odj e'l furor del suo signor seconda:
Raspa, batte, nitrisce, e si raggira;
Gonfia le nari, e fumo e foco spira.

Bello in sì bella vista anco è l'orrore!

«Открылось великолѣпное и удивительное зрѣлище, когда оба войска выстроились одно противъ другаго, когда развернулись въ порядкѣ полчища, двигаться и нападать готовыя! Распущенныя по вѣтру знамена волнуются; на высокихъ гребняхъ шлемовъ перья колеблются; испещренныя одежды, вензели и цвѣты оружій, злато и сталь яркимъ блескомъ и сіяніемъ лучи солнечные отражаютъ.

«Въ густой и высокой лѣсъ сомкнулись копья: столь многочисленно и то, и другое воинство! Натянуты луки, обращены копья, сверкаютъ дротики, пращи крутятся; самый конь жаждетъ кровавой битвы: онъ раздѣляетъ ненависть и гнѣвъ ожесточеннаго всадника, онъ роетъ землю, бьетъ копытами, ржетъ, крутится, раздуваетъ ноздри и дымомъ и пламенемъ пышетъ».

Но битва закипѣла, часъ отъ часу становится сильнѣе и сильнѣе. Въ сраженіи есть минуты рѣшительныя: я на опытѣ знаю, что онѣ не столь ужасны. Побѣдитель преслѣдуетъ, побѣжденный убѣгаетъ; и тотъ и другой увлекаются примѣромъ товарищей своихъ, и тотъ и другой заняты собою. Но минута ужасная есть та, когда оба войска, послѣ продолжительнаго и упорнаго сопротивленія, истощивъ всѣ усилія храбрости и искусства воинскаго, ожидаютъ рѣшительнаго конца — побѣды или пораженія, когда всѣ гласы, всѣ громы сольются во едино и составятъ нѣчто мрачное, неопредѣленное и безпрестанно возрастающее. Эту минуту поэтъ описываетъ съ необыкновенною вѣрностію:

Così si combatteva: e 'n dubbia lance
Col timor le speranze eran sospese.
Pien tutto il campo è di spezzate lance,
Di rotti scudi et di troncato arnese:
Di spade ai petti, a le squarciate pance
Altre confitte, altre per terre stese:
Di corpi altri supini, altri co' volti,
Quasi mordendo il suolo, al suol rivolti.

Giace il cavallo al suo signore appresso:
Giace il compagno appo il compagno estinto:
Giace il nemico appo il nemico; e spesso
Sul morto il vivo, il vincitor sul vinto.
Non v'è silenzio, e non v'è grido espresso:
Ma odi un non so che roco e indistinto:
Fremiti di furor, mormori d'ira:
Gemiti di chi langue e di chi spira.

L'arme, che già sì liete in vista foro,
Faceano or mostra spaventosa e mesta.
Perduti ha i lampi il ferro, e i raggi l'oro,
Nulla vaghezza ai bei color' più resta.
Quanto apparia d'adorno e di decoro
Ne' cimieri e ne' fregi, or si calpesta.

La polve ingombra ciò ch'al sangue avanza:
Tanto i campi mutata avean sembianza [1]).

«Такъ ратовало воинство съ равнымъ страхомъ и надеждою. Все поле завалено преломленными копьями, разбитыми щитами и доспѣхами. Мечи вонзилися въ грудь, въ прободенные панцыри; иные по землѣ разметаны. Здѣсь трупы, ницъ поверженные въ прахѣ, тамъ трупы, лицомъ обращенные къ солнцу.

«Лежитъ конь близь всадника, лежитъ товарищъ близь бездыханнаго товарища, лежитъ врагъ близь врага своего, и часто мертвый на живомъ, побѣдитель на побѣжденномъ. Нѣтъ молчанія, нѣтъ криковъ явственныхъ, но слышится нѣчто мрачное, глухое—клики отчаянія, гласы гнѣва, воздыханія страждущихъ, вопли умирающихъ.

«Оружіе, дотолѣ пріятное взорамъ, являетъ зрѣлище ужасное и плачевное. Утратила блескъ и лучи свои гладкая сталь. Утратили красоту свою разноцвѣтные доспѣхи. Богатые шлемы, прекрасныя латы въ прахѣ ногами попраны. Все покрыто пылью и кровью: столь ужасно премѣнилось воинство!» [2])

[1]) Въ сихъ трехъ октавахъ безсмертный Тассъ превзошелъ себя. Здѣсь полная картина. Ничего лишняго, ничего натянутаго, сверхъестественнаго.

Non v'è silenzio, non v'è grido espresso,

и три слѣдующіе стиха живописны. Въ послѣдней октавѣ стихотворецъ повторяетъ всѣ подробности и кончитъ какъ мастеръ:

Tanto i campi mutata avean sembianza.

[2]) Сія картина поля сраженія напоминаетъ намъ прекрасные стихи Ломоносова:

Различнымъ образомъ повержены тѣла:
Иной съ размаху мечъ занесъ на сопостата,
Но прежде прободенъ, удара не скончалъ.
Иной, забывъ врага, прельщался блескомъ злата,
Но мертвый на корысть желанную упалъ.
Иной отъ сильнаго удара убѣгая,
Стремглавъ на низъ слетѣлъ и стонетъ подъ конемъ;

Мы не можемъ останавливаться на всѣхъ красотахъ Освобожденнаго Іерусалима: ихъ множество! Прелестный эпизодъ Эрминіи, смерть Клоринды, Армидины сады и единоборство Танкреда съ Аргантомъ, кто читалъ васъ безъ восхищенія? Вы останетесь незабвенными для сердецъ чувствительныхъ и для любителей всего прекраснаго! Но въ поэмѣ Тассовой есть красоты другаго рода, и на нихъ должно обратить вниманіе поэту и критику. Описаніе нравовъ народныхъ и обрядовъ вѣры есть лучшая принадлежность эпопеи. Тассъ отличился въ оном. Съ какимъ искусствомъ изображалъ онъ нравы рыцарей, ихъ великодушіе, смиреніе въ побѣдѣ, неимовѣрную храбрость и набожность! Съ какимъ искусствомъ приводитъ онъ крестовыхъ воиновъ къ стѣнамъ Іерусалима! Они горятъ нетерпѣніемъ увидѣть священные верхи Града Господня. Издали воинство привѣтствуетъ его безпрерывными восклицаніями, подобно мореплавателямъ, открывшимъ желанный берегъ. Но вскорѣ священный страхъ и уныніе смѣняютъ радость: никто безъ ужаса и сокрушенія не дерзаетъ взглянуть на священное мѣсто, гдѣ Сынъ Божій искупилъ человѣчество страданіемъ и вольною смертію. Главы и ноги начальниковъ обнажены, все воинство послѣдуетъ ихъ примѣру, и гордое чело рыцарей смиряется предъ Тѣмъ, Кто располагаетъ по волѣ и побѣдою, и лаврами, и славою земною, и царствомъ неба. Такого рода красоты, суровыя и важныя, почерпнуты въ нашей религіи: древніе ничего не оставили намъ подобнаго. Всѣ обряды вѣры, всѣ страшныя таин-

Иной пронзенъ у г а с ъ, противника пронзая;
Иной врага повергъ и у м е р ъ самъ на немъ.

Замѣтимъ мимоходомъ для стихотворцевъ, какую силу получаютъ самыя обыкновенныя слова, когда они поставлены на своемъ мѣстѣ.

ства обогатили Тассову поэму.—Ринальдо вырывается изъ объятій Армиды; войско встрѣчаетъ его съ радостными восклицаніями. Юный витязь бесѣдуетъ снова съ товарищами о войнѣ, о чудесахъ очарованнаго лѣса, которыя онъ одинъ можетъ разрушить; но простой отшельникъ Петръ совѣтуетъ рыцарю исповѣдью очиститься отъ заблужденій юности прежде, нежели онъ приступитъ къ совершенію великаго подвига. «Сколько ты обязанъ Всевышнему!» говоритъ онъ.—«Его рука спасла тебя; она спасла заблуждшую овцу и причислила ее къ своему стаду. Но ты покрытъ еще тиною міра, и самыя воды Нила, Гангеса и океана не могутъ очистить тебя: одна благодать совершитъ сіе». Онъ умолкъ, и сынъ прелестной Софіи, сей гордый и нетерпѣливый юноша, повергается къ стопамъ смиреннаго отшельника, исповѣдуетъ ему прегрѣшенія юности своей и, очищенный отъ оныхъ, идетъ безтрепетно въ лѣса, исполненные очарованій волшебника Исмена.—Годофредъ, желая осадить городъ, приготовляетъ махины, стѣнобитныя орудія; но строгій Петръ является въ шатеръ къ военачальнику. «Ты приготовляешь земныя орудія», говоритъ онъ набожному повелителю,—«а не начинаешь, отколѣ надлежитъ. Начало всего на небѣ. Умоляй ангеловъ и полки святыхъ, подай примѣръ набожности войску!» И на утро отшельникъ развѣваетъ страшное знамя, въ самомъ раю почитаемое; за нимъ слѣдуетъ ликъ медленнымъ шагомъ; священнослужители и воины (соединившіе въ рукѣ своей кадильницу съ мечемъ), Гвильемъ и Адимаръ, заключаютъ шествіе лика; за ними Годофредъ, начальники и войско обезоруженное. Не слышно звуковъ трубы и гласовъ бранныхъ, но гласы молитвы и смиренія:

Te Genitor, te Figlio eguale al Padre,
E te, che d'ambo uniti amando spiri,
E te ch' uomo, e di Dio Vergine Madre
Invocano propizia ai lor desiri, и пр. и пр.

Такъ шествуетъ поющее воинство, и гласы его повторяютъ глубокія долины, высокіе холмы и эхо пустынь отдаленныхъ. Кажется, другой ликъ проходитъ въ лѣсахъ, доселѣ безмолвныхъ, и явственно великія имена Маріи и Христа воспѣваетъ. Между тѣмъ со стѣнъ города, взираютъ въ безмолвіи удивленные поклонники Магаммеда на обряды чуждые, на велелѣпіе чудесное и пѣніе божественное. Вскорѣ гласы проклятій и хуленій невѣрныхъ наполняютъ воздухъ: горы, долины и потоки пустынные ихъ съ ужасомъ повторяютъ.

Такимъ образомъ великій стихотворецъ умѣлъ противупоставить обряды, нравы и религіи двухъ враждебныхъ народовъ и изъ садовъ Армидиныхъ, отъ сельскаго убѣжища Эрминіи перенестись въ станъ христіанскій, гдѣ все дышетъ благочестіемъ, набожностію и смиреніемъ. Самый языкъ его измѣняется. Въ чертогахъ Армиды онъ сладостенъ, нѣженъ, изобиленъ; здѣсь онъ мужественъ, величественъ и даже суровъ.

Тѣ, которые упрекаютъ Италіянцевъ въ излишней изнѣженности, конечно забываютъ трехъ поэтовъ: Альфьери — душею Римлянина, Данта — зиждителя языка италіянскаго, и Петрарка, который нѣжность, сладость и постоянное согласіе умѣлъ сочетать съ силою и краткостію.

XIV.

Петрарка.

S'amor non è, che dunque è quel ch'i sento?

Что же я чувствую, если и это не любовь?

Вотъ что говоритъ Петрарка, котораго одно имя напоминаетъ Лауру, любовь и славу. Онъ заслужилъ славу трудами постоянными и пользою, которую принесъ всему человѣчеству, какъ ученый прилежный, неутомимый; онъ первый возстановилъ ученіе латинскаго языка; онъ первый занимался критическимъ разборомъ древнихъ рукописей, какъ истинный знатокъ и любитель всего изящнаго. Не по однѣмъ заслугамъ въ учености имя Петрарки сіяетъ въ исторіи италіянской; онъ участвовалъ въ распряхъ народныхъ, былъ употребленъ въ важнѣйшихъ переговорахъ и посольствахъ, осыпанъ милостями императора Римскаго, и наконецъ, отъ Роберта, короля Неаполитанскаго, названъ и другомъ, и величайшимъ геніемъ. Замѣтьте, что Робертъ былъ ученѣйшій мужъ своего времени и предпочиталъ (это собственныя его слова) науки и дарованія самой діадемѣ. Наконецъ, Петрарка сдѣлался безсмертенъ сти-

хами, которыхъ онъ самъ не уважалъ [1]), стихами, писанными на языкѣ италіянскомъ или народномъ нарѣчіи. И такъ, славы никто не оспариваетъ у Петрарки; но многіе сомнѣвалися въ любви его къ Лаурѣ. Многіе французскіе писатели утверждали, что Лаура никогда не существовала, что Петрарка воспѣвалъ одинъ призракъ, красоту, созданную его воображеніемъ, какъ создана была Дульцинея Сервантовымъ героемъ.

Италіянскіе критики, ревнители славы божественнаго Петрарки, утвердили существованіе Лауры; они входили въ малѣйшія подробности ея жизни и на каждый стихъ Петрарки написали цѣлыя страницы толкованій. Сія дань учености дарованію покажется инымъ излишнею, другимъ—смѣшною; но мы должны признаться, что только въ тѣхъ земляхъ, гдѣ умѣютъ такимъ образомъ уважать отличныя дарованія, родятся великіе авторы. Любители поэзіи и чувствительные люди, которые по движеніямъ собственнаго сердца, пламеннаго и возвышеннаго, угадываютъ сердце поэта и истину его выраженій, не будутъ сомнѣваться въ любви Петрарки къ Лаурѣ: каждый стихъ, каждое слово носитъ неизгладимую печать любви.

Любовь способна принимать всѣ виды. Она имѣетъ свой особенный характеръ въ Анакреонѣ, Ѳеокритѣ, Катуллѣ, Проперціѣ, Овидіѣ, Тибуллѣ и въ другихъ древнихъ поэтахъ. Одинъ сладострастенъ, другой нѣженъ, и такъ далѣе. Петрарка, подобно имъ, испыталъ всѣ мученія любви и самую ревность; но наслажденія его были духовныя. Для него Лаура была нѣчто неве-

[1]) Въ этомъ неуваженіи къ стихамъ своимъ Богдановичъ много сходствовалъ съ Петраркомъ. Онъ часто говаривалъ Муравьеву: «Стихи мои, которые вамъ такъ нравятся, умрутъ со мною; но моя Русская Исторія переживетъ меня. Стихи мнѣ не много стоили труда; надъ Исторіей я много пролилъ поту; на ней-то основана моя слава...» Петрарка и Богдановичъ обманулись!

щественное, чистѣйшій духъ, излившійся изъ нѣдръ Божества и облекшійся въ прелести земныя. Древніе стихотворцы были идолопоклонники; они не имѣли и не могли имѣть сихъ возвышенныхъ и отвлеченныхъ понятій о чистотѣ душевной, о непорочности, о надеждѣ увидѣться въ лучшемъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ничего земнаго, преходящаго, низкаго. Они наслаждались и воспѣвали свои наслажденія; они страдали и описывали ревность, тоску въ разлукѣ или надежду близкаго свиданія. Слезы горести или восторга, нѣкоторые обряды идолопоклонства, очарованія какой-нибудь волшебницы (любовь всегда суевѣрна), воспоминанія о золотомъ вѣкѣ и вѣчныя сожалѣнія о юности, улетающей какъ призракъ, какъ сонъ,—вотъ изъ чего были составлены любовныя поэмы древнихъ, вотъ почему въ ихъ твореніяхъ мы видимъ болѣе движенія и лучшее развитіе страстей, однимъ словомъ—болѣе драматической жизни, нежели въ одахъ Петрарки, но не болѣе истины.

Тибуллъ, задумчивый и нѣжный Тибуллъ, любилъ напоминать о смерти своей Деліи и Немезидѣ. «Ты будешь плакать надъ умирающимъ Тибулломъ; я сожму руку твою хладѣющею рукою, о Делія!..»

Te spectem, suprema mihi cum venerit hora,
Te teneam moriens, deficiente manu...

И сіи слова драгоцѣнны для сердецъ чувствительныхъ! Но послѣ смерти всему конецъ для поэта: самый Элизій не есть вѣрное жилище. Каждый поэтъ передѣлывалъ его по своему и переносилъ туда грубыя земныя наслажденія. Петрарка напротивъ того: онъ надѣется увидѣть Лауру въ лонѣ Божества, посреди ангеловъ и святыхъ, ибо Лаура его есть ангелъ непорочности; самая смерть ея—торжество жизни надъ смертію. «Она погасла какъ лампада», говоритъ стихотворецъ;—«смерть

не обезобразила ея прелестей. Нѣтъ, не смертная блѣдность покрыла ея лицо: бѣлизна его подобилась снѣгу, медленно падающему на прекрасный холмъ въ безвѣтренную погоду. Она покоилась, какъ человѣкъ по совершеніи великихъ трудовъ: и это называютъ смертію слѣпые человѣки!»

Петрарка девять лѣтъ оплакивалъ кончину Лауры. Смерть красавицы не истребила его страсти; напротивъ того, она дала новую пищу его слезамъ, новые цвѣты его дарованію: гимны поэта сдѣлались божественными. Никакая земная мысль не помрачала его печали. Горесть его была вѣчная, горесть христіанина и любовника. Онъ жилъ въ небесахъ: тамъ былъ его умъ, его сердце, всѣ воспоминанія; тамъ была его Лаура! Стихи Петрарки, сіи гимны на смерть его возлюбленной, не должно переводить ни на какой языкъ, ибо ни одинъ языкъ не можетъ выразить постоянной сладости тосканскаго и особенной сладости музы Петрарковой. Но я желаю оправдать поэта, котораго часто критика, отдавая впрочемъ похвалу гармоніи стиховъ его, ставитъ наравнѣ съ обыкновенными писателями по части изобрѣтенія и мыслей. Въ прозѣ остаются однѣ мысли.

«Изчезла твоя слава, міръ неблагодарный, и ты сего не видишь, не чувствуешь! Ты не достойна была знать ее, земля неблагодарная! Ты не достойна быть попираема ея священными стопами! Прекрасная душа ея преселилась на небо. Но я, несчастный, я не могу любить безъ нея ни смертной жизни, ни самого себя! Лаура, тебя призываю со слезами! Слезы—послѣднее мое утѣшеніе; онѣ меня подкрѣпляютъ въ горести. Увы, въ землю превратились ея прелести! Онѣ были здѣсь залогомъ красоты небесной и наслажденій райскихъ. Тамъ ея невидимый образъ, здѣсь покрывало затемняв-

шее его сіяніе. Она облечется снова и на вѣки въ красоту небесную, которая безъ сравненія превосходитъ земную. Ея образъ является мнѣ одному (ибо кто могъ обожать ее, какъ я?), онъ является и прелестнѣе, и свѣтлѣе. Божественный образъ, ея милое имя, которое отзывается столь сладостно въ моемъ сердцѣ, вы—единственныя опоры слабой жизни моей... Но когда минутное заблужденіе изчезаетъ, когда я вспомню, что лишился надежды моей въ самомъ цвѣтѣ и сіяніи,—любовь, ты знаешь, что со мною тогда бываетъ, знаетъ и она, та, которая приближилась къ божественной истинѣ!.. Я страдаю, а она изъ жилища вѣчной жизни съ гордою улыбкою презрѣнія взираетъ на земное одѣяніе свое, здѣсь оставленное. Она о тебѣ одномъ вздыхаетъ и умоляетъ тебя не затмить сіянія славы ея, тобою на землѣ распространеннаго; да будетъ гласъ твоихъ пѣсней еще звучнѣе, еще сладостнѣе, если сладостны и драгоцѣнны были очи ея твоему сердцу!»

Древность ничего не можетъ представить намъ подобнаго. Горесть Петрарки услаждается мыслію о безсмертіи души, строгою мыслію, которая одна въ силахъ искоренить страсти земныя; но поэзія не теряетъ своихъ красокъ. Стихотворецъ умѣлъ сочетать землю и небо; онъ заставилъ Лауру заботиться о славѣ земной, единственномъ сокровищѣ, которое осталось въ рукахъ ея друга, осиротѣлаго на землѣ. Иначе плачетъ надъ урною любовницы древній поэтъ; иначе Овидій сѣтуетъ о кончинѣ Тибулла: ибо всѣ понятія древнихъ о душѣ, о безсмертіи были неопредѣленны. Петрарка, пораженный ужасною вѣстію о кончинѣ Лауры, написалъ нѣсколько строкъ на заглавномъ листѣ Виргилія, который весь наполненъ былъ его замѣчаніями, ибо Петрарка читалъ Виргилія и училъ наизусть безпре-

станно. Сія рукопись, драгоцѣнный остатокъ двухъ великихъ людей, хранилась въ Амброзіанской библіотекѣ, а нынѣ, если не ошибаюсь, находится въ Парижѣ. Простота немногихъ строкъ, начертанныхъ въ глубокой горести, прелестна и стоитъ лучшаго гимна. Изъ нихъ-то можно видѣть, что Петрарка не сочинялъ свою страсть, и что стихи его были только слабымъ воспоминаніемъ того, что онъ чувствовалъ. Вотъ сіи строки:

«Лаура, славная по качествамъ души своей и столь долго мною прославляемая, предстала въ первый разъ моимъ глазамъ въ началѣ моего юношескаго возраста, въ 1327 году 6-го апрѣля, въ церкви св. Клары въ Авиньонѣ, въ первомъ часу по полудни. И въ томъ же самомъ городѣ, въ томъ же мѣсяцѣ, 6-го числа, въ первомъ часу, 1348 года, сія небесная лампада потухла, когда я находился въ Веронѣ, не вѣдая ничего о моемъ несчастіи. Въ Пармѣ узналъ я эту плачевную новость чрезъ письмо друга моего Лудовика, того же года, въ маѣ, по утру. Ея чистѣйшее, ея прелестное тѣло было положено, въ самый день ея смерти, въ церкви кармелитовъ. Я увѣренъ, что ея душа возвратилась на небо, откуда она пришла такъ, какъ Сципіонова, по словамъ Сенеки» [1]).

[1]) Пріятель мой г. П., родомъ Швейцарецъ, разсказывалъ мнѣ любопытный анекдотъ о Вернѣ (Vernes de Genève), сочинителѣ извѣстнаго Путешествія по Франціи. Чувствительный Вернъ (я называю его чувствительнымъ потому, что онъ во всю жизнь старался прослыть чувствительнымъ любовникомъ и писателемъ), Вернъ лишился жены, прелестной и молодой, которую онъ обожалъ, какъ любовницу. Нельзя описать его отчаянія! Съ трудомъ оторвали его отъ хладнаго трупа, обезображеннаго смертію. Но Вернъ не хотѣлъ видѣть друзей своихъ, не хотѣлъ слышать обыкновенныхъ утѣшеній, раздражающихъ раны сердечныя; онъ заперся въ своемъ кабинетѣ и цѣлыя сутки провелъ въ глубокомъ уединеніи. Долго его дожидались. Родственники и друзья начали безпокоиться. Сперва одинъ, потомъ другой постучался у дверей: нѣтъ отвѣта; проходитъ часъ, другой, третій: двери не отворяются. Въ страхѣ рѣшились ихъ выломать. Но что же? Две-

Петрарка любилъ, но онъ чувствовалъ всю суетность своей страсти и съ нею боролся не однажды. Любовь къ Лаурѣ и любовь къ славѣ подъ конецъ жизни его слились въ одно. Любовь къ славѣ, по словамъ одного русскаго писателя, есть послѣдняя страсть, занимающая великую душу. Поэмы: Триумфъ любви,— непорочности,—смерти,—Божества, въ которыхъ и самый снисходительный критикъ найдетъ множество несообразностей и оскорбленій вкуса, заключаютъ однакоже въ себѣ неувядаемыя красоты слога, выраженія и особенно мыслей. Въ нихъ-то стихотворецъ описываетъ всѣ мученія любви, которой міръ, какъ тирану, приноситъ безпрестанныя жертвы. «Я знаю», говоритъ онъ,—«какъ непостоянна и премѣнчива жизнь любовниковъ. Они—то робки, то предпріимчивы. Немного радостей награждаютъ ихъ за безпрерывныя мученія. Знаю ихъ нравы, ихъ воздыханія, ихъ пѣсни, прерывные разговоры, внезапное молчаніе, краткій смѣхъ и

ри отворились, и вдовецъ, блѣдный, растрепанный, съ красными глазами отъ слезъ—или отъ письма, можете разсудить сами,—вышелъ на встрѣчу толпѣ, въ одной рукѣ держа перо, а въ другой цѣлую тетрадь исписанной бумаги. Друзья удивились, и еще болѣе, когда поэтъ сѣлъ спокойно на стулъ и плачевнымъ голосомъ прочиталъ плачевную элегію на смерть супруги.

Свѣтскіе люди полагаютъ, и не безъ основанія, что страсти у писателей въ головѣ, а не въ сердцѣ. Не всегда, конечно. Петрарка, чувствительный до излишества, писалъ отъ избытка чувствъ сердечныхъ; но эта глубокая чувствительность, источникъ дарованій, нерѣдко бываетъ источникомъ мученій. Сколько тому примѣровъ! Мольеръ, сей знатокъ страсти и сердца человѣческаго, походилъ на своего Мизантропа вѣчною угрюмостію въ обществѣ; онъ страдалъ безпрестанно за себя и за другихъ. Расинъ былъ жертвою своего сердца, тронутаго народнымъ несчастіемъ и потомъ немилостію короля. Тассъ, какъ страдалецъ, скитался изъ края въ край, не находилъ себѣ пристанища; повсюду носилъ свои страданія, всѣхъ подозрѣвалъ и ненавидѣлъ жизнь свою, какъ бремя. Тассъ, жестокій примѣръ благодѣяній и гнѣва фортуны, сохранилъ сердце и воображеніе, но утратилъ разсудокъ. И въ наши времена русская Мельпомена оплакиваетъ еще своего любимца, столь ужасно отторженнаго отъ Парнасса, отъ всего человѣчества! Есть люди, которые завидуютъ дарованію! Великое дарованіе и великое страданіе—почти одно и то же.

вѣчныя слезы. Любовь подобна сладкому меду, распущенному въ соку полынномъ» [1]). Сію послѣднюю мысль Тассъ повторилъ въ своей поэмѣ. Пѣвецъ Іерусалима испыталъ всѣ мученія любви.

Во времена Петрарковы, столь смежныя съ временами рыцарства, любовь не утратила еще своего владычества надъ людьми всѣхъ состояній. Во Франціи, отъ короля до простаго воина, каждый имѣлъ свою даму. «Ma dame et saint Dénis!» восклицали французскіе рыцари въ пылу сраженій, и совершали неимовѣрные подвиги. Рыцарь сиръ де-Флеранжъ, водружая знамя на стѣнѣ крѣпости, взятой приступомъ, кричалъ своимъ товарищамъ: «Ахъ, если бы видѣла красавица своего рыцаря!» Трубадуры воспѣвали красоту; за ними и всѣ поэты (не исключая важнаго и мрачнаго Данте, остроумнаго и веселаго Боккаціо), всѣ прославляли своихъ красавицъ, и имена ихъ остались въ памяти музъ. Исторія Парнасса италіянскаго есть исторія любви. Въ одномъ изъ своихъ Тріумфовъ Петрарка изчисляетъ великихъ мужей древнихъ и новѣйшихъ, которые всѣ учинились жертвами страсти. Конечно, здравый вкусъ негодуетъ на сочетаніе именъ Давида и Соломона съ именами Тибулла и Проперція; но нѣкоторыя мѣста сей поэмы имѣютъ особенную прелесть, а болѣе всего тѣ, въ которыхъ стихотворецъ изчисляетъ своихъ друзей въ плѣну у суроваго бога:

«Я увидѣлъ Виргилія», говоритъ онъ,—«съ нимъ Овидія, Катулла и Проперція, которые всѣ столь пламенно воспѣвали любовь, и наконецъ, нѣжнаго Тибулла. Юная Гречанка (Сафо) шествовала рядомъ съ возвышенными пѣвцами, воспѣвая сладкіе гимны. Бросивъ взоры на

[1]) Гордый и пламенный Альфіери называетъ Петрарку учителемъ любви и поэзіи, maestro in amare ed in poesia.

окрестныя мѣста, я увидѣлъ на цвѣтущей зеленой долинѣ толпу, разсуждающую о любви. Вотъ Данте съ Беатриксою! Вотъ Сельважіа съ Чино! и пр. и пр..... Но теперь я не могу сокрыть моей горести: я увидѣлъ друзей моихъ, и посреди ихъ Томаса, украшеніе Болоніи, Томаса, котораго прахъ истлѣваетъ на землѣ Мессинской. О минутныя радости, горестная жизнь, кто отнялъ у меня такъ рано мое сокровище, моего друга, безъ котораго я не могъ дышать? Гдѣ онъ теперь находится?.. Прежде онъ былъ со мною неразлученъ... Жизнь смертныхъ, горестная жизнь, ты не что иное, какъ сонъ больнаго страдальца, пустая басня романа! Уклонясь въ сторону отъ прямаго пути, я встрѣтилъ моего Сократа и Лелія. Съ ними желалъ бы я долѣе шествовать. Какая чета друзей! Ни проза, ни стихи мои не могутъ ихъ достойно прославить; ихъ нагая добродѣтель и безъ пѣсней музъ заслуживаетъ почтеніе міра. Съ ними я похитилъ слишкомъ рано славный лавръ, который доселѣ украшаетъ мою главу, въ воспоминаніе той, которую обожаю!» Лавръ (lauro) напоминаетъ имя Лауры и потому былъ вдвое драгоцѣненъ сердцу поэта. По смерти славнаго Колонны и Лауры стихотворецъ воскликнулъ:

Rotta è l'alta colonna e' l verde lauro!

Мы замѣтили уже, что неумѣренная любовь къ славѣ равнялась или спорила съ любовію къ Лаурѣ въ пламенной душѣ Петрарки. Одна чистѣйшая набожность и возвышенныя мысли о безсмертіи души могли уменьшать ихъ силу, и то временно; но искоренить совершенно не имѣли власти. Съ какимъ чистосердечнымъ сокрушеніемъ описываетъ онъ борьбу религіи съ любовію къ славѣ! Въ каждомъ словѣ видѣнъ христіанинъ, который знаетъ, что ничто земное ему принадлежать не

можетъ, что всѣ труды и усилія человѣка напрасны, что слава земная изчезаетъ, какъ слѣдъ облака на небѣ: знаетъ твердо, убѣжденъ въ сей истинѣ и все не престаетъ жертвовать своей страсти! «Мой умъ занятъ сладкою и горестною мыслію», говоритъ онъ, — «мыслію, которая меня утруждаетъ и исполняетъ надеждою мятежное сердце. Когда воображу себѣ сіяніе славы, то не чувствую ни хлада зимы, ни лучей солнечныхъ, забываю страшную блѣдность моего чела и самые недуги. Напрасно желаю умертвить сію мысль; она снова и сильнѣе рождается въ моемъ сердцѣ. Она встрѣтила меня въ пеленахъ младенчества, день ото дня со мною возрастала, и страшусь, чтобы со мною не заключилась въ могилѣ. Но къ чему послужатъ мнѣ сіи льстивыя желанія, когда моя душа отдѣлится отъ бреннаго тѣла, послѣ кончины моей, если и вся вселенная будетъ обо мнѣ говорить?.. Суета, суета! Одинъ мигъ разрушаетъ всѣ труды наши. Такъ, я желалъ бы обнять истину и забыть на вѣки суетную тѣнь славы!»

И самый слогъ Петрарки сообразно съ предметами измѣняется: важность мыслей въ Тріумфѣ смерти и Божества даютъ слогу особенную силу, возвышенность и краткость. Часто два или три слова заключаютъ въ себѣ мысль или глубокое чувство. Ода, въ которой поэтъ обращается къ Ріензи (такъ полагаетъ Вольтеръ, а другіе критики утверждаютъ, что сія ода писана не къ Ріензи, а къ Колоннѣ), сія ода, въ которой онъ умоляетъ народнаго трибуна священными именами Сципіоновъ и Брутовъ расторгнуть оковы Рима и поставить его на древнюю степень сіянія и славы, напоминаетъ намъ прекрасныя оды Горація. Она исполнена древняго вкуса и того величія, которое Италіянцы, чувствительные ко всему изящному, называютъ gran-

dioso въ поэзіи, въ ваяніи, въ живописи, во всѣхъ искусствахъ. Римъ былъ страстію Петрарки. Онъ не могъ простить папѣ перенесенія трона въ Авиньонъ, и вотъ въ какихъ словахъ изливаетъ свое негодованіе передъ защитникомъ правъ народныхъ, вотъ какимъ образомъ взываетъ къ воскресителю столицы міра:

«Сіи древнія стѣны, предъ коими міръ благоговѣетъ, и смертные страшатся, когда обращаютъ вспять взоры на давно минувшіе вѣки, сіи камни надгробные, подъ коими истлѣваетъ прахъ великихъ людей, славныхъ даже до разрушенія міра, всѣ сіи развалины древняго величія надѣются воскреснуть тобою. О, великіе Сципіоны, о, вѣрный Брутъ, съ какою радостію познаете вы благодѣяніе новаго героя! Съ какимъ веселіемъ и ты, Фабрицій, узнаешь вѣсть сію! Ты скажешь: мой Римъ еще будетъ прекрасенъ!»

Надежды Петрарки не сбылись. Но любители изящной поэзіи знаютъ наизусть прекрасные стихи любовника Лауры, обожателя древняго Рима и древней свободы. Ни любовь, ни мелкія выгоды самолюбія, ни опасность говорить истину въ смутныя времена междоусобія, ничто не могло ослабить въ немъ любви къ Риму, къ древнему отечеству добродѣтелей и музъ, ему драгоцѣнныхъ, ибо ничто не могло потушить любви къ изящному и къ истинѣ въ его сердцѣ. Узнавъ неистовые поступки Ріензи, съ чистосердечною гордостію, достойною лучшихъ временъ Рима, Петрарка писалъ къ нему: «Я хотѣлъ прославить тебя; страшись теперь, чтобы я не превратилъ моей похвалы въ жестокую сатиру!» Но всѣ угрозы и совѣты Петрарки были напрасны. Свобода, дарованная Риму изступленнымъ трибуномъ, походила на свободу Робеспіерову: началась убійствами, кончилась тиранствомъ.

Всѣ знаютъ, что Петрарка воспользовался пѣснями сициліанскихъ поэтовъ и трубадуровъ счастливаго Прованса, которые много заняли у Мавровъ, народа образованнаго, гостепріимнаго, учтиваго, ученаго и одареннаго самымъ блестящимъ воображеніемъ. Отъ нихъ онъ заимствовалъ игру словъ, изысканныя выраженія, отвлеченныя мысли и наконецъ излишнее употребленіе аллегоріи; но сіи самые недостатки даютъ какую-то особенную оригинальность его сонетамъ и прелесть чудесную его неподражаемымъ одамъ, которыя ни на какой языкъ перевести не возможно. «Слога нельзя присвоить», говоритъ Бюффонъ, сей исполинъ въ искусствѣ писать,—и особенно слога Петрарки. Любовь къ цвѣтамъ господствовала на востокѣ. До сихъ поръ арабскіе и персидскіе стихотворцы безпрестанно сравниваютъ красоту съ цвѣтами и цвѣты съ красотою. Цвѣты играютъ большую ролю у любовниковъ на востокѣ. Раждающаяся любовь, ревность, надежда, однимъ словомъ—вся суетная и прелестная исторія любви изъясняется посредствомъ цвѣтовъ. Трубадуры также любили воспѣвать цвѣты, а за ними и Петрарка. Желаете ли видѣть, какимъ образомъ онъ воспользовался цвѣтами? Еще разъ повторяю: я удерживаю одну тѣнь слога живаго, исполненнаго нѣги, гармоніи и этого сердечнаго изліянія, которое только можно чувствовать, а не описывать. Кстати о цвѣтахъ: слогъ Петрарки можно сравнить съ симъ чувствительнымъ цвѣткомъ, который вянетъ отъ прикосновенія.

«Если глаза мои остановятся на розахъ бѣлыхъ и пурпуровыхъ, собранныхъ въ золотомъ сосудѣ рукою прелестной дѣвицы, тогда мнѣ кажется, что вижу лицо той, которая всѣ чудеса природы собою затмѣваетъ. Я вижу бѣлокурые локоны ея, по лилейной шеѣ развѣян-

ные, бѣлизною и самое молоко затмѣвающей; я вижу сіи ланиты, сладостнымъ и тихимъ румянцемъ горящія! Но когда легкое дыханіе зефира начинаетъ колебать на долинѣ цвѣточки желтые и бѣлые, тогда воспоминаю невольно и мѣсто, и первый день, въ который увидѣлъ Лауру съ развѣянными власами по воздуху, и воспоминаю съ горестію начало моей пламенной страсти».

Такимъ образомъ цвѣтокъ въ полѣ, закатъ солнца, водопадъ, шумящій въ уединенной рощѣ, малѣйшее обстоятельство въ природѣ напоминали Петраркѣ красоту, вѣчно любезную его сердцу. Путешествіе стихотворца чрезъ лѣса Арденнскіе или чрезъ Альпы, прогулка Лауры въ лодкѣ по озеру или обряды набожности, ею совершенные при наступленіи какого-нибудь праздненства, все служило поводомъ къ сонету или новой одѣ; ни одно чувство, ни одно духовное наслажденіе, ни одно огорченіе не было утрачено для музъ. Сіе смѣшеніе глубокой чувствительности и набожности чистосердечной съ тонкимъ познаніемъ свѣта и людей, съ обширными свѣдѣніями въ исторіи народовъ, сіи слѣды и воспоминанія классическихъ красотъ древнихъ авторовъ, разсѣянные посреди блестящихъ и романическихъ вымысловъ сицилiанскихъ поэтовъ, наконецъ, сей очаровательный языкъ тосканскій, исполненный величія, сладости и гармоніи неизъяснимой, сіе счастливое сочетаніе любви, религіи, учености, философіи, глубокомыслія и суетности любовника, все это вмѣстѣ въ стихахъ Петрарки представляетъ чтеніе усладительное и совершенно новое для любителя словесности. Надобно предаться своему сердцу, любить изящное, любить тишину души, возвышенныя мысли и чувства, однимъ словомъ—любить сладостный языкъ музъ, чтобы чувствовать вполнѣ красоту сихъ вол-

шебныхъ пѣсней, которыя предали потомству имена Петрарки и Лауры. Мы знали людей, которые смотрѣли холодными глазами на Аполлона Бельведерскаго; мы знали людей, которые никогда не трепетали отъ восхищенія при чтеніи стиховъ Державина, и мы не удивляемся, что есть писатели, для которыхъ слагатель мадригаловъ Доратъ и Петрарка—одно и то же. Часто умные люди отказывали ему въ уваженіи. Умъ нерѣдко бываетъ тупой судія произведеній сердца. Но для тѣхъ, которые любили хотя одинъ разъ въ жизни, стоитъ только назвать Петрарку: они знаютъ ему цѣну и чувствуютъ вполнѣ прелесть поэзіи, которая не разъ отзывалась въ ихъ сердцѣ: il cantar che nell'anima si sente.

Примѣчаніе.

Я сдѣлалъ открытіе въ италіянской словесности, къ которому меня не руководствовали иностранные писатели, по крайней мѣрѣ тѣ, кои мнѣ болѣе извѣстны. Я нашелъ многія мѣста и цѣлые стихи Петрарки въ Освобожденномъ Іерусалимѣ. Такого рода похищенія доказываютъ уваженіе и любовь Тасса къ Петраркѣ. Мудрено ли? Петрарка былъ его предшественникомъ; онъ и Данте открыли новое поле словесности своимъ соотечественникамъ; безпрестанное чтеніе сихъ образцовъ, особенно пѣвца Лауры, столь близкаго сердцу чувствительнаго пѣвца Танкреда и Эрминіи, это чтеніе врѣзало въ памяти его многіе стихи и выраженія, которые онъ невольнымъ образомъ повторялъ въ своей поэмѣ.

Кто не знаетъ прелестной оды: Chiare, fresche e dolci acque, которой Вольтеръ подражалъ столь удачно, и неподражаемаго эпизода Эрминіи VII-й пѣсни Освобожденнаго Іерусалима? Нѣтъ сомнѣнія, что

Тассъ имѣлъ въ памяти стихи Петрарки, которые можно назвать сокровищемъ италіянской поэзіи. Любовникъ Лауры обращается къ Тріадѣ, источнику окрестностей Авиньона [1]), котораго воды прохлаждали красавицу. На благовонныхъ берегахъ его, освященныхъ нѣкогда присутствіемъ единственной для него женщины (che sola a me par donna), онъ желаетъ, чтобы покоились его остатки. «Можетъ быть», говоритъ онъ,— «можетъ быть, тамъ, гдѣ увидѣла меня въ благословенный день перваго свиданія, тамъ любопытный взоръ ея будетъ меня искать снова, и увы, прахъ одинъ найдетъ, прахъ, между камней разсѣянный», и пр. Отъ сихъ унылыхъ мыслей поэтъ переходитъ снова къ роскошному описанію Лауры, оставляющей студеныя воды источника; облако цвѣтовъ разсыпалось на красавицу: ed ella si sedea umile in tanta gloria. Древность не производила ничего подобнаго. Самое рожденіе Венеры изъ пѣны морской и пришествіе ея на землю, которая затрепетала отъ сладострастія, почувствовавъ прикосновеніе богини, не столько плѣняетъ воображеніе.

Но перейдемъ къ Тассу. У него Эрминія, нашедъ убѣжище у пастырей, оплакиваетъ вѣчную разлуку съ Танкредомъ. Дочь царей, покрытая рубищемъ, но и въ рубищѣ прелестная и величественная, начертываетъ имя Танкреда на корѣ древнихъ дубовъ и вязовъ и съ нимъ всю печальную повѣсть любви своей. Сто разъ перечитываетъ ее и, проливая слезы, обращается къ рощамъ, нѣмымъ свидѣтелямъ ея тоски: «Сокройте, сокройте въ себѣ мою тайну, дружественныя рощи! Можетъ быть, вѣрный любовникъ, когда-нибудь привлеченный прохладою тѣней вашихъ, съ сожалѣніемъ

[1]) А не къ Воклюзѣ, какъ полагали нѣкоторые писатели.

прочитаетъ мои печальныя приключенія и, тронутый до глубины сердца, скажетъ: счастіе и любовь неблагодарностію воздали за толикія страданія и за примѣрную вѣрность! Можетъ быть—если небо внимаетъ благосклонно усерднѣйшимъ моленіямъ смертныхъ — можетъ быть, въ сіи пустыни зайдетъ случайно и тотъ, который ко мнѣ столько равнодушенъ и, обращая взоры на то мѣсто, гдѣ будутъ покоиться мои бренные остатки, позднія слезы прольетъ въ награду за мои страданія и вѣрность».

Теперь увидимъ похищенія. Въ одѣ, которая начинается: Nella stagion che' l ciel rapido inchina etc., Петрарка описываетъ пастушку, которая при закатѣ солнца спѣшитъ въ сельское убѣжище и тамъ забываетъ усталость:

La noia e' l mal della passata vita.

Тассъ въ III-й пѣсни Іерусалима, воспѣвая торжественное пришествіе крестовыхъ воиновъ къ священному граду, сравниваетъ ихъ съ мореплавателями, которые, открывъ желанный берегъ, послѣ бурь и трудовъ забываютъ опасности минувшія:

La noia e' l mal della passata vita.

Въ сонетѣ: Zefiro torna e'l bel tempo rimena etc. Петрарка говоритъ, что весна все оживляетъ, поля улыбаются, небо свѣтлѣетъ; Зевесъ съ радостію взираетъ на Киприду, милую дочь свою; воздухъ, вода и земля дышутъ любовью:

Ogni animal d'amar si riconsiglia.

И у Тасса мы находимъ этотъ стихъ въ садахъ Армиды:

Raddopian le colombe i baci loro,
Ogni animal d'amar si riconsiglia.

Есть и другія похищенія; но я не могу ихъ теперь привести на память.

XV.

О характерѣ Ломоносова.

«По слогу можно узнать человѣка», сказалъ Бюффонъ: характеръ писателя весь въ его твореніяхъ. Это съ одной стороны справедливо. Безъ сомнѣнія, по стихамъ и прозѣ Ломоносова мы можемъ заключить, что онъ имѣлъ возвышенную душу, ясный и проницательный умъ, характеръ необыкновенно предпріимчивый и сильный. Но любителю словесности, скажу болѣе—наблюдателю-философу пріятно было бы узнать нѣкоторыя подробности частной жизни великаго человѣка, познакомиться съ нимъ, узнать его страсти, его заботы, его печали, наслажденія, привычки, странности, слабости и самые пороки, неразлучные спутники человѣка. «Разумъ, услаждающійся величественными понятіями всеобщаго порядка и согласія, не можетъ быть соединенъ съ сердцемъ хладнымъ», говорилъ о Ломоносовѣ писатель, котораго имя равно любезно музамъ и добродѣтели. Сія истина утверждена жизнью Ломоносова. Воображеніе и сердце часто увлекали его въ молодости: они были источниками его наслажденій и мученій, неизвѣстныхъ, неизъяснимыхъ обыкновеннымъ людямъ. Конечно, не одна страсть къ ученію, которая не могла еще вполнѣ

овладѣть душою отрока, воспитаннаго среди болотъ холмогорскихъ, не одна сія страсть, столь благородная и безкорыстная, принудила его оставить родину. Семейственныя огорченія и нѣкоторое тайное безпокойство души было къ тому важнѣйшимъ побужденіемъ. Но сіе безпокойство, сіе тусклое желаніе чего-то новаго и лучшаго, сія предпріимчивость, удивительная въ столь нѣжномъ возрастѣ, не означали ли великую душу и нѣчто необыкновенное?

Пламенное рвеніе къ ученію, неутомимая жажда познаній, постоянство въ преодолѣніи преградъ, поставленныхъ непріязненнымъ рокомъ, дерзость въ предпріятіяхъ, увѣнчанная сіяющимъ успѣхомъ, всѣ сіи качества соединены были съ сильными страстями, съ пламеннымъ сердцемъ или, лучше сказать, проистекали изъ оныхъ, и потому должно ли удивляться, что Ломоносовъ въ молодости своей пожертвовалъ всѣми выгодами любви? Въ Марбургѣ онъ женился тайно на дочери бѣднаго ремесленника, и въ скоромъ времени обстоятельства принудили его разлучиться съ супругою. Музы любятъ провождать любимцевъ своихъ по тернистой тропѣ несчастія въ храмъ славы и успѣховъ. Бѣдствія не всегда убиваютъ талантъ: напротивъ того, они пробуждаютъ въ душѣ множество прекрасныхъ свойствъ и знакомятъ ее съ собственными силами. Ломоносовъ, гонимый судьбою, скитался по Германіи, переходилъ изъ земли въ землю, безъ пристанища, часто безъ насущнаго хлѣба; онъ боролся со всѣми нуждами и горестями и никогда, нигдѣ не преступилъ законовъ чести, никогда не забывалъ оставленной супруги. Съ какою чувствительностью, возвратясь въ Петербургъ, прочиталъ онъ письмо ея и воскликнулъ предъ посланнымъ отъ г. Бестужева: «Боже мой, могу

ли ее оставить!» Слезы прерывали безпрестанно слова его. Сладостно видѣть наблюдателю человѣчества соединеніе столь глубокой чувствительности съ умомъ обширнымъ, вѣрнымъ и прозорливымъ! Чувствительность и сильное, пламенное воображеніе часто владѣли нашимъ поэтомъ, конечно, противъ воли его. На возвратномъ пути изъ Амстердама по морю Ломоносовъ, сидя на палубѣ, при шумѣ волнъ погружался въ сладкую задумчивость. Открытое море, шумъ вѣтра и безпрерывное колебаніе корабля напоминали ему первыя лѣта юности, проведенныя среди непостоянной стихіи; они напоминали приморскую его родину и все, что ни есть сладостнаго для сердца нѣжнаго и добраго. Исполненному воспоминаній, однажды во снѣ ему привидѣлась страшная буря на волнахъ Ледовитаго моря, кораблекрушеніе и хладный трупъ отца его, выброшенный на тотъ самый островъ, куда Ломоносовъ въ молодости своей приставалъ съ нимъ для совершенія рыбной ловли. Онъ въ ужасѣ проснулся. Напрасно призываетъ на помощь разсудокъ свой, напрасно желаетъ разсѣять мрачные слѣды сновидѣнія: мечта остается въ глубинѣ сердца, и ничто не въ силахъ изгладить ее. Снова засыпаетъ и снова видитъ шумное море, не обитаемый островъ и блѣдный трупъ родителя. Такъ мы нерѣдко увѣряемся опытомъ, что Провидѣніе влагаетъ въ насъ какія-то тайныя мысли, какое-то неизъяснимое предчувствіе будущихъ злополучій, и событіе часто подтверждаетъ предсказаніе таинственнаго сна—къ удивленію, къ смиренію слабаго и гордаго разсудка. Ломоносовъ это испыталъ въ жизни своей. Отецъ его погибъ въ волнахъ, и тѣло его найдено рыбаками на томъ не обитаемомъ островѣ, который назначилъ имъ печальный сынъ по внушенію пророческаго сновидѣнія.

По краткой біографіи, напечатанной при сочиненіяхъ Ломоносова, мы тѣснѣе знакомимся съ поэтомъ, когда онъ покидаетъ родину свою. Самое юношество необыкновеннаго человѣка любопытно; каждое обстоятельство, каждая подробность драгоцѣнны. Конечно, Ломоносовъ въ откровенной бесѣдѣ ближнихъ и друзей любилъ разсказывать имъ первыя свои печали и наслажденія: съ какимъ восхищеніемъ онъ пѣвалъ на клиросѣ священныя пѣсни и пожиралъ духовныя книги, съ какимъ усиліемъ онъ промыслилъ славенскую грамматику и ариѳметику—врата учености своей, какъ сердце его унывало, покидая отца, родину, ближнихъ, какъ трепетало отъ радости, вступая въ обширную Москву. Къ сожалѣнію, немного подробностей дошло до насъ, и почти всѣ изчезли съ холодными слушателями. Однѣ великія души чувствуютъ всю важность дружескихъ повѣреній знаменитаго человѣка, ихъ современника. Ломоносовъ — нѣтъ сомнѣнія — казался обыкновеннымъ человѣкомъ въ кругу пріятелей своихъ, людей весьма обыкновенныхъ. И могъ ли Тредіаковскій съ братіею быть цѣнителемъ величайшаго ума своего времени, цѣнителемъ Ломоносова?

Но, къ счастію нашему, Россія имѣла въ молодомъ вельможѣ покровителя дарованій. Мы забудемъ со временемъ однофамильца Шувалова, который писалъ остроумные стихи на французскомъ языкѣ, который удивлялъ Парни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольтера, ученыхъ и неученыхъ Парижанъ любезностію, веселостію и учтивостію, достойною временъ Лудовика XIV; но того Шувалова, который покровительствовалъ Ломоносова, никогда не забудемъ. Имя его навсегда останется драгоцѣнно музамъ отечественнымъ. Онъ былъ все для нашего лирика: дѣятельный и просвѣщенный покрови-

тель, попечительный другъ, часто снисходительный и всегда постоянный. Безъ него Ломоносовъ не могъ бы предпринять сихъ великихъ трудовъ, требующихъ издержекъ и безпрестанныхъ пособій. Скажемъ болѣе: какъ ученый, какъ стихотворецъ, Ломоносовъ обязанъ ему всѣмъ, даже постоянствомъ въ любви ко славѣ. Прозорливый Шуваловъ въ уроженцѣ Холмогоръ угадалъ великаго человѣка; счастливый поэтъ нашелъ въ вельможѣ истинный патріотизмъ, обширныя свѣдѣнія, вкусъ образованный и, что всего лучше—благородную, дѣятельную душу. Однимъ словомъ (рѣдкое явленіе!)—вельможа и поэтъ понимали другъ друга. Письма Ломоносова къ Шувалову суть безцѣнный памятникъ словесности русской: въ нихъ видѣнъ и стихотворецъ, и покровитель его. Они заключаютъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей, анекдотовъ и, наконецъ, извѣстіе о кончинѣ профессора Рихмана, достойнаго товарища Ломоносова. Рихманъ умеръ прекрасною смертію [1]), и Ломоносовъ съ убѣдительнымъ, сердечнымъ краснорѣчіемъ ходатайствуетъ за осиротѣвшее семейство, страшась, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу наукъ, вѣчно ему любезныхъ. Часто въ письмахъ своихъ онъ жалуется на Тредіаковскаго и Сумарокова. Если сіи строки доказываютъ печальную истину, что дарованія во всѣ времена, даже при самой колыбели словесности, имѣютъ враговъ и завистниковъ, то они же, къ радости нашей, открываютъ прекрасную душу великаго писателя: «Никакого не желаю мщенія», говоритъ онъ,— «но способовъ продолжить труды мои для славы, для пользы отечества. Мои зоилы хвалятъ меня своею хулою, называя мои изображенія надутыми; нападая на меня, они нападаютъ на древнихъ»...

[1]) Это собственное выраженіе Ломоносова.

До послѣдней минуты жизни своей Ломоносовъ не измѣнилъ себѣ, и прелестная мысль о славѣ его не покидала. На одрѣ мученій и смерти Рафаэль соболѣзновалъ о не доконченныхъ картинахъ, нашъ сѣверный геній—о не совершенныхъ трудахъ своихъ. «Я умираю», говорилъ онъ Штелину,—«я умираю, пріятель! На смерть взираю равнодушно. Сожалѣю о томъ, чего не успѣлъ довершить для пользы наукъ, для славы отечества и академіи нашей. Къ сожалѣнію вижу, что благія мои намѣренія изчезнутъ вмѣстѣ со мною...»

Тѣнь великаго стихотворца утѣшилась. Труды его не потеряны. Имя его безсмертно.

XVI.

Двѣ Аллегоріи.

I.

Еслибъ достатокъ позволялъ мнѣ исполнять по волѣ всѣ мои прихоти, то я побѣжалъ бы къ художнику N. съ полнымъ кошелькомъ и предложилъ ему двѣ мысли для двухъ картинъ. Вообще аллегоріи холодны, особливо тѣ, которыми живописцы хотятъ изобразить историческія произшествія; но мои будутъ говорить разсудку, потому что онѣ ясны и точны; онѣ будутъ говорить воображенію и сердцу, если художникъ выразитъ то, что я теперь мыслю и чувствую.

— Напишите, сказалъ бы я живописцу (который до сихъ поръ не написалъ ничего оригинальнаго, а только рабски подражалъ Рафаелю, но который можетъ изобрѣтать, ибо имѣетъ умъ, сердце и воображеніе),— напишите мнѣ генія и фортуну, обрѣзывающую у него крылья.

Х. А, я васъ понимаю! (немного подумавъ) Вы хотите изобразить жестокую побѣду несчастія надъ талантомъ, генія живописи...

Я. Я не назначаю именно какого генія; отъ васъ зависитъ выборъ—генія поэзіи, генія войны, генія философіи, науки или художества, какого вамъ угодно; только генія пламеннаго, пылкаго, наполненнаго гордости и себяпознанія, котораго крылья неутомимы, кото-

раго взоръ орлиный проницаетъ, объемлетъ природу, ему подчиненную, котораго сердце утопаетъ въ сладострастіи чистѣйшемъ и не изъяснимомъ для простаго смертнаго, при одномъ помышленіи о добродѣтели, при одномъ именованіи славы и безсмертія.

Х. (Съ радостію взявъ мѣлъ, подбѣгаетъ къ грунтованному холсту). Я васъ понимаю, очень понимаю...

Я. Я увѣренъ, что художникъ N. меня пойметъ, когда дѣло идетъ о славѣ.

Х. (Взявъ меня за руку и краснѣя при каждомъ словѣ). Вы не повѣрите, какъ я люблю славу: стыдно признаться; но вы хотите (чертитъ мѣломъ абрисъ фигуры), вы хотите...

Я. Генія. Чтобъ изобразить живо, какъ я его чувствую, прочитайте жизнь Ломоносова, этого рыбака, который, по словамъ другаго поэта, изъ простой хижины шагнулъ въ академію; прочитайте жизнь Петра Великаго, который самъ себя создалъ и потомъ Россію; прочитайте жизнь чудеснаго Суворова, котораго душу, сердце и умъ природа отлила въ особенной формѣ и потомъ изломала ее въ дребезги. Взгляните, если угодно, на творенія вашего Рафаеля, въ памяти котораго помѣщалась вся природа! Напитавши воображеніе идеаломъ величія во всѣхъ родахъ, пишите смѣло: вашъ геній будетъ геній, а не фигура академическая. Теперь вообразите себѣ, что онъ борется съ враждебнымъ рокомъ; запутайте его ноги въ сѣтяхъ несчастія, брошенныхъ коварною рукою фортуны; пусть слѣпая и жестокая богиня обрѣзываетъ у него крылья съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ Лахезиса прерываетъ нить жизни героя или лучшаго изъ смертныхъ—Сократа или Моро, Лась-Казаса или Еропкина, благодѣтеля Москвы.

Х. Я разумѣю. Фортуну изображу, какъ обыкновенно, съ повязкою на глазахъ, съ колесомъ подъ ногами.

Я. Это ваше дѣло! Теперь замѣтьте, что побѣжденный геній потушаетъ свой пламенникъ. Нѣтъ крыльевъ, нѣтъ и пламенника!

Х. Справедливо.

Я. Но за то, нѣтъ слезъ въ очахъ, ни малѣйшихъ упрековъ въ устахъ божественнаго. Чувство негодованія, и—если можно слить другое чувство, совершенно тому противное—сожалѣніе объ утраченной славѣ, которая съ ужасомъ направляетъ полетъ свой, куда перстъ фортуны ей указываетъ.

Х. Геній мой будетъ походить на Аполлона Дельфійскаго...

Я. Если бы Аполлонъ промахнулся, мѣтя въ чудовище, то выраженіе лица его могло бы имѣть нѣкоторое сходство съ лицомъ несчастнаго генія, у котораго фортуна обрѣзала крылья.

Х. (Задумавшись и потомъ съ глубокимъ вздохомъ). Я васъ понялъ совершенно: художникъ не всегда былъ баловнемъ фортуны. Мы всѣ, дѣти Аполлоновы, менѣе или болѣе боролись съ несчастіемъ. Многіе побѣдили его, многіе утратили свои крылья въ жестокой борьбѣ, и пламенникъ таланта потухъ самъ собою. Вы будете довольны картиною. Теперь же стану ее компоновать. Простите.

II.

Я. Картина ваша прелестна! Для васъ геній не потушилъ своего пламенника, когда вы изображали его божественное лицо.

Х. Я доволенъ. Но спросите у меня, какъ я страдалъ! Сколько печальныхъ мыслей бродило въ головѣ

моей, когда я изображалъ генія, потушившаго пламенникъ свой, и лицо этой неумолимой, безразсудной фортуны, которая, исполняя долгъ свой, такъ спокойна, ибо не вѣдаетъ, что творитъ: она съ повязкою на глазахъ. Вѣрите ли, что сердце мое обливалось кровью при одной мысли объ участи художниковъ, которые въ отечествѣ своемъ не находятъ пропитанія...

Я. (Разсматривая картину). Прекрасно! Но знаете ли, что можно воскресить вашего генія?

Х. (Съ радостію). Воскресить?

Я. Выслушайте меня: я шелъ однажды въ дикомъ лѣсу и потерялъ дорогу. Выхожу на свѣтъ, вижу пещеру, осѣненную густыми вѣтвями, и въ этой пещерѣ... вашего генія.

Х. Моего генія?

Я. Онъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости, опершись на одну руку. Потухшій свѣтильникъ лежалъ у ногъ, а кругомъ — обрѣзанныя крылья, которыя развѣвалъ пустынный вѣтеръ, съ шумомъ пролетающій въ пещерѣ. Я ужаснулся.

Х. Далѣе...

Я. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди страдальца; онъ взглянулъ на потухшій пламенникъ, и мнѣ показалось, что слезы его падали на холодный помостъ пещеры.

Х. Слезы, одному дарованію извѣстныя! Такъ плакалъ умирающій Рафаель! Далѣе...

Я. Вдругъ вся пещера освѣтилась необыкновеннымъ сіяніемъ. Вступаютъ два божества—любовь и слава; за ними влечется окованная фортуна.

Х. Опять эта слѣпая колдунья!

Я. Вы ошибаетесь. Любовь оковала ее, сдернул повязку съ очей и привела въ пещеру, гдѣ страдал бѣдный геній.

Х. Я воображаю удивленіе фортуны, которая въ первый разъ въ жизни разглядѣла глупость, сдѣланную въ слѣпотѣ.

Я. Слава отдаетъ свои крылья генію; любовь зажигаетъ его пламенникъ; геній прощаетъ изумленной фортунѣ и въ лучахъ торжественнаго сіянія воспаряетъ медленно къ небу.

Х. Вотъ картина!

Я. Вы угадали. Берите животворную кисть вашу.

Х. Я напишу эту картину. Эта работа облегчитъ мое сердце... Такъ! Надобно, непремѣнно надобно воскресить бѣднаго генія!

XVII.

Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій.

Добрый человѣкъ можетъ быть счастливъ воспоминаніемъ протекшаго. Въ молодости мы все переносимъ въ будущее время; въ нѣкоторыя лѣта начинаемъ оглядываться. Часто предметъ маловажный—камень, ручей, лошадь, на свободѣ гуляющая по лугамъ, отдаленный голосъ человѣка или звонъ почтоваго колокольчика, шумъ вѣтра, запахъ цвѣтка полеваго, видъ облаковъ и неба, однимъ словомъ—все, даже бездѣлка, пробуждаютъ во мнѣ множество пріятнѣйшихъ воспоминаній. Я весь погружаюсь въ протекшее, и сердце мое отдыхаетъ отъ заботъ. Я чувствую облегченіе отъ бремени настоящаго, которое какъ свинецъ лежитъ на сердцѣ.

Здѣсь, въ Каменцѣ, я вижу развалины замка и укрѣпленій турецкихъ, польскихъ и русскихъ; прогуливаюсь по ветхимъ бастіонамъ и замѣчаю ихъ живописныя стороны. Виды развалинъ старой крѣпости и новыхъ укрѣпленій прелестны. Это большія башни, остроконечныя, полуразрушенныя, поросшія мохомъ и полынью, весьма высокою въ полуденныхъ краяхъ;

укрѣпленія, раскаты, окруженные или, вѣрнѣе сказать, опоясанные быстрою рѣкою, которая въ иныхъ мѣстахъ образуетъ красивые водопады и шумомъ и сверканіемъ волнъ смягчаетъ угрюмость воинскую и однообразіе крѣпостнаго строенія. Здѣсь шумитъ мельница; тамъ бродъ, по которому пробирается великое стадо; немного подалѣе источникъ, падающій съ каменной крутизны; вокругъ его множество дѣтей и женщинъ съ коромыслами, и толпы Евреевъ, наклоненныхъ на бѣлыя трости, въ самомъ живописномъ положеніи. За рѣкою ряды домовъ съ цвѣтущими садами: веселая картина изобилія, промышленности, жизни общественной, въ противуположность къ хладнымъ развалинамъ. Однимъ словомъ—множество живыхъ картинъ на маломъ пространствѣ, картинъ, напоминающихъ свѣжіе ландшафты Руисдаля, отдыхи (haltes) Вовермана, своенравныя черты Сальватора Розы и величественные вымыслы самого Пуссеня. Цѣлые часы я стою, облокотясь на зубцы башенные, и взоры мои съ неизъяснимою радостью скользятъ по крутизнѣ каменной стѣны или бродятъ по волнамъ кипящаго Смотрича. Нѣсколько разъ стѣны сіи переходили изъ рукъ въ руки. Турки брали ихъ у Поляковъ, Поляки у Турокъ, и наконецъ, Русскіе отбили ихъ у гордыхъ республиканцевъ. Повсюду древніе слѣды войны и времени. Тамъ ядро оторвало край стѣны, здѣсь врѣзалось въ камни и заросло плющемъ. Укрѣпленія сіи часто были осаждаемы смѣлымъ и безпокойнымъ Хмѣльницкимъ, который, въ смутныя времена республики, внезапно являлся въ Подоліи, разорялъ цвѣтущія села и плодоносные берега древняго Тираса, осаждалъ Каменецъ, грозилъ Варшавѣ и изчезалъ, какъ призракъ. На дальнихъ холмахъ, за рѣкою, стояло его войско, усиленное толпами Татаръ. Сколько воспомина-

ній историческихъ!.. Правда! Но «мое воображеніе хозяинъ въ домѣ», какъ говоритъ Монтань. Я забываю невольно и вождей польскихъ, и гетмана, окруженнаго мурзами, и переношусь въ Богемію, въ Теплицъ, къ развалинамъ Бергшлосса и Гайереберга, около которыхъ стоялъ нашъ лагерь послѣ Кульмской побѣды.

Одно воспоминаніе рождаетъ другое, какъ въ потокѣ одна струя рождаетъ другую. Весь лагерь воскресаетъ въ моемъ воображеніи, и тысячи мелкихъ обстоятельствъ оживляютъ мое воображеніе. Сердце мое утопаетъ въ удовольствіи: я сижу въ шалашѣ моего Петина, у подошвы высокой горы, увѣнчанной развалинами рыцарскаго замка. Мы одни. Разговоры наши откровенны; сердца на устахъ; глаза не могутъ насмотрѣться другъ на друга послѣ долгой разлуки. Опасность, изъ которой мы исторгались невредимы, шумъ, движеніе и дѣятельность военной жизни, видъ войска и снарядовъ военныхъ, простое угощеніе и гостепріимство въ ставкѣ пріятеля, товарища моей юности, бутылка богемскаго вина на барабанѣ, нѣсколько плодовъ и кусокъ чернаго хлѣба, parca mensa, умѣренная трапеза, но приправленная ласкою, все это вмѣстѣ веселило насъ какъ дѣтей. Мы говорили о Москвѣ, о нашихъ надеждахъ, о путешествіи на Кавказъ и мало ли о чемъ еще! Время пролетало въ разговорахъ, и мѣсяцъ, выходя изъ-за горъ, отдѣляющихъ Богемію отъ долины дрезденской, заставалъ насъ, безпечныхъ и счастливыхъ, посреди сердечныхъ изліяній откровеннѣйшей дружбы, дружбы, которой одно воспоминаніе мнѣ драгоцѣннѣе и честей, и славы.

Вотъ что рождаютъ во мнѣ башни и развалины Каменца: сладкія воспоминанія о лучшихъ временахъ жизни! Пріятель мой уснулъ геройскимъ сномъ на кровавыхъ

поляхъ Лейпцига. Время изгладило его изъ памяти холодныхъ товарищей, но дружество и благодарность запечатлѣли его образъ въ душѣ моей. Я ношу сей образъ въ душѣ, какъ залогъ священный; онъ будетъ путеводителемъ къ добру; съ нимъ неразлучный, я не стану блѣднѣть подъ ядрами, не измѣню чести, не оставлю ея знамени. Мы увидимся въ лучшемъ мірѣ; здѣсь мнѣ осталось одно воспоминаніе о другѣ, воспоминаніе, прелестный цвѣтъ посреди пустыней, могилъ и развалинъ жизни.

XVIII.

Воспоминаніе о Петинѣ.

Уваровъ написалъ посланіе «о выгодахъ умереть въ молодости». Предметъ обильный въ красивыхъ и возвышенныхъ чувствахъ! Конечно, утро жизни, молодость есть лучшій періодъ нашего странствованія по землѣ. Напрасно краснорѣчивый Римлянинъ желаетъ защитить старость,—всѣ цвѣты краснорѣчія его вянутъ при одномъ воззрѣніи на дряхлаго человѣка: опираясь на клюки свои, старость дрожитъ надъ могилою и страшится измѣрить взоромъ ея неприступные мраки. Опытность должна бы отучать отъ жизни, но въ нѣкоторыя лѣта мы видимъ тому противное. Одна религія можетъ согрѣть сердце старика и отучить его отъ жизни—тягостной, бѣдной, но милой до послѣдняго дыханія. «Это есть благо Провидѣнія», говорятъ нѣкоторые философы. Можетъ быть; но за то великія движенія души, глубокія чувствованія, божественныя пожертвованія самимъ собою, сильныя страсти и возвышенныя мысли принадлежатъ молодости, дѣятельность—зрѣлымъ лѣтамъ, старости—однѣ воспоминанія и любовь къ жизни. И что теряетъ юноша, умирая на зарѣ своей, подобно цвѣту, который видѣлъ одно восхо-

жденіе солнца и увянулъ прежде, нежели оно потухло? Что теряемъ мы, умирая въ полнотѣ жизни на полѣ чести, славы, въ виду тысячи людей, раздѣляющихъ съ нами опасность? Нѣсколько наслажденій краткихъ, но за то лишаемся съ ними и терзаній честолюбія, и сей опытности, которая встрѣчаетъ насъ на срединѣ пути, подобно страшному призраку. Мы умираемъ, но за то память о насъ долго живетъ въ сердцѣ друзей, не помраченная ни однимъ облакомъ, чистая, свѣтлая, какъ розовое утро майскаго дня.

Такими разсужденіями я желаю утѣшить себя объ утратѣ И. А. Петина, погибшаго на 26-мъ году жизни на поляхъ Лейпцига. Но при одномъ имени сего любезнаго человѣка всѣ раны сердца моего растворяются, ибо тѣсно была связана его жизнь съ мою. Тысячи воспоминаній смутныхъ и горестныхъ тѣснятся въ сердцѣ и облегчаютъ его. Сердце мое съ нѣкотораго времени любитъ питаться одними воспоминаніями.

Въ 1807 году мы оставили оба столицу и пошли въ походъ. Я вѣрю симпатіи, ибо опытъ научилъ вѣрить не изъяснимымъ таинствамъ сердца. Души наши были сродны. Одни пристрастія, однѣ наклонности, та же пылкость и та же безпечность, которыя составляли мой характеръ въ первомъ періодѣ молодости, плѣняли меня въ моемъ товарищѣ. Привычка быть вмѣстѣ, переносить труды и безпокойства воинскія, раздѣлять опасности и удовольствія стѣснили нашъ союзъ. Часто и кошелекъ, и шалашъ, и мысли, и надежды у насъ были общія.

Тысячи прелестныхъ качествъ составляли сію прекрасную душу, которая вся блистала въ глазахъ молодаго Петина. Счастливое лицо, зеркало доброты и откровенности, улыбка безпечности, которая изчезаетъ съ лѣ-

тами и съ печальнымъ познаніемъ людей, всѣ плѣнительныя качества наружности и внутренняго человѣка достались въ удѣлъ моему другу. Умъ его былъ украшенъ познаніями и способенъ къ наукѣ и разсужденію, умъ зрѣлаго человѣка и сердце счастливаго ребенка: вотъ въ двухъ словахъ его изображеніе.

Онъ воспитывался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ и потомъ въ пажескомъ корпусѣ, и въ обоихъ училищахъ отличался рѣдкимъ прилежаніемъ и примѣрнымъ поведеніемъ; матери ставили его въ примѣръ дѣтямъ своимъ, и наставники хвалились имъ, какъ лучшимъ плодомъ своихъ попеченій. Нѣсколько басенъ, написанныхъ имъ въ ребячествѣ, и переводовъ изъ книгъ математическихъ показывали рѣдкую гибкость ума, способнаго на многое; словесность требуетъ воображенія, науки—вниманія и точности. Вотъ что онъ принесъ въ гвардейскій егерскій полкъ, и къ этому—еще лучшее сокровище, доброе сердце, рѣдкое сердце, которое ему пріобрѣло и сохранило любовь товарищей. Оно, по собственному его признанію, спасало его въ бурѣ страстей и посреди обольщеній свѣта. Ни опытность, ни горестное познаніе людей, ничто не могло изгладить первыхъ даровъ природы. Но сія доброта сердечная въ послѣдствіи времени соединилась съ размышленіемъ и сдѣлалась общею разсудку и сердцу: рѣдкое качество въ столь нѣжномъ возрастѣ. Вотъ доказательство: Мы были ранены въ 1807 году, я—сперва, онъ—послѣ, и увидѣлись въ Юрбургѣ. Не стану описывать моей радости. Меня поймутъ только тѣ, которые бились подъ однимъ знаменемъ, въ одномъ ряду, и испытали всѣ случайности военныя. Въ тѣсной лачугѣ, на берегахъ Нѣмана, безъ денегъ, безъ помощи, безъ хлѣба (это не вымыселъ), въ жестокихъ мученіяхъ, я

лежалъ на соломѣ и глядѣлъ на Петина, которому перевязывали рану. Кругомъ хижины толпились раненые солдаты, пришедшіе съ полей несчастнаго Фридланда, и съ ними множество плѣнныхъ. Подъ вечеръ двери хижины отворились, и къ намъ вошло нѣсколько Французовъ, съ страшными усами, въ медвѣжьихъ шапкахъ и съ гордымъ видомъ побѣдителей.

Петинъ былъ въ отсутствіи, и мы пригласили плѣнныхъ раздѣлить съ нами кусокъ гнилаго хлѣба и нѣсколько капель водки; одинъ изъ моихъ товарищей подѣлился съ ними деньгами и изъ двухъ червонцевъ отдалъ одинъ (истинное сокровище въ такомъ положеніи). Французы осыпали насъ ласками и фразами—по обыкновенію, и Петинъ вошелъ въ комнату въ ту самую минуту, когда наши болтливые плѣнные изливали свое краснорѣчіе. Посудите о нашемъ удивленіи, когда на мѣсто привѣтствія, опираясь на одинъ костыль, другимъ указалъ онъ двери нашимъ гостямъ. «Извольте идти вонъ», продолжалъ онъ,—«здѣсь нѣтъ мѣста и Русскимъ: вы это видите сами». Они вышли не прекословя, но я и товарищи мои приступили къ Петину съ упреками за нарушеніе гостепріимства. «Гостепріимства», повторялъ онъ, краснѣя отъ досады,—«гостепріимства!» «Какъ!» вскричалъ я, приподнимаясь съ моего одра,—«ты еще смѣешь издѣваться надъ нами?» «Имѣю право смѣяться надъ вашею безразсудною жестокостію». «Жестокостію? Но не ты ли былъ жестокъ въ эту минуту?» «Увидимъ. Но сперва отвѣчайте на мои вопросы! Были ли вы на Нѣманѣ у переправы?» «Нѣтъ». «И такъ, вы не могли видѣть того, что тамъ происходитъ?» «Нѣтъ! Но что имѣетъ Нѣманъ общаго съ твоимъ поступкомъ?» «Много, очень много. Весь берегъ покрытъ ранеными; множество Русскихъ валяется на

сыромъ песку, на дождѣ, многіе товарищи умираютъ безъ помощи, ибо всѣ дома наполнены; и такъ, не лучше ли призвать сюда воиновъ, которые изувѣчены съ нами въ однихъ рядахъ? Не лучше ли накормить Русскаго, который умираетъ съ голоду, нежели угощать этихъ ненавистныхъ самохваловъ? спрашиваю васъ. Что же вы молчите?»

Вотъ другой случай, который еще разительнѣе изображаетъ его. По окончаніи Шведской войны мы были въ Москвѣ (1810). Петинъ лѣчился отъ жестокихъ ранъ и свободное время посвящалъ удовольствіямъ общества, котораго прелесть военные люди чувствуютъ живѣе другихъ. Но одинъ вечеръ мы просидѣли у камина въ сихъ сладкихъ разговорахъ, которымъ откровенность и веселость даютъ чудесную прелесть. Къ ночи мы вздумали ѣхать на балъ и ужинать въ собраніи. Проѣзжая мимо Кузнецкаго моста, пристяжная оторвалась, и между тѣмъ какъ ямщикъ заботился около упряжки, къ намъ подошелъ нищій, ужасный плодъ войны, въ лохмотьяхъ, на костыляхъ. «Пріятель», «сказалъ мнѣ Петинъ,—«мы намѣревались ужинать въ собраніи; но лучше отдадимъ серебро наше этому бѣдняку и возвратимся домой, гдѣ найдемъ простой ужинъ и каминъ». Сказано—сдѣлано. Это бездѣлка, если хотите, но ее не надобно презирать. «Отъ малаго пожертвованія до большаго одинъ шагъ», скажетъ наблюдатель сердца. Это бездѣлка, согласенъ; но молодой человѣкъ, который умѣетъ пожертвовать удовольствіемъ другому чистѣйшему, есть герой въ моральномъ смыслѣ. Меня поймутъ благородныя души.

Возвратимся къ военной жизни. Въ 1808 году одинъ баталіонъ гвардейскихъ егерей былъ отряженъ въ Финляндію. Близь озера Саймы, въ окрестностяхъ

Куопіо, онъ встрѣтилъ непріятеля. Стычки продолжались безпрестанно, и Петинъ, имѣвшій подъ начальствомъ роту, отличался безпрестанно: день проходилъ въ дракѣ, а вечеръ посвящалъ онъ на сочиненіе своего военнаго журнала: полезная привычка для офицера, который любитъ свою должность и желаетъ себя усовершенствовать. Полковникъ Потемкинъ, командовавшій баталіономъ, уважалъ молодаго офицера, и самые блестящіе и опаснѣйшіе посты доставались ему въ удѣлъ, какъ лучшее награжденіе. Къ несчастію, другіе ротные командиры получили георгіевскіе кресты, а Петинъ былъ обойденъ. Всѣ офицеры единодушно сожалѣли и обвиняли судьбу, часто несправедливую, но молодой Петинъ, болѣе чувствительный къ лестному уваженію товарищей, нежели къ неудачѣ своей, говорилъ имъ съ рѣдкимъ своимъ добродушіемъ: «Друзья, этотъ крестъ не уйдетъ отъ офицера, который имѣетъ счастіе служить съ вами: я его завоюю: но заслужить ваше уваженіе и пріязнь—вотъ чего желаетъ мое сердце, и оно радуется, видя ваши ласки и сожалѣнія».

Мы подвинулись впередъ. Подъ Индесальми Шведы напали въ полночь на наши биваки, и Петинъ, съ ротой егерей, очистилъ лѣсъ, прогналъ непріятеля и покрылъ себя славою. Его вынесли на плащѣ, жестоко раненаго въ ногу. Генералъ Тучковъ осыпалъ его похвалами, и молодой человѣкъ забылъ и болѣзнь, и опасность. Радость блистала въ глазахъ его, и надежда увидѣться съ матерью придавала силы. Мы разстались и только черезъ годъ увидѣлись въ Москвѣ.

Съ какимъ удовольствіемъ я обнялъ моего друга! Съ какимъ удовольствіемъ просиживали мы цѣлые вечера и не видѣли, какъ улетало время! Посвятивъ себя военной жизни, Петинъ и въ мирное время не выпускалъ

изъ рукъ военныхъ книгъ, и я часто заставалъ его за картою въ глубокомъ размышленіи. Откровенный съ пріятелемъ на единѣ, застѣнчивый какъ дѣвица въ обществѣ, онъ питалъ въ груди своей честолюбіе благородной души, желаніе быть отличнымъ офицеромъ и полезнымъ членомъ сословія храбрыхъ, но часто, по излишней скромности своей, таилъ свои занятія и хотѣлъ казаться разсѣяннымъ. Казалось, что его прекрасная душа страшилась обнаружить свое преимущество передъ товарищами. Но намъ извѣстно, что посреди разсѣянія, мирныхъ трудовъ военнаго ремесла и баловъ онъ любилъ удѣлять нѣсколько часовъ наукѣ, требующей самаго постояннаго вниманія, и обогащалъ Военный Журналъ, издаваемый покойнымъ полковникомъ Рахмановымъ (пламеннымъ любовникомъ математики), прекрасными переводами по части артиллеріи, егерскихъ эволюцій и практики полевой. Словесность не была забыта, и однажды — этотъ день никогда не выдетъ изъ моей памяти — онъ пришелъ ко мнѣ съ свиткомъ бумагъ. «Опять математика?» спросилъ я улыбаясь. «О, нѣтъ!» отвѣчалъ онъ, краснѣя болѣе и болѣе,—«это... стихи, прочитай ихъ и скажи мнѣ твое мнѣніе». Стихи были писаны въ молодости и весьма слабы, но въ нихъ примѣтны были смыслъ, ясность въ выраженіи и языкъ довольно правильный. Я сказалъ, что думалъ, безъ прикрасы, и добрый Петинъ прижалъ меня къ сердцу. Человѣкъ, который не обидится подобнымъ приговоромъ, есть добрый человѣкъ; я скажу болѣе: въ немъ, конечно, тлѣется искра дарованія, ибо что ни говорите, сердце есть источникъ дарованія; по крайней мѣрѣ оно даетъ сію прелесть уму и воображенію, которая намъ всего болѣе нравится въ произведеніяхъ искусства.

Два года спустя, я получилъ отъ него письмо изъ арміи, съ поля Бородинскаго, на канунѣ битвы. Мы находились въ неизъяснимомъ страхѣ въ Москвѣ, и я удивился спокойствію душевному, которое являлось въ въ каждой строкѣ письма, начертаннаго на барабанѣ въ роковую минуту. Въ немъ описаны были всѣ движенія войска, позиція непріятеля и пр. со всею возможною точностію: о самыхъ важнѣйшихъ дѣлахъ Петинъ, свидѣтель ихъ, говорилъ хладнокровно, какъ о дѣлахъ обыкновенныхъ. Такъ долженъ писать истинно военный человѣкъ, созданный для сего званія природою и образованный размышленіемъ; все вниманіе его должно устремляться на ратное дѣло, и всѣ побочныя горести и заботы должны быть подавлены силою души. На концѣ письма я замѣтилъ нѣсколько строкъ, изъ которыхъ видно было его нетерпѣніе сразиться съ врагомъ, впрочемъ ни одного выраженія ненависти. Счастливый другъ, ты пролилъ кровь свою на полѣ Бородинскомъ, на полѣ славы и въ виду Москвы, тебѣ любезной, а я не раздѣлилъ съ тобою этой чести! Въ первый разъ я позавидовалъ тебѣ, милый товарищъ, въ первый разъ съ чувствомъ глубокаго прискорбія и зависти смотрѣлъ я на почтенную рану твою! [1]) Долго я страшился за него, ибо рана была опасна; но молодость, искусство лѣкаря и, что всего цѣлебнѣе—попечительность нѣжной матери, которая имѣла счастіе ходить за раненымъ сыномъ своимъ въ собственномъ его помѣстьѣ, избавили его отъ смерти или продолжительнаго страданія. Но Русскіе уже были за Нѣманомъ, и нетерпѣливый Петинъ, едва вставшій съ постели, вырвался изъ объятій матери своей и поспѣшилъ въ Богемію по призванію строгаго долга чести и, можетъ быть, честолюбія, которое

[1]) Въ Владимірѣ, во время бѣгства изъ Москвы.

часъ отъ часу болѣе усиливалось въ его душѣ, чуждой только низкихъ пристрастій. Напрасно благословенія матери сопровождали сына, опору и надежду преклонныхъ лѣтъ; напрасно прижимала его къ горячему сердцу; простымъ языкомъ чувства—гласъ матери всегда краснорѣчивъ и силенъ—повторяла она: «Другъ мой, сынъ мой, скажи мнѣ, зачѣмъ ты такъ добръ и уменъ? Зачѣмъ не оскорбишь меня чѣмъ-нибудь и не отучишь меня любить тебя такъ горячо, такъ сильно?»

На высотахъ Кульма я снова обнялъ его посреди стана военнаго послѣ побѣды. Нѣсколько часовъ мы провели на единѣ, и я замѣтилъ, что сердце его не было спокойно. Ни шумъ и дѣятельность военной жизни, ни блестящая побѣда при Кульмѣ, гдѣ каждое мѣсто напоминало воинамъ цѣль свѣжихъ подвиговъ и чудесъ храбрости, и гдѣ Петинъ (уже полковникъ) участвовалъ съ баталіономъ егерей, ни обѣщаніе новой награды и надежды разширить поприще честей, ничто не могло разсѣять его тоски душевной. Конечно, воспоминаніе о матери, оставленной въ слезахъ, и три тяжелыя раны, ослабившія его здоровье, имѣли вліяніе на его душу. Или Провидѣніе, котораго пути неисповѣдимы, посылаетъ сіе уныніе и смутное предчувствіе, какъ вѣстникъ страшнаго событія или близкой кончины, затѣмъ чтобы сердца ему любезныя пріуготовлялись къ таинствамъ новой жизни или укрѣпились глубокимъ размышленіемъ къ новой побѣдѣ надъ судьбою или собственными страстями? Часто мы просиживали на высотахъ Шлосберга посреди романическихъ развалинъ и любовались необозримымъ лагеремъ, который разстилался подъ нашими ногами отъ башенъ Теплица вдоль по не обозримой долинѣ, огражденной лѣсистыми, неприступными утесами Богеміи. Вечернее солнце и звѣзды ночи заста-

вали въ сладкой задумчивости или въ сихъ откровеннѣйшихъ изліяніяхъ два сердца, сродныя и способныя чувствовать другъ друга, но опредѣленныя на вѣчную разлуку. Часто мы бродили по лагерю рука въ руку посреди пушекъ, пирамидъ ружей и биваковъ и веселились разнообразіемъ войскъ, столь различныхъ и одеждою, и языкомъ, и рожденіемъ, но соединенныхъ нуждою побѣдить. Никогда лагерь не являлъ подобнаго зрѣлища, и никогда сіи краткія минуты наслажденія чистѣйшаго посреди заботъ и опасностей, какъ будто вырванныя изъ рукъ скупой судьбины, не выйдутъ изъ моей памяти. И окрестности Дрездена и Теплица, и живописныя горы Богеміи, и побѣда при Кульмѣ, и подвиги нашихъ Спартанцевъ сливаются въ душѣ моей съ воспоминаніемъ о незабвенномъ товарищѣ.

Въ Альтенбургѣ, на походѣ, онъ навѣстилъ меня и, прощаясь, крѣпко сжималъ мою руку. Слабость раненой ноги его была такъ сильна, что онъ съ трудомъ могъ опираться на стремя и, садясь на лошадь, упалъ. «Дурной знакъ для офицера», сказалъ онъ смѣясь отъ добраго сердца. Онъ удалился, и съ тѣхъ поръ я его не видалъ. 4-го октября началась ужасная битва подъ Лейпцигомъ. Я находился при генералѣ Раевскомъ и съ утра въ жестокомъ огнѣ, но сердце мое было спокойно на счетъ моего Петина: я зналъ, что гвардія еще не вступила въ дѣло. Въ четвертомъ часу, на томъ пунктѣ, гдѣ гренадеры желѣзною грудью удержали стремленіе цѣлой арміи непріятельской, генералъ былъ раненъ пулею въ грудь и, оборотясь ко мнѣ, велѣлъ привести лѣкаря. Я поскакалъ къ резервамъ, которые начинали двигаться вправо, по направленію къ деревнѣ Госсѣ, и встрѣтилъ гвардейскихъ егерей, но къ несчастію не могъ видѣть Петина: онъ былъ въ головѣ всей колонны, въ

дальнемъ разстояніи, а мнѣ время было дорого. На другой день по утру, на разсвѣтѣ, генералъ поручилъ мнѣ объѣхать поле сраженія тамъ, гдѣ была атака гвардейскихъ гусаровъ, и отыскивать тѣло его брата, котораго мы полагали убитымъ. Съ другимъ товарищемъ я поѣхалъ по дорогѣ къ Аунгейну, гдѣ мы остановились, въ первый день битвы, для исполненія печальнаго долга. Какое-то непонятное, мрачное предчувствіе стѣсняло мое сердце; мы встрѣчали множество раненыхъ, и въ числѣ ихъ гвардейскихъ егерей. Первый мой вопросъ о Петинѣ; отвѣтъ меня ужаснулъ: полковникъ раненъ подъ деревнею—это еще лучшее изъ худшаго! Другой егерь меня успокоилъ (по крайней мѣрѣ я старался успокоиться его словами), увѣривъ, что полковникъ его живъ, что онъ видѣлъ его сію минуту въ лагерѣ и проч., но раненый офицеръ, который встрѣтился немного далѣе, сказалъ мнѣ, что храбрый Петинъ убитъ и похороненъ въ ближнемъ селѣ, котораго видна колокольня изъ-за лѣсу: нельзя было сомнѣваться болѣе.

Этотъ день почти до самой ночи я провелъ на полѣ сраженія, объѣзжая его съ одного конца до другаго и разсматривая окровавленные трупы. Утро было пасмурное. Около полудня полился дождь рѣками; все усугубляло мрачность ужаснѣйшаго зрѣлища, котораго одно воспоминаніе утомляетъ душу, зрѣлища свѣжаго поля битвы, заваленнаго трупами людей, коней, разбитыми ящиками и проч. Въ глазахъ моихъ безпрестанно мелькала колокольня, гдѣ покоилось тѣло лучшаго изъ людей, и сердце мое исполнилось горестію несказанною, которую ни одна слеза не облегчила. Проѣзжая черезъ деревню Госсу, я остановилъ лошадь и спросилъ у егеря, обезображеннаго страшными ранами: «Гдѣ былъ убитъ вашъ полковникъ?» «За этимъ рвомъ, тамъ, гдѣ столь-

ко мертвыхъ». Я съ ужасомъ удалился отъ роковаго мѣста.

На третій день по взятіи Лейпцига я проѣзжалъ по дорогѣ, ведущей къ мѣстечку Ротѣ, и встрѣтилъ вѣрнаго слугу моего пріятеля, который возвращался въ Россію съ его верховыми лошадьми: несчастный вѣстникъ величайшаго злополучія для сердца матери. Онъ привелъ меня на могилу добраго господина. Я видѣлъ сію могилу, изъ свѣжей земли насыпанную; я стоялъ на ней въ глубокой горести и облегчилъ сердце мое слезами. Въ ней сокрыто было на вѣки лучшее сокровище моей жизни—дружество. Я просилъ, умолялъ почтеннаго и престарѣлаго священника того селенія сохранить бренный памятникъ — простой деревянный крестъ, съ начертаніемъ имени храбраго юноши, въ ожиданіи прочнѣйшаго — изъ мрамора или гранита. Нѣсколько могилъ окружали могилу Петина. Священныя могилы храбрыхъ товарищей на полѣ битвы и неразлучныхъ въ утробѣ земной до страшнаго и радостнаго дня воскресенія! Я оставилъ сіи бренные остатки въ глубокомъ уныніи и, при громѣ отдаленныхъ выстрѣловъ, воскликнулъ отъ глубины сердца съ поэтомъ, который сильно чувствуетъ и сильно выражаетъ горесть:

Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ!
Ужь для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья!
Ихъ праздентъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
Ихъ ратники унылы,
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близь тихой ихъ могилы!

Конечно, сіяющая слава не была бы призракомъ для душъ благородныхъ, еслибы она не доставалась иногда въ удѣлъ порочнымъ и недостойнымъ. Часто слѣпая судьба раздаетъ ее по своему произволу и добродѣтель и лучшія качества души обрекаетъ на вѣчное забвеніе. Имя молодаго Петина изгладится изъ памяти людей. Ни однимъ блестящимъ подвигомъ онъ не ознаменовалъ теченія своей краткой жизни, но за то ни одно воспоминаніе не оскорбитъ его памяти. Исполняя свой долгъ, былъ онъ добрымъ сыномъ, вѣрнымъ другомъ, неустрашимымъ воиномъ: этого мало для земнаго безсмертія. Конечно, есть другая жизнь за предѣломъ земли и другое правосудіе: тамъ только ничто доброе не погибнетъ: есть безсмертіе на небѣ!

Каменецъ. Ноября 9-го.

XIX.

Похвальное слово сну.

Письмо къ редактору Вѣстника Европы.

Пускай утверждаютъ, что хотятъ, прихотливые люди и строгіе умы, а я утверждаю, м. г., что науки и словесность у насъ въ самомъ блистательномъ состояніи. Укажу вамъ на книгопродавцевъ. Посмотрите, какъ они разживаются: то домикъ выстроятъ, то купятъ деревеньку. Чѣмъ же?—Торговлею.—Какою?—Книжною. Слѣдственно, у насъ пишутъ, у насъ читаютъ, и изъ одного слѣдствія къ другому я могу вывести, что словесность русская въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Вотъ что хотѣлъ я доказать, и что вы знаете безъ моихъ доказательствъ, ибо вы, м. г., наблюдаете постоянно ходъ нашихъ успѣховъ, какъ астрономъ наблюдаетъ теченіе любимой планеты. Вы замѣтили, конечно, что мы заняли всѣ пути къ славѣ и многія матеріи изчерпали до дна, такъ что нашимъ потомкамъ надобно будетъ умирать отъ жажды. Простите мнѣ это выраженіе и сосчитайте со мною эпическія поэмы, въ честь Петра Великаго написанныя. Считайте отъ Ломоносова до Сладковскаго и далѣе, отъ кедра до иссоповъ, и замѣтьте, что всѣ поэмы исполнены красотъ, что въ нихъ все было сказано, кромѣ того только, что Ломоносовъ

намѣревался сказать и не успѣлъ, но это сущая бездѣлка! Теперь прошу взглянуть на обширную область Таліи и наконецъ Мельпомены, которая безпрестанно обогащается новыми пріобрѣтеніями и скоро истощитъ всю священную древность отъ сотворенія міра. У Французовъ одна Аталія; у насъ, благодаря усердію писателей, не одна трагедія переноситъ насъ въ землю Іудейскую. Я ни слова не скажу о Россійскомъ Ѳеатрѣ, на которомъ основана слава нашихъ праотцевъ, о журналахъ, романахъ и пр., изданныхъ назадъ тому двадцать лѣтъ и болѣе; ихъ мало читаютъ; но время доказало, что они безсмертны: они уцѣлѣли въ пожарѣ столицы. «Добро не горитъ, не тонетъ», говоритъ пословица. Сердце мое дрожитъ отъ радости, когда я начинаю изчислять на досугѣ всѣ наши сокровища. Тогда я похожу на антикварія, который, не дѣлая никакого употребленія изъ своего золота, любуется имъ и говоритъ: «Вотъ червонецъ, вотъ рубль, вотъ старинная монета такого-то года, при такомъ-то царѣ! Кто ее отливалъ? Изъ какого рудника это золото? Кто употреблялъ эту монету?» А я говорю: «Вотъ трагедія 1793 года! Кто ее писалъ? Кто читалъ ее?» Творца не мудрено отыскать по творенію, но читателей найдти не легко: мы еще не любимъ отечественнаго. Что нужды мнѣ до другихъ! Я день и ночь роюсь въ моихъ книгахъ; разставляю ихъ по порядку хронологическому и горжусь моимъ богатствомъ. Чего у насъ нѣтъ? Боже мой! Найдите хотя одинъ предметъ, одну отрасль ума человѣческаго, которую бы мы не обработали по своему? Поэзіи—море, и поле краснорѣчія необозримое! Загляните только въ журналы, но безъ предубѣжденія, и вы найдете сокровища! Здѣсь похвальное слово такому-то, тамъ надгробное слово такому-то; здѣсь привѣтствіе, тамъ бла-

годарный гласъ общества: и все то благо, все добро! Всѣ герои, всѣ полководцы, всѣ писатели увѣнчаны пальмами краснорѣчія и шагаютъ торжественно въ храмъ безсмертія. Мы не ограничили себя великими людьми; мы хвалили даже блохъ [1]) и будемъ хвалить все, что пресмыкается и ползаетъ въ царствѣ животныхъ. И такъ, мудрено ли, что какому-то чудаку вздумалось написать похвальное слово сну? Случай мнѣ доставилъ исправный списокъ и вовсе не похожій на тотъ, который напечатанъ въ вашемъ Вѣстникѣ. Если вы найдете, что читатели ваши не заснутъ надъ этимъ панегирикомъ, то покорнѣйше прошу напечатать его въ журналѣ и сохранить для потомства, которое, конечно, благодарнѣе современниковъ, завистливыхъ, строгихъ и вовсе неспособныхъ цѣнить дарованія. Это не мои слова, м. г., а моего пріятеля П. Н., который пишетъ стихи и прозу, но только не печатаетъ ихъ въ вашемъ журналѣ и потому вамъ неизвѣстенъ.

Имѣю честь быть и проч.

Предисловіе.

Въ 18... году, лѣтъ нѣсколько до нашествія просвѣщенныхъ и ученыхъ Вандаловъ на Москву, жилъ на Прѣсненскихъ прудахъ нѣкто N. N., оригиналъ весьма отличный отъ другихъ оригиналовъ московскихъ. Всю жизнь провелъ онъ лежа въ совершенномъ бездѣйствіи тѣлесномъ и, сколько возможно было, душевномъ. Умъ его, хотя и образованный воспитаніемъ и прилежнымъ чтеніемъ, не хотѣлъ или не въ состояніи былъ побѣдить упрямую натуру. Имѣя большой достатокъ при счастливыхъ обстоятельствахъ (которыя

[1]) Смотри Вѣстникъ Европы 1810 года.

единственно могутъ сохранить въ полнотѣ характеръ человѣка), онъ не имѣлъ нужды покоряться условіямъ общества и требованіямъ должностей. Онъ дѣлалъ, что хотѣлъ, а хотѣлъ одного спокойствія. Великій Конде говаривалъ: «Если бы я былъ царемъ моей постели, то никогда бы съ нея не вставалъ». Нашъ оригиналъ былъ совершенный царь своей постели. Цѣлый день онъ лежалъ то на одномъ боку, то на другомъ и всю ночь лежалъ. Рѣдко, очень рѣдко мы видѣли его сидящаго у окна съ длинною турецкою трубкою, въ татарскомъ или китайскомъ шлафрокѣ, и то когда онъ занимался домашними дѣлами. Два чтеца поперемѣнно читали ему книги, ибо лѣнь не позволяла заниматься самому чтеніемъ, но лѣнь не мѣшала дѣлать добро. Онъ сыпалъ золото нищимъ и, подъ непроницаемою корою безстрастнаго спокойствія, таилъ горячее сердце. Въ уединенномъ кварталѣ города онъ воспитывалъ на свой счетъ двѣнадцать бѣдныхъ дѣвушекъ, кормилъ и одѣвалъ нѣсколько заслуженныхъ воиновъ и—странное дѣло!—не лѣнился посѣщать ихъ по воскреснымъ днямъ. «Отъ этого лучше спится», говаривалъ онъ тѣмъ, которые выхваляли его благотворительность. Равнодушный ко всему, онъ слушалъ спокойно самыя важнѣйшія новости, но при разсказѣ о несчастномъ семействѣ, о страданіи человѣчества вдругъ оживлялся, какъ разбитый параличемъ—отъ прикосновенія электрическаго прутика. Впрочемъ онъ былъ самый безстрастный автоматъ: никого не обижалъ, ни съ кѣмъ не заводилъ тяжбы, ни надъ кѣмъ не смѣялся, никому не противурѣчилъ, не имѣлъ никакихъ страстей: страсть его была лѣнь. Скучалъ ли онъ? Утвердительно отрицать не могу, но заключаю, что скука ему была извѣстна, и вотъ по какому обстоятельству. Однажды онъ послалъ за мною. «Са-

дись или ложись на диванъ», сказалъ онъ, указывая на турецкую постелю;—«я намѣренъ ѣхать въ деревню и воспользоваться первымъ весеннимъ воздухомъ. Снѣгъ растаялъ, и стукъ по мостовой каретъ и дрожекъ начинаетъ меня безпокоить. Но въ деревнѣ нельзя быть безъ общества; сосѣди мои люди дѣятельные; съ ними надобно говорить, ѣздить на охоту, заводить тяжбы, мирить, ссорить и пр. и пр... О, это меня разстроитъ совершенно! Двери на крюкъ сосѣдямъ! Съ кѣмъ же я буду убивать время? Съ такими друзьями, какъ ты, напримѣръ!» Я привсталъ и хотѣлъ благодарить за учтивость; но лѣнивецъ мой замахалъ обѣими руками и продолжалъ: «Я знаю въ Москвѣ человѣкъ до шести людей, пріятныхъ въ обществѣ и совершенно праздныхъ. Двое изъ нихъ могутъ назваться по сраведливости добрыми людьми. Лѣность не позволяетъ другимъ пускаться на злыя дѣла, и это хорошо! Мы пригласимъ ихъ къ себѣ. Но теперь надобны женщины: вотъ истинное затрудненіе! Безъ женщинъ общество мужчинъ скоро наскучитъ... А гдѣ найдти женщинъ лѣнивыхъ?» «Боже мой, какъ не найдти!» вскричалъ я. «То-есть, лѣнивыхъ по моему образу мыслей», возразилъ N. N., покачавъ головою и насупя брови;—«ихъ языкъ вѣчно дѣятеленъ, въ вѣчномъ движеніи; это ртуть, это бѣлка на привязи у колеса, это маятникъ, который...» (лѣность или доброта сердца не дозволили кончить сравненій). «Но такъ и быть», продолжалъ лѣнтяй съ глубокимъ вздохомъ,—«я согласенъ пригласить вдову пріятеля моего генерала А. съ двумя дочерьми, добрыми и любезными дѣвушками. Дружба меня сдѣлаетъ снисходительнымъ. Толстая жена откупщика нашего Ж. съ племянницею, лѣнивая Софья, ея дородная сестра, не будутъ лишнія. Впрочемъ мы не наскучимъ другъ другу: свобода все укра-

ситъ. Общество мое пусть называютъ какъ хотятъ московскіе насмѣшники; но оно будетъ пріятно мнѣ и гостямъ. Возьми же листъ бумаги, милый другъ, и пиши учрежденіе общества лѣнивыхъ». Я взялъ перо и бумагу и написалъ подъ диктатурою нашего лѣнтяя условія, подъ коими всѣ члены согласились подписать свои имена, и мы на канунѣ 1-го мая отправились въ подмосковную...

Въ шестидесяти верстахъ отъ города, на концѣ густаго сосноваго лѣса, котораго спокойствіе ничто не можетъ нарушить, стоитъ большой господскій домъ архитектуры изрядной. Къ нему примыкаетъ озеро, усѣянное островами. Вдали синѣетъ колокольня уѣзднаго городка и нѣсколько деревень. Кажется, что все было пожертвовано тишинѣ въ сей мирной обители: всѣ службы, начиная съ кухни до конюшни, расположены въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой и закрыты рощицами. Передъ окнами большія плакущія ивы, березы и цвѣтники, засѣянные китайскимъ макомъ. Здѣсь все посвящено лѣни, все питаетъ ее, все приглашаетъ ко сну: подъ каждымъ стариннымъ деревомъ дерновая скамья, въ каждой бесѣдкѣ канапе или постель съ большими занавѣсами и со всѣми предосторожностями отъ комаровъ и мошекъ, а на дверяхъ надпись изъ нашего Пиндара-Анакреона:

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ, отдохни;
Въ семъ тонкомъ пологу, перловомъ,
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ стола немножко:
Пріятно часикъ похрапѣть;
Златой кузнечикъ, сѣра мошка
Сюда не могутъ залетѣть!

Ни крикъ пѣтуховъ, ни стукъ топора, ни топотъ, ни конское ржаніе, ничто не нарушаетъ глубокаго молчанія. Кромѣ ручья, журчащаго подъ навѣсомъ берега, кромѣ озера, которое ласкаетъ тихимъ плесканіемъ пологіе берега свои, вы ничего не слышите. Сія тишина бываетъ прервана или очарована роговою музыкою, которая при закатѣ солнца провожаетъ умирающій день и нѣжными, сладостными и протяженными звуками приготовляетъ сладкое усыпленіе и веселыя мечты хозяину помѣстья. Но это рѣдко случается, ибо онъ боится безпокоить своихъ музыкантовъ. У него нѣтъ ни одного дѣятельнаго или суетливаго человѣка: все подчинено какимъ-то правиламъ особеннаго порядка; одинъ поваръ имѣетъ право разнообразить наслажденія эпикурейца. Я не стану описывать его дома. Каждый угадаетъ, что онъ покоенъ, тепелъ и не слишкомъ свѣтелъ, ибо архитекторомъ располагалъ по своей волѣ прихотливый хозяинъ. Но одна зала достойна вашего замѣчанія. Ея большія полуовальныя окна осѣнены со всѣхъ сторонъ густыми вѣтвями вязовъ и липъ, которые въ іюнѣ наполняютъ бальзамическимъ испареніемъ своихъ цвѣтовъ окрестный воздухъ. Всѣ стѣны обширной залы украшены картинами. Двѣ — изображаютъ идилліи изъ золотаго вѣка, другія—рожденіе Морфея, его пещеру и владычество его надъ небомъ и землею. Здѣсь видите смерть въ видѣ усыпленнаго генія, тамъ—Эрминію, отдыхающую у пастуховъ, спящаго Эндиміона, который, кажется, весь осребренъ сіяніемъ влюбленной Діаны и во снѣ вкушаетъ сладости, неизъяснимыя языкомъ смертнаго. Здѣсь вы видите мальчика, уснувшаго на краю колодца: фортуна поддерживаетъ его рукою, но такъ осторожно, что, кажется, боится разбудить безпечнаго: прелестное изображеніе счастливцевъ и баловней слѣпой богини,

которые забываются на краю своей гибели! Наконецъ, на колоннадѣ, украшающей преддверіе залы, вы читаете имена знаменитыхъ лѣнивцевъ—Лукулла, Сарданапала, Анакреона, Лафонтена, Шоліо, Лафара; тутъ же имена русскихъ стихотворцевъ и имя того, который пишетъ прелестныя басни и комедіи и необоримую лѣность свою умѣетъ украшать прочнѣйшими цвѣтами поэзіи и философіи.

Въ этой залѣ открыто первое засѣданіе общества лѣнивыхъ; нѣсколько словъ было сказано хозяиномъ, поданъ имъ знакъ, и одинъ изъ членовъ, ораторъ лѣнивыхъ, произнесъ похвальное слово сну.

Похвальное слово сну.

Пока еще сладостный сонъ не сомкнулъ рѣсницъ вашихъ, и полуоткрытые глаза могутъ взирать на оратора, лежащаго на мягкомъ пуховикѣ посреди храмины, посвященной лѣности, почтенные слушатели и прекрасныя слушательницы, преклоните ухо ваше къ словамъ моимъ! Не грозныя битвы, не шумъ воинскій, не гибельные подвиги героевъ, обрызганныхъ кровію, подвиги, клонящіеся къ отнятію сна у бѣдныхъ человѣковъ, нѣтъ, я хочу выхвалять способность спать,—и ежели душа есть источникъ прекрасныхъ мыслей, то повѣрьте, что рѣчь моя, истекающая изъ оной, должна вамъ нравиться, ибо душа моя исполнена любовію къ благодарному богу лѣсовъ Киммеринскихъ.

(Громкія рукоплесканія раздались въ залѣ. Ораторъ покраснѣлъ отъ радости. Женщины шептали между собою и поглядывали на него съ усмѣшкою. Хозяинъ закричалъ: вниманіе, вниманіе! какъ членъ парламента, требующій вниманія посреди шумнаго народа, когда

Фоксъ и Питтъ разсуждали о войнѣ или мирѣ. Все умолкло, и ораторъ продолжалъ):

Вы улыбаетесь, слушатели, вы отдѣляете медленно головы свои отъ мягкихъ подушекъ, чтобы не пропустить ни одного слова краснорѣчиваго витіи,—и я, ободренный симъ геройскимъ подвигомъ, смѣло вступаю въ обширное море краснорѣчія, бурное море, въ которомъ погибла слава многихъ новѣйшихъ и древнихъ говоруновъ.

Кто не спитъ, слушатели, кто не вкушаетъ сладости сна? Злодѣй, преступникъ; ибо и невинный, приговоренный къ смерти, и несчастный страдалецъ подъ бременемъ бѣдности и зла, и они смыкаютъ вѣжды свои, омоченныя слезами, и они усыпляютъ свои горести. Сладостное усыпленіе, истинный даръ небесъ, оставшійся на днѣ сосуда неосторожной Пандоры, ты вмѣстѣ съ надеждою, твоею сестрою, украшаешь жизнь волшебными мечтами!... Ахъ, сонъ есть свидѣтель и порука совѣсти нашей! Сонъ, надежда и добрая совѣсть, какъ три Хариты, неразлучны: они суть братья и сестры одного семейства. Бросьте взоръ свой на сего спящаго младенца! (Здѣсь ораторъ указалъ на картину). Это ангелъ, который покоится на лонѣ невинности; розы горятъ на ланитахъ малютки, уста его улыбаются... Они ищутъ, кажется, поцѣлуевъ матери; дыханіе ихъ легко и сладостно, какъ дыханіе утренняго вѣтерка, посѣтившаго благоуханную розу. Спи же, малютка, пока страсти и люди, ненавистники сна, не лишили тебя способности спать, и пока Фортуна поддерживаетъ тебя благодѣтельною рукою на краю зіяющей бездны!

Взгляните на сонъ благотворительнаго смертнаго: онъ тихъ и спокоенъ, какъ ночь весенняя. (Ораторъ

взглянулъ на хозяина, который съ трудомъ могъ сокрыть сладкія слезы на глазахъ). Душа его, которой ничто не препятствуетъ излиться наружу, дышетъ на его устахъ, на ясномъ челѣ его, даже на опущенныхъ рѣсницахъ. Сердце его утопаетъ въ веселіи, пульсъ его ударяетъ тихо и ровно: онъ счастливъ, онъ совершенно благополученъ, ибо онъ учинилъ доброе дѣло, ибо сонъ напоминаетъ ему несчастнаго, котораго онъ извлекъ изъ пропасти, съ которымъ плакалъ наединѣ. Кажется, ангелъ-хранитель присутствуетъ у ложа праведника и отгоняетъ благовонными крилами мечты и призраки. Кажется, сама надежда сыплетъ на него цвѣты свои обильною рукою, и онъ — сказать ли горькую истину?—онъ просыпается едва ли столько счастливъ, ибо первый взоръ его часто, очень часто встрѣчаетъ неблагодарнаго! Что нужды? Онъ уже наслаждался во снѣ!

(Мы замѣтимъ, что хозяинъ, вздохнувъ очень горестно, прошепталъ между прочимъ: «Друзья мои, я жалѣю отъ искренняго сердца о томъ, кто не заснулъ послѣ добраго дѣла»).

Взгляните теперь на оратая, который засыпаетъ на жесткомъ ложѣ; взгляните на поденьщика, который, окончивъ трудъ свой, бросается на голый камень и съ ношею плечъ своихъ слагаетъ все бремя душевное; взгляните на ратника, утружденнаго походомъ, дождемъ, холодомъ: онъ нѣсколько дней сражался со стихіями и со смертію; кровь и потъ лились ручьями, голодъ изнурялъ его; но онъ заснулъ,—и все забыто, и онъ счастливѣе сатрапа, засыпающаго тонкимъ сномъ на персяхъ восточной одалиски. Скажите мнѣ теперь, что̀ награждаетъ страдальцевъ сихъ за труды, потъ и раны? Конечно, не скупыя награды царей и вельможъ, но сонъ, благодѣтель человѣковъ!

Кто изъ насъ не любилъ, и кто не спалъ вопреки любви своей?

(Послѣ этого вопроса краткое молчаніе. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ потупила черные глаза, другая покраснѣла. Старая вдова А. открыла табакерку и поднесла ее съ ласковою улыбкою хозяину, устремивъ на него страстные взоры, которые, казалось, дѣлали слѣдующій вопросъ: «И ты любилъ меня въ молодости, другъ мой, но любовь не лишала тебя сна: не правда ли?» Ораторъ продолжалъ):

Сладостенъ сонъ любовника; онъ видитъ бархатные луга, орошенные ручьями, сады Армидины, царство луны и сильфовъ; всѣ предметы и всѣ мѣста украшены присутствіемъ его возлюбленной. Вездѣ она съ нимъ ходитъ рука съ рукою, вездѣ неразлучна—и въ хижинѣ, и въ палатахъ, и въ обществѣ, и въ пустынѣ. Сонъ и самыя печали услаждаетъ. Любовница тебѣ измѣнила или новая Галатея невнимательна къ твоимъ пѣснямъ; цѣломудренна какъ Цинтія, или какъ Зиновія, едваедва склоняетъ къ тебѣ суровые взоры?.. Утѣшься, печальный страдалецъ! Я не стану тебѣ совѣтовать вооружаться терпѣніемъ стоика или потоплять любовь свою въ чашѣ вина [1]), или забыть вѣроломную. Но никто не отнималъ у тебя сна. Никто не лишалъ тебя способности усыплять сердце твое посредствомъ сладостныхъ мечтаній? Спи же, любовникъ, спи отъ вечера до утра, отъ утра до вечера, и къ наказанію твоей каменной Лауры—ты вѣрно когда-нибудь проснешься съ прежнимъ спокойствіемъ, съ прежнимъ равнодушіемъ; ибо сонъ, успокоивая страсти, истребляетъ даже ихъ вредное начало. Что̀ есть сердце наше? Море. Удержи дыханіе вѣтровъ,—и оно спокойно.

[1]) Ou bien buvez, c'est un parti fort sage.—Voltaire.

(«Море — сердце — дыханіе вѣтровъ — спокойно!» повторяли слушатели, и громкія рукоплесканія раздались въ залѣ).

Природа, благая мать смертныхъ! Ты начинаешь наказывать преступника, оскорбителя правъ твоихъ, прежде законовъ человѣческихъ. Взгляните на юношу, который въ первый разъ нарушилъ священные законы нравственности: взоръ его пасмуренъ, нетерпѣливъ; онъ ищетъ чего-то, ибо убѣгаетъ самого себя, сего внутренняго полубога, котораго мы носимъ въ груди своей; онъ ищетъ разсѣянія въ шумномъ свѣтѣ, въ опасныхъ удовольствіяхъ, и горе ему, если новыя преступленія изгладятъ слѣды первыхъ! Но если, ведомый рукою совѣсти, онъ скроется на минуту отъ взоровъ человѣческихъ и тамъ, въ безмолвномъ уединеніи, предастся размышленію, то слезы—вѣстники добраго сердца — слезы раскаянія омочатъ его ланиты, душа его успокоится, прояснѣетъ, подобно мутной водѣ, яснѣющей отъ времени въ чистомъ сосудѣ; душа его придетъ въ лучшее состояніе, и сонъ, награда великаго, добраго дѣла, сонъ заключитъ его въ мягкія объятія; ибо сонъ, вопреки всѣмъ наблюдателямъ страстей человѣческихъ, идетъ непосредственно за первымъ раскаяніемъ: явная премудрость попечительнаго Промысла, который врачуетъ язвы сердца нашего посредствомъ благотворнаго усыпленія!

Но теперь, какія ужасныя картины представляются взорамъ нашимъ? Преступникъ, преступникъ закоренѣлый въ злодѣяніяхъ! Гласъ оскорбленной природы, подобно грому, раздался въ его сердцѣ, и гласъ сей былъ ужасенъ: Злодѣй, ты не будешь спать! Вотъ приговоръ тиранамъ, сластолюбцамъ, рушителямъ спокойствія общественнаго! Повторимъ сильныя слова латин-

скаго стихотворца: «Уже ли страшный ревъ быка Фаларидова, ужели мечъ, прицѣпленный къ златому крову и висящій надъ главою вѣнчаннаго тирана, страшнѣе, ужаснѣе грызеній совѣсти того несчастнаго, который блѣднѣя говоритъ—и столь тихо, что жена, лежащая съ нимъ на одномъ ложѣ, слышать не можетъ: я бѣгу, бѣгу къ погибели?» Знали ли сонъ Діонисій Сиракузскій и тѣ изверги природы, тѣ ряды вѣнчанныхъ злодѣевъ Рима, которыхъ, какъ говоритъ Расинъ, одно имя есть ужасная обида ужасному тирану? Вкушалъ ли сонъ и тотъ счастливый злодѣй Британіи (Кромвель), котораго жизнь была загадка, который, подобно древнему тирану, укрывался каждый день въ новомъ убѣжищѣ? Между тѣмъ какъ герой Сѣвера, сей великій мужъ, котораго жизнь достойна пера Плутархова, ибо малѣйшее его дѣяніе есть подвигъ ума,—между тѣмъ, говорю я, какъ Суворовъ спалъ на плащѣ подъ открытымъ небомъ, въ виду огней непріятельскихъ и на канунѣ рѣшительнаго сраженія!

И такъ, почтенные слушатели, способность спать во всякое время есть признакъ великой души. (Надобно замѣтить, что это весьма понравилось собранію лѣнивыхъ). Древность, неисчерпаемый источникъ истины и басень, древность, хранилище опытности, развертываетъ передъ нами свои хартіи. Примѣры обильны и убѣдительны. Александръ на канунѣ ужасной битвы съ Даріемъ засыпаетъ въ вечеру; Парменіонъ принужденъ его будить, ибо знамена персскія блистали уже вблизи стана греческаго. Катонъ имѣлъ привычку засыпать при наступленіи опасности, ибо ничто не могло поколебать великаго духа героя стоиковъ: Mediis tempestatibus placidus! Августъ спитъ мертвымъ сномъ во время упорнаго морскаго сраженія, происходившаго у береговъ

цвѣтущей Сициліи. Марій—и что всего чудеснѣе—Марій засыпаетъ подъ деревомъ во время послѣдней битвы съ Силлою, и тогда только сонъ покидаетъ неустрашимаго вождя, когда сонмы непріятелей обратили въ бѣгство его воинство. Гибельный сонъ, но не менѣе того славный! Мудрый Эпименидъ, если вѣрить историкамъ (когда не вѣрить имъ, то вѣрить ли кому?) проспалъ 57 лѣтъ сряду; и я вамъ клянусь Геродотомъ, отцемъ лѣтописцевъ, что есть народы на сѣверѣ, которые спятъ въ теченіи шести зимнихъ мѣсяцевъ, подобно суркамъ, не просыпаясь. Ученые отыскали, что сіи народы обитали въ Россіи, и это не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію, по крайней мѣрѣ въ обществѣ нашемъ.

Изъ всего мною сказаннаго ясно извлекается слѣдующее заключеніе: Сонъ есть признакъ великаго духа и доброй души. Доброй души—ибо сонливый человѣкъ не способенъ дѣлать зла, которое требуетъ великихъ усилій, безпокойства и безпрестанной дѣятельности. Посмотрите, какъ говоритъ о безпечномъ снѣ Лафонтенъ, жертвовавшій ему половиною жизни своей, и котораго добродушіе вошло въ пословицу:

Je ne dormirai point sous de riches lambris:
Mais voit-on que le somme en perde de son prix?
En est-il moins profond, et moins plein de délices?
Je lui voue au désert de nouveaux sacrifices.

Но почему сонъ есть стихія лучшихъ поэтовъ? Отчего они предаются ему до излишества, забываютъ все—и славу, и потомство, и золотое правило древности, которое говоритъ именно, что праздность безъ науки—смерть, otium sine litteris mors est? Вопросъ важный, достойный вниманія мудрецовъ, и котораго я рѣшить не смѣю, боясь вооружить противъ себя неусыпныхъ, но

усыпительныхъ писателей, которые—о, святотатство!—и самое божество ночи [1]) оскорбляютъ кропаніемъ стиховъ. Знаю только, что поэты всегда прославляли сладость сна; подобно нѣжнымъ дѣтямъ, ласкающимъ добраго родителя, они давали ему множество пріятныхъ названій: сонъ утѣшитель смертныхъ, отрадный, тихій, сладостный и пр. Начиная отъ Омера, всѣ они, всѣ до одного, описывали менѣе или болѣе, хуже или лучше сіе успокоеніе души и тѣла. Тибуллъ, котораго вся жизнь была одно сладостное мечтаніе безъ пробужденій—простите мнѣ это выраженіе—Тибуллъ не въ одномъ мѣстѣ выхваляетъ сонъ. Я всегда съ живымъ удовольствіемъ привожу на память стихи его:

. . . подъ тѣнію древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою даритъ.
Сквозь солнце иногда дождь мелкой чуть шумитъ:
Я, слушая его, по малу погружаюсь
Въ забвеніе и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь.

Дмитріевъ.

Какая истинная любовь къ наслажденіямъ тихимъ, какая любовь ко сну!... Далѣе:

Иль въ мрачну, бурну ночь въ объятіяхъ драгой
Не слышу и грозы, гремящей надо мной!
Вотъ сердца моего желанья и утѣхи!

Дмитріевъ.

Первые два стиха показываютъ мастера наслаждаться; послѣдній принадлежитъ къ малому числу стиховъ, написанныхъ отъ души.

Ахъ, почтенное сословіе сонныхъ! Если бы я не боялся траты времени, которое можно посвятить съ такою пользою на сонъ...

(И въ самомъ дѣлѣ ораторъ началъ замѣчать нѣко-

[1]) У древнихъ ночь была старѣйшимъ всѣхъ божествомъ.

торую наклонность ко сну въ своихъ благосклонныхъ слушателяхъ. Лучшія, краснорѣчивыя слова имѣютъ странное дѣйствіе на лѣнивыхъ духомъ, дѣйствіе, подобное журчанію ручейка: сперва нравятся, а потомъ клонятъ ко сну).

Еслибъ томные глаза ваши не показывали, что онъ вамъ становится нужнѣе краснорѣчивѣйшаго панегирика (Этотъ второй членъ длиннаго періода былъ прерванъ сперва зѣваніемъ слушателей, а потомъ и самого оратора, который однакожь сдѣлалъ геройское усиліе и продолжалъ),—то вѣрно бъ я предложилъ вамъ убѣдительное сравненіе двухъ народовъ: одного воинственнаго, другаго мирнаго, одного провождающаго дни и ночи на стражѣ съ копьемъ въ рукахъ, другаго изгнавшаго изъ предѣловъ своихъ все, что клонится къ нарушенію сна: и пѣтуховъ, вѣстниковъ утра, и шумныя художества, и снаряды воинственные. Я сдѣлалъ бы сравненіе Спартанцевъ со счастливыми Сибаритами, и сравненіе мое клонилось бы въ пользу послѣднихъ. Я доказалъ бы, что нѣтъ счастія въ дѣятельности народной, и чрезъ то открылъ бы неисповѣдимыя истины и новое поле политикамъ, поле вовсе неизвѣстное.

(При словѣ политика хозяинъ началъ зѣвать такъ сильно, что ораторъ съ трудомъ кончилъ).

Но я вижу, что Морфей сыплетъ на васъ зернистый макъ свой! Я ощущаю и самъ тайное присутствіе бога Киммеринскаго. Крилѣ его сотрясаютъ благовонную росу на любимцевъ... Перстъ его смыкаетъ уста мои... языкъ коснѣетъ... и я... засыпаю.

Любитель сна Дормидонъ Тихинъ.

XX.

Вечеръ у Кантемира.

Антіохъ Кантемиръ, посланникъ русскій при дворѣ Людовика XV, предпочиталъ уединеніе шуму и разсѣянію блестящаго двора. Свободное время отъ должности онъ посвящалъ наукамъ и поэзіи. Въ мирномъ кабинетѣ, окруженный любимыми книгами, онъ часто восклицалъ, перечитывая Плутарха, Горація и Виргилія: «Счастливъ — кто, довольствуясь малымъ, свободенъ чуждъ зависти и предразсудковъ, имѣетъ совѣсть чистую и провождаетъ время съ вами, наставники человѣчества, мудрецы всѣхъ вѣковъ и народовъ:

..... съ вами, Греки и Латины...
Изслѣдую всѣхъ вещей дѣйства и причины».

Умъ его имѣлъ свойства, рѣдко соединяемыя: основательность, точность и воображеніе. Часто углубленный въ изчисленія алгебраическія, Кантемиръ искалъ истину и, подобно мудрецу Сиракузъ, забывалъ міръ, людей и общество, безпрестанно измѣняющееся. Онъ занимался науками не для того, чтобы щеголять знаніями въ суетномъ кругу ученыхъ женщинъ или академиковъ; нѣтъ, онъ любилъ науки для наукъ, поэзію для поэзіи: рѣдкое качество, истинный признакъ великаго ума и прекрасной, сильной души! Въ Парижѣ, гдѣ самолюбіе знатнаго человѣка можетъ собирать без-

престанно похвалы и привѣтствія за малѣйшій успѣхъ въ словесности, гдѣ нѣсколько небрежныхъ стиховъ, иностранцемъ написанныхъ, даютъ право гражданства въ республикѣ словесности, Кантемиръ писалъ русскіе стихи. И въ какое время? Когда языкъ нашъ едва становился способнымъ выражать мысли просвѣщеннаго человѣка. Бросьте на островъ необитаемый математика и стихотворца, говорилъ Даламберъ,—первый будетъ проводить линіи и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуется его наблюденіями; второй перестанетъ сочинять стихи, ибо не кому хвалить ихъ; слѣдственно, поэзія и поэтъ—заключаетъ разсудительный философъ—питаются суетностью. Парижъ былъ сей необитаемый островъ для Кантемира. Кто понималъ его? Кто восхищался его русскими стихами? Въ самой Россіи, гдѣ общество, науки и словесность были еще въ пеленахъ, онъ, нѣтъ сомнѣнія, находилъ мало цѣнителей своего таланта. Душею и умомъ выше времени и обстоятельствъ, онъ писалъ стихи, онъ поправлялъ ихъ безпрестанно, желая достигнуть возможнаго совершенства, и казалось, завѣщалъ благодарному потомству и книгу, и славу свою. Талантъ питается хвалою, но истинный, великій талантъ, и безъ нея не умираетъ. Поэтъ можетъ быть суетнымъ, равно какъ и ученый; но истинный поэтъ, истинный любитель всего прекраснаго не можетъ существовать безъ дѣятельности, и то, что было сказано нашимъ Катулломъ о нашемъ Бавіѣ:

Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издастъ послѣдній стихъ,

почти то же можно сказать о великомъ стихотворцѣ. На одрѣ смерти Сервантесъ не покидалъ пера своего. Камоенсъ писалъ Лузіаду посреди племенъ дикихъ. Тассъ, несчастный Тассъ, въ ужасномъ заключеніи бе-

сѣдовалъ съ музами. Державинъ, за часъ предъ смертію, хладѣющими перстами извлекалъ звуки изъ безсмертной лиры своей. Сихъ ли людей обвинимъ въ суетности?..

Но возвратимся къ Кантемиру.

Однажды по вечеру Монтескьё и аббатъ В., извѣстный остроумецъ, навѣстили нашего стихотворца. Онъ бесѣдовалъ съ своею музою и не примѣтилъ входящихъ друзей, которые имѣли къ нему свободный доступъ. Нѣсколько минутъ Кантемиръ перечитывалъ начало посланія своего къ князю Никитѣ Трубецкому, и всегда съ новымъ жаромъ и удовольствіемъ. При чтеніи, спокойное и даже холодное лицо Кантемира примѣтнымъ образомъ измѣнялось: глаза его сверкали, какъ молнія, щеки разгорѣлись, и рука его ударяла такту по отверзтой предъ нимъ книгѣ. Монтескьё взглянулъ на аббата, кивнулъ ему головою и намѣревался удалиться. Они не хотѣли безпокоить министра, полагая, что онъ занятъ важнымъ государственнымъ дѣломъ. Кантемиръ услышалъ за собою шорохъ, оглянулся и бросился обнимать не ожидаемыхъ гостей.

«Мы вамъ помѣшали: мы пришли не въ пору».

«Ни мало!»

«Вы читали важныя бумаги?»

«Я забавлялся: перечитывалъ стихи моего сочиненія».

«Но какіе? Мы ни слова не поняли».

«Русскіе!»

«Русскіе стихи», восклицалъ аббатъ, пожимая плечами отъ удивленія,—«русскіе стихи! Это любопытно».

Кантемиръ.

Слабое подражаніе Горацію, Ювеналу и Персію. Вы знаете мою страсть къ древнимъ писателямъ: она за-

влекла меня далеко. Не въ силахъ будучи сравниться съ древними поэтами Рима, я влачусь за ними, какъ рабъ за господиномъ или какъ страстный любовникъ за гордою красавицею. Вы никогда не писали стиховъ, г. президентъ, и не знаете сего мученія и удовольствія, которое называютъ метроманіею?

Монтескье.

Ваша правда. Я не писалъ стиховъ, но люблю стихи, когда нахожу въ нихъ столько же мыслей, сколько словъ, когда они ясны, сильны, выразительны, однимъ словомъ—хороши, какъ проза. Я всегда уважалъ сатиры и посланія Горація: онѣ знакомятъ насъ съ Римомъ, со нравами, съ образомъ жизни переродившихся потомковъ Брутовъ, Коріолановъ и Сципіоновъ. Ювенала перечитываю съ удовольствіемъ: прямой Римлянинъ душою! Онъ то же въ стихахъ, что Тацитъ въ прозѣ. Я люблю творенія сихъ поэтовъ, какъ памятники языка, образованнаго цѣлыми вѣками славы народной, языка мужественнаго, обильнаго, выразительнаго—почтеннаго родителя языковъ новѣйшихъ.

Аббатъ В.

И г. президентъ, конечно, сожалѣетъ, что вы пишете русскіе стихи. Зная совершенно языкъ латинскій и нашъ французскій, столь ясный, точный и красивый, вы лишаете насъ удовольствія читать ваши прелестныя произведенія.

Монтескье.

Сожалѣю и удивляюсь, какъ можно писать—скажу болѣе—какъ можно мыслить на языкѣ не образованномъ? Вы пишете по русски, а вашъ языкъ и нація еще въ пеленахъ.

Кантемиръ.

Справедливо! Русскій языкъ въ младенчествѣ, но онъ богатъ, выразителенъ, какъ языкъ латинскій, и со временемъ будетъ точенъ и ясенъ, какъ языкъ остроумнаго Фонтенеля и глубокомысленнаго Монтескьё. Теперь я принужденъ бороться съ величайшими трудностями, принужденъ изобрѣтать безпрестанно новые слова, выраженія и обороты, которые, безъ сомнѣнія, обветшаютъ черезъ нѣсколько годовъ. Переводя Міры Фонтенелевы, я создавалъ новыя слова: академія Петербургская часто одобряла мои опыты. Я очищалъ путь для моихъ послѣдователей.

Аббатъ В.

Но скажите, Бога ради, какъ же вы могли присвоить всѣ тонкія выраженія и обороты перваго щеголя языка французскаго, нашего семидесятилѣтняго Фонтенеля?

Кантемиръ.

Какъ умѣлъ! Я слѣдовалъ рабски по слѣдамъ его. Переводъ мой слабъ, грубъ, невѣренъ. Скиѳы заставили плѣннаго Грека изваять Венеру и обѣщали ему свободу. Грекъ былъ дурной ваятель; въ Скиѳіи не было ни паросскаго мрамора, ни хорошихъ рѣзцовъ; за неимѣніемъ ихъ, соотечественникъ Праксителевъ употребилъ грубый гранитъ, молотъ, простую пилу и создалъ нѣчто похожее на Венеру, слѣдуя заочно образцу, столь славному не только въ Греціи, но даже въ земляхъ варваровъ. Скиѳы были довольны, ибо не знали божественнаго подлинника, и поклонялись новой богинѣ съ дѣтскимъ усердіемъ. Скиѳы—мои соотечественники, Праксителева статуя—книга безсмертнаго Фонтенеля, а я—сей Грекъ, неискусный ваятель.

Аббатъ В.

О, вы слишкомъ скромны, почтенный князь!

Кантемиръ.

Не довольствуясь опытомъ моимъ надъ Фонтенелемъ, я принялся за Персидскія письма.

Аббатъ В.

Персидскія письма по русски!

Монтескье.

Могъ ли я ожидать, что первое, слабое произведеніе моего пера отниметъ у васъ столько драгоцѣннаго времени?

Аббатъ В.

Теперь Гиперборейцы узнаютъ, какъ вѣтрены и малодушны обитатели береговъ Сейны.

Кантемиръ.

И какъ остроумны.

Аббатъ В.

Я давно на вечерахъ г-жи Жофрень, которая васъ превозноситъ, но въ душѣ своей ненавидитъ, давно предсказывалъ вашу славу, г. Монтескьё!

Въ землѣ своей никто пророкомъ не бывалъ,—

но мое пророчество сбылось, какъ видите. Легко быть можетъ, что въ эту самую минуту на берегахъ Ледовитаго моря, на берегахъ Лены или Оби, въ пустыняхъ Татаріи читаютъ ваши остроумныя письма, и имя Монтескьё гремитъ въ становищахъ Калмыковъ и Самоѣдовъ.

Монтескье.

Читаютъ Персидскія письма при свѣтѣ лампады, налитой рыбьимъ жиромъ...

Аббатъ В.

Или при свѣтѣ сѣвернаго сіянія... Конечно, странно, чудесно! А мы говоримъ съ такимъ пренебреженіемъ о великой Московіи!

Кантемиръ.

Калмыки и Самоѣды не читаютъ философическихъ книгъ и, конечно, долго читать не будутъ. Но въ Москвѣ многолюдной, въ рождающейся столицѣ Петра, въ монастыряхъ Малой и Великой Россіи есть люди просвѣщенные и мыслящіе, которые умѣютъ наслаждаться прекрасными произведеніями музъ.

Монтескье.

Число такихъ людей должно быть весьма ограничено. До сихъ поръ я думалъ и думаю, что климатъ вашъ суровый и непостоянный, земля по большей части безплодная, покрытая въ зиму глубокими снѣгами, малое населеніе, трудность сообщеній, образъ правленія почти азіятскій, закоренѣлые предразсудки и рабство, утвержденные вѣками навыка, все это вмѣстѣ надолго замедлитъ ходъ ума и просвѣщенія. Власть климата есть первая изъ властей.

Аббатъ В.

Я съ вами согласенъ и полагаю, что всѣ усилія исполинскаго царя, все, что онъ ни сотворилъ желѣзною рукою, все разрушится, упадетъ, изчезнетъ. При-

рода, обычаи древніе, суевѣріе, неизцѣлимое варварство возьмутъ верхъ надъ просвѣщеніемъ слабымъ и неосновательнымъ, и вся полудикая Московія снова будетъ дикою Московіею, и вѣчный туманъ забвенія покроетъ дѣла и жизнь преемниковъ Петра Великаго.

Кантемиръ.

Я осмѣлюсь спорить съ великимъ творцомъ книги О существѣ законовъ и съ вами, любезный аббатъ. Россія пробудилась отъ глубокаго сна, подобно баснословному Эпименіду. Заря, освѣтившая нашу землю, предвѣщаетъ прекрасное утро, великолѣпный полдень и ясный вечеръ: вотъ мое пророчество!

Аббатъ В.

Но это не заря—сѣверное сіяніе. Блеску много, но безъ свѣта и безъ теплоты.

Монтескье.

Остроумный аббатъ сказалъ великую истину. Положимъ — трудное предположеніе, едва ли сбыточное дѣло! – положимъ, что правительство откроетъ всѣ пути къ просвѣщенію, что будетъ безпрестанно призывать иностранцевъ для воспитанія юношества, построитъ теплые домы для училищъ и изъ сихъ парниковъ и теплицъ просвѣщенія соберетъ нѣсколько незрѣлыхъ и несочныхъ плодовъ; положимъ, что правительство образуетъ военныхъ людей, довольно искусныхъ, нѣсколько мореходцевъ, небольшее число артиллеристовъ, инженеровъ и проч. Но скажите: можетъ ли правительство вдохнуть вкусъ къ изящному, къ наукамъ отвлеченнымъ, умозрительнымъ? Какая сила измѣнитъ климатъ? Кто можетъ вамъ даровать новое небо, новый воздухъ, новую землю?

Аббатъ В.

И новое солнце! Какъ можно сѣять науки тамъ, гдѣ осенью серпъ земледѣльца пожинаетъ рѣдкіе класы на бороздахъ, пòтомъ его орошенныхъ, гдѣ зимою отъ холоду чугунъ распадается, и топоръ жидкости рубитъ?

Caeduntque securibus humida vina!

Монтескье.

Холодный воздухъ сжимаетъ желѣзо: какъ же не дѣйствовать ему на человѣка? Онъ сжимаетъ его фибры. онъ даетъ имъ силу необыкновенную. Эта сила физическая сообщается душѣ; она внушаетъ ей храбрость въ опасности, рѣшительность, бодрость, крѣпкую надежду на себя, она есть тайная пружина многихъ прекрасныхъ свойствъ характера; но она же лишаетъ чувствительности, необходимой для наукъ и искусствъ. Теплота, напротивъ того, разширяя тончайшую плену кожи, раскрываетъ оконечности нервовъ и сообщаетъ имъ чудесную раздражительность. Въ земляхъ холодныхъ наружная кожа столь сильно сжата воздухомъ, что нервы, такъ сказать, лишены жизни и рѣдко, очень рѣдко сообщаютъ слабыя ощущенія свои мозгу. Вы знаете, что отъ безчисленнаго количества слабыхъ ощущеній зависятъ воображеніе, вкусъ, чувствительность и живость. Надобно содрать кожу съ Гиперборейца, чтобъ заставить его что-нибудь почувствовать [1]).

Аббатъ В.

Что можете отвѣчать на это? Вы станете защищать соотечественниковъ вашихъ, какъ министръ, и на сильные, неотразимые силлогизмы президента отвѣчать дипломатическими, отклоняющими истину фразами?

[1]) Il faut écorcher un Moscovite pour lui donner du sentiment (?).

Кантемиръ.

Я родился въ Константинополѣ. Праотцы мои происходятъ отъ древней фамиліи, нѣкогда обладавшей престоломъ Восточной имперіи. Слѣдственно, во мнѣ играетъ еще кровь греческая, и я непритворно люблю голубое небо и вѣчно зеленыя оливы странъ полуденныхъ. Въ молодости я странствовалъ съ отцомъ моимъ, неразлучнымъ сопутникомъ, искреннимъ другомъ Петра Великаго, и видѣлъ обширныя долины Россіи отъ Днѣпра до Кавказа, отъ Каспійскаго моря до береговъ величественной Москвы. Я знаю Россію и обитателей ея. Хижина земледѣльца и теремъ боярина мнѣ равно извѣстны. Руководимый наставленіями отца моего, просвѣщеннѣйшаго человѣка въ Европѣ, съ раннихъ лѣтъ воспитанный въ училищѣ философіи и опытности, будучи обязанъ по званію моему имѣть безпрестанныя и тѣсныя сношенія съ иностранцами всѣхъ націй, я не могъ сохранить предразсудковъ варварскихъ и привыкъ смотрѣть на новое отечество мое окомъ безпристрастнаго наблюдателя. Въ Версали, въ кабинетѣ короля вашего, въ присутствіи министровъ, я—представитель великаго народа и всемогущей его монархини, но здѣсь, въ обществѣ дружескомъ съ великимъ геніемъ Европы, поставляю обязанностію говорить откровенно, и вы, г. аббатъ, скорѣе обличите Кантемира въ невѣжествѣ, нежели въ пристрастіи или нечистосердечіи. Вотъ мой отвѣтъ: Вы знаете, что̀ Петръ сдѣлалъ для Россіи: онъ создалъ людей... Нѣтъ, онъ развилъ въ нихъ всѣ способности душевныя, онъ вылѣчилъ ихъ отъ болѣзни невѣжества, и Русскіе, подъ руководствомъ великаго человѣка, доказали въ короткое время, что таланты свойственны человѣчеству. Не про-

шло пятнадцати лѣтъ, и великій монархъ наслаждался уже плодами знаній своихъ сподвижниковъ: всѣ вспомогательныя науки военнаго дѣла процвѣли внезапно въ государствѣ его. Мы громами побѣдъ возвѣстили Европѣ, что имѣемъ артиллерію, флотъ, инженеровъ, ученыхъ, даже опытныхъ мореходцевъ. Чего же хотите отъ насъ въ столь короткое время? Успѣховъ ума, успѣховъ въ наукахъ отвлеченныхъ, въ изящныхъ искусствахъ, въ краснорѣчіи, въ поэзіи? Дайте намъ время, продлите благопріятныя обстоятельства, и вы не откажете намъ въ лучшихъ способностяхъ ума. Вы говорите, что власть климата есть первая изъ властей. Не спорю: климатъ имѣетъ вліяніе на жителей; но это вліяніе—какъ вы сами замѣтили въ безсмертной книгѣ своей—это вліяніе бываетъ уменьшено или ограничено образомъ правленія, нравами, общежитіемъ. Самый климатъ Россіи разнообразенъ. Иностранцы, говоря о нашемъ отечествѣ, полагаютъ вообще, что Московія покрыта вѣчными снѣгами, населена дикими. Они забываютъ неизмѣримое пространство Россіи; они забываютъ, что въ то время, когда житель влажныхъ береговъ Бѣлаго моря ходитъ за куницею на быстрыхъ лыжахъ своихъ, счастливый обитатель устьевъ Волги собираетъ пшеницу и благодатное просо. Самый сѣверъ не столь ужасенъ взорамъ путешественника, ибо онъ даетъ все потребное воздѣлывателю полей. Плугъ есть основаніе общества, истинный узелъ гражданства, опора законовъ, а гдѣ, въ какой странѣ Россіи не оставляетъ онъ благодѣтельныхъ слѣдовъ своихъ? Съ успѣхами людкости и просвѣщенія сѣверъ безпрестанно измѣняется и, если смѣю сказать, прирастаетъ къ просвѣщенной Европѣ. Скажите: когда Тацитъ описывалъ Германцевъ, думалъ ли тогда Тацитъ, что въ дикихъ

лѣсахъ ея возникнутъ города великолѣпные, что въ древней Паннонiи и Норикѣ родятся свѣтильники ума человѣческаго? Нѣтъ, конечно! Но Петръ Великiй, заключивъ судьбу полуміра въ рукѣ своей, утѣшалъ себя великою мыслію, что на берегахъ Невы древо наукъ будетъ процвѣтать подъ сѣнію его державы и рано или поздно, но дастъ новые плоды, и человѣчество обогатится ими. Вы, г. Монтескьё, наблюдаете безпрестанно міръ политическій; на развалинахъ протекшихъ вѣковъ, на прахѣ гордаго Рима и прелестной Греціи вы постигли причины настоящихъ явленій, научились пророчествовать о будущемъ. Вы знаете, что съ успѣхами просвѣщенія измѣняются явнымъ и непримѣтнымъ образомъ всѣ формы правленія; вы замѣтили сіи измѣненія въ землѣ Русской. Время все разрушаетъ и созидаетъ, портитъ и совершенствуетъ. Можетъ быть, чрезъ два или три столѣтія, можетъ быть, и ранѣе, благія небеса даруютъ намъ генія, который постигнетъ вполнѣ великую мысль Петра, и обширнѣйшая земля въ мірѣ, по творческому гласу его, учинится хранилищемъ законовъ, свободы, на нихъ основанной, нравовъ, дающихъ постоянство законовъ, однимъ словомъ—хранилищемъ просвѣщенія. Лестныя надежды, вы сбудетесь, конечно! Благодѣтель семейства моего, благодѣтель Россіи, почиваетъ во гробѣ; но духъ его, сей дѣятельный, сей великій духъ, не покидаетъ страны, ему любезной: онъ всюду присутствуетъ, все оживляетъ, всему даетъ душу и новую жизнь, и новую силу; онъ, кажется мнѣ, безпрестанно вѣщаетъ Россіи: иди впередъ, не останавливайся на поприщѣ, мною отверзтомъ, и достигнешь великой цѣли, мною назначенной!

Монтескье.

Но искусства? Могутъ ли они процвѣтать въ туманахъ Невы или подъ суровымъ небомъ московскимъ?

Аббатъ В.

Искусства... Ахъ, имъ-то нуженъ прозрачный воздухъ и яркое солнце Рима, древней Эллады или умѣренный климатъ нашей Франціи!

Кантемиръ.

Полуденныя страны были родиною искусствъ; но сіи прелестныя дѣти воображенія были часто вытѣсняемы изъ родины своей варварствомъ, суевѣріемъ, желѣзомъ завоевателей и, какъ быстрыя волны, разлились по лицу земному. Музыка, живопись и скульптура любятъ свое древнее отечество, а еще болѣе многолюдные города, роскошь, нравы изнѣженные. Но поэзія свойственна всему человѣчеству: тамъ, гдѣ человѣкъ дышетъ воздухомъ, питается плодами земли, тамъ, гдѣ онъ существуетъ, тамъ же онъ наслаждается и чувствуетъ добро или зло, любитъ и ненавидитъ, укоряетъ и ласкаетъ, веселится и страдаетъ. Сердце человѣческое есть лучшій источникъ поэзіи.

Аббатъ В.

Такъ! Но оно—признайтесь—не столь чувствительно на сѣверѣ?

Монтескье.

Я видѣлъ оперу въ Англіи и въ Италіи. Отъ музыки, которую Англичане слушаютъ спокойно, Италіянцы бываютъ внѣ себя и прыгаютъ, какъ Пиѳія на пророческомъ треножникѣ.

Кантемиръ.

Что доказываетъ это?—Что чувствительность народовъ южныхъ раздражительнѣе, сообщительнѣе, но едва ли столь глубока, столь сильна, какъ чувствительность народовъ сѣверныхъ. Въ бытность мою въ Лондонѣ ученый Шотландецъ N. N. показывалъ мнѣ пѣсни его горныхъ соотечественниковъ: онѣ напоминаютъ древняго Омира и силою мыслей, глубиною чувствъ превосходятъ многія произведенія музы италіянской.

Аббатъ В.

Невѣроятно!

Кантемиръ.

Мы, Русскіе, имѣемъ народныя пѣсни: въ нихъ дышетъ нѣжность, краснорѣчіе сердца, въ нихъ видна сія задумчивость тихая и глубокая, которая даетъ неизъяснимую прелесть и самымъ грубымъ произведеніямъ сѣверной музы.

Аббатъ В.

Чудесно, по чести невѣроятно!

Кантемиръ.

Скажите: если грубыя дѣти сѣвера умѣютъ чувствовать и изъясняться столь живо и пріятно, то чего нельзя ожидать намъ отъ людей образованныхъ?

Аббатъ В.

Но, почтенный защитникъ сѣвера, вы знаете, что народныя пѣсни—лепетаніе младенцевъ!

Кантемиръ.

Младенцевъ, которые со временемъ возмужаютъ.

Какъ знать? Можетъ быть, на дикихъ берегахъ Камы или величественной Волги возникнутъ великіе умы, рѣдкіе таланты. Что скажете, г. президентъ, что скажете, услыша, что при льдахъ Сѣвернаго моря, между полудикихъ, родился великій геній, что онъ прошелъ исполинскими шагами все поле наукъ, какъ философъ, какъ ораторъ и поэтъ, преобразовалъ языкъ свой и оставилъ по себѣ вѣчные памятники? Это одно предположеніе, но дѣло возможное. Что скажете, если...

Аббатъ В.

Но къ чему сіи гипотезы? Легче повѣрю, что Русскіе взяли приступомъ Парижъ и уничтожили всѣ крѣпости, Вобаномъ построенныя! Впрочемъ для чудесъ нѣтъ законовъ, говорилъ мнѣ Фонтенель съ значительною усмѣшкою, прочитавъ въ первый разъ свое глубокомысленное разсужденіе объ оракулахъ. Всѣ надежды ваши, можетъ быть, и сбудутся, или вы найдете ихъ въ царствѣ луны, съ утраченными надеждами Астольфа. Но простите моему чистосердечію... Признаюсь, я до сихъ поръ смотрю на васъ съ удивленіемъ и не могу постигнуть, какъ можно въ Парижѣ, на землѣ Расина и Корнеля, писать русскіе стихи.

Кантемиръ.

Это напоминаетъ: какъ можно быть Персіяниномъ.

Монтескье.

Вы хотѣли поразить насъ собственнымъ нашимъ оружіемъ. Но позвольте сдѣлать одно замѣчаніе. Вы подражаете Горацію и Ювеналу, слѣдовательно, пишете сатиры, сатиры на нравы, которые еще не установились. Горацій и Ювеналъ осмѣивали пороки народа

развратнаго, но достигшаго высокой степени просвѣщенія; остроумный и всегда разсудительный Буало писалъ при дворѣ великаго короля въ самую блестящую эпоху монархіи Французской. Теперь общество въ Россіи должно представлять ужасный хаосъ—грубое сліяніе всего порочнаго, смѣшеніе закоренѣлыхъ предразсудковъ, невѣжества, древняго варварства, татарскихъ обычаевъ съ нѣкоторымъ блескомъ роскоши азіятской, съ нѣкоторыми искрами просвѣщенія европейскаго! Какая тутъ пища для поэта сатирическаго? Могутъ ли проникнуть тонкія стрѣлы эпиграммы сквозь тройную броню невѣжества и уязвить сердце, окаменѣлое въ порокахъ, закаленное въ невѣжествѣ? И что значатъ сіи стрѣлы въ землѣ, гдѣ женщины, хранительницы нравовъ, едва начинаютъ освобождаться изъ-подъ ига мужей своихъ, въ землѣ, гдѣ общественное мнѣніе еще шатается, еще не установилось и не можетъ наказывать своимъ приговоромъ того, что не подлежитъ суду законовъ? Однимъ словомъ—какъ можно смѣяся говорить истину властелинамъ или рабамъ? Первымъ—опасно, другимъ—безполезно.

Кантемиръ.

Пользуясь покровительствомъ монарховъ и вельможъ, занимающихъ первыя степени въ государствѣ, я безъ страха говорилъ истину, и мои сатиры принесли нѣкоторую пользу. Петръ Великій, преобразуя Россію, старался преобразовать и нравы. Новое поприще открылось наблюдателю человѣчества и страстей его: мы увидѣли въ древней Москвѣ чудесное смѣшеніе старины съ новизною, двѣ стихіи въ безпрестанной борьбѣ одна съ другою. Новые обычаи, новыя платья, новый родъ жизни, новый языкъ не могли еще измѣнить древнихъ

людей, изгладить древній характеръ: иные бояра, надѣвая парикъ и новое платье, оставались съ прежними предразсудками, съ древнимъ упрямствомъ и тѣмъ казались еще страннѣе; другіе, отложа бороду и длинный кафтанъ праотеческій, съ платьемъ европейскимъ надѣвали всѣ пороки, всѣ слабости вашихъ соотечественниковъ, но вашей любезности и людкости занять не умѣли. Частыя перемѣны при дворѣ возводили на высокія степени государственныя людей низкихъ и недостойныхъ: они являлись и изчезали; временщикъ смѣнялъ временщика, толпа льстецовъ—другую толпу. Гордость и низость, суевѣріе и кощунство, лицемѣріе и явный развратъ, скупость и расточительность неимовѣрная, однимъ словомъ—страсти по всему противуположныя, сливались чудеснымъ образомъ и представляли новое зрѣлище равнодушному наблюдателю и философу, который только ощупью и съ Гораціемъ въ рукахъ могъ отыскивать счастливую средину вещей. Я старался изловить нѣкоторыя черты сихъ временъ; скажу болѣе: я старался явить порокъ во всей наготѣ своей и намекнуть соотечественникамъ истинный путь честности, благихъ нравовъ и добродѣтели. Ученый Ѳеофанъ, архимандритъ Кроликъ — оба достойные пастыри, — Никита Трубецкій и другіе вельможи одобрили мои слабые опыты, мое перо неискусное, но смѣлое, чистосердечное. Я первый осмѣлился писать такъ, какъ говорятъ; я первый изгналъ изъ языка нашего грубыя слова славянскія, чужестранныя, несвойственныя языку русскому, и открылъ новую дорогу для грядущихъ талантовъ. Сатиры мои будутъ имѣть нѣкоторую цѣну для потомковъ нашихъ, подобно древнимъ картинамъ первыхъ живописцевъ, предшественниковъ Рафаеля; въ нихъ они найдутъ изображеніе вѣрное нравовъ и языка

русскаго въ славномъ періодѣ для Россіи—отъ временъ Петра до царствованія счастливой, обожаемой нами Елизаветы, и имя мое—простите мнѣ авторское самолюбіе—будетъ уважаемо въ Россіи болѣе потому, что я первый осмѣлился говорить языкомъ музъ и философіи, нежели потому, что занималъ важное мѣсто при дворѣ вашемъ.

Аббатъ В.

Прекрасно! Вы говорите, какъ истинный философъ.

Монтескье.

Мы желали бы видѣть ваши сатиры на французскомъ языкѣ. Отчасти я согласенъ съ вами: картина нравовъ народа почти новаго всегда любопытна. Но... вотъ и аббатъ Гуаско, вашъ пріятель...

«Вы очень кстати навѣстили насъ!» сказалъ Кантемиръ, обнимая аббата.—«Вы перевели мои сатиры на французскій языкъ: прочитайте что-нибудь въ угожденіе г. президенту; а у васъ, господа, прошу терпѣнія и снисхожденія».

Чтеніе и разговоръ продолжались долго, даже за полночь. Наконецъ Монтескьё и аббатъ В. откланялись министру и разстались... довольны ли имъ—не знаю. Знаю только, что Кантемиръ, шевеля гаснувшіе уголья въ каминѣ, сказалъ аббату Гуаско: «Признайся, любезный другъ, Монтескьё—умный человѣкъ, великій писатель, но..»

«Но говоритъ о Россіи какъ невѣжда», прибавилъ аббатъ Гуаско.

Скромный Кантемиръ улыбнулся, пожелалъ доброй ночи аббату, и они разстались.

XXI.

РѢЧЬ

о вліяніи легкой поэзіи на языкъ

въ Обществѣ любителей русской словесности въ Москвѣ.

Избраніе меня въ сочлены ваши есть новое свидѣтельство, мм. гг., вашей снисходительности. Вы обращаете внимательные взоры не на одно дарованіе, вы награждаете слабые труды и малѣйшіе успѣхи, ибо имѣете въ виду важную цѣль—будущее богатство языка, столь тѣсно сопряженное съ образованностію гражданскою, съ просвѣщеніемъ и, слѣдственно, съ благоденствіемъ страны славнѣйшей и обширнѣйшей въ мірѣ. По заслугамъ моимъ я не имѣю права засѣдать съ вами; но если усердіе къ словесности есть достоинство, то по пламенному желанію усовершенствованія языка нашего, единственно по любви моей къ поэзіи, я могу смѣло сказать, что выборъ вашъ соотвѣтствуетъ цѣли общества. Занятія мои были маловажны, но безпрерывны. Они были предъ вами краснорѣчивыми свидѣтелями моего усердія и доставили мнѣ счастіе засѣдать въ древнѣйшемъ святилищѣ музъ отечественныхъ, которое возрождается изъ пепла вмѣстѣ съ столицею царства Русскаго и со временемъ будетъ достойно ея древняго величія.

Обозрѣвая мысленно обширное поле словесности, необъятные труды и подвиги ума человѣческаго, драгоцѣнныя сокровища краснорѣчія и стихотворства, я съ горестію познаю и чувствую слабость силъ и маловажность занятій моихъ, но утѣшаюсь мыслію, что успѣхи и въ малѣйшей отрасли словесности могутъ быть полезны языку нашему. Эпопея, драматическое искусство, лирическая поэзія, исторія, краснорѣчіе духовное и гражданское требуютъ великихъ усилій ума, высокаго и пламеннаго воображенія. Счастливы тѣ, которые похищаютъ пальму первенства въ сихъ родахъ: имена ихъ становятся безсмертными, ибо счастливыя произведенія творческаго ума не принадлежатъ одному народу исключительно, но дѣлаются достояніемъ всего человѣчества. Особенно великія произведенія музъ имѣютъ вліяніе на языкъ новый и не обработанный. Ломоносовъ—тому явный примѣръ. Онъ преобразовалъ языкъ нашъ, созидая образцы во всѣхъ родахъ. Онъ то же учинилъ на трудномъ поприщѣ словесности, что Петръ Великій на поприщѣ гражданскомъ. Петръ Великій пробудилъ народъ, усыпленный въ оковахъ невѣжества; онъ создалъ для него законы, силу военную и славу. Ломоносовъ пробудилъ языкъ усыпленнаго народа; онъ создалъ ему краснорѣчіе и стихотворство, онъ испыталъ его силу во всѣхъ родахъ и приготовилъ для грядущихъ талантовъ вѣрныя орудія къ успѣхамъ. Онъ возвелъ въ свое время языкъ русскій до возможной степени совершенства, возможной—говорю—ибо языкъ идетъ всегда наравнѣ съ успѣхами оружія и славы народной, съ просвѣщеніемъ, съ нуждами общества, съ гражданскою образованностію и людкостію. Но Ломоносовъ, сей исполинъ въ наукахъ и въ искусствѣ писать, испытуя русскій языкъ въ важныхъ родахъ,

желалъ обогатить его нѣжнѣйшими выраженіями Анакреоновой музы. Сей великій образователь нашей словесности зналъ и чувствовалъ, что языкъ просвѣщеннаго народа долженъ удовлетворять всѣмъ его требованіямъ и состоять не изъ однихъ высокопарныхъ словъ и выраженій. Онъ зналъ, что у всѣхъ народовъ, и древнихъ и новѣйшихъ, легкая поэзія, которую можно назвать прелестною роскошью словесности, имѣла отличное мѣсто на Парнассѣ и давала новую пищу языку стихотворному. Греки восхищались Омеромъ и тремя трагиками, велерѣчіемъ историковъ своихъ, убѣдительнымъ и стремительнымъ краснорѣчіемъ Демосѳена; но Віонъ, Мосхъ, Симонидъ, Ѳеокритъ, мудрецъ Ѳеосскій и пламенная Сафо были увѣнчаны современниками. Римляне, побѣдители Грековъ оружіемъ, не талантомъ, подражали имъ во всѣхъ родахъ: Цицеронъ, Виргилій, Горацій, Титъ Ливій и другіе состязались съ Греками. Важные Римляне, потомки суровыхъ Коріолановъ, внимали имъ съ удивленіемъ, но эротическую музу Катулла, Тибулла и Проперція не отвергали. По возрожденіи музъ, Петрарка, одинъ изъ ученѣйшихъ мужей своего вѣка, свѣтильникъ богословіи и политики, одинъ изъ первыхъ создателей славы возраждающейся Италіи изъ развалинъ классическаго Рима, Петрарка, немедленно шествуя за суровымъ Дантомъ, довершилъ образованіе великолѣпнаго нарѣчія тосканскаго, подражая Тибуллу, Овидію и поэзіи Мавровъ, странной, но исполненной воображенія. Маро, царедворецъ Франциска I, извѣстный по эротическимъ стихотвореніямъ, былъ одинъ изъ первыхъ образователей языка французскаго, котораго владычество, почти пагубное, распространилось на всѣ народы, не достигшіе высокой степени просвѣщенія. Въ Англіи Валлеръ, пѣвецъ Захариссы, въ Гер-

маніи Гагедорнъ и другіе писатели, предшественники творца Мессіады и великаго Шиллера, спѣшили жертвовать граціямъ и говорить языкомъ страсти и любви, любимѣйшимъ языкомъ музъ, по словамъ глубокомысленнаго Монтаня. У насъ преемникъ лиры Ломоносова Державинъ, котораго одно имя истинный талантъ произноситъ съ благоговѣніемъ, Державинъ, вдохновенный пѣвецъ высокихъ истинъ, и въ зиму дней своихъ любилъ отдыхать со старцемъ Феосскимъ. По слѣдамъ сихъ поэтовъ, множество писателей отличились въ этомъ родѣ, по видимому, столь легкомъ, но въ самомъ дѣлѣ имѣющемъ великія трудности и преткновенія, особенно у насъ, ибо языкъ русскій, громкій, сильный и выразительный, сохранилъ еще нѣкоторую суровость и упрямство, несовершенно изчезающія даже подъ перомъ опытнаго таланта, поддержаннаго наукою и терпѣніемъ.

Главныя достоинства стихотворнаго слога суть движеніе, сила, ясность. Въ большихъ родахъ читатель, увлеченный описаніемъ страстей, ослѣпленный живѣйшими красками поэзіи, можетъ забыть недостатки и неровности слога и съ жадностію внимаетъ вдохновенному поэту или дѣйствующему лицу, имъ созданному. Во время представленія, какой холодный зритель будетъ искать ошибокъ въ слогѣ, когда Полиникъ, лишенный вѣнца и внутренняго спокойствія, въ слезахъ, въ отчаяніи, бросается къ стопамъ разгнѣваннаго Эдипа? Но сіи ошибки, поучительныя для дарованія, замѣчаетъ просвѣщенный критикъ въ тишинѣ своей учебной храмины: каждое слово, каждое выраженіе онъ взвѣшиваетъ на вѣсахъ строгаго вкуса, отвергаетъ слабое, ложно-блестящее, невѣрное и научаетъ наслаждаться истинно прекраснымъ. Въ легкомъ родѣ поэзіи читатель требуетъ возможнаго совершенства, чистоты выра-

женія, стройности въ слогѣ, гибкости, плавности; онъ требуетъ истины въ чувствахъ и сохраненія строжайшаго приличія во всѣхъ отношеніяхъ: онъ тотчасъ дѣлается строгимъ судьею, ибо вниманіе его ничѣмъ сильно не развлекается; красивость въ слогѣ здѣсь нужна необходимо и ничѣмъ замѣниться не можетъ. Она есть тайна, извѣстная одному дарованію и особенно постоянному напряженію вниманія къ одному предмету, ибо поэзія и въ малыхъ родахъ есть искусство трудное, требующее всей жизни и всѣхъ усилій душевныхъ; надобно родиться для поэзіи; этого мало: родясь, надобно сдѣлаться поэтомъ въ какомъ бы то ни было родѣ.

Такъ-называемый эротическій и вообще легкій родъ поэзіи воспріялъ у насъ начало со временъ Ломоносова и Сумарокова. Опыты ихъ предшественниковъ были маловажны: языкъ и общество еще не были образованы. Мы не будемъ изчислять всѣхъ видовъ, раздѣленій и измѣненій легкой поэзіи, которая менѣе или болѣе принадлежитъ къ важнымъ родамъ; но замѣтимъ, что на поприщѣ изящныхъ искусствъ, подобно какъ и въ нравственномъ мірѣ, ничто прекрасное не теряется, приноситъ со временемъ пользу и дѣйствуетъ непосредственно на весь составъ языка. Стихотворная повѣсть Богдановича, первый и прелестный цвѣтокъ легкой поэзіи на языкѣ нашемъ, ознаменованный истиннымъ и великимъ талантомъ; остроумныя, неподражаемыя сказки Дмитріева, въ которыхъ поэзія въ первый разъ украсила разговоръ лучшаго общества; посланія и другія произведенія сего стихотворца, въ которыхъ философія оживилась не увядающими цвѣтами выраженія; басни его, въ которыхъ онъ боролся съ Лафонтеномъ и часто побѣждалъ его; басни Хемницера и оригинальныя басни Крылова, которыхъ остроумные, счаст-

ливые стихи превратились въ пословицы; стихотворенія Карамзина, исполненныя чувства, образецъ ясности и стройности мыслей; гораціанскія оды Капниста; вдохновенныя страстію пѣсни Нелединскаго; прекрасныя подражанія древнимъ Мерзлякова; баллады Жуковскаго, сіяющія воображеніемъ, часто своенравнымъ, но всегда пламеннымъ, всегда сильнымъ; стихотворенія Востокова, въ которыхъ видно отличное дарованіе поэта, напитаннаго чтеніемъ древнихъ и германскихъ писателей; наконецъ, посланія князя Долгорукова, исполненныя живости; нѣкоторыя посланія Воейкова, Пушкина и другихъ новѣйшихъ стихотворцевъ, писанныя слогомъ чистымъ и всегда благороднымъ [1]), — всѣ сіи блестящія произведенія дарованія и остроумія менѣе или болѣе приближались къ желанному совершенству, и всѣ—нѣтъ сомнѣнія—принесли пользу языку стихотворному, образовали его, очистили, утвердили. Такъ свѣтлые ручьи, текущіе разными излучинами по одному постоянному наклоненію, соединяясь въ долинѣ, образуютъ глубокія и обширныя озера; благодѣтельныя воды сіи не изсякаютъ отъ времени; напротивъ того, онѣ возрастаютъ и увеличиваются съ вѣками и вѣчно существуютъ для блага земли, ими орошаемой!

Въ первомъ періодѣ словесности нашей, со временъ Ломоносова, у насъ много написано въ легкомъ родѣ, но малое число стиховъ спаслось отъ общаго забвенія. Главною тому причиною можно положить не одинъ недостатокъ таланта или измѣненіе языка, но измѣненіе самаго общества, бо́льшую его образованность и, можетъ быть, большее просвѣщеніе, требующія отъ язы-

[1]) Смотри примѣчаніе А.

ка и писателей бо̀льшаго знанія свѣта и сохраненія его приличій, ибо сей родъ словесности безпрестанно напоминаетъ объ обществѣ: онъ образованъ изъ его явленій, странностей, предразсудковъ и долженъ быть яснымъ и вѣрнымъ его зеркаломъ. Большая часть писателей, мною названныхъ, провели жизнь свою посреди общества Екатеринина вѣка, столь благопріятнаго наукамъ и словесности; тамъ заимствовали они эту людкость и вѣжливость, это благородство, которыхъ отпечатокъ мы видимъ въ ихъ твореніяхъ; въ лучшемъ обществѣ научились они угадывать тайную игру страстей, наблюдать нравы, сохранять всѣ условія и отношенія свѣтскія и говорить ясно, легко и пріятно. Этого мало: всѣ сіи писатели обогатились мыслями въ прилежномъ чтеніи иностранныхъ авторовъ, иные—древнихъ, другіе—новѣйшихъ, и запаслись обильною жатвою словъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ. Всѣ сіи писатели имѣютъ истинный талантъ, испытанный временемъ, истинную любовь къ лучшему, благороднѣйшему изъ искусствъ, къ поэзіи, и уважаютъ—смѣю утвердительно сказать—боготворятъ свое искусство, какъ лучшее достояніе человѣка образованнаго, истинный даръ Неба, который доставляетъ намъ чистѣйшія наслажденія посреди заботъ и терній жизни, который даетъ намъ то, что мы называемъ безсмертіемъ на землѣ, мечту, прелестную для душъ возвышенныхъ!

Всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго. Въ словесности всѣ роды приносятъ пользу языку и образованности. Одно невѣжественное упрямство любитъ и старается ограничить наслажденія ума. Истинная, просвѣщенная любовь къ искусствамъ снисходительна и такъ-сказать жадна къ новымъ духовнымъ наслажденіямъ. Она ничѣмъ не ограничивается, ничего не желаетъ исключить

и никакой отрасли словесности не презираетъ. Шекспиръ и Расинъ, драма и комедія, древній экзаметръ и ямбъ, давно присвоенный нами, пиндарическая ода и новая баллада, эпопея Омера, Аріоста и Клопштока, столь различные по изобрѣтенію и формамъ, ей равно извѣстны, равно драгоцѣнны. Она съ любопытствомъ замѣчаетъ успѣхи языка во всѣхъ родахъ, ничего не чуждается, кромѣ того, что можетъ вредить нравамъ, успѣхамъ просвѣщенія и здравому вкусу (я беру сіе слово въ обширномъ значеніи). Она съ удовольствіемъ замѣчаетъ дарованіе въ толпѣ писателей и готова ему подать полезные совѣты; она, какъ говоритъ поэтъ, готова обнять

Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго поэта!

Ни расколы, ни зависть, ни пристрастіе, никакіе предразсудки ей неизвѣстны. Польза языка, слава отечества—вотъ благородная ея цѣль! Вы, мм. гг., являете прекрасный примѣръ, созывая дарованія со всѣхъ сторонъ безъ лицепріятія, безъ пристрастія. Вы говорите каждому изъ нихъ: Несите, несите свои сокровища въ обитель музъ, отверзтую каждому таланту, каждому успѣху; совершите прекрасное, великое, святое дѣло, обогатите, образуйте языкъ славнѣйшаго народа, населяющаго почти половину міра; уравняйте славу языка его со славою военною, успѣхи ума съ успѣхами оружія! Важныя музы подаютъ здѣсь дружественно руку младшимъ сестрамъ своимъ, и алтарь вкуса обогащается ихъ взаимными дарами.

И когда удобнѣе совершить желаемый подвигъ, въ какомъ мѣстѣ приличнѣе? Въ Москвѣ, столь краснорѣчивой и въ развалинахъ своихъ, близь полей, ознаме-

нованныхъ неслыханными доселѣ побѣдами, въ древнемъ отечествѣ славы и новаго величія народнаго!

Такъ! Съ давняго времени все благопріятствовало дарованію въ университетѣ Московскомъ, въ старшемъ святилищѣ музъ отечественныхъ. Здѣсь пламенный ихъ любитель съ радостію созерцаетъ слѣды просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ покровителей. Имя Шувалова, перваго мецената русскаго, сливается здѣсь съ громкимъ именемъ Ломоносова. Между знаменитыми покровителями наукъ мы обрѣтаемъ Хераскова: творецъ Россіяды посѣщалъ сіи мирныя убѣжища; онъ покровительствовалъ сему разсаднику наукъ, онъ первый ободрялъ возникающій талантъ и славу писателя соединилъ съ другою славою, не менѣе лестною для души благородной, не менѣе прочною, со славою покровителя наукъ. Муравьевъ, какъ человѣкъ государственный, какъ попечитель, принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ университета, которому въ молодости былъ обязанъ своимъ образованіемъ [1]). Подъ руководствомъ славнѣйшихъ профессоровъ московскихъ, въ нѣдрахъ своего отечества, онъ пріобрѣлъ сіи обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ ума человѣческаго, которымъ нерѣдко удивлялись ученые иностранцы; за благодѣянія наставниковъ онъ платилъ благодѣяніями сему святилищу наукъ; имя его будетъ любезно сердцамъ добрымъ и чувствительнымъ, имя его напоминаетъ всѣ заслуги, всѣ добродѣтели. Ученость обширную, утвержденную на прочномъ основаніи, на знаніи языковъ древнихъ, рѣдкое искусство писать онъ умѣлъ соединить съ искреннею кротостію, съ снисходительностію, великому уму и добрѣйшему сердцу свойственною. Казалось, въ его видѣ посѣтилъ землю одинъ изъ сихъ геніевъ, изъ сихъ

[1]) Смотри примѣчаніе В.

свѣтильниковъ философіи, которые нѣкогда раждались подъ счастливымъ небомъ Аттики, для разлитія практической и умозрительной мудрости, для утѣшенія и назиданія человѣчества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ. Вы наслаждались его бесѣдою; вы читали въ глазахъ его живое участіе, которое онъ принималъ въ успѣхахъ и славѣ вашей; вы знаете всѣ заслуги сего рѣдкаго человѣка и... простите мнѣ нѣсколько словъ, въ его воспоминаніе чистѣйшею благодарностію исторгнутыхъ: я ему обязанъ моимъ образованіемъ и счастіемъ засѣдать съ вами, которое умѣю цѣнить, которымъ умѣю гордиться!

И этотъ человѣкъ столь рано похищенъ смертію съ поприща наукъ и добродѣтели! И онъ не былъ свидѣтелемъ великихъ подвиговъ боготворимаго имъ монарха и славы народной! Онъ не будетъ свидѣтелемъ новыхъ успѣховъ словесности въ счастливѣйшія времена для наукъ и просвѣщенія, ибо никогда, ни въ какое время обстоятельства не были имъ столько благопріятны. Храмъ Януса закрытъ рукою побѣды, неразлучной сопутницы монарха. Великая душа его услаждается успѣхами ума въ странѣ, ввѣренной ему Святымъ Провидѣніемъ, и каждый трудъ, каждый полезный подвигъ щедро имъ награждается. Въ недавнемъ времени въ лицѣ славнаго писателя онъ ободрилъ всѣ отечественные таланты, и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ благородныя сердца, всѣ патріоты съ признательностію благословляютъ руку, которая столь щедро награждаетъ полезные труды, постоянство и чистую славу писателя, извѣстнаго и въ странахъ отдаленныхъ, и которымъ должно гордиться отечество. Правительство благодѣтельное и прозорливое, пользуясь счастливѣйшими обстоятельствами—тишиною внѣшнею и внутреннею государ-

ства, отверзаетъ снова всѣ пути къ просвѣщенію. Подъ его руководствомъ процвѣтутъ науки, художества и словесность, коснѣющія посреди шума военнаго; процвѣтутъ всѣ отрасли, всѣ способности ума человѣческаго, которыя только въ неразрывномъ и тѣсномъ союзѣ ведутъ народы къ истинному благоденствію и славу его дѣлаютъ прочною и незыблемою. Самая поэзія, которая питается ученіемъ, возрастаетъ и мужаетъ наравнѣ съ образованіемъ общества, поэзія принесетъ зрѣлые плоды и доставитъ новыя наслажденія душамъ возвышеннымъ, рожденнымъ любить и чувствовать изящное. Общество приметъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ ума, и тогда имя писателя, ученаго и отличнаго стихотворца не будетъ дико для слуха; оно будетъ возбуждать въ умахъ всѣ понятія о славѣ отечества, о достоинствѣ полезнаго гражданина. Въ ожиданіи сего счастливаго времени мы совершимъ все, что въ силахъ совершить. Дѣятельное покровительство блюстителей просвѣщенія, которымъ сіе общество обязано существованіемъ; рвѣніе, съ которымъ мы приступаемъ къ важнѣйшимъ трудамъ въ словесности; безпристрастіе, которое мы желаемъ сохранить посреди разногласныхъ мнѣній, еще не просвѣщенныхъ здравою критикою, все обѣщаетъ намъ вѣрные успѣхи, и мы достигнемъ, по крайней мѣрѣ приближимся къ желаемой цѣли, одушевленные именами пользы и славы, руководимые безпристрастіемъ и критикою.

Примѣчанія.

а) Похвала или порицаніе частнаго человѣка не есть приговоръ общественнаго вкуса. Исчисляя стихотворцевъ, отличившихся въ легкомъ родѣ поэзіи, я старался сообразоваться со вкусомъ общественнымъ. Мо-

жетъ быть, я во многомъ и ошибся, но мнѣніе мое сказалъ чистосердечно, и читатель скорѣе обличитъ меня въ невѣжествѣ, нежели въ пристрастіи. Надобно имѣть нѣкоторую смѣлость, чтобы порицать дурное въ словесности; но едва ли не потребно еще болѣе храбрости тому, кто вздумаетъ хвалить то, что истинно достойно похвалы.

b) Добро никогда не теряется, особливо добро, сдѣланное музамъ: онѣ чувствительны и благодарны. Онѣ записали въ скрижаляхъ славы имена Шувалова, графа Строгонова и графа Н. П. Румянцева, который и понынѣ удостоиваетъ ихъ своего покровительства. Какое доброе сердце не замѣтитъ съ чистѣйшею радостію, что онѣ осыпали цвѣтами гробницу Муравьева? Ученый Рихтеръ, почтенный сочинитель Исторіи медицины въ Россіи, въ прекрасной рѣчи своей, говоренной имъ въ Московской медико-хирургической академіи, и г. Мерзляковъ, извѣстный профессоръ Московскаго университета, въ предисловіи къ Виргиліевымъ Эклогамъ, упоминали о немъ съ чувствомъ, съ жаромъ. Нѣкоторые стихотворцы, изъ числа ихъ г. Воейковъ въ посланіи къ Эмилію и г. Буринскій, слишкомъ рано похищенный смертію съ поприща словесности, говорили о немъ въ стихахъ своихъ. Послѣдній, оплакавъ кончину храбраго генерала Глѣбова, продолжаетъ:

О Провидѣніе, роптать я не дерзаю,
Но—слабый—не могу не плакать предъ тобой!...
Тамъ въ славѣ, въ счастіи злодѣя созерцаю—
Здѣсь вянетъ, какъ трава, мужъ кроткій и благой!
Слезъ горестныхъ потокъ еще не осушился,
Еще мы... Злобный рокъ на вѣки насъ лишилъ
Того, кто счастіемъ Парнасса веселился.
. . . . . .

Гдѣ ты, о Муравьевъ, прямое украшенье,
Парнасса русскаго любитель, нѣжный другъ?
Увы, зачѣмъ среди стези благотворенья,
Какъ въ добродѣтеляхъ мужалъ твой кроткій духъ,
Ты рано похищенъ отъ нашихъ ожиданій?
Гдѣ страсть твоя къ добру, сей душъ избранныхъ даръ?
Гдѣ рано собранно сокровище познаній?
Гдѣ, гдѣ усердія въ груди горѣвшій жаръ
Служить отечеству, сіяя средь немногихъ,
Прямыхъ его сыновъ, творившихъ честь ему?
Любезность разума и прелесть нравовъ кроткихъ,
Исчезло все!.. Увы, честь праху твоему!

XXII.

Гризельда.

Повѣсть изъ Боккачьо.

Въ давнія времена, старшимъ въ родѣ маркизовъ Салуцкихъ оставался по смерти родственниковъ своихъ молодой Гвальтіери. Цѣлые дни онъ проводилъ на псовой и соколиной охотѣ, былъ не женатъ, бездѣтенъ и вовсе не помышлялъ о супружествѣ. Впрочемъ, онъ былъ довольно благоразуменъ и особенно слылъ таковымъ у женщинъ. Но это благоразуміе не нравилось его подданнымъ: они часто упрашивали его вступить въ союзъ брачный. «Вамъ нуженъ наслѣдникъ, а намъ господинъ», говорили добрые люди. Многіе изъ нихъ вызывались сыскать невѣсту отъ честнаго отца и матери, невѣсту, которая подавала бы о себѣ лестную надежду и со временемъ сдѣлала его счастливѣйшимъ супругомъ. «Друзья мои», отвѣчалъ имъ Гвальтіери,—«вы принуждаете меня приступить къ тому, что мнѣ никогда не нравилось, на что я никогда не хотѣлъ рѣшиться. Я знаю, какъ трудно сыскать женщину намъ по сердцу и нравами и душою; знаю, что худой выборъ дѣлаетъ несчастіе цѣлой жизни. Вы говорите, что можно положиться на доброту родителей и по нраву ихъ судить о нравѣ дочери; вы заблуждаетесь, друзья мои! Какъ узнать совер-

шенно отца? Какъ узнать тайные поступки матери? И если бы отецъ и мать были люди совершенно честные, то кто— скажите мнѣ—поручится, что дѣти ихъ будутъ на нихъ похожи? Если же хотите, чтобы я непремѣнно носилъ узы брачныя и былъ доволенъ моимъ состояніемъ (по крайней мѣрѣ на себя одного жаловался, въ случаѣ неудачи), то предоставьте мнѣ самому сдѣлать выборъ. Если супруга моя не будетъ достойна вашей любви и уваженія, я почту себя совершенно счастливымъ, что уступилъ просьбамъ вашимъ». Подданные отвѣчали, что на все согласны— только бы онъ не замедлилъ вступить въ желанное ими супружество.

Съ давняго времени маркизу нравилась дѣвушка, очень бѣдная. Она жила въ сосѣдствѣ его замка, въ совершенномъ уединеніи; была довольно миловидна, и странному маркизу показалось, что онъ найдетъ съ нею счастіе. Отложа всѣ поиски и разспросы, онъ рѣшился безъ дальнихъ размышленій предложить ей свою руку. Призвалъ отца ея—бѣднѣйшаго изъ бѣдняковъ—и съ нимъ ударилъ по рукамъ. Все дѣло приведено къ концу, и Гвальтіери, созвавъ пріятелей своихъ и подданныхъ, сказалъ имъ: «Друзья, вы желали, чтобы я женился; исполняю желаніе ваше болѣе въ угожденіе вамъ, нежели себѣ. Вы обѣщали почитать супругу мою, каковъ бы ни былъ мой выборъ: я сдержалъ мое слово — сдержите ваше. Объявляю вамъ, что здѣсь, въ сосѣдствѣ, нашелъ я себѣ невѣсту, обручусь съ нею немедленно и введу ее въ мой замокъ. Вы съ своей стороны приготовьте богатый пиръ свадебный; придумайте, какъ лучше и достойнѣе принять супругу вашего владѣльца; однимъ словомъ, устройте все такъ, чтобы я былъ доволенъ вами, какъ вы—моимъ выборомъ». Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что выборъ его будетъ имъ по сердцу, что они будутъ

любить и уважать его супругу, какого бы она ни была происхожденія.

И весь домъ засуетился: начали приготовлять великолѣпный пиръ свадебный. Гвальтіери пригласилъ множество пріятелей, сосѣдей и родственниковъ: у богатыхъ за друзьями дѣло не станетъ. Наконецъ, призываетъ къ себѣ горничную дѣвушку, роста одинакаго съ будущею невѣстою, и велитъ кроить по ней платье пышное и уборы великолѣпные. Кромѣ того, приготовлено всякой всячины: множество поясовъ богатыхъ, колецъ изумрудныхъ, серегъ яхонтовыхъ и вѣнецъ брачный, однимъ словомъ—все, что нужно для молодой. Насталъ условный день, и маркизъ, приведя всѣ дѣла въ порядокъ, сѣлъ на коня и сказалъ приближеннымъ: «Государи мои, пора намъ отправиться за невѣстою». И всѣ поскакали веселою вереницею въ то селеніе, гдѣ жилъ отецъ нареченной. Она стояла у колодца и спѣшила вытаскивать ведра, надѣясь съ подругами идти на встрѣчу маркизовой свадьбѣ, которая приближалась ближе и ближе къ селу. Гвальтіери называетъ ее по имени Гризельдою, потомъ спрашиваетъ: «Гдѣ отецъ твой?» «Дома», отвѣчала она и закраснѣлась, какъ алый макъ. Гвальтіери слѣзаетъ съ коня, приказываетъ толпѣ ожидать себя на улицѣ, а самъ идетъ прямо въ низкую хижину бѣднаго Жіанукола. «Я пріѣхалъ за Гризельдою, но прежде всего хочу поговорить съ нею въ твоемъ присутствіи. Нравлюсь ли я? Если такъ, то будетъ ли она во всю жизнь угождать мужу своему, никогда не огорчаться поступками его и повиноваться малѣйшей волѣ его?» Гризельда, потупя глаза, отвѣчала: «Буду, безъ сомнѣнія!» Гвальтіери, довольный отвѣтомъ, беретъ ее за руку и при всей толпѣ провожатыхъ и челяди своей раздѣваетъ и наряжаетъ въ великолѣп-

ныя брачныя одежды, а на волосы, которые одна природа до сихъ поръ убирала, торжественно надѣваетъ вѣнецъ брачный. Всѣ удивились. «Друзья», отвѣчалъ онъ,—«вотъ та дѣвица, которую желаю имѣть супругою, та, которая согласна жить и умереть со мною». Потомъ, оборотясь къ Гризельдѣ (а она отъ стыда и радости свѣта Божія не видѣла): «Правду ли я говорю, Гризельда? Желаешь ли ты быть моей женою»? «Желаю, государь». Дѣло сдѣлано, и обрядъ къ концу. По выходѣ изъ церкви посадили ее на богатаго коня и съ великою честію проводили въ замокъ. Пиръ былъ истинно великолѣпный, какъ будто маркизъ сочетался съ дочерью короля Французскаго; а новобрачная, къ удивленію всѣхъ, съ нарядомъ перемѣнила нравъ, поступь и душу.

Мы сказали уже, что она была статнаго росту, пригожа и миловидна, а наряды еще болѣе придали блеску красотѣ ея. Она такъ умѣла плѣнить каждаго обхожденіемъ, учтивостію, сердечною добротою, что всѣ забыли въ ней дочь убогаго Жіанукола, пастушку овечекъ, и считали за дочь какого-нибудь знатнаго принца. Всѣ, ее знавшіе въ первобытномъ состояніи, не могли надивиться. Кротость ангельская, послушаніе чудесное дѣлали мужа ея счастливѣйшимъ изъ всѣхъ мужей. Однимъ словомъ—съ подчиненными и подданными она обходилась такъ ласково, тихо, милостиво и привѣтливо, что каждый полюбилъ ее, какъ душу. Всѣ говорили за одно, даже и тѣ, которые сей выборъ сперва охуждали, что Гвальтіери поступилъ очень благоразумно, что онъ самый проницательный человѣкъ, ибо могъ открыть подъ сельскимъ бѣднымъ рубищемъ столько доброты, столько прелестныхъ качествъ! И не только въ маркизствѣ Салуцкомъ, но повсюду Гризельда умомъ

и поведеніемъ оправдала странный поступокъ мужа своего. Въ теченіе перваго года она обрадовала его рожденіемъ прелестной дочери. Въ замкѣ по этому случаю былъ праздникъ великолѣпный.

Но маркизу вздумалось испытать ангельскій нравъ и терпѣніе супруги труднѣйшими, жесточайшими опытами. Сперва началъ онъ оскорблять ее рѣчами, потомъ, принявъ на себя видъ печальный и смущенный, сказалъ ей однажды, будто подданные его начинаютъ роптать за то, что онъ избралъ въ супруги бѣдную дѣвушку, низкаго состоянія, а болѣе еще потому, что она родила дочь, а не сына. Не измѣнясь ни мало ни въ лицѣ, ни въ голосѣ: «Дѣлай что хочешь, государь», отвѣчала оскорбленная,—«дѣлай то, чего требуетъ честь, польза и слава имени твоего. Я всѣмъ буду довольна, ибо не забываю, что была послѣднею изъ слугъ твоихъ, не забываю того, что ты для меня сдѣлалъ, для меня, бѣдной дѣвушки!» Такой отвѣтъ очень понравился маркизу. Но нѣсколько дней спустя, онъ объявилъ ей снова, что подданные его не могутъ болѣе терпѣть его дочери... и удалился. Вскорѣ является одинъ изъ вѣрнѣйшихъ слугъ его и съ слезами на глазахъ начинаетъ говорить: «Простите, государыня, но я подъ смертнымъ страхомъ долженъ исполнить то, что мнѣ приказалъ супругъ вашъ... Онъ велѣлъ мнѣ взять младенца вашего, и...»

И не могъ сказать болѣе. Несчастная мать, услыша сіи несвязныя рѣчи, соображая ихъ съ тѣмъ, что говорилъ маркизъ, въ мигъ на мрачномъ лицѣ служителя прочитала участь невиннаго младенца, бросилась къ колыбели, поцѣловала дочь свою, благословила съ сердцемъ, исполненнымъ жесточайшей горести, и не измѣняясь ни мало въ лицѣ, вручила ее служителю. «Испол-

няй то, что предписалъ тебѣ господинъ нашъ; но умоляю тебя, не отдавай ее на жертву дикимъ звѣрямъ... если тебѣ это не предписано!» Служитель взялъ младенца на руки и скрылся. Гвальтіери, свѣдавъ отъ него, какимъ образомъ Гризельда исполнила строгое приказаніе, удивился ея твердости, но намѣренія своего не отложилъ. Съ вѣрнымъ служителемъ онъ немедленно отправилъ дочь свою въ Болонію къ ближайшей родственницѣ своей, которую умолялъ дать ей воспитаніе отличное, но никому ни подъ какимъ видомъ не объявлять о ея рожденіи.

Въ скоромъ времени Гризельда снова сдѣлалась матерью и даровала жизнь прекрасному мальчику. Отецъ, принимая на руки новорожденнаго, былъ внѣ себя отъ радости; но не довольствуясь первымъ опытомъ, снова жесточайшимъ терзаніемъ рѣшился испытать сердце несчастной супруги своей. «Подданные мои», сказалъ онъ однажды,—«еще болѣе оскорблены съ тѣхъ поръ, какъ ты утѣшила меня сыномъ; они съ ужасомъ помышляютъ о томъ, что внукъ бѣднаго пастуха, отца твоего, будетъ ихъ господиномъ. Если я не удалю тебя и не возьму другой жены, то они выгонятъ меня изъ областей моихъ». Съ терпѣніемъ и покорностію Гризельда выслушала слова супруга своего. «Устройте все ко благу вашему, обо мнѣ же не заботьтесь ни мало, государь! Въ вашемъ счастіи заключается мое благополучіе». Черезъ нѣсколько дней Гвальтіери послалъ за новорожденнымъ и велѣлъ сказать матери, что ему готовится одинакая участь съ прежнимъ младенцемъ, а самъ тайно отправилъ его въ Болонію къ прежней родственницѣ. Великодушная Гризельда перенесла эту потерю съ прежнею твердостію, безъ слезъ и роптанія, и въ глубинѣ сердца своего утаила несказанную горесть

матери. Гвальтіери удивился. «Нѣтъ», повторялъ онъ самъ себѣ,—«ни одна женщина не можетъ сравниться съ нею!»

Подданные думали, что маркизъ велѣлъ умертвить дѣтей своихъ; всѣ охуждали его поступокъ, называли его жестокимъ отцомъ и безъ жалости не могли смотрѣть на бѣдную мать. Женщины, ее окружавшія, часто плакали и сокрушались при ней объ участи невинныхъ малютокъ, и она всегда говорила имъ: «Не плачьте, милыя подруги; вспомните, что такъ угодно было отцу ихъ».

Прошло нѣсколько годовъ со времени рожденія дочери. Маркизъ задумалъ сдѣлать послѣдній опытъ и объявилъ своимъ приближеннымъ, что не хочетъ имѣть супругою Гризельду, что онъ по молодости лѣтъ обручился съ нею; наконецъ, признался, что поступилъ очень безразсудно, а чтобы загладить проступокъ свой, рѣшается просить пану о разводѣ и позволеніи обручиться съ другою. Всѣ осуждали намѣреніе маркиза, но онъ былъ непоколебимъ.

Гризельда вскорѣ объ этомъ услышала. Возвратиться въ бѣдный домъ отца своего, снова сдѣлаться пастушкою овецъ, видѣть супруга своего, до сихъ поръ страстно обожаемаго, въ объятіяхъ другой жены, все это терзало, раздирало ея душу. Но она рѣшилась перенести послѣдніе удары судьбы съ прежнею твердостію, съ прежнимъ великодушіемъ. Вскорѣ прибыло изъ Рима разрѣшеніе папы (оно было подложное), и маркизъ его обнародовалъ. Призываютъ Гризельду, и въ присутствіи многочисленной толпы жестокосердый Гвальтіери говоритъ ей: «Вотъ разрѣшеніе папы на другой бракъ. Я долженъ отвергнуть тебя. Ты знаешь, что многіе изъ подданныхъ моихъ дворянъ—знатные и сильные вла-

дѣльцы; они сами имѣютъ своихъ подданныхъ, а твои родители всегда были землепашцами... Тебѣ нельзя быть супругою маркиза Салуцкаго! Возвращаю тебѣ приданое твое и тебя отцу твоему: я избралъ себѣ другую въ супруги».

Гризельда превозмогла всю горесть оскорбленной женщины и, силясь удержать слезы и рыданія, сказала голосомъ довольно твердымъ: «Я помню мое низкое происхожденіе, неприличное вашему знатному роду; помню, что по милости Бога и вашей, государь, я была возведена на столь высокую степень, и что все мое счастіе было временное! Мое дѣло—повиноваться слѣпо волѣ господина моего. Вотъ обручальное кольцо: возьмите его, но позвольте мнѣ возвратиться къ отцу моему въ той одеждѣ, въ которой прибыла я въ замокъ. Вамъ нечего возвращать мнѣ: ни золота, ни серебра, никакихъ сокровищъ я не принесла въ приданое; вы взяли меня нагую, и если мать дѣтей вашихъ должна нагая возвратиться къ престарѣлому отцу своему, то она исполнитъ волю вашу. Но именемъ любви и непорочности заклинаю васъ, государь, дайте, ахъ, дайте мнѣ хотя одно покрывало... послѣднюю защиту стыдливости».

Гвальтіери, почти тронутый до слезъ, старался сохранить суровый и строгій видъ. «Согласенъ на покрывало», сказалъ онъ,—«но... болѣе ничего!» Всѣ приближенные умоляли его дать ей по крайней мѣрѣ одно платье. «Какъ?» говорили они,—«супруга маркиза Салуцкаго, наша старая госпожа, явится полуобнаженною посреди улицы, какъ нищая, какъ преступница, какъ самая послѣдняя изъ женщинъ!» Напрасныя просьбы! Полуобнаженная, безъ обуви, безъ покрова на головѣ, съ распущенными волосами, заливаясь горькими слезами, она вышла изъ замка и, сопровождаемая рыданіями слугъ и женщинъ,

съ зардѣвшимися отъ слезъ глазами, явилась къ несчастному отцу. Жіануколо никогда не хотѣлъ вѣрить, что дочь его останется маркизою: онъ съ трепетомъ ожидалъ судьбы, ее постигшей, и свято сохранилъ рубища, оставленныя ею въ бѣдномъ быту его. Съ слезами возвращаетъ ихъ дочери. Она, великодушная до конца, презирая судьбу несправедливую и жестокую, спокойно принимается за прежніе труды сельскіе въ дому отеческомъ.

Между тѣмъ маркизъ немедленно объявляетъ, что сватаетъ за себя дочь славнаго графа Панагскаго, приготовляетъ великое торжество и посылаетъ за Гризельдою. «Скоро будетъ въ замокъ моя невѣста», говоритъ ей Гвальтіери,—«я желаю принять ее съ великими почестями. Ты знаешь, что въ замкѣ ни одна женщина, кромѣ тебя, не умѣетъ убирать покоевъ и учреждать порядка, для великаго торжества приличнаго. На тебя возлагаю эту обязанность. Учреждай, повелѣвай всѣмъ: пригласи заблаговременно женщинъ, какихъ тебѣ угодно; угощай, принимай ихъ какъ хозяйка, и потомъ можешь возратиться въ свою хижину». Каждое слово, какъ острая игла, кололо чувствительное сердце Гризельды, ибо она не переставала обожать неблагодарнаго супруга. «Я на все готова», отвѣчала страдалица. И въ сельскомъ рубищѣ прежняя повелительница замка начала убирать покои, разставлять по заламъ кресла, разстилать ковры узорчатые, приготовлять столъ и все, что было потребно, какъ будто бы она была простая служанка или ключница. Однимъ словомъ—она рукъ не опускала, пока все не было кончено и распоряжено отъ важной вещи до послѣдней бездѣлки. Гости приглашены; все готово въ ожиданіи веселаго пира. И вотъ настаетъ день свадебный. Гризельда въ рубищѣ, но съ лицемъ веселымъ и привѣтливымъ, угощаетъ наѣхавшихъ женъ и дѣвицъ

боярскихъ, какъ добрая, домовитая хозяйка. Гвальтіери тайно посылаетъ въ Болонію къ супругу родственницы своей, графини Панагской, у котораго въ домѣ воспитывались его дѣти; приглашаетъ его въ замокъ свой съ тѣмъ, чтобы онъ и графиня привезли съ собою дѣтей его и множество гостей почетныхъ, но никому не объявляли о его намѣреніи. Дочери маркизовой минуло двѣнадцать лѣтъ: она была красоты чудесной, а шестилѣтній братъ ея походилъ на нее совершенно.

Графъ Панагскій, окруженный безчисленною толпою гостей почетныхъ, съ сими прелестными дѣтьми пустился въ путь и черезъ нѣсколько дней прибылъ благополучно въ Салуццо, гдѣ собрались всѣ жители деревень, селъ и городовъ сосѣднихъ; всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ нареченной невѣсты.

Пріемная зала открылась, и невѣсту встрѣтили съ чрезвычайными почестями и церемоніями. Гризельда вышла на встрѣчу и, поклонясь ей низко, примолвила: «Добро пожаловать, государыня!» Всѣ барыни и дѣвицы, идя къ столу, упрашивали маркиза удалить прежнюю жену или, по крайней мѣрѣ, дать ей приличное платье: маркизъ не согласился.

Въ столовой взоры всѣхъ обратились на невѣсту: всѣ превозносили ее до небесъ, а иные шептали другъ другу: «Маркизъ нашъ сдѣлалъ выгодный обмѣнъ!» Сама Гризельда стояла какъ очарованная и невольно дивилась красотѣ дѣвушки и малолѣтняго брата.

Наконецъ, желанія маркизовы были удовлетворены въ полной мѣрѣ. Онъ испыталъ всю силу терпѣнія Гризельды; онъ увѣрился, что ничто, никакое испытаніе не можетъ поколебать сей твердой души, что впередъ можетъ положить на нее всю надежду свою. Онъ рѣшился облегчить свинцовое бремя печали, которую она сили-

лась таить въ глубинѣ сердца своего. Но проницательный супругъ легко угадывалъ ея грусть на лицѣ, въ самомъ голосѣ. При всемъ собраніи гостей велитъ онъ ей приблизиться и съ колкою улыбкою повторяетъ: «Понравилась ли тебѣ моя невѣста?» «Ахъ, какъ не понравиться!» отвѣчала Гризельда,—«и если она столько же благоразумна, сколько пригожа, то вы будете счастливѣйшимъ супругомъ! Но умоляю васъ, государь, не терзайте ее какъ прежнюю жену: она не перенесетъ такихъ мученій. Прежняя супруга ваша отъ самой юности была знакома съ горемъ и трудами, а эта, вы сами видите, какъ еще молода и какъ нѣжно воспитана».

Гвальтіери съ радостію замѣтилъ, что Гризельда находилась въ обманѣ и ни мало не измѣнялась въ добротѣ сердечной, подвинулъ стулъ и посадилъ ее возлѣ себя. Она затрепетала.

«Гризельда», сказалъ маркизъ по нѣкоторомъ молчаніи,—«пора тебѣ собрать плоды терпѣнія твоего; пора открыть глаза тѣмъ, которые полагали, что я жестокъ и неправосуденъ. Я достигъ моей цѣли; я научилъ тебя нести тяжелый крестъ супружества и быть во всемъ примѣрною женою; подданныхъ научилъ уважать твои рѣдкія качества и впередъ не нарушать нашего покоя. Вотъ вся цѣль моихъ испытаній. Въ награду за любовь твою, которую ты мнѣ доказала и словомъ, и дѣломъ, безцѣнная Гризельда, въ награду за счастье мое, котораго ты была и будешь единственною виновницею, я отдаю все, что похитилъ у тебя, и всѣ раны сердца однимъ словомъ изцѣляю на вѣки. Вручаю ту, которую ты называла моею невѣстою, вручаю брата ея: они—твои, они—дѣти наши, а я—снова твой супругъ, счастливѣйшій изъ смертныхъ!»

Маркизъ, обнявъ ее съ восхищеніемъ, цѣловалъ съ

необыкновенною нѣжностью и растроганную, утопающую въ слезахъ повелъ къ удивленной дочери: всѣ были въ удивленіи не описанномъ. Женщины въ радости подхватили Гризельду подъ руки и повели въ особенную комнату, сняли рубище, надѣли великолѣпное платье и торжественно проводили въ залу.

Начался пиръ веселый. Всѣ были въ радости. Каждый выхвалялъ маркиза, называлъ его мудрымъ, проницательнымъ, а Гризельду до небесъ превозносили. Наконецъ и гости разъѣхались. Послали за бѣднымъ Жіануколомъ. Онъ былъ принятъ въ замкѣ съ почестями и уваженіемъ, какъ тесть богатаго владѣльца, и въ объятіяхъ дочери своей кончилъ счастливую старость. Маркизъ не переставалъ обожать свою Гризельду и былъ, конечно, счастливѣйшій супругъ и отецъ во всей Италіи.

Теперь вы согласитесь со мною, друзья мои, что въ хижинѣ мы чаще встрѣчаемъ небесныя дарованія, то-есть, добродѣтель, честность и терпѣніе, нежели въ палатахъ и теремахъ великолѣпныхъ. Часто въ лачугѣ таится тотъ, кто бы достоинъ былъ сіять въ коронѣ и повелѣвать людьми, а въ палатахъ... Но оставимъ это! Спрашиваю только: кто сравняется въ терпѣніи съ Гризельдою, кто, подобно ей, перенесетъ съ лицемъ спокойнымъ, даже веселымъ жесточайшія, неслыханныя испытанія, какимъ подвергнулъ ее Гвальтіери?

XXIII.

Олиндъ и Софронія.

Отрывокъ изъ II-й пѣсни Освобожденнаго Іерусалима.

Между тѣмъ какъ тиранъ приготовляетъ воинство къ новой брани, Исменъ ему является, Исменъ, который извлекаетъ волшебными словами тѣла усопшихъ изъ заклеповъ мраморныхъ и даетъ имъ жизнь и чувство, Исменъ, который ужасаетъ Плутона во глубинѣ преисподней, располагаетъ по волѣ его демонами, разрѣшаетъ ихъ и связуетъ. Нѣкогда служитель Христа, нынѣ поклоняется онъ Магоммеду, но древнихъ обрядовъ и истинъ святой вѣры не могъ отринуть совершенно, и часто безбожный волхвователь обѣ вѣры сливаетъ во едино. Вызванный народною опасностію изъ пустынь, гдѣ, скрываясь отъ взоровъ любопытства, онъ совершалъ страшныя чары, спѣшитъ нынѣ къ своему владыкѣ: злобнаго царя совѣтникъ злобный!

«Государь», вѣщаетъ онъ,—«быстро приближается побѣдоносное воинство; исполнимъ долгъ нашъ: и небо, и міръ пріидутъ намъ въ помощь. Ты вручилъ царямъ и вождямъ охраненіе града: все устроилъ, все предвидѣлъ, и если каждый подобно тебѣ исполнитъ долгъ свой, то горе врагамъ! Земля сія поглотитъ ихъ воин-

ство. Наступило время трудовъ и опасностей, и я прибѣгаю на помощь. Все, что могу въ преклонныхъ лѣтахъ принести въ дань тебѣ, приношу: и совѣтъ, и искусство дивное волхва, которое принудитъ ангеловъ, отринутыхъ небомъ, содѣйствовать намъ. Гдѣ и когда начну совершать чары—возвѣщу тебѣ. Теперь знай, что во храмѣ христіанъ таится подъ землею алтарь, и на ономъ ликъ той, которую ослѣпленный народъ именуетъ своею богинею, матерію Бога, Бога рожденнаго и погребеннаго! Предъ иконою, покровенною пеленой, пылаетъ неугасимо лампада, и кругомъ во множествѣ зрятся дары, приносимые суевѣрными поклонниками. Спѣши, о владыко, похитить сей образъ и собственною рукою постанови его въ мечети! Удвою, утрою волхвованія и клянусь тебѣ, что доколѣ сей образъ останется во храмѣ пророка нашего, дотолѣ, какъ охраненное незыблемыми стѣнами, пребудетъ нерушимо царство твое!»

Вѣщалъ и убѣдилъ. Въ нетерпѣніи царь спѣшитъ къ дому Божію и принуждаетъ священнослужителей открыть его. Рукою святотатственною похищаетъ священный ликъ и вноситъ его торжественно въ капище, въ капище лжепророка, гдѣ невѣрные раздражаютъ небеса преступнымъ и безсмысленнымъ поклоненіемъ; тамъ, въ сей обители нечестія, волхвъ нашептываетъ на святомъ образѣ неизреченныя клятвы и хуленія.

Но съ утренней зарею стража не узрѣла иконы на томъ мѣстѣ, гдѣ водрузилъ ее царь, и тщетны были ея поиски! Съ страхомъ извѣщаетъ раздраженнаго владыку, который всю вину похищенія на христіанъ возлагаетъ. Не извѣстно, рука ли правовѣрнаго похитила образъ, или то было дѣяніе неба, неба, которое съ отвращеніемъ зрѣло, что ликъ Владычицы его покоится во гнусной обители нечестія, и молва не знаетъ, кому

приписать событіе дивное—дѣлу рукъ человѣческихъ, или силѣ чудесной! О, сколь слабо усердіе человѣческое, когда и сей подвигъ отнести должно небу, а не поборникамъ Бога истиннаго!

Между тѣмъ прозорливый царь повелѣваетъ осматривать и церкви, и всѣ жилища; онъ грозитъ похитителю гнѣвомъ и местію: Исменъ чародѣйствами испытуетъ открыть истину. Напрасное стараніе! Небеса, къ стыду его науки, осѣняютъ истину непроницаемою завѣсою. Тайная ненависть царева воспрянула при новомъ проступкѣ правовѣрныхъ; онъ воскипѣлъ гнѣвомъ неукротимымъ, безмѣрнымъ. Забываетъ послѣднее уваженіе къ человѣчеству, желаетъ мести, желаетъ утолить жажду ея въ крови неповинныхъ. «Не напрасенъ будетъ гнѣвъ мой», взываетъ онъ,—«не напрасенъ! Погибнетъ съ толпою народа преступникъ неизвѣстный. Не спасетъ себя виновный; съ нимъ да погибнетъ правый и невинный! Правый? Что вѣщалъ я! Каждый виновенъ, каждый есть врагъ нашъ, каждый преступенъ, и если не теперь, то прежде былъ виновенъ предъ нами. Спѣшите, спѣшите вы, слуги мои вѣрные, уничтожьте, истребите ихъ огнемъ и мечемъ!»

Такъ вѣщалъ толпѣ клевретовъ своихъ разъяренный Аладинъ, и быстрая молва разнесла велѣнія его въ жилищахъ правовѣрныхъ. Устрашились они; недвижимо, въ трепетѣ ожидали грозящей гибели. Никто не дерзаетъ ни скрыться, ни оправдать себя, ниже просить. Но робкіе, нерѣшительные спасены неожиданно. Межь ними находилась дѣва возраста уже зрѣлаго, исполненная и мыслей, и чувствъ возвышенныхъ. Она сіяла красотою чудесною, но, безпечная къ прелестямъ своимъ, не гордилась даромъ небесъ благосклонныхъ. Въ стѣнахъ мирной обители таилась отъ взоровъ кипя-

щей юности, скрывалась отъ суетныхъ хваленій. Но позволитъ ли любовь утаить красоту небесную, утѣшеніе и сладость очей? Любовь—то слѣпецъ, то Аргусъ, то съ повязкою на глазахъ, то съ открытымъ и быстрымъ взоромъ, любовь, ты проникаешь сквозь стражу въ тайныя дѣвическія убѣжища и указуешь ее взорамъ пылкаго юноши! Ей имя—Софронія, ему—Олиндъ. Жители одного града, они поклоняются одному Богу. Онъ столько же скроменъ, сколь она прелестна. Онъ желаетъ пламенно, мало надѣется, ничего не требуетъ, не умѣетъ открыться въ любви своей или не смѣетъ: она его презираетъ, или не видитъ, или не примѣчаетъ. Такъ до сихъ поръ страдалъ несчастный, незнаемый Софроніей или отверженный.

Но повсюду гремитъ ужасная вѣсть: приготовляется казнь правовѣрному племени, и Софронія, великодушная дѣва, помышляетъ о его спасеніи. Смѣлая мысль рождается въ ея сердцѣ, но стыдъ и робость дѣвическая ее останавливаютъ: она борется съ собою. Наконецъ, добродѣтель побѣждаетъ робость, укрѣпляетъ ее, даетъ новую силу и смѣлость. И вотъ проходитъ красавица сквозь толпы народныя, не покрыла прелестей своихъ, не открыла ихъ взорамъ. Она потупила ясныя очи; она осѣнила чело тончайшимъ покровомъ, и поступь ея была свободна и величественна. Трудно рѣшить: искусство или милая небрежность—ея украшенія; казалось, что все въ ней, даже и сія прелестная небрежность, есть даръ щедрой природы, любви или небесъ благосклонныхъ. Зримая всѣми, никого не видитъ гордая красавица и прямо шествуетъ ко трону царскому. Безстрашно взираетъ на разгнѣваннаго тирана, твердымъ, но умильнымъ голосомъ вѣщаетъ: «Укроти, укроти гнѣвъ свой, обуздай разъяренный народъ

свой, о царь всемогущій! Я пришла открыть и представить предъ лицо правосудія преступника, тебя столь сильно оскорбившаго».

При видѣ непорочной и гордой дѣвицы, при внезапномъ сіяніи прелестей небесныхъ, царь, пораженный, смущенный, обуздалъ гнѣвъ свой, укротилъ разъяренное чело. Такъ, если бы онъ имѣлъ сердце и чувство и встрѣтилъ хотя одинъ благосклонный взоръ Софроніи, то воспылалъ бы любовію вѣчною... Но суровые взгляды ея не побѣдили суровой души варвара. Не любовь, не состраданіе, но удивленіе и тайная, сильная прелесть красоты склонили его вниманіе. «Повѣдай», воскликнулъ онъ,—«все повѣдай; я ручаюсь, что мечъ не коснется главы поклонниковъ Христа». «Ты желаешь, чтобы я вѣщала? И такъ, внимай... Преступница предъ тобою. Сія рука похитила образъ; я—та, которую ищешь повсюду, та, которую казнить должно».

Такъ для спасенія народнаго жертвовала собою Софронія; такъ желала обрушить на себя гнѣвъ царскій. О ложь великодушная! Какую истину во всей красотѣ и сіяніи можно уподобить тебѣ!

Удивился жестокій владыка. Гнѣвъ долго не могъ овладѣть его душою. Онъ снова вопросилъ: «Открой, кто подалъ совѣтъ тебѣ, кого имѣла сообщникомъ?»

«Нѣтъ, никому не желала удѣлить отъ славы моей. Сама себѣ была сообщницею, совѣтовалась съ собою и одна совершила отважное дѣло». «И такъ, на тебя одну обрушится гнѣвъ мой?» «И справедливо. Одна получила славу, одна заслуживаю и казнь». «Но гдѣ же таишь образъ?» воскликнулъ тиранъ, коего ярость болѣе и болѣе возрастала. «Не утаила его, но предала огню, и учинила дѣло не противное небесамъ. Нечестивый не занесетъ на него святотатственной руки своей!

И такъ, грозный владыко, не требуй похищеннаго: оно изчезло на вѣки; требуй похитителя: онъ предъ тобою!.. Но я не хищница, нѣтъ, я небесамъ возвратила то, что было несправедливо похищено».

Тиранъ дрожалъ отъ гнѣва, и ярость его была не обузданная. Ахъ, не надѣйся прощенія, красота чистѣйшая, душа возвышенная! Напрасно любовь сама вооружила тебя прелестію: и красота—не защита отъ гнѣва царскаго! Онъ повелѣваетъ предать ее на кострѣ мучительной смерти; уже совлекаютъ и кровы, и одежды чистѣйшіе; нѣжныя руки жестокимъ вервіемъ связуютъ. Она безмолвна. Дѣвственная грудь ея легкими вздохами едва-едва волнуема; измѣнилось прекрасное лицо: румянецъ его изчезъ, но то была не блѣдность, а бѣлизна прелестная [1]).

Между тѣмъ печальная вѣсть раздается въ городѣ: уже толпами народъ стекается, и съ ними Олиндъ. Ему извѣстно, что образъ похищенъ: но кто похитилъ его? «Если она?» думаетъ онъ. И что же?... Видитъ прелестную узницу, осужденную и клевретами тирана влекомую на страшную казнь. Быстро раздвигая шумную толпу народа: «Нѣтъ, нѣтъ, она не преступница!» восклицаетъ юноша, приближаясь къ царю,—«она безумно похваляется похищеніемъ иконы. Ни осмѣлиться помыслить, ни приступить къ дѣлу не могла дѣвица безопытная. Какимъ образомъ обманула стражу? Какъ похитила икону? Пусть объявитъ. Но что сказать ей? Я, я—хищникъ иконы! Такъ!» продолжалъ пламенный юноша.—«Туда, гдѣ высокая мечеть пріемлетъ свѣтъ солнечный, я достигъ, сокровенный ночною темнотою, сквозь узкое отверстіе, и я прошелъ путемъ непрохо-

[1]) Это напоминаетъ стихъ Петрарки:

Pallida no, ma piu che neve bianca.

димымъ. Мнѣ честь, мнѣ казнь! Да не похититъ она сладостныхъ мученій! Вы, клевреты, отдайте мнѣ цѣпи ея; онѣ—мои; для меня несите свѣточи, для меня костеръ уготовляйте!»

Софронія обратила къ нему прелестные взоры, исполненные состраданія: «Что дѣлаешь, несчастный и вмѣстѣ невинный! Какое изступленіе влечетъ тебя на гибель неминуемую? Или безъ тебя не могу выдержать гнѣва человѣческаго! И я имѣю мужество и для смерти не требую товарища».

Такъ вѣщала страстному любовнику; но слезы ея были напрасны: жестокій не перемѣнилъ мысли. О, великое божественное зрѣлище! Здѣсь ведутъ споръ между собою любовь и великодушная добродѣтель! Здѣсь награда побѣдителю—смерть, казнь побѣжденному—жизнь!

Такъ обвиняли себя великодушные соперники, и ярость тирана возрастала болѣе и болѣе. Ему казалось, что весь стыдъ обрушился на его голову, что, презирая мученія, они власть его презираютъ. «Обоимъ вѣрю», воскликнулъ онъ,—«обоимъ вручаю пальму побѣды, достойную обоихъ». Даетъ страшный знакъ клевретамъ своимъ; сіи спѣшатъ съ узами къ безтрепетному юношѣ. И онъ, и дѣва прикованы къ этому столпу одними узами, но не видятъ другъ друга; лица ихъ обращены въ разныя стороны. Заранѣе сооруженъ высокій костеръ, и мѣхи раздуваютъ въ немъ смертоносное пламя. Юноша не могъ долго таить горести въ стѣсненной груди своей и въ рыданіяхъ воскликнулъ: «Такими ли узами надѣялся соединить съ тобою жизнь мою? Такой ли огонь долженъ былъ воспламенять сердца наши? Ахъ, другое пламя, другія узы обѣщала любовь; судьба судила иначе. Она разлучила насъ въ

теченіи жизни и для смерти только, жестокая, соединяетъ. Но мнѣ, осужденному на смерть, сладостно быть твоимъ супругомъ на роковомъ кострѣ. Ахъ, Софронія, участь твоя сокрушаетъ сердце мое; моя достойна зависти: я умираю съ тобою. Какъ сладка была бы кончина моя, какъ сладостны были бы жестокія мученія мои, когда бы позволили соединить намъ грудь съ грудію и всю душу мою вдохнуть въ уста твои, и мнѣ, при послѣднемъ часѣ, исчерпать слабѣющее твое дыханіе!» Такъ говорилъ страдалецъ, заливаясь горькими слезами. Софронія отвѣчала ему, и сладостенъ былъ голосъ ея: «Другихъ помышленій, другихъ жалобъ требуетъ сей важный часъ, о другъ мой! Помысли о душѣ твоей, помысли о наградѣ, обѣщанной праведнику Богомъ земли и неба! Страдай во имя Его, надѣйся на радости и награды небесныя, и мученія твои будутъ легки и сладостны. Воззри на небо: какъ оно прекрасно! Воззри на солнце: какъ оно величественно! Небо и солнце призываютъ насъ въ обитель горнюю. Они утѣшаютъ насъ въ мученіяхъ».

При сихъ словахъ рыданія и громкій плачь раздавались въ толпѣ невѣрныхъ. Тихо плакали устрашенные христіане. Но что чувствуетъ жестокій Аладинъ! Неизвѣстное ему чувство, жалость проникла въ жестокое сердце его... Напрасно! Онъ заглушаетъ голосъ нѣжный состраданія, отвращаетъ взоры свои и удаляется быстрыми шагами. Все рыдаетъ, все въ отчаяніи! Ты одна спокойна, о Софронія, ты одна, оплаканная всѣми, слезъ не проливаешь!

Между тѣмъ приближается воинъ роста великаго, осанки благородной; оружіе и одежда чужеземныя являютъ воина героя странъ отдаленныхъ. Изваянный тигръ, ужасный, ослѣпляющій очи, покрываетъ шлемъ

его: извѣстное знаменіе Клоринды на полѣ брани; по немъ узнаютъ славную ратницу.

Отъ самаго младенчества Клоринда презирала нравы и обычаи нѣжнаго пола. Къ трудамъ Арахны, къ иглѣ и веретену не приложила гордой руки своей. Для стана воинскаго, обители строгой честности, покинула она одѣяніе и сокровенныя жилища слабыхъ женъ, вооружила строгостію чело свое. Но и въ суровости была прелестна. Въ младенчествѣ слабою десницею смиряла коня ретиваго, въ младенчествѣ привыкла дѣйствовать копьемъ и мечемъ, въ борьбѣ укрѣпила мышцы и въ бѣгѣ быстрыя ноги свои. Въ пустыняхъ отдаленныхъ, по скаламъ кремнистымъ устремлялась за грозными львами, за яростными медвѣдями. Являлась со славою на полѣ брани, и воинамъ, и звѣрямъ равно ужасная. Она покинула обширныя поля персидскія и желаетъ снова сразиться съ христіанами. Доселѣ поля и источники Азіи обагрялись кровію враговъ Магоммеда отъ руки мужественной Клоринды. Она вступаетъ во градъ осажденный, и что поражаетъ ея взоры? Страшныя пріуготовленія къ смертной казни. Нетерпѣливая героиня желаетъ увидѣть, узнать вину осужденныхъ, и быстрый конь несетъ прелестную всадницу сквозь шумныя толпы народныя.

Видитъ двухъ страдальцевъ на роковомъ кострѣ и останавливаетъ коня своего, видитъ смиренное безмолвіе дѣвы, слышитъ страданія юноши: твердость духа слабой жены удивляетъ ее. Но юноша плачетъ отъ состраданія: не о себѣ плачетъ онъ, о милой узницѣ. Сія безмолвствуетъ; очи ея устремлены на небо. Кажется, духъ ея отдѣлился отъ земли сей и въ обители горней витаетъ. Жалость проникла въ твердое сердце, слезы навернулись на прекрасныхъ очахъ ге-

роини. Она была тронута участью мужественной дѣвы, ея молчаніемъ болѣе, нежели плачемъ и слезами юноши, и немедленно вопросила старца, близь ней стоящаго: «Вѣщай, кто сіи страдальцы, и кто повергаетъ ихъ на костеръ мучительный? Слѣпая судьба, или ихъ преступленіе?»

Такъ вопрошала его, и отвѣтъ старца былъ кратокъ и справедливъ. Клоринда ужаснулась. Яснѣе солнца казалась ей невинность любовниковъ. Просьбою или оружіемъ рѣшилась спасти ихъ. Повелѣваетъ отъять гибельные свѣточи, пылающіе въ рукахъ стражи, и обращаетъ рѣчь свою къ клевретамъ царскимъ: «Да не дерзнетъ никто изъ васъ приступить къ ужасному дѣлу, доколь я не узрю царя вашего. Не страшитесь! Ваша медленность не раздражитъ его: я, я въ томъ порукою». Клевреты, пораженные величественною осанкою героини, въ безмолвіи повиновались. Она полетѣла къ царю на быстромъ конѣ и на половинѣ пути узрѣла его идущаго на встрѣчу. «Я Клоринда!» вѣщала она.—«Тебѣ, можетъ быть, извѣстно имя сіе, государь! Я притекла защищать съ тобою вѣру праотцовъ и царство твое. На все готова; повелѣвай: я совершу твои повелѣнія. Великихъ предпріятій не страшусь, малыми не гнушаюсь. На чистомъ полѣ или на стѣнахъ града велишь сражаться? Вотъ рука моя!»

«Есть ли такая страна», воскликнулъ Аладинъ,—«страна, столь отдаленная отъ Азіи или отъ пути солнечнаго, гдѣ бы не гремѣла твоя слава! О дѣва, честь правовѣрныхъ! Чего страшиться, когда мечь твой за меня? Онъ надежнѣе, вѣрнѣе цѣлаго воинства. Нынѣ медленность Годофреда мнѣ тягостною становится. Пускай приходитъ онъ: ты со мною! Тебя достойны однѣ великія опасности, великія предпріятія! Тебѣ вру-

чаю воиновъ моихъ, да повинуются и побѣждаютъ». Такъ вѣщалъ онъ, и Клоринда благодарила владыку Солима: «Странно требовать воздаянія за дѣла, не соверша ихъ; но я полагаюсь на доброту сердца твоего. Желаю, чтобы ты за будущіе подвиги мои вручилъ мнѣ сихъ преступниковъ; требую ихъ въ награду. Преступленіе ихъ сомнительно, наказаніе ужасно. Умалчиваю о признакахъ невинности ихъ, но должна объявить, что слухъ о похищеніи иконы поклонниками ея — слухъ несправедливый. Совѣты волхва преступны и пагубны. Какъ въ храмѣ Бога нашего ставить идолы, чуждыхъ боговъ изображенія? И такъ, припишите Магомметду сіе дѣло: онъ совершилъ его въ знаменіе воли своей. Пускай Исменъ совершаетъ чары свои, пускай дѣйствуетъ онъ посредствомъ мрачной науки своей: мы, воины, станемъ дѣйствовать желѣзомъ. Вотъ вся наука и надежда наша!»

Клоринда умолкла. Царь, не знающій жалости, изъявилъ согласіе на просьбы славной воительницы. Ея слова и совѣты разсудка убѣдили его. «Жизнь и свободу возвращаю имъ», сказалъ Аладинъ,—«ибо въ чемъ могу отказать такому заступнику?»

Они свободны. Судьба Олинда чудесна по истинѣ: доселѣ нелюбимый, теперь обожаемъ Софроніею, съ костра идетъ къ жертвеннику брачному!

XXIV.

Изступленіе Орланда.

Конецъ пѣсни XXIII-й и начало XXIV-й [1]).

Кто осмѣлится занести ногу свою въ сѣти любовныя, немедленно пойманъ бываетъ; напрасно желаетъ исторгнуть ее, напрасно: въ сѣтяхъ коварныхъ и крылья оставитъ. Любовь есть забвеніе себя, вѣщаютъ мудрые. Если не каждый любовникъ доходитъ до бѣшенства Орландова, то все какъ-нибудь свое дурачество обнажаетъ, ибо не есть ли дурачество, друзья мои, забвеніе себя для гордой красавицы?

Различны послѣдствія, но дурачество одно у любовниковъ. Подобно страннику въ дикомъ и дремучемъ лѣсу, они туда, сюда, здѣсь и тамъ во мракахъ блуждаютъ и не видятъ конца своему странствію. Скажу въ заключеніе: тому, кто предается погибельной страсти, мало мученій извѣстныхъ, мало цѣпей и веригъ тяжелыхъ! Конечно, и мнѣ вы молвить въ правѣ:—Пріятель, на другихъ указываешь перстомъ, а какъ ты самъ поступаешь?—Справедливо, друзья мои! Я предаюсь мудрости на малое время; но я стараюсь исправиться, отдохнуть душею и вырваться изъ вихря любовнаго.

[1]) Желая сохранить единство въ разсказѣ, мы осмѣлились сдѣлать нѣкоторыя перестановки.

А теперь—скажу вамъ краснѣя—не могу сего сдѣлать: любовь, жестокая любовь еще управляетъ мною и день и ночь мое сердце терзаетъ...

Но возвратимся къ Орланду. Онъ два дни преслѣдовалъ Срацина. Изнуренный усталостію, останавливается на берегу кристальнаго ручья, кругомъ котораго разстилается веселая долина, испещренная яркими цвѣтами, осѣненная зеленымъ кустарникомъ. Легкое вѣяніе вѣтерка прохлаждало палящій зной полуденный и оживляло стада и пастырей, едва покрытыхъ одеждою: но Орландо подъ тяжелымъ панцыремъ, шлемомъ и щитомъ не могъ наслаждаться вѣяніемъ прохлады. Посреди прелестной пустыни утомленный витязь желаетъ укрѣпиться кратковременнымъ отдыхомъ и печальное, гибельное избралъ убѣжище въ сей день, для него стократъ злополучный! Бросая взоры свои вдоль по сѣнистому берегу, видитъ начертанія на корѣ кудрявыхъ кустарниковъ. Всматривается, и что же? Познаетъ въ начертаніяхъ сихъ руку богини своей, незабвенной Анжелики. Сіе убѣжище нерѣдко посѣщала царевна китайская съ юнымъ Медоромъ, съ счастливымъ юношей, когда обитали они въ простой хижинѣ сосѣдняго пастыря. Имена ихъ, имена Анжелики и Медора, онъ видитъ на корѣ древесъ безчисленныхъ, и каждое слово, каждая черта проницаютъ глубоко въ его сердце. Желаетъ обмануть себя, желаетъ не вѣрить ненавистнымъ свидѣтелямъ измѣны. «Другая Анжелика», повторяетъ онъ,—«другая начертала имя свое на сей корѣ предательской. Я видалъ подобныя начертанія, читалъ подобныя слова: можетъ быть, имя Медора есть вымыселъ; подъ нимъ мое имя скрывается». Такъ обманываетъ себя несчастный рыцарь, такъ питаетъ въ душѣ смутную надежду. Но, желая погасить

жестокую ревность, болѣе и болѣе распаляетъ свой гнѣвъ. Такъ неосторожная птица, запутавшись въ тайной сѣти, чѣмъ болѣе трепещетъ крылами, чѣмъ болѣе желаетъ выбиться, тѣмъ сильнѣе запутывается въ тенетахъ коварныхъ. Орландо слѣдуетъ по теченію ручья туда, гдѣ каменная гора, подобно луку, сгибается надъ пѣнистою влагою и пещеру скалами образуетъ. Тамъ сдера и виноградникъ, переплетяся густо кривыми корнями, украсили убѣжище любви и нѣкогда своею тѣнію покрывали счастливыхъ любовниковъ. Тамъ повсюду каждый камень, каждая кора древесная имена ихъ сохранили; уголь, мѣлъ и остріе желѣза, все служило имъ орудіемъ для начертанія любовной повѣсти.

Несчастный графъ Анжерскій сошелъ съ коня своего и увидѣлъ при входѣ въ пещеру новыя слова, Медоромъ написанныя въ счастливыя минуты любви и наслажденія. На языкѣ арабскомъ изъясняли они свое блаженство, въ стихахъ прелестныхъ—безъ сомнѣнія, ибо любовь—вы знаете—всегда краснорѣчива:

«Древа тѣнистыя, долины злачныя, ручьи студеные, и ты, хладная пещера, обильная тѣнями гостепріимными, гдѣ Анжелика, дочь Галафрона, втунѣ обожаемая моими соперниками, въ моихъ объятіяхъ покоилась! Чѣмъ можетъ воздать вамъ бѣдный Медоръ? Хвалою вѣчною и вѣчной признательностію.

«Счастливые любовники, рыцари смѣлые, дѣвы прелестныя, жители сихъ долинъ счастливыхъ, и вы, прохожіе, волей или случаемъ сюда завлеченные! Умоляю васъ, скажите, скажите, привѣтствуя сіе убѣжище: Травы и тѣни зеленыя, источники мирные, пещера тѣнистая, да будутъ вамъ благодатны солнце и мѣсяцъ небесный, и нимфы полевыя да удалятъ пастуховъ съ стадами шумными отъ сихъ убѣжищъ завѣтныхъ!»

Къ несчастію, ученый витязь понималъ языкъ арабскій совершенно, какъ языкъ латинскій. Сіе знаніе было нѣкогда полезно и въ землѣ Срациновъ избавляло его отъ многихъ встрѣчъ непріятныхъ, а нынѣ— гибельное знаніе, горькій плодъ ученія! Три раза, четыре и шесть и болѣе все перечиталъ несчастный ревнивецъ, желая находить не то, что ясно было начертано; но истина при новомъ чтеніи ярче и ярче блистала, и сердце его сжималось льдяною рукою. Безмолвенъ, мраченъ, вперилъ неподвижныя очи въ хладный камень; горесть несказанная, какъ свинецъ, лежала на сердцѣ, и всѣ чувства замерли. О вы, испытавшіе подобное несчастіе, вы знаете, сколь оно горестно! Ахъ, вы знаете, что оно всѣ муки адскія превышаетъ!

О Орландо, нѣкогда столь гордый и мужественный! Что съ тобою сдѣлалось? Чело твое поникло на грудь, уста скованы горестію, и ни одна слеза не облегчаетъ ее! Такъ вода, заключенная въ широкомъ сосудѣ, но имѣющемъ узкое горло, съ силою будучи внезапно опрокинута, съ силою желаетъ вырваться, но съ трудомъ протекая чрезъ тѣсное отверстіе, рѣдкими каплями упадаетъ на землю. Снова прибѣгаетъ къ разсудку рыцарь нашъ, снова себя вопрошаетъ и старается заглушить голосъ истины. «Можетъ быть», мечтаетъ онъ, — «кто-нибудь желалъ повредить имени моей любезной, можетъ быть, тайный соперникъ желаетъ обрушить на меня все бремя свинцовой ревности и сокрушить мое сердце? Такъ, злодѣйская рука подражала начертаніямъ Анжелики!» Слабый лучъ надежды проницаетъ въ его душу и даетъ ей новую силу. Графъ садится на вѣрнаго Златогрива и быстро удаляется.

Солнце уступало мѣсто задумчивой сестрѣ своей. Недалече отъ полей пагубныхъ путешественникъ видитъ

куряцiйся дымъ гостепрiимныхъ хижинъ, слышитъ протяжный лай псовъ, мычанiе стадъ и къ селу приближается. Тамъ покидаетъ вѣрнаго Златогрива на руки попечительнаго слуги и самъ въ глубокой печали желаетъ сбросить съ себя тяжелыя латы. Ласковый хозяинъ и дѣти его обезоруживаютъ высокаго гостя: кто снимаетъ златыя шпоры, кто прахъ съ тяжелаго шлема и щита его сметаетъ. Но гдѣ находился онъ? Подъ тѣмъ кровомъ, гдѣ Медоръ лѣчилъ рану свою въ объятiяхъ царевны прекрасной. Орландо, снѣдаемый тоскою, бросается на мягкое ложе, но покой очей его убѣгаетъ. Все умножаетъ горесть. Опять имена ненавистныя всюду начертаны, и двери, и окна, и стѣны ими исписаны. Желаетъ спросить, и невольно уста его сжимаются: страшится обнаружить страшную тайну и въ туманахъ неизвѣстности ее заключаетъ. Но къ чему обманывать себя? Каждый готовъ открыть всѣмъ извѣстное. Гостепрiимный пастырь, видя гостя своего столь пасмурнаго и печальнаго, желая развеселить его веселою повѣстью — о двухъ любовникахъ, безъ злаго умысла начинаетъ разсказывать: какимъ образомъ, по просьбѣ Анжелики прекрасной, онъ принялъ раненаго Медора въ свою хижину, какимъ образомъ она вылѣчила его тяжелую рану въ короткое время: но любовь и ее сразила: любовь воспламенила ея сердце, и ничто не могло затушить ея страсти. Наконецъ, увлеченная, ослѣпленная любовiю, она забываетъ высокое рожденiе свое, забываетъ, что она дочь перваго, сильнѣйшаго царя на востокѣ, и отдаетъ руку свою — кому же? бѣдному неизвѣстному юношѣ. Пастухъ въ заключенiе своего разсказа приноситъ показать драгоцѣнный перстень, который, отъѣзжая, вручила ему Анжелика въ знакъ своей благодарности.

Сей ударъ былъ послѣдній ударъ жертвѣ отъ руки жестокаго Амура. Орландо желаетъ скрывать мученія, но печаль превышаетъ его усилія; она противъ воли вырывается изъ груди его глубокими вздохами, и невольныя слезы заструились изъ очей грознаго паладина.

Пастухъ удаляется. Орландо, находясь безъ свидѣтелей, предается всей тоскѣ, и слезы снова частымъ градомъ падаютъ на грудь его. Рыдая какъ младенецъ, ищетъ постели своей, повергается на нее; но покой убѣгаетъ его: мягкое ложе кажется ему тверже голаго камня, острѣе дикаго тернія.

Ахъ, онъ воображаетъ, что на немъ покоилась неблагодарная въ объятіяхъ любовника своего! Встревоженный сею мыслью, вскакиваетъ съ постели быстрѣе селянина, который, желая отдохнуть на зеленой полянѣ, легъ нечаянно на змію ядовитую.

И ложе, и домъ, и пастырь ему столь противны, столь ненавистны, что, не дождавшись мѣсяца или зари утренней, хватаетъ оружіе, вскакиваетъ на коня и удаляется въ густоту угрюмаго лѣса. Тамъ ужасные крики и вопль отчаяннаго раздаются по всей обширности дикой пустыни. Всю ночь, весь день продолжастъ стенать; убѣгаетъ селеній и слѣдовъ человѣческихъ; ночью на хладную землю повергается и самъ дивится себѣ, что очи его столько слезъ, сердце столько горести вмѣщаетъ; самъ себѣ говоритъ несчастный: «Нѣтъ, не вздохи вылетаютъ изъ груди моей, а пламень, разженный любовію. Жестокая любовь, зачѣмъ не прерываешь жизнь мою, зачѣмъ продолжаешь мои страшныя мученія!... Нѣтъ, нѣтъ, я не то, чѣмъ кажусь: Орландо погибъ уже; онъ въ землѣ, несчастный! Его погубила жестокая своею невѣрностію; она, она его

умертвила! Я—духъ злополучнаго Орланда, низверженнаго въ мрачный тартаръ, я—духъ безплотный, но долженъ служить примѣромъ для живыхъ, для тѣхъ изъ смертныхъ, которые на любовь полагаютъ надежды свои!»

Въ теченіи всей ночи онъ скитался по излучинамъ мрачнаго лѣса, и судьба привела его на разсвѣтѣ къ источнику, надъ коимъ Медоръ вырѣзалъ гибельную надпись. Ужасное зрѣлище! Оно вдругъ уничтожило весь разсудокъ его, всѣ чувства, кромѣ ненависти, гнѣва, ярости. Мечъ засверкалъ въ рукѣ, и надпись, и твердый гранитъ отъ ударовъ сильныхъ и быстрыхъ въ дребезги разлетаются.

Несчастная пещера, убѣжище сладострастія, исполненное Медора и Анжелики! Ты не будешь укрывать въ тѣни своей ни пастырей, ни стада ихъ! Источникъ прохладный и ясный, какъ лазурь небесная, изчезнетъ вся прелесть твоя! Вѣтви и камни, и кочки, и глыбы земныя повергаетъ въ него неистовый; возмущаетъ отъ дна до поверхности и всю ясность его уничтожаетъ. Силы его не могутъ выдержать всей тягости мрачнаго гнѣва, кипящей ярости, ненависти несказанной: онѣ истощаются. Внѣ себя, покрытый холоднымъ потомъ, повергается на сырой дернъ и, устремя на небо смутные, неподвижные взоры, отъ глубины сердца вздыхаетъ.

Три раза солнце всходило и садилось за черный лѣсъ, а Орландо, все безмолвенъ, безъ пищи, безъ сна, лежитъ на землѣ въ одномъ положеніи. Горесть его часъ отъ часу умножалась, и разсудокъ вовсе затмился. На третій день въ ужасномъ изступленіи сдираетъ съ груди своей крѣпкія латы. Туда сюда кидаетъ шлемъ и щитъ, и мечъ, все оружіе по рощѣ разметываетъ;

наконецъ, свергаетъ съ себя послѣдніе покровы и могучія плечи и мохнатую грудь свою обнажаетъ. Обуянный страшнымъ бѣшенствомъ, неслыханнымъ отъ вѣка, лишается послѣдней памяти и забываетъ огромный мечъ свой, которымъ бы много чудесъ къ чудесамъ своимъ прибавилъ. Но къ чему и мечъ, и сѣкира съ такою исполинскою силою? Десница его вырываетъ съ корнями высокую сосну, какъ слабый укропъ или злакъ огородный; исторгаетъ, одно за другимъ, то вязъ, то липу, то вѣковой дубъ: такъ птицеловъ очищаетъ отъ кустарника и камышей топкій берегъ болотный, чтобы раскинуть на немъ коварныя сѣти.

Пастухи, любопытствуя узнать причину необычайнаго шума и треска, покидаютъ стада свои посреди мрачнаго лѣса и со всѣхъ сторонъ сбѣгаются; но увидя странныя дѣла бѣшенаго, его силу чудесную, желаютъ укрыться, и страхъ удерживаетъ имъ ноги. Между тѣмъ онъ быстро за ними гонится, настигаетъ одного и срываетъ ему съ плечъ голову, какъ съ вѣтки яблоко или спѣлую сливу. Земледѣльцы, устрашенные участію товарищей своихъ, оставляютъ въ поляхъ серпы, косы и плуги и, видя, что подъ тѣнію вязовъ и липъ укрыться не можно, спасаются на кровы домовъ и храмовъ. Оттуда смотрятъ, содрогаясь отъ страха, на бѣшенство графа Анжерскаго, какъ онъ кулаками, зубами, ногтями, ногами, грудью коней и воловъ побиваетъ и раздираетъ. О счастливъ, кто могъ найдти спасеніе въ бѣгствѣ! Между тѣмъ въ сосѣднихъ селеніяхъ раздается плачъ, стонъ и вой, звукъ роговъ, сельскихъ трубъ и звонъ колоколовъ безпрестанный. Вооруженные дрекольями, древними бердышами, копьями и пращами, на звонъ шумнаго набата безчисленныя толпы селянъ спускаются съ горъ, обходятъ излучинами долины и спѣшатъ сдѣлать сельское нападеніе на бѣшенаго героя.

XXV.

Письмо Бернарда Тасса къ Порціи о воспитаніи дѣтей [1]).

Я желалъ бы самъ превратиться въ это письмо и летѣть къ тебѣ, милая и безцѣнная супруга: мое присутствіе и тебя, и меня осчастливило бы совершенно. Довольствуйся однимъ желаніемъ, которое къ горести моей не могу исполнить. Будь увѣрена, что на крыльяхъ любви чистой и постоянной я часто посылаю къ тебѣ мои сокровеннѣйшія мысли: онѣ живутъ при тебѣ неразлучно. Я надѣюсь, я почти увѣренъ, что моя Порція то же дѣлаетъ: и такъ, мысли наши встрѣчаются на дорогѣ. Знаю, сколь тягостна тебѣ разлука наша; чувствую въ моемъ сердцѣ печаль твою, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстно, съ какою живостію ты предаешься ей—не отъ малодушія, нѣтъ, отъ излишества любви къ несчастному изгнаннику. Но если лучшая награда за любовь есть любовь равномѣрная, то можешь быть покойна: я люблю тебя, какъ только можетъ любить смертный—всѣмъ сердцемъ, всей душою. Надѣюсь, что наше свиданіе будетъ скорѣе, нежели ты полагаешь, но медленнѣе твоихъ желаній. Не хочу и не могу писать—когда

[1]) Писанное отцемъ знаменитаго Тасса.

именно, ибо это зависитъ отъ воли чуждой; но оно тѣмъ болѣе будетъ радостно, чѣмъ менѣе ожиданно тобою. Въ случаѣ, если Богъ продлитъ разлуку нашу (положимся на волю Его безъ ропота!), я долженъ тебѣ объяснить мои мысли о воспитаніи милыхъ малютокъ нашихъ.

Такъ! Мы должны показать свѣту, сколько они драгоцѣнны намъ пользою, которую принесутъ имъ наши попеченія. Къ несчастію, по молодости твоей ты не имѣешь еще сей опытности, необходимой для воспитанія дѣтей. Спѣшу подать нѣкоторые совѣты, частію изъ древнихъ, частію изъ новыхъ философовъ почерпнутые. Управляясь оными, ты можешь, съ помощію Бога, успокоить нѣкогда почтенную старость твою въ объятіяхъ ихъ добродѣтельной юности.

Образованіе или воспитаніе (какъ говорится на языкѣ материнскомъ) раздѣляется на двѣ части: на нравы и ученіе. Нравственность подлежитъ попеченію отца и матери, ученіе—болѣе отцу. И такъ, я стану говорить о первой, предоставляя себѣ—если будетъ угодно Небесамъ продлить жизнь мою—попеченіе о наукахъ нашего Торквата. Молодость его не позволяетъ еще склонить его подъ тяжкое ярмо ученія. Если любовь родительская меня не ослѣпляетъ, и сколько судить можно по такому нѣжному возрасту, я полагаю, что онъ одаренъ прелестнымъ тѣломъ и душою прекрасною. Но этого мало для желаемаго нами совершенства; это все требуетъ образованія! Нѣтъ земли столь дикой и безплодной, которая бы отъ стараній не удобрилась, не сдѣлалась мягкою, плодотворной; нѣтъ земли плодоносной, которая бы при запущеніи не сдѣлалась дикою, твердою. Подобно сему умъ, отъ природы самый дикій и своенравный, отъ воспитанія дѣлается нѣжнымъ и гибкимъ, а

самый гибкій и нѣжный—безъ образованія портится и все небесное теряетъ. Навыкъ превращается въ натуру. И такъ, нужно заранѣе пріучать къ ученію. Пока деревцо нѣжно и гибко, заранѣе наклоняй вѣтви мыслей къ благотворной сторонѣ добра и чести. Литтеры, вырѣзанныя на мягкой корѣ юнаго дерева, съ нимъ мало по малу выростаютъ и живутъ до смерти его: такъ сіи примѣры добра, сіе безпрестанное поученіе добродѣтели сильно врѣзываются въ молодую память и выростаютъ съ душою. Затвердѣлаго въ порокахъ и лѣности нельзя обратить къ добру и ученію, подобно какъ ободъ колеса распрямить и привести въ первое состояніе.

Наша Корнелія уже выходитъ изъ отроческихъ лѣтъ. Душа и тѣло ея растутъ ежедневно, умъ становится живѣе и быстрѣе. Пора, милый другъ, посѣять въ немъ нѣкоторыя сѣмена, достойныя насъ. Нѣтъ сѣмянъ, которыя бы приносили лучшіе плоды, нѣтъ сѣмянъ, которыя бы сильнѣе истребляли жажду свѣтскихъ, суетныхъ радостей, какъ сѣмена страха и любви къ Богу. И такъ, нужно тебѣ стараться всѣми силами запечатлѣть въ сей невинной душѣ любовь и мысли о Богѣ, о вѣчномъ Творцѣ, который даровалъ ей и жизнь, и все, что есть прекраснаго въ жизни настоящей и будущей. Старайся внушить ей страхъ Божій, не низкій, не рабскій—величію Творца такой не угоденъ,—но страхъ благородный, чистый, спокойный, который бы такъ тѣсно былъ связанъ съ любовію, что ничто, никакая сила ихъ разлучить не могла: такъ чтобы отъ тѣснаго союза страха и любви родилась религія!

Какъ тѣнь позволяетъ иногда въ области своей зарождаться вреднымъ травамъ, но не даетъ имъ выростать и приносить горькихъ плодовъ, такъ и религія не допускаетъ порокамъ гнѣздиться въ душѣ,

расплодиться и приносить плоды ужасныхъ преступленій. Теперь надобно объяснить, что значитъ слово нравы: сохранять во всемъ, что говоришь и дѣлаешь, скромность и приличіе. Навыкъ къ этому отъ юности даетъ нѣкоторый порядокъ и прочный блескъ всѣмъ поступкамъ; онъ даетъ имъ прелесть неизъяснимую и которая имѣетъ силу нравиться людямъ образованнымъ и самыхъ простолюдиновъ плѣняетъ. Нравы раздѣляются на тѣ, которымъ насъ наставляетъ ученіе и время. Первые отъ наставниковъ запечатлѣваются въ юной душѣ, вторые суть плоды собственной опытности и разсудка. И такъ, спѣши научить тому, что отъ тебя зависитъ, милая супруга! Два способа ученія: одинъ—разсужденіемъ и доводами, другой—примѣромъ. Чувство зрѣнія быстрѣе слуха. Надлежитъ являть себя дѣтямъ, какими ихъ желаешь видѣть: безмолвное наставленіе, наставленіе примѣромъ всего сильнѣе. Желать наставить дѣтей, чему самъ не слѣдуешь, не то ли же, что, показавъ ближайшую дорогу пріятелю, самому идти по другой? И отецъ, и мать должны быть нрава кроткаго, степеннаго и безпрестанно заботиться о благѣ дѣтей; они должны облечь добродѣтелію дѣтей своихъ, напитать ею ихъ зрѣніе и слухъ, и умъ, и сердце. Едва юный умъ начинаетъ поверхностно разсуждать и отчасти соображать вещи, то немедленно обращаетъ проницательные взоры на поступки родителей, съ великимъ вниманіемъ ловитъ и замѣчаетъ все, что они дѣлаютъ, все, что они говорятъ. Постоянное созерцаніе родительскихъ добродѣтелей не есть ли лучшее поощреніе идти по слѣдамъ ихъ?

Болѣе всего пекись о благонравіи домашнихъ. Старайся, чтобы ни одно слово неблагопристойное, грубое или безбожное не оскорбило дѣтскаго слуха, ни одинъ

поступокъ безстыдный или безчестный не представился бы взорамъ ихъ. Это дѣло твое, ибо они будутъ неразлучны съ тобою. У тебя научатся говорить и дѣйствовать, на лицѣ твоемъ привыкнутъ читать долгъ свой. Не вводи ихъ въ такіе домы, гдѣ благонравіе и пристойность часто нарушаются. Въ странахъ здоровыхъ и воздухъ благопріятенъ; въ жилищѣ добродѣтели и благихъ нравовъ все питаетъ ихъ, все добру научаетъ. Хотя благонравіе, чуждыми примѣрами запечатлѣнное въ головѣ дѣтской, не есть еще добродѣтель истинная, но нѣчто ей подобное, близкое, однако въ теченіи времени (столь велика сила навыка!) они одушевляются сими примѣрами, какъ хладный мраморъ Пигмаліоновъ одушевился богомъ. Страшись впасть въ заблужденіе матерей, которыя по излишней привязанности къ дѣтямъ уступаютъ ихъ волѣ, часто безразсудной, и не только не останавливаютъ ихъ, но даже не терпятъ, чтобы посторонніе люди имъ противорѣчили. Такимъ образомъ, пріучая къ наслажденіямъ, сами отдаютъ ихъ во власть порокамъ. И не смѣю думать, чтобы ты желала управлять ими посредствомъ страха и наказаній. Тѣ, которые во гнѣвѣ наказываютъ дѣтей, похожи на неистовыхъ, поднимающихъ руку на образа Божескіе! Добродѣтель не должна внушаться отроку ни лозою, ни страхомъ, ибо страхъ есть слабый и ничтожный блюститель оной. Но сохранить во всемъ золотую середину должно, ибо если опасно строгостію уничтожить любовь къ родителямъ, то равномѣрно опасно излишнимъ снисхожденіемъ ослабить уваженіе и почтеніе къ священному ихъ сану. Если дѣти впадаютъ иногда въ малыя погрѣшности, то лучше не замѣчай ихъ; если онѣ значительны, то увѣщевай ихъ, но кротко и ласково; большіе проступки наказывай суровымъ взглядомъ,

холодностію, укоризнами. Если случится, что подобный проступокъ учинитъ слуга домашній, то наказывай его при виновномъ ребенкѣ и дай почувствовать ему въ душѣ вину и наказаніе.

Я могъ бы предложить еще нѣсколько правилъ, но страшусь излишествомъ разсѣять твое вниманіе. Кажется, говорилъ о всѣхъ важныхъ пунктахъ, а частные случаи ты можешь сама согласовать съ ними. Ученіе Торквата предоставляю себѣ, когда онъ придетъ въ надлежащій возрастъ. Тебѣ, какъ матери, поручаю Корнелію: кто лучше тебя наставитъ ее въ добродѣтели? Будь счастлива, милая Порція! Пускай присутствіе дѣтей нашихъ, которыя тебѣ столь живо напоминаютъ меня, усладитъ отчасти томную печаль разлуки!

XXVI.

Чужое — мое сокровище [1]).

1817.

Деревня—лѣтомъ.

Во множествѣ старѣйшинъ ставай, и аще кто премудръ тому прилѣпися: всяку повѣсть божественную восхощи слышати, и притчи разума да не убѣжатъ тебѣ! Аще узриши разумна, утренюй къ нему и степени дверей его да трется нога твоя.

Іисуса сына Сирахова.

Es gibt im Menschenleben Augenblicke,
Wo er dem Weltgeist näher ist als sonst,
Und eine Frage frei hat an das Schicksal.
Solch ein Moment war's, als ich in der Nacht,
Die vor der Lützner Action vorherging,
Gedankenvoll an einen Baum gelehnt,
Hinaus sah in die Ebene. Die Feuer

[1]) На оборотѣ верхней доски переплета написано:

Что писать въ прозѣ.

Опытъ объ открытіи Исландіи. Буле. Поэма Скандинавы Монброна. Писаревъ.

О сочиненіи Радищева.

Что-нибудь объ искусствахъ, напримѣръ, опытъ о русскомъ ландшафтѣ. Смотри Геснера о ландшафтѣ, Гирпфельда и проч. О баталіяхъ. О рисункѣ карандашемъ и проч.

О войнѣ и баталіяхъ относительно къ живописи и поэзіи.

Что-нибудь о нѣмецкой литературѣ. По крайней мѣрѣ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что я прочиталъ.

Des Lagers brannten düster durch den Nebel,
Der Waffen dumpfes Rauschen unterbrach,
Der Runden Ruf einförmig nur die Stille.
Mein ganzes Leben ging, vergangenes
Und künftiges, in diesem Augenblick
An meinem inneren Gesicht vorüber,
Und an des nächsten Morgens Schicksal knüpfte
Der ahnungsvolle Geist die fernste Zukunft.
Da sagt'ich also zu mir selbst: «So vielen
«Gebietest du! Sie folgen deinen Sternen
«Und setzen, wie auf eine grosse Nummer,
«Ihr alles auf dein einzig Haupt und sind
«In deines Glückes Schiff mit dir gestiegen.
«Doch kommen wird der Tag, wo diese alle
«Das Schicksal wieder auseinander streut,
«Nur wen'ge werden treu bei dir verharren.
«Den möcht'ich wissen, der der Treuste mir
«Von allen ist, die dieses Lager einschliesst.
«Gib mir ein Zeichen, Schicksal! Der soll's sein,
«Der an dem nächsten Morgen mir zuerst
«Entgegenkommt mit einem Liebeszeichen».

Изъ Валенштейна Шиллера.

* *
*

Il est, pour les mortels, des jours mystérieux,
Où, des liens du corps, nolre ame dégagée,
Au sein de l'avenir est tout à coup plongée,
Et saisit, je ne sais par quel heureux effort,
Le droit inattendu d'interroger le sort.
La nuit qui précéda la sanglante journée
Qui du héros du nord trancha la destinée,
Je veillais au milieu des geurriers endormis.
Un trouble involontaire agitait mes esprits.
Je parcourus le camp. On voyait dans la plaine
Briller, des feux lointains, la lumière incertaine,
Les appels de la garde et les pas des chevaux
Troublaient seuls, d'un bruit sourd, l'universel repos.
Le vent, qui gémissait à travers les vallées,
Agitait lentement nos tentes ébranlées,
Les astres, à regret perçant l'obscurité,
Versaient sur nos drapeaux une pâle clarté.

Que de mortels, me dis-je, à ma voix obéissent!
Qu'avec empressement sous mon ordre ils fléchissent!
Ils ont, sur mes succès, placé tout leur espoir.
Mais si le sort jaloux m'arrachait le pouvoir,
Que bientôt je verrais s'évanouir leur zèle!
En est-il un du moins qui me restât fidèle!
Ah! s'il en est un seul, je t'invoque, ô destin!
Daigne me l'indiquer par un signe certain!

Benjamin Constant de Rebecque

Къ Батюшкову.

Ты на пути возвратномъ!
Въ волненіи пріятномъ
Уже свиданья день
Сквозь трепетную тѣнь
Я вижу не вдали;
Ужъ ты передо мной:
Здорово, гость-герой,
Безвредный въ шумной сѣчѣ,
И неизмѣнный братъ
Во дни разлуки долгой:
Намъ отданъ ты назадъ!
Припомнишь ли надъ Волгой
Прощанья тяжкій часъ?
Тебя звалъ славы гласъ
На поприще героя.
Въ цѣпяхъ обременя,
Рокъ удержалъ меня
Въ бездѣйствіи покоя;
Но пламенной душой
Летѣлъ я за тобой
На трудный и завидный
Путь смерти и побѣдъ
И, праздностью постыдной
Гнушаясь, долгихъ лѣтъ
Рядъ темный и безгласный
За день, но день прекрасный
Отечества сыновъ.
Отдать я былъ готовъ.
Садись, мой гость желанный!

Тяжелый мечъ откинь,
Другъ, лавромъ увѣнчанный
И миртомъ отъ богинь
Крылатыхъ вдохновеній
И звучныхъ пѣснопѣній!
Скажи ты другу вѣсть
Про дальные походы;
Какъ праведная месть
Подвигнула народы
Въ слѣдъ вашимъ знаменамъ,
Несла перуны брани
Къ преступнымъ берегамъ;
Какъ мужественны длани
Вождя царей и царствъ
Сломили скиптръ свинцовый
Злодѣйства и коварствъ;
Какъ онъ сорвалъ оковы
Съ враждующихъ племенъ
И мести въ день счастливый
Внесъ мечъ миролюбивый
Въ среду мятежныхъ стѣнъ.
Ты зрѣлъ и храбрость ратныхъ,
И мужество вождей,
Ты зрѣлъ судебъ превратныхъ
Игру: урокъ людей.
Сегодня царь счастливый,
А завтра изъ дворца
Изгнанникъ торопливый.
Нѣтъ скиптра—нѣтъ льстеца!
Осмѣянный рабами,
Онъ крадется стезями,
По коимъ съ торжествомъ,
Какъ полубогъ вселенной,
Вчера онъ шелъ, надменный,
Съ ругательнымъ челомъ.
Ты былъ въ столицѣ шумной
Ума, искусствъ и модъ,
Ты зрѣлъ сей остроумный,
Привѣтливый народъ,
Презрительный и славный,
Средъ бурь злодѣйствъ, забавный,
Позоръ и образецъ

Для мыслящаго міра,
Теперь кумира жрецъ,
Чрезъ часъ палачъ кумира.
Рабъ низкой иль тиранъ,
Стократъ въ бояхъ счастливый,
Зрѣлъ вражеской онъ станъ
Въ столицѣ горделивой.
И Сены берега,
Подъ облакомъ печали,
Чудясь передавали
Въ окрестные луга,
Въ сосѣдственныя нивы
Веселые отзывы
Богатырей-пѣвцовъ
Придонскихъ береговъ.
Ты видѣлъ въ годъ единый
Событія вѣковъ,
Чудесныя картины
Превратныя судьбы.
Здѣсь изгнаны съ позоромъ,
Вѣнчанные раздоромъ,
Мятежные рабы;
Тамъ, родины изгнанникъ,
Порфироносный странникъ
Призыванъ на престолъ!
Рядъ перемѣнъ волшебныхъ,
Надежду благъ цѣлебныхъ,
Забвенье прежнихъ золъ
За бурею ужасной,
Ты зрѣлъ разсвѣтъ прекрасный
Сіяющей зари.
Оковано злодѣйство!
Спряглись въ одно семейство
Народы и цари.
Спѣши жъ, младой воитель,
Въ счастливую обитель,
Въ объятія къ друзьямъ!
Повѣсь свой шлемъ пернатый,
Окровавленны латы
И мечъ, грозу врагамъ:
Прими доспѣхи мира!
Тоскующая лира

Зоветъ любимца музъ.
Прибавь ей новы струны
Воспѣть побѣдъ перуны
И счастливый союзъ
Полунощи со славой!
Но тщетенъ мой совѣтъ!
Предвижу: богъ лукавый,
Твой богъ отъ юныхъ лѣтъ,
Всегда на месть готовый,
Услыша пѣсни новы
Не въ честь его побѣдъ,
Стрѣлой краснорѣчивой
Тебѣ напомнилъ живо,
Что ты—его поэтъ!

Вяземскій.

1816. Москва.

* * *

Всякой на свой покрой.

Портныхъ у насъ въ столицѣ много
Всѣ модѣ слѣдуютъ одной:
Шьютъ ровной, кажется, иглой;
Но видишь, всматриваясь строго,
Что каждый шьетъ на свой покрой.

Портными насъ всѣхъ можно счислить,
Покрой у каждаго есть свой,
И тотъ, кто мастеръ самъ плохой,
Другихъ принудить хочетъ мыслить
И поступать на свой покрой.

Дай Богъ покойнику здоровье!
Вольтеръ чудесный былъ портной:
Въ стихахъ, въ записочкѣ простой,
Въ исторьи, сказкахъ, въ пустословьѣ,
Вездѣ найдешь его покрой.

Уча, насъ комикъ забавляетъ:
Хвастунъ тому примѣръ живой,
Но Гашпаръ самъ себѣ большой,
И на смѣхъ прочимъ одѣваетъ
Онъ Талію на свой покрой.

Старикъ Федулъ, мужъ правилъ строгихъ,
Быть хочетъ въ домѣ головой;
Жена молчитъ предъ нимъ рабой,
Но головѣ не хуже многихъ
Наряды шьетъ на свой покрой.

Языкъ нашъ былъ кафтанъ тяжелый
И слишкомъ пахнулъ стариной;
Далъ Карамзинъ покрой иной—
Пускай ворчатъ себѣ расколы!
Всѣ приняли его покрой.

Пускай поютъ въ балладахъ сказки,
И чортъ качаетъ въ нихъ горой,
Но въ нихъ я вижу слогъ живой!
Воображенье, чувство, краски—
Люблю Жуковскаго покрой!

Пусть мнѣ дурачество съ любовью
Дурацкой шьютъ кафтанъ порой,
Лишь Паркъ бы только причетъ злой
Не торопился по условью
Убрать меня на свой покрой!

Вяземскій.

* * *

Столъ и Постеля.

Полюбилъ я сердцемъ Леля,
Но сердцу пришелъ Усладъ;
Былъ бы столъ, была бъ постеля—
Я доволенъ и богатъ.

Пустъ боецъ въ кровавомъ дѣлѣ
Пожинаетъ лавръ мечемъ;
Розы дышутъ на постелѣ,
Виноградникъ за столомъ.

Одами поетъ Фавелій
Всѣхъ плѣняетъ... сладкимъ сномъ:
Вѣкъ трудится для постели
Онъ за письменнымъ столомъ.

Бѣдствій меньше бы терпѣли,
Еслибъ люди, страстны къ злу,
Были вѣрны въ ночь постели,
Вѣрны днемъ, какъ я, столу.

За столомъ достигнувъ цѣли,
На постель я прямо шелъ;
Завтра, можетъ быть, съ постели
Понесутъ меня на столъ.

Вяземскій.

Іюля 20. 1817.

Сію минуту узнаю о смерти графа Павла Александровича Строгонова. Я съ нимъ провелъ десять мѣсяцевъ въ снѣгахъ финляндскихъ. Потомъ онъ не переставалъ меня любить: никогда не забуду его снисхожденій. Покойся съ миромъ, человѣкъ тихій и кроткій!

(Изъ С. де Сисмонди).

Sirvente de Guillaume de St.-Grégory, troubadour provençal.

«Combien j'aime ce temps si gai des fêtes de Pâques, qui revêt nos campagnes de feuilles et de fleurs! Combien j'aime ce doux murmure des oiseaux, qui font retentir leurs chants dans les bocages! Mais combien il est plus beau encore de voir sur ces prairies planter les tentes et les pavillons! Combien je sens rehausser mon courage, quand je vois sur leurs chevaux en longue ordonnance, les chevaliers armés!

«J'aime à voir les cavaliers mettre en fuite le peuple, qui emporte ses effets les plus précieux; j'aime à voir les épais bataillons de soldats, qui s'avancent après les fuyards, et mon allégresse redouble quand je vois mettre le siége devant des plus forts châteaux, et que j'entends abattre avec

fracas leurs murailles; l'armée entoure les fossés vainement soutenus par des murs et clos de fortes palissades.

«Surtout j'aime à voir le seigneur, quand il est le premier à l'attaque; il s'avance sur son cheval sans connaître la crainte; il communique sa hardiesse aux siens, à tout son vaillant vasselage; aussitôt que la mêlée commence, chacun ne sent plus que l'empressement de le suivre, et l'homme dès lors n'est estimé qu'en raison des coups qu'il reçoit et qu'il porte.

«Des masses d'airain, des glaives, des casques de diverses couleurs, des écus étincelans, qui se brisent en pièces, couvrent déjà le champ de bataille, et maint vaillant soldat frappe à l'envi. Cependant sur la prairie on voit errer les chevaux des morts et des blssés, et la fureur du combat redouble encore. Le chevalier de haut parage jonche, autour de lui, la terre de têtes et de bras; il préfère la mort à la honte d'une défaite.

«Oui, je vous le dis encore, les plaisirs de la table et de la mollesse n'égalent point pour moi ceux de l'ardente mêlée; lorsque j'entends hennir les chevaux sur la verte prairie, et que de toutes parts on répète le cri: A l'aide, à l'aide; que les grands et les petits jonchent la terre de leurs corps ou se roulent mourans dans les fossés, et que les larges blessures des coups de lance signalent les victimes de l'honneur».

Cette ode guerrière est dédiée à Béatrix de Savoie, femme de Raymond Bérenger V, dernier comte de Provence.

***

«Le monde que je souhaite, est tout autre; c'est un autre lieu, un autre temps que je cherche; tout mon désir est de retourner jouir du repos dans ma maison. C'est là que ma vie s'écoulera sans passion, loin du mécontentement et du trouble; là, je ne servirai le roi que pour mon

plaisir. Si sa clémence s'étend jusqu'à moi, s'il me donne de quoi vivre dans la médiocrité, j'en jouirai, sinon je prendrai patience. Je me reposerai jusqu'à livrer à ma paresse; je mangerai sans soucis à mes heures, je dormirai d'un sommeil libre d'inquiétudes. Cependant j'apprendrai que les enseignes victorieuses de la flotte d'Hespérie parcourent le Levant. Les enfans, les jeunes filles, les matrones et les prêtres, toute cette troupe timide écoutera, pétrifiée d'étonnement. Un ambassadeur de haute naissance arrivera peut-être chez moi, fatigué du voyage, et contera ses longues courses; avec le vin qu'il répendra sur la table, il dessinera sa route, il voudra narrer tous ses hauts faits, tandis qu'il cachera le but de sa venue..&...»

(Изъ посланія дона Гуртадо де-Мендоза, генерала вѣка Карла V, одного изъ лучшихъ испанскихъ поэтовъ).

* * *

Seicentisti.

Италіянцы называютъ седьмый-надесять вѣкъ mille seicento или seicento, а писателей онаго—seicentisti. Сей періодъ начинается отъ Тасса (1530) и до Метастазія (1730).

При Карлѣ V и Филиппѣ II начался упадокъ словесности италіянской. Строгость инквизиціи и другія политическія причины его продолжили. Названіе seicentisti и до сихъ поръ ненавистно Италіянцамъ: оно напоминаетъ имъ несчастную эпоху для Италіи.

Нѣкоторые изъ сихъ стихотворцевъ принадлежатъ двумъ вѣкамъ по жизни и по слогу. Первый—Гварини, который занималъ нѣкогда отличное мѣсто посреди классиковъ. Онъ родился въ Феррарѣ, 1537; служилъ Альфонсу вмѣстѣ съ Тассомъ. По смерти герцога пере-

шелъ ко двору флоренцскому и потомъ урбинскому. Умеръ въ Венеціи 1612. Pastor Fido Гварини былъ представленъ въ 1585.

Кіабрера родился въ Савонѣ 1552; умеръ 1637. Жизнь его незначительна; большую часть оной проводилъ въ Римѣ и въ Савонѣ; тамъ сочинялъ многоплодно стихотворенія. Онъ написалъ пять поэмъ въ родѣ Аріоста, множество драматическихъ представленій въ родѣ оперъ, множество духовныхъ сочиненій. Но слава его основана на лирическихъ стихотвореніяхъ. Онъ первый въ Италіи подражалъ Анакреону и Пиндару и отбросилъ форму canzone. «Aucun mieux que Chiabrera, dit Tiraboschi, n'a su rendre en italien les grâces aimables d'Anacréon, ou le vol hardi de Pindare; aucun n'a plus possédé de cet élan divin, de cet estro qui fut le partage des Grecs, et sans lequel il n'y a point de poésie».

Марини, Giov.-Bapt., жилъ во времена Кіабреры. Первый истинный развратитель вкуса въ Италіи, который основалъ школу seicentisti. Онъ родился въ Неаполѣ, 1569; въ Римѣ нашелъ покровителей. Кардиналъ Чинціо, тотъ самый, который готовилъ Тассу вѣнчаніе, покровительствовалъ Марини. Первые стихи его, исполненные живости воображенія и дурнаго вкуса, плѣнили Италію. Одни вооружались противъ Марини, другіе за него, и вся Италія воевала перомъ. Муртола, соперникъ Марини, выстрѣлилъ въ него изъ ружья: столь была велика злоба—за сонеты. Марини самъ былъ посаженъ въ тюрьму по фальшивому доносу. Отсюда онъ поѣхалъ во Францію къ Маріи Медицисъ и получилъ пенсіонъ. Тамъ написалъ своего Адониса, и снова война чернильная загорѣлась въ Италіи. Марини возвратился въ Римъ и былъ принятъ какъ побѣди-

тель. Адонисъ его длиннѣе Орланда Аріостова. Марини имѣлъ нѣкогда великую славу. Испанцы и Французы ему подражали. Много ума, остроты, воображенія, но еще болѣе затѣйливости, дурнаго вкуса, жеманства.

Акилини и Прети — первые подражатели Марини. Ихъ слава была безмѣрна; они теперь совершенно забыты. Скюдери, Вуатюръ, Бальзакъ подражали ихъ жеманному слогу, ихъ кончетти. Но слово concetti, имѣющее столь дурное значеніе на языкѣ Французскомъ, по италіянски знаменуетъ conceptions, idées: Vero concetto toscano, и пр.

Въ это время Маркетти перевелъ Lucrezio Della natura delle cose, сохраня всю силу и красоту оригинала. Но переводъ его не дозволили напечатать. «Si l'on y regarde bien, il n'y a aucune des pensées de l'homme qui ne puisse avoir quelque liaison ou avec la religion, ou avec la politique; et lorsque sur ces deux objets tout est fixé, tout est arreté par un gouvernement jaloux; lorsque toute idée qui s'écarte du canon prescrit, est considérée comme un délit de majesté divine ou humaine, on ne peut plus espérer de l'esprit aucun ressor, du génie aucune vigueur (Sismondi).

Одинъ Филикаіа, сенаторъ Флорентійскій, отличается патріотизмомъ посреди развалинъ. Родился 1642, умеръ 1707. Защита Вѣны Карломъ V, герцогомъ Лотаринскимъ, и освобожденіе оной Яномъ Собѣсскимъ внушили его музу. Онъ прославилъ побѣду христіанскаго оружія въ прекрасныхъ canzone. Въ первый разъ, въ этомъ столѣтіи, Италіянецъ заговорилъ языкомъ сердца. Война наслѣдственная и опустошеніе прекрасной Италіи исторгли этотъ сонетъ, который и теперь славится:

Italia! Italia! o tu cui feo la sorte
Dono infelice di bellezza, ond'hai
Funesta dote d'infiniti guai,
Che in fronte scritti per gran doglia porte.

Deh fossi tu men bella, o almen più forte!
Onde assai più ti paventasse, o assai
T'amasse men, chi del tuo bello ai rai
Par che si strugga, e pur ti sfida a morte.

Che or giù dall'Alpi non vedrei torrenti
Scender d'armati, ne di sangue tinta
Bever l' onda del Pò Gallici armenti.

Nè te vedrei del non tuo ferro cinta
Pugnar, col braccio di straniere genti,
Per servir sempre, o vincitrice o vinta!

Тассони родился въ Моденѣ 1565. Его Похищенное ведро (Secchia rapita) и теперь въ славѣ. Онъ началъ писать противъ Аристотеля и противъ Петрарки. По смерти кардинала Колонны, съ которымъ ѣздилъ въ Испанію, перешелъ къ Карлу Савойскому. Умеръ въ Тосканѣ 1635. Похищенное ведро напечатано въ 1622 году. Предметъ онаго — война Моденцевъ съ Болонцами третьягонадесять вѣка. Моденскіе воины похитили ведро посреди Болоніи и съ тріумфомъ внесли его въ свой городъ. Его и теперь еще показываютъ въ соборной церкви. Досада Болонцевъ и усилія ихъ возвратить столь славный трофей подали мысль Тассони сочинить комическую поэму. Но она довольно скучна, хоть есть умъ, есть и веселость.

Въ то же время (1566—1645) Брачіолини да Пистоіа обнародовалъ поэму Lo scherno degli Dei (Насмѣшка надъ богами). Боги миѳологическіе спускаются на горы Тосканскія и состязаются съ поселянами. Контрастъ боговъ съ мужиками, важнаго языка ихъ съ языкомъ простолюдиновъ забавенъ.

Въ седьмомъ-надесять вѣкѣ родилась опера въ Италіи. Живопись почти кончилась съ Микель - Анжело, современникомъ Аріоста. Его воспитанники процвѣтали еще во времена Тасса: съ ними конецъ музѣ и кисти! Музыка послѣдовала за сими искусствами, и геній, стѣсненный инквизиціею и другими обстоятельствами, сокрылся въ области неприступной, въ области гармоніи и мелодіи.

Еще въ 1594 году поэтъ Ринучини, Флорентинецъ, съ тремя музыкантами сочинилъ миѳологическую драму, гдѣ всѣ искусства должны были слиться во едино. Въ подражаніе декламаціи Грековъ изобрѣли речитативъ. Предметъ зрѣлища—Аполлонъ, побѣда его надъ зміемъ Пиѳономъ, любовь къ Дафнѣ и превращеніе ея въ лавръ. Апостоло Зено, чрезъ столѣтіе по Ринучини, усовершенствовать оперу.

Apostolo Zeno, Венеціанецъ, родомъ изъ Кандіи, родился въ 1669. Онъ зналъ хорошо исторію и первый ввелъ историческія лица въ оперу. Во многомъ подражалъ Французамъ. Всю Ифигенію списалъ съ Расиновой.

***

Осьмой-надесять вѣкъ.

Метастазіо, Альфьери, Гольдони.

Фругони, лучшій изъ лириковъ, родился въ Генуѣ, при концѣ седьмаго - надесять столѣтія, 1692. Тогда Италія, говоритъ Симонди,—была раздѣлена на двѣ партіи: одна—за кавалера Марини, другая—противная. Первая совѣтовала идти за Мариніемъ, вторая—подражать слѣпо классикамъ. Фругони и тѣхъ, и другихъ отринулъ: умъ его былъ совершенно оригинальный. «Il étudia surtout les poètes nés dans les siècles qui sortaient

à peine de la barbarie; il ne les prit pas pour modèles; mais il reconnut chez eux des exemples de la vraie grandeur, et il trouva bientôt en luimême une âme digne de chanter les héros, comme il doivent être chantés. Il parla au coeur et à l'imagination, non à la mémoire; et il n'ambitionna pas le talent peu glorieux de reproduire ce que d'autres ont déjà fait». Умеръ 1768, въ Пармѣ, директоромъ театровъ.

Одинъ изъ первыхъ знаменитыхъ писателей сего вѣка — Сципіонъ Мафей, родомъ изъ Вероны, 1675. Писалъ много въ молодости своей по части словесности, древности, философіи. На тридцать-девятомъ году выдалъ Меропу. Умеръ въ старости 1775.

Гольдони родился въ Венеціи 1707; умеръ въ Парижѣ 1792.

Suite de la comédiè: Гоцци, Альбергати, Авеллони, Федерічи, Герардо де Росси, Жиро, Пиндемонти.

Альфьери.

Другіе писатели:

Фортегверра (Fortinguerra) родился въ Римѣ 1674, подъ именемъ Картеромадо издалъ Риккардетто, поэму въ родѣ Аріостовой.

Фра Паоло Сарпи, Венеціанецъ, родился 1552, написалъ исторію du concile de Trente.

Давила, родомъ Кипреецъ, родился 1576; писалъ исторію междоусобій Франціи отъ 1559 до 1598, «avec une profonde connoissance des temps, des caractères et des intrigues», et avec un enthousiasme pour Henri IV, son héros, qui donne à son histoire le mouvement et l'intérêt d'un roman.

Гвидо Бентивольо писалъ исторію Фландріи и отчетъ своего нунціатства.

Нани—историкъ Венеціи; для періода 1613 до 1673 «est le dernier des écrivains de ce siècle, qui, par son ta-

lent de narrer, et son mérite comme prosateur, ait obtenu quelque estime».

Въ философахъ XVIII вѣка считаютъ Амароти, Венеціанца (1712—1764).

Бетинелли, Мантуанецъ (1718 — 1808), іезуитъ, профессоръ, написалъ двадцать-четыре тома объ искусствахъ, философіи, легкой литературѣ и пр. Писалъ противъ Петрарка и Данте.

Беккаріа и Филажіери писали о законовѣдѣніи и правахъ (1735—1793).

***

Современники наши.

«Les littérateurs actuels de l' Italie s'éfforcent de suppléer, par un grands fonds de pensées, à ce qui leur manque du côté de l'imagination, quand on les compare aux poètes du seizième siècle; l' étude de la philosophie a remplacé celle des classiques, l' esprit a momentanément du moins secoué ses chaînes; beaucoup d'idées nouvelles se sont développées, la connaissance des langues et des littératures étrangères a affranchi de beaucoup de préjugés; et les Italiens, au lieu d'être isolés comme autrefois, font partie aujourd' hui de la grande république littéraire européenne» (Sismondi).

Чезаротти; умеръ недавно, перевелъ Омира свободно, перевелъ Осciана.

Пиньотти, Аретинъ; умеръ недавно; былъ профессоромъ въ Пизѣ, прославилъ себя баснями и другими стихотвореніями. Пиньотти зналъ словесность англійскую и написалъ поэму Тѣнь Попа.

Савіоли, Болонецъ, пѣвецъ любви, Анакреонъ Италіи, одинъ изъ лучшихъ, изъ оригинальныхъ поэтовъ своего времени.

Герардо де Росси, Римлянинъ, поэтъ комическій и анакреонтическій; ниже Савіоли, по увѣренію Сисмонди.

Фантони (Giovanni), Тосканецъ, болѣе извѣстный подъ названіемъ Лабиндо, данное ему академіей аркадовъ. Любовный писатель. Лабиндо написалъ оду къ Италіи 1791, исполненную патріотизма, поэзіи и духа свободы.

Пиндемонти изъ Вероны, Грей Италіи, сочинилъ поэму Четыре части дня, поэму о путешествіяхъ. Братъ его Пиндемонти написалъ трагедію Арминій.

Бертола де Римини, пріятель Пиндемонти, умеръ 1798. Выдалъ три части, множество басенъ.

Бонди, изъ Пармы, писалъ Villeggiatura, поэму на разговоры въ обществѣ, канцоны.

Парини, Миланецъ, умеръ во время революціи, не уступаетъ Анакреону-Савіоли. Подражалъ Локону волосъ изъ Попе; писалъ въ стихахъ противъ революціонеровъ.

Онуфріо Менцони, Феррарецъ, монахъ, писалъ духовныя оды; многія величественны.

Касти: я его знаю.

Монти, Феррарецъ. Италія признаетъ его первымъ поэтомъ «Mobile à l'excès, irritable, passionné, le sentiment présent le domine toujours; il sent avec fureur tout ce qu' il sent, tout ce qu' il croit; il voit les objets auxquels il pense; ils sont tous entiers devant lui, et un langage souple et harmonieux est toujours à ses ordres pour les peindre avec le plus riche coloris». Подражалъ Данте, безпрестанно то бранилъ, то хвалилъ Французовъ. Написалъ Басвильяну. «Hugue Basville était cet envoyé français qui fut massacré à Rome... lorsqu'il cherchait... à y exciter une sédition contre le gouvernement pontifical». Монти изо-

бражаетъ путешествіе души Басвиля въ Парижѣ, гдѣ только что казненъ король. Много прекраснаго!

Импровизаторы: Жіанни, славная Корилла въ Капитоліѣ, Бандетини и проч.

* * *

Ода Венерѣ

Савіоли.

O Figlia alma d'Egioco
Leggiadro onor dell'acque,
Per cui le grazie apparvero,
E'l riso al mondo nacque.

O molle Dea, di ruvido
Fabbro, gelosa cura,
O del figliuol di Cinira
Beata un di ventura.

Teco il garzon cui temono
Per la gran face eterna,
Ubbidienza e imperio
Soavamente alterna.

Accesse a te le tenere
Fanciulle alzan la mano,
Sol te ritrosa invocano
Le antiche madri invano.

Te sulle corde Eolie
Saffo invitar solea,
Quando a quiete i languidi
Begli occhi amor togliea.

E tu richiesta o Venere
Sovente a lei scendesti
Posta in obblio l'ambrosia
E i tetti aurei celesti.

Il gentil carro Idalio
Ch'or le colombe addoppia,

Lieve traea di passera
Nera amorosa coppia.

E mentre udir propizia
Solevi il flebil canto,
Tergean le dita rosee
Della fanciulla il pianto.

E a noi pur anco insolito
Ricerca il petto ardore,
E a noi l'esperta cetera
Dolce risuona amore.

Se tu m'assisti, io Pallade
Abbia se vuol nimica:
Teco ella innanzi a Paride
Perdè la lite antica.

A che valer può l'Egida
Se'l figlio tuo percote?
Quel c h e i suoi dardi possono
L' asta immortal non puote.

Meco i mortali innalzino
Solo al tuo nome altari;
Citera tua divengano
Il ciel, la terra, i mari.

* * *

Изъ Вечера

Пиндемонти.

O cosi dolcemente della fossa
Nel tacito calar sen tenebroso
E a poco a poco ir terminand'io possa
Questo viaggio uman caro e affannoso;
Ma il dì ch'or parte, riederà; quest' ossa
Io più non alzerò dal lor riposo;
Nè il prato, e la gentil sua varia prole
Rivedró più, nè il dolce addio del sole.

Forse per questi ameni colli un giorno
Volgerà qualche amico spirto il passo,

E chiedendo di me, del mio soggiorno
So gli fia mostro senza nome un sasso
Sotto quell'elce, a cui sovente or torno
Per dar ristoro al fianco errante e lasso,
Or pensoso ed immobile qual pietra,
Ed or voci Febée vibrando all'etra.

Mi coprirà quella stess' ombra morto,
L'ombra, mentr'io vivea, si dolce avuta,
E l'erba, de'miei lumi ora conforto,
Allor sul capo mi sarà cresciuta.
Felice tè dirà forse ei, che scorto
Per una strada è ver solinga e muta,
Ma d'onde in altro suol meglio si varca,
Giungesti quasi ad ingannar la Parca...

* * *

Изъ поэмы его противъ путешествій.

Oh felice chi mai non pose il piede
Fuori della natia sua dolce terra;
Egli il cor non lascio fitto in oggetti
Che di più riveder non ha speranza,
E ciò, che vive ancor, morto non piange...
Se l'importuna
Morte tè vuol rapir, brami tu dunque
Che nella stanza d'un ostier ti colga
Lunge dà tuoi, trà ignoti volti, e in braccio
D'un servo, che fedel prima, ma guasto
Anch'ei dal lungo viaggiar, tuoi bianchi
Lini, le sete e i preziosi arredi
Mangia con gli occhi, e nel suo cuor t'uccide?
Non pietà di congiunto, non d'amico
Vienti a chiuder le ciglia; debilmente
Stringer non puoi con la mano mancante
Una man cara, e un caro oggetto indarno
Da moribondi erranti occhi cercato,
Gli chini sul tuo sen con un sospiro.

* * *

Изъ Бартола ди Римини басня:

Крокодилъ и Ящерица.

Una lucertoletta
Diceva al cocodrillo:
O quanto mi diletta
Di veder finalmente
Un della mia famiglia
Si grande e si potente!
Ho fatto mille miglia
Per venirvi a vedere:
Sire trà noi si serba
Di voi memoria viva,
Benche fuggiam tra l'erba
E il sassoso sentiere,
In sen però non langue
L'onor del prisco sangue.
L'anfibio rè dormiva
A questi complimenti;
Pur sugli ultimi accenti
Dal sonno si riscosse
Ed addimandò chi fosse;
La parentela antica
Il cammin, la fatica
Quella gli torna a dire:
Ed ei torna a dormire.

**
*

Сонетъ Менцони.

Quando Gesù con l' ultimo lamento
Schuise le tombe, e le montagne scosse,
Adamo rabuffato e sonnolento
Levò la testa, e sovra i piè rizzose.

Le torbide pupille intorno mosse
Piene di maraviglia e di spavento,
E palpitando addimandò chi fosse
Lui che pendeva insanguinato e spento.

Come lo seppe, alla rugosa fronte,
Al crin canuto, ed alle guance smorte
Colla pentita man fè danni ed onte.

Si volse lagrimando alla consorte
E gridò sì, che rimbombonne il monte:
Io per tè diedi al mio signor la morte.

Это очень забавно:

Pria,
Che a veder altro più vi meni avante,
Io vi dirò quel, che a me dir solia
Il bisavolo mio, quand'io era infante;
E quel, che similmente mi dicea
Che dal suo padre udito anch'esso avea:
E'l padre suo da un altro, o padre, o fosse
Avolo; e l' un d'all' altro, fino a quello
Che'a udirlo da quel proprio ritrovosse,
Che l'immagini fe' senza penello,
Che qui vedete bianche, azzurre, e rosse, и пр.

(Аріосто, XXXIII-я пѣснь).

Когда васъ нѣтъ (грацій), храпя музыка дремлетъ,
И живопись нахмуренъ видъ пріемлетъ,
А гордая архитектура грузъ.
Поэзія души не восхищаетъ,
И танцы всѣ—лишь шарканье ногой.

Княжнинъ.

Надобно, чтобы въ душѣ моей никогда не погасла прекрасная страсть къ прекрасному, которое столь привлекательно въ искусствахъ и въ словесности, но не должно пресытиться имъ. Всему есть мѣра. Творенія Расина, Тасса, Виргилія, Аріоста плѣнительны для новой души: счастливъ—кто умѣетъ плакать, кто можетъ проливать слезы удивленія въ тридцать лѣтъ. Горацій просилъ, чтобы Зевесъ прекратилъ его жизнь, когда онъ

учинится безчувственъ ко звукамъ лиръ. Я очень его понимаю молитву....

Я нашелъ въ Россіядѣ мѣсто, которое мнѣ очень понравилось; не помню, было ли оно замѣчено Мерзляковымъ. Іоаннъ (пѣснь VIII-я) на походѣ, утомленный зноемъ и зрѣлищемъ гибнущихъ воиновъ, засыпаетъ. Правда, стихи иные вялы, все растянуто; но въ этихъ растянутыхъ членахъ узнаешь поэта:

И нощь кругомъ его простерла чорны тѣни;
На перси томную склоняетъ царь главу
И зритъ во смутномъ снѣ, какъ будто на яву:
Мечтается ему, что мракъ густой рѣдѣетъ,
Что облакъ огненный, сходя на землю, рдѣетъ,
Сокрылись звѣзды вдругъ, затмилася луна,
И всюду страшная простерлась тишина.
Багрово облако къ герою приближалось;
Упало передъ нимъ и вскорѣ разбѣжалось....
Видѣнье чудное исходитъ изъ него:
Серпомъ луна видна среди чела его,
Въ десницѣ держитъ мечъ, простертый къ оборонѣ;
Онъ видится сидящъ на пламенномъ драконѣ;
Великій свитокъ онъ въ другой рукѣ держалъ.....

За симъ нѣсколько стиховъ столь вялыхъ, столь плоскихъ, что я не имѣю духа переписать. Наконецъ, заговорилъ Магометъ или видѣніе. Рѣчь его вообще достойна эпопеи и напоминаетъ замашку самого Тасса:

«О царь! . . . . . .
«Печали вкругъ тебя сливаются какъ море,
«И ты въ чужой землѣ погибнешь съ войскомъ вскорѣ
«Погаснетъ счастіе и слава здѣсь твоя.
«Тебя забылъ твой Богъ, могу избавить я!
«Могу, когда свой мракъ отъ сердца ты отгонишь,
«Забывъ отечество, ко мнѣ главу преклонишь.
«Такимъ ли Іоаннъ владѣньемъ дорожитъ,
«Гдѣ мракъ шесть мѣсяцевъ и снѣгъ въ поляхъ лежитъ,
«Гдѣ солнце косвенно лучами землю грѣетъ,

«Гдѣ сладкихъ нѣтъ плодовъ, гдѣ тернъ единый зрѣетъ,
«Гдѣ царствуетъ во всей свирѣпости Борей!
«Страна твоя—не тронъ, темница для царей.
«Отъ снѣжныхъ водъ и горъ, отъ сей всегдашней ночи
«На полдень обрати, къ зарѣ вечерней очи,
«Къ востоку устреми вниманіе и взоръ:
«Тамъ первый встрѣтится твоимъ очамъ Босфоръ,
«Тамъ гордые стоятъ моихъ любимцевъ троны,
«Дающихъ греческимъ невольникамъ законы;
«Тобою чтимые угасли алтари:
«Познай и мочь мою, и власть, и силу зри!
«Съ священнымъ трепетомъ тобой гробница чтима,
«Подъ стражею моей лежитъ въ стѣнахъ Салима;
«И Газа древняя, Азоръ, и Аскалонъ,
«Геѳана, Виѳлеемъ, Іорданъ и Ахаронъ
«Передъ лицемъ моимъ колѣна преклонили.
«Мои рабы твой крестъ, Давидовъ градъ плѣнили;
«Не страхомъ волю ихъ, я волей побѣдилъ:
«Ихъ мысли, ихъ сердца, ихъ чувства усладилъ.
«Я отдалъ веси имъ, исполнены прохлады,
«Гдѣ вкусные плоды, гдѣ сладки виноградy,
«Гдѣ воздухъ и земля рождаютъ ѳиміамъ.
«Вода родитъ жемчугъ, пески златые тамъ;
«Тамъ чистое сребро, тамъ бисеры безцѣнны;
«Поля стадами тамъ и жатвой покровенны.
«Полсвѣта я моимъ любимцамъ отдѣлилъ:
«Богатый отдалъ Ормъ и многоводный Нилъ,
«И поднебесную вершину Арбарима,
«Отколѣ Ханаанъ и Палестина зрима,
«Божественный Сіонъ, израильтянскій градъ,
«И млекоточный Тигръ, и сладостный Евфратъ:
«Тѣ воды, что эдемъ цвѣтущій напояли,
«Гдѣ солнечны лучи впервые возсіяли.
«Въ вечерней жители и въ западной странѣ
«Меня пророкомъ чтутъ, приносятъ жертвы мнѣ!
«Склонись и ты, склонись! Я жизнь твою прославлю,
«Печали отжену и миръ съ тобой поставлю;
«Я вѣтры тихіе на полнощь обращу,
«Стихіи на тебя возставши укрощу,
«Украшу твой вѣнецъ, вручу тебѣ державы...
. . . . . .
«Послѣдуй, царь, за мной, дай руку мнѣ твою». . . .

Царь поднялъ мечъ, и видѣніе изчезло... Херасковъ прибавляетъ: «Безбожіе то было!» и потомъ: «Целена ввергнула въ подобный страхъ Енея!» Вотъ какъ онъ самъ все, что ни создастъ въ счастливую минуту, разрушитъ! Но рѣчь Магометова по истинѣ прекрасна, краснорѣчива! Власть, которую онъ предлагаетъ несчастному царю, имена южныхъ городовъ и областей, это все достойно эпопеи. Впрочемъ—замѣчу про себя—я не знаю скучнѣе и холоднѣе поэмы. Она вяла, утомительна, въ слогѣ виденъ и недостатокъ мыслей, чувствъ, и вездѣ какая-то дрожь. А планъ... стыдно и говорить о немъ!

Изъ комментарій на Энеиду, переводъ Делиля.

«On a souvent dit que depuis l' invention de la poudre, depuis que les hommes ne se pressent plus corps à corps sur un champ de bataille, les tableaux de la guerre fournissent moins de descriptions à la poésie. Cette assertion restera sans réponse jusqu'à qu'un poète de génie se soit lui-même trouvé sur un champ de bataille, et qu'il ait entendu les coups redoublés de la mousqueterie et les éclatantes détonations du canon. Quoi de plus imposant, en effet, que ces lignes immenses, hérissées d'armes brillantes, qui se meuvent à la fois, que la fumée couvre tout à coup, et que des feux pareils à ceux de la foudre éclairent par intervalles? Ajoutez-y le sifflement des balles, celui du boulet meurtrier, qui frappe la terre et prend un nouvel essor; les éclats de l'obus, qui porte au loin ses ravages; la marche imposante de la bombe enflammée qui descend jusqu'aux entrailles de la terre, et dont les éclats, semblables à l'éruption d'un volcan, soulèvent les plus vastes édifices».

А я скажу рѣшительно, что (кромѣ нравовъ) сраженія новѣйшія живописнѣе древнихъ, и потому болѣе способны къ поэзіи. У насъ же есть казаки, которые могутъ играть великую ролю: у нихъ сабля и пика. У насъ Башкиры, Черкесы, Татары; у насъ Поляки, Нѣмцы. У насъ... у насъ... у насъ...

***

«Evandre, ce bon roi, parent d'Enée, et bientôt son allié, habite, dans un coin d'Italie, un palais de chaume; sa musique est le chant des oiseaux perchés sur son toît; son trône est une chaise d'érable; son lit, quelques feuilles récouvertes d'un peau de lion; sa garde, deux chiens fidèles, qui l'accompagnent dans ses courses. Toute la campagne qui environne sa petite ville est encore inculte et sauvage; mais c'est là que doit être un jour l'emplacement de Rome. Des troupeaux bêlent ou mugissent encore dans ces lieux agrestes; mais là doit exister un jour le Forum Romanum, théâtre de la gloire de Ciceron, où se traiteront les plus grands interêts du peuple romain, là sera le magnifique quartier des Carêtres, couvert encore de paturages, de buissons et de ronces, qui doivent faire place aux palais des Crassus, des Lucullus, et devenir le rendez-vous du luxe et le siége de la magnificence de Rome. Evandre, en montrant ces lieux à Enée, n'oublie aucun de ceux qui seront un jour célèbres. Il lui montre le bois d'Argilète, la porte Carmentale, ainsi appelée du nom de la prêtresse qui avait prophétisé les grandeurs de Rome, cette roche Tarpeienne, destinée à une si terrible célebrité, et ce superbe Capitole, d'où devaient partir pour tous les royaumes du monde la paix ou la guerre, des couronnes ou des fers. Déjà les habitans du pays ne voyaient qu'avec respect cette roche fameuse et le bois qui l'environnait; déjà

ils étaient persuadés qu' une divinité habitait dans ces lieux; déjà dans leur orgueilleux superstion ils avaient cru voir plus d'une fois Jupiter lui-même, assis sur un nuage, secouer sa redoutable égide et faire gronder son tonnerre qui semblait proclamer la puissance romaine... S'il s'agit de poésie, quoi de plus sublime que ces contrastes admirables entre l'état obscur et sauvage de ces lieux et la splendeur des pompes triomphales qui leur étaient réservées»...

Надобно писать: непоколебимый, а не неколебимый, такъ какъ пишутъ непотресаемый, а не нетресаемый.

Шуваловъ, меценатъ Ломоносова, назывался Иваномъ Ивановичемъ. Шуваловъ поэтъ — Андрей Петровичъ.

«Медъ обрѣтъ яждь умѣренно, да не како пресыщенъ изблюеши. Не учащай вносити ногу твою ко другу твоему, да не когдà насыщся тебѣ, возненавидитъ тя».

Притчи Соломоновы.

Добрая Лисица

Крылова.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое!
Но нѣтъ, за ней должны еще погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ
И холодъ
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
«Какъ можно не страдать
«Такое горе видя!»
Лисица птицамъ говоритъ,
На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя.—
«Не киньте, милые, безъ помощи дѣтей,
«Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,

«Хоть по соломенкѣ къ ихъ гнѣздышку [illegible]
«Вы этимъ жизнь ихъ сохраните:
«Что дѣла добраго святѣй!
«Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ [illegible]
«Не лучше ль дать себя немного [illegible]
«И перьемъ бы твоимъ постельку ихъ устлать.
«Вѣдь попусту жъ его ты растеряешь!
«Ты, жаворонокъ, чѣмъ по [illegible]
«Тебѣ кувыркаться, крутиться.
«Ты бъ корму поискалъ по нивамъ [illegible]
«Чтобъ съ сиротами повозиться.
«Ты, горленка, твои птенцы [illegible]
«Промыслить кормъ они и сами бы могли:
«Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла.
«Да вмѣсто матери къ малюткамъ сѣла.
«А дѣтокъ бы твоихъ пусть [illegible]
«Берегъ.
«Ты бъ, ласточка, ловила мошекъ
«Полакомить безродныхъ крошекъ:
«А ты бы, милый соловей,
«Когда птенцочекъ ко сну [illegible]
«Межъ тѣмъ какъ съ гнѣздышекъ [illegible]
[illegible]
«Ты бъ прибаюкивалъ ихъ пѣсенкой [illegible]
«Такою нѣжностью, [illegible]
«Вы бъ замѣнили имъ ихъ [illegible]
«Послушайте меня: докажемъ, что [illegible]
«Есть добрыя сердца, и что... При [illegible]
Малютки бѣдныя всѣ трое
Не могши съ голоду сидѣть въ [illegible]
Попадали къ листѣ на [illegible]
Что жъ кумушка? Тотчасъ [illegible]
И поученья не [illegible]

Читатель, не дивись:
Кто добръ по истинѣ, не [illegible]
Въ молчаньи тотъ добро творитъ:
А кто про доброту лишь въ [illegible]
Тотъ часто только добръ на [illegible]
За тѣмъ, что въ этомъ [illegible]
На дѣлѣ же почти [illegible]
Сродни [illegible]

Безъ сомнѣнія, эта одна изъ лучшихъ басенъ Крылова. Изобрѣтеніе, разсказъ, слогъ, здѣсь все прелестно. Краснорѣчіе лисы убѣдительно, и послѣдняя черта — chef-d'oeuvre: «И поученья не допѣла!»

На смерть сына.

Какъ цвѣтъ, полуднемъ опаленный,
Цвѣтетъ и вянетъ въ тотъ же часъ,—
Ко смерти ранней обреченный,
Твой сынъ на утрѣ дней погасъ.
Надъ колыбелью и могилой
Одинъ весенній день всходилъ:
Почто ему родиться было,
Когда онъ жить не долженъ былъ!
Какъ облако благоуханья
Кадилъ, пылающихъ къ богамъ,
Его ты душу въ часъ прощанья
Ловилъ по трепетнымъ устамъ.
Тебѣ, на небо отлетая,
Онъ вздохъ послѣдній передалъ,
И, нѣжно на тебя взирая,
Онъ медленно свой взоръ смыкалъ.
Давно ль съ надеждою крылатой
Носилися твои мечты
Въ дали грядущаго богатой,
И въ сынѣ друга видѣлъ ты,
Опору жизни престарѣлой,
Воспоминанья прежнихъ дней,
И въ юности его веселой
Замѣну юности твоей?
Изчезнулъ счастья призракъ милый,
Какъ легкій сонъ слетаетъ съ вѣждъ...
И дремлетъ кипарисъ унылый
Надъ гробомъ всѣхъ твоихъ надеждъ.
На прахъ съ тобой несу я слезы:
Онъ горести ихъ не вкусилъ,
И съ ними утреннія розы,
Которымъ онъ ровесникъ былъ.

Вяземскій.

Симонидъ.

Сокращено изъ Анахарсиса.

Симонидъ, сынъ Леопрепеса, родился въ Цеосѣ. Онъ заслужилъ уваженіе царей, мудрецовъ и великихъ людей своего времени. Изъ сего числа былъ Гиппархій Аѳинскій, Павзаній, царь Лакедемонскій, гордящійся побѣдами надъ Персами, Алевій, царь Ѳессаліи, Гіеронъ, въ началѣ тиранъ Сиракузы, потомъ отецъ подданныхъ своихъ, и наконецъ, Ѳемистоклъ, хотя не царь родомъ, но побѣдившій сильнѣйшаго изъ царей.

Греческіе владѣльцы любили окружать тронъ свой талантами во всѣхъ родахъ. Имъ нравились острыя слова: Симонидовы и до сихъ поръ славны.

За столомъ Павзанія находился Симонидъ. Царь требуетъ у него философическаго изреченія. «Помни, что ты человѣкъ», говоритъ ему Симонидъ. Павзаній не нашелъ ничего остраго въ семъ отвѣтѣ. Но въ злополучіи, его постигшемъ, онъ позналъ всю истину его, истину ужасную, о которой цари очень рѣдко памятуютъ.

Симонидъ былъ поэтъ-философъ. Счастливое сліяніе сихъ свойствъ сдѣлало полезными его дарованія и мудрость его любезною. Слогъ его, исполненный сладости, простъ, плавенъ и по мастерскому составленію словъ удивителенъ. Онъ воспѣвалъ похвалу богамъ, побѣды Грековъ надъ Персами, тріумфы бойцовъ на ристалищѣ. Стихами описывалъ царствованія Камбиза и Дарія, испыталъ силы свои во всѣхъ родахъ поэзіи и отличился особенно въ элегіаческой и въ жалобныхъ пѣсняхъ. Никто лучше его не владѣлъ искусствомъ, прелестнымъ и возвышеннымъ искусствомъ исторгать слезы; никто лучше его не описывалъ положенія несчастія, жалость пробуждающія. Не его слышимъ—слезы и

стенанія злополучія, семейство, оплакивающее потерю отца или сына. То видимъ Данаю, нѣжную мать, борющуюся съ младенцемъ противъ волнъ разъяренныхъ: бездны зіяютъ окрестъ несчастной, и ужасъ смерти въ сердцѣ ея. То видимъ Ахилла, исходящаго изъ пыльной гробницы: онъ предвѣщаетъ Грекамъ, оставляющимъ берега Илія, злополучія, небомъ и морями уготованныя.

«Ces tableaux, que Simonide a remplis de passion et de mouvement, sont autant de bienfaits pour les hommes; car c'est leur rendre un grand service, que d' arracher de leurs yeux ces larmes précieuses qu'ils versent avec tant de plaisir, et de nourrir dans leur coeur ces sentiments de compassion destinés, par la nature à les rapprocher les uns des autres, et les seuls en effet qui puissent unir des malheureux».

Характеръ человѣка имѣетъ вліяніе на его мнѣнія, и потому философія Симонида была тихая и скромная. Система оной, судя по сочиненіямъ его и нѣкоторымъ правиламъ, заключалась въ слѣдующихъ изрѣченіяхъ: «Не станемъ измѣрять глубину верховнаго существа: довольствуемся знаніемъ, что все исполняется по его волѣ: онъ одинъ истинно добродѣтеленъ. Люди имѣютъ слабый лучъ добродѣтели, и то отъ благости его. Да не хвалятся совершенствомъ, котораго имъ не достигнуть. Добродѣтель витаетъ посреди скалъ неприступныхъ. Трудами, безперестанными усиліями человѣки приближаются къ оной, но вскорѣ тысячи случаевъ разнородныхъ увлекаютъ ихъ въ зіяющую бездну. И такъ, жизнь ихъ есть сліяніе зла съ добромъ. Трудно быть часто добродѣтельнымъ; не возможно быть таковымъ вѣчно. Станемъ съ радостію хвалить прекрасныя дѣянія; отклонимъ очи отъ дѣяній недостойныхъ, или потому, что преступный намъ дорогъ, или потому, что мы должны

. . . . «Le malheur n' écrase qu'un seul; et la crainte, les autres. L' idée d'être exposé à de pareilsmalheurs produit le même effet que si on les eût éprouvés. Tous les esprits sont alarmés des maux soudains qui arrivent aux autres. Si les oiseaux sont effrayés par le son même d'une fronde vuide, nous tressaillons comme eux au seul bruit des événemens dont nous ne sentons pas les coups.

«Tant que la vertu vous restera, vous ne sentirez pas les pertes que vous aurez éprouvées».

Вообще стоики полагали, что нечувствительность, совершенное безстрастіе есть высочайшая степень добродѣтели. Епиктетъ говоритъ: «Если ты любишь глиняный горшокъ, такъ повторяй же себѣ: я люблю глиняный горшокъ. Онъ сломаться можетъ, а ты не долженъ сокрушаться. Ты любишь сына или жену,—такъ повторяй себѣ: я люблю существа смертныя. Они могутъ умереть, но ты не долженъ плакать о нихъ. Если ты видишь, что кто-нибудь плачетъ о потерѣ сына, не полагай его несчастливымъ. Не откажись, однако, плакать съ нимъ, если это необходимо нужно, но берегись, чтобы жалость твоя притворная не перешла въ душу твою и ея не возмутила». Маркъ Аврелій, сей вѣнчанный стоикъ, говоритъ и болѣе того: «Не плачь съ тѣми, которые плачутъ, и ничѣмъ не трогайся». Это совершенно противно словамъ нашего Божественнаго Учителя.

Стоики желали сосредоточить человѣка въ себѣ, отторгнуть его отъ общества: это разрушаетъ истинные законы добродѣтели, которые учатъ насъ помогать другъ другу, сострадать. Безстрастіе можетъ быть полезно человѣку частно: но оно есть родъ нѣкотораго преступленія въ обществѣ.

***

Платонова система по Сенекѣ.

«Je vais suivre le six classes d'êtres, suivant Platon. La première n'en contient qu'un, et cet être n'est perceptible, ni à la vue, ni au toucher, ni à aucun de nos sens; il n'est qu'intelligible, parce qu'il n'existe qu'en abstraction. Ainsi l'homme abstrait ne frappe point la vue; mais il la frappe s'il est individualisé, comme Cicéron et Caton. L'animal abstrait ne se voit pas non plus, mais se conçoit; les individus sont visibles, comme tel cheval, tel chien, etc.

Существо втораго разряда (classe) превосходитъ всѣ другія существа: оно есть лучшее существо, высшее. Названіе поэта, общее всѣмъ стихотворцамъ, означаетъ только одного: когда говорятъ поэтъ у Грековъ, то они понимаютъ подъ симъ названіемъ одного Гомера. Сіе лучшее, сіе верховное существо есть Богъ, величайшее, сильнѣйшее изъ всѣхъ существъ.

Третій классъ заключаетъ тѣ существа, которыя имѣютъ свойственное имъ только существованіе; они безчисленны, но незримы. Кто же они? Собственныя творенія Платона; онъ называетъ ихъ идеями безсмертными, незыблемыми, нетлѣнными; онѣ суть образы всѣхъ тѣлъ. И вотъ дефиниція имъ: Идея, слѣдуя Платону, есть архетипъ вѣчный всѣхъ твореній натуры. Примѣръ: я хочу писать съ тебя портретъ; ты—образецъ, модель; у тебя заимствую черты, которыя перейдутъ въ мое дѣло (ouvrage). И такъ, сіе лицо, которое я разсматриваю, созерцаю, которое управляетъ моею кистью, котораго я стараюсь схватить сходство, есть то, что Платонъ называетъ идеею. Натура переполнена подобныхъ образовъ, по коимъ она образуетъ всѣ свои творенія.

Въ четвертомъ классѣ эидосъ. Удвойте вниманіе

ваше, восклицаетъ Сенека;—если матерія слишкомъ отвлеченною вамъ покажется, то не вините меня, а Платона: тонкія мысли всегда трудны. Вы помните: я употребилъ сравненіе съ живописцемъ. Онъ смотрѣлъ на Виргилія, желая списать съ него портретъ; и такъ, Виргиліево лицо было идея, то-есть, модель, образецъ картины. Черты, переведенныя имъ или похищенныя отъ лица, суть эидосъ. Теперь, спрашиваю: какая разница между идеею и эидосомъ? Первая есть образецъ, второй—то, что переходитъ отъ образца въ копію. Артистъ подражаетъ первой и самъ творитъ другое. Статуя имѣетъ черты, ей свойственныя: вотъ эидосъ. Модель имѣетъ физіогномію, которая руководствовала рѣзцомъ ваятеля: вотъ идея. Другая отлика: эидосъ—въ твореніи, идея—внѣ творенія; она—даже предшественница онаго.

Въ пятомъ классѣ существа, имѣющія только обыкновенное (грубое) существованіе. Мы принадлежимъ къ оному и звѣри, и всѣ тѣла.

Шестый составленъ изъ существъ, имѣющихъ одну тѣнь существованія, какъ напримѣръ, время, пустота. Все, что мы видимъ, осязаемъ, не имѣетъ собственнаго существованія. Безпрестанныя истеченія, втеченія измѣняютъ, увеличиваютъ или уменьшаютъ оное. Кто подобенъ себѣ въ старости? На утро уже не тотъ, что былъ вчера. Тѣла наши суть рѣки протекающія. Время бѣжитъ, и съ нимъ всѣ тѣла, подлежащія нашимъ чувствамъ. Все измѣняется, ничто не постоянно. Я говорю: все измѣняется, и говоря это, самъ измѣняюсь. (NB. Не знаю, есть ли это въ Платонѣ, но этотъ оборотъ Сенеки очень живъ и живописенъ). И вотъ почему справедливо сказалъ Гераклитъ, что два раза не купаемся въ одной рѣкѣ: ей остается одно имя, вода

прежняя утекла. Это измѣненіе чувствительнѣе въ рѣкѣ, нежели въ человѣкѣ; но потокъ, насъ увлекающій, не менѣе сего быстръ, и я не могу понять глупости нашей, взирая, съ какимъ пристрастіемъ мы любимъ наше тѣло преходящее, когда каждая минута есть смерть нашего первобытнаго состоянія. Весь міръ измѣняется, перерождается, и пр. и пр. и пр.

Къ чему это, къ чему сіи тонкости? восклицаетъ Сенека.—Это увеселеніе практическаго философа. Но, продолжаетъ онъ,—изъ сего увеселенія можно извлечь пользу. Идеи Платоновы могутъ насъ утвердить въ добродѣтели, укротить страсти, ибо онѣ открываютъ намъ великую истину, что всѣ предметы, возбуждающіе, увеселяющіе наши страсти, не имѣютъ существованія. Это образы легкіе, не твердые, не постоянные, и мы желаемъ обладать оными! Слабыя, ломкія существа, мы дышимъ одну минуту; и такъ, употребимъ ее на возвышеніе къ вѣчности, къ предметамъ величественнымъ. Станемъ созерцать сіи формы всѣхъ вещей, сіи формы, летающія въ пространствѣ. (NB. Ничего опять не понимаю, а чувствую только, что это прекрасно). Посреди ихъ Богъ, существо благое, которое спасаетъ міръ отъ разрушенія, міръ — увы! — не вѣчный и пр. Богъ спасаетъ міръ отъ разрушенія; мы должны спасать отъ онаго наше тѣло. Какъ? Укрощеніемъ страстей и пр. Платонъ—примѣръ намъ: онъ достигъ до глубокой старости, побѣждая страсти, укрощая гнѣвъ, ненависть, любовь и пр.

***

Мое.

Я замѣтилъ, что посреди великихъ чувствъ дружбы и любви имѣются какія-то искры эгоизма, которыя рано

или поздно разгораются и дружбу и любовь пожираютъ. Одна добродѣтель, но твердая и постоянная и дѣятельная, можетъ погасить ихъ.

Сенека, разъѣзжая въ дурной повозкѣ въ окрестностяхъ пышнаго Рима, краснѣлъ, когда встрѣчалъ богатыхъ людей. «Кто краснѣетъ отъ худой повозки», воскликнулъ онъ,—«будетъ гордиться богатою колесницею!» Avis au lecteur, à celui plutôt qui vient de transcrire le passage de Sénèque.

У Сенеки было несчетное множество костяныхъ столовъ: посудите о его богатствѣ; вѣрить ли похвалѣ его бѣдности? Лагарпъ на него жестоко нападаетъ, а изъ комментаторовъ Юстъ-Липсій. Справлюсь съ ними. Но Лагарпу нельзя во всемъ вѣрить: онъ человѣкъ пристрастный. Дидеротъ пожаловалъ Сенеку въ Сократы,—то какъ не бранить его Лагарпу?

Чѣмъ болѣе читаю Сенеку, тѣмъ болѣе нахожу, что онъ похожъ на Шатобріана: Шатобріанъ—Сенека въ христіанствѣ по слогу, по душѣ, не смѣю сказать по поведенію.

Петербургская жизнь.

Квартира	500
Дрова, освѣщеніе и чай	500
Трое людей	500
Кушанье	1000
Платье	1000
Экипажъ въ разныя времена . .	1000
Издержки непредвидѣнныя . . .	1000
	5500

Если устрою дѣла мои, какъ желается, то могу имѣть до семи тысячь. О милая независимость! Но когда,

какъ? Всѣ силы употреблю. Будь мнѣ благопріятно, Провидѣніе!

Мая 3-го 1817.

Болѣзнь моя не миновала, а немного затихла. Кругомъ мрачное молчаніе, домъ пустъ, дождикъ накрапываетъ, въ саду слякоть. Что дѣлать? Все прочиталъ, что было, даже Вѣстникъ Европы. Давай вспоминать старину. Давай писать на бѣло impromptu безъ самолюбія, и посмотримъ что выльется; писать такъ скоро, какъ говоришь, безъ претензій, какъ мало авторовъ пишутъ, ибо самолюбіе всегда за полу дергаетъ и на мѣсто перваго слова заставляетъ ставить другое. Но Монтань писалъ, какъ на умъ приходило ему. Вѣрю. Но Монтань—человѣкъ истинно необыкновенный. Я сравниваю его умъ съ запруженнымъ источникомъ: поднимите шлюзу, и вода хлынетъ и течетъ безпрестанно, пѣнясь, кипя, течетъ всегда чистая, всегда здоровая—отъ чего? Отъ того, что резервуаръ былъ обиленъ. Съ маленькимъ умомъ, съ вялымъ и небыстрымъ, каковъ мой, писать прямо на бѣло очень трудно, но сегодня я въ духѣ и хочу сдѣлать tour de force. Перо немного разсѣетъ тоску мою. И такъ... Но вотъ ужь я и въ тупикъ сталъ. Съ чего начать? О чемъ писать? Отдавать себѣ отчетъ въ протекшемъ, описывать настоящее и планы будущаго. Но это – признаться—очень скучно. Говорить о протекшемъ хорошо на старости, и то великимъ людямъ или богатымъ передъ наслѣдниками, которые изъ снисхожденія слушаютъ:

On en vaut mieux quand on est écouté.

Что говорить о настоящемъ! Оно едва ли существуетъ. Будущее... о, будущее для меня очень тягостно съ нѣ-

котораго времени! И такъ, пиши о чемъ-нибудь; разсуждай! Разсуждать нѣсколько разъ пробовалъ, но мнѣ что-то все не удается: для меня, говорятъ добрые люди,— разсуждать все равно, что иному умничать. Это больно. Отъ чего я не могу разсуждать?

Первый резонъ: малъ ростомъ.

2-й » не довольно дороденъ.

3-й » разсѣянъ.

4-й » слишкомъ снисходителенъ.

5-й » ничего не знаю съ корня, а одни вершки, даже и въ поэзіи, хотя цѣлый вѣкъ блѣднѣю надъ рифмами.

6-й » не чиновенъ, не знатенъ, не богатъ.

7-й » не женатъ.

8-й » не умѣю играть въ бостонъ и въ вистъ.

9-й » ни въ шахъ и матъ.

10-й »

11-й » Послѣ придумаю остальные резоны, по которымъ разсудокъ заставляетъ меня смиряться. Но писать надобно. Мнѣ очень скучно безъ пера. Пробовалъ рисовать—не рисуется; писать вензеля— теперь ни въ кого не влюбленъ; что же дѣлать, научите добрые люди, а говорить не съ кѣмъ. Не знаю, какъ помочь горю. Давай подумаю. Кстати, вспоминаю чужія слова — Вольтера, помнится: et voilà comme on écrit l'histoire! Я вспомнилъ ихъ машинально, почему не знаю, а эти слова заставляютъ меня вспомнить о томъ, чему я бывалъ свидѣтелемъ въ жизни моей, и что видѣлъ послѣ въ описаніи. Какая разница, Боже мой, какая! Et voilà comme on écrit l'histoire!

Простой ратникъ, я видѣлъ паденіе Москвы, видѣлъ войну 1812, 13 и 14, видѣлъ и читалъ газеты и совре-

менныя исторіи. Сколько лжи! И вотъ тому примѣръ въ Сѣверной Почтѣ.

Мы были въ Эльзасѣ. Раевскій командовалъ тогда гренадерами. Призываетъ меня вечеромъ кой о чемъ поболтать у камина. Войско было тогда въ совершенномъ бездѣйствіи, и время, какъ свинецъ, лежало у генерала на сердцѣ. Онъ курилъ очень много по обыкновенію, читалъ журналы, гладилъ свою американскую собачку—животное самое гнусное, не тѣмъ бы вспомянуть его, и которое мы, адъютанты, изподтишка били, и ласкали въ присутствіи генерала, что очень не похвально, скажете вы; но что же дѣлать? Примѣръ подавали свыше—другіе генералы, находившіеся подъ начальствомъ Раевскаго. Мало по малу всѣ разошлись, и я остался одинъ. «Садись!» Сѣлъ. «Хочешь курить?» «Очень благодаренъ». Я изъ гордости не позволялъ себѣ никакой вольности при его высокопревосходительствѣ. «Ну, такъ давай говорить!» «Извольте». Слово за слово, разговоръ сдѣлался любопытенъ. Раевскій очень уменъ и удивительно искрененъ, даже до ребячества, при всей хитрости своей. Онъ же меня любилъ (въ это время), и слова лились рѣкою. Всѣмъ доставалось: Silis a cela de bon, c'est que quand il frappe, il assomme. Онъ вовсе не ученъ, но что знаетъ, то знаетъ. Умъ его лѣнивъ, но въ минуты дѣятельности ясенъ, остеръ. Онъ засыпаетъ и просыпается. Но дѣло теперь о томъ, что онъ мнѣ говорилъ. Кампанія 1812 года была предметомъ нашего болтанья.

«Изъ меня сдѣлали Римлянина, милый Батюшковъ», сказалъ онъ мнѣ,—«изъ Милорадовича—великаго человѣка, изъ Витгенштейна—спасителя отечества, изъ Кутузова—Фабія. Я не Римлянинъ, но за то и эти господа—не великія птицы. Обстоятельства ими управ-

ляли, теперь всѣмъ движетъ государь. Провидѣніе спасало отечество. Европу спасаетъ государь, или Провидѣніе его внушаетъ. Пріѣхалъ царь—всѣ великіе люди изчезли. Онъ былъ въ Петербургѣ—и карлы выросли. Сколько небылицъ напечатали эти карлы! Про меня сказали, что я подъ Дашковкой принесъ на жертву дѣтей моихъ. «Помню», отвѣчалъ я,—«въ Петербургѣ васъ до небесъ превозносили». «За то, чего я не сдѣлалъ, а за истинныя мои заслуги хвалили Милорадовича и Остермана. Вотъ слава, вотъ плоды трудовъ!» «Но помилуйте, ваше высокопревосходительство, не вы ли, взявъ за руку дѣтей вашихъ и знамя, пошли на мостъ, повторяя: впередъ, ребята; я и дѣти мои откроемъ вамъ путь ко славѣ, или что-то тому подобное». Раевскій засмѣялся. «Я такъ никогда не говорю витіевато, ты самъ знаешь. Правда, я былъ впереди. Солдаты пятились, я ободрялъ ихъ. Со мною были адъютанты, ординарцы. По лѣвую сторону всѣхъ перебило и переранило, на мнѣ остановилась картечь. Но дѣтей моихъ не было въ эту минуту. Младшій сынъ сбиралъ въ лѣсу ягоды (онъ былъ тогда сущій ребенокъ, и пуля ему прострѣлила панталоны); вотъ и все тутъ, весь анекдотъ сочиненъ въ Петербургѣ. Твой пріятель (Жуковскій) воспѣлъ въ стихахъ. Граверы, журналисты, нувеллисты воспользовались удобнымъ случаемъ, и я пожалованъ Римляниномъ. Et voilà comme on écrit l'histoire!»

Вотъ что мнѣ говорилъ Раевскій.

Но охотникамъ до анекдотовъ я могу разсказать другой, не менѣе любопытный, и который доказываетъ его присутствіе ума и обнажаетъ его душу. Онъ мнѣ не сдѣлалъ никакого добра, но хвалить его мнѣ пріятно, хвалить какъ истиннаго героя, и я съ удовольствіемъ теперь, въ тишинѣ сельскаго кабинета,

воспоминаю старину. Подъ Лейпцигомъ мы бились (4-го числа) у краснаго дома. Направо, налѣво все было опрокинуто. Одни гренадеры стояли грудью. Раевскій стоялъ въ цѣпи мраченъ, безмолвенъ. Дѣло шло не весьма хорошо. Я видѣлъ неудовольствіе на лицѣ его, безпокойства ни малаго. Въ опасности онъ истинный герой, онъ прелестенъ. Глаза его разгорятся, какъ угли, и благородная осанка его по истинѣ сдѣлается величественною. Писаревъ леталъ, какъ вихорь, на конѣ по грудамъ тѣлъ, точно по грудамъ, и Раевскій мнѣ говорилъ: «Онъ молодецъ». Французы усиливались, мы слабѣли, но ни шагу впередъ, ни шагу назадъ. Минута ужасная. Я замѣтилъ измѣненіе въ лицѣ генерала и подумалъ: «Видно дѣло идетъ дурно». Онъ, оборотясь ко мнѣ, сказалъ очень тихо, такъ что я едва услышалъ: «Батюшковъ, посмотри, что у меня», взялъ меня за руку (мы были верхами) и руку мою положилъ себѣ подъ плащъ, потомъ подъ мундиръ. Въ торопяхъ я не могъ догадаться, чего онъ хочетъ. Наконецъ, и свою руку освободя отъ поводовъ, положилъ за пазуху, вынялъ ее и очень хладнокровно поглядѣлъ на капли крови. Я ахнулъ, поблѣднѣлъ. Онъ сказалъ мнѣ довольно сухо: «Молчи!» Еще минута, еще другая, пули леталй безпрестанно; наконецъ, Раевскій, наклонясь ко мнѣ, прошепталъ: «Отъѣдемъ нѣсколько шаговъ: я раненъ жестоко». Отъѣхали. «Скачи за лѣкаремъ!» Поскакалъ. Нашли двоихъ. Одинъ рѣшился ѣхать подъ пули, другой воротился. Но я не нашелъ генерала тамъ, гдѣ его оставилъ. Казакъ указалъ мнѣ на деревню пикою, проговоря: «Онъ тамъ ожидаетъ васъ». Мы прилетѣли. Раевскій сходилъ съ лошади, окруженный двумя или тремя офицерами—помнится—Давыдовымъ и Медемомъ, храбрѣйшими и лучшими изъ товарищей.

На лицѣ его видна блѣдность и страданіе, но безпокойство не о себѣ, о гренадерахъ. Онъ все поглядывалъ за вороты на огни непріятельскіе и наши. Мы раздѣли его; сняли плащъ, мундиръ, фуфайку, рубашку. Пуля раздробила кость грудную, но выпала сама собою. Мы суетились, какъ обыкновенно водится при такихъ случаяхъ. Кровь меня пугала, ибо мѣсто было весьма важно; я сказалъ это на ухо хирургу. «Ничего, ничего», отвѣчалъ Раевскій, который, не смотря на свою глухоту, вслушался въ разговоръ нашъ, и потомъ, оборотясь ко мнѣ,—«чего бояться, господинъ поэтъ» (онъ такъ называлъ меня въ шутку, когда былъ веселъ):

«Je n'ai plus rien du sang qui m'a donné la vie,
«Il a dans les combats coulé pour la patrie».

И это онъ сказалъ съ необыкновенною живостью. Изодранная его рубашка, ручьи крови, лѣкарь, перевязывающій рану, офицеры, которые суетились вокругъ тяжко раненаго генерала, лучшаго, можетъ быть, изъ всей арміи, безпрестанная пальба и дымъ орудій, важность минуты, однимъ словомъ—всѣ обстоятельства придавали интересъ этимъ стихамъ.

Вотъ анекдотъ. Онъ стоитъ тяжелой прозы Сѣверной Почты: «Ребята, впередъ» и проч. За истину его я ручаюсь. Я былъ свидѣтелемъ, Давыдовъ, Медемъ и лѣкарь Витгенштейновой главной квартиры. Онъ тѣмъ болѣе важенъ, сей анекдотъ, что про Раевскаго набрать немного. Онъ молчаливъ, скроменъ отчасти, скрытъ, недовѣрчивъ, знаетъ людей, не уважаемъ ими. Онъ, однимъ словомъ, во всемъ контрастъ Милорадовичу и, кажется, находитъ удовольствіе не походить на него ни въ чемъ. У него есть большія

слабости и великія военныя качества. Слишкомъ одиннадцать мѣсяцевъ я былъ при немъ не отлученъ, спалъ и ѣлъ при немъ; я его знаю совершенно, болѣе нежели онъ меня, и здѣсь, про себя, съ удовольствіемъ отдаю ему справедливость, не угожденіемъ, не признательностію исторгнутую. Раевскій славный воинъ и иногда хорошій человѣкъ, иногда очень странный.

Вотъ что я намаралъ не хѣря. Слава Богу! Часокъ пролетѣлъ, такъ что я его и не примѣтилъ. Я могу писать скоро, безъ поправокъ, и буду писать все, что придетъ на умъ, пока лѣнь не выдернетъ пера изъ руки.

8-го мая.

Я предполагалъ—случилось иначе — что нынѣшнею весною могу предпринять путешествіе для моего здоровья по Россіи: въ половинѣ апрѣля быть въ Москвѣ, закупить все нужное, книги, вещи, экипажъ, провести три недѣли посреди шума городскаго, посовѣтоваться съ лѣкарями и въ первыхъ числахъ мая отправиться на Кавказъ, пробыть тамъ два курса, а на осень въ Тавриду, конецъ сентября, октябрь и ноябрь весь пробыть на берегахъ Чернаго моря, въ счастливѣйшей странѣ, и потомъ черезъ Кіевъ, къ Новому году, воротиться въ Москву. Но вѣтры унесли мои желанія!

Въ молодости мы полагаемъ, что люди или добры, или злы: они бѣлы или черны. Вступая въ среднія лѣта открываемъ людей ни совершенно черныхъ, ни совершенно бѣлыхъ; Монтань бы сказалъ: сѣрыхъ. Но за то истинная опытность должна научить снисхожденію, безъ котораго нѣтъ ни одной общественной добродѣтели: надобно жить съ сѣрыми или жить въ Діогеновой бочкѣ.

Для того чтобы писать хорошо въ стихахъ — въ

какомъ бы то ни было родѣ, писать разнообразно, слогомъ сильнымъ и пріятнымъ, съ мыслями незаемными, съ чувствами, надобно много писать прозою, но не для публики, а записывать просто для себя. Я часто испыталъ на себѣ, что этотъ способъ мнѣ удавался; рано или поздно писанное въ прозѣ пригодится: «Она питательница стиха», сказалъ Альфьери—если память мнѣ не измѣнила. Кстати о памяти, моя такъ упряма, своенравна, что я прихожу часто въ отчаяніе. Учу стихи наизусть и ничего затвердить не могъ: одни италіянскіе врѣзываются въ моей памяти. Отъ чего? Не отъ того ли, что они угождаютъ слуху болѣе другихъ.

Я прежде мало писалъ отъ лѣни, теперь отъ болѣзни, и миръ ушамъ! Сенъ-Ламберъ совѣтуетъ экзаменовать себя по истеченіи нѣкотораго времени: прекрасный способъ, лучшее средство уничтожить нѣкоторую часть своего самолюбія! Самый ученѣйшій человѣкъ безъ книгъ, безъ пособій знаетъ мало и не твердо. Знаніе профессоровъ науки есть знаніе или искусство пользоваться чужими свѣдѣніями.

Въ прекрасныхъ садахъ Швецина, и потомъ въ трактирѣ мѣстномъ, я видѣлъ въ первый разъ Ланского и Ушакова. Генералы оба, и оба убиты въ 1814 году подъ Лаономъ, если не ошибаюсь. Блюхера видѣлъ въ первый разъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, потомъ въ сраженіи подъ Брienномъ, Клейста - въ Богеміи и подъ Лейпцигомъ часто, Цитена—въ Ноллендорфѣ часто, Шварценберга — вездѣ. Славнаго Воронцова я видѣлъ въ окрестностяхъ Парижа.

«Быть весьма умнымъ, весьма свѣдущимъ, не въ нашей состоитъ волѣ; быть же героемъ въ дѣлѣ зависитъ отъ каждаго. Кто же не захочетъ быть героемъ?» Такъ говоритъ Воронцовъ въ приказѣ 12-й дивизіи

1815. Но я здѣсь въ тишинѣ думаю, и конечно, не ошибаюсь, что эти слова можно приложить и къ дарованію—вотъ какъ: не въ нашей волѣ имѣть дарованія, часто не въ нашей волѣ развить и тѣ, которыя намъ дала природа, но быть честными въ нашей волѣ: ergo! Но быть добрымъ въ нашей волѣ: ergo! Но быть снисходительнымъ, великодушнымъ, постояннымъ въ нашей волѣ: ergo!

Карамзинъ мнѣ говорилъ однажды: «Человѣкъ созданъ трудиться, работать и наслаждаться. Онъ всѣхъ тварей живущѣе, онъ все перенести можетъ. Для него нѣтъ совершеннаго лишенія, совершеннаго бѣдствія: я по крайней мѣрѣ не знаю... кромѣ безславія», прибавилъ онъ, подумавъ немного.

Можетъ быть, лучшій призракъ мудрости есть кротость, «тихій нравъ въ крови», какъ говоритъ Державинъ.

Слава Богу, еще можно жить и наслаждаться жизнію: прогулка въ полѣ не скучна; это я сегодня съ радостію испыталъ.

Съ какой стороны ни разсматривай человѣка и себя въ обществѣ, найдешь, что снисхожденіе должно быть первою добродѣтелію. Снисхожденіе въ рѣчахъ, въ поступкахъ, въ мысляхъ, оно-то даетъ эту прелесть доброты, которая едва ли не любезнѣе всего на свѣтѣ. Наморщить лобъ и взять Ювеналову дубину не такъ-то трудно, но шутить съ жизнію, какъ Горацій, вотъ истинный камень философіи. Снисхожденіе должно имѣть границы: брань пороку, прощеніе слабости! Разсудокъ отличитъ порокъ отъ слабости. Надобно быть снисходительнымъ и къ себѣ: сдѣлалъ дурно сегодня, не унывай— теперь упалъ, завтра встанешь. Не валяйся только въ грязи. Мемнонъ хотѣлъ быть совершенно добродѣ-

тельнымъ и очутился безъ глаза. Александръ убилъ Клита и загладилъ преступленіе свое великими дѣлами. Несчастія, болѣзни, часто лишаютъ насъ снисхожденія или благоволѣнія, но должно стараться вырвать ихъ изъ рукъ несчастія и вѣчно таить въ сердцѣ.

Paul et Virginie.

«Paul lui disait: «Lorsque je suis fatigué, ta vue me délasse. Quand, du haut de la montagne, je t'aperçois au fond de ce vallon, tu me parais au milieu de nos vergers, comme un bouton de rose... Quoique je te perde de vue à travers les arbres, je n'ai pas besoin de te voir pour te retrouver: quelque chose de toi que je ne puis dire, reste pour moi dans l'air où tu passes, sur l'herbe ou tu t'assieds... Dis-moi par quel charme tu as pu m'enchanter? Est-ce par ton esprit? Mais nos mères en ont plus que nous deux. Est-ce par tes caresses? Mais elles m'embrassent plus souvent que toi. Je crois que c'est par ta bonté!... Tiens, ma bien-aimée, prends cette branche fleurie de citronnier que j'ai cueillie dans la forêt; tu la mettras la nuit près de ton lit. Mange ce rayon de miel, je l'ai pris pour toi au haut d'un rocher. Mais auparavant repose-toi sur mon sein, et je serai délassé»...

«Virginie lui répondait: «O mon frère, les rayons du soleil au matin, au haut de ces rochers, me donnent moins de joie que ta présence... Tu me demandes pourquoi tu m'aimes; mais tout ce qui a été élevé ensemble, s'aime. Vois nos oiseaux: élevés dans les mêmes nids, ils s'aiment comme nous: ils sont toujours ensemble comme nous. Écoute comme ils s'appellent et se répondent d'un arbre à un autre; de même, quand l'écho me fait entendre les airs que tu joues sur ta flûte,... j'en répète les paroles

au fond de.ce vallon... Je prie Dieu tous les jours pour ma mère, pour la tienne, pour toi, pour nos pauvres serviteurs; mais quand je prononce ton nom, il me. semble que ma dévotion augmente. Je demande si instamment à Dieu qu'il ne t'arrive pas de mal! Pourquoi vas-tu si loin et si haut me chercher des fruits et des fleurs? N'en avons nous pas assez dans le jardin! Comme te voila fatigué! Tu es tout en nage». Et avec son petit mouchoir blanc, elle lui essuyait le front et les joues, et elle lui donnait plusieurs baisers»...

***

«Il est certain», говоритъ Шатобріанъ,—«que le charme de Paul et Virginie consiste en une certaine morale mélancolique, qui brille dans l'ouvrage, et qu'on pourrait comparer à cet éclat uniforme que la lune répand sur une solitude parée de fleurs... Cette églogue n'est si touchante, que parce qu'elle représente deux familles chrétiennes exilées, vivant sous les yeux du Seigneur, entre sa parole dans la Bible, et ses ouvrages dans le désert. Joignez-y l'indigence, et ces infortunes de l'âme dont la religion est le seul remède, et vous aurez tout le sujet du poëme. Les personnages sont aussi simples que l'intrigue: ce sont deux beaux enfants, dont on aperçoit le berceau et la tombe, deux fidèles esclaves et deux pieuses maîtresses. Ces honnêtes gens ont un historien digne de leur vie: un vieillard demeuré seul dans la montagne, et qui survit à ce qu'il aima, raconte à un voyageur les malheurs de ses amis, sur les débris de leurs cabanes...

***

Въ 1814 г., въ бытность мою въ Парижѣ, я жилъ у Д. и сдѣлался болѣнъ. Послалъ въ ближайшую библіотеку за книгами. Приносятъ Paul et Virginie, которую я читалъ уже нѣсколько разъ, читалъ и зали-

вался слезами, и какія слезы! Самыя пріятнѣйшія, чистѣйшія! Послѣ шума военнаго, послѣ ядеръ и грома, послѣ страшнаго зрѣлища разрушенія и, наконецъ, послѣ всей роскоши и прелести новаго Вавилона, которыя я успѣлъ уже вкусить до пресыщенія, чтеніе этой книги облегчило мое сердце и примирило съ міромъ. Авторъ оной, Bernardin de St.-Pierre, умеръ не задолго передъ нами. Онъ много странствовалъ, служилъ въ Россіи офицеромъ и, видно, былъ несчастливъ. Мечтатель, подобный Руссо. Его философія—бредъ, въ которомъ сіяетъ воображеніе и всегда видно доброе и чувствительное сердце.

Выслушайте меня, Бога ради! Я намекну вамъ только, какимъ образомъ можно составить книгу пріятную и полезную. Удивляюсь, что ни одинъ изъ нашихъ литераторовъ не принялся за подобный трудъ. Вотъ планъ en grand:

Говорить объ одной русской словесности, не начиная съ Ледяныхъ яицъ, не излагая новыхъ теорій, но говорить просто, какъ можно пріятнѣе и яснѣе для людей свѣтскихъ, и предполагая, что читатели имѣютъ обширныя свѣдѣнія въ иностранной литературѣ, но своей собственной не знаютъ; показать имъ ея рожденіе, ходъ, сходство и разницу ея отъ другихъ литературъ, всѣ эпохи ея и, наконецъ, довести до временъ нашихъ. Дайте форму, какую вздумаете, но вотъ изложеніе матерій:

1) О славенскомъ языкѣ. Опять не начинать отъ Сима, Хама и Іафета, а съ Библіи, которую мы, по привычкѣ, зовемъ славенскою. О русскомъ языкѣ.

2) О языкѣ во времена нѣкоторыхъ князей и царей. Вліяніе (пагубное) Татаръ.

3) О языкѣ во времена Петра I. Проповѣдники. Переводы иностранныхъ книгъ по именному указу.

4) Тредьяковской и его товарищи. Путешественники и ученые.

5) и 6). Кантемиръ—статья интересная. Академія наукъ. Ученые иностранцы. Борьба старыхъ нравовъ съ новыми, стараго языка съ новымъ. Вліяніе искусствъ, наукъ, роскоши, двора и женщинъ на языкъ и литературу.

7) Ломоносовъ.

8) Сумароковъ.

9) Современные имъ писатели.

10) Фонъ-Визинъ. Образованіе прозы.

11) Болтинъ, Елагинъ, историки, переводчики.

12) Обозрѣніе журналовъ. Вліяніе ихъ. Участіе Екатерины въ изданіи Собесѣдника. Придворный театръ. Господствованіе французской словесности и вольтеріанизмъ. Желаніе воскресить старинный языкъ русскій. Несообразности.

13) Петровъ. Майковъ.

14) Державинъ:

Онъ памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный.

15) Подражатели его. Взглядъ на словесность вообще. Успѣхи. Недостатки.

16) Богдановичъ. Вліяніе его.

17) Херасковъ. Проза его и стихи.

18) Карамзинъ. Ходъ его. Вліяніе на языкъ вообще.

19) Дмитріевъ. Характеръ его дарованія, красивость и точность. Онъ то же дѣлаетъ у насъ, что Буало или Попе у себя.

20) Подражатели ихъ.

21) Княжнинъ. Взглядъ на театръ вообще. Княжнина комедія и трагедія. Можетъ быть, климатъ и конституція не позволяютъ намъ имѣть своего національнаго театра.

22) Озеровъ.

23) Хемницеръ. Крыловъ. Жуковскій.

24) Муравьевъ. Книги его изданы недавно; онъ первый говорилъ о морали. Онъ выше своего времени и духомъ, и свѣдѣніями.

25) Бобровъ. Мерзляковъ. Востоковъ. Воейковъ Переводы Кострова и Гнѣдича. Пушкинъ. Вяземскій. Сумароковъ, Панкратій. Нелединскій. Взглядъ на изданіе Жуковскаго и потомъ Кавелина. Замѣчаніе на письма И. М. изъ Нижняго.

26) Шишковъ. Его мнѣнія. Онъ правъ, онъ виноватъ. Его противники: Макаровъ, Дашковъ, Никольской.

27) Обозрѣніе словесности съ тѣхъ поръ, какъ Карамзинъ оставилъ Вѣстникъ. Труды Каченовскаго.

28) Статьи интересныя о нѣкоторыхъ писателяхъ, какъ-то: Радищевъ, Нинъ, Беницкій, Колычевъ.

Словесность надлежитъ раздѣлить на эпохи: I) Ломоносова; II) Фонъ-Визина; III) Державина; IV) Карамзина: V) до временъ нашихъ. Сіи эпохи должны быть ясными точками. Потомъ, не должно изъ виду упускать дѣйствіе иностранныхъ языковъ на нашъ языкъ. Переводы ученыхъ съ греческаго и латинскаго. Что заняли мы у Французовъ, и какое дѣйствіе имѣли переводы романовъ Вольтера и проч.

Новикова труды. Вліяніе новорожденной нѣмецкой словесности и отчасти англійской. Въ чемъ мы успѣли? Почему лирическій родъ процвѣталъ и долженъ погаснуть? Что всего свойственнѣе Русскимъ? Богатство и

бѣдность языка. Можетъ ли процвѣтать языкъ безъ философіи и почему можетъ, но не долго? Вліяніе церковнаго языка на гражданскій и гражданскаго на духовное краснорѣчіе. Всѣ сіи вопросы требуютъ яснаго разрѣшенія и должны быть размѣщены по приличнымъ мѣстамъ.

Должно представить картину нравовъ при Петрѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ: до Ломоносова, при немъ, при Державинѣ, при Карамзинѣ. Пустословить на каѳедрѣ по слѣдамъ Баттё и Буттервека легко, но какая польза? Здѣсь надобно говорить дѣло просто, свободно, пріятно.

Мысли о литературѣ.

«Tout vouloir est d'un fou», сказалъ Вольтеръ, который самъ погрѣшилъ, желая успѣть во всѣхъ родахъ словесности: границы есть уму, и даже величайшему. Можетъ ли одинъ человѣкъ написать басни Лафонтеновы, Шекспирова Отелло, Мольерова Мизантропа и д'Аламбертово предисловіе къ Энциклопедіи? Нѣтъ, конечно. Зачѣмъ же Вольтеръ... но Богъ съ нимъ!

Не надобно любителю изящнаго отставать отъ словесности. Тѣ, которые не читали Виланда, Гёте, Шиллера, Миллера и даже Канта, похожи на деревенскихъ старухъ, которыя не знаютъ, что мы взяли Парижъ, и что Москва сожжена—до сихъ поръ сомнѣваются. Не надобно вдаваться въ другую крайность. Не надобно безпрестанно слоняться изъ одной литературы въ другую или заниматься одною древностію. И тѣ, и другіе шалѣютъ, какъ говоритъ мой чистосердечный Кантемиръ о сытомъ и мотѣ. Есть середина.

Какая пучина! Англичане, Нѣмцы, Италіянцы, Португальцы, Гишпанцы, Французы, восточные полуден-

ные народы и вѣчные древніе! Кто обниметъ все твореніе ума человѣческаго и зачѣмъ? Крыловъ ничего не читаетъ, кромѣ Всемірнаго путешественника, расходной книги и календаря, а его будутъ читать и внуки наши. Талантъ не любопытенъ; умъ жаденъ къ новости, но что въ умѣ безъ таланта, скажите, Бога ради! И талантъ есть умъ, правда, но умъ сосредоточенный.

Каждый языкъ имѣетъ свое словотеченіе, свою гармонію, и странно бы было Русскому или Италіянцу, или Англичанину писать для французскаго уха, и на оборотъ. Гармонія, мужественная гармонія не всегда прибѣгаетъ къ плавности. Я не знаю плавнѣе этихъ стиховъ:

На свѣтлоголубомъ эеирѣ
Златая плавала луна и пр.

и оды Соловей Державина. Но какая гармонія въ Водопадѣ и въ одѣ на смерть Мещерскаго:

Глаголъ временъ, металла звонъ!

Данте—великій поэтъ: онъ говоритъ памяти, уху, глазамъ, разсудку, воображенію, сердцу. Есть писатели, у которыхъ слогъ теменъ; у иныхъ мутенъ: мутенъ, когда слова не на мѣстѣ; теменъ, когда слова не выражаютъ мысли, или мысли не ясны отъ недостатка точности и натуральной логики. Можно быть глубокомысленнымъ и не темнымъ, и должно быть яснымъ, всегда яснымъ для людей образованныхъ и для великихъ душъ.

Ученость сушитъ умъ, разсѣяніе—сердце.

Театральныя издержки въ Греціи были столь велики, что представленіе одной трагедіи Софокла и Эврипида стоило государству болѣе, нежели война съ Пер-

сами, говоритъ Плутархъ. Мы платимъ актерамъ по двѣсти, по триста рублей, лучшему тысячи двѣ въ годъ. Наши декораціи не стоятъ ничего. За то... у насъ и трагики, и комики, и зрители!

Какъ надлежитъ писать исторію?

Изъ Лукіана сокращено.

Александръ кинулъ въ Гидаспъ исторію Аристовула, который приписывалъ ему чудесныя дѣянія. «Я изъ милости», прибавилъ завоеватель,—«не велю его самого бросить въ воду!»

Нѣкоторые историки думаютъ понравиться государю униженіемъ его непріятелей: но Ахиллесъ не былъ бы столь великъ безъ Гектора. Другіе нападаютъ на народоправителя непріятельскаго, какъ будто его хотятъ низложить перомъ своимъ. Иный наполняетъ свою исторію маленькими подробностями и словами военнаго искусства, какъ воинъ или работникъ, который нѣкогда трудился въ лагерѣ; иный истощаетъ свое краснорѣчіе на описаніе одѣянія или оружія генерала или какого-нибудь лѣса. Но если надлежитъ описывать великіе подвиги, то мы не находимъ словъ: ищемъ чудеснаго, неслыханныхъ ранъ, смертей и проч. Иный употребляетъ прекрасныя и величественныя фразы, на подобіе поэтовъ, и вдругъ падаетъ, начиная употреблять низкія выраженія. Это человѣкъ, у котораго на правой ногѣ богатый полусапогъ, а на лѣвой сандаліе. Другой описываетъ тщательно и пространно малыя вещи и слегка великія.

Вотъ главные пороки, и вотъ главныя его хорошія свойства: Два главнѣйшія суть: здравый смыслъ въ дѣлахъ свѣтскихъ и пріятное выраженіе. Первое есть

даръ неба, другое пріобрѣсть можно безперестаннымъ чтеніемъ древнихъ и безперестанными трудами.

Надобно историку видѣть армію, воиновъ въ боевомъ порядкѣ, знать, что есть крыло, фронтъ, баталіоны, воинскія орудія и пр., и чтобы онъ не во всемъ на чужіе глаза полагался. Но болѣе всего онъ долженъ быть свободенъ: ни страшиться, ни надѣяться; неприступенъ къ подаркамъ и наградамъ, никому не снисходителенъ; судія справедливый и равнодушный, безъ отечества и безъ властелина. Пусть повѣствуетъ онъ о вещахъ, какъ онѣ были безъ прикрасъ и нарядовъ, ибо онъ не поэтъ, а разсказчикъ, и потому..... за свое повѣствованіе, нравится ли оно или не нравится. Однимъ словомъ—онъ долженъ жертвовать одной истинѣ и не имѣть передъ глазами надежды въ жизни сей, но желать пріобрѣсть уваженіе всего потомства. Да подражаетъ онъ сему зодчему египетскаго Фара, который начерталъ на алебастрѣ имя царя, поручившаго ему дѣло, а ниже, на камнѣ, свое имя. Онъ зналъ, что алебастръ не устоитъ отъ времени, а имя его будетъ вѣчно существовать на камнѣ.

Александръ повторялъ: «О, почто не могу я возвратиться на землю черезъ триста или четыреста лѣтъ, чтобы услышать, что обо мнѣ говорятъ!»

Не должно бѣгать за пышнымъ слогомъ. Пускай смыслъ будетъ тѣсно замкнутъ въ словахъ, чтобы смыслъ и дѣльность были повсюду, но чтобы выраженіе было ясно и подобно разговору людей образованныхъ. Историкъ долженъ имѣть въ умѣ своемъ одну свободу и истину: въ слогѣ его ясность и точность должны быть главною цѣлью. Короче, его должны всѣ понимать, et que les savans le louent. Онъ заслужитъ сіи похвалы, если будетъ употреблять выраженія н и с л и ш-

комъ изысканныя, ни черезъ чуръ обыкновенныя.

Онъ долженъ имѣть въ мысляхъ нѣчто свойственное поэту, особенно, когда случится ему описывать битвы, войска, другъ на друга устремленныя, корабли, готовые къ бою. Тогда-то нужно ему сіе дыханіе поэтическое, дабы вздуть паруса и заволновать море... Но все-таки его выраженіе не должно возноситься отъ земли, не бѣгать за гармоніей и не драть ушей!...

Надобно осторожно избирать матеріалы, заимствовать ихъ у писателей чуждыхъ ненависти или раболѣпствія. Сдѣлавъ обильный запасъ матеріаловъ хорошихъ, надобно все сшить и составить курсъ историческій, но сухой и строгій, сначала одну основу, потомъ мало по малу наводить тѣло и краски. Надобно, чтобы историкъ, подобно Юпитеру Гомерову, обращалъ взоры повсюду и зналъ, что дѣлается и въ своей сторонѣ, и въ непріятельской. Онъ долженъ быть подобенъ зеркалу чистому и безъ пятенъ, которое принимаетъ предметы, какъ они суть, которое только что искренно изображаетъ присутственное, sans se mettre en peine de quelle nature est ce qu'il dit, mais de quelle manière il le doit dire.

Повѣствованіе его не должно быть разшито. Вещи должны не только что слѣдовать одна за другою, но тѣсно быть сплочены между собой. Надобно имѣть искусство не растягивать описанія; примѣръ тому Гомеръ: онъ могъ бы намъ представить прекрасныя, и великодушно прошелъ мимо ихъ. Но не думай, чтобы Ѳукидидъ былъ растянутъ въ описаніи язвы: подумай о важности того, что онъ описываетъ! Онъ убѣгаетъ вещей, но вещи сами ложатся подъ перо.

Ломоносовъ.

Вотъ прекрасное мѣсто изъ Слова его о химіи. Онъ говоритъ, что «математики по нѣкоторымъ извѣстнымъ количествамъ неизвѣстныхъ дознаются» и проч. Подобно и химики, по нѣкоторымъ признакамъ угадываютъ другіе и проч. «Когда отъ любви безпокоящійся женихъ желаетъ познать прямо склонность своей къ себѣ невѣсты, тогда, разговаривая съ нею, примѣчаетъ въ лицѣ перемѣны цвѣту, очей обращеніе и рѣчей порядокъ. Наблюдаетъ ея дружества, обходительства и увеселенія; выспрашиваетъ рабынь, которыя ей при возбужденіи, при нарядахъ, при выѣздахъ и при домашнихъ упражненіяхъ служатъ; и такъ по всему тому точно увѣряется о подлинномъ сердца ея состояніи. Равнымъ образомъ прекрасныя натуры рачительный любитель, желая испытать толь глубоко сокровенное состояніе первоначальныхъ частицъ, тѣла составляющихъ, долженъ высматривать всѣ оныхъ свойства и перемѣны, а особливо тѣ, которыя показываетъ ближайшая ея служительница и наперсница и въ самые внутренніе чертоги входъ имѣющая—химія: и когда она раздѣленныя и разсѣянныя частицы изъ растворовъ въ твердыя части соединяетъ и показываетъ разныя въ нихъ фигуры, выспрашиваетъ у осторожной и догадливой геометріи: когда твердыя тѣла на жидкія, жидкія на твердыя перемѣняетъ, и разныхъ родовъ матеріи раздѣляетъ и соединяетъ; совѣтовать съ точною и замысловатою механикою: и когда чрезъ слитіе жидкихъ матерій разные цвѣты производитъ, вывѣдывать чрезъ проницательную оптику».

Здѣсь удивляюсь, первое, красотѣ и точности

сравненія, второе — порядку всѣхъ мыслей и потому всѣхъ членовъ періода, третіе — точности и приличію эпитетовъ: все показываетъ, что Ломоносовъ писалъ отъ избытка познаній. Въ самомъ изобиліи словъ онъ сохраняетъ какую-то особенную строгую точность, въ языкѣ совершенно новомъ. Каждый эпитетъ есть плодъ размышленій или отголосокъ мыслей: догадливая геометрія, точная и замысловатая механика, проницательная оптика. Но вотъ другое мѣсто: здѣсь надобно удивляться изобилію языка. Какая рѣка обширная краснорѣчія!

«Изслѣдованію первоначальныхъ частицъ, тѣлá составляющихъ, слѣдуетъ изысканіе причинъ взаимнаго союза, которымъ онѣ въ составленіи тѣлъ сопрягаются, и отъ котораго вся разность твердости и жидкости, жестокости и мягкости, гибкости и ломкости происходитъ. Все сіе чрезъ что способнѣе испытать можно, какъ чрезъ химію? Она только едина, то въ огнѣ ихъ умягчаетъ и паки скрѣпляетъ; то, раздѣливъ, на воздухъ поднимаетъ, и обратно изъ него собираетъ; то водою разводитъ и, въ ней же сгустивъ, крѣпко соединяетъ; то, въ ѣдкихъ водкахъ растворяя, твердую матерію въ жидкую, жидкую въ пыль и пыль въ каменную твердость обращаетъ».

Подражатели Ломоносова полагаютъ, что его краснорѣчіе заключается въ долготѣ періодовъ, въ изобиліи словъ и въ знаніи языка славенскаго. Нѣтъ, оно проистекаетъ изъ души, напитанной чтеніемъ древнихъ, безпрестаннымъ размышленіемъ о наукахъ и созерцаніемъ чудесъ природы, его первой наставницы. Да здраствуетъ нашъ Михайло, рыбакъ холмогорскій! Es lebe hoch!

Слово о химіи, по моему мнѣнію, есть лучшее его

произведеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ кончилъ его прекрасно живымъ, ораторскимъ движеніемъ обращаясь къ Петру:

«Блаженны тѣ очи, которыя божественнаго сего мужа на земли видѣли! Блаженны и треблаженны тѣ, которые потъ и кровь свою съ нимъ, за него и за отечество проливали, и которыхъ онъ за вѣрную службу въ главу и въ очи цѣловалъ помазанными своими устами!»

Описаніе землетрясеній удивительно въ Словѣ о рожденіи металловъ:

«Страшное и насильственное оное въ натурѣ явленіе показывается четырьми образы. Первое, когда дрожитъ земля частыми и мелкими ударами и трещатъ стѣны зданій, но безъ великой опасности. Второе, когда надувшись встаетъ къ верху и обратно перпендикулярнымъ движеніемъ опускается. Зданія для одинакаго положенія нарочито безопасны. Третіе, поверхности земной на подобіе волнъ колебаніе бываетъ весьма бѣдственно; ибо отворенныя хляби на зыблющіяся зданія и на блѣднѣющихъ людей зіяютъ и часто пожираютъ. Наконецъ, четвертое, когда по горизонтальной плоскости вся трясенія сила устремляется; тогда земля изъ подстроеній якобы похищается, и оныя подобно какъ на воздухѣ висящія оставляетъ и, разрушивъ союзъ оплотовъ, опровергаетъ. Разныя сіи земли трясенія не всегда по одному раздѣльно бываютъ; но дрожаніе съ сильными стрѣляніями часто соединяется. Между тѣмъ предваряютъ и въ то жъ время бываютъ подземныя стенанія, урчанія, иногда человѣческому крику и оружному треску подобныя звучанія. Протекаютъ изъ нѣдра земли источники и новыя воды рѣкамъ подобныя; дымъ, пепелъ, пламень, совокупно слѣдуя, умножаютъ ужасъ смертныхъ».

Ораторъ заключаетъ Слово похвалою Россіи и Елисаветы: здѣсь истощаетъ всю сладость языка и можетъ по истинѣ назваться льстецомъ слуха. Онъ нарочно собираетъ всѣ пріятные образы и звуки: «И по славныхъ надъ сопостатами твоими побѣдахъ, разлившій по земной поверхности воды и тѣми ужасный внутрь ея огонь обуздавшій строитель міра укротитъ пламень войны дождемъ благодати и міръ свой умиритъ твоимъ мироискательнымъ воинствомъ».

Онъ съ намѣреніемъ, описавъ бури природы, кончилъ рѣчь свою тихо, плавно и торжественно, какъ искусный музыкантъ великолѣпную сонату.

René.

«Je recherchai surtout dans mes voyages les artistes et ces hommes divins qui chantent les dieux sur la lyre et la félicité des peuples qui honorent les loix, la religion et les tombeaux... Leur vie est à la fois naïve et sublime: ils célèbrent les dieux avec une bouche d'or, et sont les plus simples des hommes; ils causent comme des immortels ou comme de petits enfants; ils expliquent les lois de l'univers et ne peuvent comprendre les affaires les plus innocentes de la vie; ils ont des idées merveilleuses de la mort, et meurent sans s'en apercevoir, comme des nouveau-nés».

Это все можно приложить къ Державину, къ сему великому генію, все отъ слова до слова.

Недавно я имѣлъ случай познакомиться съ страннымъ человѣкомъ, какихъ много! Вотъ нѣкоторыя черты его характера и жизни.

Ему около тридцати лѣтъ. Онъ то здоровъ, очень здоровъ, то боленъ, при смерти боленъ. Сегодня без-

печенъ, вѣтренъ какъ дитя; посмотришь завтра—ударился въ мысли, въ религію и сталъ мрачнѣе инока. Лице у него точно доброе, какъ сердце, но столь же непостоянно. Онъ тонокъ, сухъ, блѣденъ, какъ полотно. Онъ перенесъ три войны и на бивакахъ былъ здоровъ, въ покоѣ—умиралъ! Въ походѣ онъ никогда не унывалъ и всегда готовъ былъ жертвовать жизнію съ чудесною безпечностію, которой самъ удивлялся; въ мирѣ для него все тягостно, и малѣйшая обязанность, какого бы рода ни было, есть свинцовое бремя. Когда долгъ призываетъ къ чему-нибудь, онъ исполняетъ великодушно, точно такъ, какъ въ болѣзни принимаетъ ревень, не поморщившись. Но что въ этомъ хорошаго? Къ чему служитъ это? Онъ мало вещей или обязанностей считаетъ за долгъ, ибо его маленькая голова любитъ философствовать, но такъ криво, такъ косо, что это вредитъ ему безпрестанно. Онъ служилъ въ военной службѣ и въ гражданской: въ первой очень усердно и очень неудачно; во второй удачно и очень не усердно. Обѣ службы ему надоѣли, ибо, по истинѣ, онъ не охотникъ до чиновъ и крестовъ. А плакалъ, когда его обошли чиномъ и не дали креста. Какъ растолкуютъ это? Онъ вспыльчивъ какъ собака и кротокъ какъ овечка. Въ немъ два человѣка: одинъ—добръ, простъ, веселъ, услужливъ, богобоязливъ, откровененъ до излишества, щедръ, трезвъ, милъ; другой человѣкъ—не думайте, чтобы я увеличивалъ его дурныя качества, право нѣтъ, и вы увидите сами почему,—другой человѣкъ—злой, коварный, завистливый, жадный, иногда корыстолюбивый, но рѣдко, мрачный, угрюмый, прихотливый, недовольный, мстительный, лукавый, сластолюбивый до излишества, непостоянный въ любви и честолюбивый во всѣхъ родахъ честолюбія. Этотъ человѣкъ, то-есть, черный, прямой

уродъ. Оба человѣка живутъ въ одномъ тѣлѣ. Какъ это? Не знаю; знаю только, что у нашего чудака профиль дурнаго человѣка, а посмотришь въ глаза, такъ найдешь добраго: надобно только смотрѣть пристально и долго. За это единственно я люблю его! Горе, кто знаетъ его съ профили! Послушайте далѣе: Онъ имѣетъ нѣкоторые таланты и не имѣетъ никакого. Ни въ чемъ не успѣлъ, а пишетъ очень часто. Умъ его очень длиненъ и очень узокъ. Терпѣніе его, отъ болѣзни ли, или отъ другой причины, очень слабо; вниманіе разсѣянно, память вялая и притуплена чтеніемъ: посудите сами, какъ успѣть ему въ чемъ-нибудь? Въ обществѣ онъ иногда очень милъ, иногда очень нравился какимъ-то особеннымъ манеромъ, тогда, какъ приносили въ него доброту сердечную, безпечность и снисходительность къ людямъ; но какъ стали приносить самолюбіе, уваженіе къ себѣ, упрямство и душу усталую, то всѣ увидѣли въ немъ человѣка моего съ профили. Онъ иногда удивительно краснорѣчивъ: умѣетъ войти, сказать; иногда тупъ, косноязыченъ, застѣнчивъ. Онъ жилъ въ адѣ; онъ былъ на Олимпѣ. Это примѣтно въ немъ. Онъ благословенъ, онъ проклятъ какимъ-то геніемъ. Три дни думаетъ о добрѣ, желаетъ сдѣлать доброе дѣло—вдругъ недостанетъ терпѣнія, на четвертый онъ сдѣлается золъ, неблагодаренъ: тогда не смотрите на профиль его! Онъ умѣетъ говорить очень колко; пишетъ иногда очень остро на счетъ ближняго. но тотъ человѣкъ, то-есть, добрый, любитъ людей и горестно плачетъ надъ эпиграммами чернаго человѣка. Бѣлый человѣкъ спасаетъ чернаго слезами передъ Творцомъ, слезами живаго раскаянія и добрыми поступками передъ людьми. Дурной человѣкъ все портитъ и всему мѣшаетъ: онъ надменнѣе сатаны, а бѣ-

лый не уступаетъ въ добротѣ ангелу - хранителю. Какимъ страннымъ образомъ здѣсь два составляютъ одно, зло такъ тѣсно связано съ добромъ и отличено столь рѣзкими чертами? Откуда этотъ человѣкъ, или эти человѣки, бѣлый и черный, составляющій нашего знакомца? Но продолжимъ его изображеніе.

Онъ—который изъ нихъ, бѣлый или черный?—онъ или они оба любятъ славу. Черный все любитъ, даже готовъ стать на колѣни и Христа ради просить, чтобы его похвалили: такъ онъ суетенъ; другой, напротивъ того, любитъ славу, какъ любилъ ее Ломоносовъ, и удивляется чорному нахалу. У бѣлаго совѣсть чувствительна, у другаго мѣдный лобъ. Бѣлый обожаетъ друзей и готовъ для нихъ въ огонь; черный не дастъ и ногтей обстричь для дружества, такъ онъ любитъ себя пламенно. Но въ дружествѣ, когда дѣло идетъ о дружествѣ, черному нѣтъ мѣста: бѣлый на стражѣ! Въ любви... но не кончимъ изображеніе, оно и гнусно, и прелестно! Все, что ни скажешь хорошаго на счетъ бѣлаго, черный припишетъ себѣ. Заключимъ: эти два человѣка, или сей одинъ человѣкъ, живетъ теперь въ деревнѣ и пишетъ свой портретъ перомъ по бумагѣ. Пожелаемъ ему добраго аппетита, онъ идетъ обѣдать.

Это я! Догадались ли теперь?

Что есть интереснаго въ Tito Lucrezio Caro.

Libro primo.

Niuna cosa generarsi del Nulla; ma tutte esser fatte da principi certi.—Niuna cosa annientarsi; ma esservi alcuni corpi eterni, ne' quali tutte si dissolvono.—Perciò non doversi negare i primi corpi, per non poterli vedere; essendovi nelle cose molti altri corpi, li quali parimente veder-

si non possono.—Oltre i corpi esser nelle cose il Vacuo.—Niente altro esser nella Natura delle cose, che il vacuo, ed i corpi; tutt' altro esser congiunto a loro, o pur loro evento.—Que' corpi, che sono principi delle cose, esser solidi, ed eterni. — Aver errato Eraclito, e quelli, che pensarono il foco essere il solo principio di tutte le cose: come pur quelli, che stimarono qualunque degli Elementi esser la materia del tutto.—Non meno ingannarsi coloro, che credono, come Empedocle, generarsi tutte le cose di più elementi, o di tutti.—Non poter consistere le cose di parti consimili secondo l'opinione d'Anassagora. — Essere in tutte le parti spazio infinito; e moversi sempre in esso corpi infiniti.—Non darsi mezzo del tutto, al quale inclinino tutte le cose, come alcuni credettero.

Libro 1. 2. 3. 4. 5. 6.

2.... I primi corpi moversi con grandissima celerità.—Tutti i corpi per sua natura discendere...—I primi corpi esser privi d'ogni colore.—I primi corpi esser privi di tutte l'altre qualità sensibili.—Questo Mondo, e simili altri, nello spazio infinito essere stati generati, non dagli Dei, ma dal concorso casuale de' primi corpi, e dover perire: e quindi essere già vecchio questo Mondo.

3. L'Animo esser parte certa dell' uomo.—L'Animo, e l'Anima formare di se medesimi una natura. L'Animo però essere il dominante.—L'Animo, e l'Anima esser di natura corporea...—La natura dell'Animo non essere semplice, ma costare di quattro diverse nature...—Il Corpo, e l' Animo esser talmente congiunti, che uno non possa sussistere, nè sentire senza l' altro...—E nativo, e mortale esser l'Animo.—La morte non appartener punto a noi, e non doversi temere.

4. Fisica, &&&...In che modo e d'onde sia causato il sonno: e de' sogni.

5. Quelli, che credono, che la Terra, il Mare, il Cielo, la

Luna, il Sole, e le altre parti del Mondo siano mortali, non credere, che gli Dei siano mortali; poichè tali cose non son Dei...—Il Mondo non essere stato dagli Dei creato per gli Uomini.—Che il Mondo sia nato, e che sia per morire... — Il Sole, la Luna e le altre Stelle esser di quella grandezza, che ci pajono...—Essere stati creati dalla Terra recente molti mostri, li quali non poterono crescere: Ed essere periti molti generi d'Animali...—La vita de' primi Uomini essere stata a primo asprissima, ed ingrata di tutte le cose; ma poi esser divenuta a poco a poco più molle...

6. Del Tuono.—Del Folgore, &&&... De i Fuochi d'Etna.—Della Peste degli Ateniesi.

Интересно сравнить Лукреція съ Сенекою, тамъ гдѣ онъ объясняетъ понятія его вѣка о физикѣ и морали, сходство и несходство обѣихъ системъ, и заключить чтеніе Цицерономъ, который пользовался всѣми свѣдѣніями и жилъ въ обѣихъ школахъ.

Изображеніе добродѣтельной жены.

Притчи Соломоновы, конецъ.

Жену доблю кто обрящетъ, дражайши есть каменіа многоцѣннаго таковая. Дерзаетъ на нію сердце мужа ея. Таковая добрыхъ корыстей не лишится. Дѣлаетъ бо мужу своему благая во все житіе. Обрѣтши волну и ленъ, сотвори благопотребное рукама своима. Бысть яко корабль куплю дѣющій издалеча: собираетъ себѣ богатство. И возстаетъ изъ нощи и даде брашна дому и дѣла рабынямъ. Узрѣвши сѣло купи. Отъ плодовъ же рукъ своихъ насади стяжаніе. Препоясавши крѣпко чресла своя, утвердитъ мышцы своя на дѣло. И вкуси, яко добро есть дѣлати и не угасаетъ свѣтильникъ ея всю нощь. Лакти своя простираетъ на полезная, руцѣ же

свои утверждаетъ на вретено, и руцѣ свои отверзаетъ убогому, длань же простре нищу. Не печется о сущихъ въ дому мужъ ея, егда гдѣ замедлитъ, вси бо у нея одѣяни суть. Сугуба одѣянія сотвори мужу своему, отъ виссона же и порфиры себѣ одѣянія. Славенъ бываетъ во вратѣхъ мужъ ея, внегда аще сядетъ въ сонмищи со старѣйшины жительми земли. Плащаницы сотвóри и продаде Финикіаномъ, опоясанія же Хананеомъ. Уста своя отверзе внимательно и законно, и чинъ заповѣда языку своему. Крѣпостію и лѣпотою облечеся и возвеселися во дни послѣднія. Тѣсны стези дому ея; брашна же лѣностнаго не ядѣ. Милостыня же ея возстави чада ея и обогатишася: и мужъ ея похвали ю. Многи дщери стяжаша богатство, многи сотвориша силу; ты же предуспѣла и превознеслася еси надъ всѣми. Ложнаго угожденія и суетныя доброты женскія нѣсть въ тебѣ; жена бо разумная благословена есть: страхъ же Господень сія да хвалитъ. Дадите ей отъ плодовъ устенъ ея и да хвалимъ будетъ во вратѣхъ мужъ ея!

Grandeur et décadence des Romains

Монтескье.

«Ce qui gâte presque toutes les affaires, c'est qu'ordinairement ceux qui les entreprennent, outre la réuissite principale, cherchent encore de certains petits succès particuliers, qui flattent leur amour-propre, et les rendent contens d'eux».

Важная истина, которую можно приложить къ дѣламъ государя и послѣдняго человѣка въ имперіи. Тѣ, которые любятъ жаловаться на свои неудачи, должны затвердить сіи строки. Но кто бы подумалъ, что Цицеронъ грѣшилъ противъ сего правила! Цицеронъ!

«Je crois que si Caton s'était réservé pour la république, il aurait donné aux choses tout un autre tour. Cicéron, avec des parties admirables pour un second rôle, était incapable du premier: il avait un beau génie, mais une ame souvent commune. L'accessoire, chez Cicéron, c'était la vertu; chez Caton, c'était la gloire. Cicéron se voyait toujours le premier; Caton s'oubliait toujours: celui-ci voulait sauver la république pour elle-même, celui-là pour s'en venter. Je pourrais continuer le paralèlle, en disant que, quand Caton prévoyait, Cicéron craignait: que là où Caton espérait, Cicèron se confiait; que le premier voyait toujours les choses de sang-froid, l'autre à travers cent petites passions».

Вотъ интересная статья:

«Voici, en un mot, l'histoire des Romains» qui eurent une suite continuelle de prospérités &...

«Ils vainquirent tous les peuples par leurs maximes: mais lorsqu' ils y furent parvenus, leur république ne put subsister; il fallut changer de gouvernement: et des maximes contraires aux premières, employées dans ce gouvernement nouveau, firent tomber leur grandeur.

«Ce n'est pas la fortune qui domine le monde: on peut le demander aux Romains, qui eurent une suite continuelle de prospérités quand ils se gouvernèrent sur un certain plan, et une suite non interrompue de revers lorsqu'ils se conduisirent sur un autre. Il y a des causes générales, soit morales, soit physiques, qui agissent dans chaque monarchie, l'élèvent, la maintiennent, ou la précipitent: tous les accidens sont soumis à ces causes; et, si le hasard d'une bataille, c'est-à-dire, une cause particulière, a ruiné un état, il y avait une cause générale qui faisait que cet état devait périr par une seule bataille: en un mot, l'allure principale entraîne avec elle tous les accidens particuliers».

Вотъ что Монтескье пишетъ о своихъ соотечественникахъ. Здѣсь надобно замѣтить двѣ вещи. Первое—чистосердечіе, съ какимъ онъ говоритъ о нихъ, второе—точность, которую онъ сохраняетъ, выписывая слова Никиты (Nicétas), историка греческаго. Эта грубость слога очень оригинальна посреди слога высокаго:

«Au travers des invectives d'Andronic Comnène contre nous, on voit dans le fond que, chez une nation étrangère, nous ne nous contraignons point, et que nous avions pour lors les défauts qù on nous reproche aujourd'hui. Un comte français alla se mettre sur le trône de l'empereur: le comte Baudouin le tira par le bras, et lui dit: «Vous devez savoir que quand on est dans un pays, il en faut suivre les usages». «Vraiment, voilà un beau paysan, répondit-il, de s'asseoir ici, tandis que tant de capitaines sont debout!»

Сенъ-Ламберъ (или Ларошефуко) рѣшительно сказалъ, что мы вылѣчиваемся отъ всѣхъ недостатковъ, если имѣемъ на то добрую волю, но слабость характера не излѣчима. Полно, вѣрить ли этому? Вниманіе есть удивительный рычагъ въ морали. Оно дѣлаетъ чудеса. Вниманіе можетъ даровать нѣкоторое послѣдованіе, нѣкоторый порядокъ въ поступкахъ нашихъ, нѣкоторое равновѣсіе мыслямъ и дѣламъ, и мы уже вылѣчены отъ половины слабости. Часто лучшія свойства сердца называются слабостію людьми непрозорливыми. Съ перваго взгляду Сократъ казался слабымъ человѣкомъ; его Ксантиппа дѣлала изъ него что хотѣла и проливала на его священную голову помои изъ окна своего. «Послѣ бури бываетъ дождь», повторялъ мудрецъ, отряхая съ себя воду. Но какую надобно имѣть твердость души, чтобы сказать сіи слова безъ гнѣва, съ кротостію и съ

этою ироніею, исполненною человѣколюбія, съ этою усмѣшкою, которой Сократъ далъ имя свое! Отъ слабаго человѣка требуется вдвое добродѣтели. Ибо, какъ говоритъ сѣдой Державинъ,—

Какъ бѣдной часовый, тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!

Слабому человѣку необходимо надобно держать въ уздѣ не только порочныя страсти, но даже самыя благороднѣйшія. Одинъ поступокъ твердости даетъ силу учинить другой подобный. Ничто не даетъ такой силы уму, сердцу, душѣ, какъ безперестанная честность. Честность есть прямая линія: она ближе къ истинѣ, нежели кривыя. Какъ легко развратиться въ обществѣ, но за то какая честь выдержать всѣ его отравы и прелести, не покидая копья! Великая душа находитъ, отверзаетъ себѣ повсюду славное и въ безвѣстности поприще: нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы не можно было воевать съ собою и одерживать побѣды надъ самимъ собою. Повинуемся судьбѣ не слѣпой, а зрячей, ибо она есть не что иное, какъ воля Творца нашего. Онъ проститъ слабость нашу: въ Немъ сила наша, а не въ самомъ человѣкѣ, какъ говорятъ стоики.

Въ арміи встрѣчаешь много карикатуръ, но подобной Кроссару не всякому удастся встрѣтить.

Мы дрались подъ Гайерсбергомъ, въ горахъ у Теплица. Раевскій стоялъ въ дефилеѣ; пули свистали. Является къ намъ офицеръ въ свитскомъ мундирѣ, весь въ крестахъ, и въ петлицѣ Марія-Терезія. Конь его въ поту, у него самого пѣна у рта, и потъ съ него градомъ сыплется, глаза горятъ, какъ угли, и толстая нагайка гуляетъ безперестанно съ праваго плеча на лѣвое. «Bonjour, mon général!» «Ah, bonjour, Crossard!» И слово за

слово, вижу—мой Кроссаръ вынимаетъ толстую тетрадь. Отгадайте, что? Планъ будущей кампаніи, проектъ, бредъ, однимъ словомъ. Онъ хочетъ читать ее, толковать—гдѣ? Подъ пулями, въ горячемъ дѣлѣ. Раевскій оттолкнулъ его и отворотился. Но Кроссаръ любилъ Раевскаго, какъ любовникъ. Гдѣ генералъ дерется, тамъ и Кроссаръ съ нагайкой и совѣтами. Подъ Лейпцигомъ онъ насъ не покидалъ. Дѣло было ужасное, и Кроссаръ утопалъ въ удовольствіи. Онъ вертѣлся, какъ бѣлка на колесѣ, около генерала. Лошадь его упрямилась. Подъѣзжаетъ ко мнѣ: «Camarade, rendez-moi un service éclatant». «Что вамъ угодно?» «Rossez mon cheval, je vous prie. Là! Bon! Encore un coup, mais frappez fort». Я и товарищи сѣкли его лошадь безъ жалости подъ пулями и картечью; всадникъ на ней прыгалъ безперестанно, въ пыли, въ поту, въ треугольной шляпѣ оборванной, и красный, какъ ракъ. Онъ, Австріецъ, въ 1812 году перебѣжалъ къ намъ. Онъ бросилъ перчатку Наполеону. Онъ дышетъ только въ войнѣ, любовникъ пламенный пуль и выстрѣловъ.

Сенека.

Слава есть тѣнь добродѣтели. Она слѣдуетъ за нею, даже противъ воли ея; но подобно какъ тѣнь то предшествуетъ тѣламъ, то за ними слѣдуетъ, такъ и слава иногда идетъ передъ нами открыто, иногда по стопамъ нашимъ, и если зависть принуждаетъ ее скрыться, то она является въ свое время и болѣе, и величественнѣе...

Сколько людей, получившихъ извѣстность по смерти своей, и которыхъ слава выросла, такъ сказать, изъ могилы! Вы видите, съ какимъ уваженіемъ говорятъ объ Эпикурѣ и ученые, и невѣжды, и что же? Онъ былъ

неизвѣстенъ въ Аѳинахъ и жилъ въ окрестностяхъ столицы аттической, какъ простой гражданинъ. Переживъ Метродора, онъ говоритъ въ письмѣ, воспоминая о дружбѣ, соединявшей его съ симъ мудрецомъ, что между наслажденій жизни долженъ считать и то, что Эпикуръ и Метродоръ жили въ неизвѣстности, что даже имена ихъ не были знакомы Греціи.

«C'est être né pour peu de monde, que de regarder, comme tout son siecle, le peuple qui vit en même temps que nous. Il surviendra des milliers d'années et de peuples; c'est vers eux qu'il faut étendre vos regards...

«L'hypocrisie sert peu; la teinte légère d'un enduit extérieur n'en impose qu'à peu de gens. La vérité, de quelque côté qu'on la regarde, est toujours la même. La fausseté n'a pas de consistance; le mensonge est transparent; avec de l'attention on peut voir au travers».

***

М о и.

Читаю Сенеку. Онъ очень остроумно называетъ Эпикура, проповѣдующаго науку сладострастія, мужчиною въ женскомъ платьѣ. Не можно ли сказать то же о Сенекѣ, угодникѣ Нерона, но на оборотъ? Впрочемъ, читая его письма, можно съ нимъ примириться; можно рѣшительно сказать, что онъ имѣлъ великую, прекрасную душу и умъ необыкновенно проницательный. Онъ обнималъ всѣ свѣдѣнія современниковъ, и книга его, какъ исторія ума человѣческаго во времена Нерона, весьма интересна. Онъ удивительный мастеръ заострить мысль самую обыкновенную и въ этомъ похожъ болѣе на новѣйшаго писателя, нежели на древняго. Я и въ переводахъ вижу, что Цицеронъ никогда не прибѣгалъ къ симъ побочнымъ средствамъ. Какъ

же разница межъ нимъ и Сенекою должна быть чувствительна для тѣхъ, которые имѣютъ счастіе читать въ подлинникѣ обоихъ авторовъ!

«Apprenez ici un mot de Mecène, une vérité que la torture des grandeurs arracha de sa bouche. La hauteur même nous expose à la foudre. Ce passage est tiré du livre intitulé Prométhée, il veut dire: attonita habet summa. Y-a-t'il grandeur au monde qui autorise une telle ivresse de style! Sans doute, Mecène avait du génie: il eut servi de modèle à nos orateurs, si la prospérité ne lui eût ôté sa force, et, pour ainsi dire, sa virilité. Tel sera votre sort, si vous ne pliez dès-à-présent les voiles, pour regagner le rivage moins tard que lui... Dans le monde, vous aurez des convives choisis par un nomenclateur dans la foule qui vous fait la cour. Quelle folie de chercher des amis dans un vestibule, de les éprouver dans un festin! Le plus grand malheur du riche, est de se croire aimé des gens qu'il n'aime pas: assiégé de ses biens, préoccupé de leur excéllence, il regarde les bienfaits comme un moyen sûr d'acquérir des amis. Souvent on haït à proportion qu'on reçoit: prêtez une petite somme, vous aurez un débiteur; une plus grande vous fait un ennemi. Quoi, les bienfaits n'engendrent pas l'amitié? Ils le peuvent, si le discernement les dirige, si on les place au lieu de semer» (Traduction de Lagrange).

Но вотъ мѣсто прелестное изъ главы: объ истинной славѣ философа: «Vous voulez de la célébrité! L'étude ne vous en laissera pas manquer. Ecoutez Epicure; il écrivait à Idoménée: il voulait rappeler d'une vie de parade, à la gloire solide et vraie, ce ministre d'un despote inflexible, alors occupé des plus grandes affaires: «Si la gloire vous touche, lui dit-il, mes lettres vous feront plus connaître que tous ces biens que vous recherchez, et qu'on recherche en vous».

N'a-t-il pas dit la vérité? Qui connaîtrait maintenant cet Idoménée, si Epicure n'eût conservé son nom dans ces lettres? Ces grands, ces satrapes, ce roi même dont l'éclat rejaillissait sur Idoménée, nous sont tous inconnus, un oubli profond a effacé jusqu'à leurs moindres traces. Les Epîtres de Cicéron ne laisseront point périr la mémoire d'Atticus: en vaint il aurait eu pour gendre Agrippa, pour descendans Tibère et Brutus. Parmi ces noms illustres le sien ne serait pas cité, si le prince des orateurs ne l'eût mis en évidence. Ainsi le torrent des siècles viendra fondre sur nos têtes: quelques génies surnageront, sans doute, mais l'oubli finira par les engloutir tôt ou tard; au moins auparavant ils auront su se débattre et se soutenir quelque tems». Что Сенека прибавляетъ потомъ, прекрасно: это вырвалось изъ сердца. Пророчество своей собственной славы въ устахъ великаго человѣка не оскорбительно; напротивъ того, оно есть новое свидѣтельство, новое доказательство любви его къ славѣ, то-есть, къ тому, что ни есть лучшаго, чистѣйшаго, изящнѣйшаго, величественнаго, божественнаго, на земномъ шарѣ. «La promesse d'Epicure à Idoménée, j'ose la faire à mon cher Lucilius. J'ai aussi quelques droits sur les races futures, je puis sauver quelques noms avec le mien, et partager avec un ami mon immortalité. Virgile a promis et assuré une gloire immortelle à deux heros. «Heureux, dit-il, tous deux, si mes vers ont quelque pouvoir, jamais le temps n'effacera votre mémoire, tant que les descendans d'Enée occuperont l'inébranlable rocher du Capitole; tant que Rome conservera son empire» &&&:

Fortunati ambo....

Тассъ подражалъ этому движенію.

У Гнѣдича есть прекрасное и самое рѣдкое качество: онъ съ ребяческимъ простодушіемъ любитъ искать красоты въ томъ, что читаетъ; это самый лучшій способъ съ пользою читать, обогащать себя, наслаждаться. Онъ мало читаетъ, но хорошо. И горе тому, кто раскрываетъ книгу съ тѣмъ, чтобы хватать погрѣшности, прятать ихъ и при случаѣ закричать: «Поймалъ! Смотрите! Какова глупость!» Простодушіе и снисхожденіе есть признакъ головы, образованной для искусствъ. И впрямъ, мало такихъ произведеній пера, живописи, искусствъ вообще, въ которыхъ бы ничего занять было не возможно; иногда погрѣшности самыя наставительны. Съ одной стороны, и ученикъ опрокинетъ однимъ махомъ руки всѣ зданія Шекспира и Державина; съ другой стороны, основанія ихъ вѣчны. Станемъ наслаждаться прекраснымъ, болѣе хвалить и менѣе осуждать! Слова Спасителя о нищихъ духомъ, наслѣдующихъ царствомъ небеснымъ, можно примѣнить и къ области словесности.

Вспоминаю: Дмитріевъ разсказывалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ о Державинѣ, который очень любопытенъ для наблюдателя. Когда вышелъ Анахарсисъ Бартелеми, то Державинъ просилъ неотступно Дмитріева и Петрова («Агатонъ» Карамзина) достать ему эту книгу. Промыслили нѣмецкій переводъ. Державинъ его продержалъ день, два, три, недѣлю и болѣе. «Прочитали ли вы?» «Нѣтъ еще». Приходятъ черезъ мѣсяцъ, требуютъ книгу. «Возьмите, вотъ она!» И впрямъ, она лежала на столѣ, но вся въ пыли, въ пудрѣ. «Какъ понравился вамъ Анахарсисъ? Я чаю, вы въ восхищеніи», спрашивали Дмитріевъ и Петровъ. «Я, виноватъ, не прочиталъ ея. Началъ и не могъ кончить... отъ скуки». У друзей опустились руки. Они погляды-

вали другъ на друга и не знали, вѣрить ли ушамъ своимъ. Но вотъ что всего удивительнѣе: Державина зовутъ на обѣдъ—не ѣдетъ; на ужинъ, на балъ—не поспѣлъ и отговорился болѣзнію. Дмитріевъ, приглашенный въ тѣ же самые дома, узнаетъ о болѣзни Г. Р. и спѣшитъ навѣстить его и застаетъ растрепаннаго, въ шлафрокѣ, съ книгою въ рукахъ. «Вы не здоровы?» «Нѣтъ», отвѣчалъ стихотворецъ, разсмѣявшись, — «я залѣнился, и эта книжка меня удержала дома; не могъ разстаться съ нею!» Отгадайте, какая это была книга? Ну, Пиндаръ, Анакреонъ, или проповѣдь Платонова, или что-нибудь новое о политикѣ? Совсѣмъ не то. Сокольничій уставъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ изданный!

Послѣ того позволено сказать: что можетъ быть страннѣе и упрямѣе головы великаго человѣка! Этотъ анекдотъ меня поразилъ и плѣнилъ, разсказанный Дмитріевымъ, который говоритъ, какъ пишетъ, и пишетъ, также сладостно, остро и краснорѣчиво, какъ говоритъ.

Въ мирѣ надобно стряхнуть съ себя прахъ воинскій у алтаря музъ и пожертвовать граціямъ.

Всѣ почти безъ исключенія всѣ гишпанскіе стихотворцы были воины, и что всего удивительнѣе, посреди варварской войны Карла V, посреди опустошеній, пожаровъ Европы и костровъ инквизиціи они воспѣвали... эклоги. Нѣжныя мысли, страстныя мечтанія и любовь какъ-то сливаются очень натурально съ шумною, мятежною, дѣятельною жизнію воина. Горацій бросилъ щитъ свой при Филиппахъ. Тибуллъ былъ воинъ. Парни служилъ адъютантомъ. Сервантесъ потерялъ руку при Лепантѣ.

Время все разрушаетъ, и опустошенія его быстры, но коснуться человѣка, освѣщеннаго мудростію, не дерзаетъ. Ничто ему вредить не можетъ. Годы не изгладятъ, не ослабятъ его славы, и вѣкъ будущій, и всѣ грядущіе вѣки умножатъ, утвердятъ уваженіе къ мудрому (Сенека).

«C'est une chose immense que la sagesse; il lui faut un grand emplacement: le ciel et la terre, le passé, l'avenir, le périssable et l'éternel, le temps en un mot, sont les objets dont elle s'occupe» (Séneque).

Изъ Лонгина.

Что лучше, совершенная ли посредственность безъ высокаго, или высокое съ нѣкоторыми несовершенствами? Сравненіе Димосѳена съ Гиперидомъ.

«Если судить о достоинствѣ писателей по числу, а не по качеству ихъ красотъ, то Гиперидъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть предпочтенъ Димосѳену. Ибо онъ больше его какъ гармоніи, такъ и другихъ ораторскихъ совершенствъ имѣетъ, и потомъ въ превосходномъ степени, подобно атлету, называемому Пентатломъ, который хотя на всѣхъ сраженіяхъ другими атлетами побѣждается, однако превосходитъ всѣхъ тѣхъ, кои подобно ему занимаются всѣми пятью подвигами. Ибо Гиперидъ подражалъ всѣмъ Димосѳеновымъ красотамъ, кромѣ сочиненія словъ; сверхъ того, онъ присвоилъ себѣ совершенства и пріятности Лизіевы, смягчается, гдѣ потребна простота и откровенность, и не говоритъ вездѣ, какъ Димосѳенъ, съ единогласіемъ, живописуетъ нравы съ какою-то умѣренною и пріятною сладостію; его вѣжливость безподобна, насмѣшки — самыя тонкія и благородныя; удивительное искусство въ употребле-

ніи ироніи; шутки его благопристойны и не вынуждены, какъ то бываетъ у худыхъ подражателей аттическому слогу, но изъ самаго предмета родятся. Съ какимъ искусствомъ отражаетъ онъ дѣлаемыя ему возраженія! Сколько въ немъ забавнаго и комическаго! И все сіе растворено такимъ скромнымъ острословіемъ, все приправлено такою непринужденною пріятностью! Сверхъ того, онъ рожденъ къ возбужденію жалости, обиленъ въ баснословныхъ повѣствованіяхъ, гибокъ въ отступленіяхъ и переходахъ къ своему предмету, когда ему вздумается,—что видѣть можно изъ его отступленія о Латонѣ, преисполненнаго красотъ стихотворческихъ. Его надгробное слово съ такою пышностію написано, что я не знаю, можетъ ли кто другой такъ написать.

«Что жь касается до Димосѳена, онъ не умѣетъ такъ хорошо изображать нравы; не обиленъ, не гибокъ, не способенъ къ пышности и лишенъ всѣхъ почти вышесказанныхъ совершенствъ. Притомъ, когда усиливается быть забавнымъ и шутливымъ, то, не возбуждая въ другихъ смѣха, самъ лишь смѣшнымъ дѣлается, и чѣмъ больше старается приближиться къ пріятности, тѣмъ далѣе отъ нея отходитъ. Однако какъ, по мнѣнію моему, Гиперидовы красоты, коихъ въ немъ весьма великое множество, не имѣютъ въ себѣ ничего величественнаго и родились изъ сердца, не согрѣтаго жаромъ вдохновенія, — то посему онѣ вялы и оставляютъ въ слушателѣ какую-то пустоту; ибо кто при чтеніи Гиперида приходитъ въ восторгъ? Напротивъ, Димосѳенъ, совокупивъ въ себѣ всѣ качества оратора, по истинѣ рожденнаго къ высокому, и усоверша наукою сей тонъ величія, сіи одушевленныя страсти, сію плодовитость, ловкость, оборотливость, быстроту и, что всего важнѣе, жаръ и силу, къ коимъ никто еще не

могъ приближиться, всѣми сими качествами, сими отъ Бога полученными дарами, коихъ никакъ нельзя назвать человѣческими, побѣждаетъ всѣхъ вѣковъ ораторовъ и, къ униженію тѣхъ совершенствъ, которыхъ онъ не имѣетъ, ослѣпляетъ ихъ своими молніями и оглушаетъ громами. И подлинно, легче смотрѣть открытыми глазами на ниспадающіе съ неба перуны, нежели не быть тронуту и поражену сильными, повсюду пылающими въ его твореніяхъ страстями».

* * *

О Платонѣ и Лизіѣ.

«Что жь касается до Платона и Лизія, между ними есть еще, какъ сказано мною, другая разность. Ибо Платонъ превосходитъ Лизія не только величествомъ, но и множествомъ красотъ своихъ. Сверхъ сего, Лизій больше изобилуетъ пороками, нежели сколько, въ сравненіи съ Платономъ, лишенъ красотъ. Зачѣмъ же сіи божественные писатели старались только о высокомъ въ своихъ сочиненіяхъ, а точность и во всемъ исправность презирали? Кромѣ многаго, причиною сему и то, что природа—(слушайте со вниманіемъ, писатели, это мѣсто очень интересно во всѣхъ отношеніяхъ!)—не сочла человѣка за низко ею презрѣнное животное, но, даровавъ ему жизнь, вывела его въ свѣтъ, какъ бы на великое позорище, дабы онъ былъ зрителемъ всего на немъ происходящаго и подвижникомъ, жаждущимъ славы, и для того при самомъ рожденіи вліяла въ душу его неодолимую страсть ко всему великому и божественному. Отсюда происходитъ, что для обширности ума человѣческаго не довольно цѣлаго міра; мысли наши часто прелетаютъ предѣлы, все сотворенное оканчивающіе.

Почему, если кто со всѣхъ сторонъ обозритъ жизнь нашу и примѣтитъ, сколько величественное и превосходное во всѣхъ вещахъ имѣетъ преимущества предъ блистательнымъ и прекраснымъ, тотъ вдругъ увидитъ, къ чему человѣкъ рожденъ. По такому врожденному побужденію мы не маленькимъ рѣчкамъ удивляемся, хотя бы онѣ были чисты, прозрачны и годны къ нашему употребленію, но Нилу, Дунаю, Рейну, а еще гораздо болѣе—Океану. Равнымъ образомъ не удивляемся огоньку, нами зажженному, какъ бы онъ ни былъ ясенъ, но изумляемся свѣтилами небесными, не смотря на то, что они часто помрачаются, и ничего не находимъ удивительнѣе оныхъ жерлъ Этны, которая часто изъ нѣдръ своихъ извергаетъ камни, скалы, иногда изливаетъ сѣрныя рѣки и огненные потоки. Изъ всего сего слѣдуетъ, что полезное людямъ и даже нужное мы легко пріобрѣтаемъ, а величественному и чрезвычайному только удивляемся».

* * *

Переводъ Мартынова, который вообще ясенъ, чистъ, точенъ и довольно красивъ. Онъ обогатилъ имъ нашу словесность, столь бѣдную переводами классиковъ. Я благодаренъ ему: онъ доставилъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ минутъ въ единообразной скукѣ деревенской.

Еще одна странность Державина. Когда появились его оды, то появились и критики. Чѣмъ болѣе хвалителей, тѣмъ болѣе и враговъ: это дѣло обыкновенное. Между прочими г. Неплюевъ отзывался о Державинѣ съ презрѣніемъ, не только отрицалъ ему въ талантѣ, но утверждалъ рѣшительно, что Державинъ, котораго онъ

лично не зналъ, долженъ быть величайшій невѣжда, человѣкъ тупой и тому подобное. Пересказываютъ Державину: онъ вспыхнулъ. На другой день поэтъ отправляется къ г. Неплюеву. «Не удивляйтесь, что меня видите. Вы меня бранили, какъ поэта; прошу васъ, познакомьтесь со мною, можетъ быть, найдете во мнѣ хорошую сторону, найдете, что я не такъ глупъ, не такой невѣжда, какъ полагаете; можетъ быть, смѣю ласкать себя надеждою, и полюбите меня». Представьте себѣ удивленіе хозяина! Онъ и жена приглашаютъ Гавріила Романовича обѣдать, подчиваютъ, угощаютъ, не знаютъ, что сказать ему, гдѣ посадить его. Державинъ продолжаетъ ѣздить въ домъ и остается навсегда знакомымъ, даже пріятелемъ [1]).

---

[1]) На внутренней сторонѣ нижней доски переплета написано:

Я принятъ въ общество любителей словесности Московское 1817; весною того же года—въ Казанское; въ Арзамасъ—1816, подъ именемъ Ахилла, сына Пелеева.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

DISCOURS

POUR LE COURONNEMENT

de Sa Majesté L'Empereur de toutes les Russies Alexandre I.

PRONONCÉ LE 15 SEPTEMBRE 1801 PAR MONSEIGNEUR PLATON ARCHEVÈQUE MÉTROPOLITAIN DE MOSCOU.

Traduit de l'original par C. B.

A monsieur le chevalier de Sokoloff.

Monsieur! Après tant de bienfaits, dont il vous a plu de me combler, j'ose faire éclater ma reconnaissance en vous offrant la traduction que j'ai faite du discours prononcé à l'occasion du couronnement de Sa Majesté Impériale. Si vous trouvez cette traduction trop littérale, que ma grande jeunesse me serve d'excuse; mais comment peut-on rendre dans une autre langue le pathétique, la noble simplicité, le sublime et le ton de vérité, qui regnent dans l'original? Monseigneur Platon, dont le nom est devenu en Russie celui de l'éloquence même, a un style à lui; toutes les beautés de ses compositions coulent de source et ne portent point l'empreinte du travail. Massillon, Bourdaloue, Fléchier, Bossuet, Fénelon avaient fixé en France le siège de l'éloquence évangélique, un Platon vient de le transporter en Russie.

Je suis avec le plus profond respect, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur C. de Batuchkoff.

Dieu a daigné nous faire voir notre souverain couronné et élevé au faîte de sa gloire. Que dirons nous maintenant? Que ferons nous? O enfants de la Russie! Remercierons nous le Roi des Rois pour une faveur si signalée? Oui, pénétrés de reconnaissance, nous le remercions déjà. L'invoquerons nous pour qu'Il donne de la durée à ce bienfait? Et nous Le prions avec la foi la plus vive. Lui porterons nous des offrandes? Il n'en exige pas. Mais nous mettons déjà à Ses pieds cette couronne, ce sceptre, la Russie et tous nos coeurs.

Sire! Faut-il te féliciter d'être revêtu de tant de gloire? Oui, nous te félicitons déjà en sujets fidèles. Faut-il t'assurer de notre fidélité? Et nous la jurons déjà à la face du ciel et de la terre, en présence de cet autel, de Dieu et de ses anges. Faut-il te souhaîter un règne long et heureux? Que notre main se dessèche plutôt, si nous ne l'élevons dans la ferveur de nos prières que pour te demander ces faveurs. Devons nous prier le Très-Haut pour qu'Il te conduise Lui-même, pour qu'Il éclaire ton ésprit et purifie ton coeur? Que notre langue soit plutôt glacée, si elle Lui porte d'autres prières. Devons nous enfin implorer la Majésté divine, qu'ayant dans notre monarque un père tendre, nous l'aimions aussi tendrement à notre tour? Oui, prosternés devant le Tout-Puissant, nous nous écrions: Sage Architecte de l'univers, nous sommes de l'argile à Tes yeux; loin d'en former des vases d'ignominie, forme en des vases d'honneur!

Ayant nos coeurs si disposés, il se présente quelque chose digne d'une attention particulière.

Monarque bien aimé! Dans ce diadème qui ceint ton front, nous voyons notre gloire et ta tâche pénible à remplir, dans ce sceptre notre repos et tes veilles, dans ce globe notre sécurité et tes soins, dans ce manteau de pourpre notre égide et tes combats, dans ces ornements royaux notre consolation et ton fardeau!

Fardeau en effet et tâche pénible! Le plus grand empire, qu'ait jamais vu l'univers, se présentera à tes yeux et attendra de ta sagesse une parfaite harmonie dans l'ensemble et dans toutes ses parties. Tu verras descendre du ciel la justice accompagnée de la voix du Juge du ciel et de la terre, qui te dira: Sois juste et que ta balance ne penche ni à droite, ni à gauche! Tu verras se présenter la clémence sous les traits d'un Dieu bienfaisant; elle te demandera, que tu gouvernes ton peuple avec bonté.

Les veuves, les orphelins et les pauvres lésés dans leurs droits par la vénalité et la partialité et opprimés par un pouvoir arbitraire ne cesseront pas de s'écrier pour que tu les défendes, que tu essuyes leurs larmes et qu'ils soient en état de célébrer partout ton règne bienfaisant. L'humanité même se présentera à tes yeux dans sa primitive et pure simplicité dépouillée de tous les préjugés de la naissance: Père commun de ton peuple, s'écriera-t-elle, rapelle-toi toujours les droits de l'humanité nous sommes tous également tes enfants. Il n'y a d'être vil à tes yeux que l'oppresseur de l'humanité, ou celui qui veut s'élever audessus des bornes qu'elle prescrit. Enfin se présentera l'église, cette mère qui nous a régénérés en esprit, dans un vètement teint du sang du Fils unique de Dieu. Cette auguste fille du ciel, quoiqu'elle trouve assez de défense dans son Chef Jésus Christ, et qu'elle ait pour égide Sa sainte croix, elle t'étend ses bras comme à son

fils ainé, et te serrant dans son sein, elle ne cessera de te prier: Conserve le gage de la foi intact et inviolable, conserve le, non seulement pour toi, mais que tu donnes toi-même un exemple de piété: par là tu fermeras la bouche impie des libertins et tu étoufferas l'esprit pérnicieux du fanatisme et de l'incrédulité.

Mais avec les anges de Dieu, des esprits de malice ne balanceront pas de paraître. Tu ne manqueras pas de voir ramper autour de ton trône la flatterie, la calomnie et la fourberie avec toute leur suite contagieuse. Elles oseront se flatter, que sous le masque d'une soumission servile, elles pourront abuser de ta pénétration. La partialité et la vénalité découvriront leurs têtes difformes, s'efforçant de faire pencher la balance de la justice. La volupté se présentera impudemment avec tous les attraits séduisants de l'impureté pour souiller les liens sacrés de l'hymen et pour rapporter tout au plaisir et à l'oisiveté.

Entouré d'une foule si venimeuse, la vérité, la sagesse et la piété te prêteront leur bras et en soutenant ton règne imploreront, que Dieu ressuscite en toi, et tes ennemis seront terrassés.

Voici ta tâche pénible, monarque très puissant! Voici la lutte, qui t'oblige à être toujours le glaive à la main prêt au combat! O héros, montre toi, avance hardiment et gouverne, et la main du Seigneur te guidera miraculeusement!

Miraculeusement, dis-je. Car pour se préserver de tant de pieges, surmonter tant d'obstacles, gouverner tout en paix et en bon ordre, il faudrait des forces plus qu'humaines. Mais attendu que tu es un homme, quoiqu'élevé audessus des autres, nous devrions modérer nos transport de joie.

Modérer! Mais que serait-ce cette cérémonie, qui

vient de se términer? Serait-ce une simple apparence, une vaine formalité? Ah, non! Aussitôt que David fut élu roi d'Israël et qu'il fut sacré, l'Écriture dit que l' esprit du Seigneur fut toujours en lui. Ce même esprit du Seigneur te sanctifie et plane sur ta tête dans ce jour. Les voeux de toute la Russie et de l'église de sont pas vains. Le Seigneur exauce les humbles prières de ses serviteurs et ne rejette pas leurs demandes. La même disposition de ton âme attire l'assistance du Seigneur, car nous pouvons dire de toi ce qui fut dit de l'oint de Dieu: David était beau, il avait le regard doux. Et toi, notre David bien aimé, tu es aussi beau, tu as le regard doux. Mais tous ces avantages seraient insignifiants, s'ils n'annonçaient la beauté de ton âme et les qualités bienfaisantes de ton coeur.

Monarque très aimé, ainsi fortifié et encouragé, accompagné d'un tel secours céleste et d'un esprit si puissant, ta tâche pénible sera facile à remplir. Tes veilles seront peu fatigantes, tes soins auront beaucoup de succès, ton fardeau sera léger et tu sortiras du combat victorieux et triomphant.

En cela même Dieu te donne une marque évidente du soin qu'il prend de ton gouvernement. Il t'a inspiré un amour sincère vers ton épouse chérie, l'ayant accompagnée également à toute la gloire de ton sacre. Cela est conforme avec les loix de l'Éternel. Lorsque les liens sacrés vous ont unis ensemble et Dieu ayant formé la femme pour être la compagne fidèle de son mari, elle doit l'être aussi inséparablement de sa gloire. Ses vertus justifieront nos espérances, certainement elle vérifiera les paroles du Seigneur: Elle lui a été donnée pour l'aider à soutenir son fardeau.

Te voyant de telle manière si bien soutenu de toutes

parts, grand prince, nous nous réjouissons, nous te félicitons et nous rendons grâces au Seigneur, en nous écriant: Béni soit Dieu, qui a visité et racheté son peuple et qui a élevé la gloire de son Christ.

Mais que ton coeur, très auguste impératrice Marie Théodorowna, se réjouisse avant tous et par dessus tous de voir ce fruit béni. Qu'il nous est doux et bienfaisant! La plus pure partie de ton sang coule dans ses veines et tu lui as communiqué tout ce qu'il y a de plus vivifiant dans le tien. Depuis longtemps l'apôtre a dit: Si le tronc est sain, les rameaux le sont aussi. Le tronc anime les branches et les branches embellissent le tronc. N'est ce pas là une source de vraie joie pour toi auguste impératrice? Et si quelque chagrin peut encore affliger ton âme, cette source n'est elle pas suffisante pour l'effacer? Si quelque nuage sombre a pu troubler ton coeur, cette lumière, qui a sa source dans ton sein, n'est elle pas suffisante pour le dissiper? Ainsi voyant aujourd'hui, comme la mère de Salomon, ton fils couronné et élevé à la cime de sa gloire, réjouis toi et rends grâces à l'Éternel pour t'avoir éprouvée si généreusement. Et toi à la présence auguste de notre souverain couronné tu entonneras la première le cantique d'allégresse, comme la Mariame de l'Écriture, et nous et la Russie entière te suivrons et répéterons dans nos transports le même cantique, qui retentira jusqu'aux extrémités de la terre: Dieu est avec nous! Peuples, écoutez et humiliez vous. Grands de la terre, écoutez et humiliez vous; car si vous vous réunissez de nouveau, vous serez vaincus, parce que Dieu est avec nous!

ПРИМѢЧАНІЯ.

I.

Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 50, № 8 (апрѣль), стр. 247—257, подъ заглавіемъ: „Картина Финляндіи. Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера", съ подписью: К. Б.....овъ; 2) въ Образцовыхъ Сочиненіяхъ въ прозѣ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей; издалъ Александръ Восйковъ. М. 1811, ч. VI, стр. 248—258, подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ полною подписью автора; 3) въ Образц. Сочиненіяхъ, изд. 2-е (1824 г.) ч. VI, стр. 220—228, подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ полною подписью; 4) въ Опытахъ, ч. I, стр. 159—173; 5) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 158—169; 5) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 169—181. Въ трехъ послѣднихъ изданіяхъ заглавіе измѣнено въ тотъ видъ, какой удержанъ и въ настоящемъ изданіи.

Варіанты (по Вѣстнику Европы и Образцовымъ Сочиненіямъ).

Къ стран. 1.

Строка 1: Наконецъ и я видѣлъ страну близкую къ полюсу страну Финляндію, сосѣднюю.....
3: гдѣ солнце грѣетъ только въ теченіи.....
5-10: нѣтъ (я видѣлъ..... и въ дикости своей).
11: выноски нѣтъ.
12-13: ..... не болѣе трехъ недѣль, зима царствуетъ.....

Къ стран. 2.

Стр. 3: ..... омываютъ волнами своими высокія скалы, на.....
5-6: ..... обрушенныхъ, можетъ быть, подземнымъ огнемъ.
12-13: ..... то высокіе утесы, по берегамъ разсѣянные, начертываются.....
14-17: На нихъ то черный вранъ вьетъ свои гнѣзда и въ часъ туманнаго вечера крикомъ своимъ вызываетъ бурю.
25-28: нѣтъ (сіи ..... человѣчество).

31-33: Деревья, упадшія отъ руки времени или отъ дуновенія бури, заграждаютъ путь отважнѣйшему охотнику.

Къ стран. 3.

Стр. 6: ..... между грозныхъ скалъ сѣраго гранита, быстро.....
8: ..... деревья и камни.
10: ..... трудолюбивая рука.....
11: ..... сосны, пни, исторгнутые.....
13-14: ..... все сіе образуетъ картину столь ужасную, столь.....
19: траву, растущую по берегамъ источника.
21: Гдѣ они? Гдѣ признаки ихъ бытія?....
22: ..... или, лучше сказать, сіи сыны дикихъ, мрачныхъ лѣсовъ....
25-28: Но существовали народы сіи—угрюмые, неспобѣдимые сыны первобытной природы; (выноски нѣтъ).

Къ стран. 4, 5, 6.

Стр. 1: ..... изъ черепа котораго пили кровь. Когда зима останавливала рѣки, сыпала иней и снѣга; когда воды превращались въ ледъ, и море являло видъ безмѣрной снѣжной пустыни, тогда дикія чада лѣсовъ выходили изъ логовищей своихъ и пролагали путь по морямъ Гиперборейскимъ къ новымъ пустынямъ, къ новымъ лѣсамъ. Вооруженные сѣкирой и палицей, они идутъ войной на стада пустынныхъ чудовищей, сражаются, побѣждаютъ и учреждаютъ изобильную трапезу! Томимые голодомъ, нуждою, исполненные храбрости, рѣшимости, презирая равно и смерть и жизнь, они стараются забыть опасность, въ звѣрскомъ изступленіи наполняютъ крикомъ безмолвные лѣса,—и эхо повторяетъ гласъ ихъ въ пространной пустынѣ!

Но сіи пустыни, сіи непроходимые лѣса, сіи мрачные вертепы въ среднихъ вѣкахъ повторяли голосъ скальда. И здѣсь поэзія, сія утѣшительница смертнаго, разсыпала цвѣты свои: она смягчила нравы, укротила звѣрство жителей. Разныя племена народовъ собрались воедино, составили селенія на берегахъ сего залива. Мало по малу и самая природа приняла другой видъ.

Можетъ быть, на сей скалѣ, осѣненной мрачными соснами у подошвы которой, какъ скатерть, разширяется воды озера можетъ быть, мой другъ, на сей скалѣ былъ воздвигнутъ храмъ Одена. Здѣсь поэтъ любитъ мечтать о временахъ преждебывшихъ; здѣсь съ удовольствіемъ смотритъ на облака, быстро пролетающія по мрачному горизонту, или (въ мечтаніи, разумѣется)

Въ полночный часъ
Онъ слышитъ скальда гласъ
Прерывистый и томный.
Полкъ юношей безмолвный,
Склоняся на щиты, кругомъ его стоитъ.
Царь пѣсней, древній скальдъ, мечтой одушевленный,

Могилу указавъ, гдѣ прахъ героя спитъ,
Лучами мѣсяца сквозь вѣтви освѣщенный,
Гласитъ и будитъ гулъ въ долинѣ и лѣсахъ.
„Чья тѣнь“, гласитъ пѣвецъ въ священномъ изступленьи.
„Тамъ съ дѣвами плыветъ въ туманныхъ облакахъ?
„Се ты, о юноша, погибшій на сраженіи!
„Миръ праху твоему, герой!
„Твоей сѣкирою стальной
„Низвергнутъ сильныхъ вождь, полки его разбиты....
„Ты палъ на груды тѣлъ
„Отъ тучи вражьихъ стрѣлъ,
„Палъ, витязь знаменитый.....
„И се ужъ надъ тобой,
„О юноша-герой,
„Посланницы небесны,
„Валкиріи прелестны,
„Съ улыбкой на устахъ,
„Съ копьемъ златымъ въ рукахъ,
„Протяжнымъ хороводомъ,
„Со мѣсячнымъ восходомъ,
„Спустились въ облакахъ,
„Невидимо спустились,
„Коснулися, и вновь
„Глаза твои открылись;
„Течетъ по жиламъ кровь
„Чистѣйшаго эѳира.
„Ты самъ, безплотный духъ,
„Въ страны безвѣстны міра
„Летишь стрѣлой.... и вдругъ
„Открылись предъ тобой тѣ радужны чертоги,
„Гдѣ уготовали для сонма храбрыхъ боги,
„При звукѣ горнихъ лиръ,
„Любовь и вѣчный миръ!
„На злачныхъ берегахъ, среди прохладныхъ тѣней,
„Ты будешь поражать тамъ скачущихъ оленей
„И быстроногихъ серн“.
Склонясь въ тѣни на дерн,
Съ дружиною младою,
Тамъ арфой золотою
Въ восторгѣ скальдъ поетъ
О славѣ древнихъ лѣтъ.
Поетъ, и храбрыхъ очи,
Какъ звѣзды тихой ночи,
Утѣхою блестятъ.
По вечеръ притекаетъ,
Часъ нѣги и прохлады,

Гласъ скальда умолкаетъ
Замолкъ..... и храбрыхъ сонмъ
Идетъ въ Одиновъ домъ,
Гдѣ дочери Виристы,
Власы свои душисты
Раскинувъ по плечамъ,
Прелестницы младыя,
Всегда полунагія,
На пиршества гостямъ
Обильны яствы носятъ,
И пить умильно просятъ
Изъ чаши сладкій медъ!.....

Къ стран. 7.

Стр. 3-5: ..... пушистаго облака, и деревья при первомъ утреннемъ морозѣ, блестя радугою, отражаютъ солнечные лучи.....

6: Смотритъ вм. взираетъ.

10-20: лучи свои, которые, преломляясь, образуютъ круги. Мрачная, ужасная картина! Все тихо и торжественно! Все мертво и печально! Робкая лань пробирается въ чащу, отрясая съ себя иней и снѣгъ. Стадо тетеревей дремлетъ въ глубокой тишинѣ на мшистыхъ еляхъ,—и всякій шагъ странника слышенъ въ снѣжной пустынѣ.

25-33: ..... тогда, мой другъ, природа примѣтно выходитъ изъ тягостнаго, мертваго сна. Озимыя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга—душистыми цвѣтами. Ходъ растительной силы примѣтенъ. Сегодня все мертво, наутріе все цвѣтетъ, все благоухаетъ.

Къ стран. 8.

Стр. 2-4: Лѣтніе дни и ночи особенно пріятны. День предшествуемъ бываетъ обильною росою.

5-6: во всемъ блескѣ на концѣ озера, въ туманной дали.

9: молодыхъ березъ, растущихъ.....

13: ..... у подошвы угрюмыхъ скалъ.....

14-19: ..... солнечные лучи умираютъ на гранитныхъ скалахъ. Тысячи насѣкомыхъ (минутные жители пустыни) то плаваютъ на поверхности озера, то кружатся между камышей и развѣсистыхъ ивъ.

21: ..... торжественнымъ плаваніемъ посреди озера привѣтствуютъ.

26: ..... скалахъ, осѣненныхъ густыми соснами, когда.....

29: ..... для живописца.....

31: въ часъ темной и холодной полуночи.....

33: оживляется присутствіемъ шумныхъ полковъ.....

Къ стран. 9.

Стр. 2: ..... переносимые изъ одного мѣста въ другое

3-4: ..... древніе пни и цѣлыя деревья, внезапу зажженные.....

5: ..... дымъ восходитъ медленно къ небесамъ.....
7-9: ..... голоса воиновъ: все сіе представляетъ картину новую и разительную!
10: потухъ вм. потухаетъ.
12: ..... пустыннаго водопада.....
14-16: ..... вышинахъ. Мѣсяцъ, склоняясь къ своему западу, освѣщаетъ безмолвный станъ.
21-31: но эти уединенные кресты вдоль песчанаго берега или вдоль дороги; этотъ рядъ могилъ въ странахъ чуждыхъ, отдаленныхъ отъ родины, кажется, говорятъ мимоидущему воину: и т е б я ж д е т ъ п о б ѣ д а..... и с м е р т ь! Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаемъ мы или оставленную батарею, или древній замокъ, котораго готическія острыя башни возвышаются надъ мрачнымъ лѣсомъ, или передовой непріятельскій лагерь, или выжженный мостъ, или опустѣлую деревню.

— Время сочиненія этой статьи опредѣлено помѣтой самого автора: „Финляндія, 1809“; но вѣроятно, статья была окончательно отдѣлана Батюшковымъ только по возвращеніи изъ похода, когда, во второй половинѣ 1809 года, онъ жилъ въ деревнѣ; отсюда въ декабрѣ этого года онъ писалъ Гнѣдичу: „Я здѣсь живу четыре мѣсяца и въ эти четыре мѣсяца почти ни куда не выѣзжалъ. Отчего? Я вздумалъ, что мнѣ надобно писать въ прозѣ, если я хочу быть полезенъ на службѣ, и давай писать—и написалъ цѣлыя груды, и еще бы написалъ, несчастный!“ На позднѣйшую обѣлку статьи указываетъ и то, что въ описаніе финляндской природы Батюшковъ внесъ заимствованія изъ сочиненія Ласепеда „Poétique de la musique“. Извлеченная изъ этого сочиненія картина лѣсовъ и обитателей полярныхъ странъ помѣщена въ очень извѣстномъ въ свое время сборникѣ Фр. Ноеля и Фр. Делапласа (см. объ успѣхѣ этой христоматіи при ея появленіи G. M e r l e t, Tableau de la littérature française 1800—1815, III, 35—36): Léçons de littérature et de morale, который былъ извѣстенъ Батюшкову какъ это видно изъ письма его къ Гнѣдичу 13-го марта 1811 г. Изъ этого сборника (3-е изданіе: Paris. 1808, t. I, p. 80—81) и приводимъ Ласепедово описаніе:

LES FORÊTS ET LES HABITANTS DES RÉGIONS GLACIALES.

Sous un ciel toujours couvert d'épais nuages, où la clarté du jour ne pénètre qu'avec peine, s'élèvent de vastes et antiques forêts. L'horreur, le silence et la nuit les habitent; des arbres presqu' aussi vieux que la terre qui les porte s'y élèvent et s'y amoncèlent, pour ainsi dire, sans ordre, les uns contre les autres. Leurs branches touffues et entrelacées n'offrent qu'avec peine des routes tortueuses que des ronces embarrassent encore: là, des cimes énormes succombent sous le poids des années ou la violence des vents; elles tombent avec effort sur des troncs antiques qui gisaient à leurs pieds, et recouvraient d'autres troncs à demi-pourris. L'on n'entend dans ces affreuses solitudes, dans ce séjour rude et sauvage, que les cris rauques et funèbres d'oiseaux voraces, les hurlements des ours qui cherchent une proie, le fracas d'un torrent qui se

précipite d'une roche escarpée, rejaillit en vapeur et fait gronder les échos de ces lieux bruts et incultes, ou le bruit des rochers que la main du temps fait rouler au milieu de ces forêts retentissantes.

Là, habitent dans ces cavernes, des hommes durs, féroces, indomptables, ne vivant que de leur chasse, ne se nourrissant que de sang, et ne désirant que de le boire dans le crâne de leurs ennemis. Lorsque l'hiver vient étendre ses glaces sur ces âpres contrées, qu'il répand à grands flots la neige; que les eaux cessent de couler, se glacent et se durcissent; que les fleuves sont changés en masse solide, capable de soutenir les plus lourds fardeaux et que la mer ne présente plus qu'une plaine rigide de glace dure et compacte, ces hommes féroces sortent de leurs tanières. Tout va leur servir de chemin; ils trouveront méme, sur la mer et sur les fleuves, des routes plus sures, plus courtes et moins embarrassées que celles qui traversent leurs forêts. La massue d'une main et la hache de l'autre, ils partent pour aller au loin surprendre les animaux dont ils se nourrissent, et enlever des bourgades entières pour servir à leurs repas inhumains. Ils vont donner la mort, et peut-être la recevoir. Pressés par la faim, agités par la férocité, pleins de courage, de cruauté et de force, s'animant par leurs victoires passées, cherchant à s'étourdir sur le danger qui les menace, ils proférent à haute voix l'expression de leurs sensations profondes et horribles; ils crient, ils élèvent leurs voix avec effort, et tâchent d'en remplir tous les lieux qu'ils parcourent; un enthousiasme atroce s'empare de leur âme; une espèce de chant sauvage, une chanson barbare sort de leur bouche avec leurs paroles de mort et de carnage.

Сличеніе описанія Батюшкова съ этимъ отрывкомъ показываетъ однако, что нашъ авторъ значительно приспособилъ подробности Ласепедовой картины къ условіямъ финляндской природы, а при обработкѣ статьи для изданія „Опытовъ" и сократилъ многія заимствованія (ср. варіанты).—На сдѣланныя Батюшковымъ заимствованія было впервые указано А. Д. Галаховымъ въ примѣчаніяхъ къ Полной русской хрестоматіи, изд. 3-е, 1849, стр. 66—67.

Трудно опредѣлить источникъ, откуда Батюшковъ внесъ въ свою статью свѣдѣнія о бытѣ Скандинавовъ, которыхъ онъ считалъ древними обитателями Финляндіи. А между тѣмъ несомнѣнно, что бытъ этотъ интересовалъ нашего автора своими поэтическими сторонами, какъ то видно изъ его позднѣйшихъ сочиненій и писемъ. Ближайшія указанія по сему предмету сообщены въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же достаточно сказать, что интересъ къ сѣверной поэзіи былъ возбужденъ въ европейскихъ литературахъ главнымъ образомъ появленіемъ Макферсонова псевдо-Оссіана (Fragments of ancient poetry, collected in the Highlands and translated from the gaelic or erse language изданы впервые въ 1760 г.), и что г-жа Сталь, въ книгѣ своей: De la littérature considérée dans ses rapports avec les institutions sociales (1800 г.) рѣзко формулировала различіе между южною и сѣверною поэзіей, признавъ начальнымъ источникомъ и типомъ первой Гомера, а второй — Оссіана. Что Батюшковъ рано познакомился съ Оссіаномъ, это видно изъ первой, извѣстной намъ, піесы его „Мечта" (1802 — 1803 гг.); а что въ Финляндіи впечатлѣнія оссіановской поэзіи пробуждались въ немъ особенно сильно, это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ его въ письмѣ къ

Гнѣдичу, отъ 25-го декабря 1808 г. изъ Вазы: „Купи... мнѣ... книгу: „Ossian tradotto dall'abate Cesaroti". Я объ ней ночь и день думаю".—Нужно также имѣть въ виду, что въ 1809 г. Батюшкову была уже извѣстна поэма Парни „Isnel et Aslega", содержаніе которой заимствовано изъ древне-скандинавскаго быта и обнаруживаетъ въ авторѣ знакомство съ сочиненіемъ Малле (Mallet): Introduction à l'histoire de Dannemarc où l'on traite de la religion, des loix, des moeurs et des usages des anciens Danois (A Génève. MDCCLXIII. Два тома).

— (Стр. 1). Подъ старою Финляндіей Батюшковъ разумѣетъ Выборгскую губернію, территорія которой была завоевана при Петрѣ I и Елизаветѣ Петровнѣ.

— (Стр. 3). Примѣчаніе о рунахъ прибавлено уже въ „Опытахъ" 1817 г., откуда и перешло въ позднѣйшія изданія „Отрывка". Батюшковъ могъ видѣть руны въ Швеціи только въ 1814 году.

— (Стр. 5 и 6). Стихи заимствованы изъ піесы самого Батюшкова „Мечта", написанной въ 1802—1803 гг. и подвергавшейся неоднократнымъ передѣлкамъ, между прочимъ въ 1809 г. (см. прим. къ „Мечтѣ" въ т. I).

— (Стр. 8). Описаніе лѣтняго вечера въ Финляндіи сравн. съ такою же картиной въ посланіи къ Гнѣдичу оттуда (т. I, стр. 46; т. III, стр. 18).

— О своемъ описаніи Финляндіи Батюшковъ говоритъ въ письмахъ къ Гнѣдичу отъ 1-го апрѣля 1810 г.; отъ начала сентября и 25-го сентября 1816 г. и въ письмахъ къ Жуковскому отъ августа 1815 и средины декабря 1816 г. Изъ писемъ къ Гнѣдичу видно, что Батюшковъ колебался помѣстить этотъ первый свой опытъ въ прозѣ въ изданіи сочиненій 1817 года, а изъ письма къ Жуковскому, 1815 г.,—что уже въ то время онъ готовилъ исправленія къ этой статьѣ.

— Набросанные Батюшковымъ очерки финляндской природы вызвали стихотвореніе Великосельскаго: „Картина Финляндіи (подражаніе Батюшкову)" (Литер. прибавленія къ Русскому Инвалиду 1833 г., стр. 223).

II.

Похвальное слово сну.

Напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1810 г. ч. 53, N 18 (сентябрь), стр. 112—122, и въ этомъ видѣ перепечатывается въ настоящемъ изданіи подъ 1809 г.; впослѣдствіи, въ 1816 г., статья была значительно передѣлана авторомъ и снабжена большимъ предисловіемъ, котораго не было въ первомъ изданіи; поэтому признано было полезнымъ помѣстить ее особо и во второй редакціи подъ 1816 г., съ означеніемъ варіантовъ.

Время первоначальнаго сочиненія статьи означено самимъ авторомъ при напечатаніи ея во второй редакціи: 1809 г. мая 1.

Шуточныя похвальныя слова встрѣчаются еще у писателей классической древности, впрочемъ поздняго времени; такъ Авлъ Геллій, въ своихъ Noctes atticae, XVII, 12, говоритъ, что риторъ Фаворинъ сочинилъ Похвальное слово Θерситу и Апологію лихорадки и въ послѣдней умудрился сослаться на Платона. По примѣру древнихъ, ученые XVI и XVII вѣковъ сочиняли много подобныхъ же шуточныхъ произведеній: самое извѣстное изъ нихъ—Эразма Роттердамскаго Moriae Encomium (Argentorati, 1511), имѣющее значеніе превосходной сатиры. Нѣмецъ Хр. Гегендорфъ (ум. въ 1540 г.) написалъ Похвалу пьянству, Дан. Гейнзій—Laus asini и laus pediculi (Lugd. Batav. 1629), и т. д. Изъ французской литературы XVIII в. назовемъ для примѣра Éloge de l'ivresse, par A. H. Sallengre (1714 г.), Éloge de l'Enfer, неизвѣстнаго автора (1759 г.), Éloge des Perruques, par le d-r Ackerlio (1797 г.); есть у Французовъ и цѣлые сборники подобныхъ произведеній, напримѣръ: Éloge de quelque chose, suivi de l'éloge de rien, contenant le poème latin de Passerat, intitulé: Nihil, et autres riens, par Maynard, La Fontaine, Melin de Saint-Gelais, Régnier. P. An III (изд. Mercier de Compiègne). Есть нѣсколько подобныхъ вещей и въ русской литературѣ. Такъ, Θ. Розановъ издалъ: Похвальное слово чему-нибудь, посвященное отъ сочинителя кому-нибудь, а отъ переводчика никому, съ присовокупленіемъ похвальнаго письма никому. М. 1787 (Смирд. N 6275). Очевидно, это переводъ нѣкоторыхъ статей, вошедшихъ и въ сборникъ Мерсье. И. А. Крыловъ, въ первый періодъ своей литературной дѣятельности, написалъ также нѣсколько шуточныхъ похвальныхъ словъ, придавъ имъ притомъ сатирическій оттѣнокъ; таковы: 1) „Похвальная рѣчь моему дѣдушкѣ, говоренная его другомъ, въ присутствіи его пріятелей за чашею пуншу“ (Зритель 1792 г., ч. III, стр. 63—80); 2) „Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ“ (тамъ же, ч. II, стр. 42—58; 3) „Похвальная рѣчь наукѣ убивать время, говоренная въ новый годъ“ (С.-Петерб. Меркурій 1793 г., ч. I, стр. 22—52.); 4) „Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей“ (тамъ же, ч. II, стр. 26—55), направленная противъ Карамзина. Позже одинъ изъ раннихъ пріятелей Батюшкова, А. П. Беницкій, сочинилъ „Похвальное слово Пипинькѣ, чижику прекрасной Эльмины“ (Цвѣтникъ 1809 г., ч. I, № 2, стр. 214—248). Въ пьесѣ Батюшкова можно видѣть нѣкоторое подражаніе Крыловской „Похвальной рѣчи наукѣ убивать время“, но только въ пріемахъ, въ манерѣ говорить съ важностью о предметахъ неважныхъ, а не въ цѣли, которая у Крылова сатирическая, между тѣмъ какъ Батюшковъ ограничивается самою невинною шуткой.

— (Стр. 11). Благодатный богъ лѣсовъ Киммеринскихъ—Морфей.

— (Стр. 14). Выраженіе Гомерово: Iliad., XIV, 359: ἐπεὶ αὐτῷ ἐγὼ μαλακὸν περὶ κῶμ' ἐκάλυψα, то-есть: послѣ того, какъ я въ мягкій сонъ погрузился.

— (Стр. 15). „Злодѣй, ты не будешь спать“.

Слова Макбета въ Шекспировой трагедіи, д. II, сц. 2:

Macbeth, shall slepe no more!

Приводимъ также нѣсколько соотвѣтствующихъ стиховъ изъ перевода И. Кронеберга:

По сводамъ замка
Неумолкаемый носился вопль:
„Гламисъ зарѣзалъ сонъ; за то отнынѣ
„Не будетъ спать его убійца Кавдоръ,
„Не будетъ спать его убійца Макбетъ".

— (Стр. 15.) „Слова латинскаго стихотворца"—Персія (III, 39):

Anne magis Siculi gemuerunt aera iuvenei
Et magis auratis pendens loqueribus ensis
Purpureos subter cervices terruit...

— (Стр. 15). Расинъ: Britannicus, acte V, scène VI, слова Агриппины Нерону:

Et ton nom paraîtra, dans la race future,
Aux plus cruels tyrans une cruelle injure!

— (Стр. 16). Стихи Лафонтена взяты изъ басни: Le songe d'un habitant du Mogol (livre XI, fable 4), которую перевелъ самъ Батюшковъ подъ заглавіемъ: „Сонъ Могольца" (т. II, стр. 47—48).

— (Стр. 17). Стихи Дмитріева взяты изъ его элегіи въ подражаніе Тибуллу (Сочиненія Ив. Ив. Дмитріева. М. 1823, т. I, стр. 127—128).

III.

Прогулка по Москвѣ.

Напечатано въ первый разъ въ Русскомъ Архивѣ 1869 г., ст. 1191—1208, какъ „вновь найденное сочиненіе К. Н. Батюшкова", съ примѣчаніемъ П. И. Бартенева, въ которомъ между прочимъ сказано: „Принадлежность Батюшкову помѣщаемой здѣсь статьи (заглавіе которой выставлено нами, въ рукописи онаго не имѣется) засвидѣтельствована самою рукописною тетрадью; на ней рукою А. Н. Оленина обозначено: „Сочиненіе Кон. Ник. Батюшкаго. А О.". Тетрадь эта обязательно сообщена въ Русскій Архивъ дочерью Алексѣя Николаевича, Варварою Алексѣевною Олениною". Показаніе Оленина подтверждается собственными словами Батюшкова, который, въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 16-го января 1810 г., пишетъ: „Получишь длинное описаніе о

Москвѣ, о ея жителяхъ-поэтахъ, о Парнассѣ и пр."; и еще, въ письмѣ тому же лицу отъ 1-го февраля 1810 г.: „Ни слова о Москвѣ: я тебѣ готовлю описаніе на дести". Этими словами думали мы опредѣлить и время сочиненія статьи; но впослѣдствіи, уже по отпечатаніи 3-го и 4-го листовъ II-го тома настоящаго изданія, выяснилось, что правильнѣе будетъ отнести сочиненіе „Прогулки" ко второй половинѣ 1811 г. или, можетъ быть, даже къ первой половинѣ 1812 года: такъ можно думать потому, что къ іюню 1811 г. относятся упоминаемый въ Москвѣ карусель и переводъ того отрывка изъ Аріоста, одинъ стихъ котораго помѣщенъ Батюшковымъ въ „Прогулкѣ", а къ веснѣ 1812 года—чтеніе, въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, стихотворенія кн. С. А. Шихматова „Ночи на гробахъ", на которое есть намекъ на стр. 20. Заглавіе, данное статьѣ г. Бартеневымъ, удержано нами потому, что соотвѣтствуетъ послѣднимъ словамъ статьи. Изъ нихъ же видно, что статья должна была имѣть продолженіе, и въ немъ-то Батюшковъ, вѣроятно, намѣревался говорить о московскихъ литераторахъ, какъ обѣщалъ то Гнѣдичу въ письмѣ отъ 16-го января 1810 года.

Свободная форма письма, въ которую Батюшковъ облекъ свое описаніе Москвы, была избираема имъ довольно часто для своихъ прозаическихъ произведеній; таковы: отрывокъ изъ писемъ о Финляндіи и письма о поѣздкѣ въ Сирей, о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева, объ академіи художествъ. Карамзинскія „Письма русскаго путешественника", быть можетъ, остались не безъ вліянія на выборъ этой формы. Что описаніе Москвы не было напечатано авторомъ при его жизни, это объясняется какъ тѣмъ, что оно осталось не оконченнымъ, такъ, и еще болѣе, нѣсколько насмѣшливымъ тономъ статьи и встрѣчающимися въ ней личными намеками. Къ сожалѣнію, многіе изъ послѣднихъ уже не могутъ быть объяснены въ настоящее время, но иные все-таки поддаются объясненію, которое и предлагается ниже. Вообще статья, помимо своего литературнаго достоинства, представляетъ любопытныя черты для характеристики нравовъ „допожарной" Москвы, въ томъ числѣ и такія, которыя не отмѣчены другими наблюдателями. Что касается значенія „Прогулки" для біографіи и опредѣленія воззрѣній Батюшкова въ данный моментъ, объ этомъ сказано въ обзорѣ его жизни и сочиненій, предпосланномъ настоящему изданію.

-- (**Стр. 22**). Подъ модными писателями, которые проводятъ цѣлыя ночи на гробахъ и бѣдное человѣчество пугаютъ привидѣніями, духами и страшнымъ судомъ, слѣдуетъ разумѣть вовсе не Жуковскаго съ его фантастическими балладами, какъ можно было бы подумать по упоминанію о духахъ и привидѣніяхъ, а петербургскихъ подражателей Юнга и Гервея, главнымъ образомъ—князя С. А. Ширинскаго-Шихматова. Эдвардъ Юнгъ (род. въ 1681, ум. въ 1765 г.)—поэтъ такъ-называемаго іовизма; главный мотивъ его произведеній, и въ особенности важнѣйшаго изъ нихъ—„Ночныхъ думъ" (The Complaint, or Night-Thoughts, 1741), составляютъ плачъ и сокрушеніе о человѣкѣ, мысли о суетности человѣческой жизни, о смерти и безсмертіи и объ утѣшительной силѣ христіанской религіи. „Ночныя думы" произвели при своемъ появленіи сильное впечатлѣніе—сперва въ Англіи, а затѣмъ и на континентѣ, и вызвали многочисленныя подражанія въ разныхъ литературахъ; такъ,

Джемсъ Гервей (1714—1758 гг.) написалъ въ изящной прозѣ „Размышленія", которыя также были переведены на многіе языки и переложены въ стихи; есть такіе переводы и на русскомъ языкѣ, но въ отрывкахъ. Успѣху Юнговыхъ „Ночей" внѣ Англіи много содѣйствовалъ переводъ ихъ на французскій языкъ Летурнеромъ, появившійся въ 1770 г. и весьма далекій отъ подлинника: переводчикъ не понялъ проблесковъ юмора у Юнга и исключилъ изъ его многорѣчивыхъ стихотвореній именно то, что придаетъ нѣкоторое разнообразіе его унылымъ картинамъ. Какъ бы то ни было, поэзія Юнга, проникнутая христіанскимъ духомъ, составляла противовѣсъ тѣмъ идеямъ сенсуализма и той неразборчивой насмѣшкѣ, которыя преобладаютъ въ литературѣ XVIII вѣка. Въ свою очередь однако односторонне-мрачное направленіе этой поэзіи подверглось строгому осужденію со стороны Шатобріана (Essai sur la littérature anglaise). Осужденіе это тѣмъ замѣчательнѣе, что Шатобріановъ Рене есть тоже одинъ изъ представителей іовизма, но въ иномъ его фазисѣ. О направленіи Юнга см. Les Nuits d'Young suivies des Tombeaux d'Hervey. Nouvelle édition précédée d'un essai sur le jobisme, par P. Christian (P. 1843). Въ прошломъ столѣтіи мистики и масоны должны были встрѣтить ламентаціи Юнга особеннымъ сочувствіемъ; такъ оно и было, между прочимъ, и въ Россіи: первые переводы изъ Юнговыхъ „Ночей" появились въ Вечерахъ, журналѣ, который издавали въ Петербургѣ въ 1772—1773 годахъ нѣсколько литераторовъ, и въ томъ числѣ масоны М. М. Херасковъ и В. И. Майковъ (переводы эти въ прозѣ и принадлежатъ М. В. Сушковой, см. „Нѣсколько данныхъ изъ исторіи русской журналистики", Л. Майкова, стр. 30—31); позже, въ 1779 г., находимъ переводы Юнговыхъ „Ночей" въ Утреннемъ Свѣтѣ, журналѣ уже съ болѣе опредѣленнымъ масонскимъ направленіемъ, и т. д. Вмѣстѣ съ „Ночными думами" переведена была и поэма Юнга: „Страшный Судъ". Въ два первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка юнговскія темы о бренности всего земнаго стали развивать преимущественно петербургскіе стихотворцы Шишковской школы, желавшіе присвоить себѣ монополію „нравственнаго порядка": такъ, князь С. А. Шихматовъ сочинилъ „Ночь на гробахъ, подражаніе Юнгу" (1812 г.) и „Ночь на размышленія" (1814 г.). Мистическое направленіе, господствовавшее въ нѣкоторыхъ слояхъ тогдашняго общества, соотвѣтствовало литературной модѣ на Юнга. Противники Шишкова вовсе не раздѣляли его восторговъ предъ русскими представителями этой школы. Такъ, напримѣръ, Батюшковъ въ маѣ 1812 г. писалъ Вяземскому изъ Петербурга, что онъ былъ въ засѣданіи Бесѣды любителей русскаго слова, гдѣ Шишковъ читалъ отрывки изъ „Пѣсни на гробахъ" Шихматова: „Ты себѣ представить не можешь, что за стихи! Все наборъ риѳмъ и словъ. Черствое подражаніе Юнгу, которому бы по совѣсти и подражать не должно" (III, стр. 182).

— (Стр. 21). Стихъ взятъ изъ посланія И. И. Дмитріева къ Аннѣ Григорьевнѣ Сѣвериной, гдѣ изображается нѣжная мать, предающаяся заботамъ о своемъ ребенкѣ:

... даже въ этотъ часъ, какъ Терпсихора всѣхъ
Зоветъ чрезъ Фауля въ свой храмъ забавъ, утѣхъ,

Какъ пудры облака покрыли туалеты,
Какъ все въ движеніи: флеръ, шляпки и корсеты
Картоны, ящики, мужья и сундуки...

Такъ по Сочиненіямъ И. И. Дмитріева, изд. 1823 г., ч. I, стр. 104—105. Тамъ же объяснено, что „Фауль—бывшій тогда содержатель англійскихъ баловъ".

— (Стр. 23). Стихъ принадлежитъ самому Батюшкову и взятъ изъ небольшаго переведеннаго имъ отрывка изъ XXXIV-й пѣсни Аріостова „Неистоваго Роланда", который сообщенъ имъ былъ Гнѣдичу въ письмѣ изъ деревни отъ 29-го декабря 1811 года. Въ этой пѣснѣ Аріостовой поэмы разсказывается, какъ сынъ Роланда Астольфъ взлетаетъ на гиппогрифѣ въ райскіе предѣлы и тамъ, на лунѣ, находитъ разсудокъ, утраченный его отцемъ. Отрывокъ, переведенный Батюшковымъ, соотвѣтствуетъ 54-й и 55-й строфамъ XXXIV-й пѣсни подлинной поэмы и заключаетъ въ себѣ перечень разныхъ видовъ безумія, которые свойственны человѣку. Ср. примѣчаніе къ упомянутому выше письму къ Гнѣдичу.—Объ Астольфовомъ путешествіи на луну Батюшковъ упоминаетъ еще въ статьѣ „Вечеръ у Кантемира" (т. II, стр. 233) и въ письмѣ къ Н. Ѳ. Грамматину отъ января 1813 года.

— (Стр. 24). Говоря о множествѣ книгъ мистическихъ, назидательныхъ, казуистическихъ и пр., писанныхъ французскими разстригами-попами въ пользу добрыхъ женщинъ и читаемыхъ московскими дамами, Батюшковъ разумѣетъ, по видимому, тѣ книжки, посредствомъ которыхъ французскіе іезуиты и сочувствовавшіе имъ эмигранты распространяли католическія идеи въ русскомъ обществѣ того времени. Главнымъ центромъ этой пропаганды былъ Петербургъ, и одною изъ главныхъ опоръ ея среди русскихъ дамъ высшаго круга — извѣстная эмигрантка, княгиня де-Тарантъ, la bienheureuse princesse de Tarante, какъ ее называли ея почитательницы (Р. Архивъ 1866 г., ст. 1712). Но распространялась пропаганда католическихъ идей и на Москву. Извѣстно, что не задолго до событій 1812 г. совершилось тайное обращеніе въ католичество супруги графа О. В. Ростопчина, графини Екатерины Петровны, рожденной Протасовой (сконч. въ 1859 г.). Маркизъ де-Сегюръ, въ своей книгѣ: Vie du comte Rostopchine (3-me ed., P. 1883, стр. 165—166), разсказываетъ, что къ переходу въ католичество графиню Екатерину Петровну подготовило чтеніе книгъ по христіанской философіи и въ особенности „un volume assez insignifiant, que lui prêta le curé catholique de Moscou". Этотъ священникъ былъ іезуитъ аббатъ Сюррюгъ. Сестры графини Ростопчиной, княгиня А. П. Голицына (сконч. въ 1842 г.), графиня В. П. Протасова (сконч. въ 1852 г. въ дѣвицахъ) и В. П. Васильчикова (сконч. въ 1814 г.), также были католичками. Обращенію ихъ въ католичество, какъ и многихъ другихъ русскихъ дамъ высшаго общества (С. П. Свѣчиной, графини М. А. Воронцовой и др.), содѣйствовалъ извѣстный графъ Іосифъ де-Местръ, бывшій сардинскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ (см. А. П. Попова: Москва въ 1812 году, въ Р. Архивѣ 1875 г. кн. II, стр. 278—279). До какой степени такъ-называе-

мая галломанія содѣйствовала сближенію съ католичествомъ, видно изъ примѣра В. П. Тургеневой, матери знаменитаго романиста, которая, даже не будучи католичкой, читала молитвы на французскомъ языкѣ (Воспоминанія о семьѣ И. С. Тургенева, В. П. Житовой: Вѣстникъ Европы 1884 г., ноябрь, стр. 86).

— (Стр. 24—25). Весьма любопытныя свѣдѣнія о состояніи книжной торговли въ старинной Москвѣ находимъ въ дневникѣ С. П. Жихарева, подъ 13-мъ февраля 1806 года: „Бывшій нашъ учитель французскаго языка въ пансіонѣ Рокка, Лаво, съ такимъ же учителемъ Алларомъ намѣрены основать обширную торговлю французскими книгами и завести въ центрѣ города, на Лубянкѣ, книжную лавку. Библіографическихъ знаній у нихъ достанетъ, но достанетъ ли капитала—это вопросъ. Утверждаютъ, что они могутъ поддержать себя, подобно другимъ, оборотами кредита, но это все не надолго: à la longue этотъ кредитъ и задушитъ ихъ. А право желательно, чтобъ въ Москвѣ хотя французская книжная торговля развилась и процвѣла, если уже русская не развивается и не процвѣтаетъ. Всѣ вообще жалуются на недостатокъ учебныхъ пособій и средствъ къ высшему образованію; спеціальныхъ и техническихъ книгъ вовсе здѣсь не сыщешь: надобно выписывать изъ Петербурга. Русскіе книгопродавцы не могутъ понять, что для книжной торговли необходимы свѣдѣнія библіографическія, за то и въ какомъ закоснѣломъ невѣжествѣ они находятся! Ни одинъ изъ нихъ не рѣшится предпринять ни одного изданія новой книги на свой счетъ, потому что не сумѣетъ оцѣнить ея достоинства. Увѣряютъ, что извѣстнѣйшіе московскіе книгопродавцы всѣ хорошіе люди; но какая въ томъ прибыль литературѣ и литераторамъ? Ни въ Меѣ и Грачевѣ, ни въ Акоховѣ, Нѣмовѣ и Козыревѣ нѣтъ даже глазуновской смѣтливости, чтобы кормить типографіи изданіемъ хотя „Оракуловъ“ и „Сонниковъ“, а Клаудій сдѣлался типографщикомъ. О прочихъ не стоитъ и упоминать: просто—мелкіе букинисты. Впрочемъ, не много добраго сказать можно и объ иностранныхъ книгопродавцахъ: ни одного въ Москвѣ изъ нихъ нѣтъ, котораго можно было бы сравнить съ какимъ-нибудь Гартknохомъ, Рейхомъ или Николаи, а цѣны за книги назначаютъ баснословныя: опытные люди утверждаютъ, что втрое дороже, нежели онѣ стоятъ за границею, да и то промышляютъ большею частью всякимъ хламомъ текущей литературы. Французскія книги еще можно найдти у Riss et Sausset. Съ тѣхъ поръ, какъ завелся здѣсь французскій театръ, они выписываютъ много драматическихъ новинокъ; но италіянскихъ и англійскихъ книгъ не сыщешь ни въ одной лавкѣ; старѣйшій изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, Ридигеръ, бывалъ нѣкогда богатъ книгами классической литературы, но теперь жалуются на его бездѣйствіе. Люби, Гари и Поповъ ничто иное, какъ обыкновенные содержатели типографій безъ всякой предпріимчивости: отстали отъ вѣка. Куртенеръ сдалъ торговлю зятю своему Готье, и еще не извѣстно, что̀ будетъ. У Горна много старыхъ нѣмецкихъ книгъ, большею частью педагогическихъ, но о пополненіи своей лавки новыми онъ, кажется, вовсе не думаетъ. Теперь выступаетъ на сцену Лангнеръ съ собственнымъ своимъ изданіемъ отрывковъ иностранной литературы. Будетъ ли въ немъ прокъ—увидимъ“ (Записки современника съ 1805 по 1819 годъ. Ч. I. Дневникъ студента, стр. 304—306). Прибавимъ къ этому, что, по свидѣтельству самого Батюшкова во вступленіи ко 2-й редакціи Похвальнаго слова

сну, „ни невѣжество русскихъ книгопродавцевъ, ни плохое состояніе литературы не мѣшали имъ богатѣть и наживаться“ (Соч. II, 203).

– (Стр. 25). Тверской бульваръ, такъ живо описанный Батюшковымъ, какъ любимое гулянье свѣтскихъ людей въ старинной Москвѣ, былъ даже воспѣтъ стихами въ Московскомъ Вѣстникѣ, журналѣ, который издавался въ 1809 г. при особенно усердномъ сотрудничествѣ М. Н. Макарова. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого стихотворенія, которое называется „Слава бульвара“ (Моск. Вѣстн. 1809 г., ч. I, стр. 292):

Бульваръ, утѣха всей столицы,
Собранье рѣдкостей, красотъ,
Гдѣ льются были, небылицы,
Гдѣ торжество дурачествъ, модъ;
Гдѣ клубъ политикъ свой находитъ,
Гдѣ воинъ шпорами разитъ
Гдѣ флегмъ, насупя шляпу, бродитъ,
Гдѣ франтъ уродливо лежитъ;
Гдѣ смѣсь бояръ, вельможей знатныхъ
Съ поселяниномъ и купцомъ,
Горбатыхъ, стройныхъ и не статныхъ,
Гдѣ смѣсь и умнаго съ глупцомъ;
Гдѣ нимфы радости постылой
Берутъ съ проказниковъ оброкъ,
Гдѣ добродѣтель также милой
Себѣ находитъ уголокъ....

Въ томъ же, весьма нынѣ рѣдкомъ, журналѣ помѣщенъ переводъ изъ писемъ одного Француза, посѣтившаго Россію въ 1808 и 1809 гг., и тамъ также находимъ описаніе Тверскаго бульвара: „Здѣшній бульваръ такъ новъ, столь молодъ противъ нашего парижскаго, что врядъ ли годится ему быть и правнукомъ. Вообразите длинную, широкую, довольно изрядно укатанную дорожку, съ двумя небольшими побочными, обгороженную по бокамъ простымъ барріеромъ и обсаженную кой-какими деревьями, изъ которыхъ иныя засыхаютъ, а другія уже высохли. Правда, есть куртинки, есть расположеніе, но этого должно ждать отъ времени. Здѣсь вы не найдете ни чудесныхъ китайскихъ, ни милыхъ англійскихъ бесѣдокъ и домиковъ, каковы у насъ въ Парижѣ. Здѣсь негдѣ торговать бездѣлушками, театральными піесами, портфелями и проч. О фонтанахъ и басейнахъ не должно и спрашивать. Старая галерея, гдѣ продаютъ конфекты, чай и мороженое,—вотъ полная граница вашихъ желаній, и больше ничего. Однако же собраніе публики почти всегда многочисленно; есть даже такіе охотники, которыхъ мнѣ случалось видать гуляющими по бульвару и въ самую дурную погоду“ (Моск. Вѣстн. 1809 г., ч. I стр. 314—315).

Батюшковъ не разъ упоминаетъ о бульварѣ и въ своихъ письмахъ (т. III, стр. 73, 143, 268).

— „Пріѣзжій изъ Молдавіи офицеръ“—то-есть, прибывшій съ мѣста военныхъ дѣйствій съ Турками.

— (Стр. 27). Стихи взяты изъ Вольтера: Epître LXIV: A madame Denis, nièce de l'auteur.

— (Стр. 27—28). Подъ владѣльцемъ огромныхъ палатъ, окруженнымъ ласкателями, иностранцами и шарлатанами и знающимъ всѣ парижскія улицы, должно разумѣть сенатора и библіофила графа Дмитрія Петровича Бутурлина (род. 1763, ум. 1829 г.). Это былъ очень богатый человѣкъ, барскій домъ котораго съ оранжереями, библіотекой, музеумомъ и садомъ находился на Яузѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, рядомъ съ дворцовымъ садомъ (см. статью М. Н. Макарова: „Дома московскихъ бояръ вѣка Екатерины II“ въ Моск. Губ. Вѣдом. 1841 г., № 38). Библіотека его, заключавшая въ себѣ лучшія книги по разнымъ отраслямъ знанія, и въ томъ числѣ много книжныхъ и рукописныхъ рѣдкостей, сгорѣла въ 1812 г., но она была описана нѣсколькими иностранными путешественниками, посѣщавшими Москву въ началѣ нынѣшняго вѣка; описанія эти и перечень изданныхъ каталоговъ Бутурлинской библіотеки находятся въ статьѣ Г. Н. Геннади: „Русскіе библіофилы. Библіотеки графа Д. П. Бутурлина и ихъ каталоги“ (Ж. Мин. Нар. Просв. 1856 г., № 1). Князь П. А. Вяземскій, который отчасти былъ путеводителемъ Батюшкова въ знакомствѣ съ Москвой въ 1810—1811 гг., записалъ о гр. Бутурлинѣ между прочимъ слѣдующее: „Книжная память его была изумительна: онъ помнилъ, на какой страницѣ находились мало-мальски любопытныя и замѣчательныя слова. До 1812 года онъ не выѣзжалъ изъ Россіи и зналъ твердо разнообразныя мѣстныя нарѣчія италіянскаго языка и французскаго народонаселенія, зналъ наизусть, до малѣйшихъ подробностей, топографію Рима, Неаполя, Парижа. Онъ удивлялъ иностранцевъ своимъ энциклопедическимъ всевѣдѣніемъ: слушая его, они думали, что онъ много времени прожилъ въ той или другой мѣстности, и едва вѣрили, когда графъ признавался имъ, что онъ не выѣзжалъ еще изъ Россіи“ (Сочиненія князя П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 166). Подобныя же свѣдѣнія о гр. Бутурлинѣ записала и г-жа Виже-Лебренъ (Souvenirs de madame Vigée-Lebrun, P. 1869, t. II, 69—70; ср. ст. А. Т. въ Др. и Нов. Россіи 1876 г., № 12: „Г-жа Виже-Лебренъ въ Россіи“, стр. 402). Два характерныя письма этого страстнаго библіофила къ А. Н. Оленину, отъ 1809 г., помѣщены въ Р. Архивѣ 1870 г., ст. 1210—1214).

— (Стр. 29). Карусель, о которомъ упоминаетъ Батюшковъ, происходилъ въ Москвѣ въ іюнѣ 1811 г. Въ ч. LVIII Вѣстника Европы (іюль 1811 г.), стр. 62—63, находимъ о немъ слѣдующее извѣстіе: „Въ послѣдней половинѣ минувшаго іюня въ Москвѣ, у Калужской заставы, посреди нарочно устроеннаго обширнаго амфитеатра, два раза дано было прекрасное и великолѣпнѣйшее зрѣлище каруселя. По высочайшему дозволенію государя императора, составилось здѣсь благородное карусельное собраніе подъ главнымъ распоряженіемъ его высокопревосходительства Степана Степановича Апраксина, который именованъ главнымъ учредителемъ всего каруселя. Стеченіе зрителей было чрезвычайное: въ первый разъ, іюня 20-го, для входа въ ложи и амфитеатръ

розданы были зрителямъ билеты; а 25-го числа, для дня рожденія его императорскаго высочества великаго князя Николая Павловича, данъ былъ подобный первому карусель въ пользу бѣдныхъ. Благородные рыцари показывали искусство свое въ верховой ѣздѣ, мѣткость рукъ и умѣнье управлять оружіемъ. Богатый уборъ церемоніймейстеровъ и кавалеровъ, устройство кадрилей, порядокъ шествія, самыя игры, восхитительные звуки четырехъ хоровъ военной музыки, все это выше всякаго описанія, все достойно обширности, многолюдства и пышности древней столицы величайшей въ мірѣ имперіи". Этотъ пышный праздникъ далъ поводъ къ изданію брошюры: О каруселяхъ. Благородному московскому обоего пола собранію посвящаетъ кавалерскаго карусельнаго собранія членъ Василій Пушкинъ. Москва. Въ типографіи Н. С. Всеволожскаго. 1811 года, Іюня 20 дня (въ 4-ку, 16 стр.). Въ этой брошюрѣ сообщаются историческія свѣдѣнія о каруселяхъ и турнирахъ, при чемъ къ числу послѣднихъ отнесенъ и поединокъ Яна Усмошвѣца съ печенѣжскимъ богатыремъ; затѣмъ описываются извѣстный петербургскій карусель 1766 года, московскіе карусели 1784 и 1803 годовъ, и наконецъ представляется списокъ членовъ карусельнаго собранія 1811 года, въ которомъ мы находимъ фамиліи многихъ представителей высшаго московскаго общества того времени. Въ запискахъ С. Н. Глинки (Русск. Вѣстникъ 1866 г., № 5, стр. 212), гдѣ также есть свѣдѣнія объ этомъ каруселѣ, сказано, что на другой день послѣ праздника на вырученныя отъ зрителей деньги „данъ былъ обѣдъ отставнымъ воинамъ, жившимъ въ Москвѣ". Вѣроятно, еще къ репетиціямъ каруселя относится слѣдующая забавная замѣтка Батюшкова въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 6-го мая 1811 г.: „У насъ карусель, и всякій день кому носъ на сторону, кому зубъ вонъ". Затѣмъ, въ письмѣ отъ іюля 1811 г. читаемъ: „карусель былъ очень богатъ и довольно неинтересенъ".

— (Стр. 29). Знаменитая актриса г-жа Жоржъ дебютировала въ Москвѣ 4-го ноября 1809 г. и затѣмъ играла тамъ въ 1810 и 1811 г. Слѣдовательно, Батюшковъ могъ ее видѣть въ бытность свою въ Москвѣ въ эти года. Въ Вѣстникѣ Европы 1809 г., ч. XVIII, есть замѣтки Жуковскаго объ игрѣ г-жи Жоржъ въ „Федрѣ", „Дидонѣ" и „Семирамидѣ". Въ то же время пріѣхала въ Москву и знаменитая русская трагическая актриса Е. С. Семенова. Въ любопытныхъ „Воспоминаніяхъ о пребываніи m-lle Жоржъ въ Москвѣ" А. П. Глушковскаго (Литерат. Библіотека 1867 г., февраль, кн. I) между прочимъ читаемъ: „Эти два таланта прибыли въ Москву почти въ одно время и состязались другъ съ другомъ: обѣ играли почти однѣ и тѣ же роли—только одна на французскомъ, а другая на русскомъ языкѣ. Бывало, придешь къ m-lle Жоржъ—найдешь ее окруженною поклонниками ея совершенства въ игрѣ: тогда она бывала въ полномъ восхищеніи, думая, что она превзошла свою соперницу. Бывая у г-жи Семеновой, я заставалъ ее декламирующею ту роль, которую m-lle Жоржъ уже играла, и которую она должна играть на другой день. У ней обыкновенно, бывало, застанешь литераторовъ, какъ-то Нелединскаго, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, С. Н. Глинку и проч., которые дѣлали ей нѣкоторыя замѣчанія и, по врожденному каждому человѣку чувству патріотизма, употребляли всевозможныя старанія, чтобъ Русская превзошла иностранку, что иногда

и случалось". Такъ, пламенный патріотъ Глинка переносилъ свою борьбу съ галломаніей и за театральныя кулисы. Въ самый разгаръ московскихъ восторговъ предъ г-жею Жоржъ Глинка въ своемъ Русскомъ Вѣстникѣ (издавался имъ съ 1808 г. по 1820 и потомъ въ 1824 г.) печаталъ о ней если не враждебные, то во всякомъ случаѣ не восторженные отзывы и между прочимъ говорилъ: „Пріятно видѣть хорошихъ иностранныхъ актеровъ и актрисъ, но безъ сомнѣнія, еще пріятнѣе видѣть актеровъ отечественныхъ, которыхъ души умѣли бы переселяться въ лица представляемыхъ ими русскихъ героевъ. Мы имѣли и имѣемъ такихъ актеровъ и актрисъ; мы будемъ имѣть еще болѣе, споспѣшествуя ревностнѣе ихъ успѣхамъ: будемъ снисходительнѣе къ отечественному посредственному, и тогда скорѣе возродится превосходное" и т. д. (Р. Вѣстн. 1810 г., № 2, стр. 118). Очевидно, Глинка желалъ, чтобы публика московская встрѣчала г-жу Жоржъ холоднѣе, своими статьями желалъ вызвать охлажденіе и дѣйствительно, на второй годъ представленій г-жи Жоржъ восторги московской публики поуспокоились, и въ 1811 г. Вѣстникъ Европы (№ 9, стр. 67) уже свидѣтельствовалъ, что московскіе почитатели и почитательницы французской актрисы большею частью притворно восхищаются ея игрою, слѣдуя лишь модѣ и вовсе не умѣя цѣнить ее по истиннымъ ея достоинствамъ. Съ этимъ взглядомъ сходится и Батюшковъ, а потому онъ и счелъ умѣстнымъ указать на увлеченіе Глинки которому, очевидно, хотѣлось бы видѣть патріотическіе мотивы въ охлажденіи Москвы къ г-жѣ Жоржъ.

— (Стр. 31). Стихи принадлежатъ самому Батюшкову; въ нихъ та же мысль, что въ его эпиграммѣ „Истинный патріотъ" (т. II, стр. 107).

— (Стр. 31). Московская французская труппа, игравшая съ г-жею Жоржъ въ трагедіяхъ, совершенно не годились для піесъ этого рода. Въ Вѣстникѣ Европы 1811, № 9, стр. 66, находимъ о нихъ слѣдующее замѣчаніе: „Оперные и комическіе актеры французской труппы, по случаю пребыванія въ Москвѣ дѣвицы Жоржъ, иногда обуваются въ котурны и сопутствуютъ ей на поприщѣ искусства. Отъ нихъ многаго и не требуется; они имѣютъ все право на признательность; безъ нихъ пришлось бы русскимъ актерамъ читать французскіе стихи на сценѣ, чтобы только доставить публикѣ удовольствіе наслаждаться игрою дѣвицы Жоржъ".

— (Стр. 32—33). Гулянье на Прѣсненскихъ прудахъ описано тѣмъ же Французомъ, изъ записокъ котораго мы привели описаніе Тверскаго бульвара. Вотъ его слова: „Другое гулянье, такъ называемое Прѣсненскіе пруды, гораздо пріятнѣе перваго. Представьте два прекрасныя, довольно обширныя, свѣтлыя озера, наполненныя рыбою, усѣянныя по берегамъ изрядными англійскими садочками и разными бесѣдками и проч. На нихъ двѣ галлереи для продажи лакомствъ и хорошая оранжерея съ довольнымъ числомъ разныхъ рѣдкихъ растеній, которыя можно и покупать желающимъ. И здѣсь гулять всегда пріятнѣе, нежели на бульварѣ, здѣсь всегда рисуются разные ландшафты и проч. Въ означенные дни на обоихъ сихъ внутреннихъ городскихъ гульбищахъ играетъ музыка, поютъ пѣсельники довольно пріятныя русскія пѣсни и

пляшутъ и подпѣваютъ Цыгане. Бульваръ иллюминуютъ почти въ каждую недѣлю одинъ разъ, а на прудахъ дѣлаютъ иллюминацію и фейерверки только въ особенные праздники; однакожь никому не возбраняется дѣлать подобные пикники (на свой счетъ) хоть каждодневно. Во время иллюминаціи тѣснота бываетъ несносна, какъ и у насъ: и жарко, и душно, и пр." (М. Вѣсти. 1809 г., ч. I, 315—316).

— (**Стр. 33**). Подъ слащавымъ франтомъ съ букетомъ цвѣтовъ и съ дѣланною улыбкой Батюшковъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ кн. П. И. Шаликова. Въ тѣхъ же чертахъ изображенъ онъ Батюшковымъ въ „Видѣніи на берегахъ Леты" (т. I, 80—81), Воейковымъ въ „Домѣ сумасшедшихъ (Р. Старина 1874 г., т. IX, стр. 590, и 1375 г., т. XII. стр. 587), и наконецъ, въ одномъ стихотвореніи князя П. А. Вяземскаго:

Съ собачкой, съ посохомъ, съ лорнеткой
И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой,
На шеѣ съ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ съ парой мадригаловъ
И чуть звѣнящимъ кошелькомъ,
Пустился бѣдный нашъ Вздыхаловъ
По свѣту странствовать пѣшкомъ.

Стихи эти сообщены М. А. Дмитріевымъ въ Мелочахъ изъ запаса моей памяти. М. 1869. стр. 94. Въ изданіи сочиненій кн. Вяземскаго нѣтъ этого стихотворенія.

IV.

Мысли.

Напечатаны въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 52, (іюль), № 13, стр. 67—68, съ подписью Б., и въ собраніяхъ сочиненій Батюшкова до сихъ поръ не перепечатывались. На принадлежность ихъ Батюшкову указалъ М. Н. Лонгиновъ (Р. Арх. 1863 г., стр. 918). Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 26-го іюля 1810 г. Батюшковъ писалъ объ этой статейкѣ: „О прозѣ не говори Качановскому, что я—ея сочинитель, ибо я не хочу, ибо я маралъ это отъ чистой души, ибо я не желаю, чтобы знали посторонніе моихъ мыслей и ересей". Нѣкоторыя изъ этихъ мыслей составляютъ отмѣтки Батюшкова при чтеніи и повторяются въ другихъ его статьяхъ. Такъ, „Что есть благодарность?—Память сердца" повторено въ статьѣ „О лучшихъ свойствахъ сердца" (т. II, стр. 143) и здѣсь приписано французскому мыслителю, глухонѣмому Жану Масьё, лучшему изъ учениковъ аббата Сикара. „Великія мысли истекаютъ изъ сердца"—извѣстный афоризмъ Вовенарга: „Les grandes pensées viennent du coeur" (Vauvenargues, Réflexions et maximes, LXXXVII). Замѣчанія Кондильяка о пользѣ чтенія поэтовъ для образованія ума намъ не удалось найдти въ его

сочиненіяхъ; но сходныя съ этимъ мысли встрѣчаются въ Кондильяковомъ „Essai sur l'origine des connaissances humaines, въ гл. X: Où l'imagination puise les agréments qu'elle donne à la verité".

V.

Анекдотъ о свадьбѣ Ривароля.

Напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы 1810 г. ч. 54 (декабрь), № 23, стр. 232—235, съ подписью К. Б. Въ изданіяхъ сочиненій Батюшкова никогда перепечатываемъ не былъ. На принадлежность статьи Батюшкову указано М. И. Лонгиновымъ (Р. Архивъ 1863 г., стр. 918).

Антоній Ривароль (1754—1801 гг.), талантливый французскій писатель конца прошлаго вѣка и-еще болѣе занимательный и остроумный собесѣдникъ, считался однимъ изъ послѣднихъ блестящихъ представителей того салоннаго разговора, который процвѣталъ въ до-революціонной Франціи. Человѣкъ свободомыслящій, онъ однако оставилъ Францію послѣ торжества революціи и эмигрировалъ въ Германію, принималъ участіе въ извѣстной гамбургской газетѣ Le Spéctateur du Nord, затѣмъ переселился въ Берлинъ, гдѣ и умеръ. Поставивъ себя во враждебное положеніе къ республиканскому правительству, сторонниковъ котораго онъ преслѣдовалъ остроумными и злыми насмѣшками, Ривароль пользовался большимъ сочувствіемъ среди французскихъ эмигрантовъ, которые и содѣйствовали распространенію его славы внѣ Франціи. Тотчасъ послѣ смерти его издано было довольно большое сочиненіе: Vie philosophique, politique et littéraire de Rivarol (Paris. 1802, два тома), позже, въ 1808 г., перепечатанное подъ заглавіемъ: Esprit de Rivarol. Въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 52 (іюль), стр. 35—40, находимъ извлеченіе изъ этого сочиненія, подъ заглавіемъ „Нѣчто о Риваролѣ", за подписью ...В... (кн. П. А. Вяземскій?). Извѣстностью Ривароля, какъ занимательнаго собесѣдника, объясняется, почему Карамзинъ переносилъ его имя на Дм. И. Блудова, отличавшагося тѣмъ же качествомъ, въ то же время, когда Батюшкову давалъ прозвище Парни (въ письмахъ къ А. И. Тургеневу, Москвитянинъ 1855 г., кн. I, стр. 97).

Ривароль называлъ себя графомъ и потомкомъ древней италіянской аристократической фамиліи; его литературный врагъ аббатъ Черутти увѣрялъ даже, что онъ распространялъ слухъ о происхожденіи своемъ изъ Савойской династіи. Точно также и о женѣ его, Луизѣ-Генріеттѣ Матеръ-Флинтъ (Mather-Flint), Шотландкѣ изъ семьи, оставшейся вѣрною Стюартамъ, говорили, что она выдавала себя за лицо, происходящее изъ Саксонскаго дома. Новѣйшій біографъ Ривароля разсказываетъ о бракѣ его слѣдующее: „Rivarol avait rencontré en 1780 ou 1781, dans les hasards parfois perfides de la brillante vie mondaine, une jeune femme romanesque, aventureuse et quelque peu aventurière, plus agée que lui, et qui n'avait guère d'autre mérite que la beauté.

Assez instruite pour être pédante, elle possedait pour toute dot cette érudition d'institutrice et des prétentions nobiliaires peut-être moins justifiées que celles de son mari. Elle lui plut; il le lui dit. Elle le prit au mot; il l'épousa. Ils s'en félicitèrent un jour et s'en repentirent toute la vie" (Rivarol et la société française pendant la révolution et l'émigration. Par m. de Lescure. P. 1883, стр. 73). На притязаніяхъ обоихъ супруговъ на знатное происхожденіе и основанъ анекдотъ, разсказанный Батюшковымъ; только, по его разсказу, г-жа Ривароль желала будто бы породнить себя прямо съ англійскимъ королевскимъ домомъ, а не съ курфюрстами Саксонскими, какъ увѣрялъ Черутти. Впрочемъ, и въ томъ, и въ другомъ видѣ фактъ не вѣренъ, и статейка нашего автора имѣетъ лишь достоинство мило разсказаннаго анекдота. (Кромѣ указаннаго сочиненія Лескюра, см. о Риваролѣ статьи Сентъ-Бева, Арс. Гуссе и Арм. Малитурна при изданіи избранныхъ его сочиненій: Oeuvres de Rivarol. P. MDCCCLII).

— (Стр. 38). „Покояся еще подъ авторскимъ наметомъ". Стихъ И. И. Дмитріева изъ „Посланія отъ англійскаго стихотворца Попа къ доктору Арбутноту" (Сочиненія Дмитріева, 1823, ч. I, стр. 61).

VI.

Предслава и Добрыня.

Эта „старинная повѣсть" напечатана въ первый разъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1832 г., стр. 1—46, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ издателей: „Повѣсть сія сочинена Батюшковымъ въ деревнѣ 1810 г. и подарена одному любителю словесности, которому свидѣтельствуемъ искреннюю благодарность за сообщеніе драгоцѣнной сей рукописи и за позволеніе напечатать оную. Можетъ быть, найдутъ въ этой повѣсти недостатокъ созданія и народности; можетъ быть, скажутъ, что въ ней не видно древней Руси и двора Владимірова. Какъ бы то ни было, но поэтическая душа Батюшкова отсвѣчивается въ ней, какъ и въ другихъ его произведеніяхъ, и нѣжныя, благородныя чувствованія выражены прекраснымъ, гармоническимъ слогомъ". Затѣмъ повѣсть была перепечатана: 1) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 268—295, и 2) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 290—319. Кто былъ обладателемъ рукописи, переданной издателемъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ, мы не знаемъ, но предполагаемъ А. Н. Оленина или, еще вѣроятнѣе, А. И. Тургенева: оба они занимались русской исторіей и могли служить Батюшкову своими указаніями, а Тургеневъ сверхъ того, былъ пріятелемъ А. С. Кайсарова, на книгу котораго по славянской миѳологіи Батюшковъ ссылается въ примѣчаніяхъ къ повѣсти.

Произведеніе это принадлежитъ къ тому роду повѣстей изъ русской исторіи, первый образецъ которыхъ былъ данъ „Маѳою Посадницей" Карамзина (1803 г.). Образецъ этотъ вызвалъ многочисленныя подражанія; такъ Жуковскій написалъ „Вадима Новгородскаго" (1803 г.), „Три пояса" и „Марьину

Рощу" (1808 г.); напомнимъ еще „Мстислава" и другія историческія повѣсти С. Н. Глинки, которыя онъ сперва печаталъ въ своемъ Русскомъ Вѣстникѣ, а въ 1810 г. издалъ отдѣльнымъ сборникомъ; далѣе встрѣчаются: Ксенія, княжна Галицкая (безъ имени автора). С.-Пб. 1808; Игорь, великій князь Сѣвера. Соч. А. К. М. 1814; Рогнѣда или разореніе Полоцка. Соч. Николая Арцыбашева. С.-Пб. 1818, и пр. Нужно замѣтить, что русскія историческія повѣсти сочинялись не столько карамзинистами, сколько противниками карамзинскаго направленія. Особнякомъ стоитъ „Оскольдъ. Повѣсть, почерпнутая изъ отрывковъ древнихъ готѳскихъ скальдовъ", М. Н., Муравьева, написанная, безъ сомнѣнія, ранѣе „Марѳы Посадницы", но напечатанная только въ 1810 г., въ Вѣстникѣ Европы, ч. 50, февраль, № 6. Батюшковъ, какъ видно изъ его „Письма о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева" (т. II, стр. 80—82), придавалъ большое значеніе этому произведенію и находилъ что оно „блистаетъ красотами". Близкое подражаніе „Оскольду" и замѣтно въ „Предславѣ и Добрынѣ": въ обоихъ произведеніяхъ изображеніе людей и быта древней Руси имѣетъ тожественный характеръ, заключающійся въ соединеніи пышнаго и величественнаго съ сентиментальнымъ. Въ разборѣ „Оскольда" Батюшковъ замѣчаетъ, что „эпоха, избранная имъ (Муравьевымъ) для поэтическаго повѣствованія, соединяетъ всѣ возможныя выгоды и доказываетъ его вѣрный вкусъ и обширныя свѣдѣнія. Дѣйствіе происходитъ въ Россіи во времена отдаленныя, которыя поэту столь удобно украшать вымыслами и цвѣтами творческаго воображенія". Та же мысль высказана Батюшковымъ и въ одномъ изъ примѣчаній къ „Предславѣ", но уже въ отношеніи къ своему собственному творческому труду: „Мы не позволяли себѣ большихъ отступленій отъ исторіи; но просимъ читателя не забыть, что повѣсть не лѣтопись. Здѣсь вымыселъ позволенъ". Признавая, что Муравьеву понадобились, для сочиненія своей повѣсти, историческія свѣдѣнія, Батюшковъ въ свою очередь позаботился пріобрѣсти ихъ: онъ заглядываетъ въ Несторову лѣтопись, справляется съ „Славянскою и россійскою миѳологіей" А. С. Кайсарова и ссылается на нихъ въ примѣчаніяхъ къ своей повѣсти; но при общемъ низкомъ уровнѣ тогдашняго историческаго пониманія и эти справки не дали ему сколько-нибудь вѣрнаго представленія о древне-русской жизни. Онъ, безъ сомнѣнія, самъ это чувствовалъ и потому не печаталъ своей повѣсти: она появилась въ печати уже во время его болѣзни, и какъ видно изъ примѣчанія, сопровождающаго ее въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, уже при самомъ ея появленіи въ ней былъ замѣченъ „недостатокъ народности".

— (**Стр. 42**). О Зимцерлѣ см. ниже примѣчаніе къ стр. 52.

— (**Стр. 44**, прим.). Стихъ принадлежитъ Буало: Epître IX, v. 43.

— (**Стр. 48** прим.). Приводимъ тѣ мѣста изъ приписываемой Нестору лѣтописи, которыя имѣлъ въ виду нашъ авторъ: Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде с вои брегомъ и моремъ на Болгары; Болгаре же увидѣвше, яко не могоша стати противу, креститися просиша и покоритися Грекомъ. Царь же крести князя ихъ и боляры вся, и миръ сотвори с Болгары (Лѣтопись по Лаврентіев-

скому списку. Спб. 1872, стр. 18).—В лѣто 6423..... Болгаре со Греки соступишася, и пересѣчени быша Греки. Семионъ же прия градъ Ондрѣнь, иже первое Арестовъ градъ нарицашеся, сына Агамемнонъ..... (тамъ же, стр. 42).

— (Стр. 51). Упоминаніе о царь-дѣвицѣ указываетъ, что при сочиненіи этой повѣсти Батюшковъ пользовался между прочимъ и извѣстными „Русскими сказками“ М. Чулкова, гдѣ въ ч. I, стр. 187 и слѣд., есть „Повѣсть объ Алешѣ Поповичѣ“, въ которой выводится Царь-дѣвица. Упоминаніе о рѣкѣ Термодонѣ или, правильнѣе, Оермодонтѣ, въ Каппадокіи, доказываетъ, что Батюшкову хотѣлось сблизить русскую сказочную дѣву-воительницу съ греческими амазонками, которыя, по греческому сказанію, жили на Оермодонтѣ и оттуда будто бы перешли въ Скиѳію и на берега Танаиса (Herodot., IV, 110—117).

— (Стр. 52, прим.). Естественно было Батюшкову ввести въ свою повѣсть, содержаніе которой взято изъ временъ просвѣщенія древней Руси христіанскою вѣрой, черты языческихъ вѣрованій славяно-русскихъ. На стр. 42 онъ упоминаетъ Зимцерлу, на стр. 52—коня Свѣтовидова, а на стр. 54—Чернобога. Свѣдѣнія о нихъ онъ нашелъ въ книгѣ Андрея Кайсарова, изданной сперва по нѣмецки подъ заглавіемъ: Versuch einer Slavischen Mythologie. Göttingen. 1804, а затѣмъ въ 1807 году и снова въ 1810 появившейся въ русскомъ переводѣ: Славянская и русская миѳологія. Соч. Г. Кайсарова. Изданіе второе. Москва. Въ типографіи Дубровина и Мералякова. 1810 года.—Андрей Сергѣевичъ Кайсаровъ, род. въ 1782 г., былъ соученикомъ Жуковскаго и Ал. Тургенева по Московскому благородному пансіону, слушалъ вмѣстѣ съ Тургеневымъ лекціи въ Геттингенѣ, а также въ Эдинбургѣ, и въ первомъ получилъ степень доктора за диссертацію о крѣпостномъ правѣ въ Россіи: De manumittendis per Russiam servis. G. 1860. По возвращеніи въ Россію онъ поступилъ въ 1811 г. профессоромъ русскаго языка въ Дерптскій университетъ, но въ 1812 переведенъ въ военную службу, въ которой уже находился по выходѣ изъ пансіона до поѣздки за границу. Въ 1813 г. онъ былъ убитъ подъ Ганау. Сочиненіе Кайсарова о славянской миѳологіи составлено безъ критики, какъ и всѣ старинные опыты объ этомъ предметѣ; но оно интересно тѣмъ, что авторъ, работая надъ своею книгой въ библіотекѣ Геттингенскаго университета, могъ воспользоваться нѣкоторыми старыми книгами о славянской миѳологіи, каковы, напримѣръ, сочиненія Френцеля, Вагнера и т. д. Пользуясь Кайсаровымъ, Батюшковъ, разумѣется, принимаетъ съ полнымъ довѣріемъ его сообщенія, въ томъ числѣ и о такихъ божествахъ, которыя едва ли когда-либо существовали въ народномъ вѣрованіи Славянъ: упомянутая Батюшковымъ Зимцерла изображается Кайсаровымъ какъ богиня весны, Свѣтовидъ—какъ верховное божество, а Чернобогъ—какъ представитель злаго начала.

— (Стр. 60). Повѣсть заключается стихомъ, который служитъ также окончаніемъ переведенной Дмитріевымъ изъ Вольтера сказки (La Begueule) „Причудница“ (Соч. И. И. Дмитріева, М. 1823, ч. II, стр. 56).

VII.

Путешествіе въ замокъ Сирей.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. LXXXVI, № 6 (мартъ), стр. 136—149, съ подписью NNN; 2) въ Опытахъ, ч. I, стр. 174—195; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., т. I, стр. 170—186: 4) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 182—200.

Варіанты по (Вѣстнику Европы).

Къ стран. 61.

Строка 18-19: .... который тѣсно примыкалъ.....

Къ стран. 62.

Стр. 13: на злое дѣло!...
36: .... отца всѣхъ пороковъ.

Къ стран. 64.

Стр. 6-7: ... даже въ тѣ времена, когда Ленотръ остригалъ...
15: Сіи лѣса вм. Эти лѣса.
17: пристройки вм. постройки.

Къ стран. 66.

Стр. 26: .... для рукоплесканій партера и для прихожей....

Къ стран. 68.

Стр. 16: долѣе вм. болѣе.

Къ стран. 70-72. Мѣстоименіе тотъ, этотъ замѣняется мѣстоименіемъ сей.

— Время сочиненія этой статьи означено самимъ авторомъ: 26-го февраля 1814 года; но въ сущности она написана или по крайней мѣрѣ отдѣлана для печати только въ 1815 году, во время пребыванія Батюшкова въ Каменцѣ-Подольскомъ, какъ нашъ поэтъ и пишетъ о томъ Жуковскому въ декабрѣ 1815 года, предъ отъѣздомъ своимъ оттуда. Дата же, выставленная Батюшковымъ, дѣйствительно соотвѣтствуетъ времени поѣздки его въ Сирей, о чемъ онъ и писалъ Гнѣдичу еще въ мартѣ 1814 г. (т. III, стр. 250); дата могла быть взята Батюшковымъ изъ журнала, который онъ велъ во время похода и о которомъ упоминаетъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому изъ Парижа, отъ 17-го мая 1814 г. (т. III, стр. 273). Для разказа о поѣздкѣ въ Сирей избрана форма письма къ Д. В. Дашкову потому, что Дашковъ былъ извѣстенъ какъ отличный знатокъ французской литературы и большой почитатель Вольтера (см. сужденіе о немъ Дашкова въ Библіогр. Запискахъ 1859 г., ст. 257—260), память о которомъ такъ тѣсно связана съ Сиреемъ.

— (Стр. 61). Дмитрій Васильевичъ Дашковъ (р. 25-го декабря 1788 г., ум. 26-го ноября 1839 г.) происходилъ изъ дворянъ Рязанской губерніи. Первоначальное обученіе онъ получилъ дома, а потомъ поступилъ въ Московскій университетскій благородный пансіонъ, гдѣ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Окончивъ здѣсь курсъ съ отличіемъ (С у ш к о в ъ, Моск. универс. благор. пансіонъ. М. 1858, стр. 89), онъ опредѣлился въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ 1810 году, по назначеніи И. И. Дмитріева министромъ юстиціи, Дашковъ перешелъ на службу въ Петербургъ, подъ его начальство (В и г е л ь, Воспоминанія, ч. III, стр. 149); въ 1815 году былъ переведенъ въ канцелярію статсъ-секретаря Молчанова, а въ слѣдующемъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, при чемъ графъ Каподистріа потребовалъ отъ Дашкова, чтобъ онъ представилъ какое-нибудь сочиненіе на французскомъ языкѣ, касающееся дипломатіи. Дмитрій Васильевичъ по совѣту И. И. Дмитріева написалъ свое мнѣніе на вышедшую тогда брошюру Шатобріана: De Buonaparte et des Bourbons et de la nécessité de se raillier à nos princes légitimes, pour le bonheur de la France et celui de l'Europe. Par F. A. C h a t e a u b r i a n d. P. 1814. Министръ остался вполнѣ доволенъ и взглядомъ автора, и искусствомъ изложенія (М. Д м и т р і е в ъ, Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 215). Въ слѣдующемъ году Дашковъ былъ причисленъ къ нашей Константинопольской миссіи, а 14-го іюля 1818 назначенъ вторымъ совѣтникомъ при ней. Отозванный 3-го января 1820 г. отъ своего поста, Дашковъ, по порученію начальства, занялся устройствомъ русскихъ консульствъ въ Левантѣ. Въ 1822 году онъ былъ назначенъ управляющимъ дѣлами Константинопольской миссіи, а въ слѣдующемъ, кромѣ того, членомъ совѣта комиссіи составленія законовъ. Въ 1826 году онъ получилъ званіе статсъ-секретаря и занялъ должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ; въ 1828 г. ему повелѣно было слѣдовать за государемъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи, а по возвращеніи оттуда онъ былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи (26-го марта 1829 г.). 24-го апрѣля того же года Дашковъ, на время отсутствія Д. Н. Блудова, получилъ повелѣніе быть въ должности главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. 2-го февраля 1833 г. онъ занялъ постъ министра юстиціи, а 14-го февраля 1839 г. назначенъ членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ департамента законовъ (Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи, соч. П. И в а н о в а. С.-Пб. 1863, стр. 153—164; В и г е л ь, Воспоминанія, IV, 133; Р. С т а р., т. VII, стр. 777).

Первоначальные литературные опыты Дашкова относятся ко времени пребыванія его въ университетскомъ пансіонѣ и состоятъ изъ переводовъ съ французскаго. Такъ, во второй книжкѣ У т р е н н е й З а р и (1803 г.) напечатана идиллія: „Слѣды золотаго вѣка“, а въ третьей (1805 г.)—„О самоубійствѣ“. Въ періодическомъ изданіи И о т д ы х ъ в ъ п о л ь з у (1804 г.) помѣщена статья: „Науки, искусства, ученые, художники и университеты въ Германіи“.

Литературная извѣстность Дашкова тѣсно связана съ знаменитымъ споромъ между сторонниками Шишкова и послѣдователями Карамзина. Въ этомъ спорѣ Дашковъ является однимъ изъ главныхъ противниковъ Шишкова и его партіи, и притомъ, благодаря своимъ знаніямъ, таланту и замѣчательному остроумію, однимъ изъ опаснѣйшихъ ратоборцевъ за Карамзина. Среди своихъ

товарищей-литераторовъ Дмитрій Васильевичъ пользовался большимъ уваженіемъ и авторитетомъ.

Первая статья Дашкова, направленная противъ Шишкова, напечатана была въ Цвѣтникѣ 1810 г., № 11 и 12. Она заключаетъ въ себѣ разборъ книги Шишкова: „Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа“, вышедшей еще въ 1808 году. Въ 1811 году послѣдовало отдѣльно изданное сочиненіе: „О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критики“, въ которомъ Дашковъ окончательно разбилъ своего противника. Шишковисты, конечно, не признали себя побѣжденными, но Дашковъ прекратилъ съ ними полемику. Молчаніе Дашкова вызвало посланіе къ нему, написанное, по всей вѣроятности, А. Ѳ. Воейковымъ и впервые напечатанное М. Н. Лонгиновымъ въ Современникѣ 1857 г. № 3 Библіографическія Записки, стр. 86—89. Посланіе оканчивается такъ:

Скажи, Дашковъ, чего ты ждешь,
Зря лютую сію годину?
И скоро ли перо возьмешь
И саранчу сію сметешь,
Какъ вихрь сметаетъ паутину?

Бывъ съ 1810 года членомъ петербургскаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, Дашковъ, по поводу избранія въ почетные члены графа Д. И. Хвостова, въ присутствіи послѣдняго, въ засѣданіи Общества 14-го марта 1812 г. сказалъ рѣчь, въ которой съ такою жестокою ироніей осмѣялъ несчастнаго графа, что Общество вынуждено было, хотя ради приличія, исключить Дмитрія Васильевича изъ числа своихъ членовъ. Рѣчь эта напечатана въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей 1861 г. кн. IV, и въ болѣе полномъ видѣ въ Русской Старинѣ 1884 г., т. 43, стр. 106—108; ср. также Исторію Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова, вып. VII, стр. 523.

Извѣстно, что органомъ Общества любителей словесности наукъ и художествъ, послѣ Періодическаго изданія 1804 г., былъ С.-Петербургскій Вѣстникъ, издававшійся въ 1812 году. Журналъ наполнялся трудами членовъ Общества, между которыми Дашковъ занималъ выдающееся мѣсто. Нѣтъ сомнѣнія, что статья „Нѣчто о журналахъ“ (съ подписью Д.), имѣющая значеніе руководящей, принадлежитъ ему. Въ первой же части С.-Петербургскаго Вѣстника, которая вышла въ теченіе января—марта, съ тою же подписью встрѣчаются двѣ рецензіи: одна—на „Исторію Суворова“, соч. Е. Фукса, другая—на „Анекдоты Вольтера“. Наконецъ, анонимная рецензія на книгу Шишкова: „Прибавленіе къ разговорамъ о словесности, или возраженія противъ возраженій, сдѣланныхъ на сію книгу“ также принадлежитъ Дашкову (А. Д. Галаховъ, Историческая христоматія, т. II, стр. 178). Статья эта появилась какъ бы въ отвѣтъ на вышеназванное посланіе, укоряющее Дашкова за прекращеніе полемики противъ Шишкова и его послѣдователей.

Вмѣстѣ съ Д. Н. Блудовымъ и Жуковскимъ, Дашковъ былъ основателемъ и однимъ изъ главныхъ дѣятелей Арзамаса. Когда, въ 1815 году, князь Шахов-

ской поставилъ на сцену комедію свою „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды“ и осмѣялъ въ ней Жуковскаго въ лицѣ балладника Фіалкина, началась „страшная война на Парнассѣ“: на Шаховскаго посыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія, эпиграммы и остроты, и Дашковъ явился въ этомъ случаѣ однимъ изъ злѣйшихъ его гонителей. Въ Сынѣ Отечества 1815 г., ч. 25 № 42, стр. 140—148, напечатано „Письмо къ новѣйшему Аристофану“ (съ подписью Д.). Статья эта, по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго (Полное Собр. Сочиненій, т. VII, стр. 412), принадлежитъ Дашкову. Здѣсь авторъ выставилъ Шаховскаго человѣкомъ недоброжелательнымъ ко всѣмъ возникающимъ талантамъ, интриганомъ, завистникомъ и прямо указалъ на него, какъ на виновника погибели Озерова. Князь Вяземскій и Вигель (Воспоминанія, ч. IV, стр. 166) разказываютъ что послѣ перваго представленія „Липецкихъ водъ“ было устроено въ честь Шаховскаго торжественное празднество въ семействѣ Бакунинныхъ. Автора вѣнчали лавровымъ вѣнкомъ и читали ему похвальныя рѣчи. Дашковъ же по этому случаю сочинилъ кантату, которая пѣлась хоромъ всѣми Арзамасцами. Каждый куплетъ ея оканчивался стихами:

Хвала тебѣ, о Шутовской,
Тебѣ, герой, тебѣ, герой!

Кантата эта напечатана П. Н. Араповымъ въ „Лѣтописи русскаго театра“, стр. 241—242. Въ Русскомъ Архивѣ 1875 г., кн. III, стр. 358, приведенъ одинъ куплетъ изъ нея, но въ измѣненномъ видѣ. Къ этому же времени относится и рѣчь Дашкова, произнесенная имъ въ собраніи Арзамаса по случаю избранія въ члены его В. Л. Пушкина. Рѣчь эта, направленная противъ Бесѣды любителей русскаго слова вообще, и противъ Шаховскаго въ частности, напечатана въ Русск. Архивѣ 1876 г., кн. I, стр. 65—66.

Во время своего пребыванія въ Турціи Дашковъ принялся за изученіе греческаго языка. Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву изъ Буюкдере, отъ 31-го октября 1818 года, онъ пишетъ: „Главное занятіе мое здѣсь, послѣ службы есть греческій языкъ. И нужда, и давнишняя охота побудили ему учиться. Къ счастію нашелъ я здѣсь исправнаго Іоіотатоса въ наставники и читаю съ нимъ Омира и Платона. Говорить начинаю, но еще худо. Если пробуду здѣсь еще годъ, то буду докой“ (Р. Арх. 1868 г., стр. 590). Но онъ пробылъ не годъ, а четыре года, и дѣйствительно изучилъ греческій языкъ, доказательствомъ чему служатъ его позднѣйшія прозаическія статьи и переводы изъ греческой антологіи. Къ прозаическимъ статьямъ относятся: 1) „Извѣстіе о греческихъ и латинскихъ рукописяхъ въ серальской библіотекѣ“ (Сѣверн. Цвѣты на 1825 г., стр. 162—165); 2) „Аѳонская гора. Отрывокъ изъ путешествія по Греціи въ 1820 году“ (ibid., стр. 119—161); 3) „Еще нѣсколько словъ о серальской библіотекѣ“ (Сѣверн. Цвѣты на 1826 г., стр. 283—296); 4) „Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ. Отрывокъ изъ Путешествія по Греціи и Палестинѣ въ 1820 году“ (ibid., стр. 214—283). Что касается антологическихъ стихотвореній Дашкова, то они впервые появились въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1825 г., стр. 305-312, подъ заглавіемъ: „Цвѣты, выбранные изъ греческой анѳологіи“, съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи. Съ подобнымъ же обозначеніемъ здѣсь

помѣщенъ и „Отрывокъ изъ путешествія по Греціи въ 1820 году“, несомнѣнно принадлежащій Дашкову. Затѣмъ, въ Полярной Звѣздѣ на 1825 г., стр. 278—286, также помѣщены „Цвѣты изъ греческой анѳологіи“, съ тремя звѣздочками вмѣсто подписи и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Другой отрывокъ сего перевода отборныхъ греческихъ надписей былъ напечатанъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, стр. 305—312“. С. Д. Полторацкій ошибочно приписалъ переводы изъ антологіи, помѣщенные въ Полярной Звѣздѣ, Батюшкову (см. Русск. Арх. 1867 г., стр. 670). Наконецъ, въ Московскомъ Телеграфѣ 1828 г., т. XIX. № 1, стр. 46, напечатаны также „Цвѣты, выбранные изъ греческой анѳологіи“, но безъ всякой подписи. На принадлежащемъ Имп. П. Библіотекѣ экземплярѣ этого журнала рукою князя П. А. Вяземскаго сдѣлана замѣтка, что стихотворенія эти принадлежатъ Дашкову. Въ подтвержденіе того, что Дашковъ интересовался греческою антологіей, приводимъ собственныя его слова: „Находясь нѣсколько лѣтъ сряду въ Константинополѣ при россійскомъ посольствѣ и потомъ путешествуя по Греціи, я вездѣ навѣдывался усердно о древнихъ рукописяхъ въ надеждѣ, что какой-нибудь счастливый случай поможетъ мнѣ отыскать всего Тита Ливія и Діодора или утраченныя анѳологіи Мелеагра, Филиппа Ѳессалоникскаго, Агаѳія“ (Еще нѣсколько словъ о серальской библіотекѣ, стр. 287). Племянникъ и отчасти питомецъ Д. В. Дашкова, Вл. П. Титовъ, нынѣшній предсѣдатель Археографической Коммиссіи, также свидѣтельствуетъ о томъ, что Дашковъ много занимался греческою антологіей и переводилъ изъ нея.

Въ 1813 году Дашковъ издалъ съ своими примѣчаніями „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, а въ 1820—брошюру С. С. Уварова и Батюшкова: „О греческой антологіи“.

Изъ переписки Дашкова напечатаны: 1) три письма къ П. А. Вяземскому, 1813—1815 гг. (Русск. Арх. 1866 г., стр. 489—502); 2) четыре письма къ Н. Ѳ. Грамматину, 1805—1808 гг. (Библіогр. Записки 1859 г., № 9, стр. 257—262); 3) двѣнадцать писемъ къ И. И. Дмитріеву, 1817—1826 гг. (Русск. Арх. 1868 г., стр. 583—602); 4) письмо къ Н. Г. Масленникову, 1805 г. Библіогр. Записки 1859 г., стр. 262—263).

Князь П. А. Вяземскій въ статьѣ: „Объ альманахахъ 1827 года“ упоминаетъ между прочимъ, что Дашкову принадлежитъ полный рукописный переводъ парамифій Гердера (Полное Собр. Сочиненій князя Вяземскаго, т. II, стр. 13); этотъ переводъ, безъ сомнѣнія, предназначался для того русско-нѣмецкаго литературнаго сборника, который Жуковскій собирался издавать при сотрудничествѣ Дашкова въ 1817 или 1818 гг. (см. письмо Жуковскаго къ Дашкову въ Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 439—443). Замѣчательно это позднѣйшее обращеніе Дашкова—сперва горячаго почитателя классической литературы Французовъ—къ нѣмецкой словесности.

Знакомство Дашкова съ Батюшковымъ относится, по всей вѣроятности, къ первой половинѣ 1810 года, которую послѣдній прожилъ большею частью въ Москвѣ, и гдѣ еще оставался Дашковъ предъ переходомъ на службу въ Петербургъ; особенно же сблизились они въ 1812 г., въ бытность Батюшкова въ сѣверной столицѣ (**В. С.**).

— (Стр. 61). Баронъ, а впослѣдствіи графъ Рожеръ де-Дамасъ, французскій дворянинъ, перешедшій въ ранней молодости въ русскую военную службу Онъ отличился при взятіи Измаила въ 1790 году и получилъ въ Россіи чинъ полковника. Въ 1795 г. онъ поступилъ въ армію принца Конде, въ 1798 г. перешелъ на службу Неаполитанскаго короля и отличался въ военныхъ дѣйствіяхъ неаполитанскихъ войскъ противъ французской республиканской арміи, затѣмъ жилъ въ Сициліи, а потомъ переѣхалъ въ Вѣну. Въ 1813 г. онъ опять оказывается въ русской службѣ и, вмѣстѣ съ русскими войсками, вступаетъ во Францію. Батюшковъ (какъ и Гнѣдичъ) былъ знакомъ съ Дамасомъ въ Россіи и затѣмъ встрѣтился съ нимъ во время похода 1813 г. подъ начальствомъ Раевскаго (т. III, стр. 234, 236), а въ 1814 г. пользовался его одолженіями въ Парижѣ (т. III, стр. 250, 272); онъ называетъ Дамаса добрымъ, честнымъ и храбрымъ (т. III, стр, 234). Во время реставраціи Дамасъ пользовался милостью Людовика XVIII и умеръ въ 1825 году (Dictionnaire Larousse)

— (Стр. 61). Александръ Александровичъ Писаревъ родился въ Петербургѣ въ 1780 году; первоначальное образованіе получилъ въ домѣ своего отца, который находился въ сношеніяхъ со многими европейскими учеными того времени и дважды посѣщалъ Вольтера. Потомъ молодой Писаревъ былъ помѣщенъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ въ 1796 году подпоручикомъ въ армію; въ слѣдующемъ году переведенъ въ Семеновскій полкъ, въ которомъ и дослужился до генеральскаго чина. Писаревъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1807, 1812, 1813, 1814 и 1815 гг., былъ во всѣхъ замѣчательныхъ сраженіяхъ того времени и всегда отличался замѣчательною храбростью. Впослѣдствіи онъ командовалъ гренадерскою бригадою, расположенною въ Калугѣ. Съ 1825 по 1830 г. былъ попечителемъ Московскаго университета и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ Общества исторіи и древностей, Общества любителей россійской словесности и Общества испытателей природы. Въ 1830 году онъ былъ назначенъ сенаторомъ, а потомъ военнымъ губернаторомъ въ Варшаву, гдѣ оставался шесть лѣтъ. Разстроенное здоровье заставило его выйдти въ отставку, послѣ чего онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 24-го іюня 1848 года.

Писаревъ былъ членомъ петербургскаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ (съ 1804 г.), петербургскаго Медико-филантропическаго (1806—1811), Общества исторіи и древностей (съ 1808 г.), Россійской академіи (съ 1809 г.), Бесѣды любителей русскаго слова (съ 1811 г.), почетнымъ членомъ академіи художествъ (съ 1810 г.) и Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности.

Литературная дѣятельность Писарева начинается съ 1802 года. Его сочиненія и переводы печатались въ Новостяхъ Русской Литературы, Сѣверномъ Вѣстникѣ, Лицеѣ, Журналѣ для пользы и удовольствія, Журналѣ Россійской Словесности, Драматическомъ Вѣстникѣ, Цвѣтникѣ, Военномъ Журналѣ, Вѣстн. Европы, С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ, Сынѣ Отечества, Русскомъ Вѣстникѣ и въ періодическихъ изданіяхъ Общества исторіи и древностей (въ Сѣв. Вѣстникѣ и въ Журн. Росс. Словесности

Писареву принадлежатъ многія статьи и нѣсколько стихотвореній со знакомъ „—“ вмѣсто подписи). Отдѣльно изданные труды его исчислены въ Росписи Смирдина. Въ Сборникѣ 2-го отдѣленія Академіи наукъ, т. V, вып. 2, стр. 59 напечатано его письмо къ Востокову. Послѣ Писарева осталось много рукописныхъ сочиненій, и въ томъ числѣ: 1) Словарь о русскихъ художникахъ, съ обозрѣніемъ исторіи художествъ въ Россіи (этотъ словарь былъ пересмотрѣнъ и дополненъ комитетомъ Академіи художествъ); 2) О женщинахъ-сочинительницахъ во всѣхъ государствахъ, съ разборомъ сочиненій русскихъ писательницъ; 3) Подробныя путевыя записки по Россіи и по чужимъ краямъ съ 1812 по 1817 годъ. См. о Писаревѣ изданныя въ Москвѣ, въ 1817 году, его „Военныя письма и замѣчанія“, 2 части, съ гравир. портретомъ автора; Опытъ Грeча; Отчеты Академіи Наукъ по 2-му отдѣленію, съ 1842 по 1851 гг.; Мелочи, М. А. Дмитріева; Московск. Вѣдомости 1849 г., № 8, ст. Н. Д. Иванчина-Писарева).

Батюшковъ нерѣдко говоритъ о Писаревѣ въ своихъ письмахъ: онъ мало цѣнилъ его литературную дѣятельность, но восхищался его храбростью, которой не разъ былъ свидѣтелемъ въ 1813 и 1814 гг., когда и онъ, и Писаревъ служили вмѣстѣ подъ начальствомъ генерала Раевскаго (**В. С.**).

— (**Стр. 61**). Пріятельница Вольтера, которую онъ называлъ Сирейскою нимфой, маркиза Эмилія дю-Шатле, урожденная Бретёль (Gabrielle Émilie Le Tonnelier de Breteuil, marquise Du Châtelet, род. 1706 г., ум. 1749 г.). Она была умная и образованная женщина, занималась точными науками и была въ сношеніяхъ со многими учеными своего времени. Ко времени дружбы съ нею Вольтера и пребыванія его въ Сиреѣ относятся многія изъ лучшихъ его произведеній, въ томъ числѣ трагедія „Альзира“, „Исторія Карла XII“ и „Вѣкъ Людовика XIV“. Въ послѣдніе годы жизни маркиза сблизилась съ Сенъ-Ламберомъ, извѣстнымъ авторомъ „Les Saisons“. Исторія жизни Вольтера въ періодъ его близости съ маркизой Дю-Шатле составляетъ содержаніе двухъ томовъ извѣстнаго сочиненія о Вольтерѣ, написаннаго Денуартеромъ: G. Desnoiresterres, Voltaire au chateau de Cirey (P. 1868), и Voltaire à la Cour (P. 1869). Нѣсколько разъ изданы были интересныя письма маркизы Дю-Шатле.

— (**Стр. 61**). Два нѣмецкіе стиха взяты изъ элегіи Маттисона: „In den Ruinen eines alten Bergschosses geschrieben“, которую перевелъ Батюшковъ подъ заглавіемъ: „На развалинахъ замка въ Швеціи“ (т. I, стр. 189—193). Маттисонъ (род. 1761 г., ум. 1831 г.) принадлежитъ къ числу второстепенныхъ представителей Шиллеровскаго направленія; стихотворенія его встрѣчены были одобреніемъ Шиллера, который, хвалилъ въ нихъ тихую меланхолію и мечтательность, а также красивость описаній природы и плавность рѣчи (Goedeke, Grundriss d. Geschichte der deutsch. Dichtung, B. II, S. 1102). Батюшковъ пристрастился къ нѣмецкой литературѣ только съ 1813 г., когда посѣтилъ Германію (см. т. III, стр. 239, 240, 245), и такъ какъ онъ успѣлъ ознакомиться лишь съ немногими ея произведеніями, главнымъ образомъ— Шиллера, то надобно думать, что и на Маттисона онъ обратилъ вниманіе по указанію автора „Орлеанской Дѣвы“. Отзывъ послѣдняго о характерѣ

Маттисона Батюшковъ приводитъ въ своей статьѣ о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева (т. II., стр. 83-84).

— (Стр. 64). Стихи Вольтера дѣйствительно заимствованы изъ его втораго посланія къ Фридриху Прусскому: épître au prince royale de Prusse (1738 г.), стихи 54 и 55.

— (Стр. 64). Г-жа де-Семіанъ приходилась племянницей г-жѣ дю-Шатле.

— (Стр. 65). Стихъ Виргилія дѣйствительно находится въ его I-й эклогѣ, ст. 6.

— (Стр. 65 прим.). Вольтерова надпись, которую приводитъ Батюшковъ, озаглавлена въ подлинникѣ: „Inscription pour une statue de l'Amour dans les jardins de Sceaux", и потому не могла находиться въ саду Сирейскаго замка. Русскій переводъ ея, сдѣланный Дмитріевымъ, въ первый разъ былъ напечатанъ въ сборникѣ А. П. Б е н и ц к а г о: „Талія" (С.-Пб. 1807), стр. 126, но въ такомъ видѣ:

Кто бъ ни былъ ты, склонись передъ младенцемъ симъ:
Онъ былъ владыка твой, иль есть, иль будетъ имъ.

— (Стр 67). Вольтеръ много говоритъ о маркизѣ дю-Шатле въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ: „чудомъ во Франціи" онъ называетъ ее въ своемъ письмѣ (1738 г.) къ барону Кейзерлингу, который въ 1736 г. пріѣзжалъ въ Сирей въ качествѣ представителя Фридриха Прусскаго (въ то время еще наслѣднаго принца) и былъ очень любезно принятъ Вольтеромъ и маркизой дю-Шатле (D e s n o i r e s t e r r e s, Voltaire au chateau de Cirey, стр. 126—129).

— (Стр. 67). Г-жа Жанлисъ (род. 1746 г. ум. 1831 г.), извѣстная плодовитая писательница конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго; вынужденная эмигрировать во время революціи, она возвратилась въ Парижъ въ 1800 г. и успѣла пріобрѣсти милостивое расположеніе перваго консула, которому старалась угодить разными писаніями противъ философіи XVIII в. (M e r l e t, Tableau de la littérature française 1800—1815, II, стр. 220—228; G. C o m p a y r é, Histoire critique des doctrines de l'éducation en France, II, стр. 137—146; S a i n t e-B e u v e, Causeries de lundi, III). Вотъ какъ отзывался о г-жѣ Жанлисъ В. Л. Пушкинъ въ своемъ письмѣ къ Н. М. Карамзину изъ Парижа отъ 12-го сентября 1803 г.: „На сихъ дняхъ я былъ у госпожи Жанлисъ. Она принимаетъ хорошо, говоритъ умно и просто. „Я рѣдко вижусь съ авторами", сказала она мнѣ—„люблю ихъ читать, но не быть съ ними". Госпожа Жанлисъ ненавидитъ философію, вздыхаетъ о прошедшемъ и пишетъ романы въ ожиданіи будущаго. Она всѣмъ недовольна, а болѣе всего, кажется мнѣ, старостью" (В ѣ с т н. Е в р о п ы 1803 г., № 20, стр. 247).

Жоффруа (род. 1747 г. ум. 1814 г.), извѣстный театральный критикъ J o u r n a l d e s D é b a t s во время первой имперіи, прославившійся своими яростными нападками на Вольтера, въ которомъ онъ не щадилъ не только образа мыслей, но и литературнаго таланта (M e r l e t, Tableau, III, стр. 38—47). Ср. неблагосклонное упоминаніе о Жоффруа въ письмѣ Батюшкова къ Гнѣдичу отъ конца 1811 г. (III, 163).

— (Стр. 68). Извѣстный стихъ Вольтера изъ его посланія къ Екатеринѣ II

A l'impératrice de Russie Cathérine II (1771), ст. 8. Батюшковъ приводитъ его неточно, ибо въ подлинникѣ онъ читается такъ:

C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière.

— (**Стр. 69**). Библіотека Вольтера была пріобрѣтена императрицей Екатериной и помѣщена въ С.-Петербургскомъ Эрмитажѣ, откуда въ 1861 г., въ количествѣ 7000 книгъ и рукописей, была передана въ Императорскую Публичную Библіотеку (Прогулка по С.-Петербургской Имп. Публ. Библіотекѣ, Р. Минцлофа, С.-Пб. 1872, стр. 14, 35—37).

— (**Стр. 71**). Два италіянскіе стиха передаютъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, двѣ строки изъ первой терцины 8-й пѣсни Дантова „Purgatorio“:

Era già l'ora, che volge 'l disio
A' naviganti e intenerisce il cuore,
Lo dì c'han detto a'dolci amici addio.

Затѣмъ казаку въ уста влагается, также въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, стихъ изъ 8-й строфы „Людмилы“ Жуковскаго, а далѣе приводятся еще два стиха изъ той же баллады, изъ строфы 11-й.

— (**Стр. 71**). Александръ Осиповичъ Орловскій (род. 1777 г., ум. 1832 г.), русскій батальный и жанровый живописецъ, пользовавшійся большою извѣстностью въ свое время. Въ 1809 г. за картину „Бивуакъ казаковъ“ онъ получилъ званіе академика.

— (**Стр. 72**). Выше было уже упомянуто, что въ бытность свою за границей Батюшковъ пристрастился къ нѣмецкой литературѣ и въ особенности сталъ изучать Шиллера. На чтеніе Шиллерова „Валленштейна“ указываютъ и позднѣйшія изъ него выписки, помѣщенныя въ записной книжкѣ Батюшкова 1817 года (II, стр. 288—290).

— (**Стр 72**). Послѣдній параграфъ письма, гдѣ говорится о старомъ дворянинѣ-роялистѣ, который живетъ въ своемъ дѣдовскомъ замкѣ, и о его дочери томной Агнесѣ, которая готова спѣть случайному ихъ гостю древній романсъ о заблудившемся рыцарѣ,—очень удачно заканчиваетъ собою разказъ Батюшкова о посѣщеніи имъ Сирея и свидѣтельствуетъ о томъ, какъ онъ внимательно и тонко наблюдалъ нравственное состояніе французскаго общества въ моментъ паденія Наполеона и возстановленія Бурбоновъ. Какъ извѣстно, провинціальное, сельское дворянство въ теченіе всего періода первой имперіи питало легитимистскія симпатіи, которыя нашли себѣ удовлетвореніе въ реставраціи. Въ этихъ-то кружкахъ встрѣтилъ большое сочувствіе особенный разрядъ литературныхъ произведеній—попытки историческаго романа (особенно г-жи Коттенъ), въ которыхъ было очень мало историческаго, но много сентиментальности, и чувствительный романсъ будто бы во вкусѣ старинныхъ трубадуровъ и менестрелей. „Слово трубадуръ“, замѣчаетъ историкъ французской литературы императорскаго періода,—„по видимому, имѣло для нашихъ отцовъ особенную прелесть: оно встрѣчается чуть не на каждой страницѣ тогдашнихъ сборниковъ стихотвореній. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ сотрудниковъ Mercure de France говоритъ, что „слово это нельзя произнести безъ волне-

нія, такъ какъ оно напоминаетъ о невинныхъ играхъ любви и чести“..... Казалось, послѣ столькихъ бурныхъ годовъ, въ сосѣдствѣ боевыхъ полей, всѣ сердца почувствовали потребность сдѣлаться нѣжнѣе, и воображеніе томилось по идеалу сладостнаго забвенія или сентиментальнаго блаженства, призракъ котораго оно искало въ какомъ-то условномъ представленіи среднихъ вѣковъ, обвѣянномъ запахомъ лилій, этого символа смутно оплакиваемой династіи. Эта меланхолія, полная неопредѣленныхъ ожиданій и тайныхъ пожеланій, объясняетъ намъ успѣхъ тѣхъ маленькихъ элегій, что обошли всю Францію, странствуя изъ замка въ замокъ на крыльяхъ трогательныхъ мелодій, которыя напѣвали наши бабушки. Тутъ по крайней мѣрѣ музыка выручала текстъ. Мы готовы даже признать, что эти робкіе, почти безсознательные призывы реставраціи до сихъ поръ еще не утратили того неуловимаго очарованія надеждъ, которое примѣшивалось къ банальности напѣва неудовлетвореннымъ чувствомъ уцѣлѣвшей преданности“ (G. M e r l e t, Tableau de la littérature française. 1800—1815, t. I, p. 158—160).

Въ частности имя А г н е с ы (греч. ἁγνής, вм. ἁγνός, чистый, невинный) со временъ Мольера служитъ нарицательнымъ именемъ для молодой, невинной и черезъ-чуръ наивной дѣвушки. Мольеръ вывелъ такое лицо въ „l'Ecole des femmes“; тогдашняя критика осуждала его за созданіе этого характера, но онъ защищалъ изобрѣтенный имъ типъ въ другой комедіи „La Critique de l'école des femmes“. Вотъ что говоритъ о Мольеровой Агнесѣ Ип. Люка (Histoire philosophique du théâtre français, Brux., 1862, t. I, p. 163): „Въ своемъ невѣдѣніи жизни Агнеса исполнена наивности, но она не глупа. Умъ пробуждается въ ней съ любовью. Какъ только молодой Орасъ оживилъ эту прекрасную статую, она начинаетъ двигаться; два-три его урока дѣлаютъ изъ нея шаловливую, лукавую женщину“. Въ литературѣ XVIII в. имя Агнесы получило уже типическое значеніе; такъ, Детушъ (1680—1754) написалъ комедію „La fausse Agnès“; у Грессе (1709—1777) одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи „Le méchant“ (acte II, sc. VII) говоритъ:

On la croit une Agnès; mais comme elle a l'usage
De sourire à des traits un peu forts pour son age,
Je la crois avancée.....

— О своемъ описаніи поѣздки въ Сирей Батюшковъ говоритъ въ письмѣ къ Жуковскому отъ средины декабря 1815 г. и въ письмахъ къ Гнѣдичу отъ начала сентября и 28-го октября 1816 г.

VIII.

Письмо къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева.

Напечатано: 1) въ С ы н ѣ О т е ч е с т в а 1814 г., ч. 16, N XXXV, августа 27-го, стр. 87—116, подъ заглавіемъ „Письмо къ И. М. М. А. О сочиненіяхъ

г. Муравьева, изданныхъ по его кончинѣ. Москва, 1810", и съ подписью: К. О. Б. А.; 2) при сочиненіи М. Н. Муравьева: Обитатель предмѣстія и Эмиліевы письма. С.-Пб. 1815, стр. III—XXIX; 3) въ Опытахъ, ч. I, стр. 81—113, подъ заглавіемъ: „Письмо къ И. М. М. А. О сочиненіяхъ г. Муравьева"; 4) при Полномъ собраніи сочиненій Михаила Никитича Муравьева, т. I, С.-Пб. 1819, стр. I—XXX, съ подписью К. Б.; 5) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г.; т. I, стр. 96—122, и 6) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 103—130.

Время написанія письма означено самимъ авторомъ: С.-Петербургъ, 1814 г.

Варіанты (по Сыну Отечества).

Къ стран. 74.

Строка 9: не одни дарованія, не одно искусство писать.....

29: ..... ни одинъ изъ журналистовъ, впрочемъ столь усердно разбирающихъ календари объѣденія, оффиціальныя оды на побѣды, полунѣмецкія драмы и романы,—ни одинъ изъ журналистовъ не упоминаетъ.....

Примѣчаніе изложено такъ:

Въ нынѣшнемъ году г. Гнѣдичъ упомянулъ мимоходомъ о г. Муравьевѣ, говоря о лучшихъ нашихъ писателяхъ. Вотъ его слова: „Прозаическія сочиненія сего мужа, оставившаго по себѣ незабвенную память для музъ Московскаго университета, принадлежатъ у насъ также къ малому числу произведеній, отличныхъ красотою слога и достоинствомъ писателя, образованнаго ученіемъ и вкусомъ древнихъ" (Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности, читанное г. Гнѣдичемъ при открытіи Императорской Публичной Библіотеки).—Мы съ удовольствіемъ...

Къ стран. 75.

Стр. 5: ..... что подѣйствовало на чернь нашей публики и рѣдко отступаютъ отъ сего прекраснаго правила. Они.....

9-12: сбираетъ плоды съ одного невѣжества, и потому-то ихъ тупое и тяжелое остроуміе можетъ только нравиться одному невѣжеству. Однимъ словомъ, они похожи во многомъ на нашихъ актеровъ, которые, играя для партера, забываютъ, что въ ложахъ присутствуютъ строгіе судьи искусства.

Къ этому мѣсту слѣдуетъ выноска:

Изъ сего числа кто не исключитъ трудовъ г. Дашкова и книги, имъ изданной „О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критики"? Кто не отдастъ полной справедливости красивому слогу г. Макарова и остроумнымъ рецензіямъ г. Беницкаго, разсѣяннымъ въ журналахъ тогдашняго времени? Сіи два писателя, слишкомъ рано похищенные смертію, заслуживаютъ наше уваженіе, и память ихъ всегда останется драгоцѣнна любителямъ словесности.

Примѣчаніе начинается со словъ: Любовь къ отечеству....

Къ стран. 80.

Стр. 3: въ объятія старца.

Къ этому мѣсту слѣдуетъ выноска:

Я часто слышу жалобы матерей и наставниковъ, когда дѣло идетъ о выборѣ русскаго чтенія для втораго возраста дѣтей. Переводы иностранныхъ книгъ—слабые, дурные переводы, къ которымъ они должны были прибѣгать, не удовлетворяли ихъ желанія. Лучшія произведенія въ прозѣ нашихъ писателей не могутъ находиться вполнѣ въ рукахъ юношества, первое—по возвышенному слогу, второе—по содержанію. Чѣмъ замѣнить ихъ? Телемакомъ, вѣчнымъ Телемакомъ! Кампомъ, Беркеномъ, г-жами де-Пренсъ-де-Бомонъ, Жанлисъ, гдѣ ни слова нѣтъ о Россіи, ни одного отечественнаго воспоминанія, гдѣ все переноситъ юное воображеніе читателя въ землю, ему неизвѣстную, къ предметамъ и обычаямъ, для него вовсе чуждымъ, и такимъ образомъ даетъ ему обо всемъ ложныя понятія! Смѣло могу повторить, что сочиненія г. Муравьева замѣнятъ отчасти сей недостатокъ въ нашей словесности. Къ нему можно примѣнить стихи г. Дмитріева:

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
Мать дочери велитъ труды его читать.

Къ стран. 81.

Стр. 28: вѣрный вкусъ и познанія.

Къ этимъ словамъ слѣдуетъ такая выноска:

Г. Уваровъ, въ письмѣ своемъ объ экзаметрѣ, говоритъ между прочимъ, что Русскіе могутъ имѣть свою отечественную поэму и назначаетъ для оной именно эпоху до христіанства и послѣдующую, которую называетъ онъ эпохою нашего рыцарства. Прекрасный опытъ (къ сожалѣнію, въ прозѣ) г. Муравьева доказываетъ болѣе всего основательное мнѣніе г. Уварова. Если г. Жуковскій согласился на его приглашеніе написать поэму изъ нашей исторіи, то онъ долженъ непремѣнно избрать сей періодъ, отъ рожденія Славянскаго народа до раздѣленія княжества по смерти Владиміра. Мы пожелаемъ съ г. Уваровымъ, чтобъ авторъ „Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ“, „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“ и пр., поэтъ, который умѣетъ соединять пламенное, часто своенравное воображеніе съ необыкновеннымъ искусствомъ писать, посвятилъ жизнь свою на произведенія такого рода для славы отечества (которое умѣетъ чувствовать его заслуги) и не истощалъ бы своего безцѣннаго таланта на блестящія бездѣлки.

Къ стран. 86.

Стр. 29-32: взялъ на себя трудъ, пересмотрѣвъ остальныя рукописи автора, приготовить ихъ для печати, особенно то, что не входило въ планъ книги, изданной г. Карамзинымъ въ 1810 году. Конечно,

военныя обстоятельства, пожаръ Москвы и другія причины не позволили г. Жуковскому до сихъ поръ выполнить пріятнаго, скажемъ болѣе, святаго долга, возложеннаго на него по собственному его желанію. Любители словесности ожидаютъ.....

Къ стран. 89-90.

Отрывки изъ посланія, въ которомъ находится изображеніе Вольтера, опущены вовсе.

Время сочиненія статьи точно опредѣляется временемъ пріѣзда Батюшкова въ Петербургъ—въ началѣ іюля 1814 г. и 27-мъ августа того же года, когда появилась та книжка Сына Отечества, гдѣ статья напечатана.

.— (**Стр. 73**). Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ, двоюродный братъ Михаила Никитича Муравьева, родился въ Москвѣ въ 1768 году (см. посвященіе при его книгѣ: „Наставленіе знатному молодому господину"). Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ одномъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ пансіоновъ (Р. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 654). Отецъ его былъ генералъ-маіоръ Матвѣй Артамоновичъ старшій, мать—изъ рода Апостоловъ (Русск. родословная книга, изд. Р. Старины, т. I, стр. 107). Въ 1801 году Иванъ Матвѣевичъ присоединилъ къ своей фамиліи и материнскую (Полн. собр. законовъ, т. XXXIV, стр. 81). Послѣдній бездѣтный потомокъ гетмана Даніила Апостола исходатайствовалъ у императора Александра дозволеніе передать Ивану Матвѣевичу вмѣстѣ съ фамиліей и свое родовое имѣніе, какъ бы въ вознагражденіе за то, что мать Ивана Матвѣевича, вступившая въ бракъ безъ согласія родителей, была лишена приданаго (Р. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 654; т. VIII, стр. 107).

Формулярный списокъ И. М. Муравьева, обязательно доставленный намъ П. И. Барановымъ, даетъ возможность прослѣдить внѣшнія черты его жизни, а нѣкоторыя частныя подробности ея дополняются изъ его сочиненій и другихъ источниковъ. Въ 1773 году Муравьевъ былъ записанъ солдатомъ въ Измайловскій полкъ; 1-го октября 1784 г., уже будучи сержантомъ, опредѣленъ въ штатъ генерала графа Брюса оберъ-аудиторомъ; въ 1785 году переименованъ во флигель-адъютанты къ нему же; въ 1788 году получилъ чинъ секундъ-маіора, а 2-го ноября того же года перешелъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и оставался на службѣ до 15-го февраля 1790 г., когда получилъ должность оберъ-провіантмейстера. Въ этомъ же году онъ женился на Аннѣ Семеновнѣ Черноевичъ, дочери австрійскаго генерала, родомъ Серба, перешедшаго въ русскую службу (Русск Стар. 1873 г., т. VII, стр. 655). Въ февралѣ 1791 г. Муравьевъ переименованъ премьеръ-маіоромъ въ армію и жилъ въ Шлюссельбургѣ, завѣдуя каналомъ, а въ 1792 году назначенъ, по высочайшему повелѣнію, наставникомъ при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ. Въ 1796 году, по окончаніи воспитанія великихъ князей, Муравьевъ былъ пожалованъ камергеромъ ко двору Константина Павловича, а 21-го декабря того же года—министромъ въ Гамбургъ, къ герцогу Ольденбургскому и епископу Любскому. Пребываніе въ сѣверной Германіи дало ему случай познакомиться съ Кантомъ и Клопштокомъ. Въ 1799 году Иванъ Матвѣевичъ имѣлъ случай пріобрѣсти особенное расположеніе императора Павла. Дѣло въ томъ, что французское правительство потребовало отъ Гам-

бургскаго сената выдачи одного знатнаго французскаго эмигранта. Сенатъ имѣлъ намѣреніе исполнить это требованіе, но Муравьевъ, возмущенный такимъ наглымъ нарушеніемъ международнаго права, далъ эмигранту пріютъ у себя въ домѣ и затѣмъ отправилъ его въ Петербургъ. Императоръ былъ въ восторгѣ отъ поступка русскаго посланника и тогда же наградилъ его орденомъ св. Анны первой степени (Р. Стар. 1873 г., т. VIII, стр. 108). 16-го октября того же года Муравьевъ былъ перемѣщенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Копенгагенъ, а въ слѣдующемъ году получилъ чинъ тайнаго совѣтника и опредѣленъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. 23-го января 1802 г. Муравьевъ получилъ назначеніе быть полномочнымъ министромъ въ Испаніи. Проѣздомъ туда онъ посѣтилъ Парижъ и имѣлъ случай видѣть, какъ „Корсиканецъ началъ заносить свою ногу на тронъ Генриха IV“; тутъ познакомился онъ съ италіянскимъ сатирикомъ Касти, а позже, во Флоренціи, съ Альфіери. Удаленіе Муравьева изъ Мадрида произошло отъ перемѣны отношеній между русскимъ, французскимъ и испанскимъ дворами. Первоначально нашему посланнику поручено было поддерживать Испанію въ противодѣйствіи честолюбивымъ замысламъ Наполеона; но послѣ Аустерлицкаго сраженія испанскій дворъ сталъ заискивать у Наполеона и, въ угожденіе послѣднему, чуждаться русскаго посланника, на котораго Наполеонъ былъ сильно озлобленъ (Р. Стар. 1873 г., т. VIII, стр. 107).

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Муравьевъ явился ко двору и, не извѣстно почему, былъ холодно принятъ императоромъ Александромъ (Р. Стар. 1873 г., т. VIII, стр. 108). Немилость государя продолжалась и впослѣдствіи: Иванъ Матвѣевичъ не получилъ никакого назначенія, а только состоялъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Видя явное нерасположеніе къ себѣ императора, Муравьевъ уѣхалъ изъ Петербурга и поселился въ своемъ имѣніи, селѣ Бакумовкѣ, Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда. Въ 1807 году онъ вступилъ въ милицію и былъ назначенъ окружнымъ военачальникомъ (Р. Стар. 1873 г., т. VIII, стр. 108). Въ 1810 году скончалась Анна Семеновна, а въ 1812 Иванъ Матвѣевичъ вступилъ во второй бракъ съ Прасковьей Васильевной Грушецкой (Русск. родосл. книга, т. I, стр. 235).

27-го марта 1824 г. Муравьевъ былъ назначенъ сенаторомъ, а 9-го августа того же года—членомъ главнаго правленія училищъ. На первыхъ порахъ своего сенаторства Муравьеву пришлось принять участіе въ извѣстномъ процессѣ по поводу перевода на русскій языкъ Госнеровыхъ „Толкованій на Новый Завѣтъ“ (подробности дѣла см. въ Запискахъ А. С. Шишкова, Берлинъ. 1870, т. II, и въ отрывкѣ изъ записокъ Н. И. Греча, напечатанномъ въ Русск. Архивѣ 1868 г., № 9. стр. 1403—1413). „Всѣ сенаторы“, говоритъ Гречъ,— „пристали къ сторонѣ сильнаго Аракчеева, всѣ—кромѣ одного, И. М. Муравьева-Апостола. Разсмотрѣвъ и обсудивъ дѣло со вниманіемъ и чистою совѣстью, онъ написалъ свое рѣшительное и основанное на здравомъ смыслѣ и на законахъ мнѣніе, въ которомъ доказывалъ несправедливость обвиненія и невинность прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ“. Мнѣніе это напечатано въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей росс., 1859 г., т. IV. Къ тому же времени относится и другое замѣчательное мнѣніе Муравьева-Апостола, какъ члена главнаго правленія училищъ. Оно касается вопроса о лишеніи профес-

соровъ права выписывать запрещенныя книги помимо всякой цензуры. Муравьевъ въ своемъ мнѣніи разобралъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и пришелъ къ тому заключенію, „что запрещеніе профессорамъ выписывать книги есть мѣра для нихъ безъ нужды оскорбительная, какъ средство безполезная, а для общей цѣли, для просвѣщенія—вредная". Мнѣніе это напечатано впервые М. И. Сухомлиновымъ въ „Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I", С.-Пб. 1866, стр. 80-82. Послѣ 1825 г. Муравьевъ оставилъ дѣйствительную службу, но въ отставку былъ уволенъ только въ 1847 году. Онъ скончался въ Петербургѣ 12-го марта 1851 г. (С. Пчела 1851 г., № 59), въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Вигель, въ своихъ Воспоминаніяхъ (ч. IV, стр. 31—32), сообщаетъ нѣсколько чертъ къ характеристикѣ Муравьева: онъ называетъ его „красавцемъ и любезникомъ временъ Екатерины", „умнымъ но легкомысленнымъ человѣкомъ", не имѣвшимъ твердыхъ убѣжденій. Послѣднее вполнѣ опровергается сочиненіями Муравьева, въ которыхъ онъ очень опредѣленно высказалъ свой независимый образъ мыслей.

Начало литературной дѣятельности Муравьева относится къ 1778 году, когда онъ, будучи подпрапорщикомъ Измайловскаго полка, перевелъ съ французскаго и напечаталъ, съ посвященіемъ князю Н. В. Репнину, „Наставленіе знатному молодому господину или воображеніе о свѣтскомъ человѣкѣ". Въ посвященіи переводчикъ, между прочимъ, говоритъ: „Но сумнѣнно уповаю, что найденныя благоразуміемъ вашимъ въ ней (книжкѣ) слабости и недостатки мои прикроются врожденнымъ вашимъ великодушіемъ и оправдятся предъ лицемъ вашимъ десятилѣтнимъ моимъ возрастомъ". Въ 1794 году появилась „Школа злословія" Шеридана, переведенная Муравьевымъ съ англійскаго и представленная въ первый разъ на эрмитажномъ театрѣ 27-го февраля 1793 г. Піеса эта заслужила одобреніе императрицы, что̀ видно изъ посвященія, предпосланнаго оригинальной комедіи Муравьева: „Ошибки или утро вечера мудренѣе", напечатанной также въ 1794 году.

Поселившись съ 1805 г. въ деревнѣ, Муравьевъ занялся классическою литературой, преимущественно Гораціемъ, котораго онъ особенно изучалъ. Въ 1809 году Иванъ Матвѣевичъ прислалъ на разсмотрѣніе профессору Буле свой переводъ въ стихахъ оды Горація къ Помпею Гросфу (кн. II, ода 16). Переводъ этотъ тогда же былъ напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы, ч. 47, № 20, стр. 267—274, при письмѣ Буле къ редактору журнала. Въ 48-й части В. Евр., № 21, стр. 49—60, Каченовскій помѣстилъ и свою критику на переводъ Муравьева. Въ 1811 году Россійская академія избрала Ивана Матвѣевича своимъ членомъ. Въ этомъ же году, съ открытіемъ Бесѣды любителей русскаго слова, онъ сталъ и ея членомъ по второму разряду, гдѣ предсѣдательствовалъ Державинъ, а съ 1813 года самъ предсѣдательствовалъ въ четвертомъ разрядѣ, замѣнивъ И. С. Захарова. Впослѣдствіи Муравьевъ былъ почетнымъ членомъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ. Въ Чтеніяхъ Бесѣды напечатано его „Краткое разсужденіе о Горація", съ прозаическимъ переводомъ первой сатиры (1811 г., кн. 2, № 2, стр. 15—41) и „Разсужденіе о причинахъ, побудившихъ Горація написать сатиру третью первой книги", также съ прозаическимъ переводомъ этой сатиры (1812 г., кн. 6, стр. 71—99).

Въ 1815 году Муравьевъ напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы, ч. 80, № 5 и 6, стр. 86—96, письмо къ редактору, гдѣ опровергаетъ мнѣніе профессора Фишера, приведенное въ № 4-мъ В. Евр. 1815 г., стр. 278, о томъ, будто Цицеронъ имѣлъ ясную мысль о книгопечатаніи и выразилъ ее въ 37-й главѣ второй книги „De natura deorum". Въ Сынѣ Отечества 1818 г., ч. 46, № 21, стр. 41—59, № 22, стр. 81—100, и № 23, стр. 121—135, напечатана анонимно статья подъ заглавіемъ: „Взглядъ на заговоръ Катилины", съ слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя: „Одинъ знаменитый любитель словесности классической и отечественной принялъ на себя трудъ перевесть на русскій языкъ Письма Цицероновы. Къ каждому письму пріобщаетъ онъ замѣчанія археологическія, историческія и пр., отличающіяся своею важностію, подробностію и новостію. Мы получили отъ почтеннаго переводчика позволеніе украсить нашъ журналъ однимъ изъ сихъ примѣчаній, содержащимъ въ себѣ исторію заговора Катилины, которая написана имъ для наполненія двухлѣтняго промежутка между 11-мъ и 12-мъ письмами Цицерона и посвящается юношамъ, начинающимъ заниматься исторіею, какъ наукою, а не просто упражненіемъ памяти. Книга сія уже печатается въ Москвѣ". Въ томъ же журналѣ за 1819 г., ч. 52, № 8, стр. 69—78, напечатано „Письмо отъ Цицерона къ Помпонію Аттику", также съ примѣчаніемъ издателя: „Сіе письмо есть отрывокъ изъ полнаго собранія всѣхъ писемъ Цицерона, переведенныхъ на русскій языкъ И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ и печатаемыхъ въ Москвѣ. Почтенный переводчикъ не удовольствовался однимъ переводомъ: онъ присовокупилъ къ нему историческія, филологическія и нравственныя примѣчанія. Одно изъ сихъ примѣчаній, заключающее въ себѣ исторію заговора Катилины, напечатано въ прошлогоднемъ изданіи Сына Отечества. Изъ многихъ примѣчаній на письмо Цицерона къ Помпонію Аттику помѣщаемъ нѣкоторыя, главнѣйшія, чтобъ дать нашимъ читателямъ понятіе, сколь они важны и любопытны". Къ сожалѣнію, указанныя издателемъ Сына Отечества Письма Цицерона въ переводѣ Муравьева въ свѣтъ не выходили.

Въ 1821 году Муравьевъ издалъ переводъ Аристофановой комедіи „Облака", вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ, обширными историко-филологическими примѣчаніями и предисловіемъ, въ которомъ объясняетъ причины, побудившія Аристофана осмѣять Сократа. Въ концѣ предисловія помѣта переводчика: Хомутецъ, 16-го декабря 1819 г.

Въ 1823 году появилось въ печати знаменитое „Путешествіе по Тавридѣ". Авторъ посвятилъ книгу „нѣжному другу, сопутницѣ своей по Тавридѣ и на поприщѣ жизни, Парасковьѣ Васильевнѣ Муравьевой-Апостолъ". Изъ предисловія автора мы узнаемъ, что въ 1820 году онъ, вмѣстѣ съ женой своею, совершилъ двухмѣсячное путешествіе по Крыму. Путешествіе это не было случайнымъ: Муравьевъ приготовлялся къ нему два года, въ теченіе которыхъ занимался почти исключительно чтеніемъ всего того, что относилось къ Крымскому полуострову, начиная съ древнѣйшихъ извѣстій и кончая новѣйшими изслѣдованіями. Объясняя планъ своего сочиненія, Муравьевъ, между прочимъ, говоритъ: „Я писалъ путешествіе мое не на память, а на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя описывалъ. Напримѣръ, повѣствованіе мое о Митридатѣ начертано было на горѣ, гдѣ, какъ я полагаю, стояли царскіе чертоги. Такимъ

точно образомъ и все прочее описывалъ я, имѣвъ предметы предъ моими глазами. Возвратясь домой, мнѣ оставалось только собрать письма и привести ихъ въ порядокъ, что я и исполнилъ въ концѣ того же 1820 года, и сочиненіе сіе, конечно, появилося бы въ свѣтъ еще въ 1821 году, когда бы не воспрепятствовали тому обстоятельства, отъ меня не зависящія". Путешествіе Муравьева, до сихъ поръ сохраняющее свое научное значеніе, было переведено на языки нѣмецкій (1825 г.) и италіянскій (1833 г.).

Кромѣ изчисленныхъ трудовъ, И. М. Муравьеву-Апостолу, безъ сомнѣнія, принадлежатъ еще двѣ небольшія статьи въ Сынѣ Отечества 1817 года: 1) письмо къ издателю этого журнала изъ Череповца, за подписью: Вакхъ Страбоновскій (ч. 40, № 22, стр. 113—115), гдѣ указываются забавные промахи въ переводѣ I-й пѣсни Энеиды, сдѣланномъ А. Ѳ. Воейковымъ и напечатанномъ въ Вѣстникѣ Европы 1817 г., ч. XCII, № 7 (ср. догадку Батюшова объ авторѣ этого письма, т. III, стр. 458, и отвѣтную замѣтку А. Ѳ. Воейкова на письмо В. Страбоновскаго въ Вѣстн. Евр. 1817 г., ч. XCVI, стр. 155—157), и 2) довольно строгій разборъ книги: Поэзія эллинскаго языка, или греческая. М. 1817 (ч. № 38, стр. 230—234), безъ всякой подписи, но съ помѣтою: Полтава.

Г. Н. Геннади въ своемъ „Справочномъ словарѣ" приписываетъ И. М. Муравьеву-Апостолу книжку, вышедшую въ Парижѣ въ 1835 году, подъ заглавіемъ: Quelques observations sur la Russie au sujet de l'oukase du 17 avril 1834. Но это едва ли вѣрно: на стр. 41 этой книги говорится: „Болѣе чѣмъ двадцатилѣтнее пребываніе въ Россіи доказало намъ, что ни въ одной странѣ Европы правосудіе не организовано такъ дурно, какъ въ Россійской имперіи". Муравьевъ не могъ говорить о своемъ только двадцатилѣтнемъ пребываніи въ Россіи; скорѣе такъ могъ выразиться какой-нибудь иностранецъ; на стр. 104 сообщаются неточныя свѣдѣнія о числѣ казненныхъ за участіе въ бунтѣ 1825 г.; Муравьевъ, сынъ котораго былъ въ числѣ казненныхъ, не могъ сдѣлать ошибки, говоря о событіи, слишкомъ хорошо ему извѣстномъ.

Для характеристики общественныхъ воззрѣній Муравьева особенно важны „Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ", напечатанныя имъ безъ имени автора въ Сынѣ Отечества 1813 г., ч. 8, № 35, стр. 29—97; № 36, стр. 129—139; ч. 9. № 44, стр. 211—234; № 45, стр. 259—270; ч. 10, № 46, стр. 24—33; № 48, стр. 97—105; № 49, стр. 137—155; 1814 г., ч. 11, № 2, стр. 62—73; № 3, стр. 97—109; ч. 12, № 7, стр. 19—30; ч. 16, № 34, стр. 39—54; ч. 17, № 39; стр. 3—17; № 40, стр. 49—60; 1815 г., ч. 19, № 6, стр. 217—228; ч. 23, № 29, стр. 85—99; ч. 24, № 36, стр. 119—141. Всѣхъ писемъ пятнадцать; первыя семь перепечатаны въ Русск. Архивѣ 1876 г., № 10, стр. 129—154. Принадлежность ихъ Муравьеву доказывается письмомъ къ нему Г. Р. Державина отъ 31-го августа 1814 г. (см. Сочиненія Державина, 1-е академ. изд., т. VI, 1871 г., стр. 296—297). „Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ" направлены главнымъ образомъ противъ господствовавшей въ высшемъ русскомъ обществѣ галломаніи, которая сдѣлалась тормазомъ нашего просвѣщенія. Изучать древнихъ классиковъ и подражать имъ—вотъ что необходимо, по мнѣнію Муравьева, для успѣха отечественной словесности (см. объ этихъ письмахъ въ „Исторіи р. словесности" А. Д. Галахова, изд. 2-е, т. II, стр. 276—281, а

также рѣзкіе отзывы Д. В. Дашкова (Р. Арх. 1866, ст. 493, 497). Въ Арзамасскомъ кружкѣ не любили И. М. Муравьева: въ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ", сочиненномъ А. Ѳ. Воейковымъ „для употребленія въ благошляхетномъ Арзамасскомъ обществѣ", о немъ сказано: „Муравьевъ-Апостолъ, великій усыпитель двора его Парнасскаго величества; обязанъ просиживать ночи безъ сна для усыпленія читателей" (Р. Арх. 1866 г., ст. 763). Но хотя Муравьевъ и былъ членомъ Бесѣды любителей русскаго слова и даже предсѣдателемъ одного изъ ея отдѣленій, онъ держался въ сторонѣ отъ литературныхъ споровъ, происходившихъ между членами Бесѣды и карамзинистами. Чтобы видѣть, что онъ не сочувствовалъ литературнымъ предразсудкамъ Шишкова, достаточно прочесть 10-е письмо его въ Нижній-Новгородъ, гдѣ онъ доказываетъ, что „вѣсъ и значеніе словамъ даетъ употребленіе, а не опредѣленіе академиковъ". Какъ извѣстно, ту же мысль высказывалъ и Карамзинъ въ своей рѣчи, произнесенной въ Россійской академіи въ 1818 году. Вообще Муравьевъ выдѣлялся изъ среды бесѣдниковъ своею разностороннею образованностью. Съ глубокими познаніями въ древнихъ языкахъ онъ соединялъ основательное знакомство съ литературою новыхъ европейскихъ народовъ. Не говоря уже о французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, Иванъ Матвѣевичъ зналъ англійскій и италіянскій, а въ бытность свою при Мадридскомъ дворѣ выучился и испанскому языку.

Изъ переписки Муравьева-Апостола обнародовано до сихъ поръ очень немного. Въ Русск. Архивѣ 1876 г., кн. I, стр. 121—128, напечатаны два письма его къ графу С. Р. Воронцову отъ 1801 г. Первое письмо касается ссылки графа Н. П. Панина, съ которымъ Иванъ Матвѣевичъ былъ друженъ и велъ переписку въ бытность Панина посланникомъ въ Берлинѣ. Второе письмо рисуетъ картину общественнаго настроенія по вступленіи на престолъ Александра Павловича. Въ VI томѣ 1-го академическаго изданія сочиненій Державина, стр. 297—298, вслѣдъ за упомянутымъ уже нами письмомъ Державина, помѣщенъ и отвѣтъ Муравьева, проникнутый чувствомъ горькаго сознанія, что онъ, оклеветанный предъ императоромъ, лишенъ возможности служить отечеству. Намеки на эти клеветы можно найдти и въ „Письмахъ въ Нижній-Новгородъ".

Сколько извѣстно, бумаги И. М. Муравьева-Апостола утратились за границей, гдѣ онъ жилъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей жизни и откуда пріѣхалъ незадолго до смерти.

Знакомство К. Н. Батюшкова съ И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ восходитъ, вѣроятно, къ очень раннему времени, и имя Ивана Матвѣевича нерѣдко встрѣчается въ письмахъ поэта; но особенное уваженіе къ Муравьеву Батюшковъ почувствовалъ съ тѣхъ поръ, какъ провелъ осень 1812 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда собрались бѣжавшіе отъ Французовъ московскіе умники, и гдѣ шли горячіе споры о нашей галломаніи и ея вредѣ для нашего просвѣщенія (см. III, 268). Въ связи съ этими спорами находятся и муравьевскія „Письма въ Нижній-Новгородъ", оказавшія значительное вліяніе на позднѣйшій образъ мыслей Батюшкова. „Онъ у насъ человѣкъ не обыкновенный", писалъ о Муравьевѣ Батюшковъ въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ февраля 1817 г. (III, 417). Существуетъ посланіе Батюшкова къ И. М. Муравьеву-Апостолу, относящееся къ 1815 году и стоящее въ тѣсной связи съ прозаическою статьей нашего поэта, въ то же

время написанною: „О поэтѣ и поэзіи“. Изъ первыхъ строкъ посланія видно, что основная мысль этихъ произведеній внушена Батюшкову Муравьевымъ.

— (Стр. 73). Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ, двоюродный дядя К. Н. Батюшкова, родился 25-го октября 1757 г. въ Вологдѣ (о своей родинѣ Муравьевъ вспоминаетъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій; они указаны Ѳ. И. Фортунатовымъ въ Р. Арх. 1867 г., ст. 1652—1654, прим.). Отецъ его, Никита Артамоновичъ (род. 8-го сентября 1721, ум. 18-го апрѣля 1799), служившій долгое время въ инженерахъ, впослѣдствіи тайный совѣтникъ и сенаторъ, въ 1760 году былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Оренбургъ. Здѣсь молодой Муравьевъ началъ учиться нѣмецкому языку у мѣстнаго обывателя Калау, а съ отцомъ сталъ заниматься математикой (Гречъ, Опытъ краткой исторіи русской литературы. С.-Пб. 1822, стр. 283). Въ 1768 году, пріѣхавъ въ Москву, Никита Артамоновичъ отдалъ сына въ университетскую гимназію. Куратором въ то время былъ родственникъ его В. Е. Адодуровъ (1709—1780 гг.). Въ спискахъ учениковъ гимназіи за 1768 и 1769 гг. часто встрѣчается имя Муравьева, получавшаго награды въ разныхъ классахъ. На актѣ гимназіи 17-го декабря 1769 г. Муравьевъ отличился произнесеніемъ рѣчей на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ (Шевыревъ, Исторія Московскаго университета, стр. 170). Изъ гимназіи Михаилъ Никитичъ перешелъ въ университетъ, гдѣ слушалъ лекціи философіи у Барсова и Шадена, о которыхъ онъ съ благодарностью вспоминаетъ въ „Посланіи къ И. П. Тургеневу“ (1774 г.), своему товарищу по ученію и другу. Позднѣе, съ подобнымъ же чувствомъ глубокой признательности, Муравьевъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ о М. М. Херасковѣ, В. И. Майковѣ, П. А. Львовѣ и въ особенности о пріятелѣ своемъ В. В. Ханыковѣ, который, по его словамъ, „не сдѣланъ, чтобъ остаться въ неизвѣстности, духъ смѣлый и возвышенный“ (Полн. Собр. Сочиненій Муравьева, изд. 1819 г., т. III, стр. 262 и 304). Вообще, мягкосердечіе и признательность были отличительными свойствами характера Муравьева. Онъ никогда не забывалъ людей, которые оказывали ему нравственную поддержку. „Душою привязываешься къ тѣмъ, которые душѣ нашей благодѣтельствуютъ“, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ по поводу отношеній къ нему Майкова и Барсова (П. Собр. Соч., III, 304).

Пробывъ три или четыре года въ университетѣ, Михаилъ Никитичъ уѣхалъ въ Архангельскъ, вмѣстѣ съ отцемъ, куда послѣдній былъ командированъ отъ сената по служебнымъ дѣламъ. Живя въ Архангельскѣ, Муравьевъ не оставлялъ занятій науками и велъ въ это время переписку со старшимъ товарищемъ своимъ по университету, Н. Р. (Николаемъ Рахмановымъ?), воспоминаніе котораго о Муравьевѣ напечатано въ Москвитянинѣ 1855 г., № 7, кн. I, стр. 168—170. Въ Полномъ Собраніи Сочиненій Муравьева, I, стр. 246—257, есть три письма Михаила Никитича къ неизвѣстному лицу; письма эти и составляютъ часть вышеназванной переписки, въ чемъ легко убѣдиться, сравнивъ ихъ съ воспоминаніемъ Н. Р. Въ Опытахъ трудовъ вольнаго росс. собранія помѣщена Муравьевымъ „Епистола къ Н. Р. Р.“, очевидно, къ тому же лицу (ч. IV, 1778 г., стр. 292—295).

На 17-мъ году Муравьевъ пріѣхалъ съ отцемъ въ Петербургъ. Вскорѣ Никита Артамоновичъ получилъ назначеніе въ тверскую казенную палату, а Михаилъ

Никитичъ, послѣ десятимѣсячнаго пребыванія въ Твери, поступилъ на службу въ Измайловскій полкъ. Но служба не помѣшала его дальнѣйшимъ занятіямъ, и онъ сталъ посѣщать лекціи профессоровъ Академіи Наукъ, между прочимъ Эйлера и Крафта. Зная прекрасно латинскій, французскій и нѣмецкій языки, онъ принялся за изученіе греческаго, англійскаго и италіянскаго (Воспоминаніе Н. Р. и письмо Муравьева къ Карманову отъ 1776 г., напечатанное въ IV т. Лѣтописей русской литературы, изд. Н. С. Тихонравовымъ; Діомидъ Ивановичъ Карамановъ, подобно Муравьеву, былъ сотрудникомъ Вольнаго россійскаго собранія со 2-го сентября 1777 г.; см. о немъ въ „Обителѣ предмѣстія" М. Н. Муравьева, письмо 4-е). Особенною любовью Муравьева пользовалась древняя филологія; вообще онъ пріобрѣлъ себѣ основательное и многостороннее образованіе, которымъ и обратилъ на себя вниманіе Екатерины II.

Въ 1785 году Муравьевъ, по выбору императрицы, опредѣленъ былъ наставникомъ къ великимъ князьямъ Александру и Константину, которымъ преподавалъ русскую словесность, русскую исторію и нравственную философію. По окончаніи воспитанія великихъ князей, Муравьевъ перешелъ въ статскую службу. Въ 1800 году онъ былъ назначенъ сенаторомъ, въ 1801—статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, а въ 1803—товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и попечителемъ Московскаго университета (Опытъ Грeча, стр. 284). 29-го іюля 1807 г. Муравьевъ скончался въ Петербургѣ и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

„Непродолжительное управленіе Муравьева Московскимъ университетомъ и округомъ, съ 1803 по 1807 г., ознаменовано преобразованіемъ университета и устройствомъ его округа, приглашеніемъ многихъ профессоровъ на вакантныя каѳедры и открытіемъ ученыхъ обществъ. Вступивъ въ дѣятельныя сношенія съ иностранными учеными, Муравьевъ вызвалъ для Московскаго университета нѣсколько замѣчательныхъ профессоровъ изъ-за границы и расположилъ ихъ соотечественниковъ охотно принимать приглашенія, получаемыя отъ другихъ русскихъ университетовъ. Имя Муравьева, осыпаемаго восторженными хвалами, славилось за границей, какъ имя поборника просвѣщенія, уполномоченнаго правительствомъ призвать въ Россію живыя силы европейскаго ученаго міра. Иностранная пресса пророчила Московскому университету блестящую будущность, полагая, что онъ не только можетъ превзойдти университеты другихъ странъ Европы, но и въ самой Германіи немногіе университеты будутъ въ состояніи выдержать съ нимъ соперничество,—и честь такого славнаго дѣла приписывалась Муравьеву, имя котораго должно сохраниться незабвеннымъ въ лѣтописяхъ русскихъ университетовъ. Вызывая иностранцевъ, Муравьевъ имѣлъ въ виду при помощи ихъ образовать поколѣніе русскихъ ученыхъ. Онъ съ постояннымъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами Русскихъ, занимавшихъ каѳедры или готовившихся къ профессорскому званію, бесѣдовалъ и переписывался съ ними, содѣйствовалъ ихъ ученымъ работамъ, предпріятіямъ и путешествіямъ. Благодаря Муравьеву и по мысли его, учреждено при университетѣ нѣсколько ученыхъ обществъ." (М. И. Сухомлиновъ, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I. С.-Пб. 1866. стр. 11—12). Въ маѣ 1804 г. основано, по почину Муравьева,

Общество исторіи и древностей россійскихъ; 26-го сентября того же года — Общество испытателей природы; 2-го января 1805 г.—Общество соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ. Обзоръ дѣятельности Муравьева за этотъ періодъ его жизни изложенъ въ „Исторіи Московскаго университета“ Шевыревымъ, который пользовался, между прочимъ, бумагами Михаила Никитича, полученными отъ Погодина. Бумаги эти заключаютъ въ себѣ записки Муравьева, касающіяся Московскаго университета, отчеты и письма многихъ профессоровъ. Въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей росс. 1861 г., кн. III, напечатаны письма къ Муравьеву профессоровъ Двигубскаго, Мудрова, Р. Тимковскаго, Болдырева и Чеботарева. Здѣсь кстати замѣтить, что въ Чертковской библіотекѣ хранятся письма Михаила Никитича къ отцу и сестрѣ его, Ѳедосьѣ Никитичнѣ, бывшей замужемъ за С. М. Лупинымъ.

Преобразовательная дѣятельность Муравьева коснулась и университетской типографіи, которая перестала отдаваться на откупъ и поступила въ непосредственное вѣдѣніе университетскаго правленія. Въ это время при университетѣ стали выходить Московскія Ученыя Вѣдомости (1805—1807 гг.) и Журналъ изящныхъ искусствъ (1807 г.), издававшіеся профессоромъ Буле, сотрудниками котораго и переводчиками его статей на русскій языкъ были Н. Ѳ. Кошанскій и Я. И. Де-Сангленъ. Первый изъ этихъ журналовъ печаталъ библіографію замѣчательныхъ ученыхъ сочиненій, выходившихъ въ Россіи и за границею; кромѣ того, слѣдилъ за всею ученою дѣятельностью университета и его обществъ и давалъ о ней постоянные отчеты. Второй журналъ, котораго вышло всего три номера, былъ посвященъ теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ. Статьи Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостей и Журнала изящныхъ искусствъ большею частію просматривались самимъ Муравьевымъ; онъ же доставлялъ и рисунки для послѣдняго изданія и неусыпно слѣдилъ за его ходомъ. Самый планъ обоихъ изданій принадлежалъ Михаилу Никитичу (Исторія Московскаго Университета, стр. 378—380; Словарь профессоровъ Московскаго Университета, ч. I, стр. 123 и далѣе). Въ одинъ годъ съ Журналомъ изящныхъ искусствъ сталъ выходить и Другъ Юношества, издателемъ котораго былъ М. И. Невзоровъ. Послѣдній въ предисловіи къ январской книжкѣ своего журнала за 1809 годъ говоритъ: „Ежемѣсячное сіе изданіе начально бытіемъ своимъ обязано покойному попечителю Московскаго университета М. Н. Муравьеву, которому весь университетъ и я лично въ особливости одолжаюся быть навсегда благодаренъ за его милости и благодѣянія. Онъ, любя почти до пристрастія Московскій университетъ и желая всячески его прославить, старался, чтобъ отъ него печатались разныя классическія книги на разныхъ языкахъ, и между тѣмъ желалъ, чтобъ выдавалось и въ типографіи университетской печаталось какое-нибудь повременное изданіе, касающееся воспитанія, подъ именемъ Друга Дѣтей или другимъ. Я и по должности, отъ него на меня возложенной, и желая доброму его въ существѣ своемъ намѣренію удовлетворить, взялъ трудъ сей на себя и рѣшился издавать такого рода изданіе подъ названіемъ Друга Юношества“. Въ посвященіи первой книжки журнала М. Н. Муравьеву издатель, между прочимъ, говоритъ: „Неусыпныя старанія вашего превосходительства о благѣ и просвѣщеніи ввѣреннаго попеченію вашему

юношества даютъ вамъ неоспоримое право называться благодѣтелемъ и другомъ юношества". Муравьеву же посвятилъ Невзоровъ и свои стихотворенія, изданныя еще въ 1804 году. Въ другомъ мѣстѣ своего журнала Невзоровъ такимъ образомъ характеризуетъ Муравьева: „Память сего мужа для чувствующихъ цѣну благотворныхъ добродѣтелей будетъ незабвенна. Всѣ добрые люди, его знавшіе, говорятъ: онъ былъ предобрый человѣкъ" (Д р. Ю н. 1809 г., декабрь).

Литературная дѣятельность Муравьева началась очень рано. Въ собраніи рукописей его, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, есть большой переводъ его съ французскаго, по видимому, приготовленный для печати и помѣченный 1768 годомъ. Затѣмъ, въ собраніяхъ сочиненій его есть „Эклога", написанная въ подражаніе Виргилію, съ посвященіемъ А. В. Олешеву. Стихотвореніе это помѣчено 1771 годомъ, слѣдовательно, написано, когда автору было 14 лѣтъ. Отдѣльно изданные труды его, начиная съ 1773 года, исчислены (впрочемъ не вполнѣ) въ „Справочномъ, словарѣ" Геннади. Кромѣ того, произведенія Муравьева печатались въ Опытахъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія 1778 и 1783 гг., сотрудникомъ котораго Михаилъ Никитичъ былъ съ 1776 года (въ IV части Трудовъ находится, между прочимъ, стихотвореніе „Роща", написанное гекзаметромъ, и переводы въ стихахъ изъ Горація, а въ VI части—„Разсужденіе о различіи слоговъ: высокаго, великолѣпнаго, величественнаго, громкаго, надутаго"); затѣмъ въ Утреннемъ Свѣтѣ 1778 г., въ Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова 1783 г., въ Аонидахъ 1797 г., въ Вѣстникѣ Европы 1810 и 1820 гг. и въ Сынѣ Отечества 1815 г. Въ Эфемеридахъ 1804 г., служащихъ продолженіемъ Опыта трудовъ вольнаго россійскаго собранія, напечатаны составленныя Муравьевымъ біографическія извѣстія о Барсовѣ и Шаденѣ (см. Исторію Московскаго университета, стр. 349). Погодинъ напечаталъ въ Москвитянинѣ 1855 г., № 6, біографію Н. А. Львова, найденную въ бумагахъ Михаила Никитича, и сочиненіе ея приписалъ послѣднему; но она написана Ѳ. П. Львовымъ (Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. I, стр. 512).

Н. Ѳ. Кошанскій упоминаетъ, что послѣ Муравьева осталось въ рукописи нѣсколько пѣсенъ поэмы: „Полтавская побѣда" и переводъ латинскими стихами „Петріады" Ломоносова (Вѣстникъ Европы 1807 г., ч. 35, № 19, стр. 192). Въ бумагахъ Муравьева остались также отрывки изъ трагедіи „Болеславъ" (см. П. Собр. Сочиненій Муравьева, т. III, стр. 270, примѣчаніе). По поводу этой трагедіи, начатой еще въ 1775 г., какъ видно по рукописямъ Императорской Публ. Библіотеки, самъ Михаилъ Никитичъ говоритъ: „Я рѣшился или совсѣмъ не писать стиховъ, или кончить „Болеслава". Симъ сочиненіемъ хочу я быть извѣстенъ. Хочу идти тою же стезею, какою шли Сумароковъ, Херасковъ, Майковъ, Княжнинъ, и отрицаюсь отъ всего другаго" (ibid., стр. 270). Въ „Извѣстіяхъ о упражненіяхъ Императорской Россійской Академіи" за 1804 годъ сказано, что Муравьевъ въ засѣданіи 2-го іюля читалъ „сочиненія своего Каледонскій балладъ, въ стихахъ" (Сочиненія и переводы, издаваемые Россійскою Академіею, ч. VI, стр. 46).

М. Н. Муравьевъ былъ членомъ Россійской академіи съ 28-го мая 1804 г.

(ibid., стр. 45), академіи художествъ и ученыхъ обществъ при Московскомъ университетѣ, а также почетнымъ членомъ Виленскаго университета и Лейпцигскаго общества латинской литературы, что̀ видно изъ надгробной надписи на могилѣ его. Карамзинъ, обязанный Муравьеву званіемъ историографа, издалъ его сочиненія подъ названіемъ: „Опыты исторіи, словесности и нравоученія“, въ 2-хъ частяхъ, съ портретомъ автора (Р. Арх. 1867 г., ст. 456). Въ 1-й части находится 16 мелкихъ статей, касающихся предметовъ, которые Муравьевъ преподавалъ съ 1785 г. великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, и „Разговоры мертвыхъ“. Часть статей, заключающихся здѣсь, была издана еще самимъ авторомъ, а именно: 1) Разговоры въ царствѣ мертвыхъ. Въ градѣ святаго Петра. MDCCXC года. Въ 4-ку; 2) Опыты исторіи, письменъ и нравоученія. Печатано въ Императорской Типографіи 1796 г. Въ 8-ку. Но обѣ эти книжки, кажется, не были пущены въ публику. Во 2-й части карамзинскаго изданія помѣщены: „Обитатель предмѣстія“, „Оскольдъ“ и „Краткое начертаніе Россійской исторіи“. Сочиненіямъ Муравьева предпослано слѣдующее предисловіе Карамзина:

„Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, избранный Екатериною Великою участвовать въ воспитаніи августѣйшихъ внуковъ ея, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Павловича и его императорскаго высочества, цесаревича и великаго князя Константина Павловича, имѣлъ счастіе преподавать имъ наставленія въ исторіи и въ нравственности. Собранныя здѣсь творенія, найденныя между бумагами покойника, большею частію относятся къ сему предмету и были имъ писаны въ сіе время.

„Мысли и правила автора изображаютъ прекрасную, нѣжную душу его, исполненную любви къ общему благу. Каковъ онъ былъ въ мысляхъ и въ чувствованіяхъ, таковъ и въ дѣлахъ: хвала истинная и не всегда заслуживаемая самыми людьми умнѣйшими!

„Говорить ли о рѣдкихъ знаніяхъ покойника? Всѣ главныя произведенія разума человѣческаго, древніе и новые языки, науки историческія, умозрительныя и естественныя были ему извѣстны. Въ послѣдніе годы жизни, пользуясь справедливою довѣренностію монарха, имъ обожаемаго, и будучи обремененъ дѣлами по государственной службѣ, онъ не оставлялъ безъ вниманія ни одной хорошей книги, выходившей въ свѣтъ на какомъ-нибудь языкѣ европейскомъ. Страсть въ ученію равнялась въ немъ только съ страстію къ добродѣтели.

„Не любовь къ памяти незабвеннаго для насъ мужа, но—смѣемъ прибавить—и любовь къ отечественной славѣ заставляетъ насъ издать его творенія, писанныя не для печати, ибо скромность, даже излишняя, не позволяла ему быть въ сношеніи съ публикою. Онъ искалъ только внутренняго одобренія совѣсти—по слову Цицеронову: „mea mihi conscientia pluris est quam omnium sermo“, и самая искренняя, дружеская похвала приводила его въ краску.

„Сердца добрыя, одаренныя любовью къ изящному, не будутъ укорять насъ личнымъ пристрастіемъ. Судъ иныхъ читателей оставимъ безъ уваженія“.

Издавая сочиненія М. Н. Муравьева, Карамзинъ исправлялъ отчасти слогъ его, въ чемъ легко убѣдиться, сравнивъ изданіе 1810 г. съ предшествующими, сдѣланными самимъ авторомъ. Въ Чертковской библіотекѣ въ Москвѣ сохра-

нился экземпляръ этихъ первоначальныхъ изданій съ поправками Карамзина и съ его собственноручнымъ послѣсловіемъ, которое въ изданіи 1810 г. напечатано въ видѣ предисловія.

По поводу изданія 1810 г. Батюшковъ писалъ Гнѣдичу изъ Москвы, отъ 13-го марта 1811 г., слѣдующее: „Муравьева сочиненія доказываютъ, что онъ былъ великаго ума, рѣдкихъ познаній и самой лучшей души человѣкъ. Ихъ нельзя читать безъ удовольствія. Они заставляютъ размышлять“ (III, 115). Позже, въ 1812—1815 гг., Е. Ѳ. Муравьева поручила приготовленіе къ печати тѣхъ сочиненій своего мужа, которыя не вошли въ изданіе 1810 г., В. А. Жуковскому; но онъ медлилъ, и Батюшковъ, возвратясь изъ-за границы въ іюлѣ 1814 г., пенялъ ему за его медленность (III, 304—306), убѣждалъ не отказываться отъ даннаго ему порученія, одобрялъ составленный Жуковскимъ планъ изданія и вызывался быть ему сотрудникомъ при печатаніи стиховъ Муравьева (III, 346, 357—358). Въ концѣ концовъ однако Жуковскій, отвлеченный другими дѣлами, устранился отъ участія въ этомъ предпріятіи, а между тѣмъ, еще раньше, чѣмъ покончились съ нимъ переговоры по этому дѣлу, въ 1815 г., вышло въ Петербургѣ изданіе „Обитателя предмѣстія“ и „Эмиліевыхъ писемъ“, сдѣланное при участіи А. Н. Оленина и К. Н. Батюшкова: первому принадлежитъ въ этомъ изданіи заглавный листъ съ рисункомъ, изображающимъ бесѣду воспитанника съ своимъ наставникомъ, въ лицѣ котораго представленъ самъ Муравьевъ; второй помѣстилъ въ этомъ изданіи свое письмо о сочиненіяхъ Муравьева и, кромѣ того, предисловіе и два примѣчанія. Вотъ предисловіе Батюшкова:

„Разбирая бумаги покойнаго М. Н. Муравьева, мы нашли сочиненіе подъ названіемъ „Эмиліевы письма“, которое можетъ служить продолженіемъ „Обитателя предмѣстія“, отрывка, напечатаннаго въ собраніи его сочиненій: „Опыты исторіи, словесности и нравоученія“ (Москва. 1810 г.). Теперь „Обитатель предмѣстія“ и „Письма Эмиліевы“ составятъ цѣлую особенную книгу, которую наставники могутъ съ пользою вручить дѣтямъ. Зная недостатокъ въ книгахъ, воспитанію посвященныхъ, мы съ удовольствіемъ взяли на себя трудъ издателей и счастливыми себя почитать будемъ, если заслужимъ одобреніе нѣжныхъ матерей и наставниковъ. Переводы иностранныхъ книгъ, часто малые и дурные, не удовлетворяютъ ихъ желанію; лучшія произведенія въ прозѣ нашихъ писателей не могутъ находиться вполнѣ въ рукахъ юношества по возвышенности слога и по содержанію. Чѣмъ замѣнить ихъ? Иностранными книгами, гдѣ ни слова нѣтъ о Россіи, гдѣ все переноситъ юное воображеніе въ землю неизвѣстную, къ предметамъ, для него вовсе чуждымъ, и такимъ образомъ даетъ ему обо всемъ ложныя понятія. „Обитатель предмѣстія“ и „Эмиліевы письма“ замѣнятъ отчасти—такъ кажется намъ—сей недостатокъ въ книгахъ для воспитанія. Здѣсь авторъ часто говоритъ о Россіи, о древней и новой словесности, какъ пламенный любитель всего прекраснаго. Каждое письмо можетъ служить урокомъ словесности и нравственности. Вообще къ нашему писателю можно примѣнить стихи г. Дмитріева:

„Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
„Мать дочери велитъ труды его читать“.

Принадлежность этого предисловія Батюшкову доказывается тѣмъ, что оно по большей части повторяетъ содержаніе и даже выраженія одного изъ примѣчаній къ первому изданію „Письма о сочиненіяхъ Муравьева“ въ Сынѣ Отечества (см. выше въ варіантахъ къ стр. 80).

Упомянутыя выше примѣчанія Батюшкова суть слѣдующія:

I (стр. 188). „Сей отрывокъ, важный по своему содержанію, не принадлежитъ къ „Тетради для сочиненій въ Никольскомъ“.

Это примѣчаніе относится къ статьѣ Муравьева: „Пользы и затрудненія государственнаго званія“, помѣщенной въ концѣ книги, послѣ „Тетради“.

II (стр. 190). „Сія карта хранится въ Парижской императорской, нынѣ королевской, библіотекѣ. Французы съ удовольствіемъ показывали ее русскимъ офицерамъ“.

Это примѣчаніе, относящееся къ той же статьѣ и касающееся карты Каспійскаго моря съ собственноручными поправками Петра Великаго, содержитъ въ себѣ одно изъ воспоминаній Батюшкова о пребываніи его въ Парижѣ въ 1814 году (В. С.).

— (Стр. 74). „Кто зналъ сего мужа въ гражданской и семейственной его жизни, тотъ могъ легко угадывать самыя тайныя помышленія его души“. Съ этими словами слѣдуетъ сопоставить слѣдующія въ письмѣ Батюшкова къ Жуковскому отъ декабря 1815 года: „Для (изданія) стиховъ (Муравьева) я могъ бы быть полезенъ: я поправляю или, лучше сказать, угадываю мысли Михаила Никитича довольно удачно. А въ рукописи надобно многое перемѣнить“ (III, 358). Изъ этого сопоставленія видно, что подъ угадываніемъ мыслей Муравьева Батюшковъ разумѣлъ исправленіе его слога и вполнѣ сочувствовалъ редакторскому труду Карамзина при изданіи 1810 года. Нѣсколько поправокъ рукою Жуковскаго можно замѣтить въ рукописи стихотвореній М. Н. Муравьева, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

— (Стр. 74). При перепечаткѣ „Письма“ Батюшковъ счелъ нужнымъ сократить свой жесткій отзывъ о журналистахъ, не обратившихъ вниманія на изданіе сочиненій Муравьева. Исключенію подверглись также (см. варіанты къ стр. 74) нѣкоторые любопытные намеки, которые заслуживаютъ разъясненія.

Подъ календарями объяденія слѣдуетъ разумѣть книгу: Прихотникъ, указующій легчайшіе способы имѣть наилучшій столъ. Годъ первый, содержащій въ себѣ Календарь Объяденія и Сытный Дорожникъ; съ полнымъ описаніемъ лакомыхъ блюдъ каждаго мѣсяца, также всѣхъ животныхъ, птицъ, рыбъ и растеній, приготовляемыхъ въ послѣднемъ вкусѣ. Переводъ съ французскаго. Въ С.-Петербургѣ, въ типографіи И. Глазунова 1809 года.—Переводу этому переводчикъ и издатель предпослали довольно длинное посвященіе какому-то „доброму хозяину и любезному хлѣбосолу“, котораго они именуютъ „вашимъ превосходительствомъ“. Довольно остроумный разборъ этой книги, съ разными разсужденіями о гастрономіи, дѣйствительно помѣщенъ въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 49, № 2, стр. 137—146, съ подписью Т. Странное названіе „календарь объяденія“ объясняется какъ переводъ съ французскаго

„Almanach des Gourmands“: такъ называлось, выходившее въ Парижѣ съ 1803 по 1811 г. и пользовавшееся большимъ успѣхомъ, повременное изданіе плохаго писателя, но большаго гастронома Гримо де-ла-Рейньера (см. о немъ и его изданіи въ книгѣ Ch. Monselet, Les Oubliés et les Dédaignés. Figures littéraires de la fin du XVIII siècle. P. 1859, II-ème partie, p. 173—291). Во французскомъ языкѣ слово almanach имѣетъ значеніе и календаря, и альманаха, какъ собственно литературнаго сборника: извѣстный „Almanach des Muses“ прошлаго вѣка соединялъ въ себѣ то и другое. У насъ напротивъ того, упрочилось сперва слово календарь; слово же альманахъ, особенно въ литературномъ смыслѣ, пошло въ ходъ только съ 1820-хъ годовъ. Но еще Пушкинъ, въ 1824 г., писалъ брату: „Пришлите мнѣ всевозможные календари, кромѣ придворнаго и академическаго“—очевидно, разумѣя литературные альманахи (см. Соч. Пушкина, изд. 8-е, т. VII, стр. 104—105; ср. 90). А. Ѳ. Воейковъ, въ своемъ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ“, написанномъ около 1816 г., не затруднился сказать: „Кн. Козловскій—при дополненіи календаря объѣденія“ (Р. Архивъ, 1866 г., стр. 763).

Несочувственное упоминаніе Батюшкова о полунѣмецкихъ драмахъ доказываетъ, что и въ 1814 году онъ оставался при тѣхъ же воззрѣніяхъ на драматургію, какія высказывалъ въ 1807—1809 гг. (т. III, стр. 8, 27). То же упорство въ псевдоклассическихъ предразсудкахъ найдемъ и у его современниковъ, напримѣръ, у Гнѣдича, Катенина и т. д. Пресловутый умникъ Вигель скорбѣлъ о паденіи псевдоклассической трагедіи даже въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ, когда писалъ свои „Воспоминанія“ (см. особенно ч. III, стр. 121—122). Но еще съ 1770-хъ гг., съ тѣхъ поръ какъ успѣхъ мѣщанскихъ драмъ на московской сценѣ раздражилъ Сумарокова, наша театральная публика, при всей своей неразвитости, стала обнаруживать влеченіе къ сценической правдѣ и естественности,—ибо качествъ этихъ было все-таки болѣе въ мѣщанскихъ драмахъ, даже второстепенныхъ писателей, чѣмъ въ псевдоклассическихъ трагедіяхъ на героическіе сюжеты. Этимъ объясняется долгій театральный успѣхъ Коцебу—вопреки неодобренію присяжныхъ литераторовъ, точно также какъ и успѣхъ—у средней публики—семейственныхъ романовъ Авг. Лафонтена. Объ этихъ послѣднихъ Батюшковъ тоже упоминаетъ наряду съ драмами, и также несочувственно.

— (**Стр. 74, прим.**). Батюшковъ не совсѣмъ точно относитъ Гнѣдичево „Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности“ къ 1813 году: оно было читано публично 2-го января 1814 г. и помѣщено въ брошюрѣ: Описаніе торжественнаго собранія Императорской Публичной Библіотеки, бывшаго генваря 2 дня 1814 года. С.-Пб. 1814. Считаемъ не лишнимъ представить нѣсколько замѣчаній объ этомъ разсужденіи, появленіе котораго было въ свое время довольно крупнымъ литературнымъ событіемъ.

Содержаніе разсужденія Гнѣдича заключается въ отвѣтѣ на вопросъ о томъ: „отъ чего, при такомъ множествѣ выходящихъ у насъ книгъ, мы такъ мало видимъ хорошихъ сочиненій, даже хорошихъ переводовъ, даже выборовъ для нихъ хорошихъ?“ Происходитъ это, по мнѣнію Гнѣдича, не отъ недостатка у насъ дарованій, а отъ недостатка ученія и искусства, главнымъ образомъ—

оттого, что у насъ нѣтъ ученія классическаго и знанія языковъ древнихъ, которые вели бы къ знакомству съ классическими образцами, питающими и укрѣпляющими разумъ и облагораживающими душу.

Почти все разсужденіе Гнѣдича представляетъ сплошь повтореніе мыслей, уже высказанныхъ въ русской литературѣ другими раньше его. Источниками Гнѣдичу служили, съ одной стороны, Карамзинъ, который еще въ 1803 г. разсматривалъ вопросъ о томъ: „отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ", а съ другой, и главнѣйшимъ образомъ—И. М. Муравьевъ-Апостолъ, котораго „Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ" начали печататься въ Сынѣ Отечества съ августа 1813 года. У Карамзина заимствованы нѣкоторыя частности, у Муравьева же Гнѣдичъ взялъ какъ основную идею свою, такъ и ея развитіе: въ „Письмахъ въ Нижній" также говорится о жалкомъ состояніи у насъ просвѣщенія, о рабствѣ нашемъ предъ французскою образованностью и о томъ, что исцѣлиться отъ галломаніи русское общество можетъ только однимъ средствомъ—усиленіемъ школьнаго классическаго ученія: „Пока мы не будемъ учиться, то-есть, посвящать все время перваго возраста, отъ 7 до 15 лѣтъ, на изученіе греческаго или, по крайней мѣрѣ латинскаго языка, вмѣстѣ съ русскимъ, основательно, эстетически,—до тѣхъ поръ мы.... будемъ не говорить, а болтать, не писать, а марать бумагу" (письмо IV-е). Есть однако и существенная разница между „Письмами" Муравьева и „Разсужденіемъ" Гнѣдича: у перваго аргументація въ пользу вѣрной основной мысли не только блестяща и оригинальна, но и сильна и убѣдительна; у втораго тѣ же мысли изложены вяло, расплывчиво и напыщенно; въ „Письмахъ" видно широкое образованіе ихъ автора и высказывается неподдѣльное его уваженіе къ великимъ представителямъ западно-европейскихъ литературъ (Шекспиру, Клопштоку, Шиллеру и друг.), которыя авторъ дѣйствительно знаетъ; въ рѣчи Гнѣдича находимъ довольно странныя сужденія о Шекспирѣ (стр. 62—63) и такія замѣчанія о нѣмецкой словесности (стр. 77), которыя показываютъ, что авторъ имѣлъ о ней весьма смутныя понятія [1]); а между тѣмъ, осуждая нѣмецкую „метафизическую" поэзію и меланхолію—„странности, не имѣющія ни роду, ни имени", Гнѣдичъ мѣтилъ, по видимому, на Жуковскаго (см. А. Д. Галахова, Исторія русской словесности, т. II, изд. 2-е, стр. 283). Муравьевъ вовсе не упоминаетъ о Карамзинѣ даже тамъ, гдѣ говоритъ объ образованіи русскаго прозаическаго слога (письмо 10-е), но и по этому предмету, и по многимъ другимъ (о дворянскомъ образованіи, о пренебреженіи Русскихъ къ родному языку и т. п.) онъ высказываетъ почти тѣ же мысли, какія выражалъ и Карамзинъ въ своихъ статьяхъ: „О любви къ отечеству и народной гордости" (1802 г.) и „Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?" (1803 г.), и въ рѣчи, произнесенной въ Россійской академіи (1818 г.); словомъ, Муравьевъ имѣетъ самостоятельное воззрѣніе на вещи, которое вообще отдѣляется отъ карамзинскаго, но

[1]) Сходныя мысли о нѣмецкой литературѣ находимъ въ рѣчи „О предметахъ, свойствѣ и вліяніи изящнаго вкуса на счастіе жизни", проф. П. А. Сохацкаго, котораго Гнѣдичъ, вѣроятно, слушалъ въ Московскомъ университетѣ (см. Словарь профессоровъ Московскаго университета, т. II, стр. 438).

иногда и сходится съ нимъ [1]). Напротивъ того, Гнѣдичъ не чуждается Карамзина: съ похвалою отзывается о его прозѣ (стр. 92—93), но рядомъ съ нею ставитъ и прозу М. Н. Муравьева—очевидно, не подозрѣвая, что тотъ же Карамзинъ выправлялъ ее для изданія 1810 г.,—и тутъ же, какъ замѣтилъ еще Я. К. Гротъ (Письма Карамзина къ Дмитріеву, прим., стр. 79), дѣлаетъ косвенную выходку противъ преобразователя русскаго слога; другую подобную выходку можно видѣть на стр. 82 Гнѣдичева „Разсужденія", гдѣ русскіе писатели укоряются за то, что позволили чужестранцамъ предупредить себя въ изображеніи великихъ русскихъ государей и героевъ. И это говорилось много лѣтъ спустя послѣ появленія, въ Вѣстникѣ Европы, замѣчательныхъ историческихъ опытовъ Карамзина, когда — какъ всѣмъ было извѣстно — онъ оканчивалъ уже VIII-й томъ „Исторіи Государства Россійскаго"! Понятно, что Карамзинъ оскорбился такимъ недоброжелательнымъ отношеніемъ къ его литературной дѣятельности: въ письмѣ къ Дмитріеву, отъ 30-го іюня 1814 г., онъ говоритъ о рѣчи Гнѣдича иронически (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 183, ср. стр. 181).

Похвала М. Н. Муравьеву, о которой упоминаетъ Батюшковъ, высказана въ „Разсужденіи" Гнѣдича (стр. 93) въ слѣдующихъ словахъ: „Прозаическія сочиненія М. Н. Муравьева, мужа, оставившаго по себѣ незабвенную память для музъ Московскаго университета, принадлежатъ у насъ.... къ малому числу произведеній, отличныхъ красотою слога и достоинствомъ писателя, образованнаго вкусомъ древнихъ". Къ этимъ словамъ слѣдуетъ еще выноска: „Сіи достоинства болѣе всего обнаруживаются въ прекрасной исторической повѣсти „Оскольдъ".

— (Стр. 75). Къ сравненію журналистовъ съ актерами въ первомъ изданіи „Письма" Батюшкова было прибавлено примѣчаніе, въ которымъ онъ съ похвалой отзывается о критикахъ Д. В. Дашкова, П. И. Макарова и А. П. Бенидкаго.

Макаровъ, Петръ Ивановичъ, родился около 1765 г. Отецъ его, Иванъ Дмитріевичъ, былъ губернскимъ предводителемъ дворянства Казанской губерніи. Молодой Макаровъ началъ службу въ казанской артиллеріи. Пріѣхавъ впослѣдствіи въ Петербургъ, онъ прожилъ все свое состояніе, вышелъ въ отставку и въ 1795 году отправился путешествовать по Англіи. Живя здѣсь, онъ надѣ-

[1]) Здѣсь кстати можно указать на одно мѣсто въ сочиненіяхъ Карамзина, которое могло подать поводъ считать его не сочувствующимъ классическому образованію. Въ концѣ статьи „Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ" между прочимъ говорится: „Образцы благороднаго русскаго краснорѣчія едва ли не полезнѣе самыхъ классовъ латинской элоквенціи, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилія". Быть можетъ, въ этомъ, впрочемъ не безусловномъ, отрицаніи пользы латинской элоквенціи слѣдуетъ видѣть намекъ на проф. Сохацкаго, съ которымъ у Карамзина были старые литературные счеты (Словарь проф. Моск. унив., II, 440; Филологич. Разысканія Я. К. Грота, изд. 2-е, ч. I, стр. 71). Карамзинъ не зналъ по гречески, но свободно читалъ по латыни, какъ это видно изъ многихъ примѣчаній къ „Исторіи Государства Россійскаго".

лалъ долговъ и, не имѣя возможности заплатить ихъ, бѣжалъ на родину. Но по пріѣздѣ въ Петербургъ, не смотря на свои стѣсненныя обстоятельства, онъ выслалъ кредиторамъ должную сумму. Макаровъ умеръ въ 1804 году, во время своего путешествія въ Польшу. Въ литературѣ Макаровъ извѣстенъ главнымъ образомъ, какъ издатель Московскаго Меркурія (1803 г.). Принадлежа къ послѣдователямъ Карамзина, онъ вступилъ въ литературный споръ съ Шишковымъ, когда послѣдній издалъ свое „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ". Критика его на книгу Шишкова напечатана въ 12-мъ нумерѣ Московскаго Меркурія. Сочиненія Макарова изданы въ 2-хъ томахъ, въ Москвѣ, 1805 и 1817 гг. См. о П. И. Макаровѣ статью Г. Н. Геннади въ Современникѣ 1854 г., № 10, а также въ его Словарѣ.

Александръ Петровичъ Беницкій или Бенитцки, какъ онъ самъ иногда подписывался, родился въ 1780 году; воспитаніе получилъ въ пансіонѣ Шадена, гдѣ и изучилъ основательно нѣмецкій и французскій языки. По выходѣ изъ пансіона, Беницкій поступилъ въ армію, но по слабости здоровья прослужилъ съ небольшимъ только четыре года и въ чинѣ поручика уволенъ въ отставку. Послѣ того онъ до самой смерти находился при коммиссіи составленія законовъ. Умеръ въ Петербургѣ отъ чахотки 30-го ноября 1809 г. (Цвѣтникъ 1809 г., ч. IV, стр. 264 — 265; Опытъ краткой исторіи русской литературы Греча, стр. 327). Беницкій былъ одинъ изъ раннихъ пріятелей Батюшкова. Послѣдній часто вспоминаетъ о немъ въ письмахъ къ Гнѣдичу, какъ о человѣкѣ съ пылкою, благородною душой, съ большимъ умомъ и литературнымъ талантомъ. Онъ сравниваетъ Беницкаго съ французскимъ сатирикомъ Жильберомъ (Gilbert, Nicolas-Joseph-Laurent, род. 1751 г., ум. 1780), произведенія котораго отличаются мрачнымъ мизантрапическимъ характеромъ, вслѣдствіе житейскихъ неудачъ, преслѣдовавшихъ этого писателя. Дѣйствительно, Беницкій обладалъ несомнѣннымъ дарованіемъ и скоро пріобрѣлъ литературную извѣстность, главнымъ образомъ благодаря своимъ сказкамъ и „восточнымъ" повѣстямъ, которыя отличались живымъ, интереснымъ разказомъ, остроуміемъ и хорошимъ языкомъ. Первые литературные опыты Беницкаго появились въ печати въ 1805 году. Въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, ч. VII, стр. 316—332, помѣщена „Комала, пѣснь Оссіана" съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Въ одномъ изъ нѣмецкихъ періодическихъ изданій находится сія піеса, стихами, раздѣленная на явленія. Я сдѣлалъ подражаніе съ перевода г. Кострова". Въ Журналѣ Росс. Словесности напечатано нѣсколько лирическихъ стихотвореній, какъ напримѣръ: „Гробница друга" (ч. I, стр. 166—170), „Къ амуру" (ч. II, стр. 35—36), „Пѣснь Вакху" (ч. II, стр. 36—39), „Весна" (ч. II, стр. 85—88) „Развалины" (ч. II, стр. 141—146), „Кончина Шиллера" (ч. II, стр. 201—204); встрѣчаются также эпитафіи, надписи, эпиграммы, басни и сказка въ стихахъ: „Вдова" (ч. II, стр. 154—159). Изъ прозаическихъ статей помѣщены: „Перстень, восточная повѣсть" (ч. II, стр. 117—120) и „Камоэнсъ, творецъ Лузіады", изъ „Taschenbuch der Reisen" Циммермана (ч. II, стр. 121—129). Большая часть произведеній Беницкаго напечатана здѣсь съ подписью А. Бе и Бу. К—и. Въ 1807 году Беницкій издалъ „Талію или собраніе разныхъ новыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Книжка I". Въ предисловіи издатель между прочимъ говоритъ: „Въ числѣ новыхъ піесъ помѣщены здѣсь

двѣ или три старыя; причиною сему то, что онѣ были напечатаны съ ошибками, затемнившими смыслъ ихъ, или что онѣ выправлены: слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ имѣютъ нѣкоторое право на помѣщеніе въ собраніи новыхъ сочиненій. Переводовъ, исключая три, четыре анекдота прозою, нѣтъ". Первая книжка этого сборника (вторая хотя и была отпечатана, но по какимъ-то обстоятельствамъ въ свѣтъ не вышла) состоитъ изъ произведеній Н. И. Гнѣдича, С. С. Боброва, П. Г. Политковскаго, В. В. Попугаева, К. Н. Батюшкова, И. И. Дмитріева, А. Х. Востокова и др. Самому издателю принадлежатъ: „Ибрагимъ или великодушный, восточная повѣсть", „Параллели: 1) Женщина и дама, 2) Умный и дуракъ"; „Бедуинъ" (повѣсть). Изъ стихотвореній Беницкаго сюда вошли: „Комала", уже прежде напечататанная въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1805 г., „Мотылекъ и роза" и Отчаянная любовь", нѣсколько эпиграммъ и 13 басенъ. Многія произведенія Беницкаго напечатаны безъ подписи или означены такъ: —Ъ. —И. — Въ 1809 году Беницкій вмѣстѣ съ А. Е. Измайловымъ издавалъ ежемѣсячный журналъ Цвѣтникъ, въ которомъ сотрудниками были главнымъ образомъ писатели карамзинскаго направленія. По смерти Беницкаго Цвѣтникъ хотя и просуществовалъ еще годъ подъ редакціей А. Е. Измайлова и П. А. Никольскаго, но уже не отличался прежнею занимательностію и разнообразіемъ содержанія. Не задолго до смерти Беницкаго Батюшковъ писалъ между прочимъ Гнѣдичу: „Беницкаго, котораго въ тайнѣ музы и три, четыре человѣка много жалѣть будутъ, я думаю, не стало. Безъ него и Цвѣтникъ такъ завялъ, какъ у меня въ саду послѣ осенніхъ дождей китайскій макъ" (т. III, стр. 42). Къ болѣе замѣчательнымъ оригинальнымъ произведеніямъ Беницкаго, помѣщеннымъ въ Цвѣтникѣ 1809 г., принадлежатъ: 1) „На другой день, индѣйская сказка" (ч. I, стр. 6—49); 2) „Восточныя сказанія" (стр. 172—178; 304—309); 3) „Похвальное слово Пипинькѣ" (стр. 214—218); 4) „Нѣчто о баснѣ" (ч. II, стр. 226 — 237); 5) „Грангулъ", драм. бездѣлка (стр. 19 — 54). Кромѣ того, есть нѣсколько басенъ и лирическихъ произведеній, къ числу которыхъ принадлежитъ и „Лѣтняя ночь" (стр. 190), неосновательно приписанная М. Н. Лонгиновымъ Батюшкову. Изъ переводовъ Беницкаго здѣсь помѣщены: 1) статьи изъ „Taschenbuch der Reisen": „Западная Индія" (ч. I, стр. 59 — 83); „Надгробная рѣчь, говоренная по смерти надовесскаго воина" (ч. I, стр. 105—108); „Сахаръ" (ч. I, стр. 184—210); 2) „Возвращеніе Бахуса изъ Индіи", дифирамбъ, вольный переводъ стихами изъ сочин. Вилламова (ч. I, стр. 293—304); 3) „Германнъ и Туснельда", изъ Клопштока (стр. II, стр. 149—153); 4) „Балклута, отрывокъ изъ Оссіановой поэмы: Картонъ" (ч. III, стр. 65 — 68); 5) „Преступникъ отъ безславія", изъ Шиллера (ч. II, стр. 84—114; 154—184). Очевидно, Беницкій отдавалъ предпочтеніе нѣмецкой литературѣ передъ французскою, что, безъ сомнѣнія, имѣло вліяніе на развитіе его литературныхъ воззрѣній и на характеръ собственныхъ произведеній. Въ критическомъ отдѣлѣ Цвѣтника Беницкій также участвовалъ. Всѣ его рецензіи на новыя книги изчислены на стр. 266—267 IV-й части этого журнала. Изъ посмертныхъ произведеній Беницкаго, напечатанныхъ въ Цвѣтникѣ 1810 г., обращаетъ на себя вниманіе переводъ изъ Шиллера: „Мысли объ употребленіи въ искусствѣ обыкновеннаго и низкаго" (ч. V, стр. 7—28). Въ Благонамѣренномъ 1821 г. ч. 9, № 3, стр. 192—193, напечатано шуточное стихотвореніе: „Изъясненіе

въ любви портнаго", съ слѣдующимъ примѣчаніемъ А. Е. Измайлова: „Недавно попалось мнѣ это забавное стихотвореніе, написанное рукою покойнаго сотрудника моего и друга А. П. Беницкаго. Общіе наши съ нимъ пріятели увѣрили меня, что оно принадлежитъ ему и никогда еще не было напечатано. Какъ жаль, что онъ столь рано кончилъ жизнь свою! Самые первые опыты его упражненій въ словесности, особенно повѣсти, можно почти назвать образцовыми". По свидѣтельству того же Измайлова, Беницкому, а не Г. Г. Политковскому, какъ печаталось въ афишахъ, принадлежитъ переводъ комедіи Коцебу „Портной Фипсъ" (Благонамѣр. 1821 г., ч. 13, прибавл. къ № 3, стр. 16). Переводъ былъ изданъ въ 1808 году. Къ тому же времени относится и стихотвореніе: „Къ—ѣ—ѣ—й", напечатанное въ Драм. Вѣстникѣ, ч. III, № 68, стр. 120, съ подписью А. Бе. Друзья Беницкаго, въ рукахъ которыхъ находились многія не напечатанныя произведенія покойнаго, имѣли намѣреніе издать полное собраніе его сочиненій и переводовъ, но предпріятіе это не осуществилось (Благонамѣр. 1821 г., ч. 13, прибавл. къ № 3, стр. 16). Извѣстно между прочимъ, что послѣ Беницкаго осталась не оконченная трагедія въ стихахъ: „Неронъ" (Цвѣтникъ 1809 г., ч. IV. стр. 266) (**В. С.**).

— (**Стр. 75, прим.**). Письмо С. С. Уварова къ В. В. Капнисту, изъ котораго Батюшковъ приводитъ нѣсколько словъ, относится къ извѣстному спору между двумя названными писателями о томъ, какимъ размѣромъ слѣдуетъ переводить Иліаду (см. объ этомъ спорѣ А. Д. Галахова, Ист. р. слов., изд. 2-е, т. II, стр. 283—287); письмо Уварова появилось въ печати только въ 1815 г., въ 17-й книжкѣ Чтеній въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова; но такъ какъ статья Батюшкова о Муравьевѣ написана и напечатана еще въ 1814 году, то слѣдовательно, письмо Уварова было извѣстно Батюшкову еще въ рукописи.

— (**Стр. 76—77**). Въ своихъ „Mélanges littéraires" (1749 г.) Вольтеръ посвящаетъ особую статью разговорамъ въ прозѣ, въ которой строго разбираетъ Фонтенелевы „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ". Конечное его заключеніе таково: „Le malheur de ce livre et de ceux qui lui ressemblent est d'être écrit pour faire voir qu'on a de l'ésprit".

— (**Стр. 77**). Разговоръ Игоря и Ольги о богопочитаніи см. въ Полн. Собр. Соч. М. Н. Муравьева. т. I, стр. 310—312; разговоръ между Владиміромъ и Карломъ Великимъ—тамъ же, стр. 313—316.

— (**Стр. 78**). Мѣста, приводимыя изъ „Обитателя предмѣстія", см. въ Полн. Собр. Соч. М. Н. Муравьева, т. I, стр. 102—103 (письмо 7-е).

— (**Стр. 78, прим.**). Выписка изъ Монтаня взята изъ его Essais, livre I, chap. XXVII.—Лабоеси (Etienne de Laboétie), род. 1530 г., ум. 1563; написалъ сочиненіе „Discours de la servitude volontaire", переводилъ Плутарха, писалъ стихи и пр.; былъ другъ Монтаня и завѣщалъ ему свои рукописи.

— (Стр. 79—80). Выписки изъ Муравьева заимствованы изъ „Обитателя предмѣстія“, письмо 3-е: П. Собр. Соч. М. Н. Муравьева, т. I, стр. 81 и слѣд.

— (Стр. 80—81). Повѣсть „Оскольдъ“ въ II. Собр. Соч. М. Н. Муравьева, т. I, стр. 271—299; ср. о ней выше въ нашихъ примѣчаніяхъ, стр. 397.

— (Стр. 81, прим.). Статья Муравьева о Ломоносовѣ въ II. Сбор. Соч., т. III, стр. 215–222.

— (Стр. 83). Выписка взята изъ статьи Муравьева „Разсѣянныя черты изъ землеописанія россійскаго“: II. Собр. Соч., т. II, стр. 349-350.—Относящееся къ этой выпискѣ примѣчаніе Батюшкова говоритъ объ „Исторіи“ Карамзина, появленіе которой было ожидаемо съ нетерпѣніемъ.

— (Стр. 83). У Шиллера есть небольшая статья „Ueber Matthissons Gedichte“, изъ которой Батюшковъ приводитъ слѣдующее мѣсто: „Ein vertrauter Umgang mit der Natur und mit classischen Mustern hat seinen Geist genährt, seinen Geschmack gereinigt, seine sittliche Grazie bewahrt; eine gläutere heitere Menschlichkeit beseelt seine Dichtungen, und rein, wie sie auf der spiegelnden Fläche des Wassers liegen, malen sich die schönen Naturbilder in der ruhigen Klarheit seines Geistes“.

— (Стр. 84). „Просвѣщеніе и роскошь“: II. Собр. Соч. М. Н. Муравьева, т. III, стр. 196—199; „Блаженство“—тамъ же, стр. 51—53; „Забавы воображенія“—тамъ же, стр. 113—123.

— (Стр. 87). Нѣтъ никакихъ извѣстій о томъ, чтобъ И. М. Муравьевъ-Апостолъ написалъ свои воспоминанія о М. Н. Муравьевѣ.

— (Стр. 87). Эпистолу къ И. П. Тургеневу см. въ II. Собр. Соч. М. Н. Муравьева, т. I, стр. 61—63. Эпистола относится къ 1774 году.

Иванъ Петровичъ Тургеневъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, родился 21-го іюня 1752 г. и воспитывался въ московской университетской гимназіи въ одно время съ М. Н. Муравьевымъ, то-есть, во второй половинѣ 1760-хъ годовъ. Съ этихъ поръ и началась ихъ дружба. Впослѣдствіи Тургеневъ сталъ ревностнымъ масономъ и сблизился съ Н. И. Новиковымъ, въ семидесятыхъ годахъ, когда послѣдній жилъ еще въ Петербургѣ. Въ 1779 году Иванъ Петровичъ переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ вмѣстѣ съ Новиковымъ, Шварцемъ, княземъ Н. Н. Трубецкимъ, М. М. Херасковымъ и другими лицами принялъ дѣятельное участіе въ образованіи Дружескаго ученаго Общества и дѣлалъ щедрыя пожертвованія на предпріятія его. Съ 1784 года онъ былъ членомъ Типографической Компаніи. Въ это время Тургеневъ состоялъ генеральсъ-адъютантомъ при главнокомандующемъ, графѣ З. Г. Чернышевѣ. Въ 1785 году, вышедши въ отставку, И. П. Тургеневъ отправился въ Симбирскую губернію, гдѣ было у него имѣнье и, встрѣтивъ тамъ Карамзина, убѣдилъ его бросить свѣтскую жизнь, ѣхать въ Москву и посвятить себя литературѣ.

Когда, въ 1792 году, началось преслѣдованіе мартинистовъ, Тургеневу приказано было отправиться на житье въ свои симбирскія помѣстья. Но по вступленіи на престолъ императора Павла онъ былъ возвращенъ изъ ссылки и назначенъ, 15-го ноября 1797 года, директоромъ Московскаго университета, которымъ и управлялъ по конецъ 1803 г., когда послѣдовало преобразованіе университета, и должность директора была уничтожена. Подъ руководствомъ Тургенева въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ получили образованіе многія извѣстныя впослѣдствіи лица, въ томъ числѣ В. А. Жуковскій. Они относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, почитали какъ отца (Шевыревъ, Исторія Московскаго университета; Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты). М. И. Невзоровъ, принадлежавшій къ кругу московскихъ масоновъ, отзывается о Тургеневѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Онъ былъ мой личный благодѣтель... Онъ былъ добрый другъ юношества и многимъ молодымъ людямъ, особливо въ бытность свою директоромъ Московскаго университета, оказалъ благодѣянія, открывая возможные способы къ ученію, ободряя, награждая и даже по выходѣ изъ училищъ сыскивая разные пути къ должностямъ и благосостоянію жизни“ (Другъ Юношества 1809 г., январь, стр. 2). Въ собраніи стихотвореній Невзорова есть посланіе: „Его превосходительству И. П. Тургеневу выраженіе сердечныхъ чувствъ въ 24 день февраля 1800 г.“. Посланіе это, написанное еще въ Казани по случаю дня рожденія И. В. Лопухина, было прислано И. П. Тургеневу, какъ одному изъ ближайшихъ друзей послѣдняго. Оно перепечатано въ Другѣ Юношества 1810 г., февраль, стр. 95—101. Послѣдніе годы жизни И. П. Тургеневъ жилъ въ Москвѣ (Р. Арх. 1871 г., стр. 0148; С. П. Жихаревъ, Записки современника. Дневникъ студента. С.-Пб. 1859, стр. 37), но въ февралѣ 1807 г. пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь проводилъ время преимущественно у М. Н. Муравьева (С. П. Жихаревъ, Дневникъ чиновника въ Отеч. Зап. 1855 г., т. CI, стр. 140). Здѣсь Тургеневъ и умеръ 28-го февраля 1807 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, рядомъ со своимъ старшимъ сыномъ, Андреемъ Ивановичемъ (род. 1-го октября 1781 г., ум. 8-го іюля 1803 г.).

Въ литературѣ И. П. Тургеневъ извѣстенъ, какъ авторъ сочиненій: 1) „Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ“. И. В. Лопухинъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что сочиненіе это было переведено на французскій языкъ и пущено въ продажу (Р. Арх. 1884 г., кн. I, стр. 29); на русскомъ языкѣ, въ переводѣ Василія Протопопова, оно напечатано въ 1796 году, съ посвященіемъ Аѳанасію, епископу Коломенскому и Тульскому; 2) Нѣкоторое подражаніе пѣснямъ Давидовымъ. М. 1802. Подъ посвященіемъ „любезнѣйшему другу“ выставленъ 1795 годъ. Перепечатано Невзоровымъ въ Другѣ Юношества 1809 г., январь, стр. 1—18, откуда и узнается авторъ „подражанія“. Кромѣ того, Тургеневу принадлежатъ переводы слѣдующихъ мистическихъ сочиненій: 1) Іоанна Масона, познаніе самого себя. М. 1783; изд. 2-е М. 1786; изд. 3-е М. 1800; 2) Апологія или защищеніе ордена В. К. М. 1784; 3) Іоанна Арндта о истинномъ христіанствѣ. М. 1784; изд. 2-е М. 1800—1801 (**В. С.**).

— (**Стр. 89**). Посланіе М. Н. Муравьева, изъ котораго Батюшковъ приводитъ изображеніе Вольтера, есть „Посланіе о легкомъ стихотвореніи“,

написанное Муравьевымъ къ Аѳанасію Матвѣевичу Брянчанинову, одному изъ его вологодскихъ пріятелей, и относящееся къ 1783 году. Оно сохранилось въ видѣ корректурнаго листка между рукописями сочиненій М. Н. Муравьева въ Имп. Публ. Библіотекѣ, но въ изданіяхъ сочиненій М. Н. Муравьева не помѣщено. А. М. Брянчаниновъ—извѣстный вологодскій помѣщикъ въ концѣ прошлаго вѣка, женатый на двоюродной сестрѣ М. Н. Муравьева (Р. Арх. 1867 г., ст. 1653). Въ П. С. Соч. послѣдняго (т. I, стр. 20) есть другое посланіе къ А. М. Брянчанинову, подъ заглавіемъ „Сельская жизнь".

— (Стр. 91). Стихотвореніе „Къ Музѣ" см. въ П. Собр. Соч. М. Н. Муравьева, I, стр. 64—65.

— (Стр. 91). Письмо о сочиненіяхъ Муравьева заключается стихами изъ Виргиліевой Энеиды, п. VI, ст. 883—884.

XI.

Прогулка въ академію художествъ.

Напечатано: 1) въ Сынѣ Отечества 1814 г., ч. 18, № XLIX, декабря 3-го, стр. 121—132, № L, декабря 10-го, стр. 161—176, и № LI, декабря 17-го, стр. 201—215, безъ подписи; 2) въ Опытахъ, ч. I, стр. 114—158; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 123 — 157; 4) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., ч. I, стр. 131—168.

Варіанты (по Сыну Отечества).

Къ стран. 93.

Строка 3. Картинками вм. картинами.
19-20: Пожаръ все разрушилъ. Но въ памяти моей....
32: съ Монтанемъ вм. съ Винкельманомъ.

Къ стран. 94.

Стр. 22: .... пробуждалъ молчаніе пустыни дикой, мрачной, безмолвной;

Къ стран. 95.

Стр. 1: по берегамъ, когда великая мысль....
16-17: .... изображался 1703 годъ римскими цифрами.

Къ стран. 96.

Стр. 6: прійдемъ вм. пройдемъ.

Къ стран. 98.

Стр. 27: и составляетъ теперь лучшее украшеніе города.

Къ стран. 99.

Стр. 25: знакомецъ вм. знакомый.
27 и 29: клобъ вм. клубъ.

Къ стран. 101.

Стр 10: въ клобѣ вм. въ клубѣ.
12: безщадно вм. нещадно.

Къ стран. 103.

Стр. 14: Художники новѣйшіе вообще съ бо́льшимъ искусствомъ....

Къ стран. 105.

Стр. 23: Я много наслышался....
26: Четыре фигуры болѣе человѣческаго роста....

Къ стран. 109.

Послѣ 3-ей строки прибавлено:
Можетъ быть, мое сужденіе слишкомъ строго, ибо картина еще не кончена. Мы замѣтили еще изъ воску барельефъ: Обрученіе Ольги съ Игоремъ. Отдѣлка тщательна, но все вообще сухо. Множество зрителей....
Стр. 31: Вотъ его рѣзьба камней.

Къ стран. 110:

Стр. 3: въ отдѣлываніи вм. въ отдѣлкѣ.
26-27: все доказываетъ его дарованіе, умъ и вкусъ нѣжный.

Къ стран. 111.

Стр. 1: Самъ Старожиловъ....
30-37: Цитаты нѣтъ.

Къ стран. 112.

Стр. 10: .... для любителя древности, или долговременное....

Къ стран. 115.

Стр. 25: Иванъ Фалотовъ вм. NN.

Къ стран. 117.

Стр. 1-3: „Запечатайте письмо: его никто не прочитаетъ!“ отвѣчалъ художникъ съ хитрою улыбкою. Его слова успокоили....
Стр. 4: оскорбить вм. огорчить.

— Время сочиненія „Прогулки въ Академію Художествъ“ опредѣляется промежуткомъ между пріѣздомъ Батюшкова въ Петербургъ въ іюлѣ 1884 г. и напечатаніемъ этой статьи въ декабрѣ того же года.

Подобно двумъ предшествовавшимъ статьямъ, описанію академической выставки 1814 г. Батюшковъ далъ форму письма, назвавъ его „письмомъ стараго московскаго жителя къ пріятелю въ деревню его Н.“. Выдавая автора за стараго

Москвича и печатая свою статью подъ псевдонимомъ, Батюшковъ обнаружилъ желаніе скрыть свою личность, какъ сочинителя; причиною тому была, конечно, та чрезмѣрная щекотливость, которую наши художники проявляли относительно сужденій критики; ясный намекъ на это и находимъ въ концѣ статьи. Батюшковъ долженъ былъ поступать въ этомъ случаѣ тѣмъ осторожнѣе, что всѣмъ была извѣстна его близость къ А. Н. Оленину, который хотя въ 1814 г. еще не занималъ офиціальнаго положенія въ Академіи Художествъ, но уже состоялъ ея почетнымъ членомъ съ 1804 г. (П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Художествъ, ч. I, стр. 465, 586, 587) и пользовался общею извѣстностью какъ любитель и знатокъ пластическихъ искусствъ; притомъ, будучи близкимъ человѣкомъ къ гр. А. С. Строганову, президенту Академіи съ 1800 по 1811 г., Олениинъ, вѣроятно, еще въ то время имѣлъ вліяніе на академическія дѣла. Нашъ авторъ, въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ сентября 1816 г. (т. III, 395), самъ сознается, что канва его статьи принадлежитъ Оленину; поэтому и въ 1817 году, намѣреваясь перепечатать „Прогулку“ въ своихъ „Опытахъ“, онъ считалъ необходимымъ спросить предварительнаго согласія на то Оленина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, статьей этою Батюшковъ хотѣлъ выразить свое уваженіе къ тому просвѣщенному человѣку, на котораго общественное мнѣніе указывало, какъ на достойнаго преемника графу Строганову; то же уваженіе неоднократно засвидѣтельствовано и въ письмахъ Батюшкова (см. особенно т. III, 444). Въ особенности высоко цѣнилъ Батюшковъ въ Олениинѣ любовь къ древнему искусству и его заслуги по развитію художественнаго образованія въ Россіи.

— (**Стр. 93**) Лосенковъ, Антонъ Павловичъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ XVIII в., историческій живописецъ и портретистъ, род. 1737 г., ум. 1773. „Имя его имѣетъ важное значеніе въ исторіи русской живописи, не только какъ отличнаго по своему времени художника, но и какъ образователя многихъ даровитыхъ живописцевъ, сообщившаго нашей школѣ серьезное и самостоятельное направленіе“ (отзывъ А. И. Сомова въ книгѣ: Галерея Имп. Акад. Художествъ I. Каталогъ оригин. произведеній русской живописи, С.-Пб. 1872, стр. 147—148; кромѣ того, о Лосенковѣ см. статью П. Н. Петрова въ журналѣ Сѣверн. Сіяніе 1864 г.).

— (**Стр. 93**). Упоминаніе о Винкельманѣ, съ которымъ въ рукахъ сидитъ авторъ письма, принадлежитъ къ числу варіантовъ позднѣйшей окончательной редакціи „Прогулки“; въ первоначальномъ текстѣ говорилось здѣсь о Монтанѣ, любимомъ писателѣ Батюшкова. Но и замѣна его Винкельманомъ не есть пріемъ искусственнаго сочинительства: далѣе въ „Прогулкѣ“ дѣйствительно находимъ цитату изъ знаменитаго историка древняго искусства.

— (**Стр. 94**). Два русскіе стиха заимствованы изъ поэмы Дмитріева: „Ермакъ“ (Сочиненія И. И. Дмитріева, изд. 1823 г., т. I, стр. 19).

— (**Стр. 94**). Французскій стихъ взятъ изъ поэмы Делиля: „Imagination“, пѣснь VI, ст. 32; здѣсь онъ читается съ небольшимъ отличіемъ:

Ainsi un faible gland renferme un chêne immense.

— (**Стр. 94—95**). Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что мечтанія автора письма о Петрѣ Великомъ, стоящемъ на пустынныхъ берегахъ Невы и погруженномъ въ мысль объ основаніи здѣсь будущей столицы Россіи, внушили Пушкину его знаменитое вступленіе къ „Мѣдному Всаднику".

— (**Стр. 96**). Приведенные стихи составляютъ первую строфу стихотворенія М. Н. Муравьева „Богинѣ Невы" (П. Собр. Соч. М. Н. Муравьева, т. I, стр. 35).

— (**Стр. 97**). Томасъ де-Томонъ (Thomas de Thomon), извѣстный архитекторъ, род. въ 1756 г., ум. въ 1814, въ Петербургѣ; родомъ Французъ, онъ кончалъ свое образованіе въ Римѣ въ то время, какъ начиналась во Франціи революція; поэтому онъ не пожелалъ возвратиться въ свое отечество и уѣхалъ въ Венгрію, а оттуда въ 1798 г. переселился въ Россію. Кромѣ архитектуры, онъ занимался также акварельною живописью. Томонъ возвелъ много замѣчательныхъ зданій въ Петербургѣ, между прочимъ Большой театръ и новое, нынѣ существующее, зданіе Биржи, и нѣкоторыя постройки въ Павловскѣ. Имъ же выстроенъ монументъ Полтавской битвѣ въ Полтавѣ, „тощій памятникъ, столбъ изобрѣтенія Томонова", по выраженію Батюшкова (т. III, стр. 510). Архитектурные и живописные труды его описаны и изображены въ нѣсколькихъ изданныхъ имъ въ Петербургѣ книгахъ. См. о немъ въ сочиненіи L. Dussieux: Les artistes français à l'étranger. P. 1856, стр. 420—422; сочиненія его исчислены въ каталогѣ иноязычныхъ сочиненій о Россіи, находящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ. Въ рукописномъ отдѣленіи той же Библіотеки находится пропущенная цензурой въ 1809 г. рукопись Томонова сочиненія „Traité de peinture", съ каталогомъ и изображеніями художественныхъ произведеній самого Томона (Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1878 г., стр. 67—68). Здѣсь кстати будетъ отмѣтить еще одну подробность о Томонѣ, не относящуюся до искусства, но характерную для своего времени: Томонъ „былъ извѣстенъ какъ бѣшеный роялистъ и пламенный католикъ; земляки его, средняго состоянія, составлявшіе религіозно-легитимистскую партію, которая такъ безкорыстно стояла за тронъ и церковь, говорятъ, всѣ у него собирались" (Вигель, Воспоминанія, т. III, стр. 40).

— (**Стр. 98**). Зданіе адмиралтейства было заложено Петромъ Великимъ 1704 г. въ видѣ крѣпости, съ бастіонами, вооруженными рядомъ пушекъ, и окружено каналами; при Елисаветѣ возведенъ былъ шпицъ надъ главнымъ павильономъ зданія, и въ немъ устроена церковь. Но только при Павлѣ I рѣшено было перестроить адмиралтейскій дворъ, отнявъ у него видъ крѣпости: каналы были засыпаны, на мѣстѣ ихъ и куртинъ укрѣпленія проложена тройная линія бульвара; вся лицевая сторона зданія отдѣлана заново: башня, надъ которою возвышается шпицъ, окружена колоннадой, по сторонамъ главныхъ воротъ явились на пьедесталахъ группы Атлантидъ, а передъ входами въ боковые павильоны положены аллегорическія группы русскихъ рѣкъ. Это удачно произведенная перестройка исполнена была архитекторомъ А. Д. Захаровымъ, а скульптурныя работы произведены Ѳ. С. Щедринымъ и другими

ваятелями. Окончена перестройка уже при Александрѣ I (см. статью П. Н. Петрова въ журналѣ Пчела 1875 г.).

— (Стр. 99). Джіакомо Гваренги (Quarenghi), Италіянецъ, талантливый архитекторъ, род. въ 1744 г., ум. въ 1817 въ Петербургѣ; онъ прибылъ въ Россію въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка и произвелъ много красивыхъ построекъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, между прочимъ зданіе государственнаго банка, эрмитажный театръ, дворецъ въ Англійскомъ саду въ Петергофѣ, Александровскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ, церковь въ Павловскѣ и пр.; много построекъ возведено было Гваренги для кн. А. А. Безбородка; см. о Гваренги брошюру: Giacomo Quarenghi Bergamasco architetto alla corte imperiale di Pietroburgo. Memoria di Giuseppe Colombo B. Torino. 1879, также Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. Н. П. Барсуковымъ, и біографію князя А. А. Безбородка, написанную Н. И. Григоровичемъ, въ Сборникѣ Имп. Русск. Историч. Общества, тт. XXVI и XXIX. Въ брошюрѣ Коломбо напечатаны письма императрицы Екатерины къ своему любимому архитектору. Гваренги былъ друженъ съ Н. А. Львовымъ и И. И. Хемницеромъ (см. Сочиненія и письма Хемницера. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. С.-Пб. 1873, стр. 72).

— (Стр. 100). Стихи взяты изъ піесы Державина: „Къ первому сосѣду“ строфа 6-я (Соч. Держ., 1-е акад. изд., т. I, 106).

— (Стр. 101). Сахарова, Марья Степановна, до замужества Синявская, талантливая драматическая актриса, появилась на московской сценѣ еще въ 1767 году, если вѣрить показанію Г. Носова (Хроника русскаго театра. М. 1883, стр. 288), при чемъ сперва играла въ комедіяхъ, а впослѣдствіи перешла на трагическія роли. По словамъ М. Н. Макарова, она преимущественно играла въ піесахъ Коцебу. Но ее скоро замѣнила М. С. Воробьева (Репертуаръ и Пантеонъ 1843 г., кн. 9, стр. 7: Отрывки изъ театральныхъ воспоминаній московскаго старожила). Съ конца XVIII в. Сахарова играла на петербургской сценѣ (Лѣтопись русск. театра, П. И. Арапова, стр. 144). С. П. Жихаревъ, въ „Воспоминаніяхъ стараго театрала“, говоритъ, что она занимала сперва первыя роли въ трагедіяхъ, но со времени появленія на сценѣ Е. С. Семеновой и М. И. Валберховой перешла на роли наперсницъ, которыя принимала на себя единственно по убѣжденію князя А. А. Шаховскаго, чтобы содѣйствовать на сценѣ молодымъ актрисамъ. Она прекрасно читала стихи (Отеч. Зап. 1854 г., № 10, стр. 116) (В. С.).

— (Стр. 101). Знаменитая русская трагическая актриса Екатерина Семеновна Семенова родилась въ Петербургѣ 7-го ноября 1786 г. и воспитывалась въ театральномъ училищѣ. Руководителемъ ея былъ И. А. Дмитревскій. Первый дебютъ Семеновой, когда она была еще воспитанницей, состоялся 3-го февраля 1802 г. въ роли Нанины въ Вольтеровой комедіи того же имени. Затѣмъ, съ большимъ успѣхомъ исполняла она въ трагедіяхъ Озерова роли Антигоны (1804 г.), Моины (1805 г.) и въ особенности Ксеніи. Съ 4-го іюля 1805 г.

началась ея служба при дирекціи, а съ 1807 г. — знакомство съ Гнѣдичемъ, который занимался съ нею изученіемъ ролей, чѣмъ много способствовалъ ея сценическимъ успѣхамъ. Гнѣдичъ боготворилъ свою ученицу и относился къ ней съ чувствомъ самой нѣжной дружбы. Обладая большимъ драматическимъ талантомъ, прекрасною, выразительною наружностью и необыкновенно звучнымъ голосомъ, Семенова была украшеніемъ русской драматической труппы. Слава ея утвердилась главнымъ образомъ съ тѣхъ поръ, когда она 8-го апрѣля 1809 г., выступила въ роли Аменаиды въ трагедіи Вольтера „Танкредъ", переведенной для нея Гнѣдичемъ. На спектаклѣ присутствовала знаменитая французская актриса Жоржъ, второй петербургскій дебютъ которой (30-го іюля 1808 г.) былъ также въ этой роли. Исполненіе Семеновой было превосходно, такъ что самые почитатели Жоржъ отдавали ей справедливость. Къ этому же году относятся и стихи Батюшкова къ Семеновой (т. I, стр. 69—70), талантъ которой онъ высоко цѣнилъ. Въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 6-го сентября 1809 г. онъ пишетъ: „Я взялъ перо съ удовольствіемъ и въ первый разъ, можетъ быть, съ пользой и кстати, то-есть, для дружества. Надѣюсь, что Семенова поблагодаритъ хоть словомъ своей руки; я тѣмъ болѣе на это имѣю права, что съ ней незнакомъ". При письмѣ приложены были и самые стихи. Въ періодъ времени отъ 1809 по 1826 г., сдѣлавшись любимицей публики, Семенова исполнила много различныхъ ролей; особенный восторгъ публики вызывала она въ „Поликсенѣ" и „Меропѣ", и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдней превосходила г-жу Жоржъ. Въ 1826 году Семенова сошла со сцены и въ февралѣ слѣдующаго года вмѣстѣ съ княземъ И. А. Гагаринымъ, знакомство съ которымъ восходитъ почти ко времени первыхъ ея сценическихъ успѣховъ, переселилась въ Москву, а въ 1828 г. вышла за него замужъ. Живя въ Москвѣ, она время отъ времени играла на домашнихъ спектаклях. Особенными почитателями ея въ Москвѣ были С. Т. Аксаковъ, Н. И. Надеждинъ, М. П. Погодинъ и А. С. Пушкинъ, который оставилъ ей на память экземпляръ „Бориса Годунова" съ надписью: „Княгинѣ Е. С. Гагариной отъ Пушкина, Семеновой—отъ сочинителя". Въ 1847 году, пріѣхавъ въ Петербургъ, Екатерина Семеновна въ послѣдній разъ явилась въ „Меропѣ", игранной съ благотворительною цѣлью на частномъ театрѣ Александра Карловича Галлера, на дачѣ его, по Петергофской дорогѣ. Скончалась она 1-го марта 1849 г. и погребена на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. См. о Е. С. Семеновой: Театралъ. Карманная книжка для любителей театра. С.-Пб. 1853; С. П. Жихаревъ, Воспоминанія стараго театрала, въ Отеч. Зап. 1854 г., № 10; Лѣтопись русск. театра, П. Н. Арапова; Русск. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 265—269; 1880 г., т. XXVIII, стр. 569—570) (**в. с.**).

— (**Стр. 103**). Знаменитая статуя Фальконета еще задолго до своего открытія (1782 г.) была предметомъ самыхъ разнообразныхъ сужденій; эти мнѣнія, часто почти противоположныя, собраны въ статьѣ В. В. Стасова: „Три французскихъ скульптора въ Россіи" (Др. и Нов. Россія 1877 г., № 4), гдѣ читатель найдетъ свѣдѣнія и о другихъ конныхъ статуяхъ, которыя были изваяны раньше Фальконетова Петра Великаго, въ томъ числѣ и о древней статуѣ Марка Аврелія. Фальконету не нравился конь, на которомъ

посаженъ Римскій императоръ, и чтобы вылѣпить своего коня, онъ много изучалъ натуру, особенно арабскихъ лошадей изъ конюшенъ графа Орлова, на которыхъ скакалъ предъ нимъ, вверхъ по искусственной маленькой скалѣ, отличный ѣздокъ генералъ Мелиссино.

— (Стр. 104). Стихъ, относящійся къ Юпитеру, взятъ изъ піесы Дмитріева: „Подражаніе Горацію, ода 1-я книги III-й", строфа 2-я (Сочиненія И. И. Дмитріева, изд. 1823 г., ч. I стр. 36).

— (Стр. 104.) Изображеніе Аполлона взято изъ стихотворенія Державина „Любителю художествъ" (гр. А. С. Строганову), строфа 8-я (Соч. Державина, 1-е акад. изд., I стр. 369—370).

— (Стр. 104). Цитата изъ Винкельмана взята изъ его „Исторіи искусства у древнихъ". Батюшковъ читалъ это сочиненіе, вѣроятно, во французскомъ переводѣ, почему и приводимъ оттуда слѣдующія строки изъ описанія статуи Аполлона Бельведерскаго: „A l'aspect de ce chef d'oeuvre j'oublie tout l'univers; je prends moi-même une attitude noble pour le contempler avec dignité" (Histoire de l'art chez les anciens, par M. Winkelmann. Traduite par Huber. P. MLXXXIX. T. I, p. 197).

— (Стр. 105). Стихъ взятъ изъ посланія В. Пушкина къ Д. В. Дашкову (см. Сочиненія В. Л. Пушкина, смирдинское изданіе, стр. 24).

— (Стр. 105). Егоровъ, Алексѣй Егоровичъ, извѣстный историческій живописецъ, род. въ 1776, ум. въ 1851 г.; учился въ нашей Академіи Художествъ, а потомъ съ 1803 г. по 1807 находился для усовершенствованія за границей, главнымъ образомъ въ Римѣ. Написанное имъ „Истязаніе Спасителя", конченное въ 1814 г., считается лучшею его картиной и находится теперь въ Императорскомъ Эрмитажѣ (см. о немъ А. И. Сомовъ. Картинная галерея Имп. Акад. Худож. I, стр. 165—166).

— (Стр. 108). Фамилія художника, выставившаго видъ окрестностей Шафгаузена, намъ не извѣстна.

— (Стр. 108). Упоминаемый Батюшковымъ проектъ соборной церкви принадлежитъ молодому архитектору Ивану Петровичу Бернаскони, италіянскому уроженцу, но питомцу нашей Академіи Художествъ; въ 1814 г. онъ получилъ за названный проектъ званіе академика и умеръ въ 1827 году (сообщилъ Н. П. Собко).

— (Стр. 108). „Празднованіе Пасхи русскими войсками въ Парижѣ" или, точнѣе, торжественное молебствіе русскихъ войскъ въ столицѣ Франціи — картина извѣстнаго талантливаго русскаго пейзажиста Максима Никифоровича Воробьева, который родился въ 1787 г., въ 1809 кончилъ курсъ въ нашей Академіи Художествъ и въ 1814 г. получилъ званіе академика за картину, упоминаемую Батюшковымъ. Впослѣдствіи Воробьевъ имѣлъ званіе профессора

преподавалъ въ Академіи пейзажную живопись и оставилъ нѣсколько очень замѣчательныхъ произведеній—видовъ Петербурга, Святой Земли и проч. Ум. въ 1855 г. (А. И. Сомовъ, Карт. галерея Имп. Акад. Худ. I, стр. 176—177).

— (**Стр. 109**). Фамиліи художниковъ, выставившихъ картины: „Спаситель съ блудницей" и „Венера и Купидонъ", намъ не извѣстны.

— (**Стр. 109**). Не знаемъ, что̀ за картину разумѣетъ Батюшковъ подъ названіемъ „тріумфа государя".

— (**Стр. 109**). Шуточная поэма В. И. Майкова (род. въ 1728, ум. 1778 г.)—„Елисей или раздраженный Вакхъ" (1771 г.), въ которой авторъ выводитъ на сцену греческія божества вмѣстѣ съ русскимъ простонародьемъ и даетъ имъ русское обличье. См. Сочиненія и переводы В. И. Майкова. Съ портретомъ автора, со статьею о Майковѣ и примѣчаніями Л. Н. Майкова. (Редакція изданія П. А. Ефремова). С.-Пб. 1867.

„Энеида вывороченная на изнанку"—поэма Н. П. Осипова (род. въ 1751, ум. въ 1799 г.), представляющая подражаніе „Enéide travestie" П. Скаррона (род. 1610, ум. 1660 г.). Осиповъ перелицовалъ собственно только восемь пѣсенъ поэмы Виргилія и издалъ свое произведеніе въ 1791 г. въ Петербургѣ. Окончаніе передѣлки принадлежитъ А. Котельницкому, а полное изданіе, въ 6 частяхъ, относится къ 1801—1808 гг.

— (**Стр. 109**). Какому художнику принадлежала картина, изображавшая больнаго старика съ факеломъ,—опредѣлить не можемъ. Голландскій живописецъ, которому онъ подражалъ, есть Жираръ или, правильнѣе, Герардъ Гонтгорстъ, прозванный dalle Notte, потому что былъ мастеръ писать картины съ огненнымъ освѣщеніемъ среди ночнаго мрака; род. 1592 г., ум. послѣ 1662 (F. Müller's Künstlerlexicon).

— (**Стр. 109**). Есаковъ, Алексѣй Екимовичъ, скульпторъ и медальеръ, род. въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка; кончилъ курсъ въ Академіи Художествъ въ 1809 г. и былъ оставленъ при ней для дальнѣйшаго усовершенствованія подъ руководствомъ Лебрехта; въ 1813 г. получилъ званіе академика и опредѣленъ помощникомъ къ главному медальеру Академіи; умеръ 8-го августа 1815 г. (П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Акад. Худ., ч. I, стр. 400, ч. II, стр. 48, 52, 65). Поэтому въ изданіи „Опытовъ" 1817 г., при упоминаніи о Есаковѣ въ „Прогулкѣ", Гнѣдичемъ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: „Пожалѣемъ объ этомъ искусномъ художникѣ: ранняя смерть похитила съ нимъ хорошія надежды. Изд." (стр. 145). Первый изъ рѣзныхъ камней Есакова, упоминаемыхъ Батюшковымъ, есть то именно произведеніе этого художника, которое доставило ему званіе академика.

— (**Стр. 110**). Уткинъ, Николай Ивановичъ, отличный русскій граверъ, род. въ 1780 г., ум. въ 1863. Онъ былъ побочный сынъ Михаила Никитича Муравьева, учился граверному искусству въ Академіи Художествъ у Клау-

бера, а съ 1803 г. по 1814 г. совершенствовался и работалъ въ Парижѣ, не смотря на наши войны съ Наполеономъ. „На выставкѣ 1814 года находились: гравированный Уткинымъ портретъ князя Куракина и два рисунка: портретъ Куракина (съ котораго сдѣлана гравюра) и „Отдыхъ на пути въ Египетъ", съ картины Гвидо Рени (для музея Наполеона). За эти работы, въ торжественномъ собраніи Академіи, 19-го сентября 1814 г., по предложенію вице-президента П. И. Чекалевскаго, Уткинъ признанъ „академикомъ гравированія историческаго на мѣди" (Д. А. Ровинскій, Николай Ив. Уткинъ, его жизнь и произведенія. С.-Пб. 1884, стр. 55). Портретъ кн. Александра Борисовича Куракина, по отзыву г. Ровинскаго,—„одинъ изъ самыхъ капитальныхъ листовъ Уткина" (тамъ же, стр. 127). Батюшковъ лично зналъ Уткина (т. III, стр. 376).

— (Стр. 110—112). Кипренскій, Орестъ Адамовичъ, портретистъ и историческій живописецъ, род. въ 1783 г., ум. въ 1836. Онъ былъ сынъ крѣпостнаго человѣка, но въ 1788 г отпущенъ былъ своимъ господиномъ на волю и тогда же принятъ въ воспитанники Академіи Художествъ, гдѣ наставниками его были Г. Угрюмовъ и Д. Левицкій, и гдѣ онъ пользовался, за свои дарованія, особеннымъ покровительствомъ президента гр. А. С. Строганова. Въ 1803 г. Кипренскій окончилъ курсъ въ Академіи и былъ оставленъ при ней пенсіонеромъ; въ 1805 г. удостоенъ былъ 1-й золотой медали за картину „Великій князь Дмитрій Донской на Куликовомъ полѣ" и такимъ образомъ получилъ право на поѣздку въ чужіе края на казенный счетъ, но по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ отправленіе его туда было отложено. Послѣ того онъ ѣздилъ въ Москву и находился въ Твери при великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Въ 1812 г. онъ получилъ званіе академика и наконецъ въ 1816 г. отправился, на счетъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, за границу, при чемъ посѣтилъ Германію, Швейцарію и Италію. Письмо его изъ Рима, содержащее въ себѣ обзоръ его пути отъ Петербурга до Италіи, напечатано въ Сынѣ Отечества 1817 г., т. XLII, стр. 3—25. Возвратившись въ 1823 г. въ Россію, онъ снова въ 1828 г. уѣхалъ въ Италію и умеръ въ Римѣ. „Кипренскій произвелъ очень много портретовъ и картинъ, за которые современники называли его русскимъ Ванъ-Дейкомъ и Тиціаномъ" (А. И. Сомовъ, Галерея Имп. Акад. Худож., I, стр. 174—175). Ему между прочимъ принадлежатъ портреты многихъ русскихъ писателей: И. А. Крылова, В. А. Жуковскаго, К. Н. Батюшкова, Д. В. Давыдова А. С. Пушкина, и др. Батюшковъ познакомился съ Кипренскимъ въ домѣ А. Н. Оленина и въ 1819 г. встрѣтился съ нимъ въ Италіи. Въ письмахъ Батюшкова есть нѣсколько упоминаній о Кипренскомъ (т. III, стр. 540 и 542).

— (Стр. 111). Два италіянскіе стиха въ текстѣ взяты изъ Тасса: Gerusalemme Liberata, пѣснь XVI, строфа II.

— (Стр. 111, прим.). Стихи о Вафринѣ взяты изъ Gerusalemme Liberata, XIX, строфы LIX и LX.

Стихи Жуковскаго—изъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ".

— (Стр. 112). Московскіе виды, о которыхъ упоминаетъ Батюшковъ, были писаны академикомъ Ѳедоромъ Яковлевичемъ Алексѣевымъ, родившимся въ 1753 г. и умершемъ въ 1824 г.; онъ воспитывался сперва въ нашей Академіи Художествъ, а затѣмъ учился въ Венеціи (А. И. Сомовъ, Галерея Имп. Акад. Худ., I, стр. 151—152).

— (Стр. 112). Стихъ взятъ изъ сказки Дмитріева „Причудница“ (Соч. И. И. Дмитріева, изд. 1823 г., ч. II, стр. 56).

— (Стр. 112, прим.). Изъ III-й книги „Энеиды“ приведены стихи 349—351.

— (Стр. 113). Варнекъ, Александръ Григорьевичъ, портретистъ, род. въ 1788 г., умеръ въ 1843 г. Съ 1795 г. учился въ Академіи Художествъ у Д. Левицкаго и С. Щукина, въ 1802 г. получилъ 1-ю золотую медаль, а въ 1802 г. былъ отправленъ за границу, откуда возвратился въ 1809 г., и въ 1810 получилъ званіе академика за портретъ гр. С. О. Потоцкаго. Впослѣдствіи былъ преподавателемъ и профессоромъ Академіи. Написанный имъ портретъ гр. А. С. Строганова хранится у наслѣдниковъ графа (А. И. Сомовъ, Галерея Имп. Акад. Худож. I, стр. 172—173).

— (Стр. 113). Графъ Строгановъ, Александръ Сергѣевичъ, род. 1733 г., умеръ 27-го сентября 1811 года. Еще въ ранней своей молодости онъ былъ замѣченъ императрицей Елизаветой Петровной, а впослѣдствіи, по своему благородному, открытому и веселому характеру, пользовался постояннымъ расположеніемъ Екатерины II и часто служилъ посредникомъ между нею и цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ. Строгановъ сохранилъ дружеское расположеніе Павла и по его воцареніи: императоръ назначилъ его обѣръ-камергеромъ и президентомъ Академіи Художествъ (1800 г.) и поручилъ ему сооруженіе памятника Суворову и постройку Казанскаго собора. Императоръ Александръ также питалъ большое уваженіе къ гр. А. С. Строганову, тѣмъ болѣе, что сынъ его, гр. Павелъ Александровичъ, былъ однимъ изъ самыхъ къ нему близкихъ людей; Александръ назначилъ гр. А. С. Строганова членомъ государственнаго совѣта и за построеніе Казанскаго собора пожаловалъ ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса. Впрочемъ, графъ А. С. Строгановъ оставилъ по себѣ память не какъ государственный дѣятель, а какъ характерный представитель стараго русскаго барства, и главное— какъ горячій и просвѣщенный любитель искусства и литературы. „Съ иностраннымъ воспитаніемъ и вкусами сочетая русскіе навыки и хлѣбосольство, жилъ онъ барски, по воскресеньямъ угощалъ у себя не однимъ рожденіемъ, но и талантами отличающихся людей“ (Вигель, Воспоминанія, III, 178). Какъ покровителя художествъ и словесности, современники и ближайшее къ нимъ поколѣніе ставили Строганова очень высоко. „Послѣ имени Ивана Ивановича Шувалова“, писалъ П. А. Плетневъ въ 1843 г.,—„ничье имя изъ частныхъ лицъ не произносится русскими литераторами и художниками съ такою любовью и благодарностію, какъ имя графа Александра Сергѣевича Строганова. Въ свое время тотъ и другой были русскими Меценатами. Ихъ благородная,

прекрасная дѣятельность устремлена была по преимуществу на распространеніе въ отечествѣ изящной образованности и совершеннѣйшаго вкуса. Не напрасно счастіе возвело ихъ на такую степень знаменитости и высоты гражданской, гдѣ они удостоились быть посредниками между престолодержавіемъ и нуждами людей, посвящавшихъ себя безкорыстному служенію музъ" (Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. С.-Пб. 1885, т. I, стр. 499). Еще въ молодости своей, во время заграничныхъ путешествій, гр. А. С. Строгановъ сталъ пріобрѣтать картины знаменитыхъ художниковъ всѣхъ школъ, присутствовалъ на публичныхъ продажахъ и составилъ себѣ богатую коллекцію, въ которой въ 1793 г. считалось 87 картинъ 55 мастеровъ, и для которой графъ самъ составилъ каталогъ: Catalogue raisonné des tableaux qui composent la collection du comte A. de Stroganoff (St.-Pétersbourg 1793). „Какъ президентъ Академіи Художествъ, Строгановъ по справедливости долженъ быть названъ истиннымъ образователемъ и вдохновителемъ тѣхъ знаменитыхъ художниковъ нашихъ, которые явились у насъ во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Доступный каждому изъ нихъ во всякое время, знатокъ ихъ дѣла, участникъ и совѣтникъ въ ихъ предпріятіяхъ, ходатай передъ престоломъ, помощникъ въ нуждѣ, кроткой и теплой души человѣкъ, онъ не только не отвергъ просьбы ни одного художника, но и не пренебрегъ ни однимъ случаемъ, чтобы найти, ободрить талантъ и изъявить сочувствіе къ труду его. Это влеченіе къ искусствамъ сообщалось отъ него и тѣмъ лицамъ, которыя находились съ нимъ въ частыхъ сношеніяхъ. Преемникъ его по Академіи Художествъ, А. Н. Оленинъ, котораго онъ удостоивалъ дружбы своей, конечно, много отъ него заимствовалъ въ постоянномъ стремленіи своемъ ко всему, что̀ касалось до литературы и художествъ". Эти слова Плетнева (Соч., I, стр. 502) вполнѣ подтверждаются любопытными фактическими указаніями П. Ив. Греча: „Въ званіи президента Академіи Художествъ онъ отыскивалъ и поощрялъ отечественные таланты: при немъ образовались Егоровъ, Шебуевъ, Варнекъ, Малиновскій-Демутъ и др. Любимцемъ его былъ архитекторъ Воронихинъ, изъ собственныхъ его крѣпостныхъ людей, учившійся въ Академіи, а потомъ, на счетъ графа, въ Италіи. Воронихинъ построилъ Казанскій соборъ, въ которомъ всѣ изваянія, образа и пр. были исполнены Русскими. Графъ Строгановъ не могъ дождаться окончанія. Наконецъ, соборъ освятили 8-го сентября 1811 г., а чрезъ недѣлю онъ скончался и былъ отпѣтъ въ новомъ храмѣ" (Р. Арх. 1871 г., ст. 301). Въ этомъ разказѣ все вѣрно, кромѣ датъ: освященіе собора происходило 15-го сентября, въ день коронаціи Александра, а смерть Строганова послѣдовала пятнадцатью днями позже (Вигель, Воспоминанія, III, стр. 179).

Изъ литераторовъ, современныхъ гр. А. С. Строганову, особеннымъ расположеніемъ пользовались И. А. Крыловъ и Н. И. Гнѣдичъ. Батюшковъ также зналъ Строганова лично по домамъ М. Н. Муравьева и А. Н. Оленина. Въ октябрѣ 1811 г. Константинъ Николаевичъ писалъ Гнѣдичу: „Строгановъ умеръ! Миръ праху его! Былъ добрый человѣкъ; былъ русскій герцогъ Рокелоръ, острякъ, чудакъ, но все это приправлено было рѣдкой вещью—добрымъ сердцемъ; и я объ немъ жалѣю, и жалѣю о тебѣ, ибо ты въ немъ много потерялъ" (т. III, стр. 144).

О гр. А. С. Строгановѣ много разсѣяно свѣдѣній и анекдотовъ въ разныхъ

сочиненіяхъ и матеріалахъ, относящихся ко времени Екатерины II, Павла и Александра I. См. въ особенности Записки С. А. Порошина, Дневникъ А. В. Храповицкаго (въ изданіи Н. П. Барсукова гр. А. С. Строганову посвящено особое примѣчаніе), Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Художествъ, сост. П. Н. Петровымъ, т. I, стр. 624—626, примѣчанія Я. К. Грота къ академическому изданію сочиненій Державина, брошюру Н. Колмакова: „Памяти графа Александра Сергѣевича Строганова (СП.-б. 1844), указанную выше статью Плетнева, Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, Ю. Б. Иверсена, т. II, стр. 206—209, Русскій Архивъ и Русскую Старину за разные года.

(Стр. 114). Иванъ Петровичъ Мартосъ, извѣстный скульпторъ, род. около 1753 г., ум. въ 1835. Онъ былъ воспитанникомъ нашей Академіи Художествъ съ 1764 по 1773 г., а время съ этого года по 1779 провелъ за границей для усовершенствованія въ скульптурѣ; потомъ былъ преподавателемъ скульптуры въ Академіи, профессоромъ и ректоромъ. Оставилъ очень много произведеній, въ томъ числѣ статуи Іоанна Крестителя въ портикѣ Казанскаго собора, кн. Г. А. Потемкина и императрицы Екатерины въ залѣ Московскаго благороднаго собранія, памятники императору Павлу въ Павловскѣ и въ с. Грузинѣ, родителямъ императрицы Маріи Ѳеодоровны и великимъ княгинямъ Еленѣ и Александрѣ Павловнамъ въ Павловскѣ, Минину и Пожарскому въ Москвѣ, Потемкину въ Херсонѣ, Ломоносову въ Архангельскѣ, герцогу Ришелье въ Одессѣ, бюстъ Александра Павловича въ залѣ новой Биржи въ Петербургѣ и проч. (см. о немъ Ю. Б. Иверсена: Медали въ честь русскихъ госуд. дѣятелей и частныхъ лицъ, т. II, стр. 7, гдѣ указаны и другіе источники).

— (Стр. 114). Екимовъ, Василій Петровичъ, учился въ Академіи Художествъ ваянію въ послѣдней четверти прошлаго вѣка; позже спеціальностью его стало литейное искусство, въ чемъ онъ и достигъ замѣчательнаго совершенства, между прочимъ, „онъ отливалъ всѣ статуи, украшающія Петергофскій садъ“ (Н. Рамазановъ, Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи Кн. I. М. 1863, стр. 8).

— (Стр. 114). О живописцѣ Куртелѣ (Courteil) намъ извѣстно только то, что въ 1811 г., по предложенію вице-президента Академіи Художествъ П. П. Чекалевскаго, онъ былъ принятъ въ „назначенные“ (agrégé) къ баллотированію въ академики, и что въ 1813 г. онъ получилъ это званіе за картину, изображающую Филоктета, оставленнаго на островѣ Лемносѣ (П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Ак. Худ., ч. I, стр. 563 и ч. II, стр. 47—48). Картина его работы, изображающая Марію Магдалину, находится у князя Б. Н. Юсупова, въ с. Архангельскомъ (Dussieux, Les artistes français à l' étranger, стр. 444).

— Статья Батюшкова вызвала строгія критическія замѣтки со стороны одного изъ весьма близкихъ ему людей, троюроднаго брата его Н. М.

Муравьева. Батюшковъ подарилъ ему экземпляръ своихъ „Опытовъ“ съ слѣдующею надписью на фронтисписѣ I-го тома: „Любезному брату и другу Никитѣ Михаиловичу на память. (Ноября 9. 1817 г. Петербургъ). Константинъ Батюшковъ“. На поляхъ этого экземпляра, при чтеніи нѣкоторыхъ прозаическихъ статей, Н. М. Муравьевъ и дѣлалъ свои замѣчанія. Въ виду интереса, который они представляютъ для характеристики критика, предлагаемъ здѣсь тѣ его отмѣтки, которыя относятся къ „Прогулкѣ“. Замѣчанія къ другимъ статьямъ будутъ сообщены въ своемъ мѣстѣ.

На стр. 93, противъ первыхъ 12 строкъ, отмѣчено: дичь; противъ остальныхъ: гиль.

На стр. 94, противъ первыхъ 11 строкъ: гиль; противъ остальныхъ до втораго абзаца: вздоръ.

Начиная отъ послѣдняго абзаца на стр. 93, затѣмъ противъ текста всей стр. 94 и первыхъ 6 строкъ стр. 95 дважды написано: говори объ академіи.

На стр. 95, въ строкѣ 26, подчеркнуты слова „величіе Русскаго царства“, и къ нимъ замѣчаніе: вздоръ, Россія и безъ нихъ была велика.

На стр. 96, въ строкѣ 16, подчеркнуто: „первая рѣка въ мірѣ“, и отмѣтка: О! Географія? Тамъ же, къ строкѣ 25 приписано: какіе дураки!

На стр. 97, въ строкахъ 2 и 3, подчеркнуто: „пейзажъ долженъ быть портретъ“, и отмѣтка: вздоръ.

На стр. 98, строки 7—8: „Хвала и честь великому... преемникамъ“ подчеркнуты, и отмѣтка: захотѣлось на водку. Тамъ же, строка 23, подчеркнуто: „новыхъ людей“, и отмѣтка: черезъ 20 лѣтъ не диво?

На стр. 101, въ строкѣ 22, подчеркнуто: „достойнымъ Екатерины“, и отмѣтка: опять на водку! Тамъ же, подчеркнуты двѣ послѣднія строки и отмѣтка: кади А. О.! (Эти буквы изображены въ видѣ извѣстной Оленинской монограммы) [1]).

На стр. 102, въ строкѣ 7, подчеркнуто: „монархиню“, и отмѣтка: будетъ на водку.

На стр. 103, строки 14—26 отчеркнуты сбоку и надпись: глупо!

На стр. 108, въ предпослѣдней строкѣ подчеркнуто: „какой предметъ для патріота“, и приписано на полѣ въ ожиданіи на водку!

На стр. 110, противъ строкъ 19—21 приписано на полѣ: правда.

На стр. 111, примѣчаніе, начиная со стиховъ изъ Тасса до конца, перечеркнуто, и написано сбоку: къ чему? а въ концѣ: дѣло не о Фиг. а объ академіи.

На стр. 112, въ строкѣ 20, подчеркнуто: „почти то же“, а на верху приписано: тоже или не тоже.

На стр. 113 строки 13—16 (о Строгановѣ) подчеркнуты, и отмѣтка: безстыдно. Тамъ же, въ строкѣ 27, подчеркнуто: „счастіе пользоваться покровительствомъ“ и отмѣчено: вотъ пружины тайныя.

На стр. 114, въ строкѣ 2, подчеркнуто: „истиннаго... вельможи“, и

[1]) Батюшковъ однако говоритъ въ этомъ мѣстѣ статьи не объ А. Н. Олениннѣ, а о графѣ А. С. Строгановѣ.

отмѣтка: вздоръ, ложь. Тамъ же къ строкѣ 7 приписано: ахали и отъ Казанской Церкви. Тамъ же, строки 8—14 обчеркнуты и снабжены на полѣ замѣткой: Ето не критика.

На стр. 115, въ строкахъ 2—3, слова: „Вотъ.... кистію“ снабжены ссылкой на предшествующую страницу, гдѣ, въ строкахъ 13—14, подчеркнуты противорѣчащія имъ слова: „выставя... кисти“.

На стр. 115, въ строкахъ 11 и 12, подчеркнуты: „Давида и школы“, „намъ одни ужасы революціи“, и отмѣтка: Невежество.

Весь постъ-скриптумъ перечеркнутъ и снабженъ припиской: отъ етаго никогда не достанется Ален....

Чтобы не вдаваться въ лишнія подробности, мы не отмѣчали тѣхъ мѣстъ статьи Батюшкова, которыя только подчеркнуты Муравьевымъ, но не снабжены его замѣчаніями.

XII.

Нѣчто о поэтѣ и поэзіи.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. LXXXVII, нумеръ 10, май, стр. 93—104, подъ заглавіемъ „О впечатлѣніяхъ и жизни поэта“, съ подписью Б.; 2) въ Опытахъ, ч. I, стр. 24—39; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г. ч. I, стр. 50—62; 4) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., ч. I, стр. 54—68.

Варіанты (по Вѣстнику Европы).

Къ стран. 118.

Строка 5: сказалъ извѣстный русскій писатель.
8-9: ихъ-то и должно ловить на лету живописцу, музыканту, поэту.
13-15: .... не въ силахъ. Нѣтъ, я никогда не взялъ бы пера въ минуту вдохновенія, если бы нашелъ сердце....
20-21: Но гдѣ сыскать душу, готовую раздѣлять со мною мои чувства? Какое сердце можетъ понять то, что я чувствую, ощущаю. Нѣтъ его....

Къ стран. 119.

Стр. 1-12: и я прибѣгаю къ искусству выражать мысли мои. Скоротечная, но плодотворная минута поэзіи, ты быстро изчезаешь, но оставляешь вѣчные слѣды у людей, владѣющихъ языкомъ боговъ!
17: .... вдругъ зардѣется, закипаетъ....
25-27: выпущены.
29: нѣжнымъ вм. огненнымъ.
33: даръ, который можно назвать лучшимъ достояніемъ человѣка, ибо ....

Къ стран. 120.

Стр. 2: непосредственное вм. сильное.

13-21: Сей даръ выражать и чувства, и мысли свои долженъ быть основанъ на наукѣ. Онъ подлежитъ нѣкоторымъ постояннымъ правиламъ, проистекшимъ изъ опытности и наблюденія. Но самое изученіе правилъ, наблюденіе изящныхъ образцовъ недостаточны. Надобно, чтобы вся жизнь, всѣ тайныя помышленія, всѣ пристрастія клонились къ одному предмету, и сей предметъ долженъ быть—поэзія, одна поэзія, ибо она—осмѣлюсь сказать—требуетъ всего человѣка.

22: Я желалъ бы—пусть назовутъ....

23: Я желалъ бы вм. желаю.

30: Цитата опущена.

33: Чѣмъ плѣняется воображеніе твое....

Къ стран. 121.

Стр. 1: . . . . какого-либо генія вм. писателя.

4: И ты поэтъ!...

5-8: Итакъ, удались отъ общества, сокройся въ пустыню, окружи себя сельскою природою: посреди грубыхъ, не испорченныхъ нравовъ читай исторію временъ протекшихъ, поучайся въ лѣтописяхъ міра....

14-15: все испытать: странствовать подобно безсмертному слѣпцу, подобно Тассу, любить подобно творцу Луизіады, сражаться....

19-25: . . . . и внятно возвышенному сердцу, обогащенному опытами, воспоминаніями; надобно забыть ничтожныя выгоды жизни и самолюбія, пожертвовать всѣмъ славѣ и тогда только броситься (не съ дерзостію кичливаго ума, но съ легкостію человѣка, испытавшаго всю силу свою, носящаго въ груди своей внутреннее сознаніе оной), тогда только....

Къ стран. 121—123.

Стр. 30-15: есть требованіе суетное. Что образецъ жизни имѣетъ сильное и постоянное вліяніе на талантъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. У Французовъ нѣтъ ни исторіи, ни эпопеи, ибо писатели ихъ по большей части жили посреди шумнаго города, посреди всѣхъ обольщеній двора и роскоши. Эпопея и исторія требуютъ вниманія постояннаго и сей важности, и сей силы душевной, которую общество не только отнимаетъ у человѣка разсѣяннаго, но уничтожаетъ совершенно.

22: ручей вм. ручеекъ.

Къ стран. 123.

Стр. 5: . . . . когда рука его рисовала изображеніе....

6: орошаемыхъ вм орошенный.

11: ларъ вм. полей.

14: военномъ вм. воиновъ.
18: . . . . то воспитаніе стихотворца дѣйствуетъ....
19-20: Ничто не можетъ изгладить изъ сердца вашего первыхъ впечатлѣній юности.
25-26: Въ преклонныхъ лѣтахъ человѣкъ не пріобрѣтаетъ: онъ скудѣетъ безпрестанно, и послѣднимъ его сокровищемъ....
33: . . . . разсказывалъ о нихъ чудеса....

Къ стран. 124.

Стр. 2-3: . . . . если они не изглаживались во все теченіе жизни....
4: поэта вм. писателя.
12: Сердце человѣческое имѣетъ...

Къ стран. 125.

Стр. 1: на душу поэта, столь способную принимать всѣ впечатлѣнія. Мы....
10: полуденныхъ вм. южныхъ.
12: . . . . гдѣ все питаетъ его чувства....
13-14: Напрасно счастливый житель Сициліи желалъ бы....
15: описать вм. описывать.
19: и голубое небо Сициліи.
21: . . . . могъ описать вѣрными....
22: . . . . засуху, столь гибельную....
33: и течетъ по тверди небесной...

Къ стран. 126.

Стр. 23: . . . . хладнымъ водамъ Сѣвернаго океана...

Изъ письма Батюшкова къ Жуковскому, отъ средины декабря 1815 г., изъ Каменца, видно, что небольшая статья эта, названная тутъ „Воспоминаніями словесности“, была уже написана въ то время (т. III, стр. 359). Позже, проектируя изданіе своихъ сочиненій, Батюшковъ упоминалъ о ней въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ начала сентября 1816 г. (т. III, стр. 395).

— (Стр. 119). Приводимыя Батюшковымъ слова Монтаня составляютъ не цитату изъ него, а лишь краткое извлеченіе изъ извѣстнаго предисловія къ его „Essais“, гдѣ Монтань говоритъ слѣдующее: „C'est icy un livre de bonne foy, lecteur. Il t'advertit dez l'entree, que ie ne m'y suis proposé aulcune fin, que domestique et privee: ie n'y ay eu nulle consideration de ton service, ny de ma gloire; mes forces ne sont pas capables d'un tel dessein. Ie l'ay voué à la commodité particuliere de mes parents et amis; à ce que m'ayants perdu (ce qu'ils ont à faire bientôt), ils y puissent retrouver quelques traicts de mes conditions et humeurs, et que par ce moyen ils nourissent plus entiere et plus vifve la cognoissance qu'ils ont eue de moy“ и т. д.

— (Стр. 120). Латинскій афоризмъ принадлежитъ Сенекѣ: „Hoc quod audire volgo soles, quod apud Graecos in proverbium cessit: t a l i s h o m i n i b u s f u i t o r a t i o q u a l i s v i t a“ (Senec. epist. 114, 1).

— (Стр. 121). „Объ фортуны"—латинскій оборотъ рѣчи. См. Corn. Nep. Attic. 14: „pari fastigio stetit in utraque fortuna". Кромѣ того, изъ „Исторіи италіянской литературы" Женгене (т. II, стр. 446—449) Батюшкову было извѣстно, что Петрарка написалъ разсужденіе „de remediis utriusque fortunae", въ которомъ доказывается, что человѣкъ долженъ умѣть съ достоинствомъ и твердостью переносить несчастія, а радости жизни встрѣчать спокойно и сдержанно.

— (Стр. 121—122). Мысль, что образъ жизни писателя оказываетъ сильное вліяніе на его талантъ, и подтвержденіе этой мысли примѣромъ французской словесности, въ которой нѣтъ ни эпопеи, ни исторіи, потому что французскіе писатели жили большею частью жизнью столицы, двора и т. д., заимствованы Батюшковымъ изъ „Писемъ въ Нижній-Новгородъ" И. М. Муравьева-Апостола (см. письмо IV-е).

— (Стр. 122). „Краснорѣчивая женщина нашего времени" — г-жа Сталь. Батюшковъ приводитъ слѣдующія слова изъ ея сочиненія „De l'Allemagne" (Seconde partie, ch. II): „.... il faudrait parler aux poètes comme à des citoyens, comme à des héros; il faudrait leur dire: „Soyez vertueux, soyez croyants, soyez libres, respectez ce que vous aimez, chercher l'immortalité dans l'amour, et la Divinité dans la nature; enfin, sanctifiez votre âme comme un temple, et l'ange des nobles pensées ne dédaignera pas d'y apparaître".—Батюшковъ имѣлъ случай лично познакомиться съ г-жею Сталь въ бытность ея въ Петербургѣ въ 1812 г. и тогда отозвался о ней такъ: „Дурна какъ чортъ и умна какъ ангелъ" (т. III, стр. 198).

— (Стр. 122). Упоминая о Тибуллѣ, Батюшковъ имѣетъ въ виду ту самую 3-ю элегію I-й книги его стихотвореній, которую самъ перевелъ не задолго до написанія статьи „О поэтѣ" (т. I, стр. 194—198).

— (Стр. 122). Стихи изъ Петрарки составляютъ окончаніе 14-й канцоны его, изъ Sonetti e canzoni in vita di M. Laura.

(Стр. 123). Гильомъ Анфре де-Шольё (Guillaume Amfraye de Chaulieu) род. въ 1639 г., въ мѣст. Фонтене, въ Нормандіи, а умеръ въ 1720 г. и былъ похороненъ, по своему желанію, „подъ тѣми прекрасными деревьями, подъ которыми родился". Онъ принадлежалъ къ духовному сословію, но былъ человѣкъ свѣтскій, преданный веселости и развлеченіямъ, большой поклонникъ женскаго пола и вообще слылъ за эпикурейца. Эта любовь къ наслажденію съ легкою примѣсью меланхоліи и составляетъ преобладающій характеръ его немногочисленныхъ стихотвореній. Вольтеръ высоко цѣнилъ дарованіе Шольё и въ своемъ „Temple du Gout" выразился о немъ слѣдующимъ образомъ:

Je vis arriver en ce lieu
Le brillant abbé de Chaulieu,
Qui chantait en sortant de table.
Il osait caresser le dieu
D'un air familier, mais aimable.

Sa vive imagination
Prodiguait, dans sa douce ivresse,
Des beautés sans correction,
Qui choquaient un peu la justesse,
Mais respiraient la passion.

Съ легкой руки Вольтера установилась слава Шольё, какъ лучшаго изъ французскихъ лириковъ XVII в. въ той области, которую Батюшковъ называлъ „легкою поэзіей“. Его сравнивали даже съ Анакреономъ и Гораціемъ: сужденіе преувеличенное, но несомнѣнно, что Шольё обладалъ дѣйствительнымъ поэтическимъ талантомъ, который онъ однако не развилъ. Батюшковъ любилъ Шольё, и тѣ же самыя почти выраженія, въ которыхъ онъ говоритъ о немъ въ статьѣ „О поэтѣ“, онъ повторяетъ и въ своихъ письмахъ (т. III, стр. 99 и 126).

— (Стр. 123). Замѣтка о Богдановичѣ навѣяна, безъ сомнѣнія, разсказами о немъ М. Н. Муравьева; при другомъ случаѣ, вспоминая о томъ же писателѣ (см. ниже стр. 160), Батюшковъ прямо ссылается на своего дядю, знавшаго Богдановича лично. Впрочемъ, и въ извѣстной статьѣ Карамзина объ авторѣ „Душеньки“ сообщается нѣчто подобное: „Богдановичъ съ удовольствіемъ говаривалъ послѣ о времени ея сочиненія. Онъ жилъ тогда на Васильевскомъ острову, въ тихомъ, уединенномъ домикѣ, занимаясь музыкою и стихами, въ счастливой безпечности и свободѣ; имѣлъ пріятныя знакомства; любилъ иногда выѣзжать, но еще болѣе возвращаться домой, гдѣ муза ожидала его съ новыми идеями и цвѣтами... Мирныя, неизъяснимыя удовольствія творческаго дарованія, можетъ быть, самыя вѣрнѣйшія въ жизни! Нерѣдко призраки суетности и другихъ страстей отвлекаютъ насъ отъ сихъ любезныхъ упражненій; но какой человѣкъ съ талантомъ, вкусивъ ихъ сладость и послѣ ввержений въ шумную, дѣятельную праздность свѣта, среди всѣхъ блестящихъ забавъ его не жалѣлъ о плѣнительныхъ минутахъ вдохновенія?“ Мы нарочно привели эту выписку, чтобы показать, что не только анекдотическая сторона статьи о Богдановичѣ, но и разсужденія Карамзина, были приняты Батюшковымъ въ соображеніе, когда онъ писалъ свою статью „О поэтѣ“.

— (Стр. 123). Державинскій „Водопадъ“ дѣйствительно написанъ подъ впечатлѣніемъ водопада Кивача на р. Сунѣ, но не въ то время, когда поэтъ жилъ въ Олонецкой губерніи (1784—1785 гг.), а позже (1791—1794 гг.); напротивъ того, ода „Богъ“ была окончена въ 1784 г. до отъѣзда Державина въ Петрозаводскъ.

Вспоминая о Жуковскомъ, Батюшковъ разумѣетъ его кратковременную службу, въ 1812 г., въ московскомъ ополченіи, во время которой написанъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“.

— (Стр. 124). О сильномъ вліяніи первыхъ впечатлѣній на всю послѣдующую жизнь поэта Батюшковъ говоритъ и въ своемъ посланіи къ Ив. М. Муравьеву-Апостолу (т. I, стр. 203), приписывая ему эту мысль.

— (Стр 124). Стихи приведены изъ сказки Дмитріева „Воздушные замки“ (Соч. И. И. Дмитріева, изд. 1823 г., ч. II, стр. 24).

— (Стр. 124). Ж.-Ж. Руссо вспоминаетъ о пѣснѣ, которую напѣвала ему въ его дѣтствѣ тетка, въ своихъ „Confessions“, 1-ère partie, l. I.

— (Стр. 124). Описаніе боя между Мандрикаромъ и Сербиномъ находится въ XXIV-й пѣснѣ Orlando Furioso, строфы LVIII—LXVI; сравненіе крови, текущей изъ раны, съ пурпурною вышивкой читается въ строфѣ LXVI:

Cosi talora un bel purpureo nastro
Ho veduto partir tela d'argento,
Da quella bianca man più, che alabastro,
Da cui partire il cor spesso mi sento.

— (Стр. 124). Профессоръ И. В. Помяловскій сообщилъ намъ слѣдующую замѣтку касательно упоминаній Виргилія о Мантуѣ:

„Вотъ мѣста, въ которыхъ Виргилій упоминаетъ о своей родной Мантуѣ:

Eclog. IX, 27:

Vare, tuum nomen, superet modo Mantua nobis,
Mantua, vae miserae nimium vicina Cremonae,
Cantantes sublime ferent ad sidera cycni.

Georg. II, 198:

Et qualem infelix amisit Mantua campum,
Pascentem niveos herboso flumine cycnos.

Aen. X, 198:

Ille etiam patriis agmen ciet Ocnus ab oris
Fatidicae Mantus et Tusci filius amnis,
Qui muros matrisque dedit tibi, Mantua, nomen,
Mantua, dives avis; sed non genus omnibus unum:
Gens illi triplex, populi sub gente quaterni;
Ipsa caput populis; Tusco de sanguine vires.

„Въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ самымъ важнымъ и интереснымъ является послѣднее мѣсто, но оно не заключаетъ въ себѣ воспоминаній юности поэта; ихъ мы видимъ въ двухъ первыхъ мѣстахъ, въ которыхъ намекается на надѣлъ Мантуанской области Цезаревымъ ветеранамъ, произведенный Октавіаномъ, и при которомъ Виргилій, бывшій еще очень молодымъ человѣкомъ, потерялъ доставшееся ему отъ отца помѣстье“.

— (Стр. 125). Бардъ Морвена—Оссіанъ, мнимыя поэмы котораго, изданныя Макферсономъ, имѣли столь огромный успѣхъ въ исходѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго.

Вотъ слова Женгене, которыя имѣлъ въ виду Батюшковъ, говоря объ

описаніи засухи у Тасса: „Peut-être n'y avait il qu'un poète né sous le ciel le plus brûlant, qui pût tracer avec tant de vérité les effets de ce fléau terrible. On reconnaît dans toute cette description l'homme qui a plus d'une fois senti, comme on le sent dans le pays de Naples, l'influence étouffante du sciroccо“ (P.-L. Ginguené, Histoire littéraire d'Italie. Tome V. Paris. MDCCCXII, p. 460).

Пьеръ-Луи Женгене, извѣстный французскій писатель конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго, род. въ 1748 году, ум. въ 1816 году, принадлежалъ къ той литературной группѣ, которая во время имперіи называлась идеологами и, сохраняя философскія преданія XVIII вѣка, составляла либеральную оппозицію Наполеоновскому режиму и примѣнявшимся къ нему литературнымъ дѣятелямъ. Важнѣйшій трудъ Женгене, хорошая по своему времени „Исторія италіянской литературы“ (въ 6 томахъ, съ 2 дополнительными томами, соч. Сальфи), появилась въ 1811 - 1813 годахъ. Батюшковъ много пользовался этимъ сочиненіемъ при изученіи италіянскихъ писателей. 4-го марта 1817 г. Батюшковъ писалъ кн. Вяземскому: „Представь себѣ: Женгене умеръ, пишутъ въ газетахъ. Вѣришь ли? Это меня очень опечалило. Я ему много обязанъ и на томъ свѣтѣ, конечно, благодарить буду“ (т. III, стр. 431).

(Стр. 125). Тѣ же самыя мысли о Ломоносовѣ, которыя высказываетъ здѣсь Батюшковъ, повторяетъ онъ и въ своемъ посланіи къ Муравьеву-Апостолу (II, 203—206), написанномъ одновременно со статьей „О поэтѣ“. Батюшковъ, подобно М. Н. Муравьеву, питалъ глубокое уваженіе къ Ломоносову, что̀ и засвидѣтельствовалъ особою статьей о немъ, относящеюся къ тому же 1815 году (см. ниже прим. къ этой статьѣ). Приводимые Батюшковымъ стихи Ломоносова взяты изъ поэмы послѣдняго „Петръ Великій“, кн. II.

-- Въ экземплярѣ „Опытовъ“, принадлежавшемъ Н. М. Муравьеву, встрѣчаются слѣдующія его замѣчанія противъ нѣкоторыхъ мѣстъ статьи „О поэтѣ“:

На стр. 119, въ послѣднихъ строкахъ, подчеркнуты: „даръ выражаться“, „лучше достояніе человѣка“, и отмѣчено: неправда.

На стр. 120, противъ строкъ 16—21, написано: не одна поэзія, всякая наука, всякое художество, всякое ремесло требуютъ всего человѣка. Тамъ же, въ строкахъ 21 — 22, слова, поставленныя въ скобкахъ, подчеркнуты и снабжены замѣчаніемъ: назовутъ глупымъ.

На стр. 123, противъ строкъ 22—23, написано: теплая вода.

— Къ статьѣ „О поэтѣ“ относится слѣдующее замѣчаніе Бѣлинскаго: „Онъ (Батюшковъ) писалъ „о жизни и впечатлѣніяхъ поэта“, гдѣ, между дѣтскими мыслями, проискиваются мысли какъ будто нашего времени, и тогда же писалъ о какой-то „легкой поэзіи“, какъ будто бы была поэзія тяжелая. Не правда ли, что онъ не принадлежалъ вполнѣ ни тому, ни другому вѣку?“ (Сочиненія Бѣлинскаго, т. I, стр. 69).

XI.

Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи.

Напечатано: 1) въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г., ч. IV, № 12 стр. 236—256, безъ подписи, но съ прибавкою въ заглавіи: „русское сочиненіе", съ слѣдующимъ эпиграфомъ: „Quand on ne serait pendant sa vie que l'apôtre d'un seul homme, ce ne serait pas être en vain sur la terre, ni lui être un fardeau inutile" (La Bruyère), и съ замѣтками издателя—при началѣ статьи: — „Авторъ скрываетъ имя свое; но и въ прозѣ узнаютъ поэта", и въ концѣ статьи: „Сообщено изъ К. П."; 2) въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. 28, нумеръ 9, марта 3-го, подъ тѣмъ же заглавіемъ и также безъ подписи, но безъ эпиграфа и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя: „Издатель С. О. получилъ сію статью изъ Москвы при слѣдующей замѣткѣ: „Препровождаю вамъ русское сочиненіе, достойное быть напечатаннымъ во всѣхъ русскихъ журналахъ. Сочинитель его хочетъ быть неизвѣстнымъ. Помѣщеніемъ онаго въ Сынѣ Отечества вы одолжите многочисленныхъ читателей сего журнала. Москва 15 февраля 1816 г." — Исполняя желаніе неизвѣстнаго, издатель свидѣтельствуетъ ему при семъ благодареніе свое за сей подарокъ и жалѣетъ, что публика лишена удовольствія знать, кому она обязана сею прекрасною статьей"; 3) въ Нов. собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, ч. I, С.-Пб. 1821, стр. 289 — 311; 4) въ Опытахъ, ч. I, стр. 308—335; 5) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 1—22. и 6) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 3 — 35. Въ трехъ послѣднихъ изданіяхъ при статьѣ также нѣтъ эпиграфа.

Время сочиненія статьи—вторая половина 1815 года—опредѣляется письмомъ Батюшкова къ Жуковскому, отъ средины декабря 1815 г., изъ Каменца-Подольска, гдѣ Батюшковъ исчисляетъ свои прозаическія статьи, написанныя въ этомъ городѣ „отъ скуки, безъ книгъ и пособій", и въ числѣ этихъ статей называетъ „Нѣчто о морали и религіи" (ч. III, стр. 359). Батюшковъ прибылъ въ Каменецъ въ началѣ іюля 1815 г. Изъ письма къ Гнѣдичу, отъ 20-го марта 1816 г. (ч. III, стр. 379), видно, что статья была перепечатана въ Сынѣ Отечества безъ вѣдома автора. Вѣроятно, ее доставилъ туда князь П. А. Вяземскій. Въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ начала сентября 1816 г. (ч. III, стр. 395), Батюшковъ выражаетъ желаніе включить эту статью въ приготовляемое собраніе своихъ сочиненій.

Варіанты (по Сыну Отечества и Росс. Музеуму).

Къ стран 127.

Строка 13: .... сіе время вм. это время. (Р. М. и С. О.).
Мѣстоименія этотъ, тотъ почти во всѣхъ случаяхъ замѣняются мѣстоименіемъ сей. Во избѣжаніе частыхъ повтореній

одного и того же, въ послѣдующихъ варіантахъ мы уже не указываемъ на эти замѣны.

Къ стран. 128.

Стр. 25-26: За симъ слѣдуетъ непосредственно эпоха сомнѣній (ibid.).

Къ стран. 129.

Стр. 1: .... свѣтильникъ мудрости одной или другой школы (ibid.).
20-21: Какая мудрость не обманется.... (ibid.).

Къ стран. 130.

Стр. 25: .... всѣ порывы великой души.... (ibid.).

Къ стран. 131.

Стр. 5: .... ни сердцемъ моимъ (ibid.).
7-8: .... заключается вся теорія нравственности новѣйшихъ мечтателей.... (Р. М.).

Къ стран. 134.

Стр. 28: ни въ самыхъ наслажденіяхъ ума, ниже въ сей счастливой философіи.... (ibid.).

Къ стран. 135.

Стр. 15: Ибо человѣкъ есть странникъ.... (С. О.).
20: .... онѣ забываютъ.... (Р. М. и С. О.).

Къ стран. 137.

Стр. 5: И свѣтильникъ сей.... (ibid.)
31-32: .... о слабостяхъ женщины, которой благодѣтельная рука питала его, которой дружество.... (Р. М.).

Къ стран. 139.

Стр. 28: .... и находите на себѣ одни малые слѣды (ibid.).

Къ стран. 141.

Стр. 20-21: у насъ родятся философы.... (Р. М. и С. О.).

— (Стр. 127). Выраженіе Кантемира взято изъ его сатиры VII-й (къ кн. Н. Б. Трубецкому), стихи 53—57:

Время то суть перьвыя младенчества лѣта.
Чудко ухо, зорокъ глазъ новый житель свѣта
Пялитъ; всяка вещь ему примѣтна, все ново
Будучи, все съ жадностью сердце въ немъ готово
Принять...

(Сатиры и другія стихотворческія сочиненія кн. Ант. Кантемира. С.-Пб. 1762, стр. 118—119; Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира. Изданіе И. И. Глазунова. Редакція П. А. Ефремова. С.-Пб. 1867, т. I, стр. 150—151).

— (Стр. 128). „An deux mille quatre cent quarante“—сочиненіе извѣстнаго французскаго писателя Людовика-Себастіана Мерсье (род. въ 1740, ум. въ 1814 г.), вышедшее въ свѣтъ въ 1770 г. въ Амстердамѣ. Мерсье предполагаетъ, что онъ просыпается въ Парижѣ, проспавъ семьсотъ лѣтъ. Въ теченіе этого времени во французскомъ обществѣ совершился полный политическій и общественный переворотъ; онъ сравниваетъ новое настоящее, его окружающее, съ тѣмъ прошедшимъ, котораго когда-то было современникомъ, и разумѣется, сравненіе не въ пользу прошлаго: въ мірѣ водворилось господство разума и справедливости; нѣтъ ни угнетенія, ни лихоимства, никакихъ другихъ злоупотребленій; все, о чемъ авторъ мечталъ, какъ о дѣлѣ не осуществимомъ, исполняется предъ нимъ во очію. Разумѣется, такія рамки сюжета давали автору возможность развить проектъ самыхъ смѣлыхъ общественныхъ и другихъ преобразованій, а Мерсье былъ особенно склоненъ къ тому по парадоксальности своего ума. По обычаю времени, книга написана въ декламаторскомъ тонѣ; но изображенная въ ней картина общества совершеннаго во всѣхъ отношеніяхъ явилась сама собою злою сатирой на дѣйствительность, на общество, которое окружало автора. Поэтому французское правительство остановило ввозъ книги Мерсье во Францію, что однако не помѣшало тайному ея распространенію. Впослѣдствіи сочиненіе это было издано уже въ Парижѣ подъ заглавіемъ: L'An deux mille quatre cent quarante. Rêve s'il en fût jamais; suivi de L'Homme de fer, songe. Par L.-S. Mercier. P. 1786. 3 vol. Помѣщенный тутъ фантастическій и аллегорическій сонъ о желѣзномъ человѣкѣ и имѣлъ въ виду Батюшковъ.

Мерсье оставилъ еще много другихъ произведеній, въ которыхъ видѣнъ его смѣлый, живой, самобытный умъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтна и погоня за оригинальностью. За свое подражаніе Ж.-Ж. Руссо онъ прозванъ былъ „le singe de Rousseau“. Вообще онъ былъ въ постоянной враждѣ съ большею частью современныхъ ему литераторовъ, но пользовался большимъ успѣхомъ у публики. Изъ произведеній его два особенно замѣчательны: „Essai sur l'art dramatique“, въ которомъ онъ, горячій почитатель Шекспира, высказалъ много новыхъ для своего времени мыслей о драматическомъ искусствѣ, и „Tableau de Paris“, очень интересное изображеніе Парижа въ періодъ непосредственно предъ революціей (см. о Мерсье статью Денуартерра при изданіи Tableau de Paris. 1853, и Ch. Monselet, Les Oubliés et les Dédaignés. P. 1859, t. I).

Сочиненія Мерсье много переводились на иностранные языки, въ томъ числѣ и на русскій, въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка и отчасти въ началѣ нынѣшняго. Въ числѣ русскихъ переводчиковъ встрѣчаемъ болѣе или менѣе извѣстныя въ литературѣ имена: Н. П. Брусилова, кн. И. М. Долгорукова, Д. Р. Кошелева, А. Ѳ. Лабзина, В. А. Левшина, А. Ѳ. Малиновскаго, А. А. Нартова, В. А. Перовскаго, А. М. Пушкина, И. И. Рахманинова, М. В. Сушковой. Въ „Драматическомъ Словарѣ“ 1787 г. находимъ свидѣтельства, что піесы Мерсье пользовались большимъ одобреніемъ публики и съ успѣхомъ игрались на русской сценѣ (см. Драм. Словарь, въ перепечаткѣ 1881 г., стр. 30, 62, 90, 147). Карамзинъ также былъ въ числѣ почитателей Мерсье и отчасти воспользовался его „Картиной Парижа“ въ своемъ описаніи француз-

ской столицы въ „Письмахъ русскаго путешественника“. Что касается Батюшкова, то онъ съ сочиненіями Мерсье былъ знакомъ съ дѣтства: уже въ письмѣ къ отцу, отъ 11-го ноября 1801 г., онъ проситъ прислать ихъ ему (т. III, стр. 3). Впослѣдствіи онъ находилъ сходство между Мерсье и С. Н. Глинкой (т. III, стр. 200).

— (Стр. 130). Карлъ Пино Дюкло, французскій писатель XVIII в., род. въ 1704, ум. въ 1772 г.; ему принадлежитъ нѣсколько небольшихъ романовъ, нѣсколько историческихъ сочиненій и „Considérations sur les moeurs de ce siècle“, сочиненіе, болѣе всѣхъ другихъ его прославившее. Дюкло былъ дѣльный, спокойный, холодный человѣкъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, и эти свойства его личнаго характера отражаются на̀ его книгѣ, которая отличается здравою житейскою моралью, болѣе утилитарною, чѣмъ идеальною. Извѣстно, что заимствованія изъ этого сочиненія Дюкло встрѣчаются у Фонъ-Визина (Соч. кн. Вяземскаго, т. V, стр. 87—88).

— (Стр. 130). Мнѣніе свое объ извѣстномъ французскомъ моралистѣ Ларошфуко (род. въ 1613 г., ум. въ 1680 г.), авторѣ „Réflexions ou sentences et maximes“, Батюшковъ высказываетъ въ статьѣ: „О лучшихъ свойствахъ сердца“ (т. I, стр. 143).

— (Стр. 130, прим.). Жанъ-Пьеръ Ансильонъ, реформатскій пасторъ, секретарь Берлинской академіи, род. въ 1767 г., а ум. въ 1837 г. Онъ принадлежалъ къ реформатскому роду, покинувшему Францію послѣ уничтоженія Нантскаго эдикта. Имъ написано нѣсколько сочиненій историческаго и философскаго содержанія. Батюшковъ перефразируетъ по своему слѣдующее мѣсто его статьи „Les gens de lettres“: „Tout le monde frappe monnaie aujourd'hui, avec l'or et l'argent qui sont en circulation; presque personne ne descend dans la mine pour en tirer de nouveaux matériaux. L'excès du mal en amènera le remède, car les idées, les images et les sentimens s'usent, comme les métaux, par l'usage et le frottement, et éprouvent une déperdition continuelle par la refonte“ (Mélanges de littérature et de philosophie, par J.-P.-F. Ancillon. P. Tome II, p. 314).

— (Стр. 134). „Наслажденіе насъ съѣдаетъ“—„L'ayse nous masche“ (Montaigne, Essais, livre II, chap. XX).

— (Стр. 134). Въ собраніи стихотвореній Катулла № XXVII.

— (Стр. 135, прим.). Цитата изъ „Voyage du jeune Anacharsis en Grèce“, аббата Бартелеми взята изъ статьи „Sur le bonheur“, составляющей приложеніе къ гл. LXXVIII и появившейся только въ изданіи VII года, которое вышло уже по смерти автора „Voyage“. Въ подлинникѣ мѣсто читается слѣдующимъ образомъ: „Etant en Egypte, je connus un prêtre qui, après avoir tristement consumé ses jours à pénetrer l'origine et la fin des choses de ce monde, me dit en soupirant: „Malheur à celui qui entreprend de lever le voile de la nature! Et moi, je vous dis: Malheur à celui qui refuserait de se livrer à cette illusion théa-

trale que les préjugés et les besoins ont répandue sur tous les objets. Bientôt son ame flétrie et languissante se trouverait en vie dans le sein du néant: c'est le plus effroyable des supplices". A ces mots, quelques larmes coulèrent de ses yeux, et il s'enfonça dans la forêt voisine". Батюшковъ очень любилъ сочиненіе Бартелеми и называлъ его божественною книгой: „Она не только быть можетъ путеводителемъ къ храму древности, но исполнена здравой философіи" (см. т. III, стр. 57).

— (Стр. 138, прим.). Разсказъ о Руссо основанъ на его „Confessions", гдѣ, въ I-й части, въ концѣ книги VI, читаются и приведенныя Батюшковымъ слова Руссо.

— (Стр. 139). „Квинтиліанъ нашихъ временъ"—безъ сомнѣнія, Шатобріанъ, который въ молодости, когда писалъ „Essai sur les révolutions", дѣйствительно былъ близокъ по образу своихъ мыслей къ свободнымъ мыслителямъ XVIII в. и преимущественно къ Руссо.

— (Стр. 140—141). Мысль, что ходъ событій 1812—1814 годовъ заключаетъ въ себѣ нѣчто сверхъестественное, долженствующее обратить невѣрующихъ къ религіи, высказана Батюшковымъ и въ письмѣ къ Е. Г. Пушкиной, отъ 3-го мая 1814 г., изъ Парижа: „Признаюсь вамъ, у меня голова кружится, когда я начинаю разсчитывать всю превратность этого года, который, конечно, возвратилъ на путь истинный многихъ и многихъ людей" (т. III, стр. 267).

— (Стр. 141). Статья заключается стихами Державина изъ оды „На рожденіе великаго князя Михаила Павловича" (послѣдніе стихи послѣдней 10-й строфы: Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. II, стр. 155).

XII.

О лучшихъ свойствахъ сердца.

Напечатано: 1) въ Сынѣ Отечества 1816, ч. 29, № 14, апрѣля 7-го, стр. 14—15, съ подписью NN; 2) въ Опытахъ, ч. I, стр. 297—307; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 23—31; 4) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850, т. I, стр. 26—35.

Изъ письма Батюшкова къ Жуковскому отъ средины декабря 1815 г. видно, что статья эта, подъ заглавіемъ „О лучшихъ качествахъ сердца", была написана въ Каменецъ-Подольскѣ (т. III, стр. 359). Она упоминается также въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 25-го сентября 1816 г., при чемъ Батюшковъ замѣчаетъ, что это—статья не блестящая, но болѣе всего ему нравится (т. III, стр. 399). Изъ этого же письма видно, что Гнѣдичъ долженъ былъ печатать эту статью не по рукописи Батюшкова, а по тексту Сына Отечества; поэтому можно предполагать, что уже Гнѣдичу, а не самому автору, принадлежатъ тѣ,

немногіе, впрочемъ, варіанты, которые отличаютъ текстъ Опытовъ отъ текста журнала.

Варіанты (по Сыну Отечества).

Къ стран. 142.

Строка 19: звѣри вм. созданія.
20: звѣрей вм. созданій.

Къ стран. 143.

Стр. 23: .... остроумнѣйшаго вѣка....

Къ стран. 144.

Стр. 15: .... дѣлать добро и впередъ....

Къ стран. 145.

Стр. 31: .... за нимъ въ страхѣ и надеждѣ.

Къ стран. 146.

Стр. 16: .... всѣ сіи люди....

— (Стр. 142). Жанъ Массьё (Massieu), глухонѣмой, лучшій ученикъ извѣстнаго наставника глухонѣмыхъ, аббата Сикара (1742—1822). Афоризмъ Массьё о благодарности приведенъ Батюшковымъ и въ другой, болѣе ранней статьѣ „Мысли“ (см. выше стр. 35). Та же мысль повторяется Батюшковымъ въ стихотвореніи „Мой геній“ (т. I, стр. 230), которое было написано въ одинъ годъ со статьей „О лучшихъ свойствахъ сердца“.

— (Стр. 146). Джонъ Говардъ, извѣстный англійскій филантропъ XVIII вѣка, род. въ 1726, ум. въ 1790 г.; своими сочиненіями и своею дѣятельностью онъ много содѣйствовалъ улучшенію быта заключенныхъ и усовершенствованію ухода за больными; для осмотра тюремъ и больницъ, а также для пропаганды своихъ филантропическихъ идей, онъ путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы, между прочимъ былъ въ Россіи во время второй Турецкой войны при Екатеринѣ II и умеръ въ Херсонѣ. О Говардѣ было много писано: на другой же годъ по его смерти Дж. Айкинъ (J. Aikin) издалъ его біографію; позже восхваленію его Делиль посвятилъ часть своей поэмы „Pitié“; о дѣятельности Говарда въ Россіи писали П. П. Свиньинъ (Отеч. Зап. 1826 г. ч. XXII, стр. 103) и нѣкоторыя другія лица (Москвитянинъ 1852 г., кн. 1-я, 5-я, 10-я и 15-я). Воспоминаніе о Говардѣ находится также въ „Путешествіи по Тавридѣ“ И. М. Муравьева-Апостола. стр. 44—49, и тутъ сдѣлана ссылка на біографію его, помѣщенную въ Журналѣ Имп. Человѣколюбиваго Общества, 1817 г., ч. I.

Варѳоломей Ласъ-Казасъ, испанскій прелатъ, епископъ Кіапы въ Мексикѣ, род. въ 1474 г., а ум. въ 1566. Онъ посвятилъ свою жизнь на заступничество, самое усердное и горячее, но большею частью безуспѣшное, за американскихъ туземцевъ, которые подвергались всевозможнымъ угнетеніямъ, жестокостямъ и истребленію со стороны Испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ. Въ XVIII в., во время распространенія филантропическихъ идей, имя и дѣятельность Ласъ-Казаса особенно прославлены были Рейналемъ (1713—1796) въ его „Histoire philoso-

phique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes", (1770 г.) и еще болѣе Робертсономъ (1721 1793) въ его „Исторіи Америки" (1771—1790). Слич. замѣтку Батюшкова о Лась-Казасѣ въ т. III, стр. 103.

Ермолинъ, Петръ Дмитріевичъ, извѣстный государственный дѣятель при императрицѣ Екатеринѣ II, род. въ 1736, а ум. въ 1805 г. Самый замѣчательный эпизодъ его жизни составляетъ его дѣятельность въ Москвѣ во время чумы 1771 г., когда онъ проявилъ благоразумную распорядительность и большое человѣколюбіе. См. о немъ въ Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли, Д. Н. Бантыша-Каменскаго. М. 1836, т. II, стр. 385—393, а также Историческое похвальное слово ему, соч. М. Прокудинымъ-Горскимъ. М. 1805. Въ 1808 г. изданы были Яковомъ Ростомъ письма и рескрипты Екатерины къ Ермолину и его донесенія императрицѣ.

— (Стр. 146). Монтань, во II-й книгѣ своихъ „Essais", въ главѣ XVI: „De la gloire", говоритъ: „Combien de belles actions particulieres s'ensepvelissent dans la foule d'une bataille!"

— (Стр. 147). Стихъ изъ Греева „Сельскаго кладбища", въ первомъ переводѣ Жуковскаго, строфа 15-я.

— (Стр. 147). Мальзербъ (Chrétien-Guillaume de Malesherbes), французскій государственный дѣятель во второй половинѣ XVIII в., род. въ 1721, казненъ въ 1794. Онъ былъ дважды министромъ при Людовикѣ XVI; отпущенный въ отставку въ 1787 г., послѣ того, какъ его совѣты не были приняты королемъ, онъ явился однако защитникомъ его во время революціи, особенно послѣ того, какъ Людовикъ былъ свергнутъ, и до самой смерти короля.

XIII.

Аріостъ и Тассъ.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. LXXXVI, мартъ, № 6, стр. 107—121, съ подписью NNN; 2) въ Опытахъ, ч. I, стр. 233—249; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 216—229; 4) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 234—248.

Статья эта написана въ Каменецъ-Подольскѣ, что̀ видно изъ письма Батюшкова къ Жуковскому отъ средины декабря 1815 г. (т. III, стр. 359); упоминается также въ письмахъ къ Гнѣдичу отъ начала сентября 1816 г. (т. III, стр. 395) и отъ конца февраля—начала марта 1817 г. (т. III, стр. 423).

Варіанты (по Вѣстнику Европы).

Къ стран. 152.

Строка 29: .... хватаетъ дѣвъ устрашенныхъ.

Къ стран. 154.

Стр. 2—3: Въ сраженіи есть минуты рѣшительныя: онѣ не столь ужасны.

Къ стран. 158

Стр. 9: повторяются вм. воспѣваетъ
Мѣстоименія т о т ъ, э т о т ъ почти вездѣ замѣняются мѣстоименіемъ с е й.

— Батюшковъ еще на школьной скамьѣ началъ знакомиться съ италіянскимъ языкомъ и литературой. Сперва онъ занимался чтеніемъ италіянскихъ поэтовъ и переводами изъ нихъ, а позже обратился и къ историческимъ пособіямъ, къ сочиненіямъ Женгене (G i n g u é n é, Histoire littéraire de l'Italie) и Сисмонди (S i m o n d e de S i s m o n d i, De la littérature du midi de l'Europe). Слѣды знакомства съ этимъ трудами и видны въ статьяхъ Батюшкова объ италіянскихъ писателяхъ. Кромѣ того, онъ руководствовался замѣчаніями Вольтера; такъ, сужденіе объ Аріостѣ основано на томъ, что̀ говоритъ объ этомъ писателѣ Вольтеръ въ своемъ „Dictionnaire philosophique“, въ статьѣ объ эпической поэмѣ. Оригинальное сужденіе Батюшкова объ Аріостѣ см. его въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 29-го декабря 1811 года (т. III, стр. 170). Въ письмахъ же встрѣчаются замѣтки и о Тассѣ (т. III, стр. 44, 62, 64, 72, 81, 87). Но кромѣ того, для характеристики сужденій Батюшкова о Тассѣ весьма любопытны его отмѣтки на поляхъ принадлежавшаго ему экземпляра „Gerusalemme Liberata“ (см. о нихъ ниже сообщеніе П. А. Безсонова).

— (Стр. 150).

Si come è bello il sol più d'ogni stella!

Стихъ изъ Аріостова „Orlando furioso“, пѣснь VII, строфа X.

— (Стр. 152). Указывая на „Chiama gli abitator“, Батюшковъ разумѣетъ знаменитую по своей звукоподражательности III-го строфу IV-й пѣсни „Gerusalemme liberata“, гдѣ описывается, какъ сатана созываетъ обитателей темнаго царства.

— (Стр. 152). Приводится строфа XXX-я изъ XIX-й пѣсни „Gerusalemme liberata“.

— (Стр. 153). Приводятся строфы XXVIII-я, XXIX-я и первый стихъ строфы XXX-й изъ XX-й пѣсни „Gerusalemme liberata“.

— (Стр. 154). Приводятся строфы L-я, LI-я и LII-я той же пѣсни.

— (Стр. 155, прим.). Приводятся стихи Ломоносова изъ трагедіи „Тамира и Селимъ“, дѣйствіе V, явленіе послѣднее, разсказъ Нарсима о побѣдѣ Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ.

— (Стр. 157—158). „Ринальдо вырывается“... и т. д. Здѣсь Батюшковъ разумѣетъ сцену изъ XVIII-й пѣсни „Gerusalemme liberata“. Рѣчь Петра

Пустынника составляетъ въ этой пѣсни конецъ строфы VII-й и начало VIII-й.

„Годофридъ, желая осадить городъ“ и т. д. Здѣсь излагается содержаніе первыхъ строфъ XI-й пѣсни „Gerusalemme liberata“. Стихи взяты изъ строфы VII-й.

Замѣтки К. Н. Батюшкова на принадлежавшемъ ему экземплярѣ Gerusalemme liberata.

(Записка П. А. Безсонова).

П. А. Безсоновымъ найденъ былъ и пріобрѣтенъ экземпляръ „Освобожденнаго Іерусалима“ Торквато Тассо съ собственноручными приписками и примѣчаніями К. Н. Батюшкова. Видно по всему, что покойный поэтъ именно по этому экземпляру изучалъ Тасса и отсюда же сдѣлалъ свой переводъ, получившій извѣстность впослѣдствіи. Примѣчанія его характеризуютъ для насъ и способъ изученія, и то, что наиболѣе его останавливало, и общую начитанность въ древнихъ поэтахъ.

Вотъ описаніе и самого экземпляра, и извлеченіе „примѣчаній“.

„Gerusalemme liberata di Torquato Tasso. Tomo I — II. Venezia MDCCLXXXVII. Presso Antonio Zatta e Figli 8° min.

Примѣчанія писаны и карандашемъ (потому часть стерлась), и чернилами, но переплетено послѣ (въ одну книгу), и потому часть словъ кое-гдѣ урѣзана.

Tomo I.

Canto I.—Стран. 4, противу строфы (октавы) VIII-й и стиховъ:

E pien di fe, di zelo, ogni mortale
Gloria imperio tesor mette in non cale,

приписка карандашомъ: „expression Dantesque“ (выраженіе Дантовское).

Стран. 15, противу строфы XLII и стиховъ:

Quindi gente traea, che prende a scherno
D'andar contra la morte ov' ei comandi,
Usa a temprar ne' caldi alberghi il verno,
E celebrar con lieti inviti i prandi,

описаніе отрядовъ, которымъ смерть ни по чемъ, гдѣ приказано, по командѣ, которые привычны отогрѣваться зимою въ теплыхъ гостинницахъ и весело похваливать угощенье, примѣчаніе карандашомъ: „Русскіе солдаты“.

Стран. 16, строфа XLV — XLVI и дал., при описаніи Танкреда и прибывшей къ нему вооруженной дѣвы (Vien poi Tancredi и дал.), приписка карандашомъ: „Какой прелестный эпизодъ“.

Затѣмъ, стран. 18, при строфѣ L-й и описаніи прибывшихъ двухъ сотенъ Грековъ (Venian dietro dugento in Grecia nati... и т. д.) (висятъ на боку кривыя ихъ сабли, звенятъ на спинѣ колчаны и луки, привычны къ бѣгу ихъ лошади, непобѣдимы усталостью, умѣренны въ пищѣ, быстры въ нападеніи и

отступленіи, дерутся на бѣгу въ разсыпную и т. п.), примѣчаніе карандашомъ: „Можно ли лучше изобразить нашихъ казаковъ?“

Canto II. Стран. 39, при строфѣ XX-й и дал., въ изображеніи того, какъ при появленіи женщины измѣнилась наружность короля и, что бы ни было внутрѣ, наружность сдѣлалась ласковою—любящею:

Frenò lo sdegno, e placò il fier sembiante,
S'egli era d'alma, o se costei di viso
Severa manco, ei diveniane amante...

приписка карандашомъ: „Splendide mendax! d'Horace, L. III O. XI“ (о мастерскомъ умѣньѣ притвориться, изъ оды къ Меркурію). Приписка эта, относясь ко всей этой страницѣ и строфамъ XX-й—XXII-й, преимущественно имѣла въ виду выраженіе 3-го стиха въ строфѣ XXII-й: „Magnanima menzogna“, великодушная ложь. Нужна была большая начитанность и память, чтобы привести такъ кстати это выраженіе Горація.

Стран. 43, подъ строфами XXXIII—XXXIV, при эпизодѣ „костра“ („Composto è lor d'intorno il rogo omai...“) внизу приписка карандашомъ; „que peut'on opposer de plus pathétique à ce morceau d'une verité aussi pure et touchante!“

Стран. 44, въ концѣ эпизода, въ строфѣ XXXVI-й, о предсмертныхъ словахъ:

Mira il ciel com'è bello, e mira il sole,
Ch'a se par che n' inviti e ne console

(взгляни на небо, какъ оно прекрасно, на солнце, какъ оно будто зоветъ насъ и насъ утѣшаетъ), приписка карандашомъ: „Elle semble déjà jouir d'avance la béatitude céleste en prononçant ces deux derniers vers“ (произнося эти два послѣдніе стиха, она какъ будто предвкушаетъ уже небесное блаженство).

Canto III.—Отмѣчены карандашомъ многія мѣста, но большею частью безъ приписокъ; только:

Стран. 75, противъ строфы XXX-й:

Pur non gi tutto invano...
...e i biondi crini
Rosseggiaron cosi d'alquante stille...

(картина каплей крови на бѣлокурыхъ волосахъ) карандашомъ „прекрасно“.

И выше, при стихахъ строфы XXI-й, стран. 72:

E le chiome dorate al vento sparse,
Giovane donna in mezzo l'campo apparse

(и позлащенные волосы распустивши по вѣтру, явилась вдругъ) карандашомъ: „c'est bien gracieux!“

Canto IV (при этой и VII-й пѣсни всего больше приписокъ).—Стран. 92 съ боку строфы III-й:

Chiama gli abitator' de l'ombre eterne
Il rauco suon de la tartarea tromba, etc.

(зоветъ обитателей вѣчныхъ тѣней хриплый — рѣдкій—звукъ адской трубы...) приписка карандашомъ: „C'est ainsi que les grands génies savent manier leur langue", вотъ какъ великіе геніи умѣютъ обращаться съ языкомъ своимъ. — Строфа заключаетъ въ себѣ риемы tromba, rimbomba, piomba. Потому внизу ея еще приписка: „Cet endroit si fameux doit avoir été imité du Dante pour l'harmonie inimmitative", это мѣсто, столь знаменитое, должно быть подраженіемъ Данте, ради неподражаемой его гармоніи, и затѣмъ выписаны извѣстные стихи изъ Данте „Inf. C. VI", съ риемами tromba, tomba rimbomba (стихи 94—99, о воспріятіи умершими плоти вмѣстѣ со звукомъ судной трубы).

Стран. 94, при строфѣ IX-й, при воззваніи къ адскимъ божествамъ—силамъ, низверженнымъ съ неба, карандашомъ съ боку: „Allusion à la chûte de Lucifer", намекъ на паденіе Люцифера.

Стран. 101, строфа XXIX-я, при сравненіи золотыхъ волосъ, которые то просвѣчиваютъ сквозь бѣлое покрывало, то вырываются вонъ наружу,— съ солнцемъ изъ-за бѣлаго облака, замѣтка карандашомъ: „quelle verité dans la comparaison!"

Стран. 104, съ боку стиховъ строфы XXXVIII-й (она поклонилась почтительно и въ стыдливости не промолвила ни слова: „Essa inchinollo, riverente...") приписка карандашомъ „que cela est vrai!"

— На стран. 107, съ боку строфы XLIX-й: „Spesso l'ambra materna a me s'offria...", часто тѣнь матери мнѣ являлась, сравненіе карандашомъ съ „Virg. S. 11 Aen. v. 274 et 289".

Стран. 109, въ строфѣ LIII-й, при словахъ „a l' aer cieco", приписка: „Dantesque"—„слѣпой воздухъ", какъ называется часто у Данте въ „Аду": безъ свѣта.

Стран. 110, въ строфѣ LVII-й, при словахъ:

Ahi, che fiamma dal cielo anzi in me scenda,
Santa onestà, ch'io le tue leggi offenda

(клятва, заклятіе), карандашомъ сравненіе съ „Virg. L. IV. Aen. v. 24—27".

Стран. 120, съ боку строфъ LXXXVII-й—LXXXVIII-й:

Usa ogni arte la donna, onda sia colto
Ne la sua rete alcun novello amante etc.

(пользовалась всякимъ искусствомъ, чѣмъ бы забрать во свою сѣть какого-либо новаго любовника и проч.) замѣтка карандашомъ: „Voici le portrait le plus vrai et le plus charmant d'une coquette".

На стран. 122, съ боку строфъ XCII-й и XCIII-й, приписана была карандашомъ замѣтка, стершаяся и снова вписанная поэтомъ съ подписью Б. (Батюшковъ), но, къ сожалѣнію, все-таки урѣзанная при переплетѣ. Въ первой изъ этихъ строфъ воззваніе къ любви; „Ahi crudo Amor", о, жестокая любовь, ты, отъ которой исходятъ равно смертельныя—и зло, и лѣкарство отъ зла, во второй—знаменитое изображеніе обольщеній любви. На сколько осталось отъ замѣтки, можно прочесть: „Cette octave prouverait seule que le coeur a

été (de?) nouveau Ahi crudo amor ( ) mouvement de haine. Б." (Такая подпись Б. за симъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ).

Canto V. — На стран. 125, чернилами на поляхъ изъ строфъ II-й, III-й и IV-й переведены слова: „pregio—récompense, mutabile—превратно, canto—осторожно, leve o lieve—легкой", съ подписью Б.

Стран. 129, строфа XIV-я („Onde cosi rispose...") отчеркнута чернилами съ подписью Б.

Canto VI.—Стран. 172, съ боку строфы XLVIII-й, изображающей битву:

Vinta da l' ira è la ragione e l'arte,
E le forze il furor ministra e cresce...

(побѣждены яростью и разумъ, и искусство, бѣшенство править силами и проч.) приписка карандашомъ: „какая быстрота!"

На стран. 178, при строфѣ LXV-й и ближайшихъ (тревога души при созерцаніи издали битвы) приписка карандашомъ: „Comme c'est naturel!"

Canto VII (опять много приписокъ).—Стран. 196 и 197, съ конца IV-й отмѣченной строфы и при всей V-й, изображающей, какъ тревога любви не оставляетъ покоя и во снѣ, пока все проснется въ природѣ: но и тогда, когда уже откроетъ истомленныя очи, „кажется, будто между водой и вѣтвями проносится олосъ, призывающій ее снова ко вздохамъ и плачу":

E parle voce uscir tra l' acqua e i rami,
Ch'ai sospiri ed al pianto la richiami,

приписка чернилами: „Ета вся октава прекрасна. Несчастный умѣетъ во всемъ находить источникъ чувствительности". Карандашомъ: Б.

Стран. 198, подъ строфою X-ю: „Altrui vile e negletta, a me si cara", другому негодна и презрѣнна, а мнѣ столь дорогая,—была приписка по французски карандашомъ, но намѣренно вытерта и осталась лишь подпись Б.

Стран. 201, при подчеркнутыхъ въ строфѣ XVII-й: „Poi dolce la consola" словахъ:

ove l'antica moglie,
Che di conforme cor gli ha data il cielo

(гдѣ старая супруга, данная ему небомъ, съ согласнымъ сердцемъ), приписка чернилами: „Смотри Филимона и Бавкиду, Лафонт. сказку".

Тамъ же, въ строфѣ XVIII-й, при отмѣченныхъ словахъ:

Guida la greggia ai paschi, e la riduce
Con la povera verga al chiuso ovile

(провожаетъ стадо на пастьу и назадъ его гонитъ къ хлѣву бѣдною лозою), приписка чернилами: „какъ здѣсь кстати простыя слова: povera verga!"

Стран. 202, внизу строфы XXII-й, къ словамъ:

Onde, se in vita il cor misero fue,
Sia lo spirito in morte almen felice

(потому, если сердце несчастно было въ жизни, пусть по крайней мѣрѣ духъ будетъ счастливъ по смерти), приписка чернилами: „Вотъ источникъ мысли о безсмертіи души. Б."

Стран. 206, при строфѣ XXXIII-й, противъ имени спутника Арминды Rambaldo di Guascogna приписка на полѣ чернилами: „Un hableur Gascon", хвастунъ гасконскій.

И затѣмъ вообще въ пѣснѣ VII-й многія строфы отчеркнуты чернилами.

Стран. 215, подъ строфою LIX-ю, при словахъ:

Gli altri di mano e d'animo men forte,
Taciti se ne stanno e vergognosi

(при уходѣ отборныхъ на подвигъ, „прочіе, руки и духа не столь сильныхъ, молча и стыдливо стояли—оставались"), замѣтка чернилами: „Подражаніе Иліадѣ".

Стран. 216, при строфѣ LXIII-й, при словахъ Раймонда объ его старости („И я не откажусь, хотя бы..."), замѣтка чернилами: „Подражаніе Иліадѣ. Раймондъ есть Несторъ поэмы".

Стран. 218, при строфѣ LXVIII-й:

Ma sovra tutti gli altri il fero vecchio
Se ne dimostra cupido ed ardente

(но передъ всѣми другими суровый старикъ (Раймондъ) выказываетъ больше рвенія и пылу), и затѣмъ слова къ нему Готфрида: „О, живое зеркало древней доблести":

O vivo specchio
Del valor prisco,

приписка чернилами: „Агамемнонъ говоритъ Нестору этими словами при цѣломъ войскѣ, которое отказывалось единоборствовать съ Гекторомъ. Б.".

Стран. 220, при концѣ строфы LXXVI-й (о чудномъ рожденіи и зачатіи коня Аквилина „отъ теплыхъ дыханій плодоноснаго вѣтра") замѣтка карандашомъ: „Vedi Virg. Georg." (Георгики Виргилія).

Стран. 229, при словахъ строфы LI-й:

Qui fa prova de l'arte, e le saette
Tingi nel sangue del ladron francese,

(здѣсь отвѣдай искусство и стрѣлы окрась кровью грабителя Франка), приписка карандашомъ: „Virg. En." (Энеида).

Canto VIII. Стран. 245, при 5-мъ стихѣ строфы XXIV-й (зову васъ въ свидѣтели и клянусь, что я не былъ тогда скупъ на жизнь мою, не щадилъ ея, non fui de la mia vita avaro) карандашомъ: „Virg. En. C. II".

Въ пѣсняхъ IX-й и X-й (чѣмъ кончается томъ I-й) нѣтъ приписокъ, хотя нѣкоторыя строфы и отчеркнуты карандашомъ.

Tomo II.

Въ пѣсни XI-й нѣтъ приписокъ.

Canto XII.—Стран. 52, подъ строфою LXIV-ю (о смерти Клоринды) подпись чернилами: „Что можетъ быть лучше этой строфы!“

— Въ пѣсняхъ XIII-й—XV-й нѣтъ приписокъ, хотя нѣкоторыя строфы и мѣста отчеркнуты.

Canto XVI.—Стран. 147, при строфѣ VI-й (о смятеніи бѣгства съ боя, гдѣ оно сравнено съ колебаніемъ любви, стыда и гнѣва, то борящихся между собою, то уступающихъ), замѣтка карандашомъ: „Ист. (исторія) Тантала“.

— На стран. 155, въ строфѣ XXIX-й

quando repente
De l'arme il lampo gli occhj suoi percosse,

(когда блескъ оружія внезапно поразилъ его очи), repente переведено на поляхъ карандашемъ (ошибочно): „быстрый“.

На стран. 157, при знаменитой XXXVI-й строфѣ („Армида хотѣла кричать: О жестокій, съ чего покидаешь меня одну? Но скорбь заградила выходъ звуку, и вернулось плачевное слово еще горьче назадъ, чтобъ отозваться на сердцѣ“), приписка карандашемъ, къ сожалѣнію обрѣзанная при переплетѣ, такъ что оставалось только: „Voltaire à ce passage... présente une lutte insurmontable au trad...

Въ пѣснѣ XVII-й нѣтъ приписокъ.

Canto XVIII.—На стран. 216, въ строфѣ XXXVI-й, слова „campi Stigi“ объяснены на полѣ чернилами: „Стигійскія поля“ (вѣроятно, для устраненія недоумѣній при чтеніи, такъ какъ въ оригиналѣ stigi напечатано черезъ малое s, какъ нарицательное).

Въ пѣсняхъ XIX-й и XX-й до конца—нѣтъ приписокъ, и даже строфы или мѣста не отчеркнуты, не отмѣчены ничѣмъ, листы не помяты - какъ новые; вѣроятно, и не читаны, по крайней мѣрѣ не читаны внимательно.

XIV.

Петрарка.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы, 1816 г., ч. 86, № 7, апрѣль, стр. 171—192, съ подписью NN; 2) въ Опытахъ, ч. I, стр. 252—275; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 230—250; 4) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 149—271.

Изъ письма Батюшкова къ Жуковскому отъ средины декабря 1815 г. видно, что статья эта написана во второй половинѣ этого года, въ Каменцѣ-Подольскомъ (т. III, стр. 359). Она же упоминается въ письмахъ къ Гнѣдичу отъ начала сентября 1816 г. и отъ конца февраля—начала марта 1817 г. (т. III, 395 и 423).

Печатается по изданію 1817 г. Но примѣчаніе, относящееся къ страницѣ 164 текста настоящаго изданія, взято изъ Вѣстника Европы.

Варіанты (по Вѣстнику Европы).

Къ стран. 159.

Строка 8: онъ занимался критическимъ разборомъ...

Къ стран. 160.

Стр. 33-34: . . . . на ней-то основана моя слава.

Къ стран. 161.

Стр. 2: . . . . и облеченный природою въ прелести земныя.

Къ стран. 163.

Стр. 15: затемнить вм. затмить.

Къ стран. 164.

Стр. 18: сію вм. эту.

Къ стран. 166.

Стр. 25: а болѣе еще тѣ, въ которыхъ....

Къ стран. 168.

Стр. 32: сего вм. того.

Къ стран. 169.

Стр 8: и смертные страшатся, обращая вспять....

Къ стран. 170.

Стр. 2: сицилiянскихъ поэтовъ и трубадуровъ, которые....

Къ стран. 171.

Стр. 18: . . . . чувствительности сердца и набожности....
22-23: . . . . посреди блестящихъ вымысловъ сицилiянскихъ....

Къ стран. 172.

Стр. 12: сіе чтеніе вм. это чтеніе.

Къ стран. 173.

Стр. 9: . . . . гдѣ она увидѣла меня....
22: . . . . нашедши убѣжище у пастырей....

— (**Стр. 159**). Статья начинается первымъ стихомъ LXXXVIII-го сонета изъ Sonetti e canzoni in vita di M. Laura.

— (**Стр. 159**). Слова короля Роберта о его любви къ просвѣщенію сохранены Петраркой и приведены у Ginguené, t. II, p. 361.

— (**Стр. 160, прим.**). См. выше на стр. 123 другой анекдотъ о Богдановичѣ и слич. нашу замѣтку по этому поводу.

— (**Стр. 161**). Стихи Тибулла взяты изъ I-й элегіи I-й книги, ст. 59 и 60.

— (**Стр. 161—162**). Приводится сокращенный переводъ послѣднихъ четырехъ терцинъ изъ Trionfo della morte di M. Laura, capitolo I.

— (**Стр. 162—163**). Сообщается сжатый пересказъ I-й канцоны изъ Sonetti e Canzoni in morte di M. Laura.

— (**Стр. 164**). Замѣтка о смерти Лауры написана Петраркой по латыни и сообщена въ французскомъ переводѣ у Женгене (т. II, стр. 442—443), откуда Батюшковъ и перевелъ ее, отбросивъ послѣднія строки Въ латинскомъ подлинникѣ замѣтку эту можно найти у Бартоли, Storia della litteratura italiana, t. VII (1884), стр. 192—193. Рукопись Виргилія, въ которую Петрарка внесъ свою замѣтку, дѣйствительно находилась въ Амброзіанской библіотекѣ въ Миланѣ, затѣмъ въ 1796 г. перевезена была въ Парижъ въ числѣ военныхъ трофеевъ, а послѣ Вѣнскаго конгресса возвратилась въ мѣсто своего прежняго храненія.

— (**Стр. 164—165, прим.**). Г. П., пріятель Батюшкова, Швейцарецъ, по всей вѣроятности нѣкто Петра, бывшій воспитателемъ Н. М. Муравьева и умершій въ 1812 г. Батюшковъ говоритъ о немъ въ своихъ письмахъ (т. III, стр. 180 и 186).

Франсискъ Вернъ (Vernes de Luze), довольно извѣстный въ свое время французскій писатель, нынѣ однако забытый, род. въ 1765 г., а ум. въ 1834. Онъ былъ сынъ женевскаго пастора, тоже писателя, и съ раннихъ лѣтъ посвятилъ себя словесности. Въ числѣ его произведеній есть поэмы, повѣсти, романы, драматическія сочиненія, философскіе и политическіе опыты и нѣсколько путешествій. По направленію своему онъ принадлежалъ къ модному въ его время сентиментализму. Написанная имъ книга „Le Voyageur sentimental ou ma promenade à Yverdon“, вышедшая впервые въ 1786 г., очень нравилась въ свое время, какъ подражаніе Стерну; она выдержала нѣсколько изданій и была переведена на многіе языки, въ томъ числѣ на русскій, подъ заглавіемъ: Чувствительный путешественникъ или моя прогулка въ Ивердюнъ. Соч. Вирнея, перев. А. (Матвѣя Алексѣева). Москва. 1801. Другое его сочиненіе, то именно, о которомъ говоритъ Батюшковъ, называется „Voyage sentimental en France sous Robespierre“. Карамзинъ познакомился съ Верномъ въ бытность свою въ Женевѣ и въ „Письмахъ русскаго путешественника“ (письмо отъ 30-го января 1790 г.) говоритъ о немъ слѣдующее: „На сихъ же дняхъ я узналъ и молодаго Верна. Вамъ извѣстны его „Франсіада“ и „Voyageur sentimental“, въ которыхъ много хорошаго и трогательнаго“.

Послѣднія строки примѣчанія содержатъ въ себѣ намекъ на психическую болѣзнь Озерова, которая была слѣдствіемъ огорченій, пережитыхъ имъ частію на службѣ и особенно въ литературной жизни. Объ Озеровѣ и отношеніяхъ нашего поэта къ нему самому и къ его произведеніямъ говорится въ статьѣ о Батюшковѣ, предпосланной настоящему изданію его сочиненій. Но не смотря

на то, будетъ не безполезнымъ собрать здѣсь свѣдѣнія о русскомъ драматургѣ, въ судьбѣ котораго дѣйствительно есть общія черты съ судьбою самаго Батюшкова. Нашъ авторъ питалъ особенное сочувствіе къ двумъ поэтамъ, жизнь которыхъ была омрачена психическимъ разстройствомъ, — къ Тассу и Озерову. Какъ бы предчувствіе собственныхъ несчастій Батюшкова сказывается въ послѣднихъ словахъ примѣчанія: „Великое дарованіе и великое страданіе—почти одно и то же“ (ср. объ этихъ словахъ замѣчаніе Е. П. Ковалевскаго въ его сочиненіи о гр. Д. Н. Блудовѣ: Сочиненія Е. П Ковалевскаго, т I. С -Пб. 1871, стр. 35).

Владиславъ Александровичъ Озеровъ родился 30-го сентября 1770 г. въ селѣ Казанскомъ, Тверской губерніи, Зубцовскаго уѣзда, и какъ кажется, рано лишился матери. Отецъ его, Александръ Иринарховичъ, вторично женившійся, отдалъ сына въ маѣ 1780 г. въ Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, гдѣ онъ пробылъ семь лѣтъ (А. Карабановъ. Основаніе 1750 русскаго театра. С.-Пб. 1849, стр. 68). Образованіе, полученное Озеровымъ въ корпусѣ, было недостаточно, хотя и считалось по тогдашнимъ понятіямъ хорошимъ. Все вниманіе устремлено было на изученіе французскаго языка и литературы, и въ этомъ отношеніи Озеровъ оказалъ большіе успѣхи. С. Н. Глинка въ своихъ запискахъ говоритъ, что „въ памяти Озерова вмѣщался весь театръ Корнеля, Расина, Вольтера. Превосходно зналъ онъ французскій языкъ, игралъ французскія трагедіи въ нѣкоторыхъ домахъ вельможъ и съ блескомъ высказывалъ свои рѣчи“ (Русск. Вѣстн. 1863 г., № 4, стр. 806). Ближайшее знакомство Озерова съ русскою литературой относится уже къ болѣе позднему времени, когда онъ принялся за изученіе Державина, Дмитріева и Карамзина. Сперанскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ дочери, произнося рѣзкій приговоръ таланту Озерова, замѣчаетъ: „Я зналъ его коротко. Онъ лучше писалъ по французски и весьма поздно принялся за русскій“ (Русск. Архивъ 1868 г., стр. 1730).

16-го ноября 1787 г. Озеровъ окончилъ курсъ ученія въ корпусѣ съ награжденіемъ первою золотою медалью и выпущенъ поручикомъ. Онъ отправился въ южную армію, былъ адъютантомъ у графа А. Б. де-Бальмена, прежняго директора Сухопутнаго кадетскаго корпуса, и участвовалъ въ занятіи Бендеръ (1789 г.). Потомъ Озеровъ состоялъ адъютантомъ при главномъ директорѣ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, графѣ Ѳ. Е. Ангальтѣ. Къ этому времени относятся написанные имъ по французски стихи на кончину Ангальта, послѣдовавшую 24-го мая 1794 г. (Карабановъ, стр. 68; Русск. Архивъ 1869 г., стр. 124). Стихи эти, вмѣстѣ съ русскимъ ихъ переводомъ, въ первый разъ были напечатаны въ Журналѣ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній 1840 г., т. 25, № 100, а затѣмъ перепечатаны въ книгѣ Карабанова, стр. 69—72.

Одаренный отъ природы нѣжною душой и пылкимъ темпераментомъ, Озеровъ, по свидѣтельству его біографа, князя П. А. Вяземскаго, во дни своей юности страстно влюбился въ одну замужнюю женщину. Эта платоническая привязанность, продолжавшаяся до самой смерти любимой особы, не осталась безъ вліянія на характеръ Владислава Александровича. Онъ сдѣлался раздражителенъ и получилъ наклонность къ ипохондріи.

Послѣ службы при Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ Озеровъ перешелъ въ лѣсной департаментъ, гдѣ и пользовался, впрочемъ не долго, особеннымъ покровительствомъ своего начальника, адмирала О. М. Рибаса, который умеръ въ 1800 году (Русск. Архивъ 1869 г., стр. 124). Служа здѣсь, Озеровъ, по словамъ своего двоюроднаго брата, гр. Д. Н. Блудова, терпѣлъ большія непріятности отъ своего начальника, Ѳ. А. Голубцова, который управлялъ въ то время министерствомъ финансовъ. Въ іюлѣ 1808 г. Озеровъ подалъ въ отставку и уѣхалъ къ отцу, въ село Казанское, откуда велъ переписку съ другомъ своимъ А. Н. Олениным. Вотъ что писалъ онъ послѣднему по поводу выхода своего въ отставку: „Мою обязанность передъ отечествомъ исполнилъ, находясь въ службѣ болѣе тридцати лѣтъ и служивъ оберъ-офицеромъ болѣе двадцати лѣтъ. Если не могу быть ему полезенъ столько, сколько желалъ, тому не я причиною, а судьба, стѣснявшая всегда кругъ моихъ обязанностей. По лѣсному же департаменту я имѣлъ случай доставить казнѣ въ продолженіе семи лѣтъ болѣе 1,300000 рублей дохода новою и мною найденною и обработанною статьею сборовъ, которая ежегодно приноситъ отъ 50 до 70 тысячъ рублей. Но вмѣсто поощреній и награжденій я чувствовалъ одни огорченія, испыталъ несправедливости и подвергнулся со всѣми лѣсными чиновниками подозрѣнію правительства. Послѣднее довершило мое негодованіе на службу, когда я увидѣлъ, что ни моя скромная жизнь, ни отказываніе себѣ во многомъ не могли меня исключить изъ-подъ ложнаго мнѣнія, по которому, можетъ быть, считаютъ, что сынъ не царскій и не боярскій, а просто дворянскій, не можетъ быть честнымъ человѣкомъ по воспитанію, по собственному понятію своему и совѣсти“ (Русск. Архивъ 1869 г., стр. 139—140).

Въ концѣ ноября 1808 г. Озеровъ отправился въ Красный Яръ, единственное свое имѣніе, находившееся въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Изъ письма къ Оленину отъ 23-го ноября 1808 г. видно, что онъ ѣхалъ туда неохотно, подчиняясь только крайней необходимости (ibid., стр. 135). Въ апрѣлѣ 1809 г. Озеровъ получилъ предписаніе отъ Голубцова съ объявленіемъ высочайшей воли о томъ, что онъ можетъ быть уволенъ отъ службы, но безъ просимой прибавки къ пенсіону, который былъ ему пожалованъ еще въ 1801 году. Письма по этому поводу къ Оленину отъ 25-го іюня 1809 г., и въ особенности къ Голубцову отъ 8-го апрѣля того же года, показываютъ, что Озеровъ глубоко оскорбился такимъ рѣшеніемъ и считалъ его несправедливымъ. Кромѣ того, отказъ въ пенсіонѣ обрекалъ его на постоянную жизнь въ глуши. Матеріальныя средства Озерова были такъ незначительны, что о возвращеніи въ столицу нельзя было и думать (ibid., стр. 146, 151). Такимъ образомъ, служба не принесла Озерову ничего, кромѣ огорченій [1]).

Литературная дѣятельность его началась сравнительно поздно, но скоро увѣнчалась блистательными успѣхами. Но это торжество Озерова было тоже непродолжительно и кончилось полнѣйшимъ разочарованіемъ.

Первымъ литературнымъ опытомъ Озерова на русскомъ языкѣ былъ вольный переводъ съ французскаго героиды Колардо: „Элоиза къ Абелярду“,

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о службѣ Озерова мы имѣли возможность, благодаря любезности В. Г. Трирогова, провѣрить по архиву лѣснаго департамента.

напечатанный въ 1794 году, съ посвященіемъ „прелестному полу". Въ предисловіи переводчикъ говоритъ: „Читая г. Колардо, я былъ восхищенъ, мнѣ открылся путь парнасскій, и я почувствовалъ вдохновеніе Аполлона, о которомъ прежде и мысли не имѣлъ". За этимъ переводомъ послѣдовала трагедія „Ярополкъ и Олегъ", представленная въ первый разъ въ 1798 году. Піеса эта, написанная подъ вліяніемъ трагедій Сумарокова и Княжнина, не имѣла успѣха. Но въ 1804 году Озеровъ представилъ на разсмотрѣніе театральной дирекціи новую трагедію—„Эдипъ въ Аѳинахъ", сюжетъ, который былъ заимствованъ изъ оперы Саккини: „Oedipe à Colon" и изъ трагедій Дюси: „Oedipe chez Admète" и „Oedipe à Colon". Князь А. А. Шаховской, бывшій въ то время членомъ репертуарной части, пришелъ въ восторгъ отъ произведенія Озерова и настоялъ на немедленномъ прочтеніи его въ литературномъ собраніи у А. Н. Оленина. 23-го ноября „Эдипъ" былъ представленъ въ первый разъ на театрѣ. Успѣхъ былъ блестящій. Весь городъ говорилъ о новой трагедіи. 15-го декабря піесу играли на Эрмитажномъ театрѣ, при чемъ государь говорилъ съ авторомъ и пожаловалъ ему подарокъ. Черезъ годъ Озеровъ явился съ новымъ произведеніемъ, также имѣвшимъ большой успѣхъ: 8-го декабря 1805 г. въ первый разъ былъ представленъ „Фингалъ", трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ хорами и пантомимными балетами. А. Н. Оленинъ, вызвавшій Озерова написать эту трагедію въ Оссіановскомъ родѣ, самъ занимался составленіемъ рисунковъ всѣхъ костюмовъ и аксессуарныхъ вещей (П. Н. Арапова. Лѣтопись русскаго театра. С.-Пб. 1861, стр. 172). „Фингалъ" былъ переведенъ на французскій языкъ актеромъ Далмасомъ, и этотъ переводъ былъ напечатанъ съ полною музыкой и рисунками всѣхъ принадлежностей въ театральной типографіи, въ 1808 году. На нѣмецкій языкъ трагедія была переведена Р. М. Зотовымъ (ibid.). Послѣднимъ и полнѣйшимъ торжествомъ Озерова была трагедія „Дмитрій Донской", въ первый разъ представленная 14-го января 1807 г. Необычайный успѣхъ піесы объясняется главнымъ образомъ патріотическимъ содержаніемъ ея, приноровленнымъ къ современнымъ событіямъ. Воспоминаніе объ этомъ торжествѣ Озерова сохранили два очевидца—А. С. Стурдза и С. П. Жихаревъ, присутствовавшіе на первомъ представленіи „Димитрія" (Москвит. 1851 г., кн. I, № 21, стр. 6—7; Дневникъ чиновника—Отеч. Зап. 1855 г., т. С, стр. 172—175).

Послѣ „Дмитрія Донскаго" Озеровъ написалъ еще трагедію „Поликсену". Живя въ отцовской деревнѣ, онъ въ октябрѣ 1808 г. переслалъ рукопись ея Оленину и просилъ его, вмѣстѣ съ Ѳ. Е. Энгелемъ, княземъ А. А. Шаховскимъ и И. А. Крыловымъ, подвергнуть трагедію строжайшему разсмотрѣнію и послѣ того предложить ее театральной дирекціи за 3000 рублей. 14-го мая 1809 г. „Поликсена" была въ первый разъ представлена и хотя не имѣла такого блестящаго успѣха, какъ предшествовавшія трагедіи Озерова, все же была принята публикою довольно хорошо. Но послѣ втораго представленія дирекція рѣшила снять ее съ репертуара, признавъ представленіе ея невыгоднымъ для себя; автору же было отказано въ уплатѣ условленной суммы. Неудача, постигшая „Поликсену", которую Озеровъ считалъ лучшимъ своимъ произведеніемъ, глубоко поразила самолюбиваго автора. Онъ впалъ въ совершенное уныніе. „Тысячи непріятностей", писалъ онъ Оленину 2-го іюня 1809 г.,—„навлечен-

ныхъ мнѣ званіемъ автора, и обиды, которыя, можетъ быть, оное навело мнѣ по службѣ, заставляютъ меня отстать отъ стихотворства, бросить перо, приняться за заступъ и, обработывая свой огородъ, возвратиться опять въ толпу обыкновенныхъ людей" (Русск. Архивъ 1869 г. стр. 150). Въ концѣ 1809 г. книгопродавецъ Заикинъ предложилъ Озерову выпустить вторымъ изданіемъ „Дмитрія Донскаго", но Владиславъ Александровичъ рѣшительно отказался, равно какъ не захотѣлъ печатать и свою послѣднюю трагедію (см. письмо Озерова къ И. И. Заикину отъ 10-го декабря 1809 г., въ Русск. Архивѣ 1877 г., кн. III, стр. 279). Убитый нравственно, Озеровъ, наконецъ, заболѣлъ. Престарѣлый отецъ перевезъ его въ свое казанское имѣніе, гдѣ Владиславъ Александровичъ и умеръ 5-го сентября 1816 г., задолго передъ смертію лишившись не только разсудка, но даже и языка (Сынъ Отеч. 1816 г., ч. 33, № 41, стр. 120).

Озеровъ хотя и былъ представителемъ ложно-классической школы, но въ свои трагедіи внесъ новый элементъ—сентиментализма; всего лучше удавались ему женскіе характеры. Литературныя заслуги Карамзина и Жуковскаго цѣнились имъ, что̀ видно, между прочимъ, и изъ письма Озерова къ послѣднему отъ 29-го января 1810 г. (Русск. Архивъ 1875 г., кн. III, стр. 363). За то литераторы-старовѣры, представителемъ которыхъ былъ Шишковъ, не могли сочувственно относиться къ Озерову. Да и литературные успѣхи Озерова были такъ необыкновенны, что породили зависть къ нему. Объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и Батюшковъ въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 3-го мая 1810 г. (т. III, стр. 90). Даже Державинъ подчинился этому чувству и вступилъ въ состязаніе съ Озеровымъ на поприщѣ драматургіи. На завистниковъ таланта Озерова есть не мало указаній въ литературѣ того времени. Такъ, Капнистъ въ своемъ посланіи къ Озерову (Сѣверн. Вѣстн. 1805 г., № 5) упоминаетъ о „воплахъ" послѣдняго; то же говоритъ Батюшковъ въ баснѣ „Пастухъ и Соловей" (Драм. Вѣстн. 1808 г.); В. Л. Пушкинъ въ посланіи къ князю Вяземскому (Росс. Музеумъ, 1815 г.), Жуковскій въ посланіи къ князю Вяземскому и В. Л. Пушкину, Дашковъ въ „Письмѣ къ новѣйшему Аристофану" (Сынъ Отеч. 1815 г. № 42), Вигель въ своихъ запискахъ (часть III, стр. 126). Такимъ образомъ въ литературныхъ сферахъ укоренилось мнѣніе о какихъ-то недоброжелателяхъ Озерова, которые были причиною его гибели. Указывали даже главнаго виновника—князя Шаховскаго. Это мнѣніе было до того распространено, что вскорѣ послѣ смерти Озерова въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. 33, № 45, стр. 267, появилась слѣдующая эпиграмма:

Угасъ нашъ Озеровъ, лучъ славы Россіянъ!
Умолкъ пѣвецъ Фингала, Поликсены!
Рыдайте, невскія камены!
Ликуй, Аристофанъ!

К. П. Великія Луки.

Дѣйствительно, судьба „Поликсены" на русскомъ театрѣ убѣждаетъ въ томъ, что противъ Озерова велась интрига, и всѣ обстоятельства такъ сложились, что орудіемъ интриги приходится считать князя Шаховскаго. Такъ думалъ и князь П. А. Вяземскій, изложившій подробности всего дѣла (П. Собр. Соч. кн. Вя-

земскаго, т. VII, стр. 258). Ревностнымъ защитникомъ Шаховскаго въ этомъ дѣлѣ является С. П. Жихаревъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ стараго театрала“; но онъ былъ слишкомъ близокъ къ Шаховскому, и потому показанія его не могутъ считаться вполнѣ безпристрастными, хотя и вѣрны съ внѣшней стороны, за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ фактовъ, прямо касающихся Озерова. Всего справедливѣе считать, что въ литературной судьбѣ Озерова отразилась борьба двухъ направленій, господствовавшихъ тогда въ литературѣ: Шишковъ и его сторонники высказались противъ Озерова, а Шаховской, примыкавшій къ этой партіи, явился ихъ орудіемъ. Къ литературнымъ пристрастіямъ примѣшалась, быть можетъ, и зависть къ успѣхамъ трагика (**В. С.**).

— (**Стр. 165**). „Я знаю“... переводъ двухъ послѣднихъ терцинъ изъ Петраркова Trionfo d'amore, capit. III.

— (**Стр. 166**). Изчисленіе великихъ мужей, ставшихъ жертвами страсти, находится въ Trionfo d'amore, capitolo III.

— (**Стр. 166—167**) „Я увидѣлъ“... переводъ, съ пропусками, изъ Trionfo d'amore, capitolo IV, terz. 7—27.

— (**Стр. 167**). Приводится первый стихъ извѣстнаго II-го сонета изъ Sonetti e canzoni in morte di M. Laura.

— (**Стр. 168—169**). То, что Батюшковъ называетъ одой къ Ріензи, есть собственно 2-я канцона изъ Петрарковыхъ Sonetti e canzoni sopra vari argomenti, начинающаяся: „Spirto gentil....“ Изъ нея переведена строфа 3-я. См. объ этой канцонѣ замѣчанія Женгене, отчасти повторяемыя Батюшковымъ, Histoire littéraire d'Italie, t. II, p. 549—553.

— (**Стр. 169**). Строки, приводимыя изъ письма къ Ріензи, читаются въ Петрарковыхъ Epistolae ad familiares, VII, 7. Онѣ не приведены ни у Женгене, ни у Сисмонди, почему можно заключать, что Батюшковъ зналъ и самыя письма италіянскаго поэта.

— (**Стр. 170**). Любопытно отмѣтить удачный переводъ извѣстнаго Бюффонова афоризма, предлагаемый Батюшковымъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ точно передаетъ подлинныя слова французскаго писателя, которыя въ правильной редакціи читаются: „le style est de l'homme même“, а не такъ, какъ ихъ обыкновенно цитуютъ: „le style c'est l'homme“ (ср. Ed. Fournier, L'esprit des autres. 7-me édition. P. 1882, стр. 389—390). Другой переводъ того же афоризма см. ниже, стр. 175.

— (**Стр. 170—171**). „Если глаза мои...“ переводъ 6-й строфы изъ канцоны XII-й въ Sonetti e canzoni in vita di M. Laura.

— (**Стр. 172—173**). „Chiare, fresche...“ извѣстная XI-я канцона въ Sonetti e canzoni in vita di M. Laura. Подражаніе ей Вольтера находится въ главѣ LXXXII-й его „Essai sur les moeurs“.

— (Стр. 173). „Сокройте....“ переводъ XX-й строфы изъ VII-й пѣсни „Gerusalemme liberata“.

— (Стр. 174). Ода „Nella stagion“... есть канцона IV-я въ Sonetti e canzoni in vita di M. Laura. Сходный съ Петрарковымъ стихомъ стихъ у Тасса находится къ IV-й строфѣ III-й пѣсни „Gerusalemme“.

— (Стр. 174). Сонетъ „Zefiro...“ есть XLII-й въ Sonetti e canzoni in morte di M. Laura. Сходный стихъ у Тасса находится въ XVI-й строфѣ XVI-й пѣсни „Gerusalemme“.

XV.

О характерѣ Ломоносова.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. LXXXIX, № 17 и 18, сентябрь, стр. 57—63, съ подписью: Б—овъ; 2) въ Опытахъ, ч. I, стр. 40—49; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 63—70; 4) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 69—77.

Статья эта написана во второй половинѣ 1815 г., въ бытность Батюшкова въ Каменцѣ-Подольскомъ, что̀ видно изъ письма его къ Жуковскому отъ средины декабря 1815 г. (т. III, стр. 359). Кромѣ того, она упоминается въ письмахъ къ Гнѣдичу отъ начала сентября и отъ 28-го октября 1816 г. и отъ конца февраля—начала марта 1817 г (т. III, стр. 395, 408 и 423). Нѣкоторые варіанты въ „Опытахъ“ произошли, вѣроятно, вслѣдствіе поправокъ Гнѣдича, такъ какъ Батюшковъ желалъ, чтобы статья была напечатана, за немногими исключеніями, по тексту Вѣстника Европы.

Варіанты (по Вѣстнику Европы).

Къ стран. 175.

Строка 6: .... характеръ не обыкновенный, предпріимчивый и смѣлый.
18-19: они были ему источниками наслажденій....

Къ стран. 176.

Стр. 5: величайшимъ вм. важнѣйшимъ.
6: темное вм. тусклое.

Къ стран. 177.

Стр. 5: управляли вм. владѣли.
11: посреди вм. среди.
16: .... трупъ отца, выброшенный....
18: .... приставалъ съ нимъ для рыбной ловли.

Къ стран. 178.

Стр. 7: любилъ разсказывать первыя свои печали....
23-32: но, къ счастью нашему, Россія имѣла въ молодомъ вельможѣ покровителя дарованій. Имя Шувалова всегда будетъ драгоцѣнно музамъ отечественнымъ. Онъ....

Къ стран. 179.

Стр 12: угадали вм. понимали.
17: извѣстіе о смерти....
23: иногда вм. часто.

Къ стран. 180.

Стр. 3: сѣтовалъ вм. соболѣзновалъ.
4: .... нашъ сѣверный геній жалѣлъ о....

Мысль выяснить личный характеръ Ломоносова давно занимала Батюшкова: еще въ 1811 году, осуждая Капниста за его неудачныя изысканія о неизвѣстныхъ древнихъ обитателяхъ сѣверной Европы, нашъ поэтъ писалъ Гнѣдичу: „Не лучше ли было заниматься критикой русской исторіи или словесности, изобличеніемъ Шишкова, начертаніемъ жизни Ломоносова, жизни, которую можно написать столь хорошо перу краснорѣчивому?“ (т. III, стр. 151). Однако Батюшковъ самъ не предпринялъ составленія полной біографіи Ломоносова: для этого необходимы были изысканія, къ которымъ онъ не имѣлъ ни склонности, ни удобствъ. Онъ ограничился лишь общею характеристикою Ломоносова по тѣмъ немногимъ матеріаламъ, которые были уже тогда въ печати. Въ ряду этихъ матеріаловъ онъ справедливо отличилъ въ особенности письма Ломоносова къ Шувалову (изданныя впервые лишь въ 1803 году): онъ называетъ ихъ „безцѣннымъ памятникомъ словесности русской“. Кромѣ нихъ и самыхъ сочиненій Ломоносова, Батюшковъ пользовался біографіей его, составленною М. И. Веревкинымъ по замѣткамъ Штелина и помѣщавшеюся при изданіяхъ сочиненій Ломоносова, начиная съ 1784 года, и статьею М Н. Муравьева „Заслуги Ломоносова въ учености“, которую зналъ еще въ рукописи.

— (**Стр. 175**). „Разумъ, услаждающійся“... выписка изъ упомянутой выше статьи Муравьева (Полн. Собр. Соч. М. Н. Муравьева, т. III, стр. 218).

— (**Стр. 176—177**). Разсказъ о женитьбѣ Ломоносова и о вѣщемъ снѣ, имъ видѣнномъ, составленъ по біографіи, приложенной къ собранію сочиненій Ломоносова (Соч. Лом., ч. I, 1784, стр. IX, XIII и XV)

— (**Стр. 179**). Слова Ломоносова о Рихманѣ взяты изъ извѣстнаго письма его къ Шувалову, впервые напечатаннаго въ Соч. Ломоносова, изд. 1803 г., въ 4-ку, ч. I, стр. 330—333.

— (**Стр. 179**). „Никакого не желаю мщенія..“ вольная передача словъ Ломоносова изъ письма его къ Шувалову (Соч. изд. 1803 г., въ 4-ку, ч. I, стр. 343).

— (Стр. 181). Предсмертныя слова Ломоносова сообщены въ біографіи его при изданіи 1784 г. (Соч., т. I, стр. XVII) почти въ томъ самомъ видѣ, какъ приводитъ ихъ Батюшковъ.

XVI.

Двѣ аллегоріи.

Напечатано: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1816, ч. 87, № 12, іюнь, стр. 249—255, съ подписью NNN; 2) въ Опытахъ, ч. I, стр. 196—203; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 187—192; 4) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 201—208.

Статья написана во второй половинѣ 1815 г., въ Каменцѣ-Подольскомъ, что̀ видно изъ письма Батюшкова къ Жуковскому отъ средины декабря 1815 г. (т. III, стр. 359).

Варіанты (по Вѣстнику Европы).

Къ стран. 181.

Строка 1-2: Еслибъ я былъ такъ богатъ, что могъ бы по волѣ исполнять всѣ свои прихоти, то побѣжалъ бы къ художнику E. N.
16: E. вм. X.—Эта замѣна соблюдается и во всѣхъ послѣдующихъ отвѣтахъ художника.
19-20: я не назначаю именно генія; отъ васъ зависитъ избрать его—генія поэзіи....
22: но сего генія пламеннаго, пылкаго, исполненнаго....

Къ стран. 182

Стр. 14: образъ фигуры.
16: сего вм. этого.

Къ стран. 183.

Стр. 12: указуетъ вм. указываетъ.

Къ стран. 184.

Стр. 3: .... исполняя жестокій долгъ свой....
12: пещеру и въ этой пещерѣ....

Къ стран 185.

Стр. 11: мое сердце... Надобно, непремѣнно надобно....

XVII.

Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій.

Напечатано въ Москвитянинѣ 1851 г., ч. II, стр. 8—11, при письмѣ кн. П. А. Вяземскаго къ М. П. Погодину, по рукописи автора, сохранившейся въ бумагахъ Д. В. Дашкова.

Время сочиненія статьи—вторая половина 1815 года—опредѣляется указаніемъ самого Батюшкова, что она написана въ Каменцѣ-Подольскомъ.

— (Стр. 188). Монтань, въ своихъ „Essais", посвящаетъ цѣлую главу (livre I, chap. XX) описанію силы воображенія. Въ началѣ этой главы онъ говоритъ о себѣ: „Ie suis de ceulx qui sentent tres grand effort de l'imagination: chascun en est heurté, aulcuns en sont renversez. Son impression me perce; et mon art est de luy eschapper, par faulte de force à luy resister". Точныхъ однако словъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ, которыя приписываетъ Батюшковъ Монтаню, у послѣдняго нѣтъ. По видимому, Батюшковъ желалъ передать по русски извѣстный афоризмъ „L'imagination est la folle du logis", дѣйствительно приписываемый обыкновенно Монтаню, но на самомъ дѣлѣ, какъ замѣчаетъ Фурнье (Ed. Fournier, L'ésprit des autres, p. 88), сказанный Мальбраншемъ и особенно пущенный въ ходъ Вольтеромъ.

О другѣ Батюшкова, И. А. Петинѣ, см. воспоминаніе о немъ поэта и примѣчанія къ этой статьѣ.

— (Стр. 188). Parca mensa. Тутъ Батюшковъ вспоминаетъ выраженіе Тацита: propria et parciore mensa (Ann. XIII, 16).

XVIII.

Воспоминаніе о Петинѣ.

Напечатано въ Москвитянинѣ 1851 г., ч. II, стр. 11—20, по рукописи, сохранившейся въ бумагахъ Д. В. Дашкова.

Время сочиненія статьи опредѣляется помѣтой автора: „Каменецъ, 9-го ноября". Слѣдовательно, она относится къ 1815 году.

Въ этой статьѣ, равно какъ и въ предшествующей, заключаются почти всѣ свѣдѣнія, какія сохранились въ литературѣ о даровитомъ другѣ нашего поэта, Иванѣ Александровичѣ Петинѣ. Дополненіемъ къ нимъ могутъ служить еще нѣсколько упоминаній Батюшкова о томъ же лицѣ въ письмахъ Гнѣдича (т. III, стр. 21, 66, 75, 78, 236, 237), и наконецъ, письмо поэта къ матери покой-

наго друга (т. III, стр. 307—309). Въ 1810 г. Батюшковъ написалъ Петину посланіе, въ которомъ вспоминаетъ совершенный имъ вмѣстѣ финляндскій походъ 1808—1809 гг. (т. I, стр. 91—92), а въ 1814 г. посвятилъ его памяти элегію „Тѣнь друга“ (т. I, стр. 186—187). Память о другѣ, убитомъ на полѣ сраженія, не оставляла поэта и въ періодъ его психической болѣзни: въ этомъ состояніи онъ часто рисовалъ его могилу на чужой сторонѣ; одинъ изъ такихъ рисунковъ находится у П. Н. Батюшкова.

Какъ питомецъ Московскаго благороднаго пансіона, Петинъ почти съ дѣтства былъ направленъ къ литературнымъ занятіямъ. Первые его литературные опыты появились въ изданіяхъ, гдѣ печатались произведенія пансіонскихъ воспитанниковъ, въ Утренней Зарѣ 1800, 1803, 1806 гг. и въ періодическомъ сборникѣ И отдыхъ въ пользу 1804 г. Они состоятъ изъ переводовъ съ французскаго небольшихъ піесъ чисто литературнаго содержанія и изъ оригинальныхъ стихотвореній, главнымъ образомъ басенъ. Между послѣдними особенною извѣстностью пользовалась басня „Солнечные часы“, попавшая даже въ Образцовыя Сочиненія и въ Собраніе русскихъ стихотвореній, изданныхъ В. А. Жуковскимъ. Позже Жуковскій, старшій товарищъ Петина по пансіону, приглашалъ его сотрудничать въ Вѣстникѣ Европы и предлагалъ ему перевести нѣсколько басенъ Рамлера, но Петинъ уклонился отъ этого предложенія и отвѣчалъ Жуковскому шуточнымъ письмомъ, изъ гор., Ефремова, отъ 14-го октября 1809 г. (Р. Архивъ 1875 г., кн. III, стр. 362—363)- гдѣ между прочимъ говоритъ:

Отъ Феба въ чистую отставку я уволенъ
И больше съ музами знакомства не веду.

Будучи уже капитаномъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, Петинъ сотрудничалъ въ Военномъ Журналѣ, который въ 1810—1811 гг. былъ издаваемъ П. А. Рахмановымъ. Здѣсь (т. IV, кн. XV, стр. 4—27) помѣщена имъ статья объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей, составляющая извлеченіе изъ „Фортификаціи“ генерала Белавена и полковника Леклерка. Нѣсколько извѣстій о литературной дѣятельности Петина находится въ книгѣ Н. В. Сушкова: Московскій Университетскій благородный пансіонъ. М. 1858, стр. 77—78.

— (**Стр. 190**). Произведеніе С. С. Уварова, о которомъ упоминаетъ Батюшковъ, есть его посланіе въ стихахъ на французскомъ языкѣ. Князъ П. А. Вяземскій, въ „Старой записной книжкѣ“ (Соч., т. VIII, стр. 490) говоритъ, что это и другія французскія стихотворенія Уварова ходили по рукамъ и съ жадностью читались въ 1806 или 1807 году.

— (**Стр. 193—194**). Въ томъ вниманіи, которымъ осыпали Батюшковъ и его неизвѣстный товарищъ французскихъ плѣнныхъ, и которое оскорбило трезвое чувство Петина, предъ тѣмъ видѣвшаго брошенныхъ на произволъ судьбы раненыхъ Русскихъ, нельзя не подмѣтить, кромѣ простаго состраданія къ несчастію, и нѣкотораго характернаго для того времени самоуниженія предъ иностранцами или, по крайней мѣрѣ, желанія показать передъ ними свой европеизмъ. Въ параллель этой сценѣ можно поставить слѣдующую замѣтку

С. П. Жихарева въ его Дневникѣ чиновника, подъ 17-мъ января 1807 года: „А каково содержаніе, опредѣляемое французскимъ плѣннымъ! Генераламъ назначается въ сутки по 3 р., полковникамъ по 1 р. 50 коп., маіорамъ по 1 р., прочимъ офицерамъ по 50 коп., унтеръ-офицерамъ по 7 и рядовымъ по 5 коп. сверхъ того, послѣдніе нижніе чины будутъ получать пайки противъ нашихъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Да это такая милость, какой, вѣрно, они не ожидали, и не удивительно будетъ, если наши непріятели охотно будутъ сдаваться въ плѣнъ“ (Отеч. Записки 1855 г., т. С., стр. 178).

— (Стр. 201). Стихи принадлежатъ Жуковскому: это одна изъ строфъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“.

XIX.

Похвальное слово сну.

Эта вторая редакція „Похвальнаго слова сну“ напечатана: 1) въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. LXXXVI, № 6, мартъ, стр. 81—102, съ подписью: „Любитель сна Дормидонъ Тихинъ“ и съ помѣтой „1809 г. мая 1“; 2) въ Опытахъ, ч. I, стр. 204—232; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 193—215; 4) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 209—233. Позднѣйшая редакція „Слова“ отличается отъ первоначальной, вопервыхъ, прибавкою двухъ вступительныхъ статей—письма къ редактору Вѣстника Европы и предисловія, и вовторыхъ, разными мелкими вставками и разночтеніями въ самомъ текстѣ. Перечисленіе здѣсь сихъ послѣднихъ было излишне, такъ какъ выше цѣликомъ напечатана была редакція 1809 года.

Время передѣлки статьи опредѣляется временемъ появленія второй ея редакціи въ Вѣстникѣ Европы. Быть можетъ, однако, переработка ея занимала Батюшкова еще въ Каменцѣ-Подольскомъ въ 1815 г., такъ какъ въ декабрѣ этого года онъ уже писалъ Жуковскому о своей готовности прислать ее въ исправленномъ видѣ (т. III, стр. 359). Эта же вторая редакція „Похвальнаго слова сну“ упоминается въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ начала сентября 1816 г. (т. III, стр. 395).

Варіанты (по Вѣстнику Европы 1816 года).

Къ стран. 204.

Строка 12: . . . . они уцѣлѣли и въ пожарѣ столицы.
16: Гарпагона вм. антикварія.

Къ стран. 205.

Стр. 30: достатокъ и счастливыя обстоятельства....

Къ стран. 208.

Стр. 6: . . . . всѣ члены потомъ согласились....
17: . . . . въ нѣкоторомъ разстоянiи и закрыты....

Къ стран. 211.

Стр. 5: . . . . и я, одобренный
8: погибала вм. погибла.
24: розы, райскiя розы горятъ на ланитахъ....

Къ стран. 212.

Стр. 9: пропасти, съ которымъ подѣлился послѣдними крохами, съ которымъ плакалъ наединѣ. Кажется, что....
17: вздохнулъ вм. вздохнувъ
18: . . . . и прошепталъ....

Къ стран. 215.

Стр. 8: сiи вм. тѣ
10: сей вм. тотъ.

Къ стран 216.

Стр. 23-26: Четверостишiе изъ Лафонтена обозначено: Le songe d'un habitant du Mogol.
32: разрѣшить вм. рѣшить.
Въ концѣ „Похвальнаго слова сну“ означено время сочиненiя его: 1809 г. мая 1.

— (**Стр. 203**). Въ первые годы нынѣшняго столѣтiя появилось у насъ нѣсколько поэмъ, посвященныхъ прославленiю Петра Великаго, а именно: 1) Петръ Великiй. въ 6 пѣсняхъ. Соч. Романа Сладковскаго. С.-Пб. 1803; 2) Петръ Великiй. Лирическое пѣснопѣнiе, въ 8 пѣсняхъ. Соч. князя Сергѣя Шихматова. С.-Пб. 1810; 3) Петрiада, въ 10 пѣсняхъ. Соч. Александра Грузинцова. С.-Пб. 1812. Эти чрезвычайно слабыя произведенiя тогда же подали Батюшкову поводъ къ двумъ эпиграммамъ (т. I, стр. 110). Поэма Сладковскаго была едва ли не ничтожнѣе всѣхъ. „Современная критика“, замѣчаетъ А. Д. Галаховъ,—„потѣшалась надъ его дѣйствительно чудовищною поэмой и выписывала изъ нея стихи, дикiе по смыслу и нестерпимые для слуха, напримѣръ: „Гласъ изліялъ надежду въ сердце горъ“; „слезъ токъ течи изсякъ“; „не бѣгай праздностей особою своею“, Лондонъ — „возможной на земли центръ мудрости почтенной“; „чрезъ Ворсклу при преправѣ“; „пiютъ сокъ съ нѣжныхъ розъ, съ пiонъ, взоръ веселящихъ“ (Истор. Христоматiя. С-Пб. 1861, т. II, стр. 163—164). Очень неблагопрiятный разборъ поэмы Сладковскаго былъ помѣщенъ А. А. Писаревымъ въ Сѣверн. Вѣстникѣ 1804 г., ч. I. Позже Сладковскiй былъ осмѣиваемъ М. В. Милоновымъ и особенно жестоко А. Ѳ. Воейковымъ въ слѣдующихъ стихахъ его „Дома сумасшедшихъ“, составляющихъ пародiю стиховъ самого Сладковскаго (Русск. Старина 1875 г., т. XII, стр. 558):

Вотъ Сладковскій восклицаетъ:
„Се, се Россы! Се самъ Петръ,
„Се со всѣхъ сторонъ зіяетъ
„Молнія изъ тучныхъ нѣдръ!
„И чрезъ Ворсклу при преправѣ
„Градовъ на сушѣ творецъ
„Съ драгостью пошелъ ко славѣ,
„А поэмѣ сей конецъ!"

— (**Стр. 204**). Трагедіи на библейскіе сюжеты составляютъ одну изъ характерныхъ особенностей нашей литературы въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ то время появились слѣдующія піесы этого рода: 1) Иродъ и Маріамна—Г. Р Державина. С.-Пб. 1809; 2) Дебора—кн. А. А. Шаховскаго. С.-Пб 1811; 3) Маккавей—П. А. Корсакова. С-Пб. 1815. Кромѣ того, еще въ 1807 г. В. С. Филимоновъ напечаталъ переводъ трагедіи Клопштока: „Смерть Адама", а В. Г. Анастасевичъ въ 1811 г. издалъ переведенную имъ съ французскаго драматическую ораторію: „Саулъ". Такъ какъ Шаховской принадлежалъ къ сторонникамъ Шишкова, нападалъ на Карамзина (въ „Новомъ Стернѣ", 1805 г.) и былъ подозрѣваемъ въ интригахъ противъ Озерова, то его произведенія были недружелюбно встрѣчаемы петербургскими карамзинистами По поводу „Деборы", игранной въ первый разъ 24-го января 1810 г., говорили, что часть этой трагедіи принадлежала жившему съ Шаховскимъ и также служившему при театрѣ Л. Н. Неваховичу; этою молвою объясняются слѣдующія строки въ шуточной кантатѣ Шаховскому, написанной Д. В. Дашковымъ для „Аргамаса" (см. Лѣтопись русск. театра, П. Арапова, стр. 204 и 241· ср въ настоящемъ томѣ стр. 402):

Еврей мой написалъ Дебору,
А я списалъ.
Въ моихъ твореньяхъ много вздору,
Кто жъ ихъ читалъ?

С. П. Жихаревъ, въ своемъ „Дневникѣ чиновника" (Отеч. Зап. 1855 г. т. CI, стр. 128—129), послѣ одного литературнаго вечера у А. С. Шишкова записалъ разсужденія князя С. А. Шихматова, объясняющія, почему у нѣкоторыхъ нашихъ писателей явилось пристрастіе къ Библіи, выразившееся между прочимъ и въ выборѣ сюжетовъ для трагедій: „За ужиномъ, обильнымъ и вкуснымъ, А. С. Хвостовъ съ Кикинымъ начали шутя нападать на Шихматова за отвращеніе его отъ миѳологіи, доказывая, что это непобѣдимое въ немъ отвращеніе происходитъ отъ одного только упрямства, а что, вѣрно, онъ самъ чувствуетъ и понимаетъ, какимъ огромнымъ пособіемъ могла бы служить ему миѳологія въ его сочиненіяхъ. „Избави меня Боже", съ жаромъ возразилъ Шихматовъ,—„почитать пособіемъ вашу миѳологію и пачкать вдохновеніе этою бѣсовщиной, въ которой, кромѣ постыднаго заблужденія ума человѣческаго, я ничего не вижу. Пошлыя и безстыдныя бабьи сказки—вотъ и вся миѳологія. Да и самая-то древняя исторія до временъ христіанскихъ, египетская, греческая и римская,—сущія бредни, и я почитаю, что поэту-христіанину непри-

лично заимствовать у нея уподобленія не только лицъ, но и самыхъ происшествій, когда у насъ есть исторія библейская, неоспоримо вѣрная и сообразная съ здравымъ разсудкомъ. Славныя понятія имѣли эти Греки и Римляне о божествѣ и человѣчествѣ, чтобы перенимать нелѣпыя ихъ каррикатуры на то и другое и усвоивать ихъ нашей словесности!"

— (**Стр. 204**). „Россійскій Осатръ или полное собраніе всѣхъ россійскихъ осатральныхъ сочиненій",—изданіе, предпринятое Академіей Наукъ по мысли княгини Е. Р. Дашковой и продолжавшееся съ 1786 по 1794 г. Содержаніе 38 частей его подробно описано А. Н. Неустроевымъ въ его Историческомъ розысканіи о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг. С.-Пб. 1874, стр. 435—444. Въ двухъ книгахъ Р. Осатра, относящихся къ 1793 г. (чч. XXXIX и XL), помѣщены только двѣ трагедіи: „Филомела" И. А. Крылова и „Вадимъ Новгородскій" Я. Б. Княжнина. Никакихъ другихъ трагедій въ 1793 г. не появилось и въ отдѣльномъ изданіи. Намекъ Батюшкова не можетъ быть относимъ къ неудачной піесѣ Крылова, справедливо забытой и не содержащей въ себѣ ничего „отечественнаго". Итакъ, гораздо вѣроятнѣе, что нашъ поэтъ разумѣетъ „Вадима". Какъ извѣстно, трагедія эта, написанная въ 1789 г., была напечатана уже послѣ смерти автора, послѣдовавшей 14-го января 1791 года, и ея напечатаніе вызвало неудовольствіе императрицы Екатерины: она приказала конфисковать и сжечь отпечатанные экземпляры, а двухъ старшихъ сыновей покойнаго автора допросить — дѣйствительно ли „Вадимъ" есть сочиненіе ихъ отца, и читалъ ли онъ кому-нибудь свою піесу. Впрочемъ, разслѣдованіе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, и дѣло кончилось тѣмъ, что печатные экземпляры „Вадима" стали очень рѣдки, а за то появились рукописныя ея копіи. Въ 1871 г. „Вадимъ" былъ перепечатанъ, съ предисловіемъ П. А. Ефремова, въ Р. Старинѣ, т. III; подлинные документы по этому дѣлу изданы въ Р. Архивѣ 1863 г., а разныя подробности сообщены въ статьяхъ М. И. Лонгинова и В. Я. Стоюнина, въ Р. Вѣстникѣ 1860 г., №№ 4 и 10; въ статьѣ г. Стоюнина помѣщенъ разсказъ одного изъ допрошенныхъ сыновей трагика, Бориса Яковлевича Княжнина. Батюшковъ былъ пріятельски знакомъ съ нимъ (т. III, стр. 234) и, слѣдовательно, могъ имѣть точныя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи. Въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка „Вадимъ" цѣнился очень высоко. А. Ѳ. Воейковъ, въ одномъ изъ отрывковъ своей поэмы „Искусства и науки" (Вѣстникъ Европы 1819 г., т. 104, № 8, стр. 248—255), говоритъ слѣдующее:

Моя любимая трагедія — Вадимъ.
Съ какою силою начертанъ Княжнинымъ
Новогородскій Брутъ и Цесарь величавой!
Одинъ—блистающій въ коронѣ чистой славой,
Свободу благостью заставившій забыть
И отъ безвластія власть спасшую любить;
Другой—свирѣпъ и яръ, какъ тигръ неукротимый,
Но добродѣтелямъ за полубога чтимый;

Обоимъ славная, ужасная судьба!
И не рѣшенною осталася борьба
Величья царскаго съ величьемъ гражданина:
Корнелева пера достойная картина!

Упоминаніе объ „отечественномъ“ характерѣ „Вадима“ доказываетъ, что Батюшковъ также цѣнилъ гражданское значеніе піесы. Впрочемъ, вообще о талантѣ Княжнина онъ судилъ довольно строго; въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ 6-го сентября 1809 г., онъ говоритъ: „Я читалъ все это время Княжнина сочиненія. Сколько хорошаго, сколько ума и соли! И какое холодное, мертвое дарованіе!“ (т. III, стр 44).

— (Стр. 205). Въ Вѣстникѣ Европы 1810 г, ч. 50, № 8, стр. 317—320, было помѣщено „Историческое и философическое разсужденіе о блохахъ“ за подписью А. Н х м в ъ (А. Н. Нахимовъ) и съ помѣтою „Харьковъ“.

— (Стр. 208). Стихи принадлежатъ Державину и составляютъ первую строфу піесы „Гостю“ (см. Соч. Держ., I-е акад. изданіе, т. I, стр 670).

— (Стр. 216). „Otium sine litteris mors est“ слова Сенеки: Senec. epist. 82.

Прочія объясненія находятся въ примѣчаніяхъ къ первой редакціи „Похвальнаго слова сну“.

XX.

Вечеръ у Кантемира.

Напечатанъ: 1) въ Опытахъ, ч. I. стр. 50 – 80: 2) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 71 – 95; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., ч. I, стр. 77—102.

Собственноручный подлинникъ этой статьи Батюшкова сохранился въ собраніи автографовъ Императорской Публичной Библіотеки. По этой рукописи статья здѣсь и печатается, съ цѣлью устранить отличія, представляемыя текстомъ „Опытовъ“ и составляющія, по всей вѣроятности, поправки Гнѣдича.

Варіанты (по Опытамъ).

Къ стран. 220.

Строка 25: . . . . но истинный любитель всего прекраснаго...

Къ стран. 228.

Стр. 31: . . . . свойственны всему человѣчеству.

Къ стран. 229.

Стр. 15: . . . . это вліяніе умаьшается или смягчается образомъ правленія...

Къ стран. 230.

Стр. 16: усовершаетъ вм. совершенствуетъ

Къ стран. 232.

Стр. 5: своихъ вм. его.

Къ стран. 233.

Стр. 28; слѣдственно вм. слѣдовательно.

Къ стран. 234.

Стр. 29: . . . . старины и новизны....

Къ стран. 235.

Стр. 18: отыскать вм. отыскивать.
20: . . . . во всей наготѣ его.

Статья была написана въ 1816 г. Это видно изъ нѣсколькихъ писемъ къ Гнѣдичу отъ сентября и октября этого года (т. III. стр. 395, 399, 401, 405 и 410), при чемъ въ одномъ изъ нихъ Батюшковъ говоритъ, что статья будетъ интересна, но опасается, что цензура можетъ къ ней „привязаться"; поэтому, вѣроятно, онъ и предлагалъ Гнѣдичу „Кантемира завернуть въ середину"; въ другомъ изъ этихъ писемъ онъ опредѣляетъ содержаніе статьи тѣмъ, что, представляя въ ней разговоръ Кантемира съ Монтескье, онъ „немного поцарапалъ" послѣдняго; эта-то полемика съ знаменитымъ французскимъ мыслителемъ и придаетъ особенный интересъ статьѣ, весьма важной для характеристики общественныхъ воззрѣній Батюшкова въ позднѣйшій періодъ его литературной жизни.

— (Стр. 219—220). Характеристика Кантемира составлена Батюшковымъ по біографіи его, помѣщенной при французскомъ переводѣ его сатиръ, который былъ сдѣланъ аббатомъ Гуаско: Satyres du prince Cantemir, traduites du russe en français, avec l'histoire de sa vie. A Londres MDCCL. О пользованіи книгой Гуаско (изъ которой извлечена и первая русская біографія Кантемира, приложенная къ первому изданію его сатиръ, 1762 г.) Батюшковъ самъ говоритъ въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу (т. III, стр. 339).

— (Стр. 219). Стихи Кантемира приведены, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, изъ сатиры VI-й: о истинномъ блаженствѣ, стихи 11-й и 12-й (Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Кантемира. С.-Пб. 1867, т. I, стр. 138; Сатиры и другія стихотворческія сочиненія кн. А. Кантемира. С.-Пб. 1762, стр. 106).

— (Стр. 220). Приведенный стихъ взятъ изъ сатиры князя П. А. Вяземскаго: „Къ перу моему" (П. собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, т. III, стр. 123). Въ стихотвореніи Вяземскаго, относящемся въ 1816 г., какъ и статья Батюшкова, высказывается та же мысль, что у нашего автора:

.... въ лѣтописяхъ свѣта
Нашъ любопытный взглядъ едва ль бы могъ найдти
Отъ ремесла стиховъ отставшаго поэта.
Онъ пишетъ, онъ писалъ, онъ будетъ вѣкъ писать,
Ни лѣтамъ, ни судьбѣ печати не сорвать
Съ упрямаго чела служителя Парнасса.
Въ пеленкахъ Аруетъ стихами лепеталъ,
И смерть угрюмую стихами онъ встрѣчалъ;
Несчастія отъ музъ не отучили Тасса;
И Бавій нашъ (въ странѣ, гдѣ зла, ни мести нѣтъ,
О тѣни славныя, свѣтила прежнихъ лѣтъ,
Простите дерзкое именъ мнѣ сочетанье!)
И Бавій—за него предъ небомъ клятву дамъ—
По гробъ не измѣнитъ ни риѳмамъ, ни свисткамъ:
Вотще насмѣшки, брань и дружбы увѣнчанье,—
Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издастъ послѣдній стихъ.

— (Стр. 221). Монтескье самъ сохранилъ намъ свидѣтельство о своемъ знакомствѣ съ Кантеміромъ и своемъ уваженіи къ нему въ слѣдующихъ словахъ своего письма къ Гуаско отъ 1-го августа, 1774 года: „L'abbe Venuti m'a fait part, mon cher abbé, de l'affliction que vous a causée la mort de votre ami, le prince Cantemir.... Vous trouverez partout des amis pour remplacer celui que vous avez perdu; mais la Russie ne remplacera pas si aisement un ambassadeur du mérite du prince Cantemir“ (Oeuvres de Montesquieu. P. 1795. T. V, p. 264).

„Аббатъ В., извѣстный остроумецъ“ — безъ сомнѣнія, аббатъ Вуазенонъ, извѣстный своими эротическими сказками (1708 - 1775 гг.). Онъ дѣйствительно былъ близокъ съ Монтескье, о которомъ оставилъ нѣсколько интересныхъ воспоминаній. Приводя ихъ, Сентъ-Бевъ называетъ автора „un contemporain de Montesquieu, mais qu'on ose à peine citer à son sujet, le frivole abbé de Voisenon“ (Sainte-Beuve, Causeries de lundi, t. VII, p. 82). Такъ и Батюшковъ, стѣсняясь дурною литературною славой Вуазенона, не выставилъ его имени всѣми буквами.

— (Стр. 223). Кантемиръ дѣйствительно перевелъ сочиненіе Фонтенеля „О множествѣ міровъ“, но не представлялъ его въ академію. Появленіе этого перевода въ печати въ 1740 г. было встрѣчено въ Россіи не одобрительно людьми, враждебными наукѣ (Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. I, стр. 511).

— (Стр. 224). У г-жи Жофрень (m-me Geoffrin, 1699—1777) собирался, въ серединѣ прошлаго вѣка, весь парижскій литературный міръ. Монтескье охотно посѣщалъ ея салонъ, хотя и не любилъ хозяйки (L. Vian, Histoire de Montesquieu. P. 1878, p. 191—192), и она платила ему тѣмъ же (Sainte-Beuve, Causeries de lundi, t. VII, p. 81).

— (Стр. 225). Кантемировъ переводъ „Персидскихъ писемъ“ Монтескье остался не напечатаннымъ, и гдѣ хранится рукопись его — не извѣстно.

— (Стр. 225—227). Извѣстно, какое значеніе Монтескье, въ своемъ сочиненіи „De l'ésprit des loix“, приписываетъ вліянію климата страны на воспріимчивость ея обитателей къ гражданственности. Разсмотрѣнію этого вопроса онъ посвящаетъ XIV-ю книгу своего разсужденія и затѣмъ, въ другихъ мѣстахъ его, возвращается къ тому же предмету. Въ этихъ-то замѣчаніяхъ Монтескье Батюшковъ почерпнулъ тѣ мысли, которыя онъ въ своей статьѣ влагаетъ въ уста, какъ самому Монтескье, такъ отчасти и Вуазенону. Онъ тѣмъ болѣе имѣлъ права поступить такимъ образомъ, что Монтескье въ данномъ случаѣ указываетъ на примѣръ Русскихъ. Такъ, во 2-й главѣ XIV-й книги онъ говоритъ, что сѣверные народы вообще обладаютъ болѣе грубыми фибрами и потому менѣе чувствительны къ боли, и прибавляетъ: „Il faut écorcher un Moscovite pour lui donner du sentiment“. Батюшковъ приводитъ эти слова съ вопросительнымъ знакомъ (стр. 227, прим.). Въ 14-й главѣ V-й книги Монтескье съ сочувствіемъ говоритъ объ успѣшной преобразовательной дѣятельности русскаго правительства, но въ то же время замѣчаетъ: „Mais il y a des causes particulières qui ramèneront peut-être le gouvernement moscovite au malheur qu'il voulait fuir“. У Батюшкова это опасеніе высказываетъ Вуазенонъ (стр. 225—226). Нужно однако замѣтить, что и самъ Монтескье противорѣчитъ себѣ въ сужденіи о воспріимчивости Русскихъ къ просвѣщенію: рядомъ съ вышеприведенными отрицательными его заключеніями по этому предмету, мы находимъ у него и нѣчто другое: въ 15-й главѣ XIX-й книги онъ замѣчаетъ, что жестокія мѣры, сопровождавшія Петровское преобразованіе, были излишни, и что Петръ могъ бы достигнуть своихъ цѣлей болѣе мягкими средствами; дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Монтескье, до-петровскіе русскіе нравы были явленіемъ наноснымъ, чуждымъ климату страны, слѣдствіемъ иноземнаго ига. По этому поводу опять находимъ у Монтескье фразу: „l'empire du climat est le premier de tous les empires“, которая и Батюшковымъ вложена ему въ уста (стр. 225).

— (Стр. 227). Вуазенонъ произноситъ стихи изъ Виргиліевыхъ „Георгикъ“, III, 364.

— (Стр. 232). Заставляя Кантемира упомянуть о пѣсняхъ горныхъ Шотландцевъ, Батюшковъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ пѣсни такъ-называемаго Оссіана, которыя онъ, подобно большинству своихъ современниковъ, считалъ дѣйствительно народными, а не поддѣльными, и потому допускалъ, что о нихъ могли говорить и до появленія книги Макферсона (1760 г.).

— (Стр. 233). О царствѣ луны и объ Астольфѣ см. выше, стр. 338, примѣчаніе къ стр. 23.

— (Стр. 233). „Какъ можно быть Персіаниномъ“. Заставляя Кантемира отвѣчать этими словами на восклицаніе Вуазенона: какъ можно въ Парижѣ

писать русскіе стихи, Батюшковъ намекаетъ на одинъ эпизодъ въ „Персидскихъ письмахъ“ Монтескье. Тутъ, въ письмѣ XXX-мъ, одинъ изъ Персіанъ, пріѣхавшихъ въ Парижъ, разсказываетъ, что онъ привлекалъ къ себѣ общее вниманіе Парижанъ, пока носилъ свою національную одежду; когда же онъ одѣлся въ европейское платье, всѣ перестали обращать на него вниманіе, и если кто-нибудь въ обществѣ объявлялъ, что среди нихъ есть пріѣзжій Персіанинъ. то послѣдній слышалъ вокругъ себя жужжаніе: „Ah. ah! Monsieur est Persan! C'est une chose bien extraordinaire! Comment peut-on être Persan!“

XXI.

Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ.

Напечатана: 1) въ Трудахъ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ, ч. VI, 1816 г., стр. 35—62, съ полною подписью автора, но безъ примѣчаній; 2) въ Опытахъ, ч. I, стр. 1—23; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 32—49; 4) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр 36—54.

Въ настоящемъ изданіи „Рѣчь“ печатается по экземпляру „Опытовъ“, который былъ въ рукахъ автора, и въ который онъ внесъ нѣсколько поправокъ, предполагая издать вновь свои стихотворенія, а изъ прозаическихъ статей помѣстить въ новое изданіе только эту рѣчь, въ видѣ введенія къ стихамъ. Эти позднѣйшія поправки отмѣчены нами въ перечнѣ тѣхъ варіантовъ, которыми текстъ „Опытовъ“ отличается отъ текста „Трудовъ“.

Время сочиненія „Рѣчи“—1816 годъ. Во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Батюшкова въ заглавіи „Рѣчи“ прибавлено, что она была читана имъ „при вступленіи въ Общество любителей россійской словесности въ Москвѣ, іюля . . . 1816 г.“. Въ вышеупомянутомъ экземплярѣ „Опытовъ“ съ поправками автора проставлено и число: „17-го іюля“. Между тѣмъ изъ протокола 19-го обыкновеннаго собранія Общества, происходившаго 26-го мая 1816 г., видно, что „Рѣчь“ Батюшкова была читана въ этомъ засѣданіи, но не самимъ авторомъ, а Кокошкинымъ (Труды Общ. люб. росс. слов., ч. 8, стр. 80). Впрочемъ, авторъ находился въ то время въ Москвѣ, но присутствовалъ ли въ засѣданіи— не извѣстно.

Варіанты (по Трудамъ общества любителей росс. словесности и Опытамъ 1817 г.).

Къ стран. 237.

Строка 16—17: . . . . моего усердія къ словесности и доставили мнѣ счастіе засѣдать съ вами, на ряду съ мужами, отличными по дарованію. Они доставили мнѣ счастіе засѣдать въ древнѣйшемъ святилищѣ... (Труды).

Къ стран. 238.

Стр. 4–5: . . . . и чувствую слабость силъ и занятій моихъ, но утѣшаюсь... (Т р у д ы).

12—15: имена ихъ становятся безсмертными: не одно отечество, весь міръ приноситъ имъ свободную дань удивленія и благодарности, ибо счастливыя произведенія творческаго ума принадлежатъ не одному народу исключительно, но дѣлаются достояніемъ всего человѣчества (Т р у д ы).

23: Ломоносовъ пробудилъ языкъ возстающаго народа (Т р у д ы).

Къ стран. 239.

Стр. 6–8: Онъ зналъ, что у всѣхъ народовъ, древнихъ и новѣйшихъ, легкая поэзія, которую называютъ прелестною роскошью... (Т р у д ы).

13—14: но Ѳеокритъ, Мосхъ и Віонъ, мудрецъ Ѳеосскій и пламенная Сафо.... (Т р у д ы).

20: музу Тибулла, Проперція, Катулла и Овидія не отвергали (Т р у д ы).

27—28: Тибуллу, Овидію и поэзіи Мавровъ, исполненной воображенія и нѣги. Маро.... (Т р у д ы и Опыты).

33: Въ Англіи чувствительный Валлеръ, въ Германіи.... (Т р у д ы).

Къ стран. 240.

Стр. 11: семъ вм. этомъ (Т р у д ы).

21: внимать вм. внимаетъ (Т р у д ы)

25—26: . . . . спокойствія, бросается къ ногамъ разгнѣваннаго Эдипа? (Т р у д ы).

Къ стран. 241.

Стр. 9: . . . . искусство трудное и требующее всей жизни.... (Т р у д ы и Опыты).

11—12: . . . . этого мало: надобно сдѣлаться поэтомъ... (Т р у д ы).

16: . . . . ибо языкъ и общество еще не были.... (Т р у д ы).

21: . . . . ничто прекрасное и доброе не теряется (Опыты).

22: современникамъ вм. со временемъ (Т р у д ы).

Къ стран. 241—242.

Стр 29 1: (. . . въ которыхъ ... въ пословицы): нѣтъ (Т р у д ы).

Къ стран. 242.

Стр. 1: . . . . стихи сдѣлались пословицами, ибо въ нихъ виденъ и тонкій умъ наблюдателя свѣта, и рѣдкій талантъ; стихотворенія Карамзина.... (Опыты).

3: и стройности мыслей и слога; горацiанскія оды.... (Т р у д ы).

4–5: вдохновенныя пламенною страстію пѣсни Нелединскаго; прекрасныя подражанія древнимъ и другія творенія въ легкомъ родѣ Мерзлякова; баллады.... (Т р у д ы).

7: . . . . нѣкоторыя стихотворенія Востокова.... (Т р у д ы).
10: . . . . наконецъ, стихотворенія Муравьева, гдѣ изображается, какъ въ зеркалѣ, прекрасная душа его; посланія князя Долгорукова.... (Опыты).
10—11: . . . . наконецъ, стихотворенія Муравьева, въ которыхъ изображается, какъ въ зеркалѣ, прекрасная душа его; князя Долгорукова, исполненныя живости и остроумія; нѣкоторыя посланія Воейкова.... (Т р у д ы).
22: усиливаются вм. увеличиваются (Т р у д ы).
27—29: Главною тому причиною можно положить не одно измѣненіе языка, но измѣненіе самаго общества.... (Т р у д ы).

Къ стран. 243.

Стр. 5: яснымъ и вѣрнымъ зеркаломъ его языка.... (Т р у д ы).
15: писателей вм. авторовъ (Т р у д ы).
20—21: . . . . и уважаютъ—смѣю сказать—боготворятъ... (Т р у д ы и Опыты).

Къ стран. 244.

Стр. 4—6: . . . . эпопея Омера, Аріоста и Клопштока ей равно извѣстны, равно драгоцѣнны... (Т р у д ы).
10: въ обширномъ его значеніи... (Т р у д ы).
12—14: (она... поэта): нѣтъ (Т р у д ы).
30: въ какомъ мѣстѣ? Въ Москвѣ... (Т р у д ы).

Къ стран. 245.

Стр. 20: въ нѣдрахъ отечества.... (Т р у д ы).
21—25: . . . . пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ ума человѣческаго; за благодѣянія наставниковъ онъ воздавалъ благодѣяніями сему святилищу наукъ, и имя его будетъ любезно... (Т р у д ы).
28—29: . . . . языковъ древнихъ, искусство писать... (Т р у д ы).

Къ стран. 246.

Стр. 1: свѣтильниковъ мудрости, которые... (Т р у д ы).
13: И сей человѣкъ... (Т р у д ы),
14—15: . . . . И онъ былъ свидѣтелемъ величайшихъ событій въ мірѣ, великихъ подвиговъ... (Т р у д ы).
28: благословляютъ имя монарха, который столь щедро... (Т р у д ы).
31: издавна гордится отечество. Правительство.... (Т р у д ы).

Къ стран. 247.

Стр. 24—25: . . . . и мы, если не достигнемъ, то по крайней мѣрѣ, приближимся (Т р у д ы).

Примѣчаній автора въ Т р у д а х ъ вовсе нѣтъ; въ исправленномъ экземплярѣ „Опытовъ“ они также зачеркнуты, но мы сочли полезнымъ помѣстить ихъ вслѣдъ за текстомъ „Рѣчи“.

О „Рѣчи“ своей Батюшковъ упоминаетъ въ письмахъ къ Гнѣдичу отъ начала сентября и 25-го октября 1816 года (т. III, стр. 394 — 395 и 401). Изъ послѣдняго упоминанія видно, что Батюшковъ очень дорожилъ своимъ произведеніемъ: „Вручи Никитѣ (Муравьеву) экземпляръ моей р ѣ ч и. Но чтобъ онъ не показывалъ никому до напечатанія. Эта рѣчь нашумѣла здѣсь. Ты не удивишься, прочитавъ ее:

Я истину осламъ съ улыбкой говорилъ“.

Позднѣйшее намѣреніе нашего поэта перепечатать „Рѣчь“ при новомъ изданіи своихъ стихотвореній подтверждаетъ то же самое.

По справедливому замѣчанію Бѣлинскаго, „вся эта статья не что иное, какъ апологія легкой поэзіи“. Но критикъ осуждаетъ самый терминъ, употребленный Батюшковымъ. „Въ то время“, говоритъ Бѣлинскій, — „понятія объ искусствѣ были довольно темны и сбивчивы: съ поэзіею смѣшивали все, что писалось размѣренными строчками съ рифмами; чувствительная пѣсенка и свѣтскій комплиментъ дамѣ, втиснутый въ четверостишіе, съ названіемъ: „къ Клименѣ“ или „къ Темирѣ“, все это считалось поэзіею, и по преимуществу „легкою“, хотя этому явно противорѣчила тяжесть дубовой версификаціи. Такъ и Батюшковъ не совсѣмъ отчетливо понималъ то, что называлъ „легкою поэзіею“. Онъ говорилъ, что на Руси Ломоносовъ изобрѣлъ ее, и высоко ставилъ заслуги въ „легкой поэзіи“ Сумарокова, Богдановича, Державина, Дмитріева, Хемницера, Карамзина, Капниста, Нелединскаго, Мерзлякова, Муравьева, Долгорукаго, Воейкова, В. Пушкина и другихъ. Вообще можно замѣтить, что подъ словомъ „легкая поэзія“ онъ разумѣлъ легкіе роды лирической поэзіи—пѣсню, сонетъ, элегію, эпиграмму, мадригалъ, тріолетъ и т. п. Но ближайшее къ истинному воззрѣніе на предметъ видимъ мы въ его указаніи на Симонида, Ѳеокрита, Сафо, Катулла, Тибулла и Овидія, какъ представителей у древнихъ того, что онъ называлъ „легкою поэзіею“. Очевидно, у Батюшкова была мысль, но до того неопредѣленная, что онъ не отыскалъ слова для ея выраженія... По его превосходнымъ переводамъ изъ Антологіи (видно), что онъ на дѣлѣ гораздо лучше понималъ и рѣшалъ вопросъ, чѣмъ въ теоріи“ (Соч. Бѣлинскаго, т. IV, стр. 448). Не отрицая справедливости во многомъ, что здѣсь сказано Бѣлинскимъ, должно признать, что онъ не совсѣмъ вѣрно понялъ мысль нашего поэта: „легкую поэзію“ Батюшковъ разумѣлъ не столько со стороны формы, сколько со стороны содержанія; въ кругъ произведеній „легкой поэзіи“ онъ включаетъ не только „мелкіе роды лирической поэзіи“, но и всякія произведенія лирики интимной, чисто личной, въ противоположность лирикѣ съ общественнымъ характеромъ; это видно по перечню поэтовъ, которыхъ онъ считаетъ представителями „легкой поэзіи“. Самый же терминъ взятъ Батюшковымъ у Французовъ, и если по сущности своей онъ не отличается точностью, за то получилъ довольно опредѣленный смыслъ по давности своего употребленія.

„Рѣчь“ Батюшкова представляетъ интересъ между прочимъ по разсѣяннымъ въ ней сужденіямъ автора о русскихъ поэтахъ. Въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ къ „Рѣчи“ мы собрали изъ другихъ сочиненій Батюшкова, и

главнымъ образомъ изъ писемъ и записной книжки его, встрѣчающіеся въ нихъ подобные же отзывы, чтобы такимъ образомъ составить сводъ его воззрѣній на развитіе русской поэзіи. Несомнѣнно, что въ „Рѣчи“ авторъ нашъ высказывалъ свои сужденія очень осторожно (ср. 1-е примѣчаніе къ „Рѣчи“, стр. 247—248); болѣе откровененъ онъ и строгъ въ своихъ письмахъ. Вообще, изъ разныхъ замѣчаній Батюшкова видно, что онъ былъ неслишкомъ высокаго мнѣнія объ успѣхахъ русской поэзіи со временъ Ломоносова (см. въ особенности замѣтку объ изданномъ Жуковскимъ „Собраніи русскихъ стихотвореній“ въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ конца апрѣля 1811 г., т. III, стр. 121). Тѣмъ не менѣе, онъ считалъ полезнымъ и своевременнымъ составленіе обзора новой русской литературы и въ 1817 г. даже набросалъ планъ такого очерка (т. II, стр. 336—339). Любопытно, что такое же желаніе высказывали, почти въ то же время, и другіе писатели, напримѣръ, Пушкинъ. Очевидно, потребность подвести итогъ прошлому возникла въ связи съ окончательнымъ образованіемъ русскаго литературнаго языка трудами Карамзина, когда, вслѣдствіе того, вопросы внѣшней формы отступили на второй планъ, и явилась возможность развивать внутреннее содержаніе литературы.

— (Стр. 239 240). Было бы излишне комментировать тотъ быстрый очеркъ развитія лирики у разныхъ поэтовъ, который Батюшковъ набрасываетъ на этихъ страницахъ. Но нельзя не замѣтить, что въ указаніи поэтовъ англійскихъ и нѣмецкихъ, знакомыхъ нашему автору гораздо менѣе, чѣмъ писатели древніе, французскіе и италіянскіе, онъ руководствовался сужденіями М. Н. Муравьева. Такъ, изъ англійскихъ поэтовъ Батюшковъ говоритъ объ одномъ Валлерѣ (1605—1687 гг.), нынѣ совершенно забытомъ, хотя въ свое время онъ славился изяществомъ своего выраженія. И Муравьевъ (П. собр. соч. т. I, стр. 65) находитъ у этого поэта

неподражаемы черты,
Которымъ нѣтъ ни правилъ, ни закона.

Изъ Нѣмцевъ Батюшковъ упоминаетъ только Гагедорна, Клопштока и Шиллера; послѣдняго, какъ и Виланда, „остроумнаго поэта и зиждителя новаго языка въ своемъ отечествѣ“ (т. II, стр. 151), Батюшковъ читалъ довольно много; что же касается двухъ первыхъ, то они упомянуты нашимъ поэтомъ также едва ли не на основаніи авторитета Муравьева (ср. П. собр. соч. М. Н. Муравьева, т. I, стр. 195; ср. 59).

— (Стр. 240). Въ связь съ сужденіемъ Батюшкова о русскомъ языкѣ, которое находится въ „Рѣчи“, должно поставить слѣдующія слова его въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 28-го ноября—5-го декабря 1811 года: „Отгадайте, на что я начинаю сердиться? На что? На русскій языкъ и на нашихъ писателей, которые съ нимъ немилосердно поступаютъ. И языкъ-то по себѣ плоховатъ, грубенекъ, пахнетъ татарщиной. Что за ы? Что за щ? Что за ш, шій, щій, при, тры?“ (т. III, стр. 164—165).

— (Стр. 241). Тѣ же похвалы Богдановичу и его „Душенькѣ“, какія чи-

таются въ „Рѣчи“ Батюшкова, находимъ и въ его стихотвореніяхъ (т. I, стр. 77, 137; ср. также т. II, стр. 123). Бѣлинскій справедливо замѣтилъ, что въ этихъ отзывахъ нашъ поэтъ, при всемъ своемъ дарованіи и художественномъ тактѣ, платилъ дань времени и безсознательно преклонялся предъ силой литературнаго преданія, еще вполнѣ господствовавшаго въ его время (Сочиненія Бѣлинскаго, т. V, стр. 299). Напомнимъ, что подобное же мнѣніе о „Душенькѣ“ Богдановича выражали Карамзинъ и Дмитріевъ, сужденія которыхъ имѣли большой вѣсъ въ глазахъ Батюшкова. Напротивъ того, князь Вяземскій, равно близкій и къ Карамзину съ Дмитріевымъ, и къ Батюшкову, высказывалъ еще около 1813 года довольно строгое сужденіе о Богдановичѣ (П. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 23—24).

О Дмитріевѣ см. еще отзывъ Батюшкова въ „Моихъ пенатахъ“ (т. I, стр. 138; тамъ же и о Хемницерѣ). Бѣлинскій (Соч. т. IV, стр. 472) вооружается противъ похвалъ Батюшкова Дмитріеву, но если вникнуть глубже въ слова нашего автора о писателѣ, который въ его время, и справедливо, считался ближайшимъ сподвижникомъ Карамзина въ литературной реформѣ, то окажется, что отзывъ этотъ не приписываетъ высокаго поэтическаго таланта Дмитріеву и ограничиваетъ его заслугу усовершенствованіемъ стихотворной рѣчи. Этому заключенію вполнѣ соотвѣтствуетъ замѣчаніе Батюшкова о Дмитріевѣ въ записной книжкѣ (см. въ этомъ томѣ стр. 337).

Несравненно болѣе сочувствія слышится въ отзывѣ Батюшкова о Крыловѣ. Нашъ поэтъ рано оцѣнилъ его своеобразное дарованіе (см. въ т. III, стр. 53, письмо къ Гнѣдичу отъ 1-го ноября 1809 г.) и очень удачно очертилъ оригинальную личность Крылова въ своемъ „Видѣніи на берегахъ Леты“ (т. I, стр. 35). Позже онъ упоминаетъ о Крыловѣ въ „Посланіи къ Тургеневу“ (т. I, стр. 282), а въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу изъ-за границы поручаетъ ему сказать Крылову, что „и въ арміи его басни читаютъ наизусть“ (т. III, стр. 242; ср. также т. II, стр. 316 и 340).

— (Стр. 242). О стихотвореніяхъ Карамзина Батюшковъ говоритъ только однажды—въ своей „Рѣчи“. Питая къ нему глубокое уваженіе, онъ, очевидно, не желалъ пропустить его въ перечнѣ другихъ современныхъ писателей, хотя, быть можетъ, и не признавалъ за нимъ настоящаго поэтическаго таланта. Князь Вяземскій, котораго и позднѣйшія сужденія служатъ нерѣдко къ разъясненію мыслей Батюшкова, въ своей статьѣ (1866 г.) о стихотвореніяхъ Карамзина, согласно съ нашимъ авторомъ, указываетъ на преобладающій въ нихъ элементъ чувства и развиваетъ эту мысль такимъ образомъ: „Съ нимъ (Карамзинымъ) родилась у насъ поэзія чувства, любви къ природѣ, нѣжныхъ отливовъ мысли и впечатлѣній: словомъ сказать, поэзія внутреняя, задушевная. Въ ней впервые отразилась не одна внѣшняя обстановка, но въ сердечной исповѣди сказалось, что сердце чувствуетъ, любитъ, таитъ и питаетъ въ себѣ. Изъ этого пока еще—согласенъ я—довольно скромнаго родника пролились и прозвучали позднѣе обильные потоки, которыми Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ оплодотворили нашу поэтическую почву“ (П. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 150—151).

— (Стр. 242). Капнистъ еще ожидаетъ своего біографа въ нашей литературѣ; существующія о немъ свѣдѣнія очень скудны и разбросаны; поэтому мы сочли не неумѣстнымъ собрать здѣсь эти данныя, тѣмъ болѣе, что Капнистъ, если не произведеніями, то нѣкоторыми сужденіями своими въ литературныхъ вопросахъ оказалъ, въ извѣстной мѣрѣ, вліяніе на Батюшкова.

Василій Васильевичъ Капнистъ, сынъ бригадира Василія Петровича Капниста отъ втораго брака его съ Софьей Андреевной Дуниной-Борковскою, родился въ 1757 году въ Миргородскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, въ селѣ Обуховкѣ, которое, вмѣстѣ съ другими деревнями, было пожаловано въ 1743 году императрицею Елизаветою отцу поэта за военную службу. Капнисты ведутъ свой родъ отъ венеціанскаго графа Стомателло Капнисси, внукъ котораго выѣхалъ въ Россію съ острова Занта (А. М. Лазаревскій, Очерки малороссійскихъ фамилій—Русскій Архивъ 1876 г., кн. III, стр. 437 — 438). О дѣтствѣ В. В. Капниста мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Первоначальное образованіе онъ получилъ, вѣроятно, подъ наблюденіемъ матери. Въ 1771 г., по 15-му году, онъ уже находился въ Петербургѣ, посѣщалъ школу Измайловскаго полка и началъ въ немъ службу капраломъ; въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ подпрапорщики и въ фурьеры, а въ началѣ слѣдующаго года перешелъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ и здѣсь въ 1775 году пріобрѣлъ первый офицерскій чинъ. Въ это время онъ посвящалъ всѣ свободные часы наукамъ: знакомился съ языками французскимъ и нѣмецкимъ, съ древними и новѣйшими классиками и не пренебрегалъ отечественными писателями — Ломоносовымъ, Петровымъ, Сумароковымъ. Вскорѣ послѣ производства Капнистъ вышелъ въ отставку съ чиномъ подпоручика гвардіи. Въ началѣ 1782 г. онъ былъ избранъ въ предводители дворянства Миргородскаго уѣзда Кіевскаго намѣстничества, но въ августѣ того же года поступилъ подъ начальство князя А. А. Безбородка, получивъ должность контролера главнаго почтоваго правленія; затѣмъ однако въ маѣ 1783 г. онъ бросилъ и эту службу и уѣхалъ на родину, гдѣ въ январѣ 1785 г. былъ избранъ кіевскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители. Въ 1787 году Капнистъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника и былъ назначенъ главнымъ надзирателемъ кіевскаго шелковичнаго завода (Сочиненія Державина, 1-е акад. изд., т. VIII, стр. 278). Въ 1797 году Капнистъ, находясь уже въ отставкѣ, пріѣзжалъ въ Петербургъ по тяжебному дѣлу съ своимъ сосѣдомъ Тарновскимъ. Въ это время состоялось высочайшее повелѣніе о высылкѣ изъ столицы всѣхъ неслужащихъ дворянъ; тогда Капнистъ, чтобъ имѣть возможность продлить свое пребываніе въ столицѣ, обратился къ Л. А. Нарышкину съ просьбой о доставленіи ему службы (Сочиненія Державина, т. II, стр. 106). 31-го декабря 1799 г. онъ, съ чиномъ коллежскаго совѣтника, былъ причисленъ къ театральной дирекціи и получилъ въ завѣдываніе русскую труппу. Въ это время русскій театръ въ Петербургѣ былъ въ упадкѣ, и въ публикѣ замѣчалось явное охлажденіе къ нему; напротивъ, французская труппа обращала на себя общее вниманіе. Капнистъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ оживить русскую сцену, и съ этою цѣлію вызвалъ изъ Москвы извѣстныхъ артистовъ—Шушерина, Сахарова и Пономарева (П. Н. Арапов, Лѣтопись русскаго театра, стр. 138, 143). Капнистъ состоялъ при театральной дирекціи по 14-е августа 1801 г. и при

увольненіи былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника. Въ 1802 году онъ былъ утвержденъ генеральнымъ судьею 1-го департамента Полтавскаго генеральнаго суда, а затѣмъ, съ 24-го марта 1812 г. по 19-е февраля 1818 г., числился при департаментѣ народнаго просвѣщенія. Осенью 1819 г. Василій Васильевичъ посѣтилъ Тавриду и, возвратясь въ Обуховку, отправилъ 20-го декабря къ князю А. Н. Голицыну письмо, въ которомъ обратилъ его вниманіе на необходимость принять мѣры къ охраненію тамошнихъ древностей отъ разрушенія и истребленія, а также на необходимость ученаго изслѣдованія Крыма и Тамани. Вслѣдствіе этого представленія, доведеннаго княземъ Голицынымъ до свѣдѣнія императора Александра, въ 1821 году академикъ Кёлеръ и архитекторъ Паскаль были отправлены въ Крымъ для ученыхъ изысканій. Въ 1822 году Капнистъ былъ избранъ полтавскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители, а 28-го октября 1823 г. онъ скончался въ своей любимой Обуховкѣ, гдѣ и погребенъ [1]).

Какъ писатель, Капнистъ принадлежалъ къ тому литературному кружку, душою котораго былъ извѣстный знатокъ искусствъ и литературы Н. А. Львовъ, а наиболѣе видными представителями—Хемницеръ, Богдановичъ, Державинъ и отчасти Оленинъ. Со всѣми ими Капнистъ находился въ болѣе или менѣе дружескихъ отношеніяхъ, но особенно близки къ нему были Львовъ и Державинъ. Знакомство со Львовымъ относится еще ко времени пребыванія Капниста въ Измайловскомъ полку, гдѣ оба они посѣщали полковую школу, находившуюся подъ особеннымъ покровительствомъ А. И. Бибикова, который, по словамъ Державина, „былъ охотникъ до наукъ, особливо до стихотворства“ (Соч. Державина, т. I, 18; т. II, 105). Впослѣдствіи Львовъ содѣйствовалъ Капнисту въ поступленіи на службу къ Безбородку. Кромѣ дружбы, ихъ связывали и семейныя отношенія: Капнистъ женился на Александрѣ Алексѣевнѣ Дьяковой, а Львовъ — на ея сестрѣ Маріѣ Алексѣевнѣ. Чрезъ Львова Капнистъ познакомился и съ Хемницеромъ, въ литературной дѣятельности котораго принималъ большое участіе. Капнистъ оказалъ несомнѣнное вліяніе на Хемницера, который въ своихъ не напечатанныхъ сатирахъ и нѣкоторыхъ басняхъ является его подражателемъ (Сочиненія и письма Хемницера. С.-Пб. 1873, стр. 29—30, 33). Въ 1799 году Капнистъ и Львовъ, съ участіемъ Оленина, издали басни уже умершаго Хемницера, при чемъ употребили большое стараніе на исправленіе и даже передѣлку многихъ изъ нихъ (ibid., стр. 215—216). Съ переходомъ Капниста въ Преображенскій полкъ начинается сближеніе его съ Державинымъ, который съ 1795 года также дѣлается свояком его и Львова, женившись на Дарьѣ Алексѣевнѣ Дьяковой (Соч. Державина, т. II, 105). Литературныя занятія способствовали ихъ сближенію, не смотря на то, что Державинъ былъ 13-ю годами старше Капниста. Собственно черезъ Капниста Державинъ и сошелся съ Львовымъ и Хемницеромъ (ibid., т. VIII, 277, 281). Подъ вліяніемъ этихъ-то лицъ совершился по-

[1]) У Бантыша-Каменскаго (Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. С.-Пб. 1847, ч. II), изъ котораго заимствована большая часть приведенныхъ нами свѣдѣній, годъ смерти Капниста показанъ невѣрно; извѣстія Бантыша-Каменскаго о службѣ Капниста въ министерствѣ народнаго просвѣщенія провѣрены нами по дѣламъ архива этого министерства.

воротъ Державина къ самостоятельному творчеству, начало котораго онъ самъ относитъ къ 1779 году (ibid., т. VI, 443) Державинъ оченъ дорожилъ совѣтами своихъ друзей въ литературныхъ дѣлахъ. Они усердно занимались просмотромъ его сочиненій, дѣлали въ нихъ поправки, переводили для него произведенія древнихъ классиковъ, даже составляли виньетки. Подробный обзоръ ихъ дѣятельности въ этомъ отношеніи представленъ Я. К. Гротомъ въ академическомъ изданіи сочиненій Державина. Что касается Капниста, то онъ обращалъ большое вниманіе на чистоту слога. Въ рукописной тетради Державина, относящейся къ 1790-мъ годамъ, сохранилось слѣдующее двустишіе, подъ заглавіемъ „Цыдулка автору“:

Писанья ты свои прилежно вычищай:
Вѣдь изъ чистилища приходятъ уже въ рай

Въ примѣчаніи къ двустишію сказано: „Переводъ съ французскаго, на которомъ сію эпиграмму сочинилъ г. Капнистъ въ отвѣтъ на посланные мои стихи“ (Сочиненія Державина, т. III, 485). Капнистъ значительно превосходилъ Державина въ образованіи и знаніи иностранныхъ языковъ, изъ которыхъ французскимъ владѣлъ вполнѣ свободно; нѣмецкій языкъ былъ также ему не чуждъ, что̀ между прочимъ видно изъ письма его къ А. А. Прокоповичу-Антонскому (Сочиненія Капниста. С.-Пб. 1849, стр. 628). Изъ древнихъ языковъ онъ зналъ только латинскій, на которомъ могъ свободно читать, греческаго же, по собственному признанію, вовсе не зналъ (ibid., стр. 606).

Въ домѣ Державина Капнистъ познакомился съ И. И. Дмитріевымъ Послѣдній въ своихъ запискахъ говоритъ о немъ слѣдующее: „Онъ по нѣскольку мѣсяцевъ проживалъ въ Петербургѣ, пріѣзжавъ изъ Малороссіи, его отчизны, и веселымъ остроуміемъ, вопреки меланхолическому тону стиховъ своихъ, оживлялъ нашу бесѣду“ (Взглядъ на мою жизнь. М. 1866, стр. 61). Д. Н. Бантышъ-Каменскій, лично знавшій Капниста, указываетъ на живость и остроуміе, какъ на отличительныя черты его характера (Словарь, стр. 87—88). У Державина же или у Львова Капнистъ познакомился и съ А. В. Храповицкимъ, который въ 1793 году написалъ къ нему посланіе, начинающееся слѣдующими строками:

Умъ пылокъ у тебя, пріятенъ слогъ и чистъ,
Зачѣмъ не пишешь ты, любезный мой Капнистъ?

Посланіе это (напечатанное Н. В. Сушковымъ, но съ пропусками, въ Р а у тѣ. кн. III, М. 1854, стр. 145 — 147, подъ заглавіемъ „Письмо къ другу“) заключаетъ въ себѣ не мало сатирическихъ намековъ на современниковъ. Въ той же книжкѣ Р а у т а, стр. 247, напечатанъ экспромтъ Капниста къ Мих. Вас. Храповицкому, съ помѣтой: 1808 г. марта 5 дня.

Съ начала нынѣшняго столѣтія Капнистъ примыкаетъ къ литературному кружку А. Н. Оленина, въ домѣ котораго и познакомился съ нимъ Батюшковъ. Изъ друзей Оленинскаго дома Капнистъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ Гнѣдичемъ и первый подалъ ему мысль продолжать переводъ Иліады, ободряя „осмотрительную его скромность при начальныхъ опытахъ въ

семъ многотрудномъ, но блистательномъ поприщѣ“ (Сочиненія Капниста, стр. 602). Ихъ сближало другъ съ другомъ и малороссійское происхожденіе. Гнѣдичъ изъ Петербурга переписывался съ Капнистомъ, жившимъ въ Малороссіи. Два письма Гнѣдича къ нему, отъ 1811 года, напечатаны въ VI-мъ томѣ 1-го акад. изданія сочиненій Державина, стр. 374—376. Въ іюнѣ 1810 г., какъ видно изъ этихъ писемъ, Гнѣдичъ посѣтилъ Обуховку (ср. письмо Батюшкова къ Гнѣдичу отъ 30-го сентября 1810 г., т. III, стр. 101).

Первымъ литературнымъ произведеніемъ Капниста была „Ode à l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane à Kaynardgi le 10 juillet, anno 1774“. Ода эта была напечатана отдѣльно въ 1775 году, а въ 1780 г. появилась вторично въ августовской книжкѣ С.-Петербургскаго Вѣстника. Самъ авторъ называлъ ее впослѣдствіи „преглупою французскою одою, писанною сочинителемъ на 17-мъ году его возраста, чего однакожь онъ ни себѣ, ни глупому своему произведенію въ извиненіе не ставитъ“ (Сочиненія В. Капниста, изд. 1796 г., стр. 58—59). Въ бумагахъ Державина сохранился подстрочный переводъ этой оды на русскій языкъ, писанный поперемѣнно то его рукою, то рукою Капниста (Сочиненія Державина, т. I, стр. 716). Объ этой одѣ авторъ упоминаетъ и въ своей извѣстной Сатирѣ первой, которая напечатана въ іюньской книжкѣ С.-Петербургскаго Вѣстника за 1780 г.:

Стихами слабыми и на чужомъ языкѣ
Екатеринины пѣлъ славныя дѣла.

Сатира Капниста заключала въ себѣ между прочимъ рѣзкія сужденія о современной литературѣ и нѣкоторыхъ ея представителяхъ, фамиліи которыхъ ясно указаны авторомъ въ очень прозрачной передѣлкѣ [1]). „Сатира первая“ доставила автору извѣстность, но возбудила собою полемику. Въ сентябрской книжкѣ С.-Петербургскаго Вѣстника появилось „Письмо къ г. К., сочинителю Сатиры первой“, въ которомъ неизвѣстный авторъ является защитникомъ осмѣянныхъ писателей, называетъ Капниста глупцомъ и дерзкимъ ругателемъ и въ заключеніе говоритъ: „О слогѣ вашей сатиры, не упоминая о многихъ слабыхъ и низкихъ мѣстахъ, скажу только то, что и въ самомъ началѣ оныя, гдѣ, кажется, вы старались, собравъ всѣ силы вашего разума, ополчиться на пороки, нѣтъ ни одного стиха, который бы не былъ повтореніемъ того, что другіе писатели прежде васъ написали...“ Затѣмъ приводятся цитаты изъ Буало, Фонъ-Визина и Сумарокова, указывающія на заимствованія Капниста. Редакція С.-Петербургскаго Вѣстника помѣстила это, по ея выраженію, „колкое письмо“, исполняя требованіе незнакомаго сочинителя, но съ „нѣкоторыми общими примѣчаніями“ отъ себя и въ нихъ включила басню, гдѣ подъ искуснымъ художникомъ разумѣется Капнистъ, а подъ завистью—его критикъ. Впослѣдствіи Капнистъ передѣлалъ свою сатиру и

[1]) Подлинныя фамиліи перечисленныхъ здѣсь авторовъ раскрыты М. А. Дмитріевымъ (Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 43), кромѣ одной—Компаровскаго; здѣсь должно разумѣть Якова Кантаровскаго, автора нѣсколькихъ одъ, изданныхъ въ прошломъ вѣкѣ (см. у Сопикова №№ 2822 и 11509).

напечаталъ ее въ V-й части Собесѣдника любителей русскаго слова, подъ заглавіемъ: „Сатира первая и послѣдняя". Въ этой редакціи она вошла и въ собранія его сочиненій. Перепечатка сатиры въ Собесѣдникѣ состоялась по желанію издателей его, княгини Е. Р. Дашковой и О. П. Козодавлева (Исторія Росс. академіи, М. И. Сухомлинова, вып. VI, стр. 340—341). Послѣдній просилъ объ этомъ автора особымъ письмомъ, напечатаннымъ въ 1-й книжкѣ журнала съ слѣдующимъ эпиграфомъ изъ Томаса:

Reveille-toi, mortel, deviens utile au monde,
Sors de l'indifférence, où languissent tes jours.

Вслѣдъ затѣмъ, во 2-й книжкѣ Собесѣдника появилось „Посланіе къ гг. издателямъ отъ Любослова", содержащее въ себѣ придирчивую критику на первую часть журнала. Эпиграфъ въ письмѣ Козодавлева къ Капнисту далъ поводъ Любослову высказать слѣдующее сужденіе объ авторѣ сатиры: „Для г. Капниста толь важныхъ выраженій очень много; они приличны патріоту, герою и министру. Желательно, чтобъ всѣ умы отдавали справедливость достоинствамъ не по предубѣжденію, но по существу заслуги" (стр. 112). Капнистъ отвѣчалъ на это сатирическимъ письмомъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрѣнія къ своему критику (Собесѣдникъ, ч. VIII, стр. 16—18) [1]).

20-го марта 1785 года Капнистъ былъ избранъ въ члены Россійской академіи. Находясь въ то время въ Петербургѣ, онъ получилъ приглашеніе на ближайшее засѣданіе, на которое однако не явился. Вообще онъ очень рѣдко посѣщалъ академію и не принималъ никакого участія въ ея трудахъ. Только въ 1814 году онъ согласился участвовать въ академическихъ работахъ по составленію словаря. Ему порученъ былъ выборъ словъ изъ Слова о полку Игоревѣ и изъ Русской Правды (Исторія Росс. академіи, М. И. Сухомлинова, вып. VII, стр. 55—57).

Кромѣ „Сатиры первой", большою извѣстностью пользовалась „Ода на рабство", написанная Капнистомъ въ 1783 году и напечатанная только въ „Лирическихъ сочиненіяхъ", изд. 1806 г. По поводу этой оды Державинъ писалъ Капнисту отъ марта 1786 г.: „При семъ препровождаю тебѣ, мой другъ, твои сочиненія, съ которыхъ копіи княгинѣ Дашковой я отдалъ. Она требовала оды и о рабствѣ; но я сказалъ, что ты оной не оставилъ, по причинѣ, что не нашелъ въ своихъ бумагахъ; а притомъ изъяснилъ ей, что ни для ея, ни для твоей пользы напечатать и показать напечатанную императрицѣ тоё оду не годится и съ здравымъ разсудкомъ не сходно, на что она весьма согласилась и осталась довольною" (Соч. Державина, т. V, стр. 848—849). Очевидно, Дашкова хотѣла помѣстить оду Капниста въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, которыя начали издаваться съ 1786 года и служили какъ бы продолженіемъ Собесѣдника, прекратившагося въ 1784 году. Осто-

[1]) Въ 1805 году, въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, ч. VI, стр. 295—297, была напечатана пародія на сатиру Капниста, въ которой осмѣяны Карамзинъ, Дмитріевъ и другіе писатели. Ср. Русск. Архивъ 1868 г., ст. 1092 и 1094 (Письма И. И. Дмитріева къ Д. И. Языкову).

рожность Державина объясняется содержаніемъ оды: въ ней вспоминаются прежнія времена Малороссіи, когда она будто бы пользовалась свободой, и высказываются жалобы на тѣ узы рабства, которыя - де наложены на родину поэта. Безъ сомнѣнія, ода эта была вызвана указомъ 3-го мая 1783 г., по которому поселяне Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничествъ объявлялись крѣпостными людьми тѣхъ помѣщиковъ, на чьихъ земляхъ застали ихъ новый законъ (Полн. собр. законовъ, т. XXI, № 15724). Ода на рабство, по словамъ самого автора, послужила поводомъ къ сочиненію „Оды на истребленіе въ Россіи званія раба Екатериною II въ 15 день февраля 1786 года“ (Лирическія сочиненія Капниста, стр. 36). Въ это время, какъ извѣстно, состоялся указъ, которымъ повелѣно было подписываться на просьбахъ не рабъ, а вѣрноподданный (Полн. собр. зак., т. XXII, № 16329). Оду свою Капнистъ отправилъ къ Н. А. Львову для представленія императрицѣ, о чемъ упоминаетъ въ письмѣ къ Державину изъ Обуховки отъ 20-го іюня 1786 г. (Соч. Державина, т. V, стр. 514). Сотрудничество Капниста въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ и началось этою одой, напечатанною въ XV-й части журнала (1787 г.), съ подписью: „вѣрноподданный В. Капнистъ“. Затѣмъ въ XVII-й части появились „Стихи на переводъ Иліады Костровымъ“, перепечатанные тогда же въ Зеркалѣ свѣта, ч. V, № 82, а въ ч. XIX-й (1788 г.)—ода „Надежда“, которая еще въ 1780 году была помѣщена въ VI-й части С.-Петербургскаго Вѣстника; при перепечаткѣ въ ней были сдѣланы измѣненія.

Въ 1789 году Державинъ напечаталъ въ XLI-й части Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій „Изображеніе Фелицы“. 58-я строфа этого стихотворенія заключаетъ въ себѣ обращеніе поэта къ Рафаэлю съ просьбой изобразить Екатерину II, что̀ подало поводъ Капнисту написать „Отвѣтъ Рафаэля пѣвцу Фелицы“, помѣщенный въ майской книжкѣ того же журнала за 1790 годъ. Шуточный отвѣтъ Капниста не понравился самолюбивому пѣвцу Фелицы, который получилъ его еще въ рукописи подъ заглавіемъ: „Рапортъ лейбъ-автору отъ екатеринославскихъ музъ трубочиста Василія Капниста“. Державинъ отвѣчалъ своему другу рѣзкимъ письмомъ отъ 31-го декабря 1789 г., въ которомъ, изчисляя недостатки его произведенія, говоритъ: „Ежели ты хочешь впередъ писать прямо по русски, то пріѣзжай къ твоимъ друзьямъ и совѣтуй съ ними, или оставляй, что напишешь, про твоихъ земляковъ; а безъ того, не токмо читать или печатать, любя твою славу, стиховъ твоихъ, но и принимать ихъ не будемъ, ибо, кромѣ твоей оды „Надежда“ и сатиры, здѣсь при твоихъ друзьяхъ написанныхъ, послѣдующія твои сочиненія никакого уваженія не заслуживаютъ. Ежели таковыми стихами подаришь ты потомство, то въ самомъ дѣлѣ прослывешь парнасскимъ трубочистомъ, который хотѣлъ чистить стихи другихъ, а самъ нечистотою своихъ былъ замаранъ. Сіе не я одинъ, но и всѣ, прочтя твои присланные сюды стихи, сказали“. Хотя Державинъ ссылался на общихъ друзей, однако Львовъ не раздѣлялъ его мнѣнія. Это видно изъ слѣдующей замѣтки Львова на сохранившейся рукописи „Отвѣта“: „Гаврила не правъ въ нѣкоторыхъ своихъ бурныхъ примѣчаніяхъ; я ему скажу; а если нѣкоторыя мною справленныя неровности ты простишь и помилуешь, то переписавъ, какъ должно печатать, пришли: я напечатаю“. Капнистъ принялъ нѣкоторыя по-

правки Львова, уничтожилъ одну строфу и сдѣлалъ въ концѣ приписку: „Съ италіянскаго языка перевелъ В. Капнистъ“. Львовъ же впослѣдствіи прибавилъ на рукописи: „А вотъ за это бестію кнутомъ, не ври“ (Соч. Державина, т. I, 297—299; т. V, 766—768; т. VIII, 586—588). Ссора эта однако не имѣла серьезныхъ послѣдствій: друзья продолжали переписываться, и Державинъ по прежнему принималъ совѣты и поправки Капниста къ своимъ сочиненіямъ.

Съ 1792 года Капнистъ дѣлается сотрудникомъ Московскаго Журнала, въ VIII-й части котораго напечатана его „Ода на счастіе“. Карамзинъ, вообще уважавшій талантъ и мнѣнія Капниста (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 37, 64. 122), въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 28-го января 1793 г. далъ объ этой одѣ такой отзывъ: „Ода на счастіе гладка. Сочинитель имѣетъ вкусъ. Но находишь ли ты въ сей пьесѣ новыя, живыя, глубокія чувства и творческое воображеніе?“ (тамъ же, стр. 33). Въ 1793 году вышла отдѣльною брошюрой „Ода на всерадостное обрученіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ в. кн. Александра Павловича и в. кн. Елизаветы Алексѣевны, совершившееся мая въ 10 день“. С.-Пб. Въ 4-ку (въ Справочномъ Словарѣ Геннади не указана). Съ 1796 по 1799 г. Капнистъ участвовалъ въ Аонидахъ Карамзина. Здѣсь напечатаны: „Унынie“, „Мотылекъ“, „Гимнъ солнцу слѣпаго старца Оссіана“, „Потеря дня“, „Другу моему“ (въ собраніи сочиненій: „Богатство убогаго“), „Утро въ гротѣ гр. А. С. Строганова“ (въ собр. соч.: „Графу А. С. Строганову“), „На новый 1797 годъ“, „Подражаніе IV-й одѣ Горація“ (въ собр. соч.: „Весна“), „Пѣсня“ (въ собр. соч.: „Вздохъ“), „Графу Суворову-Рымникскому на прибытіе его въ С.-Петербургъ 1779 г. февраля дня“ (въ собр. соч.: „На отъѣздъ въ Италію гр. Суворова-Рымникскаго“). Въ 1796 году Капнистъ издалъ въ Петербургѣ свои сочиненія. Книга украшена пятью гравюрами работы Набгольца и оканчивается слѣдующимъ оригинальнымъ двустишіемъ самого автора:

Капниста я прочелъ и сердцемъ сокрушился,
Затѣмъ читать учился.

22-го августа 1798 года въ первый разъ появилась на сценѣ знаменитая „Ябеда“. Успѣхъ піесы былъ блистательный, благодаря общественному ея значенію и хорошему исполненію. По свидѣтельству Арапова, державинскій кружокъ способствовалъ Капнисту окончить и отдать на театръ свою комедію (Лѣтопись р. театра, стр. 139—140). Поводомъ къ сочиненію „Ябеды“ послужилъ процессъ, веденный Капнистомъ съ помѣщикомъ Тарновскимъ (Соч. Державина, т. II, 106, т. VIII, 278). Приступая къ печатанію своей комедіи, авторъ чрезъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, бывшаго тогда статсъ-секретаремъ, испросилъ позволеніе посвятить ее императору Павлу (Русск. Старина 1873 г., т. VII стр. 714; Современникъ 1836 г., т. II, стр. 308). Предметъ и цѣль піесы вполнѣ ясно выражены авторомъ въ слѣдующихъ строкахъ посвященія:

Я кистью Таліи порокъ изобразилъ,
Мздоимства, ябеды всю гнусность обнажилъ
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.

Въ благодарность за мастерское исполненіе роли Кривосудова Капнистъ предоставилъ актеру Крутицкому право изданія своей комедіи. „Ябеда“ была играна

четыре раза сряду. 20-го сентября назначалось уже пятое представленіе ея, но совершенно неожиданно послѣдовало высочайшее повелѣніе о запрещеніи піесы и изъятіи ея изъ продажи (Лѣтопись русскаго театра, стр. 140; Р. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 715). Обличеніемъ взяточниковъ Капнистъ пріобрѣлъ себѣ много враговъ среди чиновнаго люда, и наиболѣе вліятельные изъ нихъ, безъ сомнѣнія, употребили всѣ усилія, чтобы представить автора комедіи въ глазахъ государя опаснымъ для общества человѣкомъ (любопытныя, хотя и не совсѣмъ достовѣрныя подробности объ этомъ см. въ Библіогр. Запискахъ 1859 г. № 2). Даже въ позднѣйшее время Капнистъ нашелъ себѣ недоброжелателя въ лицѣ извѣстнаго Ф. Ф. Вигеля, который, причисляя автора „Ябеды“ къ литературнымъ ничтожествамъ и приписывая ему скрытую ненависть къ Великоруссамъ, иронически говоритъ: „Онъ много написалъ стиховъ и весьма хорошихъ и, заключивъ поприще свое великимъ творевіемъ, называемымъ „Ябеда“, опустился на лавры. Не обращая вниманія на наши слабости, пороки, на наши смѣшныя стороны, онъ въ преувеличенномъ видѣ, на позоръ свѣту, представилъ преступныя мерзости нашихъ главныхъ судей и ихъ подчиненныхъ. Тутъ ни въ дѣйствіи, ни въ лицахъ нѣтъ ничего веселаго, забавнаго, а одно только ужасающее, и не знаю почему назвалъ онъ это комедіей“ (Воспоминанія, ч. III, стр. 144—145). Даже по вступленіи на престолъ Александра I опала съ „Ябеды“ была снята не тотчасъ. Державинъ, въ письмѣ къ Капнисту отъ 30-го іюля 1804 г., говоритъ: „Посылаю къ вамъ „Ябеду“, которую продаютъ изъ лавокъ, не знаю по указу ли, или безъ указу, но разрѣшенія играть ее нѣтъ, и не играютъ, можетъ быть—потому, что никто не проситъ о томъ; ибо теперь вкусъ здѣсь на шуточныя оперы, которыя украшены волшебными декораціями и утѣшаютъ болѣе глаза и музыкою слухъ, нежели умъ“ (Соч. Державина, т. VI, стр. 156, 162). Въ 1800 году Капнистъ самъ поставилъ на сцену пастушескую оперу въ 1-мъ дѣйствіи: „Клорида и Милонъ“, сюжетъ которой взятъ изъ древне-греческой жизни. Она была представлена въ первый разъ 6-го ноября и понравилась публикѣ; напечатана въ томъ же году, безъ имени автора. Музыку для оперы написалъ русскій композиторъ Ѳоминъ, имя котораго часто встрѣчается въ піесахъ того времени. Но Карамзинъ, въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 23-го декабря 1800 г., сочинителемъ музыки называетъ А. А. Плещеева. М. Н. Лонгиновъ дѣлаетъ по этому поводу предположеніе, что Ѳоминъ ссужалъ свое имя любителямъ, опасавшимся неудачи (Лѣтопись русскаго театра, стр. 142; Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 122, 051). Возобновленіе „Ябеды“ на сценѣ послѣдовало лѣтомъ 1805 года, что видно изъ рецензіи, напечатанной въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, того же года, ч. VI, іюнь, стр. 373. Рецензентъ, вполнѣ признавая общественное значеніе комедіи, называетъ ее „зеркаломъ въ которомъ увидятъ себя многіе, какъ скоро только захотятъ въ него посмотрѣться“. 23-го іюня того же года „Ябеда“ была представлена на домашнемъ театрѣ А. Л. Нарышкина, на его дачѣ Га-Га на Петергофской дорогѣ. Спектакль этотъ посѣтилъ императоръ Александръ (Лѣтопись русскаго театра, стр. 171). Изъ послѣдующихъ представленій „Ябеды“ замѣчателенъ бенефисъ актера Щеникова, 2-го сентября 1814 г., когда комедія исполнялась по новой редакціи, съ поправками самого автора. Экземпляръ „Ябеды“, принадлежавшій Щенікову и заключавшій въ себѣ отмѣчен-

ные имъ варіанты, подробно описанъ въ Русской Старинѣ 1873 г., т. VII, стр. 715—717. Комедія Капниста долго держалась на сценѣ. Популярность ея была очень велика, такъ что нѣкоторыя выраженія комедіи обратились въ пословицы.

Вступленіе на престолъ Александра I Капнистъ привѣтствовалъ одой, напечатанною въ Петербургѣ отдѣльною брошюрой въ 4-ку. Въ собраніяхъ сочиненій Капниста она носитъ заглавіе: „Память ноября 6-го дня 1796 года“: это объясняется тѣмъ, что ода не составляетъ панегирика вступающему на престолъ государю, а исключительно изображаетъ царствованіе Екатерины II, ея внѣшнія и въ особенности внутреннія дѣла.

23-го ноября 1804 г., какъ извѣстно, состоялось первое представленіе „Эдипа въ Аѳинахъ“. Капнистъ, безъ сомнѣнія, знакомый съ Озеровымъ по дому Оленина, присутствовалъ на этомъ спектаклѣ и тогда же написалъ извѣстное посланіе къ нему, напечатанное въ VI-й части Сѣвернаго Вѣстника 1805 г. и отдѣльно (Роспись Плавильщикова, № 5332). 17-го мая 1806 г., въ пользу актера Рыкалова, представлена была комедія Капниста „Сганаревъ, или мнимая невѣрность“. Это—передѣлка комедіи Мольера „Sganarelle, ou le cocu imaginaire“. Впослѣдствіи Капнистъ самъ осмѣялъ своего „Сганарева“ слѣдующею эпиграммой, напечатанною въ Сынѣ Отечества:

Никто не могъ узнать изъ цѣлаго партера,
Кто въ Сганаревѣ смѣлъ такъ осрамить Мольера;
Но общій и согласный свистъ
Всѣмъ показалъ, что то Капнистъ.

Не бо́льшій, если не меньшій успѣхъ имѣла и его трагедія „Антигона“, представленная въ первый разъ на Маломъ театрѣ 21-го сентября 1814 г., въ бенефисъ К. С. Семеновой. Въ Сынѣ Отечества того же года, № XXXIX, стр. 43, появилась слѣдующая замѣтка рецензента: „Видѣвъ одно представленіе, не смѣемъ ничего сказать рѣшительнаго о семъ новомъ произведеніи нашего извѣстнаго лирика; но сколько можно судить по впечатлѣнію на слухъ и на сердце, стихи не сдѣлали большаго очарованія, и трагедія не могла возбудить соучастія“ Добродушный авторъ и на этотъ разъ осмѣялъ себя тремя эпиграммами, напечатанными въ Сынѣ Отечества и вошедшими въ смирдинское изданіе его сочиненій.

Въ 1806 году въ Петербургѣ были напечатаны „Лирическія сочиненія“ Капниста, съ посвященіемъ императору Александру, который пожаловалъ автору брилліантовый перстень, препровожденный Н. Н. Новосильцовымъ при письмѣ отъ 3-го октября 1806 г. (Лирическія сочиненія, стр. 247). Это собраніе сочиненій состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) оды духовныя, 2) торжественныя, 3) нравоучительныя и элегическія, 4) гораціанскія и анакреонтическія. Изданіе отличается изяществомъ и украшено рисунками Шустова и И. А. Иванова, которые гравировалъ Сандерсъ.

Кромѣ упомянутыхъ уже нами періодическихъ изданій, сочиненія Капниста печатались въ Другѣ Просвѣщенія, Отеч. Запискахъ, Вѣстникѣ Европы и въ Трудахъ Московскаго и Казанскаго общества любителей словесности, гдѣ Капнистъ былъ почетнымъ членомъ.

Съ самаго основанія Бесѣды любителей русскаго слова (14-го марта 1811 г.). Капнистъ былъ и ея почетнымъ членомъ. Изъ произведеній его, напечатанныхъ въ Чтеніяхъ Бесѣды, главнымъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе прозаическія статьи. Въ 17-мъ Чтеніи (1815 г.) помѣщено извѣстное „Письмо къ С. С. Уварову“, который совѣтовалъ Гнѣдичу переводить Иліаду гекзаметрами; Капнистъ же находилъ невозможнымъ существованіе гекзаметра въ русскомъ языкѣ и предлагалъ для перевода Гомера размѣръ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Уваровъ, какъ извѣстно, опровергъ его мнѣніе, чѣмъ окончательно убѣдилъ Гнѣдича переводить Иліаду размѣромъ подлинника. Разсужденіе свое о гекзаметрахъ Капнистъ еще въ концѣ 1813 года посылалъ на просмотръ Державину, Уварову и В. С. Томарѣ (Соч. Державина, т. VI, 278). Въ 18-мъ Чтеніи было напечатано Капнистомъ „Краткое изысканіе о Гипербореанахъ и коренномъ россійскомъ стихосложеніи“, представленное въ Бесѣду 8-го декабря 1814 года. Въ этомъ изслѣдованіи Капнистъ, сѣтуя на Ломоносова за то, что онъ „не возобновилъ древняго русскаго стихосложенія, предъ всѣми иностранными толико преимущественнаго“, рѣшается „вступить дерзостною ногою въ ристалище, мированное исполиномъ отечественнаго стихотворства“ и для того старается прежде всего доказать тожество Славянъ съ Гипербореянами, народомъ знаменитымъ, отъ котораго сами древніе Греки заимствовали искусства и науки. Очевидно, что въ этой части своего изслѣдованія Капнистъ руководствовался не строгою научною критикой, а чувствомъ патріотизма и различными фантастическими гипотезами, въ чемъ впрочемъ и самъ сознается. Въ концѣ своего изысканія онъ приводитъ образцы „русскаго кореннаго стихосложенія“ изъ „Бахаріаны“ Хераскова, „Ильи Муромца“ Карамзина и наконецъ отрывокъ изъ своего перевода Оссіановой поэмы „Картонъ“. Проѣзжая въ 1802 году чрезъ Москву въ Малороссію, Капнистъ посѣтилъ Хераскова и Карамзина, читалъ имъ небольшую поэму Оссіана, переведенную имъ размѣромъ простонародныхъ русскихъ пѣсенъ, и заслужилъ похвалу обоихъ (Соч. Капниста, смирд. изд., стр. 612; Бантышъ-Каменскій, Словарь достоп. люд. Русской земли, ч. II, 1847 г., стр. 68). О „Картонѣ“ упоминается также въ письмахъ Державина къ Капнисту отъ 30-го декабря 1813 г. и отъ 22-го января 1814 г. (Соч. Державина, т. VI, стр. 279 — 280) и въ письмѣ Капниста къ Уварову. По примѣру Капниста Гнѣдичъ также пытался переводить Оссіана русскимъ складомъ и находилъ, что этотъ складъ всего умѣстнѣе для передачи на нашъ языкъ Оссіановыхъ поэмъ (Сѣв. Вѣстникъ 1804 г., ч. I, стр. 65). „Краткое изысканіе о Гипербореанахъ“, какъ и слѣдовало ожидать, было встрѣчено въ печати насмѣшливыми отзывами (см. Вѣстникъ Евр. 1815 г., ч. LXXIX, № 2, стр. 103 — 105). Изъ письма Батюшкова къ Гнѣдичу отъ 7-го ноября 1811 г. видно, что Капнистъ уже въ то время занимался изслѣдованіемъ о Гипербореянахъ. Предметъ, избранный имъ, вызвалъ слѣдующій не лестный отзывъ Батюшкова: „Боже мой, чѣмъ Капнистъ занимается! Добро бы свое выдумывалъ! А то старыя бредни выпускаетъ въ свѣтъ, бредни дураковъ-Шведовъ, упсальскихъ профессоровъ, бредни Бальи-астронома, бредни этимологистовъ, которымъ насмѣялся Вольтеръ до сыта, бредни людей сумасшедшихъ, бредни безполезныя, которыя не питаютъ ни ума, ни сердца, бредни

головы ажь гуде!" (т III, стр. 150—151). Митрополитъ Евгеній въ письмѣ къ гр. Д. И. Хвостову, отъ января 1815 г., замѣчаетъ по поводу труда Капниста: „Въ журналѣ Сынѣ Отечества читалъ я критическое замѣчаніе объ Иперборейцахъ. Дѣйствительно, это феноменъ въ нашей словесности. Но онъ не новый. Ибо еще Тредьяковскій въ книгѣ своей о трехъ русскихъ древностяхъ доказывалъ происхожденіе греческаго языка отъ славянскаго. Тогда почли это славеноманіею, а теперь какъ почтутъ, не знаю" (Сборн. 2-го отдѣл. Акад. наукъ, т. V, вып. 1, стр. 159).

Въ 1819 году Капнистъ издалъ въ Петербургѣ отдѣльною брошюрой свое разсужденіе на русскомъ и французскомъ языкахъ: „О возстановленіи первыхъ шести пѣсней Одиссеи въ первобытный ихъ порядокъ". Прежде того оно было уже напечатано въ Сынѣ Отечества 1817 г., ч. XLI, № 40, стр. 50 — 54. Въ LVI-й части того же журнала за 1819 г., № 38, стр. 193—213, появилась его статья: „Мнѣніе о томъ, что Улиссъ странствовалъ не въ Средиземномъ морѣ, но въ Черномъ и въ Азовскомъ моряхъ". Но обѣ статьи не обратили на себя вниманія критики. Самъ Капнистъ говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ А. А. Прокоповичу-Антонскому отъ 23-го іюня 1823 г.: „Молчаніе о нѣкоторыхъ изложенныхъ мною мнѣніяхъ, какъ-то: о перемѣщеніи пятой пѣсни „Одиссеи" въ первую и о странствованіяхъ Улисса не въ Средиземномъ, но въ Черномъ морѣ, долженъ я считать знакомъ презрѣнія просвѣщенныхъ читателей къ моему велемудрствованію" (Соч. Капниста, изд. 1849 г., стр. 629).

Нѣкоторыя изъ лирическихъ стихотвореній Капниста очень цѣнились въ свое время и пользовались большою извѣстностью; такъ, его элегія „На смерть Юліи" вошла въ „Карманный пѣсенникъ", изданный въ 1796 году И. И. Дмитріевымъ, и даже, по словамъ Н. Д. Горчакова, была положена на музыку (Москвит. 1846 г., ч. IV, № 7; стр. 31: Воспоминаніе о Капнистѣ). Изъ позднѣйшихъ элегій особенно славились двѣ: „Въ память береста" (В. Евр. 1823 г., ч. 132, № 21) и „Обуховка" (Сынъ Отеч. 1818 г., ч. 48, № 33). Довольно любопытенъ слѣдующій отзывъ о стихотвореніяхъ Капниста, принадлежащій М. Н. Макарову и, безъ сомнѣнія, отражающій сужденія современниковъ: „Въ пѣсняхъ Капниста есть также своя отличительная классическая правильность... вездѣ лоскъ ученый, иногда слишкомъ выясненный, но все-таки пріятный, не тяжелый" (Моск. Наблюдатель 1835 г., ч. 3, стр. 617). Многія изъ лирическихъ стихотвореній Капниста составляютъ переводы изъ латинскихъ поэтовъ или подражанія имъ. Любимымъ классикомъ его былъ Горацій. Послѣдніе годы своей жизни Капнистъ почти исключительно занимался имъ. Эти-то гораціанскія оды Капниста и разумѣетъ Батюшковъ, упоминая о немъ въ своей „Рѣчи".

Въ 1849 году вышло смирдинское изданіе сочиненій Капниста. Оно пополнено многими стихотвореніями, написанными послѣ 1806 года, но не заключаетъ въ себѣ оды „На рабство". Въ него же вошли драматическія піесы Капниста, прозаическія статьи и семь писемъ къ А. А. Прокоповичу-Антонскому. Замѣтимъ однако, что въ Трудахъ Московскаго общества любителей словесности напечатаны еще письма къ Антонскому, не вошедшія въ изданіе Смирдина, а также письмо къ А. В. Болдыреву.

Къ числу не изданныхъ произведеній Капниста принадлежитъ „Плачъ

надъ Москвою". Стихотвореніе это было прислано имъ Державину при письмѣ отъ 29-го апрѣля 1813 г. изъ села Кибинцевъ, принадлежавшаго Д. П. Трощинскому, у котораго въ то время Капнистъ гостилъ (Соч. Державина, т. VI, стр. 267—268). Объ этомъ же стихотвореніи самъ авторъ упоминаетъ въ письмѣ къ А. С. Шишкову отъ 13-го августа 1813 г. (Исторія Росс. академіи М. И. Сухомлинова, вып. VII, стр. 56).

Батюшковъ рано познакомился съ Капнистомъ; еще 19-го марта 1807 г. онъ писалъ Гнѣдичу: „Поклонись Меценату-Капнисту. Да скажи ему, что я не только Тасса съ собою не взялъ, но даже нѣтъ ни одного полустишія" (т. III, стр. 8). Изъ этихъ словъ можно заключить, что Капнистъ обратилъ вниманіе Батюшкова на изученіе знаменитаго италіянскаго поэта. Позднѣе, уже по выходѣ въ свѣтъ „Опытовъ" Батюшкова, гдѣ былъ напечатанъ „Умирающій Тассъ", Капнистъ обратился къ нему съ посланіемъ (Сынъ Отеч. 1817 г., ч. 41, стр. 182 — 183), въ которомъ между прочимъ говоритъ:

Скажи мнѣ, Батюшковъ любезный,
Дай дружбѣ искренній отвѣтъ:
Зачѣмъ нельстивый и полезный
Ты пренебрегъ ея совѣтъ?
Зачѣмъ великолѣпно Тасса
Рѣшился вновь похоронить,
Когда средь русскаго Парнасса
Его ты могъ бы воскресить?
На то ль онъ краски безподобны
И кисть свою тебѣ вручилъ,
Чтобъ въ память ты его надгробный
Лишь кипарисъ изобразилъ?

Эти строки объясняются тѣмъ, что въ 1809 г. Батюшковъ предпринялъ было переводъ „Освобожденнаго Іерусалима". Изъ писемъ Батюшкова къ Гнѣдичу видно, что Константинъ Николаевичъ переписывался и съ Капнистомъ (т. III, стр. 40, 42, 53, 88), но переписка ихъ остается неизвѣстною. Изъ разныхъ отзывовъ Батюшкова (преимущественно въ ранніе годы его литературной дѣятельности) видно, что онъ признавалъ въ Капнистѣ поэтическій талантъ. Въ письмахъ къ Гнѣдичу онъ неоднократно проситъ о присылкѣ ему сочиненій Капниста (т. III, стр. 13, 15, 36), а однажды высказываетъ даже такую мысль: „Кто хочетъ писать, чтобъ быть читаннымъ, тотъ пиши внятно, какъ Капнистъ, вѣрнѣйшій образецъ въ слогѣ" (т. III, стр. 47). (**В. С.**).

— (**Стр. 242**). Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій (род. 6-го сентября 1752 г., ум. 14-го февраля 1828 г.) не принадлежалъ къ числу присяжныхъ, такъ-сказать, литераторовъ; но его немногочисленныя произведенія, въ особенности его, по выраженію Батюшкова, „вдохновенныя страстію" пѣсни пользовались большою извѣстностью въ свое время и ставились на ряду съ подобными же произведеніями Карамзина и Дмитріева.

Свѣдѣнія о жизни Нелединскаго собраны въ книгѣ его внука (сына его дочери), князя Дм. Ал. Оболенскаго: „Хроника недавней старины“ (С.-Пб. 1876). Здѣсь же помѣщены и воспоминанія о Нелединскомъ князя П. А. Вяземскаго, который выросъ на его глазахъ, зналъ его близко и превосходно охарактеризовалъ эту замѣчательную личность. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ кн. Вяземскаго, и въ особенности въ его „Старой записной книжкѣ“, встрѣчается также не мало разказовъ и замѣтокъ о Юріѣ Александровичѣ. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній обнаруживается, что Нелединскій былъ человѣкъ очень даровитый, умный и образованный, любезный въ обществѣ, очень пріятный собесѣдникъ и большой поклонникъ женской красоты, а въ молодости и большой повѣса. Но къ сожалѣнію, свои богатыя дарованія онъ растратилъ въ свѣтской жизни, и потому они принесли мало плодовъ, по крайней мѣрѣ для литературы. Одинъ изъ очень умныхъ и дѣльныхъ его современниковъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, знавшій Нелединскаго съ молодости, замѣтилъ о немъ: „Вотъ человѣкъ съ достоинствами, но праздный!“ (Р. Архивъ 1876 г., кн. III, стр. 268). Батюшковъ тоже говорилъ, въ одномъ изъ писемъ Гнѣдичу, что „лѣность—его душа“ (т. III, стр. 128), и находилъ впослѣдствіи, что разсѣянный образъ жизни погубилъ Нелединскаго какъ писателя (т. III, стр. 404).

Начало литературной дѣятельности Нелединскаго восходитъ еще къ концу третьей четверти прошлаго вѣка: извѣстны его „Строфы на миръ 1774 года“. Наиболѣе поздніе изъ его стихотвореній—польскій и хоръ, пѣтые въ Павловскѣ 27-го іюля 1814 г. Въ печати его стихотворенія появлялись въ Собесѣднике любителей росс. слова 1783 г., въ Московскомъ Журналѣ 1791 и 1792 гг., въ Чтеніи для вкуса, разума и чувствованій 1792 г., въ Аонидахъ 1796 г., въ Вѣстникѣ Европы 1803, 1808, 1812 и 1813 гг., въ Чтеніи въ бесѣдѣ любителей русск. слова, кн. 11, въ Трудахъ общества любителей росс. словесности при Моск. университетѣ, и въ „Карманномъ пѣсенникѣ“ И. И. Дмитріева, 1796 г. Два стихотворенія его: стихи на кончину гр. П. И. Панина, 1789 г., и ода на побѣду подъ Мачиномъ, 1791 г., были напечатаны отдѣльно. Собранія его стихотвореній изданы дважды: Смирдинымъ въ Полн. собраніи русск. авторовъ, вмѣстѣ со стихами бар. Дельвига (1850 г.), и кн. Оболенскимъ, подъ заглавіемъ: Стихотворенія Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго. С.-Пб. 1876. Это второе изданіе значительно полнѣе смирдинскаго, но все-таки не содержитъ въ себѣ всѣхъ извѣстныхъ въ печати стиховъ Нелединскаго. Единственная прозаическая статья его—о собраніи сословій 15-го іюля 1812 г. въ Слободскомъ дворцѣ—напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1820 г., № 58. Краткая автобіографія Нелединскаго помѣщена въ Москвитянинѣ 1844 г., т. I, ч. 1, стр. 262–264, и въ болѣе полномъ видѣ въ „Хроникѣ недавней старины“. Тамъ же находятся многія письма Нелединскаго, преимущественно къ роднымъ, цѣликомъ или въ отрывкахъ. Еще письма Нелединскаго къ разнымъ лицамъ помѣщены въ Р. Архивѣ 1866, 1869, 1870 и 1873 гг., а отрывки изъ писемъ къ дочери, С. Ю. Самариной, въ Р. Старинѣ 1882 г., т. 33 (въ статьѣ о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ).

Какъ человѣкъ, занимавшійся литературой только мимоходомъ, Нелединскій не принадлежалъ ни къ какой литературной партіи. Пѣсни его пользовались широкою извѣстностью далеко за предѣлами литературнаго міра, потому что въ тѣ времена пѣсни вообще были въ модѣ (М. Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 45—46). Но собственно въ литературномъ кругу произведенія Нелединскаго были оцѣнены преимущественно Карамзинымъ, который дорожилъ сужденіями Нелединскаго и его сотрудничествомъ для своихъ изданій (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 37, 61), и Дмитріевымъ, когда онъ предпринялъ изданіе „Пѣсенника“ (тамъ же, стр. 30, 31). Позже главными почитателями таланта Нелединскаго также являются сторонники Карамзина—Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій и другіе арзамасцы, большею частью лично знавшіе Нелединскаго и, слѣдовательно, ближе могшіе оцѣнить его даровитость. Батюшковъ (въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 29-го мая 1811 г., т. III, стр. 128) называетъ Нелединскаго „Анакреономъ и Шольё нашего времени“ а въ стихотвореніи „Мои пенаты“ ставитъ его на ряду съ Богдановичемъ (т. I, стр. 137). Вяземскій и въ печати сравниваетъ его съ Шольё (стихотвореніе „Погребъ“ въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., № 17 и 18, стр. 11; П. собр. сочин., т. III, стр. 117). Воейковъ, въ своемъ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ“ характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: „Дѣйствительный поэтъ, чрезвычайный и полномочный посолъ царя Парнасскаго при дворѣ царицы Паѳосской. Имѣетъ на головѣ миртовый вѣнокъ и лавровый листъ въ петличкѣ съ надписью: „за переводъ Заиры“ (Р. Архивъ 1866 г., стр. 761; Р. Старина, т. 9, стр. 612). Кн. Вяземскій до конца жизни сохранилъ особенное уваженіе и нѣжность къ памяти Нелединскаго и высоко цѣнилъ его поэтическое дарованіе. Такъ, приведя нѣсколько стиховъ, написанныхъ Нелединскимъ, уже старикомъ, къ красавицѣ Е. С. Обрѣсковой, Вяземскій замѣчаетъ: „Сколько страсти въ этихъ стихахъ! И для того, кто зналъ поэта, сколько истины и задушевности въ выраженіи этой страсти! Это не піитическія упражненія на заданную себѣ сентиментальную и мадригальную тему. Нѣтъ, эти стихи выливались свободно изъ сердца, которое и въ молодости и къ другому кумиру внушило поэту слѣдующіе стихи:

О, еслибы могъ смертный льститься
Особый даръ съ небесъ имѣть:
Хотѣлъ бы въ мысль твою вселиться,
Твои желанья всѣ узрѣть,
Для нихъ пожертвовать собою
И тайну ту хранить въ себѣ,
Чтобъ счастлива была ты мною,
А благодарна лишь судьбѣ.

„Такихъ стиховъ не мало отыскивается у Нелединскаго.“ (Р. Архивъ 1866 г., ст. 890). Это позднѣйшее сужденіе кн. Вяземскаго вполнѣ объясняетъ намъ тотъ отзывъ, который Батюшковъ далъ о Нелединскомъ въ 1816 году.

О личныхъ сношеніяхъ нашего поэта съ Нелединскимъ см. во вступительной статьѣ къ настоящему изданію.

Совершенную противоположность Нелединскому представляетъ собою Алексѣй Ѳедоровичъ Мераляковъ (род. 1778 г., ум. 26-го іюля 1830 г.). Для перваго литература была только забавой и развлеченіемъ, тогда какъ послѣдній, питомецъ Московскаго университета и съ 1804 г. профессоръ россійской поэзіи и краснорѣчія въ немъ, представляетъ собою типъ кореннаго словесника: въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ офиціальнымъ поэтомъ университета и однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ возникшемъ въ 1811 г. Московскомъ обществѣ любителей словесности, а публичными лекціями своими о литературѣ пріобрѣлъ извѣстность авторитетнаго критика. Воспитанный въ принципахъ псевдоклассицизма, онъ остался вѣренъ имъ до конца жизни, не смотря на то, что самъ сочинялъ пѣсни въ народномъ духѣ, что съ раннихъ лѣтъ находился въ дружескихъ связяхъ съ Жуковскимъ и видѣлъ нарожденіе новыхъ литературныхъ направленій.

Какъ человѣкъ, получившій классическое образованіе, Мераляковъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе М. Н. Муравьева о необходимости внесенія классическаго элемента въ русскую литературу. Съ этою цѣлью онъ, ободряемый Муравьевымъ, принялся за переводы греческихъ и римскихъ поэтовъ. Первые опыты переводовъ Мералякова: Сцены изъ Эврипидовой „Альцесты“ и Пиндарова ода Гіерону Сиракузскому были напечатаны въ Эфемеридахъ 1804 г., періодическомъ изданіи, предпринятомъ Муравьевымъ съ цѣлью распространенія вкуса къ древней филологіи. Затѣмъ, въ Вѣстникѣ Европы съ 1806 года стали появляться эклоги Виргилія, изданныя въ 1807 году отдѣльно, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ эклогъ Ѳеокрита, Біона и Моска; въ VI-й книжкѣ Утренней Зари 1808 г. напечатана была „Ars poëtica“ Горація. Кромѣ Гораціевой піитики, Мераляковъ еще въ 1807 году перевелъ піитику Аристотеля. Другіе переводы Мералякова изъ Гомера, Тиртея, Пиндара, Сафо, Эсхила, Софокла, Эврипида, Каллимаха, Клеонта стоика, изъ „Энеиды“ Виргилія, одъ Горація, изъ Тибулла, Проперція и Овидія печатались въ Вѣстн. Европы, Амфіонѣ, Трудахъ общества любителей словесности, Уранiи и потомъ, въ 1825—1826 гг., явились въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ“. Въ предисловіи къ этому сборнику Мераляковъ говоритъ, что его цѣлью было „представить образцы древнихъ писателей во всѣхъ родахъ стихотворныхъ сочиненій, дабы учащійся могъ ихъ имѣть на своемъ языкѣ при самомъ истолкованіи правилъ піитики“. Тамъ же объясняетъ онъ и способъ своего перевода, особенно греческихъ трагиковъ: „Смѣло могу сказать, что почти всѣ представляемые здѣсь отрывки весьма близко переложены, но не переводы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова; ибо я, переводя въ стихахъ, и не могъ, и не хотѣлъ этого сдѣлать. Даже предупреждаю знатоковъ греческаго подлинника, что я многое сокращалъ, что̀ мнѣ казалось слишкомъ растянутымъ, или неотносительнымъ къ минутѣ дѣйствующей страсти; иное переставливалъ и соединялъ первый актъ съ пятымъ въ своемъ отрывкѣ, дабы составить изъ того нѣчто цѣлое драматическое“ и пр. (см. вообще о Мераляковѣ статью С. П. Шевырева въ Словарѣ профессоровъ Московскаго университета, т. II).

Весьма любопытно прослѣдить по разнымъ замѣчаніямъ Батюшкова взглядъ его на литературную дѣятельность Мералякова. Въ 1809 г., когда послѣдній

былъ извѣстенъ еще немногими переводами своими изъ древнихъ, но уже напечаталъ не малое количество оригинальныхъ стихотвореній, Батюшковъ вывелъ Мерзлякова въ числѣ дурныхъ, обреченныхъ на забвеніе поэтовъ въ своемъ „Видѣніи на берегахъ Леты“ и заклеймилъ его прозвищемъ „педанта“ (т. I, стр. 79). Таково, вѣроятно, было впечатлѣніе, вынесенное нашимъ авторомъ изъ первой встрѣчи съ Мерзляковымъ въ домѣ М. Н. Муравьева, который въ 1805 г. вызвалъ молодаго профессора въ Петербургѣ и „ввелъ его въ лучшій кругъ писателей, ученыхъ и государственныхъ людей“. И самъ Муравьевъ замѣтилъ тогда въ Мерзляковѣ недостатокъ „manners and fashion“ (Шевыревъ, Исторія Моск. университета, стр. 346), то-есть, недостатокъ той urbanité, которая, по мнѣнію нашего автора (т. III, стр. 47; т. II, стр 243), должна быть лучшею школой для поэта „въ легкомъ родѣ“. Въ 1810 г. Батюшкову пришлось встрѣтиться съ Мерзляковымъ въ Москвѣ, гдѣ тогда ходила по рукамъ рукопись „Видѣнія“, и благородное поведеніе Мерзлякова въ отношеніи къ сочинителю сатиры (т. III, стр. 86 и 166) обезоружило послѣдняго. Ближе познакомившись съ московскимъ словесникомъ, Батюшковъ сталъ снисходительнѣе относиться и къ его произведеніямъ. Такъ, въ маѣ 1810 г. онъ писалъ Гнѣдичу: „Мерзляковъ читалъ 4-ю пѣснь Тасса, въ которой истинно есть прекрасные стихи“; и въ ноябрѣ 1811 г.: „Альцеста“ и „Поликсена“ Мерзлякова прекрасны. Это ему дѣлаетъ честь. Есть мѣста прелестныя и невольно исторгаютъ слезы“ (т. III, стр. 165). Къ переводамъ же Мерзлякова изъ Тасса относится и слѣдующій позднѣйшій отзывъ Батюшкова въ письмѣ къ Тургеневу, отъ 10-го сентября 1818 г.: „Слушать буду сегодня переводъ Мерзлякова, у котораго много пламенныхъ стиховъ и другаго прочаго“ (т. III, стр. 532). Не смотря однако на эти похвалы, въ Батюшковѣ оставалось нѣкоторое нерасположеніе къ Мерзлякову: онъ не могъ помириться съ тѣмъ, что университетскій поэтъ не цѣнилъ заслугъ Карамзина (т. III, стр. 141), и посмѣивался надъ „московскимъ пантеономъ“, то-есть, обществомъ любителей словесности (т. III, стр. 127, 132). Должно замѣтить, что вообще о Мерзляковѣ не особенно сочувственно отзывались ближайшіе друзья и почитатели Карамзина; см. отзывы о немъ И. И. Дмитріева (Р Арх. 1867 г., ст. 1073—1074) и А. Ѳ. Воейкова въ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ“ (Р. Арх. 1866 г., ст. 762). Изъ сличенія первоначальнаго текста „Рѣчи“ Батюшкова съ ея позднѣйшею редакціей видно, что въ начальный текстъ внесена была похвала и нѣкоторымъ оригинальнымъ стихотвореніямъ Мерзлякова „въ легкомъ родѣ“; но при перепечаткѣ „Рѣчи“ въ „Опытахъ“ это мѣсто было исключено. Такимъ образомъ, Батюшковъ признавалъ достоинство только за переводными піесами Мерзлякова. Замѣчательно, что о лучшихъ поэтическихъ произведеніяхъ Мерзлякова, объ его пѣсняхъ въ народномъ духѣ (см. о происхожденіи многихъ изъ нихъ указанія М. А. Дмитріева въ Мелочахъ изъ запаса моей памяти, стр. 172—164, а также весьма любопытное замѣчаніе самаго автора въ письмѣ къ А. И. Тургеневу—въ Р. Архивѣ 1866 г., ст. 648—649) Батюшковъ не говоритъ ни слова.

— (Стр. 242). Поэтическій талантъ Жуковскаго Батюшковъ цѣнилъ очень высоко; это видно, какъ изъ отзыва его въ „Рѣчи“, который рѣзко отличается отъ стоящихъ рядомъ сужденій о другихъ поэтахъ, такъ и изъ многочисленныхъ

замѣтокъ о Жуковскомъ, разсѣянныхъ въ другихъ сочиненіяхъ и письмахъ нашего автора. Въ „Воспоминаніи о Петинѣ“ (т. II, стр. 201) Батюшковъ называетъ Жуковскаго „поэтомъ, который сильно чувствуетъ и сильно выражаетъ горесть“. Ср. также „Мои пенаты“, посланіе къ Жуковскому и стихи къ его портрету (т. I, стр. 139, 144—145, 246). „Ты имѣешь все“, пишетъ Жуковскому нашъ авторъ,—„чтобы сдѣлать себѣ прочную славу, основанную на важномъ дѣлѣ“ (т. III, стр. 306; ср. еще тамъ же, стр. 73, 81, 112, 120, 299,—302, 451 и проч.). Тѣмъ не менѣе, воображеніе Жуковскаго Батюшковъ называлъ „своенравнымъ.“ (ср. то же выраженіе въ варіантахъ къ „Письму о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева“, т. II, стр. 410). Смыслъ этого эпитета разъясняется изъ сопоставленія между собою нѣкоторыхъ отрывковъ изъ писемъ Батюшкова. Въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ февраля 1811 г. (т. III, стр. 111), читаемъ: „Жуковскій написалъ балладу, въ которой стихи прекрасны, а сюжетъ взятъ на Спасскомъ мосту“ (то-есть, изъ лубочной литературы; говорится о I-й ч. „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“). Затѣмъ, въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ іюля 1812 г.: „Я читалъ балладу Жуковскаго... Жаль..., что онъ занимается такими бездѣлками“ (стр. 194); и въ письмѣ къ тому же лицу, отъ 10-го іюня 1813 г.: „Пора ему взяться за что-нибудь поважнѣе и не тратить ума своего на бездѣлки“ (стр. 227). Наконецъ, то же высказалъ Батюшковъ и самому Жуковскому, въ письмѣ отъ 3-го ноября 1814 г.: „У тебя воображеніе Мильтона, нѣжность Петрарки, и ты пишешь баллады! Оставь бездѣлки намъ. Займись чѣмъ нибудь достойнымъ твоего дарованія!“ (стр. 306). И еще въ письмѣ отъ августа 1815 г.: „Ты будешь совершенный поэтъ, если твои дарованія возвысятся до степени души твоей, доброй и прекрасной, и которая блеститъ въ стихахъ твоихъ“ (стр. 345; стр. 356). Словомъ, Батюшковъ, цѣня талантъ Жуковскаго, не сочувствовалъ роду поэзіи, имъ избранному, то-есть, балладамъ. Поэтому Батюшковъ и настаивалъ, чтобы Жуковскій занялся большою поэмой о Владимірѣ Святомъ (т. II, стр. 410, и т. III, стр. 99; ср. выше, стр. 410). Нерасположеніе Батюшкова къ балладамъ объясняется тѣмъ, что онъ понималъ ихъ въ слишкомъ ограниченномъ смыслѣ, имѣя въ виду лишь немногіе образцы балладъ-романсовъ во французской литературѣ (напримѣръ, Казотта) и упуская изъ виду то широкое развитіе, какое получила баллада у Нѣмцевъ и Англичанъ, подъ перомъ Бюргера, Шиллера, Вальтера Скотта, Саути и др. (см. о балладѣ, какъ особомъ поэтическомъ родѣ, замѣчанія П. Загарина: В. А. Жуковскій и его произведенія М 1883, стр. 29 и слѣд., а также H. Dederich, Uhland als episch-lyrischer Dichter. Padeborn. 1873, стр. 6 и слѣд.). Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что воспитанный на французской литературѣ Батюшковъ сходился въ нерасположеніи къ нѣмецкимъ балладамъ съ И. И. Дмитріевымъ, тоже питомцемъ Французовъ; послѣдній однажды, въ 1819 г., писалъ А. И. Тургеневу: „Оторвите Жуковскаго отъ нѣмчизны. Пора ходить на своихъ ногахъ, описать что-нибудь поважнѣе“ (Р. Архивъ 1867 г., ст. 1113).

— (Стр. 242) Стихотворная дѣятельность Александра Христофоровича Востокова (род. 1781 г., ум. 1864), заслужившая сочувственный отзывъ Батюшкова, теперь забыта и вполнѣ заслонена его великими заслугами на поприщѣ славяно-русской филологіи; но въ свое время, въ первые годы нынѣшняго вѣка, она имѣла нѣ-

которое значеніе. Питомецъ Академіи Художествъ, Востоковъ принадлежалъ къ числу членовъ-учредителей Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, которое возникло въ Петербургѣ въ 1801 г., и въ изданіяхъ этого, знакомаго и Батюшкову, кружка молодыхъ литераторовъ (Свитокъ музъ, 2 кн. 1802 и 1803 гг.; Періодическое изданіе, 1 кн. 1804 г.; С.-Петербургскій Вѣстникъ 1812 г.) Востоковъ преимущественно печаталъ свои произведенія. Кромѣ того, они появлялись въ Цвѣтникѣ 1809 и 1810 гг. и въ Сынѣ Отечества 1812—1814 гг. Послѣднія его стихотворенія—переводы четырехъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ—напечатаны въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1827 г. Отдѣльно изданы его стихи дважды: 1) Опыты лирическіе и другія мелкія сочиненія въ стихахъ. 2 части. С.-Пб. 1805—1806; 2) Стихотворенія Александра Востокова. Изданіе исправленное и умноженное. С.-Пб. 1821. Съ самаго начала своей литературной дѣятельности Востоковъ особенно интересовался вопросами версификаціи и старался примѣнять къ русскому стиху различные размѣры, встрѣчающіеся въ метрикѣ греческой и латинской кромѣ того, онъ писалъ стихи „народнымъ русскимъ складомъ" и старался выработать его теорію. Его „Опытъ о русскомъ стихотвореніи" появился сперва въ С.-Пб. Вѣстникѣ 1812 г., а въ 1817 г. былъ отпечатанъ отдѣльною книгой. Конечно, въ этихъ попыткахъ скорѣе виденъ изслѣдователь языка, чѣмъ поэтъ, но во всякомъ случаѣ заслуга Востокова касательно стихотворной техники несомнѣнна, хотя онъ и не сумѣлъ достигнуть той музыкальности стиха, которую выработалъ Жуковскій. По содержанію, стихотворенія Востокова замѣчательны между прочимъ въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, у него есть нѣсколько небольшихъ поэмъ на сюжеты изъ древне-славянской жизни, а вовторыхъ, у него встрѣчается довольно много переводовъ, со вкусомъ выбранныхъ изъ Сафо, Ѳеокрита, греческой антологіи, Катулла, Горація, Драйдена, Ж.-Б. Руссо, Вольтера, Дората, Рамлера, Клопштока, Лессинга, Гердера, Гете, Шиллера и др. См. о литературной дѣятельности Востокова статью Н. Корелкина въ Отеч. Запискахъ 1855 г. т. XCVIII; замѣтки А. Д. Галахова въ „Историч. Христоматіи", т. II (С.-Пб. 1861); брошюру Н. И. Греча: Памяти Ал. Хр. Востокова (С.-Пб. 1864) и переписку Востокова въ Сборникѣ 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ, т. V, вып 2.

Батюшковъ упоминаетъ о Востоковѣ только однажды—въ „Рѣчи". Кромѣ того, въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ мая 1818 г., онъ приводитъ нѣсколько плохихъ стиховъ Востокова, вѣроятно, подавшихъ поводъ къ насмѣшкамъ въ свое время (т. III, стр. 493). Стихи эти могутъ служить доказательствомъ тому, что Востоковъ, въ своемъ подражаніи Карамзину, увлекался до употребленія такихъ галлицизмовъ, какихъ у Карамзина никогда не встрѣчается, особенно въ стихахъ.

— (Стр. 242). Въ сужденіи о стихотвореніяхъ князя Ивана Михайловича Долгорукаго (род. въ 1764 г., ум. 1823 г.) Батюшкову пришлось проявить особенную осторожность. Прежде всего онъ долженъ былъ помнить, что Долгорукій состоялъ почетнымъ членомъ въ томъ самомъ Московскомъ обществѣ любителей россійской словесности, для котораго была написана „Рѣчь" нашего автора, что онъ очень цѣнилъ это отличіе и какъ бы въ отплату за него превозносилъ похвалами университетскаго поэта Мерзлякова (Соч. кн. Долгор., смирд. изд.,

т. I, стр. XI). Затѣмъ Батюшковъ долженъ былъ имѣть въ виду, что Долгорукій, хотя и стоялъ въ сторонѣ отъ господствующаго литературнаго движенія, однако пользовался довольно большою литературною извѣстностью, благодаря нѣсколькимъ своимъ произведеніямъ—любовнымъ посланіямъ и сатирическимъ піесамъ, въ которыхъ современники находили оригинальность и оттѣнокъ особаго—будто бы русскаго—остроумія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Долгорукій въ предисловіи къ 3-му изданію своего сборника „Бытіе моего сердца“ (Соч. кн. Долгор., смирд. изд., т. I, стр. XIV), и то же подтверждаютъ позднѣйшіе отзывы М. А. Дмитріева (Князь Ив. Мих. Долгорукой и его сочиненія. М. 1863, стр 187) и князя П. А. Вяземскаго. Послѣдній между прочимъ замѣчаетъ: „У него была своя публика, разукрашенная разными Глафирами, Парашами, Людмилами, Раидами и многими другими, которыя всѣ вмѣстѣ и каждая въ свою очередь одаряли поэта вдохновеніемъ. Въ предисловіи къ третьему изданію сочиненій своихъ онъ прямо говоритъ: „Первое изданіе стиховъ, вышедшее въ 1802 году и второе въ 1808, были п о с в я щ е н ы ж е н с к о м у п о л у“. И чистосердечно, и похвально! Критикѣ нечего тутъ совать свой носъ и перо свое. Это не по ея части“ (Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 478—479). И дѣйствительно, при той несомнѣнной искренности, съ которою Долгорукій раскрывалъ въ своихъ произведеніяхъ „бытіе своего сердца“, онъ въ особенности оказывался по плечу большинству тогдашняго общества. Очень вѣрно объясняетъ М. А. Дмитріевъ эту связь между Долгорукимъ и его публикой и вліяніе послѣдней на него въ слѣдующихъ словахъ своего вышеупомянутаго сочиненія (стр. 257—258): „Свѣтское общество, довольное немногимъ количествомъ просвѣщенныхъ понятій, довольное собою и жизнію, говорящее на чужомъ языкѣ и легкомысленно порхавшее отъ забавы къ забавѣ, не могло требовать отъ поэта важныхъ откровеній духа, еще менѣе могло внушать ему важные помыслы. Съ одной стороны, его легкомысліе, съ другой—недалекость горизонта понятій и непросвѣщеніе другаго круга, напримѣръ, дворянскаго провинціальнаго, все это окружало поэта жизнію, въ которой трудно было его природному таланту развиться до художества ни въ полнотѣ духа, ни въ красотѣ формы, ни въ отчетливости языка стихотворнаго. Вліяніе всѣхъ этихъ причинъ, всѣхъ этихъ разнородныхъ и неопредѣленныхъ началъ, всей этой недозрѣлости видно и на стихотвореніяхъ князя Долгорукаго“. А если принять въ разчетъ, что Долгорукому, въ его молодости, досталось рѣдкое въ тѣ времена преимущество прослушать курсъ ученія въ Московскомъ университетѣ (1777—1780 гг.), и что впослѣдствіи онъ имѣлъ возможность слѣдить хотя бы за французскою литературой, то скудость умственнаго развитія, которая проявляется въ его сочиненіяхъ, должна быть отнесена, въ значительной мѣрѣ, и на счетъ ограниченности его личныхъ способностей.

Во всякомъ случаѣ, кн. Ив. М. Долгорукій, съ его полнымъ отсутствіемъ идеальныхъ стремленій и развитаго чувства изящнаго, былъ писатель вовсе не во вкусѣ Батюшкова. Еще въ 1809 г., въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 6-го сентября, онъ жалуется, что за неимѣніемъ книгъ въ деревнѣ, принужденъ читать п р я н и к и Долгорукаго (т. III, стр. 42). Здѣсь заключается намекъ на слѣдующіе, вѣроятно, подававшіе въ свое время поводъ къ насмѣшкамъ, стихи Долгорукаго въ піесѣ „Ширъ“ (Соч. Долгор., смирд. изд., т. I, стр. 384):

Посовѣстившись брать съ собой въ дорогу книжку,
Отъ голоду въ запасъ взялъ вяземску ковришку.
Не рифму здѣсь хочу для книжки прибирать—
Нѣтъ, истинно люблю я пряники жевать.

Позже, въ письмѣ къ Вяземскому, отъ 26-го августа 1811 г. (т. III, стр. 138), Батюшковъ опять упоминаетъ объ этихъ пряникахъ, которые Долгорукій воспѣвалъ „вмѣстѣ съ Глафирою и съ прочими гостями его сердца". Очевидно, стихотворство Долгорукаго служило Батюшкову только предметомъ насмѣшекъ. Поэтому и въ „Рѣчи" (въ ея первоначальной редакціи) онъ снисходительно отмѣтилъ въ посланіяхъ князя только „живость и остроуміе"; при перепечаткѣ же „Рѣчи" въ „Опытахъ" и слово „остроуміе" было вычеркнуто.

Для оцѣнки отзыва Батюшкова о Долгорукомъ нелишне принять во вниманіе и тѣ отношенія, въ которыхъ находились между собою Долгорукій и тотъ литературный кругъ, гдѣ вращался Батюшковъ. М. А. Дмитріевъ, въ своемъ сочиненіи о Долгорукомъ (стр. 262—264), говоритъ, что князь „стоялъ одинокъ между тогдашними авторами: онъ не былъ въ связи съ ними, не былъ въ сношеніяхъ литературныхъ, не принадлежалъ къ ихъ кругу. Кромѣ И. И. Дмитріева, съ которымъ сблизила его на короткое время гвардейская служба, онъ не былъ коротко знакомъ ни съ однимъ изъ современныхъ писателей". Долгорукій однако печаталъ свои стихотворенія въ Аонидахъ Карамзина (1797—1798 гг.), о чемъ и вспоминалъ впослѣдствіи съ удовольствіемъ (Соч., смирд. изд., т. I, стр. 386), и вообще признавалъ его образцовымъ писателемъ (тамъ же, стр. XI), но въ то же время помѣщалъ свои произведенія и въ изданіяхъ не расположеннаго къ Карамзину Сохацкаго: Пріятное и полезное препровожденіе времени (1798 -1799 гг.) и Иппокрена (1799—1801 гг.). У Карамзина мы не встрѣтили никакихъ отзывовъ о Долгорукомъ. Къ Дмитріеву Долгорукій въ молодости (1789 г.) написалъ дружеское посланіе, въ которомъ между прочимъ говоритъ, что Богъ ему „талантъ открылъ перомъ своимъ плѣнять" (Соч. Долгор., смирд. изд., т. I, стр. 235); но впослѣдствіи старые сослуживцы разошлись: князь находился подъ судомъ послѣ своего губернаторства во Владимірѣ и считалъ Дмитріева, бывшаго въ то время министромъ юстиціи, виновникомъ своихъ неудачъ по службѣ (М. А. Дмитріевъ, Князь Ив. М. Долгорукой, стр. 116). Съ своей стороны, И. И. Дмитріевъ, зная страсть князя играть на театрѣ, которая не покидала его и въ старости, и во время служебныхъ неудачъ, посмѣивался надъ этою слабостью Долгорукаго (Р. Архивъ 1867 г., ст. 1103). Изъ книги М. А. Дмитріева видно, что Долгорукій находился въ короткихъ отношеніяхъ къ В. Л. и А. М. Пушкинымъ и къ Ѳ. Ѳ. Кокошкину, а самъ князь свидѣтельствуетъ (Соч., смирд. изд., т. I, стр. 186), что онъ наслаждался произведеніями Жуковскаго, котораго зналъ и лично. Что же касается другихъ молодыхъ литераторовъ, принадлежавшихъ къ кружку Арзамасъ, то въ ихъ средѣ талантъ Долгорукаго, по видимому, не пользовался уваженіемъ; такъ напримѣръ, Воейковъ вовсе не упоминаетъ о князѣ въ своемъ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ". Изъ этого видно, что холодный отзывъ Батюшкова о Долгорукомъ вообще сходенъ съ тѣмъ, что думали о немъ люди болѣе или менѣе близкіе нашему поэту. Въ письмѣ къ Гнѣдичу,

отъ апрѣля 1811 г., Батюшковъ упоминаетъ Долгорукаго въ числѣ плохихъ поэтовъ на ряду съ кн. Шаликовымъ (т. III, стр. 121); но, по мнѣнію Вяземскаго, который на послѣднихъ страницахъ своей „Записной книжки", слѣдовательно, уже въ концѣ своей литературной дѣятельности, взялъ Долгорукаго подъ свою защиту, такое сближеніе невѣрно: „Онъ—влюбчивый поэтъ. Онъ—поэтъ-сердечкинъ, но не въ родѣ Шаликова. Въ немъ была искренность, была нерѣдко глубина чувства" (П. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 477).

— (Стр. 242). О сочиненіяхъ А. Ѳ. Воейкова Батюшковъ упоминаетъ лишь весьма мало; онъ придавалъ имъ, очевидно, небольшую цѣну. Отмѣтимъ только въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу (т. III, стр. 164) похвальный отзывъ о сатирѣ Воейкова „Объ истинномъ благородствѣ", напечатанной сперва въ Вѣстникѣ Европы 1806 года, ч. XXIX, № 19, въ формѣ посланія къ Сперанскому, а потомъ перепечатанной подъ названіемъ „Посланіе къ Эмилію" въ „Собраніи русскихъ стихотвореній", изданномъ Жуковскимъ. На эту же сатиру-посланіе Батюшковъ ссылается ниже, въ примѣчаніяхъ своихъ къ „Рѣчи" (стр. 248). Кстати замѣтить, что добродушный Жуковскій усердно бралъ литературное дарованіе Воейкова подъ свою защиту (письмо къ А. И. Тургеневу отъ 21-го февраля 1817 г., Р. Арх. 1867 г., ст. 817).

— (Стр. 242). Василій Львовичъ Пушкинъ былъ одинъ изъ близкихъ пріятелей нашего поэта, хотя и значительно старше его годами. Онъ родился въ Москвѣ 27-го апрѣля 1770 года. Отецъ его, Левъ Александровичъ (род. въ 1723 г., ум. въ 1790), служившій въ гвардіи, былъ женатъ два раза: первая жена его, М. М. Воейкова, оставила трехъ сыновей; отъ второй, О. В. Чичериной, родились Сергѣй и Василій Львовичи и двѣ дочери—Анна Львовна и Елизавета Львовна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Матвѣя Михайловича Солнцева. Владѣя большимъ состояніемъ, Левъ Александровичъ жилъ въ Москвѣ открыто и роскошно, по временамъ удаляясь въ свои помѣстья, особенно въ село Болдино, Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Сыновья его получили блестящее домашнее воспитаніе. Главнымъ предметомъ ихъ обученія былъ, конечно, французскій языкъ, которымъ Сергѣй и Василій Пушкины владѣли въ совершенствѣ. Василій Львовичъ, кромѣ французскаго, зналъ нѣмецкій, англійскій, италіянскій и латинскій языки. Поступивъ въ Измайловскій полкъ, гдѣ тогда находился и И. И. Дмитріевъ, Василій Львовичъ дослужился только до чина поручика, а въ 1797 году вышелъ въ отставку и поселился на житье въ Москвѣ. Здѣсь онъ вращался среди лучшаго общества, щеголяя остроуміемъ и утонченною любезностью (Росс. родословная книга, ч. IV, стр. 186—187; Опытъ краткой исторіи русск. литературы, Н. И. Греча. С.-Пб. 1822, стр. 333; Отеч. Зап. 1853 г. № 11, стр. 11: Родъ и дѣтство Пушкина, П. И. Бартенева). Къ этому времени относится его знакомство съ Карамзинымъ, сотрудничество въ его Аонидахъ и женитьба на красавицѣ Капитолинѣ Михайловнѣ Вышеславцовой, съ которою однако Василій Львовичъ развелся въ 1802 году (Р. Арх. 1879 г., кн. I, стр. 509). Въ 1803 — 1804 гг. Пушкинъ путешествовалъ по Европѣ и посѣтилъ Германію, Францію и Англію. М. Н. Макаровъ говоритъ, что во все время своего путешествія Василій Львовичъ велъ пере-

писку съ друзьями (Дамск. Журн. 1830 г., ч. XXXI, № 28, стр. 168). Изъ этой переписки напечатаны только два письма его къ Н. М. Карамзину: одно изъ Берлина отъ 28-го іюня 1803 г., другое изъ Парижа отъ 12-го сентября того же года (В. Евр. 1803 г., ч., X, № 14, стр. 109—113; ч. XI, № 20, стр. 245—251). „Въ Берлинѣ", пишетъ Пушкинъ, — „я живу очень пріятно. Г. Алопеусъ, министръ нашъ, человѣкъ умный и благосклонный. Г. Коцебу былъ у меня, и я третьяго дня у него ужиналъ; подарилъ ему портретъ вашъ, и онъ благодарилъ меня чрезвычайно. Вчера я видѣлъ въ первый разъ Ифланда: актеръ безподобный, и какихъ я, конечно, видалъ мало. Онъ играетъ такъ натурально, такъ хорошо, что я хотя по нѣмецки знаю плохо, но понималъ все. Актрисы здѣсь также очень хороши: Унцельманъ, Миллеръ и пр. Я сидѣлъ въ ложѣ у Коцебу; играли его новую комедію „Die Pagen-Streiche", которая еще неизвѣстна въ Россіи. Сегодня я званъ на вечеръ къ г. Мерта, здѣшнему книгопродавцу, ученому и любезному человѣку". Далѣе слѣдуетъ описаніе достопримѣчательностей города. Изъ соотечественниковъ своихъ Пушкинъ упоминаетъ о священникѣ Иванѣ Борисовичѣ Чудовскомъ и говоритъ: „Онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о васъ и сказывалъ мнѣ, что вы у него пили чай въ Дрезденѣ". Въ Берлинѣ же Василій Львовичъ познакомился съ однимъ Полякомъ, Бернаки, любителемъ русской литературы. Бернаки сообщилъ Пушкину польскія басни, изъ которыхъ Василій Львовичъ перевелъ одну и переслалъ Карамзину. Басня эта „Соловей и Чижъ" напечатана въ Вѣстн. Евр. 1803 г., ч. X, № 15, стр. 203. Въ письмѣ изъ Парижа Пушкинъ разсказываетъ о знакомствѣ своемъ съ аббатомъ Сикаромъ, Дюсисомъ, Бернарденомъ де-Сенъ-Пьеромъ, Арно, Виже, Мерсье, г-жею Жанлисъ, супругами Рекамье и актрисою Дюшенуа, при чемъ прибавляетъ: „Вы знаете мою страсть къ спектаклямъ и можете вообразить, съ какимъ удовольствіемъ бываю въ парижскихъ!" Въ Сенъ-Клу Василій Львовичъ представлялся первому консулу и и его женѣ, при чемъ аудіенція продолжалась около получаса. Желая познакомить Французовъ съ нашею народною поэзіей, Пушкинъ перевелъ на французскій языкъ нѣсколько старинныхъ русскихъ пѣсенъ, которыя тогда же были напечатаны въ журналѣ графа Сегюра Archives littéraires (Дамск. Журн. 1830 г., ч. XXXI, № 28 стр. 168). О пребываніи Пушкина въ Англіи свидѣтельствуютъ современники его: И. И. Дмитріевъ, М. А. Дмитріевъ и М. Н. Макаровъ. Послѣдній говоритъ между прочимъ, что Василій Львовичъ, живя въ Лондонѣ, занимался англійскимъ языкомъ и перевелъ нѣсколько отрывковъ изъ Томсоновой поэмы: „Четыре времени года". Когда Пушкинъ возвратился изъ-за границы, „Парижемъ отъ него такъ и вѣяло. Одѣтъ онъ былъ съ парижской иголочки съ головы до ногъ; прическа à la Titus, углаженная, умащенная древнимъ масломъ, huile antique. Въ простодушномъ самохвальствѣ давалъ онъ дамамъ обнюхивать голову свою" (П. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. I, стр. XXIX). Не однѣ однако моды вывезъ Пушкинъ изъ своего путешествія; въ это же время онъ собралъ драгоцѣнную библіотеку; многія изъ книгъ его собранія принадлежали королевской и другимъ богатымъ до революціи французскимъ библіотекамъ. Извѣстный библіоманъ того времени, графъ Д. П. Бутурлинъ, завидовалъ собранію Пушкина, а самъ владѣлецъ очень гордился своимъ пріобрѣтеніемъ (Дамск. Журн., стр. 169). Заграничное

путешествіе В. Л. Пушкина подало И. И. Дмитріеву поводъ написать шуточное стихотвореніе: „Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ. Писанное за три дни до путешествія. Въ трехъ частяхъ". Съ согласія Василія Львовича піеса эта была напечатана въ 1808 г., въ Москвѣ въ типографіи П. П. Бекетова (въ 32-ю д. л.), съ приложеніемъ виньетки, изображающей самого Пушкина, который слушаетъ декламацію знаменитаго трагика Тальмы. Съ послѣднимъ Василій Львовичъ дѣйствительно познакомился въ Парижѣ (въ 1-мъ томѣ Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго, стр. 309, напечатана остроумная записка Тальмы къ Пушкину). Первое изданіе „Путешествія NN", напечатанное въ количествѣ 50 экземпляровъ, исключительно для дружескаго кружка, въ продажу никогда не поступало и составляетъ большую библіографическую рѣдкость. Но это стихотвореніе было перепечатано М. Н. Лонгиновымъ въ Современникѣ 1856 г., № 8, стр. 141—146. Въ бумагахъ П. П. Бекетова, въ числѣ рукописныхъ стихотвореній И. И. Дмитріева, сохранилось и это, подъ заглавіемъ: „Путешествіе В. Л. Пушкина въ чужіе края въ 1803 и 1804 гг." (Р. Архив. 1876 г., стр. 981). Въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина, изд. 8-е, т. V, стр. 241, есть небольшая замѣтка объ этомъ произведеніи.

Возвратившись изъ-за границы, В. Л. Пушкинъ исключительно посвятилъ себя литературѣ и сталъ сотрудничать въ различныхъ петербургскихъ и московскихъ журналахъ. Будучи сторонникомъ Карамзина, какъ по личнымъ отношеніямъ, такъ и по литературнымъ убѣжденіямъ, Василій Львовичъ принялъ дѣятельное участіе въ спорѣ, возникшемъ между послѣдователями стараго и новаго слога. Въ 1810 году, находясь въ Петербургѣ, онъ напечаталъ въ декабрьской книжкѣ Цвѣтника посланіе къ В. А. Жуковскому, въ которомъ, осмѣивая „весь соборъ безграмотныхъ Славянъ", говоритъ:

Я—признаюсь—люблю Карамзина читать
И въ слогѣ Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслитъ правильно, кто мыслитъ благородно,
Тотъ изъясняется пріятно и свободно.
Славянскія слова таланта не даютъ,
И на Парнассъ они поэта не ведутъ.
Кто русской грамотѣ, какъ должно, не учился,
Напрасно тотъ писать трагедіи пустился;
Поэма громкая, въ которой плана нѣтъ,
Не пѣснопѣніе, но сущій только бредъ.
Вотъ мнѣніе мое! Я въ немъ не ошибаюсь
И на Горація и Депрео ссылаюсь...

Въ то же время и Д. В. Дашковъ выступилъ противъ Шишкова съ своею критикой „Перевода двухъ статей изъ Лагарпа". Отвѣтомъ Дашкову и Пушкину явилось „Разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія", читанное Шишковымъ въ годичномъ собраніи Россійской Академіи 3-го декабря 1810 г. (напеч. въ 1811 г.). Это разсужденіе, доказывающее тожество языковъ славянскаго и русскаго, заключаетъ въ себѣ между прочимъ и личные намеки на В. Л. Пушкина. Послѣдній не замедлилъ отвѣтомъ и въ 1811 году напечаталъ отдѣль-

ною брошюрой „Два посланія“ съ слѣдующимъ „предувѣдомленіемъ“: „Первое изъ сихъ посланій (къ В. А. Ж.) напечатано было въ 12-мъ номерѣ Цвѣтника 1810 г. и было причиною происшествія весьма страннаго въ нашей словесности. Всѣмъ извѣстна польза, проистекающая изъ сего рода дидактическихъ сочиненій: древніе и новые писатели употребляли оныя для исправленія пороковъ или, переходя отъ общаго къ частному, для направленія на прямой путь въ словесности молодыхъ, неопытныхъ авторовъ. Важная и благородная цѣль сочиненій сихъ всегда была достойно уважаема. Кто бы подумалъ, что въ наше просвѣщенное время будутъ презирать ихъ, подражанія онымъ называть модными посланіями и, что всего хуже, отвѣчать на нихъ непозволительными личностями? Въ одномъ „Присовокупленіи“, читанномъ, какъ увѣряютъ въ академіи (въ чемъ однакожь я весьма сомнѣваюсь), г. сочинитель говоритъ слѣдующее: „Сіи судьи и стихотворцы въ посланіяхъ своихъ взываютъ къ Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, Горацiямъ, Ювеналамъ, Саллустіямъ, Ѳукидидамъ, затвердя одни только имена и, что всего удивительнѣе, научась благочестію въ „Кандидѣ“, а благонравію и знаніямъ въ парижскихъ переулкахъ, съ поврежденнымъ сердцемъ и помраченнымъ умомъ вопіютъ противъ невѣжества и, обращаясь къ тѣнямъ великихъ людей, толкуютъ о наукахъ и просвѣщеніи“.

Risum teneatis, amici?

„И я вмѣсто того, чтобы сердиться на такую нескладицу, хотѣлъ бы лучше самъ посмѣяться ей отъ добраго сердца; но обвиненія, относящіяся до нравственности и вѣры, слишкомъ важны. Я долженъ былъ опровергнуть оныя и, кажется, исполнилъ сіе во второмъ посланіи къ Д. В. Дашкову, равномѣрно навлекшему на себя учтивою критикою гнѣвъ новѣйшихъ нашихъ Славянъ“. Посланіе это касается всѣхъ вообще „раскольниковъ-Славянъ“, которыхъ Пушкинъ выставляетъ врагами истиннаго просвѣщенія, а въ частности—Шишкова, выведеннаго подъ именемъ Старослова.

Въ 1811 году Пушкинъ находился уже въ Москвѣ и напечаталъ книжку „О каруселяхъ“ (см. выше, стр. 392), которая была встрѣчена неблагосклоннымъ отзывомъ Каченовскаго въ Вѣстникѣ Европы 1811 г., ч. 58, № 16. Къ этому же времени относится извѣстное сатирическое стихотвореніе Пушкина „Опасный сосѣдъ“. Батюшковъ въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу, отъ первой половины апрѣля 1811 г., говоритъ: „В. Л. Пушкинъ сочинилъ сатиру, сюжетъ весьма благороденъ: б....; но стихи истинно прекрасны, много силы, живости, выраженія... Пушкинъ въ своей сатирѣ удивительно смѣшно отдѣлалъ Шихматова, Шаховскаго и Шишкова“ (т. III, стр. 118).

„Опасный сосѣдъ“ имѣлъ пять изданій. О первомъ изъ нихъ мы находимъ любопытное извѣстіе въ біографической статьѣ Н. И. Греча о баронѣ Павлѣ Львовичѣ Шиллингѣ-фонъ-Канштатѣ (род. около 1787 г., ум. въ 1837 г.): „Въ Мюнхенѣ“, пишетъ Гречъ,—„изобрѣтена и усовершенствована литографія. По вторичномъ вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ (1815 г.), Шиллингъ былъ тамъ и вмѣстѣ съ другими Русскими былъ приглашенъ министерствомъ нашимъ къ содѣйствію въ составленіи и перепискѣ разныхъ актовъ на французскомъ языкѣ, которыхъ нельзя было повѣрить иностранцамъ. Эти работы занимали

значительное число лицъ день и ночь. Шиллингъ, по природѣ нетерпѣливый и неусидчивый, кряхтѣлъ за письменнымъ столомъ и однажды какъ-то сказалъ, что этого продолжительнаго копированія бумагъ можно бъ было избѣжать употребленіемъ литографіи, которая въ то время едва ли гдѣ была извѣстна, исключая Мюнхена. Слѣдовало налитографировать что-нибудь по русски. Шиллингъ припоминалъ себѣ разныя стихотворенія, выученныя имъ въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ и въ свѣтѣ, и ни одного не могъ вспомнить вполнѣ. Вдругъ напалъ онъ на карикатурную идиллію В. Л. Пушкина: „Опасный сосѣдъ“, выгравировалъ ее и отправился съ нею обратно въ главную квартиру. Содержаніе опыта возбудило общій смѣхъ, а исполненіе оказалось безукоризненнымъ. При министерствѣ иностранныхъ дѣлъ (въ Петербургѣ) заведена была литографія, первая въ Россіи, и Шиллингъ назначенъ ея директоромъ“ (С. П ч е л а 1853 г., № 142). Второе изданіе напечатано въ Лейпцигѣ, въ типографіи Брокгауза, въ 1855 году, съ предисловіемъ С. Д. Полторацкаго, гдѣ между прочимъ говорится слѣдующее: „Въ маѣ мѣсяцѣ 1830 года, передъ выѣздомъ моимъ изъ Москвы въ путешествіе за границу, видѣлся я въ послѣдній разъ съ В. Л. Пушкинымъ, въ домѣ его на Басманной. На этомъ вечерѣ были оба братья Полевые, издатели М о с к о в с к а г о Т е л е г р а ф а (1825—1834), и многіе другіе русскіе литераторы. Находясь въ обыкновенномъ своемъ веселомъ расположеніи духа, Пушкинъ разсмѣшилъ насъ всѣхъ слѣдующею просьбою, съ которою обратился ко мнѣ: „Милый мой, ты, вѣроятно, будешь въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ, Парижѣ; тамъ есть русскія типографіи; потѣшь меня, пожалуйста: напечатай моего „Опаснаго сосѣда“, лучшее и удачнѣйшее изъ моихъ стихотвореній. Оно извѣстно въ Россіи только въ рукописи, и жаль, если пропадетъ и не дойдетъ до потомства. Вотъ тебѣ исправный списокъ: тисни его и тѣмъ порадуй меня“. Мы всѣ захохотали, услышавъ такое порученіе. Я не далъ обѣщанія выполнить желаніе автора, потому что не полагалъ этого возможнымъ. Узнавъ же (въ бытность мою въ Москвѣ въ іюлѣ 1853 года) изъ... статьи Н. И. Греча, напечатанной въ С. П ч е л ѣ, что это стихотвореніе В. Л. Пушкина было уже литографировано въ 1815 году и роздано многимъ лицамъ, находившимся при главной квартирѣ русской арміи, исполняю нынѣ, по истеченіи 25-ти лѣтъ, желаніе покойнаго автора, которому, вѣроятно, не было извѣстно изданіе, литографированное въ Мюнхенѣ, потому что онъ ничего не упомянулъ мнѣ объ этомъ, когда давалъ свое порученіе. Первое изданіе должно быть большою библіографическою рѣдкостью, да и едва ли сохранилось оно у кого-нибудь“. Послѣдующія изданія напечатаны въ Берлинѣ въ 1859, 1871 и 1876 гг. Объ „Опасномъ сосѣдѣ“ въ первый разъ печатно упомянуто въ посланіи А. С. Пушкина „Городокъ“ (Р о с с. М у з е у м ъ 1815 г., № 7) слѣдующими стихами:

И ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ,
Въ картинахъ столь богатый
И вкуса образецъ.

Другое посланіе А. С. Пушкина (1816 г.) къ своему дядѣ (Соч. изд. 8-е, т. I, стр. 160) начинается такъ:

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ,
Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!

Въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ“ есть также нѣсколько стиховъ объ „Опасномъ сосѣдѣ“. Батюшковъ, находя сатиру Пушкина изящнымъ, оригинальнымъ поэтическимъ произведеніемъ, не разъ упоминаетъ о ней въ письмахъ къ Гнѣдичу (т. III, 128, 132, 255).

Нашествіе Французовъ заставило В. Л. Пушкина удалиться изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ, гдѣ собралось тогда почти все лучшее московское общество (см. письма Батюшкова, т. III, стр. 206 и 268, и статью въ С. Пчелѣ 1845 г., № 72, подъ заглавіемъ: „Общество литераторовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1812 году“). Въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому изъ Нижняго-Новгорода, отъ 14-го декабря 1812 г., Пушкинъ говоритъ: „Я потерялъ въ ней (Москвѣ) все движимое мое имѣніе. Новая карета, дрожки, мебели и драгоцѣнная моя библіотека, все сгорѣло... Ты спрашиваешь: что я дѣлаю въ Нижнемъ-Новгородѣ? Совсѣмъ ничего. Живу въ избѣ, хожу по морозу безъ шубы, и денегъ нѣтъ ни гроша. Вотъ завидное состояніе, въ которомъ я теперь нахожусь... Посылаю тебѣ стихи мои къ жителямъ Нижняго-Новгорода. Три первые куплета тебѣ извѣстны. Вотъ и послѣдніе“ (Р. Арх. 1866 г., стр. 241—243). По поводу этого посланія князь П. А. Вяземскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „И. И. Дмитріевъ любилъ Пушкина, но не щадилъ его своими шутками: онъ говорилъ, что эти стихи напоминаютъ ему колодника, который подъ окномъ проситъ милостыню и оборачивается съ ругательствомъ къ уличнымъ мальчишкамъ, которые дразнятъ его“ (ibid.).

По словамъ М. Н. Макарова, Пушкинъ, живя въ своей нижегородской деревнѣ около Лукоянова, велъ постоянную переписку съ родными и друзьями и приготовлялъ къ изданію свои стихотворенія (Дамск. Журн. 1830 г., ч. XXXI, № 28, стр. 169). Выѣхавъ изъ Нижняго-Новгорода, Пушкинъ побывалъ въ Петербургѣ и въ концѣ февраля 1813 года возвратился въ Москву. Въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, отъ 27-го февраля 1813 г., Батюшковъ упоминаетъ о выѣздѣ Василія Львовича изъ Петербурга на канунѣ чтенія „Расхищенныхъ Шубъ“ Шаховскаго. Эта героикомическая поэма въ трехъ пѣсняхъ, печатавшаяся въ Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, кн. 3, 7 и 19 (1811—1815 гг.), имѣла большое значеніе въ полемикѣ сторонниковъ Карамзина съ послѣдователями Шишкова. Авторъ ея еще „Новымъ Стерномъ“ (1805 г.) возбудилъ къ себѣ большую непріязнь въ первыхъ, которые съ тѣхъ поръ стали преслѣдовать Шаховскаго насмѣшками и давали ему въ печати прозвище Шутовскаго. В. Л. Пушкинъ въ „Опасномъ сосѣдѣ“ также задѣлъ его слѣдующими стихами:

Двѣ гостьи дюжія смѣялись, разсуждали
И Стерна Новаго, какъ диво, величали.
(Прямой талантъ вездѣ заступниковъ найдетъ!)

Шаховской рѣшился отмстить своимъ литературнымъ врагамъ „Расхищенными Шубами", гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является переплетчикъ и старшина мѣщанскаго клуба Гашпаръ, именемъ котораго впослѣдствіи стали называть самого Шаховскаго. Во второй пѣсни „Расхищенныхъ Шубъ" есть ясные намеки на Пушкина. Такъ, рѣчь нотаріуса Спондея почти цѣликомъ заимствована изъ посланія Василія Львовича къ Жуковскому. Два слѣдующіе стиха:

Хотя въ Меркуріи романсъ твой помѣщенъ,
Хоть эпиграммою ты сдѣлался извѣстенъ...

указываютъ на стихотвореніе Пушкина „Къ камину" и на эпиграмму его (Какой-то стихотворъ..), напечатанную въ Аонидахъ (1798 — 1799 гг.), кн. III, стр. 248.

Въ 1814 году Пушкинъ опять ѣздилъ въ Нижній-Новгородъ и здѣсь написалъ второе посланіе къ Д. В. Дашкову (Вѣстн. Евр. 1814 г., ч. 74, № 7), въ которомъ упоминаетъ, между прочимъ, объ одномъ изъ своихъ литературныхъ непріятелей, называя его новымъ Ювеналомъ. Здѣсь, очевидно, подразумѣвается М. В. Милоновъ, который не разъ осмѣивалъ Пушкина въ своихъ сатирахъ. Объ одной изъ подобныхъ сатиръ упоминаетъ и Батюшковъ въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, отъ 10-го мая 1812 года (т. III, стр. 185).

Появленіе на сценѣ (23-го сентября 1815 г.) „Липецкихъ Водъ" Шаховскаго, гдѣ, какъ извѣстно, былъ осмѣянъ романтизмъ Жуковскаго, вызвало цѣлую бурю негодованія среди того кружка, къ которому принадлежалъ послѣдній, и послужило поводомъ къ основанію Арзамасскаго общества въ противовѣсъ Бесѣдѣ любителей русскаго слова. Къ этому времени относится и посланіе Пушкина къ князю П. А. Вяземскому (Россс. Музеумъ 1815 г.), направленное противъ литературныхъ „завистниковъ-невѣждъ" вообще, а въ частности противъ Шаховскаго, имя котораго было связано съ печальною судьбой Озерова (см. выше, стр. 471 — 472). Князь Вяземскій (Полн. собр. сочиненій, т. III, стр. 73–74) и Жуковскій (Сочиненія, изд. 7-е, т. I, стр. 423—425) отвѣчали Василію Львовичу также посланіями.

Въ началѣ 1816 года Пушкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Карамзинымъ и кн. Вяземскимъ, а въ концѣ марта съ ними же воротился въ Москву (Погодинъ, Н. М. Карамзинъ, ч. II, стр. 135 и 159; Загаринъ, В. А. Жуковскій, изд. 2-е. М. 1883, стр. 199). Ко времени пребыванія Пушкина въ Петербургѣ относится и избраніе его въ члены Арзамаса. По словамъ кн. Вяземскаго, Василія Львовича увѣрили, что это общество—родъ литературнаго масонства, и что при вступленіи въ него нужно подвергнуться нѣкоторымъ испытаніямъ, довольно тяжелымъ. Пушкинъ, который уже давно былъ настоящимъ масономъ [1]), легко и охотно согласился на всѣ предстоящія испытанія.

[1]) Въ 1810 году, при возобновленіи масонскихъ ложъ, въ спискѣ членовъ ложи Соединенныхъ Друзей (Les Amis Réunis) находится и колл. асс. Василій Пушкинъ, въ степени «избраннаго». Въ связи съ этимъ, вѣроятно, состоитъ и поздравленіе Карамзинымъ Василія Львовича съ новымъ достоинствомъ масона

Принятіе Пушкина въ члены Арзамаса происходило въ домѣ С. С. Уварова, при чемъ главнымъ изобрѣтателемъ торжественнаго и смѣшнаго церемоніала былъ Жуковскій. Подробности объ этомъ см. въ Мелочахъ М. А. Дмитріева, въ Воспоминаніяхъ Вигеля (ч. V, стр. 41—43) и въ VII-мъ томѣ Полн. собр. сочиненій кн. Вяземскаго. При своемъ посвященіи Пушкинъ получилъ прозвище „Вотъ". М. А. Дмитріевъ разсказываетъ, что вскорѣ послѣ того „Василій Львовичъ, ѣдучи изъ Москвы, написалъ эпиграмму на станціоннаго смотрителя и мадригалъ его женѣ. И то, и другое онъ прислалъ арзамасцамъ; и то, и другое найдено плохимъ, и Пушкинъ былъ разжалованъ изъ имени Вотъ; ему дано было другое: Вотрушка. Василій Львовичъ чрезвычайно огорчился и упрекнулъ арзамасцевъ дружескимъ посланіемъ:

Что дѣлать! Видно, мнѣ кибитка не Парнассъ....

„По разсмотрѣніи посланія, оно было найдено хорошимъ, а нѣкоторые стихи сильными и прекрасными, и Пушкину возвращено было прежнее Вотъ и съ прибавленіемъ я васъ, то-есть, Вотъ я васъ, Виргиліево quos ego. Пушкинъ былъ отъ этого въ такомъ восхищеніи, что ѣздилъ по Москвѣ и всѣмъ это разсказывалъ" (Мелочи, стр. 89—90). Въ посланіи къ арзамасцамъ Пушкинъ, сознавая недостатки присланныхъ имъ стихотвореній, указываетъ, между прочимъ, и на свои литературныя заслуги:

Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ быть,
Осмѣлился глупцамъ я правду говорить;
Осмѣлился сказать хорошими стихами,
Что авторъ безъ идей, трудяся надъ словами,
Останется всегда невѣждой и глупцомъ;
Я злаго Гашпара убилъ однимъ стихомъ
И, гнѣва не боясь Варяговъ безпокойныхъ,
Въ восторгѣ я хвалилъ писателей достойныхъ.
Неблагодарные, о томъ забыли вы,

(Письма Карамзина къ Дмитріеву. С.-Пб. 1866, стр. 136). Ложа Соединенныхъ Друзей была основана 10-го іюня 1802 года по французской системѣ, вывезенной изъ Франціи Жеребцовымъ. Въ Московскомъ музеѣ находится напечатанный въ 1810 году сборникъ французскихъ пѣсенъ этой ложи, заключающій въ себѣ три французскія пѣсни брата Пушкина, безъ сомнѣнія — Василія Львовича (Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ, А. Н. Пыпина, въ В. Евр. 1872 г., № 1, стр. 566, 589). Пѣсни эти приведены вполнѣ въ сочиненіяхъ С. В. Ешевскаго, ч. III, стр. 410 — 413. Графъ М. В. Толстой въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что въ ложѣ Ищущихъ Манны, открытой въ Москвѣ гр. М. Ю. Віельгорскимъ въ 1817 году, Пушкинъ былъ первымъ стуартомъ (стражъ, stewart). Имя его значится въ спискѣ членовъ этой ложи, составленной въ 1819 году (Р. Арх. 1881 г., кн. 2, стр. 58; ср. Вѣстникъ Европы 1872 г. № 1, стр. 595). Поступленіе В. Л. Пушкина въ масоны подало поводъ къ одному ловкому намеку Милонова, о которомъ упоминаетъ Батюшковъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (т. III, стр. 185)

И нынѣ, не щадя сѣдой моей главы,
Вы издѣваетесь безчинно надо мною...

Упоминаемая М. А. Дмитріевымъ эпиграмма, вѣроятно, и есть та, которая напечатана въ Складчинѣ, стр. 367, подъ заглавіемъ: „Сходство съ Шихматовымъ и хромымъ почталіономъ".

Крайне легковѣрный и довѣрчивый къ людямъ, Пушкинъ отличался рѣдкимъ добродушіемъ. Пріятели Василія Львовича пользовались его простосердечіемъ и подвергали его разнымъ мистификаціямъ. Пушкинъ обижался, но не сердился на своихъ друзей. Особенно частыя ссоры, кончавшіяся обыкновенно примиреніемъ, происходили у него съ Алексѣемъ Михайловичемъ Пушкинымъ, его родственникомъ, котораго Василій Львовичъ никакъ не хотѣлъ признать поэтомъ, а послѣдній въ свою очередь осмѣивалъ стихи Василія Львовича и называлъ ихъ жиденью. „Твои басни", говорилъ онъ,—„такъ пусты содержаніемъ своимъ, что скоро будешь ты ограничиваться одними заглавіями и писать и печатать: Оселъ и Корова, басня; Попугай и Левъ, басня, и такъ далѣе" Полн. собр. сочиненій кн. Вяземскаго, томъ VIII, стр. 176, 488). Но однажды Василій Львовичъ серьезно обидѣлся на Алексѣя Михайловича, который распустилъ слухъ о его смерти. Въ написанномъ по этому поводу стихотвореніи онъ говоритъ:

Я умеръ и для тѣхъ, гдѣ ближнихъ въ часъ иной
Поносятъ и ругаютъ.
Но я живу еще для искреннихъ друзей,
Душѣ и сердцу милыхъ.

Стихотвореніе должно относиться къ 1816 году, судя по письму Батюшкова къ А. И. Тургеневу (т. III, стр. 407).

Добродушіе Пушкина вполнѣ выразилось въ посланіи его къ арзамасцамъ. Таковъ онъ является и въ отзывахъ современниковъ, которые, сверхъ того, отмѣтили и нѣкоторыя слабыя и смѣшныя стороны его характера, какъ напримѣръ, страсть къ щегольству и чтенію своихъ и чужихъ стиховъ. Дмитріевъ, въ указанномъ выше шуточномъ стихотвореніи, заставляетъ Пушкина говорить о самомъ себѣ такъ:

Я самъ готовъ, когда хотите,
Признаться въ слабостяхъ моихъ:
Я, напримѣръ, люблю, конечно,
Читать мои куплеты вѣчно,
Хоть слушай, хоть не слушай ихъ;
Люблю и страннымъ я нарядомъ,
Лишь былъ бы въ модѣ, щеголять;
Но словомъ, мыслью, даже взглядомъ,
Хочу ль кого я оскорблять?
Я право добръ и всей душою
Готовъ обнять, любить весь свѣтъ...

Тотъ же Дмитріевъ подмѣтилъ и разные маневры Василія Львовича при чтеніи своихъ стиховъ: „Онъ то восторженно прочтетъ стихотвореніе, то нѣсколькими тонами понизитъ свое чтеніе, то ухватится за первый попавшійся предлогъ и прочтетъ стихи свои какъ будто случайно“ (П. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 70). Батюшковъ въ письмѣ къ князю Вяземскому изъ Нижняго-Новгорода, отъ 3-го октября 1812 года, указываетъ на ту же страсть Пушкина: „Отъ печали Пушкинъ лишился памяти и на силу вчера могъ прочитать Архаровымъ басню о соловьѣ. Вотъ до чего онъ и мы дожили!“ (т. III, стр. 206). Вигель говоритъ, что Пушкинъ, будучи еще восемьнадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, отличался на званыхъ вечерахъ чтеніемъ длинныхъ тирадъ изъ трагедій Расина и Вольтера, участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ и писалъ французскіе куплеты (Воспоминанія, ч. I, стр. 197). Но ни въ чемъ такъ не отличался Василій Львовичъ, какъ въ стихахъ на заданныя рифмы: въ мастерствѣ и проворствѣ писать bouts-rimés никто не могъ съ нимъ сравняться. Въ такомъ родѣ было написано имъ „Разсужденіе о жизни, смерти и любви“, которое онъ читалъ на вечерѣ у М. М. Хераскова, чѣмъ привелъ въ совершенное недоумѣніе и даже разсердилъ почтеннаго хозяина дома (М. А. Дмитріевъ, Мелочи, стр. 30—31, 91). У Хераскова же Василій Львовичъ читалъ и свою піесу „Къ любимцамъ музъ“, подражаніе Горацію, заключительный стихъ которой далъ поводъ М. В. Милонову осмѣять Пушкина въ сатирѣ „Къ моему разсудку“. Каламбуры Пушкина, экспромты и записки въ стихахъ были извѣстны всему московскому обществу. С. П. Жихаревъ въ своемъ „Дневникѣ студента“, стр. 172, приводитъ одинъ изъ экспромтовъ Василія Львовича. Записки Пушкина въ стихахъ изданы въ 1834 году его пріятелемъ княземъ П. И. Шаликовымъ. Батюшковъ, въ одномъ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ ноября 1811 года (т. III, стр. 152), намекаетъ шутя, что иногда экспромты Василья Львовича оказывались заимствованными изъ французскихъ альманаховъ. Точно также и Дмитріевъ, въ письмахъ къ А. И. Тургеневу (Р. Арх. 1867 г., ст. 1096, 1103, 1119), говоритъ, что Василій Львовичъ выдавалъ иногда свои басни и вообще стихотворенія за оригинальныя, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ были переведены или передѣланы съ французскаго. Что касается щегольства Пушкина, то оно дѣйствительно доходило до смѣшнаго. Вигель, описывая свое знакомство съ Василіемъ Львовичемъ въ домѣ графа Ив. Петр. Салтыкова, разсказываетъ, что Пушкинъ, узнавъ о пріѣздѣ Дюрока, немедленно отправился въ Петербургъ единственно для того, чтобы позаимствоваться послѣдними новостями французскаго туалета у французскаго дипломатическаго агента, который представлялъ изъ себя картинку моднаго журнала. Возвратившись изъ Петербурга, Пушкинъ изумилъ всѣхъ толстымъ и длиннымъ жабо, короткимъ фрачкомъ и головою въ мелкихъ курчавыхъ завиткахъ, какъ баранья шерсть, что называлось тогда à la Дюрокъ (Воспоминанія Вигеля, ч. I, стр. 198).

Друзья Пушкина, хотя и посмѣивались надъ нимъ, однако искренно любили добродушнаго Василія Львовича, въ особенности арзамасцы, величавшіе его своимъ старостой и арзамасскимъ прокуроромъ. „Добрый и любящій общественную жизнь, Василій Львовичъ“, говоритъ М. А. Дмитріевъ,—„переходилъ, такъ сказать, отъ поколѣнія къ поколѣнію: онъ былъ пріятель дѣдовъ, отцовъ

и внуковъ. Онъ былъ пріятель съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, потомъ съ Жуковскимъ, Батюшковымъ, Дашковымъ и ихъ современниками, которые всѣ были его моложе; потомъ сдѣлался пріятелемъ и съ нами, которые были и ихъ моложе... Кто-то очень удачно называлъ его другомъ юношества и всякихъ лѣтъ" (Мелочи, стр. 92—93). Отзывъ Вигеля о Пушкинѣ въ главныхъ чертахъ сходенъ съ отзывами другихъ современниковъ. Наружность Василія Львовича Вигель описываетъ такимъ образомъ: „Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles-Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы, не съ большимъ въ тридцать лѣтъ, его старообразили. Къ тому же беззубіе увлажнвало разговоръ его, и друзья внимали ему хотя съ удовольствіемъ, но въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Вообще дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна" (Воспоминанія, ч. I, стр. 197—198). А. А. Кононовъ, познакомившійся съ В. Л. Пушкинымъ въ 1829 году и почти ежедневно бывавшій у него, засталъ его уже измѣнившимся по наружности, но сохранившимъ еще свою врожденную живость: „Старикъ, чуть движущійся отъ подагры, его мучившей, небольшой ростомъ, съ открытою физіономіей, съ сѣдыми немногими остававшимися еще на головѣ волосами, очень веселый балагуръ—вотъ что видѣлъ я въ немъ при первомъ свиданіи. При дальнѣйшемъ знакомствѣ я нашелъ въ немъ любезнаго, добраго, откровеннаго и почтеннаго человѣка, не генія, какимъ былъ его племянникъ, даже не безъ предразсудковъ, но человѣка, какихъ немного, человѣка, о которомъ всегда буду вспоминать съ уваженіемъ и признательностью" (Библіогр. Зап. 1859 г., стр. 306—307).

Изъ всѣхъ родственниковъ своихъ Василій Львовичъ особенно любилъ брата Сергѣя Львовича (см. посланіе къ нему, 1797 г., въ Аонидахъ, ч. II). Любовь къ брату перешла и на знаменитаго племянника, который росъ на глазахъ Василія Львовича и на его же глазахъ выступилъ на литературное поприще. Первые опыты Александра Сергѣевича были приняты дядею съ истиннымъ восхищеніемъ. На одно изъ раннихъ стихотвореній А. С. Пушкина „Желаніе", посвященное дядѣ, послѣдній отвѣчалъ племяннику письмомъ изъ Москвы, отъ 17-го апрѣля 1816 г., въ которомъ говоритъ: „Люби его (Карамзина), слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужатъ къ твоему добру и, можетъ быть, къ пользѣ нашей словесности. Мы отъ тебя многаго ожидаемъ... Что до тебя касается, мнѣ въ любви моей тебя увѣрять не должно: ты сынъ Сергѣя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону. Этого довольно" (Складчина. С.-Пб. 1874, стр. 367). Есть посланіе Василія Львовича къ А. С. Пушкину (Моск. Телегр. 1829 г., ч. 26, стр. 129—130), въ которомъ дядя выражаетъ свой неподдѣльный восторгъ передъ талантомъ племянника:

Твои стихи, повѣрь, читаетъ
Съ живымъ восторгомъ дядя твой.
Латоны сына ты любимецъ:
Тебя онъ вкусомъ одарилъ!
Очаровательи счастливецъ,
Сердца ты наши полонилъ
Своимъ талантомъ превосходнымъ,

Всѣ мысли выражать способнымъ.
Русланъ, Кавказскій Плѣнникъ твой,
Фонтанъ, Цыганы и Евгеній
Прекрасныхъ полны вдохновеній!
Они всегда передо мной,
И не для критики пустой,
Я ихъ твержу для наслажденья.

Добрыя отношенія между племянникомъ и дядею сохранились до конца жизни послѣдняго (см. замѣтку М. Н. Лонгинова въ Р. Арх. 1863 г., стр. 868—871).

Послѣдніе годы жизни Пушкинъ провелъ безвыѣздно въ Москвѣ. Онъ скончался 20-го августа 1830 года и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ. Не смотря на тяжкую болѣзнь, Василій Львовичъ не переставалъ интересоваться литературой и еще на канунѣ своей смерти сказалъ Александру Сергѣевичу: „Какъ скучны статьи Катенина!“ Передъ этимъ Василій Львовичъ читалъ Литературную Газету, въ которой печатались статьи П. А. Катенина по теоріи поэзіи (Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. IX, стр. 137—138; Р. Арх. 1870 г. ст. 1369). Въ Литер. Газетѣ (т. I, стр. 150) напечатано и одно изъ послѣднихъ стихотвореній Пушкина—посланіе къ В. А. Жуковскому, помѣченное 9-мъ января 1830 г. За мѣсяцъ до кончины Василій Львовичъ былъ на прощальномъ концертѣ извѣстной италіянской пѣвицы Каталани и поднесъ ей четверостишіе своего сочиненія на французскомъ языкѣ (Моск. Вѣдомости 1830 г., № 60 стр 1654).

Начало литературной дѣятельности Пушкина относится къ концу прошлаго столѣтія. Въ С.-Петербургскомъ Меркуріѣ 1793 г., ч. IV, стр. 109—119, появилось первое его печатное стихотвореніе „Къ камину“, съ подписью . . . . . нъ и имѣло въ то время большой успѣхъ (Русск. Вѣстн. 1863 г., № 4, стр. 794: Отрывокъ изъ записокъ С. Н. Глинки). Затѣмъ, его произведенія печатались въ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени (1794—1795 гг.), въ Аонидахъ (1796—1799 гг.), гдѣ между прочимъ помѣщено сатирическое стихотвореніе „Вечеръ“; въ Приношеніи религіи (1798—1801 гг.), Вѣстникѣ Европы (1802—1817 гг.), Другѣ просвѣщенія (1804—1806 гг.), Патріотѣ (1804 гг.), Моск. Зрителѣ (1806 г.), Аглаѣ (1808—1812 гг.), Трудахъ общества любителей росс. словесности (1812 — 1821 гг.), Росс. Музеумѣ (1815 г.), Дамск. Журналѣ (1823—1831 гг.), Полярной Звѣздѣ на 1824 и 1825 гг., Литер. Музеумѣ 1827 г. и Моск. Вѣстникѣ того же года. Въ 1829 году, въ Подснѣжникѣ появилась первая глава изъ его повѣсти „Храбровъ“, въ заключительныхъ стихахъ которой Пушкинъ заявилъ, что онъ не сочувствуетъ возникшему на его глазахъ романтическому направленію:

Представлю я въ главѣ другой,
Читатель, новыя картины.
Дошедъ разсказа половины,

Я смѣлой нашему рукой
Рядъ цѣлый точекъ....
. . . . . .
И отъ правилъ
Романтиковъ не отступлю:
Я точки въ повѣстяхъ люблю.
Лордъ Байронъ тысячи ихъ ставилъ,
И подражатели его,
Гюго, Суметъ, Викторъ Гюго,
Лишь точками извѣстны стали
И славу за вихоръ поймали.

Симпатіи свои къ старому французскому классицизму Пушкинъ вполнѣ опредѣленно выразилъ и въ статьѣ: „Замѣчанія о людяхъ и обществѣ", напечатанной въ Литер. Музеумѣ на 1827 годъ. Онъ говоритъ: „Тартюфъ" и „Мизантропъ" превосходнѣе всѣхъ нынѣшнихъ трилогій. Не опасаясь гнѣва модныхъ романтиковъ и не смотря на строгую критику Шлегеля, скажу искренно, что я предпочитаю Мольера—Гете и Расина—Шиллеру. Французы перенимали у Грековъ и сами сдѣлались образцами въ драматическомъ искусствѣ". Вторая глава изъ „Храброва", вошедшая и въ смирдинское изданіе сочиненій Пушкина, была напечатана въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 годъ. М. Н. Макаровъ говоритъ, что по плану Пушкина вся повѣсть должна была заключать въ себѣ шесть главъ, отрывки изъ которыхъ Василій Львовичъ читывалъ своимъ пріятелямъ (Дамск. Журн. 1830 г.. ч. 31, № 28, стр. 184).

Кромѣ русскихъ періодическихъ изданій, Пушкинъ сотрудничалъ и во французскихъ. Такъ, въ 192-мъ нумерѣ газеты Le Conservateur Impartial 1814 г. помѣщены его couplets, перепечатанные въ Сборникѣ, издаваемомъ студентами Имп. Петерб. университета. Вып. I. С.-Пб. 1857, стр. 346—347. Въ Bulletin du Nord 1828 г., № 1, напечатана „Le Schâll noir", вольный переводъ стихами извѣстной піесы А. С. Пушкина. Кн. Вяземскій (П. собр. соч., т. VIII, стр. 489) съ похвалой отзывается о французскихъ стихахъ В. Л. Пушкина.

Въ 1822 году, въ Петербургѣ, вышло первое собраніе стихотвореній В. Л. Пушкина, въ одномъ томѣ. Всѣ стихотворенія раздѣлены здѣсь на три части: въ первой заключаются посланія, во второй — басни и сказки, въ третьей—смѣсь. Къ книгѣ приложенъ портретъ автора, гравированный С. Галактіоновымъ. Стихотворенія свои Пушкинъ издавалъ заочно, при участіи князя П. А. Вяземскаго (Р. Архивъ, 1867 г., стр. 1136) и Н. М. Карамзина; любопытно, что собраніе его стихотвореній встрѣтило при печатаніи нѣкоторыя цензурныя затрудненія (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 312, 332, 336—337). Смирдинское изданіе 1855 года представляетъ перепечатку предшествующаго, съ прибавленіемъ только пяти новыхъ піесъ. Какъ то, такъ и другое изданіе очень неполны.

Батюшковъ хотя и находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ В. Л. Пушкинымъ, но о сочиненіяхъ его былъ не высокаго мнѣнія, исключая впрочемъ „Опаснаго Сосѣда", появленіе котораго вызвало съ его стороны большія по-

тяжки и на ряду съ ними замѣчаніе: „И это написала вялая муза Василія Львовича“ (т. III, стр. 128). Знакомство съ Пушкинымъ относится, безъ сомнѣнія, къ 1810 году, почти всю первую половину котораго Батюшковъ провелъ въ Москвѣ. (В. С.).

— (Стр. 243). Съ помѣщенными въ „Рѣчи“ разсужденіями о вліяніи общественной среды и нравовъ на писателей, посвящавшихъ себя „легкой поэзіи“, ср. то, что говоритъ Батюшковъ объ u r b a n i t é въ письмѣ къ Гнѣдичу 19-го сентября 1809 г. (т. III, стр. 47). Съ другой стороны, однако, взглянулъ Батюшковъ на этотъ вопросъ въ статьѣ „О поэтѣ“ (т. II, стр. 121) и въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 10-го іюня 1813 г. (т. III, стр. 227).

— (Стр. 243). „Всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго“—извѣстный афоризмъ Вольтера, находящійся въ предисловіи къ его „Enfant prodigue“.

— (Стр. 244). Приведенный стихъ принадлежитъ И. И. Дмитріеву и находится въ переведенномъ имъ „Посланіи отъ англійскаго стихотворца Попа къ доктору Арбутноту“ (Соч. И. И. Дмитріева, изд. 1823 г., т. I, стр. 67):

Конгревъ меня хвалилъ, Свифтъ не былъ мой хулитель;
И Болингброкъ, сей мужъ, достойный вѣчныхъ хвалъ,
Другъ старца Драйдена, съ восторгомъ обнималъ
Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго поэта.

Князь Вяземскій удачно примѣнилъ тотъ же стихъ къ отношеніямъ Карамзина къ А. С. Пушкину (П. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 150).

— (Стр. 248). Рихтеръ, Вильгельмъ Михайловичъ, профессоръ повивальнаго искусства въ Московскомъ университетѣ, извѣстный московскій врачъ, род. въ 1767 г., ум. въ 1822. Кромѣ многихъ сочиненій по медицинѣ, онъ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ „Исторію медицины въ Россіи“. Она была переведена и на русскій языкъ и издана въ Москвѣ въ 1814—1820 гг. Онъ былъ лично извѣстенъ М. Н. Муравьеву и былъ домашнимъ врачемъ у кн. П. А. Вяземскаго, такъ что Батюшковъ могъ лично знать его (Р. А р х и в ъ 1866 г., ст. 226 — 227; Словарь профес. Моск. унив., т. II).

(Стр. 248). Буринскій, Захаръ Алексѣевичъ, магистръ и суббибліотекарь Московскаго университета, родился въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ въ 1780-хъ годахъ. По окончаніи курса въ Московской гимназіи, онъ въ 1801 году поступилъ въ университетъ, гдѣ руководителемъ и другомъ его былъ Мераляковъ, а ближайшими товарищами—М. В. Милоновъ, Р. Ѳ. Тимковскій и Н. Ѳ. Копанскій. Они устроивали литературныя бесѣды и занимались чтеніемъ греческихъ и римскихъ классиковъ. Будучи уже кандидатомъ, Буринскій, по назначенію попечителя М. Н. Муравьева, переводилъ съ англійскаго „Краткое начертаніе исторіи свѣта“ Гиббона (напеч. въ 1805 г.) и съ греческаго—историка Геродіана. Изъ послѣдняго перевода Буринскаго сохранился стихотворный отрывокъ, который и напечатанъ Р. Ѳ. Тимковскимъ при изданіи Федровыхъ басенъ въ 1806 году.

Кромѣ того, Буринскій написалъ „Разсужденіе о томъ, какую пользу принесла Россіи война съ Турками 1736 года“. За послѣдній трудъ Муравьевъ утвердилъ его магистромъ словесныхъ наукъ. Михаилъ Никитичъ предполагалъ отправить Буринскаго за границу для приготовленія къ университетской каѳедрѣ (Исторія Московск. универс., стр. 345, 348, 381). Современники очень цѣнили поэтическій талантъ и остроуміе Буринскаго. Вотъ какъ отзывается о немъ одинъ изъ его товарищей, С. П. Жихаревъ: „Не забуду и тебя, милый, безпечный мой Буринскій, будущее свѣтило нашей литературы, поэтъ чувствомъ, поэтъ взглядомъ на предметы, поэтъ оборотомъ мыслей и выраженій и образомъ жизни, словомъ—поэтъ по призванію!“ (Записки Современника. I. Дневникъ студента, стр. 239). Буринскій умеръ въ 1808 году. Въ память ему Мерзляковъ написалъ надгробную пѣснь, которая напечатана въ Вѣстникѣ Европы 1808 г., ч. 40, № 13, съ подписью М.

Отдѣльно изданные сочиненія и переводы Буринскаго перечислены въ Справочномъ Словарѣ Геннади, кромѣ „Стиховъ на кончину Петра Ѳедоровича Глѣбова-Стрѣшнева, генералъ-маіора и кавалера, воспослѣдовавшую 23 октября 1807 г.“ Въ 4-ку, б. г. и м. п. Жихаревъ въ своемъ „Дневникѣ студента“ (стр. 81) приводитъ стихи Буринскаго на смерть Давыдовой. Стихи эти были положены въ свое время на музыку.

Приведенные Батюшковымъ стихи Буринскаго взяты изъ его элегіи на смерть Глѣбова-Стрѣшнева. Генералъ этотъ, сынъ Ѳ. Ив. Глѣбова отъ втораго брака его съ Елизаветою Петровной Стрѣшневой, дочерью Петра Ив. и двоюродною сестрою Ив. Ник. Стрѣшнева, послѣднихъ представителей этого рода (Росс. родосл. книга, ч. IV, стр. 91—92), былъ шефомъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка, участвовалъ въ сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау и отличался замѣчательною храбростью и человѣколюбіемъ. По окончаніи кампаніи 1807 г. онъ возвратился въ Москву и послѣ шестидневной болѣзни скончался, оставя жену и малолѣтнихъ дѣтей.

— Въ экземплярѣ „Опытовъ“, принадлежавшемъ Н. М. Муравьеву, встрѣчаются слѣдующія его замѣчанія противъ нѣкоторыхъ мѣстъ „Рѣчи о вліяніи легкой поэзіи на языкъ“.

На стр. 238, въ строкахъ 21 и 23 подчеркнуто слово „пробудилъ“, и къ нему сдѣлано примѣчаніе: Не будите меня молодую рано-рано по утру! Тамъ же, къ строкѣ 24 замѣчено: И такъ Ломоносовъ создалъ красноречіе библіи, слова о Полку Игоря и Летописси Нестора? Тамъ же, въ строкѣ 29 подчеркнуты слова: „ибо языкъ идетъ всегда наравнѣ съ успѣхами оружія“, и къ нимъ отмѣтка: О какъ обработанъ и усовершенствованъ долженъ былъ быть языкъ татарскій при Батые и Тамерлане.

На стр. 239, въ строкахъ 15—16 къ словамъ „оружіемъ, не талантомъ“ замѣтка: оружіемъ безъ таланта нельзя действовать. Тамъ же, противъ строкъ 21—25, гдѣ говорится о Петраркѣ, отмѣчено: школьной наборъ словъ. Тамъ же, противъ строки 31 и словъ „почти пагубное“ отмѣчено: что нибудь одно или пагубное или не пагубное и что̀ значитъ почти.

На стр. 240, въ строкѣ 3, подчеркнуто „страсти и любви“ и отмѣчено: и любовь страсть. Тамъ же подчеркнуты строки 5 — 8 о Державинѣ, и сдѣлана ссылка на предшествующую страницу, гдѣ было замѣчаніе: школьный наборъ словъ. Тамъ же, въ строкѣ 31, подчеркнуты слова: „научаетъ наслаждаться истинно прекраснымъ“, и къ нимъ примѣчаніе: чтобъ наслаждатся истинно прекраснымъ не надо учителя“. Тамъ же, противъ строки 32 и словъ„ въ легкомъ родѣ поэзіи“ отмѣчено: во всякомъ роде.

На стр. 241, строки 19 — 23 подчеркнуты и снабжены отмѣткой: двусмысленно. Тамъ же, въ строкахъ 26 и 27, подчеркнуто: „остроумныя, неподражаемыя сказки Дмитріева», и къ этому замѣчаніе: грубая ложъ—заблужденіе или—лесть.

На стр. 242 въ строкѣ 1, противъ словъ, что Крылова „стихи сдѣлались пословицами“ приписано: правда. Тамъ же, въ строкахъ 2 и 3, подчеркнутъ отзывъ о стихотвореніяхъ Карамзина, и приписано: постыдное пристрастіе. Тамъ же подчеркнуты отзывы о Капнистѣ, Мерзляковѣ, Жуковскомъ, кн. Долгорукомъ, Воейковѣ и В. Пушкинѣ, и вдоль поля написано: да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою. Тамъ же, противъ подчеркнутыхъ строкъ 20—23, написано: Рыбье сравненіе! Куда же девatся людямъ, когда воды будутъ возрастать и увеличиватся съ вѣками.

На стр. 243, въ строкахъ 21 и 22, подчеркнуты слова: „искусство, какъ лучшее достояніе человѣка“, и сдѣлано примѣчаніе: Поэзія не есть лутчее достояніе человека — а вера? добродетель? — свобода? Тамъ же передъ абзацомъ проведена черта, и сбоку написано: конецъ о вліяніи легкой поэзіи на языкъ.

На стр. 244, въ строкахъ 24 и 25, подчеркнуты слова: „поравняйте славу языка его со славою военною“, и сдѣлана ссылка на стр. 238, гдѣ въ строкѣ 29 подчеркнуты слова: „языкъ всегда идетъ наравнѣ съ успѣхами оружія“.

На стр. 245, въ строкѣ 2, подчеркнуты слова: „въ древнемъ отечествѣ... новаго величія“, и приписано сбоку: что значитъ — древнее отечество новаго величія? Тамъ же, въ строкахъ 25 и 26, подчеркнуты слова: „сердцамъ добрымъ и чувствительнымъ“, и сбоку приписано: смотр. Письма Русскаго Путешеств. Тамъ же, въ строкѣ 27, подчеркнуты слова: „всѣ заслуги“, и отмѣчено сбоку: qui dit trop ne dit Rien.

На стр. 246, противъ строкъ 9—15, вдоль поля написано: Воздержи руку мою! Тамъ же, противъ строкъ 15—20, вдоль поля написано: Жертва вечерняя услыши мя Господи! Тамъ же, въ строкахъ 20—21, подчеркнуты слова: „нераалучной спутницы монарха“, и приписано: Аустерлицъ. Тамъ же, въ строкахъ 22—23, подчеркнуты слова: „ввѣренный ему Святымъ Провидѣніемъ“, и приписано: Не пріемли имени Господа Бога твоего въ суэ. Тамъ же, въ строкахъ 26 и 27, подчеркнуты слова: „всѣ благородныя сердца, всѣ патріоты“, и приписано: Какая дерзость ручатся за другихъ! Кто выбралъ автора представителемъ всехъ патріотовъ??

На стр. 249, въ строкѣ 5, подчеркнуто слово: „храбрости“, и сдѣлано примѣчаніе: Авторъ большой храбрецъ; онъ хвалитъ даже и то,

что не достойно похвалы. Тамъ же, въ строкѣ 12, подчеркнуто слово „покровительство“ и приписано: пахабное поганое слово!

XXII.

Гризельда.

Напечатана: 1) въ Опытахъ, ч. I, стр. 276—296; 2) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 251—267; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., ч. I, стр. 272—289.

Объ этомъ своемъ переводѣ изъ Боккачіо Батюшковъ упоминаетъ въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ конца февраля — начала марта 1817 г. (т. III, стр. 420, 423 и 426) и въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 4-го марта 1817 г. (т. III, стр. 427 и 431). Въ письмѣ къ Гнѣдичу нашъ поэтъ говоритъ: „Напечатай мою „Гризельдушку“ и „Заразу“. „Гризельда придастъ интересу: будетъ что-нибудь и для дамъ. Это не шутка!“ Изъ письма же къ кн. Вяземскому видно, что Батюшкову надоѣдало переводить „длинные періоды Боккачіо“. Нельзя однако не признать, что ему очень удалось воспроизвести простоту Боккачіева разсказа. „Гризельда“ составляетъ въ „Декамеронѣ“ послѣднюю повѣсть десятаго дня.

XXIII.

Олиндъ и Софронія.

Напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1817 г, ч. XCV, сентябрь, №№ 17 и 18, стр. 3—17, съ подписью Б., и послѣ перепечатываемо не было.

Объ этомъ отрывкѣ изъ Тасса упоминается въ тѣхъ же письмахъ къ Гнѣдичу и Вяземскому, что̀ и о „Гризельдѣ“.

— (Стр. 267, прим.). Приводимый Батюшковымъ для сравненія стихъ Петрарки взятъ изъ Trionfo della morte di madonna Laura, cap. I. Соотвѣтствующіе стихи у Тасса читаются такъ (c. II, str. XXVI):

E smarrisce il bel volto in un colore,
Che non è pallidezza, ma candore.

XXIV.

Изступленіе Орланда.

Напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1817 г., ч. XCV, сентябрь, №№ 17 и 18, стр. 17—29, съ подписью Б., и послѣ перепечатываемо не было.

Объ этомъ отрывкѣ изъ Аріоста упоминается въ тѣхъ же письмахъ къ Гнѣдичу и кн. Вяземскому, что̀ и о „Гризельдѣ“.

XXV.

Письмо Бернарда Тасса къ Порціи о воспитаніи дѣтей.

Напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1817 г., ч. XCIV, августъ, №№ 15 и 16, стр. 165—172, съ подписью 'Б. и съ нижеслѣдующимъ примѣчаніемъ редактора: „Любопытно видѣть, какъ родители Торквато пеклись объ его воспитаніи. Бернардо, какъ извѣстно, былъ и самъ славный стихотворецъ и писатель, достойный уваженія; а изъ этого письма видно, что онъ былъ и добрый человѣкъ. Это слова почтеннѣйшаго Б....а, приславшаго ко мнѣ переводъ свой".

Объ этомъ переводѣ упоминается въ тѣхъ же письмахъ къ Гнѣдичу и кн. Вяземскому, что̀ и о „Гризельдѣ".

XXVI.

Чужое—мое сокровище.

„Чужое—мое сокровище" есть записная книжка Батюшкова, въ которую онъ, въ теченіе лѣта 1817 г., живя въ деревнѣ, вносилъ выписки изъ прочитаннаго, свои замѣтки при чтеніи и воспоминанія изъ прошлаго. Записная книжка эта, до сихъ поръ вовсе неизвѣстная и нынѣ впервые печатаемая по рукописи, найденной въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, составляетъ драгоцѣнный памятникъ занятій и размышленій нашего поэта въ періодъ высшаго развитія его таланта. Она дозволяетъ предполагать, что подобныя же замѣтки Батюшковъ дѣлалъ и въ другія времена; подтвержденіемъ тому могутъ служить и нѣкоторыя указанія изъ его переписки; такъ, въ письмахъ его къ Гнѣдичу, писанныхъ изъ деревни въ 1809 и 1811 гг., встрѣчаются также, какъ въ записной книжкѣ, замѣтки, вызванныя читанными въ то время Батюшковымъ книгами (т. III, стр. 56, 57, 136). Позже, въ 1814 г., онъ самъ писалъ кн. Вяземскому изъ Парижа, что велъ тамъ записки, и даже собирался сообщить ихъ своему другу (т. III, стр. 273); однако Вяземскій, издавая впослѣдствіи то письмо Батюшкова, гдѣ находится это указаніе, замѣтилъ: „Записокъ этихъ не имѣю и никогда не видалъ. Не помню даже, чтобы послѣ, при свиданіи нашемъ, Батюшковъ мнѣ о нихъ говорилъ" (Р. Архивъ 1866 г., ст. 861). Быть можетъ, при помощи этихъ записокъ Батюшковъ составилъ описаніе своего пребыванія въ Парижѣ въ письмѣ оттуда къ Д. В. Дашкову, отъ 25-го апрѣля 1814 г.; то же можно предположить и относительно письма къ Д. П. Северину, изъ Готенбурга, отъ 19-го іюня 1814 года, которое, судя по рукописи его, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, было самимъ

Константиномъ Николаевичемъ приготовлено къ печати. Еще позже, въ 1818 г., во время путешествія въ Одессу, Батюшковъ посѣтилъ развалины Ольвіи и также описалъ свою поѣздку туда (т. III, стр. 518 и 522); но и это описаніе, предназначенное для А. Н. Оленина, не нашлось въ бумагахъ послѣдняго. Наконецъ, изъ сказаннаго въ письмѣ Батюшкова къ Жуковскому, отъ 1-го августа 1819 г. (т. III, стр. 560, 561), можно заключать, что и въ Италіи нашъ поэтъ не покидалъ обычая заносить на бумагу свои мысли и впечатлѣнія, хотя и не имѣлъ намѣренія печатать что-либо объ Италіи (т. III, стр. 553).

— (Стр. 288, прим.). Есть мнѣніе, что прозаическія статьи Батюшкова имѣютъ значеніе преимущественно стилистическое (Галаховъ, Ист. русск. слов., изд. 2-е, т. II, стр. 272). Не находя возможнымъ согласиться съ этимъ, мы указали на интересъ, представляемый прозаическими статьями, какъ во введеніи къ настоящему изданію, такъ и въ примѣчаніяхъ ко II-му тому его. Здѣсь прибавимъ, что прозаическія статьи нашего автора очень ясно представляютъ, какъ развивалось и видоизмѣнялось его міросозерцаніе, и въ этомъ отношеніи замѣтка его записной книжки о томъ, „что̀ писать въ прозѣ", очень любопытна: она свидѣтельствуетъ, что мысль Батюшкова постоянно работала, и что умъ его былъ занятъ вопросами, которые въ его время не затрогивались вовсе въ нашей литературѣ: къ числу такихъ предметовъ относятся избранныя имъ темы: о сочиненіи А. Н. Радищева, о русскомъ ландшафтѣ, о войнѣ и баталіяхъ въ отношеніяхъ къ живописи и поэзіи. Почти всѣ указанныя въ этой замѣткѣ темы уже давно занимали Батюшкова, и притомъ къ разработкѣ ихъ онъ готовился соотвѣтственнымъ чтеніемъ. Такъ, предполагавшійся этюдъ объ Исландіи находится въ очевидной связи съ интересомъ нашего автора къ сѣверной поэзіи, выразившимся еще въ „Письмѣ изъ Финляндіи" (1809 г.) и позже переводами элегіи Маттисона и пѣсни Гаральда; для ближайшаго изученія этого предмета Батюшковъ намѣтилъ себѣ сочиненія I. Ѳ. Буле (1763—1821 гг.), извѣстнаго профессора естественнаго права и теоріи изящныхъ художествъ въ Московскомъ университетѣ, составившаго также „Опытъ критической литературы русской исторіи" (Versuch einer Kritischen Literatur der Russischen Geschichte. M. 1810), гдѣ есть обзоръ литературы древнѣйшей исторіи сѣвера, и поэму Монтброна: Les Scandinaves, poëme, traduit du swéo-gothique; suivi d'observations sur les moeurs et la religion des anciens Peuples de l'Europe barbare. Par Joseph-Cherade Montbron. 2 vol. A Paris. An IX—1801, въ которой онъ особенно цѣнилъ объяснительныя статьи, и о которой писалъ къ князю Вяземскому еще въ 1811 г. (т. III, стр. 139). На А. Н. Радищева вниманіе Батюшкова было обращено еще при началѣ его литературной дѣятельности, когда онъ былъ въ сношеніяхъ съ членами С.-Петербургскаго Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ (см. вводную статью къ настоящему изданію, гл. III); въ записной книжкѣ онъ еще разъ упоминаетъ о немъ на стр. 338. Для статьи о ландшафтѣ Батюшковъ предполагалъ навести справки у прославленнаго въ прошломъ вѣкѣ идиллика, Швейцарца Саломона Геснера (1730—1788 гг.), который написалъ Briefe über die Landschaftsmalerei, и у Христіана Гиршфельда (1742—1792 гг.), автора многочисленныхъ сочиненій по садовод-

ству и планировкѣ садовъ, пользовавшагося въ свое время большою извѣстностью по этой части. Точно также объ изображеніи военныхъ сценъ въ живописи и поэзіи есть замѣтка на стр. 313, и къ тому же предмету относятся нѣкоторыя сдѣланныя Батюшковымъ выписки (стр. 295—296, 312). Еще раньше нѣсколько замѣчаній нашего автора о томъ же предметѣ находится въ статьѣ его объ Аріостѣ и Тассѣ (стр. 152—155).

— (**Стр. 288—290**). Стихи приведены по нѣмецки изъ Wallenstein's Tod, дѣйствіе II, сцена 3 (слова Валленштейна), и то же по французски изъ переработки Шиллеровой трагедіи Б. Констаномъ: Wallstein, tragédie en cinq actes et en vers, précédée de quelques réflexions sur le théatre allemand et suivie de notes historiques, par Benjamin Constant de Rebecque. Paris. 1809, стр. 23.

— (**Стр. 290—293**). Это посланіе кн. Вяземскаго къ Батюшкову не находится въ Полномъ собраніи сочиненій кн. Вяземскаго и вообще никогда не было напечатано.

— (**Стр. 293—294**). Стихотвореніе „Всякой на свой покрой“ помѣщено въ II. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. III, стр. 300—301, при чемъ отнесено къ 1823 году. Впервые появилось оно въ Полярной Звѣздѣ на 1823 г., стр. 182. Нашъ текстъ представляетъ варіанты.

— (**Стр. 294—295**). „Столъ и постеля“ кн. Вяземскаго помѣщено въ II. собр. сочин. его, т. III, стр. 238, при чемъ отнесено къ 1821 году. Впервые это стихотвореніе появилось въ Благонамѣренномъ 1821 г., ч. 14, стр. 145 и въ нашемъ текстѣ также представляетъ варіанты.

— (**Стр. 295**). Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (род. во Франціи въ 1774 г., умеръ близъ Копенгагена въ 1817 г.), генералъ-адъютантъ императора Александра, командиръ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ прежней своей гражданской службѣ сенаторъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и членъ главнаго правленія училищъ.

— (**Стр. 295—309**). Выписки, которыя приводитъ Батюшковъ на этихъ страницахъ, взяты изъ извѣстнаго сочиненія Симонда де-Сисмонди: „De la Littérature du midi de l'Europe“, первое изданіе котораго появилось въ 1813 году, а второе—въ 1819. Экземпляръ перваго изданія Батюшковъ пріобрѣлъ, вѣроятно, за границей (ср. III, стр. 527).

Сирвента Г. де Сенъ-Грегори приведена у Сисмонди въ т. I, гл. IV.

Посланіе Мендозы у Сисмонди помѣщено въ т. III, гл. XXVI.

Италіянскимъ писателямъ XVII в. Сисмонди посвящаетъ гл. XVI-ю т. II, писателямъ XVIII в.—главы XVII-ю—XX-ю т. II и XXI-ю—XXII-ю въ т. III, Въ этой же послѣдней главѣ Сисмонди говоритъ и о тѣхъ италіянскихъ писателяхъ, которыхъ Батюшковъ называетъ своими современниками. Выписки, имъ сдѣланныя, взяты изъ соотвѣтствующихъ главъ. Съ произведеніями Касти

(стр. 304) Батюшковъ былъ знакомъ давно: еще въ 1810 году онъ подражалъ ему въ піесахъ „Радость“ (т. I, стр. 120—121) и „Счастливецъ“ (тамъ же, стр. 122—124). Быть можетъ, на этого писателя указалъ Батюшкову И. М. Муравьевъ-Апостолъ, который былъ лично знакомъ съ Касти (см. выше, стр. 412).

— (Стр. 309). Выписка изъ Аріостова „Orlando furioso“ составляетъ конецъ строфы XXV-й и начало XXVI-й въ пѣснѣ XXXIII-й.

— (Стр. 309). Стихи Княжнина взяты изъ его „Посланія къ тремъ граціямъ“ (Соч. Я. Б. Княжнина, изд. 1817 г., т. V, стр. 50).

— (Стр. 310—311). Изъ VIII-й пѣсни „Россіады“ Хераскова приведены стихи 24—37, 32—82 и 84. Написанный Мерзляковымъ разборъ „Россіады“ (въ видѣ письма къ Жуковскому) былъ напечатанъ въ Амфіонѣ 1815 г., книжки 1—3, 5, 6, 8 и 9.

— (Стр. 312—314). Делилевъ переводъ „Энеиды“ появился въ первый разъ въ 1804 году и вторично былъ изданъ въ 1813. Примѣчанія къ этому переводу принадлежатъ Мишо. Выписка Батюшкова взята изъ примѣчаній къ кн. X-й. Замѣтки объ Эвандрѣ мы не нашли въ примѣчаніяхъ къ извѣстному намъ 2-му изданію Делилева перевода.

— (Стр. 314). Изъ притчъ Соломона приведены стихи 16 и 17 изъ 25-й главы.

— (Стр. 314—315). Басня Крылова „Добрая лисица“ появилась въ первый разъ въ 17-мъ Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, вышедшемъ въ 1815 г., но съ цензурною помѣтой: 18 декабря 1814 г., стр. 43, и затѣмъ вошла безъ перемѣнъ въ изданіе басенъ, вышедшее въ Петроградѣ, въ 1815—1816 гг., въ 5 частяхъ, съ рисунками Оленина (при трехъ первыхъ частяхъ); см. ч. IV, стр. 32—34.

— (Стр. 316). Стихотвореніе кн. Вяземскаго на смерть сына см. въ П. собр. соч. его, т. III, стр. 114—115; впервые оно было напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1816 г., ч. 88, стр. 101. Смерть малолѣтняго князя Димитрія послѣдовала въ концѣ 1815 года (Р. Арх. 1870 г., ст. 1686).

— (Стр. 319). Статья о Симонидѣ извлечена изъ 76-й главы Voyage du jeune Anacharsis, т. VI.

— (Стр. 319—320). Сенеку Батюшковъ читалъ въ переводѣ Лагранжа (ср. стр. 359): Oeuvres de Sénèque le philosophe. Traduction de Lagrange. A Tours. An 3 de la République Française. Первое изъ приведенныхъ мѣстъ находится въ т. I, стр. 177—178: Lettre XXXVI: Des avantages du repos. Des voeux du vulgaire. Du mépris de la mort; второе—тамъ же, стр. 383: Lettre LXXI

Des conseils: quand il faut en donner. Du courage philosophique; третье—тамъ же, стр. 405: Lettre LXXIV: Qu'il n'y a de bon que ce qui est honnête; четвертое—тамъ же, стр. 416, въ томъ же письмѣ.

— (Стр. 321—323). Выписка изъ Сенеки по переводу Лагранжа, т. I, стр. 281: Lettre LVII: De la division des êtres suivant Platon. За выпиской слѣдуетъ вольный переводъ оттуда же.

— (Стр. 326). Дважды приведенное здѣсь восклицаніе дѣйствительно принадлежитъ Вольтеру и находится въ его комедіи „Charlot", дѣйствіе I, сцена 7-я, въ слѣдующемъ видѣ:

Et voilà justement comme on écrit l'histoire!

— (Стр. 327—328). Въ Сѣверной Почтѣ 1812 и слѣдующихъ годовъ намъ не удалось найдти тотъ разсказъ о Н. Н Раевскомъ, который разумѣетъ Батюшковъ. Но анекдотъ этотъ повторялся въ печати неоднократно; между прочимъ объ этомъ случаѣ упоминаетъ Д. В. Давыдовъ въ своихъ „Замѣчаніяхъ на Некрологію Н. Н. Раевскаго" (Соч. Д. В. Давыдова. М. 1860, т. III, стр. 9). Но едва ли не первый намекнулъ на это обстоятельство Жуковскій въ „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ". Въ 1813 году Академія Художествъ уже задавала тему для исторической картины, почерпнувъ сюжетъ изъ этого происшествія (Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ, ч. II, стр. 45).

— (Стр. 329). Писаревъ—Александръ Александровичъ, свѣдѣнія, о которомъ см. выше, стр. 404—405. О храбрости его Батюшковъ упоминаетъ въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 30-го октября 1813 г. (т. III, стр. 236).

— (Стр. 329). Левъ Васильевичъ Давыдовъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1848), родной братъ извѣстнаго партизана и поэта. Въ отечественную войну онъ числился адъютантомъ при генералѣ А. Н. Бахметевѣ, но состоялъ, въ той же должности, собственно при Н. Н. Раевскомъ. Впослѣдствіи, онъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора, былъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса въ Москвѣ (Сочиненія Д. В. Давыдова. М. 1860, т. II, стр. 21; Р. Архивъ 1879 г., кн. II, стр. 334). Батюшковъ познакомился съ Л. В. Давыдовымъ въ 1810 или 1811 г. въ Москвѣ, гдѣ послѣдній принадлежалъ къ обществу князя П. А. Вяземскаго (т. III, стр. 155, 168, 218, 331).

— (Стр. 330). Стихи, сказанные Раевскимъ, взяты изъ трагедіи Вольтера „Euriphile", д. II, сц. 1-я, слова Алкмеона.

— (Стр. 332). О Сенъ-Ламберѣ уже упомянуто выше на стр. 405. Онъ жилъ очень долго (род. въ 1717 г., ум. въ 1803) и вторую половину своей жизни посвятилъ обработкѣ большаго сочиненія по нравственной философіи, подъ заглавіемъ: „Principes des moeurs chez toutes les nations ou Catéchisme moral",

которое было окончено въ 1788 г., а издано въ нѣсколькихъ частяхъ съ 1797 по 1800. Составъ этого сочиненія слѣдующій: 1) analyse de l'homme; 2) analyse de la femme; 3) raison; 4) catéchisme universel; 5) commentaire du catéchisme universel; 6) analyse historique de la société. Это кодексъ утилитарной морали въ духѣ сенсуализма; авторъ старается доказать, что въ основѣ всѣхъ чувствъ человѣка обнаруживается „l'action secrète du mobile interessé". Сочиненіе это, по выраженію Сентъ-Бева, мертворожденное уже при самомъ своемъ появленіи, напомнило о Сенъ-Ламберѣ, давно забытомъ какъ поэтѣ, и въ 1806 г. было представлено Французскимъ институтомъ къ увѣнчанію большою преміей, но Наполеонъ не изъявилъ на то своего согласія. Это присужденіе, поддержанное самымъ лестнымъ отзывомъ М.-Ж. Шенье въ его „Tableau de la littérature française depuis 1789" (изд. въ 1808 г.), надѣлало много шуму въ свое время, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ „Катехизисомъ" Сенъ-Ламбера могло конкурировать на премію произведеніе Шатобріана: „Le Génie du christianisme", но это послѣднее сперва было совершенно отстранено институтомъ отъ конкурса, а позже, въ началѣ 1811 г., удостоилось только почетнаго отзыва, но все-таки не преміи (Sainte-Beuve, Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'Empire. T. I, p. 332—333; сужденія института о книгѣ Шатобріана изложены въ Observations critiques sur l'ouvrage intitulé: Le Génie du christianisme, par m. de Chateaubriand. P. 1817. Обстоятельства эти, безъ сомнѣнія, были извѣстны Батюшкову, который, въ августѣ 1811 г., писалъ Гнѣдичу: „Я читаю теперь Сенъ-Ламберта и бываю доволенъ, какъ ребенокъ. Сенъ-Ламбертъ—добрый человѣкъ, и съ нимъ весело бесѣдовать, по крайней мѣрѣ лучше, чѣмъ съ Шатобріаномъ, который, признаюсь тебѣ, прошлаго года зачернилъ мое воображеніе духами, Мильтоновыми бѣсами, адомъ и Богъ вѣсть чѣмъ" (т. III, стр. 135).—Въ 4-й части сочиненія Сенъ-Ламбера особый отдѣлъ посвященъ наблюденію надъ самимъ собою (De l'examen de soi-même).

— (Стр. 332). Ланской и Сергѣй Николаевичъ Ушаковъ, извѣстные въ свое время кавалерійскіе генералы, убиты 24-го февраля 1814 г. въ сраженіи подъ Краономъ, а не подъ Ланомъ (Laon), какъ говоритъ Батюшковъ (Михайловскій-Данилевскій, Императоръ Александръ и его сподвижники въ 1812—1815 гг., т. VI, № 43, стр. 12; Богдановичъ, Исторія импер. Александра, т. IV, стр. 435).

— (Стр. 333). „Тихій нравъ въ крови". У Державина въ стихотвореніи „Праздникъ воспитанницъ дѣвичьяго монастыря" (Соч., 1-е акад. изд., т. II, стр. 87) есть дѣйствительно стихъ со сходнымъ выраженіемъ:

Хладъ безстрастія въ крови.

— (Стр. 334—335). Сдѣланная Батюшковымъ выписка изъ „Paul et Virginie" Б. де-Сенъ-Пьера и слѣдующее за нею замѣчаніе Шатобріана находятся въ „Génie du christianisme", отд. II, кн. III, гл. 7.

— (Стр. 335). Подъ Д., у котораго жилъ Батюшковъ въ Парижѣ въ 1814 году, должно разумѣть барона Рожера де-Дамаса, о которомъ см. выше, стр.

404, а также Р. Архивъ 1870 г., ст. 390. Въ журналѣ Le Correspondant за 1885 г., кн. 4 и 5, появилась подробная біографія Дамаса, соч. Л. Пенго (Pingaud), изъ которой видно, что онъ приходился внукомъ г-жѣ дю-Шатле.

— (Стр. 336). Весьма любопытенъ составленный Батюшковымъ планъ сочиненія о русской словесности, и нельзя не пожалѣть, что онъ не былъ приведенъ нашимъ авторомъ въ исполненіе: мы имѣли бы въ этомъ трудѣ изложеніе его взгляда на русскую литературу, болѣе полное, чѣмъ то, какое находимъ въ его рѣчи „о легкой поэзіи“ и нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ. Вотъ что писалъ по этому поводу Батюшковъ къ кн. Вяземскому, отъ 23-го іюня 1817 года: „Хочется написать въ письмахъ маленькій курсъ для людей свѣтскихъ и познакомить ихъ съ собственнымъ богатствомъ. Въ деревнѣ не могу приняться за этотъ трудъ, требующій книгъ, совѣтовъ и здоровья, и одобрительной улыбки дружества“ (т. III, стр. 453). Статьи Батюшкова о Кантемирѣ и Ломоносовѣ (о послѣднемъ сравн. также замѣчанія въ записной книжкѣ, стр. 344—347) доказываютъ, что въ позднѣйшій періодъ своей литературной дѣятельности онъ дѣйствительно занимался этими двумя писателями, какъ бы подготовляясь къ упомянутому труду. На чтеніе сочиненій Сумарокова указываетъ записка къ М. Н. Загоскину (т. III, стр. 479), писанная Батюшковымъ въ 1817 г., въ бытность его въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ составленія плана для сочиненія о русской словесности. Наконецъ, чтеніе „Россіады“ Хераскова около того же времени (ср. выше, стр. 310 — 312) также находится, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ же предполагаемымъ трудомъ. Но дальнѣйшихъ слѣдовъ этихъ занятій мы не имѣемъ.

Разныя сужденія Батюшкова о новой русской литературѣ и ея представителяхъ собраны нами въ примѣчаніяхъ къ рѣчи „о легкой поэзіи“ и, сверхъ того, разсматриваются въ статьѣ о жизни и сочиненіяхъ Батюшкова, предпосланной настоящему изданію. Поэтому въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ мы ограничиваемся сообщеніемъ свѣдѣній лишь о такихъ лицахъ, преимущественно второстепенныхъ, о которыхъ до сихъ поръ намъ не приходилось говорить.

— (Стр. 336). „Библія, которую мы по привычкѣ зовемъ славенскою“. Эти слова объясняются тѣмъ, что Батюшковъ принялъ мнѣніе Каченовскаго, который утверждалъ, что языкъ нашей Библіи есть старинное нарѣчіе сербское. Мнѣніе это Каченовскій высказалъ въ своемъ разсужденіи, читанномъ въ Московскомъ обществѣ любителей словесности, въ 1816 г., въ присутствіи Батюшкова. Въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ конца октября 1816 г., Батюшковъ писалъ по этому поводу: „Каченовскій читалъ разсужденіе о славянскихъ діалектахъ. Я не критикъ, я невѣжда, но кажется, онъ рѣжетъ истину; онъ утверждаетъ, что Библія писана на сербскомъ діалектѣ; то же, думаю, говоритъ и Карамзинъ. А славенскій языкъ вовсе изчезъ; онъ чистый и не существовалъ, можетъ быть, ибо подъ именемъ Славенъ мы разумѣли всѣ поколѣнія славянскія, говорившія разными нарѣчіями, весьма различными одно отъ другаго. Онъ разбудитъ славянофиловъ. Если правду говоритъ Каченовскій, то каковъ Шишковъ съ партіей! Они влюблены были въ Дульцинею, которая ни-

когда не существовала" (т. III, стр. 409). Разсужденіе Каченовскаго напечатано въ Трудахъ Моск. общ. люб. р. словесн. за 1817 г., ч. VII.

— (**Стр. 338**). Семенъ Сергѣевичъ Бобровъ родился, вѣроятно, въ концѣ 1760-хъ годовъ, а умеръ въ 1810 году, въ Петербургѣ. Воспитанникъ сперва духовной семинаріи, а потомъ Московскаго университета, онъ съ 1785 года служилъ въ сенатѣ, а затѣмъ въ 1792 году перемѣщенъ былъ въ морское вѣдомство; сверхъ того, съ 1804 года онъ состоялъ по коммиссіи о составленіи законовъ (Вѣстн. Евр. 1810 г. ч. 51, № 11, стр. 245—246; Другъ Юношества того же года, май, стр. 125—128).

Будучи студентомъ, Бобровъ пользовался покровительствомъ Хераскова, и съ тѣхъ поръ началась его литературная дѣятельность. Произведенія его печатались въ Собесѣдникѣ любителей русскаго слова (1784), Дѣтскомъ Чтеніи (1785), Покоящемся Трудолюбцѣ (1785), Зеркалѣ Свѣта (1787), Бесѣдующемъ Гражданинѣ (1789), Московскомъ Журналѣ (1792), Новостяхъ русской литературы (1802 — 1805), Сѣверномъ Вѣстникѣ (1805) и Цвѣтникѣ (1809). Кромѣ того, Бобровъ принималъ участіе во второмъ изданіи „Кировыхъ путешествій", Рамсея, которыя въ 1785 году были напечатаны въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „Новая Киропедія"; участіе Боброва состояло въ томъ, что онъ свѣрилъ съ подлинникомъ прежній переводъ съ французскаго, Авраама Волкова, изданный еще въ 1765 году (Другъ Юношества 1810 г., іюнь, стр. 126—127). Знакомый съ языками латинскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ, Бобровъ особенно интересовался англійскою литературой. Въ царствованіе императора Павла, будучи командированъ по служебнымъ дѣламъ въ черноморскіе порты, Бобровъ посѣтилъ Крымъ, и это подало ему поводъ сочинить описательную поэму „Таврида или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонисѣ", которая была напечатана въ 1798 г. въ Николаевѣ, и вторично, въ 1804 г., въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Херсонида или картина лучшаго лѣтняго дня въ Херсонисѣ Таврическомъ". Поэма эта, посвященная сперва Н. С. Мордвинову, а потомъ императору Александру, написана бѣлыми стихами. Въ предисловіи авторъ въ оправданіе избраннаго имъ размѣра ссылается на авторитеты Шекспира, Мильтона, Аддисона, Томсона, Экензайда и „мудраго пѣвца ночей священныхъ Юнга", а также на Клопштока. Позже имъ была написана бѣлыми же стихами еще большая мистико-аллегорическая поэма: Древняя ночь вселенной или странствующій слѣпецъ. С.-Пб. 1807—1809. Въ предисловіи къ этой поэмѣ авторъ объясняетъ, что онъ хотѣлъ изобразить въ ней паденіе и возрожденіе духа человѣческаго, который и разумѣется здѣсь подъ странствующимъ слѣпцомъ. Вообще по направленію своему Бобровъ примыкаетъ къ группѣ русскихъ писателей-мистиковъ, воспитавшихся подъ вліяніемъ Новикова; мистическимъ направленіемъ объясняется и его любовь къ Юнгу. Другой писатель той же мистической группы, М. И. Невзоровъ, въ своей статьѣ: „Живописные и философическіе отрывки изъ сочиненій г. Боброва", замѣчаетъ по поводу „Древней ночи вселенной": „Не сія ли, по видимому, поэма подаетъ случай молодымъ критикамъ мыслить о г. Бобровѣ, что будто бы онъ писалъ такъ, что его никто не разумѣетъ? Однако подлежитъ еще сомнѣнію: стихотворецъ ли въ

такомъ случаѣ причиною нашего неразумѣнія, или мы сами, которые взъѣхали на такую несчастную высоту просвѣщенія, что ежели развернемъ какое-нибудь новое сочиненіе и, переворотя двѣ и три страницы, не увидимъ скоро какой-нибудь сѣроглазой Ирисы или бѣлобрысой Лаисы, по крайней мѣрѣ какой-нибудь пустячной розы или ландыша, то уже почитаемъ то сочиненіе непонятнымъ и еще безтолковымъ" (Др. Юнош. 1810 г., іюнь, стр. 159). Выходка Невзорова направлена на князя Вяземскаго, который въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 51, № 11, стр. 210 (ср. П. собр. соч., т. III, стр. 15) напечаталъ слѣдующую эпиграмму:

Нѣтъ спора, что Бибрисъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ бо никто его не разумѣлъ.

Собраніе сочиненій Боброва вышло въ 1804 году въ Петербургѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „Разсвѣтъ полночи или созерцаніе славы, торжества и мудрости порфироносныхъ, брапоносныхъ и мирныхъ геніевъ Россіи съ послѣдованіемъ дидактическихъ, эротическихъ и другихъ разнаго рода въ стихахъ и прозѣ опытовъ", 4 части (послѣдняя часть заключаетъ въ себѣ „Херсониду"). Другія отдѣльно изданныя сочиненія Боброва исчислены въ Справочномъ Словарѣ Геннади. Въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1804 года, ч. II, помѣщенъ разборъ „Разсвѣта полночи", въ которомъ неизвѣстный рецензентъ хотя и признаетъ во многихъ произведеніяхъ Боброва „безцѣнныя красоты природы" и восхищается „прекрасными новосоставленными словами", но находитъ, что авторъ „вольность сію простираетъ до излишества и вмѣсто высокихъ словъ дѣлаетъ гигантическія, какъ напримѣръ, когда говоритъ: „Въ одеждѣ скорби слезошвенной" или: „Музы въ плачѣ растопленны". Дѣйствительно, подобныя сложныя слова, преимущественно въ эпитетахъ, какъ напримѣръ, горноносныя воды, водосланое море, кровомлечное лицо и т. п., составляютъ особенность стихотворства Боброва. Державинъ, по словамъ С. П. Жихарева, придавалъ большое значеніе его таланту (Отеч. Зап. 1854 г., № 10, стр. 94; 1855 г., № 4, стр. 418). Карамзинъ, въ ранній періодъ своей литературной дѣятельности, также, по видимому, интересовался Бобровымъ (Письма къ Дмитріеву, стр. 22) и печаталъ его стихотворенія въ своихъ изданіяхъ. Но молодые представители карамзинскаго направленія относились къ Боброву съ насмѣшками. Такъ и Батюшковъ, въ письмахъ своихъ нерѣдко упоминающій о Бобровѣ, какъ о плохомъ стихотворцѣ, осмѣялъ его въ „Видѣніи на берегахъ Леты" (т. I, стр. 82—83) и въ двухъ эпиграммахъ (тамъ же, стр. 72 и 283), а князь Вяземскій, кромѣ указаннаго уже двустишія, напечаталъ въ той же книжкѣ Вѣстника Европы эпиграмму „Былъ въ преисподней" (см. Полн. собр. соч., т. III, стр. 14), гдѣ между прочимъ называетъ Боброва шахматно-пѣгимъ геніемъ. Очевидно, этотъ эпитетъ составляетъ намекъ на слѣдующія строки изъ описанія аспидовъ во 2-й пѣсни „Херсониды":

И выставляетъ пестру спину,
Иль шахматное, пѣго чрево.

Впрочемъ, и нѣкоторые писатели старой школы были не высокаго мнѣнія о поэзіи Боброва. Примѣромъ можетъ служить А. А. Палицынъ, который въ

своемъ „Посланіи къ Привѣтѣ“ (Харьковъ. 1807, стр. 47—48) отзывается о Бобровѣ такимъ образомъ:

Но вкусъ Хераскова забывъ въ своей Тавридѣ,
И въ страсти къ новому, игрой трескучихъ словъ,
Шероховатостью и мыслей, и стиховъ,
Подходитъ тамъ въ иныхъ мѣстахъ къ Телемахидѣ.
О сей Таврид ѣ судъ такой
Привѣтинъ, а не мой.
Я очень знаю то, съ какими похвалами
Таврида славилась недѣльными листами.

Упоминаніе о „недѣльныхъ листахъ“, то-есть, періодическихъ изданіяхъ, вѣроятно, относится къ похваламъ, высказаннымъ Боброву въ Сѣверномъ Вѣстникѣ. (В. С.).

— (Стр. 338). Панкратій Платоновичъ Сумароковъ родился въ 1765 году, а умеръ въ 1814. Онъ учился дома подъ руководствомъ Француза Перло, затѣмъ поступилъ въ гвардію и въ это время пополнилъ недостаточность своего образованія и познакомился съ языками латинскимъ, нѣмецкимъ и италіянскимъ. Въ 1787 г. онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ по винѣ одного своего сослуживца, который сбылъ какому-то купцу сторублевую ассигнацію, нарисованную для шутки Сумароковымъ. Прощенъ Сумароковъ былъ только въ 1802 году (Памятная книжка Тобольской губерніи на 1884 г. Составлена А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ и К. М. Голодниковымъ. Тобольскъ. 1884, стр. 287) и съ тѣхъ поръ до самой смерти жилъ въ своей тульской деревнѣ.

Начало литературной дѣятельности Сумарокова относится къ 1786 году, когда въ журналѣ Лѣкарство отъ скуки и заботъ (ч. I, стр. 188) появилась его первая эпиграмма. Послѣ того онъ печаталъ свои стихи въ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени (1795 г.), въ Аонидахъ (1798—1799 гг.) и въ Журналѣ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія (1802 г.), который и редактировалъ въ первый годъ изданія. Въ 1804 году Сумароковъ, по просьбѣ Карамзина, принялъ на себя редакцію Вѣстника Европы, но въ слѣдующемъ же году передалъ ее М. Т. Каченовскому. Сочиненія Сумарокова были изданы дважды. Первое изданіе, подъ заглавіемъ: „Собраніе нѣкоторыхъ сочиненій, подражаній и переводовъ“, напечатано въ Москвѣ въ 1799—1808 гг., въ двухъ частяхъ, съ посвященіемъ „почтеннѣйшему русскому путешественнику“ (Карамзину). Второе изданіе вышло въ Петербургѣ въ 1832 году, подъ заглавіемъ „Стихотворенія П. Сумарокова“. Изданіе это заключаетъ въ себѣ сказки, басни, поэму „Амуръ, лишенный зрѣнія“ (ср. П. собр. соч. кн. Вяземскаго, ч. VIII, стр. 272) и разныя стихотворенія, въ числѣ которыхъ находится „Ода въ громко-нѣжно-нелѣпо-новомъ вкусѣ“, съ слѣдующимъ предисловіемъ автора: „Къ сочиненію сего вздора подали мнѣ мысль нѣкоторые изъ новыхъ нашихъ стиходѣевъ, изъ коихъ одни желаютъ подражать Горацію нашему, г. Д....ну, и другіе К....ну и Д.....ву, но какъ, вмѣсто вкуса и таланта, имѣютъ они только непреодолимую

охоту марать бумагу, то и пишутъ точно такую чепуху, какую читатель найдетъ въ сей одѣ, если будетъ имѣть терпѣніе ее прочитать“ (стр. 127). Изданію 1832 г. предпосланъ очеркъ жизни П. П. Сумарокова. Какъ издатель, Сумароковъ извѣстенъ слѣдующими трудами: 1) Библіотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная въ пользу и удовольствіе всякаго званія читателей. Тобольскъ. 1793—1794, въ 12-ти частяхъ (Истор. разысканіе о русск. поврем. изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., А. Н. Неустроева; Памятн. книжка Тобольской губерніи на 1884 г., стр. 319—340); 2) Источникъ здравія или словарь всѣхъ употребляемыхъ снѣдей, приправъ и напитковъ изъ трехъ царствъ природы извлекаемыхъ.... М. 1800; изд. 2-е. М. 1808; 3) Испытанный способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ и богатымъ.... 3 части. М. 1809—1810. До послѣдняго времени Сумароковъ считался издателемъ выходившаго въ Тобольскѣ журнала Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену (1789—1791), но изъ архивныхъ данныхъ, обнародованныхъ А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, оказывается, что журналъ этотъ издавался на средства Тобольскаго приказа общественнаго призрѣнія, Сумароковъ былъ только сотрудникомъ, а редакція лежала на обязанности учителей Тобольскаго главнаго народнаго училища (Памятн. кн. Тоб. губ. на 1884 г., стр. 274).

Вниманіе Батюшкова было обращено на Панкратія Сумарокова, вѣроятно, давними отношеніями послѣдняго къ Карамзину, съ которымъ Сумароковъ былъ сослуживцемъ по Преображенскому полку, и въ которомъ знаменитый писатель признавалъ нѣкоторый талантъ и находилъ въ его стихахъ „много шутливаго и забавнаго“ (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 115). Согласно съ этимъ отзывомъ и князь Вяземскій на первыхъ страницахъ своей записной книжки (П. собр. соч., т. VIII, стр. 3) называетъ Сумарокова „удачнымъ подражателемъ Богдановича въ каррикатурныхъ изображеніяхъ, коренной принадлежности русскаго ума“.

— (Стр. 338). Подъ изданіемъ Жуковскаго и Кавелина Батюшковъ разумѣетъ Собраніе русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ россійскихъ и изъ многихъ русскихъ журналовъ, изданное Василіемъ Жуковскимъ. 5 частей. М. 1810—1811. Изданіе это представляетъ собою первый опытъ сборника русскихъ стихотворныхъ произведеній. Въ первыхъ двухъ томахъ помѣщены стихотворенія лирическія (оды, пѣсни, романсы и небольшія баллады); третій томъ содержитъ въ себѣ повѣсти (къ которымъ отнесены и большія баллады), сказки и басни; въ четвертомъ томѣ помѣщены сатиры, посланія, элегіи, идилліи, дидактическія и описательныя стихотворенія, а въ пятомъ—смѣсь, къ которой отнесены эпиграммы, мадригалы, эпитафіи, надписи, отрывки изъ эпическихъ и драматическихъ произведеній и наконецъ такія стихотворенія, кои по содержанію своему не принадлежатъ ни къ какому особенному роду поэзіи. Взглядъ, которымъ Жуковскій руководствовался при выборѣ стихотвореній, онъ высказываетъ въ предисловіи къ „Собранію“ слѣдующими словами: „Всему превосходному, слѣдовательно, всему лучшему въ произведеніяхъ классическихъ русскихъ поэтовъ назначили мы въ нашемъ изданіи почетное мѣсто; но вмѣстѣ съ стихо-

твореніями первой степени старались мы не забыть и такихъ, которыя, не имѣя превосходства отличнаго, съ нѣкоторыхъ однако сторонъ заслуживаютъ вниманіе нашихъ читателей; съ именами, ознаменованными славою, желали мы соединить и имена неизвѣстныя, то-есть, имена такихъ поэтовъ, которые, написавъ весьма немного, но это немногое съ дарованіемъ, не получили еще достаточнаго права на славу; или имена такихъ поэтовъ, которые по множеству произведеній своихъ заслужили одно незавидное наименованіе писателей о б и л ь н ы х ъ и въ нѣкоторыхъ только отрывкахъ показали нѣсколько дарованія. Сообразно съ этимъ правиломъ, все выходящее изъ границы посредственнаго, то-есть, или написанное слогомъ пріятнымъ, съ легкостью и имѣющее нѣкоторую привлекательную живость, или, не смотря на грубый слогъ, отличающееся высокостію мыслей и силою чувства, ощутительныхъ подъ корою грубаго слога; острая эпиграмма, пріятная басня—единственное произведеніе поэта неизвѣстнаго или единственно хорошее между произведеніями поэта плодовитаго—должны имѣть право гражданства въ нашемъ „Собраніи“: ибо намѣреніе наше состояло не въ томъ, чтобы соединить одни превосходнѣйшія произведенія стихотворцевъ классическихъ, но въ томъ, чтобы издать в с ѣ вообще стихотворенія, почему-либо заслуживающія не быть пренебреженными отъ публики“.

Батюшковъ, въ письмѣ къ Гнѣдичу изъ Москвы, отъ апрѣля 1811 г., объяснялъ намѣренія Жуковскаго слѣдующимъ образомъ: „Кстати объ изданіи Жуковскаго. Скажу тебѣ, что его здѣсь бранятъ безъ милосердія. Но согласись со мною: если выбирать истинно хорошее, то нельзя собрать и одного тома. Если хотѣть дать понятіе о состояніи нашей словесности, то какъ дѣлать иначе? Печатать и Шишкова, и Долгорукова, и другихъ. Впрочемъ, эти книги суть истинный подарокъ любителямъ свѣтскимъ и намъ, писателямъ, какъ для справокъ, такъ и для чтенія. Лучшая сатира на Шишкова, какую кто-либо могъ сдѣлать, находится въ этомъ собраніи, то-есть, его стихи, его собственные стихи, которые ниже всего посредственнаго“ (т. III, стр. 121).

Причины порицаній, которымъ подверглось изданіе Жуковскаго, были разныя, болѣе же всего, конечно, самолюбіе авторовъ, произведенія которыхъ не попали въ „Собраніе“, или попали въ маломъ числѣ. Извѣстно однако, что Державинъ (которому планъ изданія былъ сообщаемъ предварительно) остался недоволенъ Жуковскимъ именно за то, что онъ взялъ слишкомъ много изъ его сочиненій (подробности объ этомъ см. въ Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. VI, стр. 208—211, 849; т. VIII, стр. 940—942). Гнѣдичъ удивлялся, что въ первые томы „Собранія“ Жуковскій не помѣстилъ ничего изъ стихотвореній Батюшкова, „будучи съ нимъ знакомъ“,—на что послѣдній далъ впрочемъ обстоятельный отвѣтъ (т. III, стр. 120). Въ числѣ недовольныхъ „Собраніемъ“ оказался и И. И. Дмитріевъ, но по особымъ причинамъ. Жуковскій задумалъ свое изданіе еще около 1807 года, и тогда же представлялъ планъ своего изданія, то-есть, перечень имѣющихъ войдти въ него стихотвореній, на судъ Дмитріева; Дмитріевъ, только что получившій французскій сборникъ „Petite encyclopédie poétique“, въ которомъ собраны были „лучшія стихотворенія отъ поэмы до дистиха“, и помѣщено „при каждомъ родѣ наставленіе“, совѣтовалъ издателю русскаго „Собранія“ перевести эти наставленія, самый же под-

боръ стихотвореній въ программѣ Жуковскаго вполнѣ одобрилъ (Р. Арх. 1871 г., ст. 411, 415); Жуковскій согласился было прибавить и наставленія (тамъ же, ст. 416), но впослѣдствіи раздумалъ, и потому въ 1809 г., еще до выхода „Собранія" въ свѣтъ, Дмитріевъ писалъ по этому поводу А. И. Тургеневу: „Любезный, но крайне увалчивой Жуковской, собирая года три свою христоматію, обѣщая къ каждому роду стихотворенія написать краткое наставленіе, которое могъ бы онъ, не ломая головы своей, перевести изъ „Petite encyclopédie poétique", кончилъ все это тѣмъ, что печатаетъ сборъ всякой всячины. Тутъ вы найдете и пѣвцовъ, и птенцовъ" (Р. Арх. 1867 г., ст. 1078—1079). Это свое мнѣніе Дмитріевъ не скрылъ впрочемъ и отъ самого издателя, благодаря его въ 1811 г. за присланныя книги, онъ прибавилъ: „Хотя вы не слишкомъ разборчивы были въ выборѣ піесъ, но тѣмъ не менѣе оказали, конечно, услугу любителямъ русской словесности" (Р. Арх. 1871 г., ст. 417). Печатно высказалъ нѣсколько замѣчаній по поводу „Собранія" кн. Вяземскій въ Вѣстникѣ Европы 1810 г. (ср. П. собр. соч. его, т. I, стр. 1—2).

Въ 1815 году, въ Москвѣ была напечатана шестая часть „Собранія русскихъ стихотвореній", служащая дополненіемъ къ изданію Жуковскаго, съ слѣдующимъ предисловіемъ: „Г. Жуковскій, издатель „Собранія русскихъ стихотвореній", оказалъ большую услугу любителямъ русской поэзіи. Знатоки, отдавая справедливость его разборчивому вкусу, жалѣютъ, что онъ въ „Собраніи лучшихъ русскихъ стихотвореній" по скромности не помѣстилъ произведеній собственной своей музы. Мы напечатали избраннѣйшія изъ его сочиненій и переводовъ, прибавя къ нимъ для разнообразія нѣсколько старыхъ піесъ, которыя не вошли въ планъ прежняго изданія, и нѣсколько новыхъ, которыя показались въ свѣтъ по напечатаніи уже „Собранія русскихъ стихотвореній". Издатель дополненія, помѣстя оду „Богъ", псаломъ „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ", отрывки изъ „Владиміра", „Тавриды" и нѣсколько эклогъ Сумарокова, исполняетъ желаніе просвѣщенной публики". Подъ предисловіемъ выставлена дата: „С.-Петербургъ. 1811 года, ноября 25-го дня" и слѣдующая подпись издателя: „Пожилой любитель отечественной словесности". Изъ словъ Батюшкова оказывается, что подъ этимъ псевдонимомъ слѣдуетъ разумѣть Дмитрія Александровича Кавелина (род. въ 1780 г., ум. въ 1851), пріятеля Жуковскаго и, подобно ему, питомца Московскаго благороднаго пансіона (Шевыревъ, Ист. Моск. унив., стр. 266). Біографическія свѣдѣнія о Кавелинѣ см. въ Вѣстникѣ Европы за 1885 г., № 6, въ статьѣ объ его сынѣ, извѣстномъ писателѣ К. Д. Кавелинѣ, также въ „Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I", М. И. Сухомлинова, и въ книгѣ В. В. Григорьева: Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія. С.-Пб. 1870. Въ молодости своей Кавелинъ занимался литературой. Стихотворенія его встрѣчаются въ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени (1795—1797) и въ Аонидахъ (1796). Пѣсни Кавелина пользовались въ свое время даже нѣкоторою извѣстностію (С. П. Жихаревъ, Записки современника. I. Дневникъ студента, стр. 260). Кромѣ того, во время войны 1812 года Кавелинымъ напечатано нѣсколько патріотическихъ солдатскихъ пѣсенъ на отдѣльныхъ листкахъ. Впослѣдствіи Кавелинъ, по предложенію Жуковскаго, былъ

принятъ въ члены Арзамаса. Вигель, въ своихъ „Воспоминаніяхъ", характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: „Гораздо старѣе Жуковскаго, онъ однакожь учился съ нимъ вмѣстѣ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, который оставилъ онъ нѣсколько годовъ прежде его. Онъ принадлежалъ къ партіи Сперанскаго, находился подъ покровительствомъ и въ тѣсной дружбѣ съ Магницкимъ. Онъ никогда не былъ выскочкою, держалъ себя тихо, скромно, удалялся отъ общества, оттого, можетъ быть, не увлеченъ былъ ихъ паденіемъ и сохранялъ значительное мѣсто директора медицинскаго департамента. Но безъ нихъ онъ какъ бы осиротѣлъ и, какъ кажется, желалъ составить новыя связи, пристать къ чему-нибудь, къ кому-нибудь. Придравшись къ прежнему соученичеству, онъ очень ласкался къ Жуковскому и предложилъ ему печатать его сочиненія въ типографіи своего департамента [1]). Онъ былъ человѣкъ весьма не глупый, съ познаніями, что-то написалъ, казался весьма благоразумнымъ, ко всѣмъ былъ привѣтливъ, а не знаю, какъ-то ни у кого сердце не лежало къ нему. Дѣйствующее лицо безъ рѣчей, онъ почти всегда молчалъ, неохотно улыбался и между нами былъ совершенно лишній. Жуковскій наименовалъ его Пустынникомъ" (Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. V, стр. 43—44). Болѣе рѣзкій отзывъ о Дм. А. Кавелинѣ далъ другой его современникъ, А. Ѳ. Воейковъ, въ своемъ „Домѣ сумасшедшихъ" (Р. Стар. 1874 г., т. IX, стр. 588).

— (**Стр. 338**). Павелъ Александровичъ Никольскій—лицо очень мало извѣстное въ литературѣ, даже и въ свое время, но Батюшковъ зналъ Никольскаго лично и, вѣроятно, цѣнилъ его способности, почему и внесъ его въ свой списокъ противниковъ Шишкова. П. А. Никольскій былъ сынъ Ал. Сем. Никольскаго, члена Россійской академіи, напечатавшаго нѣсколько переводовъ. П. Никольскій родился въ 1791 г., учился въ горномъ корпусѣ и потомъ пополнилъ свое образованіе домашними занятіями: овладѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и италіянскимъ языками на столько, что занимался переводами съ нихъ, а года за три до своей смерти сталъ изучать и языки классическіе. Такимъ образомъ онъ подготовлялъ себя къ литературной дѣятельности. Теорія словесности обращала на себя особенное его вниманіе, почему онъ и занялся изученіемъ Квинтиліана, Блера, Батте, Зульцера, Лагарпа и другихъ. Въ 1810 году, послѣ смерти Беницкаго, Никольскій вмѣстѣ съ А. Е. Измайловымъ издавалъ журналъ Цвѣтникъ, въ которомъ помѣщены многіе его переводы и рецензіи. Въ 1812 г., въ качествѣ члена Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, онъ участвовалъ въ Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ; здѣсь печатались его переводы восточныхъ повѣстей, напоминавшихъ по содержанію и языку повѣсти Беницкаго. Сверхъ того, Никольскій перевелъ двѣ части Лесажева „Жильблаза" и съ англійскаго—около половины „Векфильдскаго священника". Отрывокъ изъ „Жильблаза" былъ напечатанъ уже по смерти переводчика въ Благона-

[1]) Типографія эта была одна изъ лучшихъ въ Петербургѣ. Стихотворенія Жуковскаго вышли въ 1815—1816 гг., въ 2-хъ частяхъ. Изданіе изящно и украшено виньеткой А. Н. Оленина.

мѣренномъ 1818 г., ч. I., стр. 237. Впослѣдствіи братъ покойнаго, Аполлонъ Александровичъ, докончилъ переводъ „Жильблаза“ и напечаталъ его въ 8-ми частяхъ въ 1819—1821 гг. (Сынъ Отеч. 1819 г., ч. 53, № 17, стр. 239; ч. 55, № 32, стр. 276). Въ 1814 году Никольскій предпринялъ изданіе „Пантеона русской поэзіи“, котораго вышло 6 частей или 12 книгъ, заключающихъ въ себѣ собраніе лучшихъ русскихъ стихотвореній во всѣхъ родахъ, при чемъ піесы расположены въ каждой книгѣ систематическимъ порядкомъ. Нѣкоторыя стихотворенія доставлены были издателю отъ авторовъ съ поправками; другія, какъ напримѣръ, „Мои пенаты“ Батюшкова, напечатаны здѣсь въ первый разъ. Никольскій въ теченіе 1814—1815 гг. успѣлъ выпустить только семь книгъ „Пантеона“; книги же 8-я, 9-я и 10-я хотя и были приготовлены имъ къ печати, но вышли въ свѣтъ въ 1816 году, уже по смерти его. Изданіе же послѣднихъ двухъ книгъ, сдѣланное другомъ покойнаго, А. Е. Измайловымъ, относится къ 1817 г. Никольскій имѣлъ въ виду сдѣлать со временемъ второе изданіе „Пантеона“ по примѣру „Petite encyclopédie poétique“, расположивъ стихотворенія по родамъ, съ пріобщеніемъ теоріи каждаго рода поэтическихъ произведеній. Никольскому нужно еще приписать помѣщенное въ Сынѣ Отечества 1814 г., ч. 11, № 6, стр. 244—251, письмо въ Лондонъ, будто бы переведенное съ англійскаго. Анонимный авторъ этого письма, основываясь на видѣнномъ имъ въ Петербургѣ представленіи „Аталіи“, высказываетъ свое мнѣніе о русскомъ театрѣ. Онъ находитъ постановку піесы въ высшей степени безобразною, но восхищается Семеновою; про другихъ же исполнителей отзывается такъ: „Необыкновенный ростъ, необыкновенная борода, необыкновенный крикъ и необыкновенныя кривлянья—вотъ все, что нашелъ я въ нихъ достойнымъ примѣчанія... Замѣчу однакожь, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ и необыкновенныя способности, чтобъ быть хорошими актерами“. Корень зла, по мнѣнію автора, заключается въ томъ, что русскіе актеры не получаютъ никакого образованія, искусствомъ своимъ занимаются какъ ремесломъ и чуждаются просвѣщеннаго общества. Въ отвѣтъ на эту статью появилось „Письмо отставнаго россійскаго актера изъ С.-Петербурга въ Петрозаводскъ къ другу его NN“ (Сынъ Отеч., ч. XII, № 11, стр. 145—153), въ которомъ авторъ пытается, но неудачно, защитить русскій театръ и въ то же время обнаруживаетъ недоброжелательство къ Семеновой. Въ слѣдующемъ же нумерѣ Сына Отечества Никольскій, уже за своею подписью, помѣстилъ „Замѣчанія на письмо отставнаго актера“, съ слѣдующимъ эпиграфомъ изъ басни Крылова:

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться.

Никольскій умеръ въ Петербургѣ въ 1816 году (Сынъ Отеч. 1816 г., ч. 33, № 40, стр. 67); по смерти его въ печати появились двѣ его переводныя статьи: „Любитель словесности“ (Сынъ Отеч. 1816 г., ч. 33, № 43) и „О поэзіи вообще“, изъ Блера (ibid. 1817 г., ч. 38, № 26; ч. 39, № 27). Н. И. Гречъ, бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ Никольскимъ, въ своихъ воспоминаніяхъ такимъ образомъ характеризуетъ его, какъ писателя: „Когда вспомню о Никольскомъ, о смѣлыхъ, здравыхъ и свободныхъ отъ вся-

каго предразсудка мысляхъ его въ литературѣ; когда приведу себѣ на память его сужденія о писателяхъ, тогда намъ современныхъ, а нынѣ выслушивающихъ приговоръ потомства,—тогда мнѣ кажется, что нынѣшніе лучи проистекли отъ искры, таившейся въ душѣ сего необыкновеннаго юноши. Не знаю, былъ ли бы онъ самъ производителемъ, но увѣренъ, что русская литература имѣла бы въ немъ нынѣ своего Джонсона, Лессинга, Шлегеля, что его ясный, критическій, безпристрастный умъ былъ бы лучезарнымъ свѣтиломъ въ тусклой храминѣ нашей словесности" (Сочиненія Н. Греча, изд. А. Смирдина, т. III, стр. 406). (**В. С.**).

— (**Стр. 338**). Предположивъ посвятить, въ своемъ очеркѣ новой русской литературы, особый параграфъ Вѣстнику Европы послѣ того, какъ Карамзинъ оставилъ его редакцію, а Каченовскій сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ журналѣ, Батюшковъ, очевидно, придавалъ важное и полезное значеніе въ тогдашнемъ литературномъ движеніи этому періодическому изданію, и въ частности — журнальной дѣятельности М. Т. Каченовскаго (1775 — 1842). Это вполнѣ подтверждаютъ письма нашего поэта, гдѣ нерѣдко встрѣчаются отзывы о Каченовскомъ, большею частью сочувственные; Батюшковъ осуждалъ въ немъ только неблагопріятное отношеніе къ историческимъ трудамъ Карамзина. Подробности объ этомъ предметѣ см. въ вводной статьѣ къ настоящему изданію.

— (**Стр. 338**). Заслуживаетъ вниманія мысль Батюшкова, что особыя „интересныя" статьи могутъ быть посвящены нѣкоторымъ писателямъ, каковы: Радищевъ, Пнинъ, Беницкій и Колычевъ. Двое первыхъ дѣйствительно имѣютъ довольно много общаго между собою по направленію своей мысли: оба они воспитались подъ вліяніемъ освободительныхъ идей XVIII вѣка и въ первые годы нынѣшняго столѣтія, въ то время, когда Батюшковъ начиналъ свою литературную дѣятельность, пользовались большимъ уваженіемъ петербургской молодежи; придавалось значеніе мнѣніямъ Радищева и по вопросамъ собственно литературнымъ; что же касается Пнина, то онъ одинъ изъ первыхъ въ Петербургѣ выразилъ свое сочувствіе къ дѣятельности Карамзина. Обо всемъ этомъ и объ отношеніяхъ Батюшкова къ Радищеву и Пнину, котораго онъ зналъ лично, см. въ гл. III вводной статьи, предпосланной настоящему изданію; стихотвореніе нашего автора на смерть Пнина см. въ т. I, стр. 31—32. Ал. П. Беницкій принадлежалъ къ литературнымъ сверстникамъ Батюшкова при началѣ его писательской дѣятельности; свѣдѣнія о Беницкомъ см. выше, стр. 427—429: Батюшковъ въ письмахъ къ Гнѣдичу не разъ выражаетъ сожалѣніе о его преждевременной болѣзни и преждевременной кончинѣ. О стихотворцѣ Евгеніѣ Колычевѣ извѣстно весьма мало. С. П. Жихаревъ упоминаетъ о немъ, какъ объ одномъ изъ молодыхъ московскихъ писателей, имѣвшихъ нѣкоторый успѣхъ въ свое время. (Записки современника, I. Дневникъ студента, стр. 44; Дневникъ чиновника, въ Отеч. Запискахъ 1855 г., № 8, стр. 387). Колычевъ печаталъ свои стихи въ С.-Петербургскомъ Журналѣ, который издавалъ въ 1798 году Пнинъ. Не знаемъ, объ этомъ ли Колычевѣ говоритъ Вигель, описывая своихъ сослуживцевъ по Московскому архиву иностранной коллегіи (Воспоминанія, ч. I, стр. 176).

— (**Стр. 339**). Баттё (Ch. Batteux, 1713—1780)—извѣстный авторъ „Cours de littérature“ и многихъ другихъ сочиненій. Бутервекъ (Fr. Bouterweck, 1766—1822)—профессоръ нравственной философіи въ Геттингенскомъ университетѣ, извѣстный многими сочиненіями по философіи и литературѣ. Эстетическія теоріи обоихъ этихъ писателей обстоятельно изложены С. П. Шевыревымъ въ его книгѣ: Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. М. 1836 Бутервекъ написалъ также исторію новой европейской литературы, которая по нѣмецки издана была въ 1801—1819 гг., а вслѣдъ затѣмъ появилась и во французскомъ переводѣ: „Histoire de la poësie et de l'éloquence chez les peuples modernes“. Батюшковъ зналъ это сочиненіе (т. III, стр. 423), и указаніе на него нужно прибавить къ сдѣланному нами на стр. 459 перечню пособій, которыми нашъ авторъ пользовался при изученіи италіянской литературы.

— (**Стр. 339**). „Tout vouloir est d'un fou“—афоризмъ Вольтера изъ его посланія къ Гельвецію.

— (**Стр. 340**). Въ первой строфѣ „Видѣнія мурзы“ (Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. I, стр. 157) приведенный Батюшковымъ стихъ читается такъ:

На темноголубомъ эфирѣ...

— (**Стр. 341—343**). Съ сочиненіями Лукіана Батюшковъ могъ быть знакомъ по ихъ французскимъ переводамъ, которыхъ два появилось почти одновременно, съ 1788 по 1793 г.; одинъ былъ сдѣланъ аббатомъ Масьё (Massieu) а другой—членомъ академіи надписей Беленомъ де-Баллю (Belin de Ballu) Съ послѣднимъ изъ названныхъ переводчиковъ Батюшковъ могъ быть знакомъ и лично, такъ какъ Белепъ де-Баллю жилъ въ Россіи: въ декабрѣ 1803 г. онъ поступилъ профессоромъ греческой словесности въ Харьковскій университетъ, а въ 1811 г. переведенъ въ томъ же званіи въ педагогическій институтъ и умеръ въ Петербургѣ въ 1815 г. Батюшковъ могъ встрѣчаться съ этимъ ученымъ эллинистомъ у С. С. Уварова. Некрологъ Б. де-Баллю помѣщенъ въ выходившей въ Петербургѣ газетѣ Le Conservateur Impartial 1815 г., № 50.

— (**Стр. 344—347**). Цитаты изъ Ломоносова приведены по изданію его сочиненій 1803 г., въ 8-ку: изъ слова о химіи—ч. III, стр. 15—17, 20, 45, изъ слова о рожденіи металловъ—ч. III, стр. 202—203.

— (**Стр. 347**). Цитата изъ „Рене“ Шатобріана взята изъ того мѣста этой повѣсти, гдѣ Рене разсказываетъ отцу Суелю и Шактасу свое прошлое.

— (**Стр. 350—352**). Лукреція Батюшковъ читалъ въ переводѣ Марчетти: Tito Lucrezio Caro della natura delle Cose libri sei tradotti da Alessandro Marchetti. Переводъ этотъ имѣлъ нѣсколько изданій въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Батюшковъ дѣлаетъ извлеченіе изъ индекса къ этому переводу.

— (Стр. 353—355). Первыя двѣ выписки изъ „Grandeur et décadence des Romains“ Монтескье взяты изъ гл. XII, третья—изъ гл. XVIII-й, четвертая—изъ гл. XXIII-й.

— (Стр. 356). Стихи Державина взяты изъ 5-й строфы „Приглашенія къ обѣду“ (Соч., 1-е акад. изд., т. I, стр. 668).

— (Стр. 356—357). Баронъ Кроссаръ, французскій эмигрантъ, оставившій свое отечество въ 1791 году и служившій сперва въ арміи принцевъ, потомъ въ голландской, а въ 1796 г. перешедшій въ австрійскую службу; съ 1812 г. по 1814 онъ находился въ русской службѣ и получилъ чинъ генералъ-маіора; по возстановленіи Бурбоновъ возвратился въ отечество и въ 1829 г. издалъ, въ шести томахъ, Mémoires militaires et historiques pour servir à l'histoire de la guerre depuis 1792 jusqu'en 1815 inclusivement. Изъ этихъ записокъ дѣйствительно видно, что онъ любилъ подавать совѣты разнымъ военноначальствующимъ. Описывая, въ томѣ V-мъ, военныя событія въ Богеміи въ августѣ 1813 г., Кроссаръ называетъ Раевскаго „храбрымъ и искуснымъ“ генераломъ.

— (Стр. 358). Выписка изъ Сенеки по переводу Лагранжа, т. I, стр. 486: Lettre LXXIX: Description de Scylla, de Charibde et du Mont Etna. Les Sages sont égaux entre eux.

— (Стр. 359—360). Двѣ выписки изъ Сенеки по переводу Лагранжа, т. I, первая—стр. 95—96, изъ письма XIX: Des avantages du répos; вторая и третья—стр. 103—105, изъ письма XXI: Sur la vraie gloire du Philosophe.

— (Стр. 361). Александръ Андреевичъ Петровъ (род. въ началѣ 1760-хъ годовъ, ум. въ 1793 г.), воспитанникъ Московскаго университета, впослѣдствіи членъ Дружескаго ученаго общества въ Москвѣ, былъ другомъ Карамзина, который признавалъ въ немъ своего руководителя и по смерти Петрова посвятилъ его памяти статью „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“, а впослѣдствіи (въ 1803 г.) изобразилъ его характеръ въ лицѣ Леонида въ статьѣ „Чувствительный и холодный“. Въ Русскомъ Архивѣ 1863 и 1866 гг. напечатаны важныя для характеристики обоихъ друзей письма Петрова къ Карамзину, относящіяся къ 1785—1792 гг. О Петровѣ см. статью М. Н. Лонгинова въ Сборникѣ литературныхъ статей, посвященныхъ памяти А. Ф. Смирдина, т. IV; здѣсь указаны и литературные труды Петрова.

— (Стр. 363). Выписка изъ Сенеки по переводу Лагранжа, т. II, стр. 96: Lettre LXXXVIII: Des Arts libéraux, et de ce qu'il faut en penser.

— (Стр. 363—366). Выписки изъ Лонгина приведены по переводу Ив. Ив. Мартынова: О высокомъ или величественномъ. Твореніе Діонисія Лонгина. Переводъ съ греческаго, съ примѣчаніями переводчика. С.-Пб. 1803. Выписанъ заголовокъ гл. 31-й, и затѣмъ цѣликомъ главы 32-я и 33-я.

Извѣстный переводчикъ греческихъ классиковъ Иванъ Ивановичъ Мартыновъ (род. въ 1771 г., умеръ въ 1833) былъ лично знакомъ Батюшкову съ тѣхъ

поръ, какъ послѣдній въ 1802 г. поступилъ на службу подъ его начальство въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Нѣсколько замѣчаній Батюшкова о Мартыновѣ см. въ письмахъ къ Гнѣдичу въ т. III, стр. 16 и 35, письмо къ нему самому—тамъ же, стр. 473—474.

— (**Стр. 366**). Изъ переписки и записокъ Державина видно, что въ числѣ его знакомыхъ и сослуживцевъ по межевому департаменту былъ сенаторъ Семенъ Александровичъ Неплюевъ; въ одномъ письмѣ къ Капнисту, отъ 4-го августа 1803 г., Державинъ, уже уволенный отъ должности министра, называетъ этого Неплюева, съ которымъ имѣлъ служебныя столкновенія, „велемудрымъ“ (Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. VI, стр. 143).

— (**Стр. 369**). Сдѣланный Батюшковымъ переводъ слова митрополита Платона напечатанъ былъ, подъ приведеннымъ въ текстѣ заглавіемъ, въ 1801 году въ Петербургѣ, „à l'imprimerie du Gouvernement“, и составляетъ брошюру въ 16 страницъ въ малую восьмушку. Объ изданіи этого перевода четырнадцатилѣтній переводчикъ, 11-го ноября 1801 года, писалъ отцу слѣдующее: „Въ свободное время переводилъ я рѣчь Платона, говоренную на случай коронаціи; а какъ она понравилась Платону Аполлоновичу, то онъ и хочетъ ее отдать напечатать. Къ оной присоединилъ и посвятительное письмо Платону Аполлоновичу, которое, такъ и рѣчь, были поправлены Иваномъ Антоновичемъ“ (т. III, стр. 2). О. П. А. Соколовѣ и Ив. Ант. Триполи см въ вводной статьѣ къ настоящему изданію, гл. II.

ДОПОЛНЕНІЯ.

XXVII.

Моровая зараза во Флоренціи.

(Изъ Боккачьо).

Въ 1338 году по Рождествѣ Христовомъ, во Флоренціи, одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ Италіи, показалась ужасная моровая зараза, въ наказаніе за грѣхи наши правосуднымъ небомъ посланная. За нѣсколько предъ тѣмъ годовъ, она появилась въ странахъ восточныхъ: тамъ, погубивъ несчетное множество народа, не останавливаясь нигдѣ, изъ края въ край разливалась и, наконецъ, пришла на западъ. Не смотря на предосторожности и на всю человѣческую прозорливость, въ началѣ весны 48-го года, страшнымъ, чудеснымъ образомъ начала свои опустошенія. Напрасно градоначальники очищали Флоренцію; напрасно входъ въ оную воспрещенъ былъ зараженнымъ, и всѣ пособія искусства врачебнаго для сохраненія здравія истощены въ городѣ и въ окрестностяхъ; напрасно безпрестанныя моленія возносились къ небесамъ и крестные ходы совершались благочестивыми людьми и служителями церкви! [1])

[1]) На востокѣ признаки ея были отличны отъ здѣшнихъ. Тамъ кровотеченіе изъ носу было непреложнымъ, вѣстникомъ смерти. Здѣсь у мужчинъ и жен-

Ни искусство лѣкарей, ни лѣкарства не могли принести исцѣленія сему недугу. Свойство ли самой заразы противилось врачеванію, или невѣжество врачей, не умѣвшихъ истребить начала оной, только число страждущихъ умножалось безпрестанно. Къ несчастію, кромѣ тѣхъ, кои посвятили себя врачебной наукѣ, многіе мужчины и женщины, не имѣя ни малѣйшаго понятія о лѣкарствахъ, брались за лѣченіе: малое число избѣжало неминуемой гибели! Почти всѣ на третій день (кто ранѣе, кто позже) по открытіи смертельныхъ признаковъ, безъ малѣйшей лихорадки или другихъ недуговъ, лишались и силъ, и жизни. Зараза безпрестанно усиливалась. Она сообщалась здоровымъ съ чудесною быстротою, какъ огонь захватываетъ сухія или горючія вещества. Не только разговоръ или обращеніе съ больными, но даже малѣйшее прикосновеніе къ ихъ одеждамъ, къ тѣмъ вещамъ, которыя прошли чрезъ ихъ руки, сообщало болѣзнь и смерть. Чудесное дѣло я долженъ объявить вамъ! Если бы другіе, и съ ними я самъ, не были тому очевидцами, то не только, не осмѣлился написать, едва повѣрилъ бы даже свидѣтельству человѣка, достойнаго уваженія и правдиваго. Сила заразительная столь была ужасна, что одно прикосновеніе къ одеждамъ больнаго убивало звѣрей домашнихъ. Между прочимъ, я видѣлъ собственными глазами двухъ свиней, которыя, нашедъ на площади рубище зараженнаго, по обыкновенію своему начали оборачивать добычу и

щинъ въ началѣ рождались или въ пахахъ, или подмышкой нѣкоторые наросты, у иныхъ съ обыкновенное яблоко, у другихъ съ яйцо: иногда менѣе, иногда болѣе По образованіи сихъ нарывовъ, повсюду равномѣрно опасныхъ, начиналась разливаться матерія; появлялись то черныя, то желтыя пятна вдоль рукъ, лядвій и по другимъ частямъ тѣла; у иныхъ въ большемъ видѣ, но рѣдкія; у иныхъ малыя, но весьма частыми гнѣздами: и нарывы, и пятна сіи были знаками смерти.

трясти въ челюстяхъ; но вдругъ закружились, какъ будто отравленныя сильнымъ ядомъ, упали и издохли.

Отъ сихъ зрѣлищъ и тому подобныхъ ужасовъ родились различные страхи и ожесточили сердца. Почти всѣ хотѣли убѣгать больныхъ и не касаться вещей, имъ принадлежащихъ. Иные, полагая, что жизнь умѣренная есть лучшее средство отъ заразы, собирались въ малыя общества и заключались въ домахъ своихъ, прерывали сношенія съ городомъ, употребляя съ умѣренностію легкую, здоровую пищу и отборныя вина. Другіе, противнаго тому мнѣнія, утверждая, что пьянство и веселіе, удовлетвореніе прихотливости и страстей, наконецъ веселое презрѣніе смерти, суть лучшія предохраненія отъ заразы, проводили дни и ночи въ пьянствѣ неумѣренномъ, въ смѣхѣ и пляскѣ, посѣщая то одну, то другую гостинницу, а всего чаще домы и общества совершенно незнакомые. И легко было сіе дѣлать: каждый, полагая, что жить болѣе не долженъ, отъ себя и собственности отрекался. Многіе дома совсѣмъ запустѣли, и посторонній распоряжалъ въ нихъ какъ хозяинъ.

Посреди сихъ бѣдствій города нашего все уваженіе къ законамъ божественнымъ и человѣческимъ, изчезло. Сами блюстители законовъ или вымерли, или боролись со смертію, или, окруженные погибающимъ семействомъ, не въ силахъ были исправлять и легкую должность. Каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, что ему вздумалось: собственная воля была закономъ.

Многіе избирали середину изъ двухъ крайностей: не ограничивая себя ни въ питіи, ни въ яствахъ, не предавались вину и сладострастію, но удовлетворяя нуждамъ своимъ по обыкновенію, выходили изъ домовъ, нося въ рукахъ цвѣты, благовонныя травы и нюхая

крѣпкіе ароматы. Они увѣрены были, что ароматическій запахъ есть лучшій способъ укрѣплять мозговые нервы и предохраняетъ отъ заразы. Вся атмосфера отягощена была смрадомъ отъ умирающихъ и умершихъ и куреній лѣкарственныхъ. Иные и безъ причины, ища спасенія въ бѣгствѣ, съ жестокосердіемъ покидали сокровища, дома свои, родину, ближнихъ, друзей и въ края чужіе удалялись. Гнѣвъ Божій (говорили они убѣгая) не будетъ ихъ преслѣдовать: онъ весь обрушился на сей городъ, на тѣхъ, которые обитаютъ въ преступныхъ стѣнахъ Флоренціи; здѣсь ни одинъ не спасетъ себя отъ гибели; здѣсь каждый обреченъ смерти.

Разсуждая столь разнообразно, вначалѣ не всѣ умирали и не всѣ спасали себя отъ лютой язвы; но вскорѣ тѣ, которые будучи въ силахъ, не спѣшили на помощь болящимъ и подавали другимъ примѣръ гнуснаго жестокосердія, сами лежали безъ призрѣнія. Гражданинъ убѣгалъ гражданина, сосѣдъ не подавалъ руки помощи сосѣду, родственники или рѣдко, или никогда не посѣщали родственника: столь великій былъ ужасъ, столь опасность возрастала повсюду! Наконецъ, братъ покидалъ брата, дядя – племянника, сестра—брата, всего чаще жена — мужа своего. И что всего ужаснѣе, всего невѣроятнѣе, отцы и матери забывали дѣтей своихъ и уклонялись отъ нихъ, какъ отъ чуждыхъ! Между тѣмъ число больныхъ мужчинъ и женщинъ всякаго возраста и состоянія такъ увеличилось, что и помощь учинилась рѣдкою. Одни сострадательные и вѣрные друзья (таковыхъ было не много), одни корыстолюбивые слуги, и то за неимовѣрную цѣну подавали слабую помощь. Не привыкшіе ходить за больными, большею частію люди изъ послѣдняго состоянія, необразованные, грубые, оставались при одрѣ богатыхъ; вся услуга ихъ состояла

въ томъ, что они подавали, что больной требовалъ, или смотрѣли, какъ онъ умиралъ. Многіе изъ слугъ учинились жертвою корыстолюбія и сами съ золотомъ въ рукахъ погибали. Случалось, что покинутыя со всѣхъ сторонъ друзьями, ближними, родственниками, молодыя и прекрасныя женщины (дѣло не слыханное!) брали въ услуженіе мужчину стараго или молодого безъ разбору, и ему открывали тѣло свое, изнуренное болѣзнію. Таковыя женщины теряли стыдливость, лучшее украшеніе пола, и по выздоровленіи ихъ мы примѣтили вольность осудительную въ ихъ обращеніи.

И такъ, многіе погибали за неимѣніемъ помощи, и число умирающихъ днемъ и ночью возрастало болѣе и болѣе; страшно было слышать о немъ, не только быть очевидцемъ бѣдствій Флоренціи. Отъ сихъ несчастій послѣдовало во нравахъ великое измѣненіе. По древнему обычаю, который и понынѣ существуетъ, женщины, родственники и ближніе собираются въ домъ умершаго и съ дѣтьми его оплакиваютъ общую потерю. Къ нимъ присоединяются сосѣди, именитые граждане, и смотря по званію умершаго, въ большемъ или меньшемъ числѣ приходятъ служители алтаря; гробъ, окруженный пылающими свѣчами и факелами, при унылomъ пѣніи священниковъ, вносится въ церковь, имъ назначенную. Всѣ сіи обряды при ожесточеніи сердецъ измѣнились или уничтожились, или замѣнились другими. Многіе умирали безъ свидѣтелей, въ совершенномъ одиночествѣ, малое число удостоилось слезъ приближенныхъ и друзей. Часто на мѣсто плача и рыданій раздавался смѣхъ и дикая радость окружающихъ. Женщины, полагая, что веселіе есть лучшее лѣкарство, первыя забывали состраданіе, столь свойственное ихъ полу. Рѣдко видѣли мы, чтобы тѣло

покойника провожали десять или двѣнадцать человѣкъ изъ его ближнихъ. Не родственники, а наемные погребатели приходили за гробомъ, въ торопяхъ хватали его и скорыми шагами уносили не въ ту церковь, которую покойный назначилъ умирая, а въ ближайшую. Нѣсколько священниковъ, иногда четыре, иногда шесть (а чаще менѣе) провожали гробъ съ одною свѣчею, иногда вовсе безъ огня, безъ молитвъ, безъ пѣнія и, пришедъ на кладбище, бросали въ первую яму. Такова была участь богатыхъ: но простой народъ и люди средняго состоянія являли зрѣлище и болѣе плачевное! Удержанные нуждою или надеждою въ тѣсныхъ и душныхъ домахъ своихъ, они тысячами заражались въ одни сутки. Безъ помощи, безъ врачебныхъ пособій, они умирали безпрестанно; днемъ и ночью, на площади, на улицѣ настигала ихъ не отвратимая гибель. О смерти ихъ сосѣды узнавали по страшному смраду загнившихся труповъ. Однимъ словомъ, все умирало или умерло, и трупы валялись на трупахъ.

Болѣе страхъ, чтобы не умножилась зараза, нежели уваженіе къ мертвымъ, заставлялъ помышлять о погребеніи тѣлъ, лежащихъ у дверей и предъ окнами домовъ. Жители оныхъ сами, или съ помощію наемныхъ носильщиковъ, всечасно уносили покойныхъ, за недостаткомъ носилокъ бросали на столы. Случалось, что одинъ гробъ заключалъ троихъ и болѣе; случалось, что мужъ и жена, два или три брата, или отецъ съ сыномъ въ одномъ гробу уносились на кладбище. Священники, идущіе за покойнымъ съ распятіемъ въ рукахъ, встрѣчали носильщиковъ; тѣ примыкали къ нимъ съ гробами людей неизвѣстныхъ, и на мѣсто одного погребалось семь, восемь, а часто и болѣе. И ни слезы,

ниже малѣйшая скорбь не зрѣлась на лицахъ погребающихъ: ни дѣти, ни друзья не провожали усопшаго въ жилище вѣчное. Наконецъ, ожесточеніе столь было велико, что о людяхъ заботились столь же мало, какъ о животныхъ, погибающихъ въ лѣсахъ и пустыняхъ. Тѣламъ, выносимымъ ежеминутно, не достало священнаго мѣста въ оградѣ кладбища. За оградою изрывались глубокіе, пространные рвы, и покойники повергались въ оные десятками и сотнями. Подобно какъ на корабляхъ кладутъ товары, плотно одинъ на другой, такъ сперва опускался одинъ трупъ, на него бросали горсть земли,—тамъ другой, тамъ третій и такъ далѣе, доколѣ вся яма была наполнена!

Бѣдствія въ городѣ превзошли мѣру; но зараза не останавливалась и опустошала окрестности. Такъ и замки, и селы, и деревни достались ей на пожраніе. Въ бѣдныхъ хижинахъ, на распутіяхъ, посреди полей и нивъ своихъ несчастные земледѣльцы, лишенные всякой помощи врачебной, погибали цѣлыми семействами. Нравы ихъ, подобно городскимъ, развратились. И домъ, и дѣла сельскія были забыты. Встрѣчая каждый день, какъ послѣдній день жизни, не помышляли о трудахъ настоящихъ, не помышляли собирать плоды отъ трудовъ протекшихъ и спѣшили поглощать то, что у нихъ было предъ глазами. Волы, ослы, овцы, всѣ звѣри и птицы домашніе, самыя собаки, столь вѣрныя человѣку, изгнанныя изъ домовъ и хлѣвовъ, бродили тамъ и сямъ, посреди полей не дожатыхъ или не допаханныхъ. Влекомыя навыкомъ, онѣ сами собою возвращались ночью къ домамъ и крикомъ, и воемъ тревожили умирающихъ.

Скажу въ заключеніе: столь ужасенъ былъ гнѣвъ Божескій и отчасти ожесточеніе и виновная беззабот-

ливость людей, что съ марта до іюля погибло болѣе ста тысячъ въ стѣнахъ одной Флоренціи, а до сей ужасной эпохи никто не полагалъ, чтобъ и все число ея жителей было столь велико.

О, сколько великолѣпныхъ дворцовъ, огромныхъ домовъ дворянскихъ, замковъ, нѣкогда населенныхъ знаменитыми гражданами, красотою и юностію, внезапно опустошились заразою, и все въ нихъ, даже до послѣдняго слуги, вымерло! Сколько славныхъ поколѣній, богатыхъ наслѣдствъ и сокровищъ несмѣтныхъ осталось безъ наслѣдниковъ! Сколько людей достойныхъ, женщинъ прелестныхъ, юношей любезныхъ и образованныхъ, которыхъ бы Галліенъ и Иппократъ нашли въ полномъ и цвѣтущемъ здравіи, обѣдали по утру съ товарищами, родственниками, друзьями, а къ ночи, уже въ другомъ мірѣ, вечеряли съ праотцами!...

Примѣчанія дополнительныя [1]).

— (Стр. 1, прим. стр. 382). Заимствованіе изъ Ласепеда въ описаніи Финляндіи раньше А. Д. Галахова, еще въ 1843 году, было указано В. Г. Бѣлинскимъ (Соч., т. VIII, стр. 286): „Сказанное Ласепедомъ о Сѣверной Америкѣ Батюшковъ храбро приложилъ къ Финляндіи—и дѣло съ концомъ! Удивляться этому нечего: въ тѣ блаженныя времена подобныя заимствованія считались завоеваніями; ихъ не стыдились, но ими хвалились".

— (Стр. 11, прим. стр. 384). С. В. Руссовъ, въ своемъ журналѣ Воспоминанія 1832 г., № 1, стр. 1—34, помѣстилъ „Слово похвальное похвалamъ" и приложилъ къ нему списокъ шуточныхъ похвальныхъ словъ въ разныхъ литературахъ, подъ заглавіемъ: „Словарь предметовъ, почтенныхъ похвальными словами или по неприличію, или не по достоинству".

— (Стр. 20—21). Набросанная Батюшковымъ картина Кремля съ его памятниками русской старины есть, очевидно, подражаніе статьѣ М. Н. Муравьева „Древняя столица", гдѣ между прочимъ читаемъ: „Почтенныя развалины древности видятъ возвышающіяся подлѣ себя зданія новѣйшаго вкуса, и хижины не боятся сосѣдства великолѣпныхъ палатъ" и т. д. (П. собр. соч. М. Н. Муравьева, изд. 1819 г., т. II, стр. 402—404).

— (Стр. 22, прим. стр. 386). До чего доходила, въ первые годы нынѣшняго столѣтія, мода на Юнга, доказываетъ одинъ разсказъ С. П. Жихарева: въ концѣ 1805 года онъ присутствовалъ, въ Москвѣ, на кинетозографическомъ представленіи Робертсона, которое заключилось слѣдующимъ зрѣлищемъ: „Вы въ комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ, въ которой не видно зги, темно и мрачно, какъ въ могилѣ. Вдругъ вдали показывается свѣтлая точка, которая приближается

[1]) Тѣ изъ помѣщенныхъ здѣсь объясненій, которыя пополняютъ свѣдѣнія, изложенныя въ примѣчаніяхъ, напечатанныхъ выше, отмѣчены двойными ссылками — на страницы текста и на страницы примѣчаній; остальныя же дополнительныя объясненія, имѣющія отношенія прямо къ тексту, снабжены ссылками только на его страницы.

къ вамъ и, по мѣрѣ приближенія, все растетъ, растетъ и наконецъ выростаетъ въ огромную летучую мышь, сову или демона, которые хлопаютъ глазами, трепещутъ крыльями, летаютъ по комнатѣ и вдругъ изчезаютъ. За симъ появляется докторъ-поэтъ Юнгъ, несущій на плечахъ трупъ своей дочери, кладетъ его на камень, беретъ заступъ и начинаетъ рыть могилу" (Записки современника. I. Дневникъ студента, стр. 248). Какъ извѣстно, именно смерть дочери дала поэзіи Юнга мрачное направленіе.

— (Стр. 22). Въ 23-й и 24-й строкахъ напечатано: „карета, запряженная шестью чалыми тощими клячами"; также и въ первомъ изданіи „Прогулки" въ Р. Архивѣ 1869 г., но кажется, было бы вѣрнѣе: чахлыми.

— (Стр. 24). Намекъ на распространеніе католичества среди русскихъ дамъ находимъ и въ „Письмахъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ" И. М. Муравьева-Апостола: „Что же касается до его (Шатобріанова) „Генія христіанства", то хотя бы возстали противу меня всѣ благочестивыя Гіонши, со всѣмъ причетомъ Русскихъ, тайно въ душѣ католичекъ, то я и тогда, не смотря на столь грозное ополченіе, осмѣлюсь сказать, что не только цѣли этой книги не постигаю, но даже и заглавія оной не понимаю" (письмо 12-е, Сынъ Отеч. 1814 г., ч. 17, № XL, стр. 55). Въ тѣхъ же письмахъ находимъ и другое указаніе, подтверждающее то, что̀ сказано выше: „Въ десять лѣтъ дѣти (русскихъ дворянъ) забыли то, что̀ они научились русскаго языка отъ кормилицъ своихъ, и до того, что даже Богу молиться не умѣютъ иначе, какъ по французскому молитвеннику" (письмо 3-е, Сынъ Отеч. 1813 г., ч. 9, N XXXIX, стр. 11). Упоминаемая Батюшковымъ и Муравьевымъ-Апостоломъ г-жа Гіонъ (род. 1648 г. ум. въ 1717) была католическая проповѣдница и писательница въ духѣ мистицизма, подвергшаяся строгому осужденію со стороны Боссюета, но пользовавшаяся покровительствомъ Фенелона (см. о ней: M. Matter. Le Mysticisme en France au temps de Fénélon. P. 1865). Въ Россіи сочиненія г-жи Гіонъ сильно распространились въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка. Сперанскій даже духовнымъ лицамъ совѣтовалъ читать ихъ (см. его переписку съ архіепископомъ Ѳеофилактомъ (Русановымъ) въ сборникѣ: Въ память графа М. М. Сперанскаго. С.-Пб. 1872, стр. 385.

— (Стр. 25, прим. стр. 390). Еще въ 1803 году Карамзинъ напечаталъ въ своемъ Вѣстникѣ Европы статью „Записки стараго московскаго жителя", въ которой между прочимъ говоритъ, что вновь устроенный въ Москвѣ бульваръ „доказываетъ успѣхи нашего вкуса".

— (Стр. 27—28, прим. стр. 391). Очеркъ біографіи графа Д. П. Бутурлина см. въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 376—386.

— (Стр. 29, прим. стр. 391). О Московскомъ каруселѣ 1811 г. см. еще статью Н. Д. Горчакова въ Пантеонѣ 1843 г. т. III, кн. VII.

— (Стр. 29, прим. стр. 392). Г-жа Жоржъ играла въ Москвѣ не только въ 1810 и 1811 гг., но и въ началѣ 1812. Слѣдующая выписка изъ дневника А. Я

Булгакова, отъ 7-го февраля 1812 г., представляетъ характерныя черты того времени: „Только и разговора въ городѣ, что о соперничествѣ трагическихъ актрисъ, Жоржъ и нашей Семеновой. Я съ величайшею наглостью утверждаю, что Семенова стоитъ выше во всемъ, что̀ касается чувства; кромѣ того, она обладаетъ прелестнымъ органомъ. Обѣ стороны ужасно раздражены другъ противъ друга. Нѣкоторые изъ моихъ единомышленниковъ (а они многочисленнѣе нашихъ противниковъ) доходятъ до такой крайности, что свистятъ Жоржъ, что̀ уже просто глупо. Вчера былъ бенефисъ Семеновой; она давала „Танкреда“. При первомъ ея появленіи, рукоплесканія не дали ей возможности говорить въ продолженіе десяти минутъ. Никогда не видалъ я, чтобы театръ былъ такъ полонъ. Она выручила, за вычетомъ расходовъ, 11400 рублей. Нелединскій... вдругъ, увлеченный вдохновеніемъ, схватилъ въ третьемъ актѣ карандашъ и написалъ десять стиховъ, которые послалъ Аменаидѣ на сцену. Не малая честь для Семеновой—быть воспѣтой такимъ поэтомъ и такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, какъ Нелединскій“ (Р. Архивъ 1867 года, ст. 1363—1364). Напротивъ того, князь П. А. Вяземскій, какъ онъ самъ разсказываетъ,—„тогда молодой и впечатлительный, совершенно былъ очарованъ величествомъ красоты ея (г-жи Жоржъ) и не менѣе величественною игрою художницы въ роляхъ Семирамиды и Федры“ (П. собр. соч. т. VIII, стр. 252).

— (**Стр. 32—33, прим. стр. 393**). Описаніе гульбища на Прѣсненскихъ прудахъ есть и въ „Воспоминаніяхъ“ Вигеля, ч. III, стр. 24.

— (**Стр. 34**). Капитанъ Хинъ-Хилла (Chinchilla) — дѣйствующее лицо въ одномъ изъ эпизодовъ Лесажева „Жильблаза“ (кн. VII, гл. 12): старый, израненый и убогій отставной воинъ, тщетно хлопочущій о пособіи.

— (**Стр. 36, прим. стр. 394—395**). Замѣчаніе Кондильяка, на которое указываетъ Батюшковъ, приведено—но безъ имени автора—и М. Н. Муравьевымъ въ статьѣ: „Изящныя письмена“: „Разсмотрѣніе плана, завязки, развязки превосходной трагедіи столько вводитъ насъ въ употребленіе логики, сколько характеры и страсти оной подаютъ намъ наставленіе въ нравоученіи“ (П. собр. соч. М. Н. Муравьева, т. III, стр. 126).

— (**Стр. 41, прим. стр. 396—397**). Доказательствомъ тому, что въ началѣ 1830-хъ годовъ, когда появилась въ печати повѣсть „Предслава и Добрыня“, она уже не удовлетворяла критики, можетъ служить и нижеслѣдующее замѣчаніе И. В. Кирѣевскаго, единственное, какое онъ нашелъ возможнымъ сдѣлать объ этой повѣсти въ своей статьѣ о русскихъ альманахахъ на 1832 годъ: „Повѣсть Батюшкова... отличается его обыкновенною звучностью и чистотою языка“ (Соч. И. В. Кирѣевскаго, т. I, стр. 105).

— (**Стр. 52, прим. стр. 398**). Объ Андр. С. Кайсаровѣ есть воспоминанія А. И. Тургенева въ „Хроникѣ Русскаго въ Германіи“ (Современникъ 1841 г., т. XXI, стр. 51) и въ письмахъ къ К. С. Сербиновичу (Р. Старина 1884 г., май, стр. 449). Къ нему же относится слѣдующая замѣтка въ запис-

ной книжкѣ князя П. А. Вяземскаго (П. собр. соч., т. VIII, стр. 432): „Жуковскій въ „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ“ сказалъ между прочимъ:

И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ Кайсаровъ.

„Батюшковъ говорилъ, что эти стихи можно объяснить только стихомъ изъ того же „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“:

Для дружбы—все, что̀ въ свѣтѣ есть!“

— (Стр. 66). Палисотъ или Палисо (Ch. Palissot de Montenoy, родился въ 1730 г., умеръ въ 1814), талантливый французскій писатель XVIII вѣка. Онъ оставилъ много произведеній, какъ по изящной словесности, такъ по критикѣ и исторіи литературы; въ особенности же пріобрѣлъ онъ извѣстность остроумными нападеніями на Ж.-Ж. Руссо и энциклопедистовъ и написанною имъ въ подражаніе Попу „Дунсіадой“, сатирическою поэмой на плохихъ стихотворцевъ; задорный нравъ Палисо пріобрѣлъ ему множество враговъ, которые усердно чернили его. Батюшковъ вспоминаетъ о Палисотѣ въ одномъ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ декабря 1809 г., по поводу своихъ эпиграммъ на плохихъ писателей: „Или ты хочешь имѣть другомъ Фрерона или Палиссота? Впрочемъ я буду писать Д у н ц і а д у, гдѣ всѣхъ помѣщу на мѣстѣ“ (т. III, стр. 70).

— (Стр. 67). „Тамъ, гдѣ я обитаю, земной рай“:

Le paradis terrestre est où je suis.

Такъ говоритъ Вольтеръ въ своемъ стихотвореніи „Le mondain“, а не въ письмѣ къ своему другу Тіеріо (Thiriot или Thiériot).

— (Стр. 67, прим. стр. 406). Нападки Жоффруа на Вольтера возбуждали неудовольствіе и въ русской журналистикѣ стараго времени, какъ видно по замѣткѣ В ѣ с т н и к а Е в р о п ы 1809 г., ч. XLIV, стр. 155).

— (Стр. 67, прим. 2-е). Приведенный Батюшковымъ отзывъ Вольтера о г-жѣ дю-Шатле находится въ одномъ изъ писемъ его въ стихахъ и прозѣ къ графу Кейзерлингу отъ 1738 года.

— (Стр. 73, прим. стр. 418). М. Н. Муравьевъ, по свидѣтельству Н. О. Кошанскаго (В ѣ с т н. Е в р. 1807 г., ч. XXXV, стр. 192—193), зналъ древніе языки такъ хорошо, что перевелъ латинскими стихами „Петріаду“ Ломоносова; „Виргилія и Гомера зналъ онъ наизусть и такъ любилъ греческій языкъ, что никогда не разставался съ любимымъ философомъ Платономъ и Демосѳеномъ, и по множеству занятій удѣлялъ имъ то время, когда ѣздилъ во дворецъ. Новѣйшіе языки зналъ онъ почти всѣ, кромѣ же шпанскій“. Въ стихотво-

ренін „Къ музѣ“, которое Муравьевъ написалъ въ 1790-хъ годахъ, есть любопытное перечисленіе его любимыхъ авторовъ; здѣсь названы Гомеръ, Горацій, Шекспиръ, Валлеръ, Лафонтенъ, Ломоносовъ, Державинъ, Богдановичъ, и упоминается „Бѣдная Лиза“ Карамзина (П. собр. соч. Муравьева, т. I, стр. 64—65).

Къ портрету М. Н. Муравьева написаны И. И. Дмитріевымъ (Соч. т. I, стр. 135) извѣстные стихи:

Я лучше не могу хвалы ему сказать:
Мать дочери велитъ труды его читать.

Карамзинъ, въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, отъ 21-го сентября 1814 г., писалъ: „Поклонъ.... Батюшкову, котораго благодарю за сочиненіе о М. Н. Муравьевѣ“ (Москвитянинъ 1855 г., кн. I, стр. 98).

— (Стр. 78 и слѣд.). Слѣдуетъ замѣтить, что выписки, приводимыя Батюшковымъ изъ сочиненій М. Н. Муравьева, не всегда дословно согласны съ подлинникомъ, но иногда сдѣланы съ сокращеніями или съ необходимыми для ясности смысла дополненіями и замѣной нѣкоторыхъ словъ подлинника другими:

— (Стр. 80). Въ строкѣ 28-й напечатано: «рѣдкими чертами». Также и въ «Опытахъ»; но кажется, что это опечатка вмѣсто: рѣзкими.

— (Стр. 81). Въ строкѣ 6-й напечатано: „Нетерпѣливый, добрый“.... Также читается въ „Опытахъ“, въ первомъ изданіи повѣсти „Оскольдъ“ (откуда взяты эти слова) въ Вѣстникѣ Европы 1810 г. и въ П. собр. соч. М. Н. Муравьева, т. I; но кажется, вѣрнѣе было бы: бодрый.

— (Стр. 89). Въ предпослѣдней строкѣ стихъ Муравьева читается:

Къ маркизѣ де-Вильетъ.

Также напечатано и въ „Опытахъ“; но должно быть: къ маркизу, ибо посланіе Вольтера написано „à monsieur le marquis de Villette“.

— (Стр. 105—108, прим. стр. 438). Съ сужденіемъ Батюшкова о картинѣ Егорова, высказаннымъ публично въ 1814 г., нужно сопоставить интимный отзывъ его о томъ же художникѣ въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ іюля 1817 года: „Умирающій Тассъ—истинно богатый предметъ для живописи... Боюсь только одного: если Егоровъ станетъ писать, то еще до смертныхъ судорогъ и конвульсій вывихнетъ ему либо руку, либо ногу; такое изъ него сдѣлаетъ рафаэлеско, какъ изъ „Истязанія“ своего, что, помнишь, висѣло въ академіи (къ стыду ея!)“ (т. III, стр. 457).

— (Стр. 121, прим. стр. 448). Мнѣніе Батюшкова о томъ, что писателю вредна разсѣянная жизнь въ обществѣ, слѣдуетъ сопоставить съ мыслями М. Н. Муравьева въ его не изданномъ стихотвореніи „о легкомъ стихотвореніи“, отрывки изъ котораго нашъ авторъ приводитъ выше на стр. 89—90. Ср. также въ этомъ томѣ на стр. 525 наше первое примѣчаніе къ стр. 243.

— (Стр. 133). Въ строкѣ 22-й напечатано: „въ т и ш и н ѣ страстей своихъ". Также и въ „Опытахъ"; но въ изданіи 1834 г. это темное выраженіе измѣнено такъ: „въ т и н ѣ страстей".

— (Стр. 139, прим. стр. 456). Названіе „Квинтиліана нашихъ временъ" могло быть усвоено не только Шатобріану, но и Лагарпу: онъ также всю первую половину своей жизни принадлежалъ къ свободнымъ мыслителямъ и пользовался особеннымъ расположеніемъ Вольтера, но измѣнилъ свой образъ мыслей послѣ 1793 года и громко заявлялъ о томъ. Изданный имъ „Курсъ словесности" давалъ ему особенное право называться „французскимъ Квинтиліаномъ" (S a i n t e-B e u v e, Causeries de lundi, t. V, p. 115).

— (Стр. 149, прим., стр. 459). Очень удачная характеристика двухъ историковъ италіянской литературы, которыми пользовался Батюшковъ, находится въ сочиненіи: A l f r. M i c h i e l s, Histoire des idées littéraires en France, т. I, кн. 2, гл. 10. Мишьельсъ находитъ, что обширное сочиненіе Женгене очень бѣдно мыслью: историкъ, воспитанный въ принципахъ псевдоклассицизма, быть можетъ, и чувствовалъ, что принципы эти непримѣнимы къ судьбамъ изслѣдуемой имъ словесности, но не имѣлъ смѣлости отступиться отъ нихъ; поэтому всѣ его сужденія уклончивы и неопредѣленны, и трудъ его имѣетъ значеніе только какъ сборникъ фактовъ. Напротивъ того, Сисмонди, по мнѣнію Мишьельса, взглянулъ на свою задачу болѣе самостоятельно и глубоко, хорошо понялъ связь между государственною исторіей и развитіемъ литературы, оцѣнилъ въ извѣстной мѣрѣ значеніе христіанскаго вліянія и народности, понялъ духъ рыцарства и т. д. Батюшковъ, познакомившійся съ книгой Сисмонди позже, чѣмъ съ сочиненіемъ Женгене, бралъ изъ послѣдняго фактическія указанія и отдѣльныя замѣчанія, а изъ первой долженъ былъ почерпнуть много новыхъ идей. И дѣйствительно, въ отзывѣ Батюшкова о христіанскомъ элементѣ въ Тассовой поэмѣ можно замѣтить нѣкоторое вліяніе Сисмонди (De la littérature du midi de l'Europe, гл. XIV).

Сужденіе Батюшкова объ Аріостѣ, кромѣ мнѣнія Вольтера, напоминаетъ еще слѣдующій отзывъ де-Бросса: „L'Arioste fait mes délices perpetuelles; je ne puis le quitter depuis que je suis en état de l'entendre. Quel poëte est plus poëte que celui-ci? Quel autre a jamais possédé le talent de narrer avec plus de grâce, de naturel et de facilité? Quel homme a jamais mieux su manier sa langue dans tous les tons, sublime, moral, tendre, noble et badin? Qui a su mieux peindre les situations, enchâiner les événements, perdre et retrouver d'une façon plus naturelle un si grand nombre de personnages, et par une transition, de deux vers, remettre son lecteur au fait de la suite d'une longue histoire racontée dans les chants précédents? Plus je le lis, plus je m'y plais il vaudrait seul, à mon gré, la peine que l'on apprît la langue pour le lire" (Le président de Brosses en Italie. Lettres familières écrites d'Italie en 1739 et 1740. Deuxième édition authentique par M. R. C o l o m b. P. 1858, t. I, pp. 261—262). Первое изданіе писемъ де-Бросса восходитъ къ 1799 г., слѣдовательно, Батюшковъ могъ читать ихъ.

Къ числу пособій, которыми пользовался Батюшковъ при изученіи италіянской литературы, нужно отнести еще Бутервека (ср. выше стр. 545).

Съ отзывомъ Батюшкова о Тассѣ любопытно сравнить замѣчанія, сдѣланныя о томъ же писателѣ и его предшественникахъ М. Н. Муравьевымъ въ „Эмиліевыхъ письмахъ": „Счастливый разумъ Петрарка, воскресивъ духъ древнихъ письменъ, даровалъ стихотворство Италіи, въ которой изъ остатковъ латинскаго языка составился новый, полный гибкости и гармоніи. Торжественныя пѣсни Дантовы уступили мѣсто игривымъ вымысламъ Аріоста. Съ бо́льшимъ величествомъ послѣдователь его, сіяющій и несчастный Тассъ, умѣлъ поставить себя подлѣ Гомера и Виргилія своею эпическою поэмою „Освобожденный Іерусалимъ". Онъ перенялъ у Гомера искусство ознаменовать отличными чертами толпу героевъ и вести къ одному концу множество привлекательныхъ приключеній. Твердое благоразуміе Годофреда, вождя христіанскаго воинства, противоположено коварности Аладина, султана Іерусалимскаго. Въ Ринальдѣ соединены всѣ прелести юности и всѣ восторги запальчивой храбрости. Тассъ воспользовался сіяніемъ, которое предлагали ему рыцарскіе нравы и древнія преданія, и вмѣсто Гомерова баснословія употребилъ вѣрованіе того времени въ волшебство. Можетъ быть, излишними чудесами наполнилъ поэму свою" (П. собр. соч. М. Н. Муравьева, т. I, стр. 172—173).

— (Стр. 152, прим. стр. 459). Замѣчаніе о звукоподражательности въ III-й строфѣ IV-й пѣсни „Gerusalemme liberata" сдѣлано Женгене (Histoire litt. d'Italie, t. V, p. 409, прим. 2), который указываетъ при этомъ и образцы Тасса.

— (Стр. 164—165, прим. стр. 470). При первомъ представленіи „Эдипа въ Аѳинахъ" въ Москвѣ въ 1805 г., трагедія эта встрѣтила одобреніе Карамзина, Дмитріева и Мерзлякова (С. П. Жихаревъ. Записки Современника. I. Дневникъ студента, стр. 63).

Благопріятный разборъ „Фингала", написанный Н. И. Бутырскимъ, появился въ журналѣ Л и ц е й 1806 г., ч. 2, кн. 1, стр. 48—69).

— (Стр. 165). „Любовь къ славѣ, по словамъ одного русскаго писателя, есть послѣдняя страсть, занимающая великую душу". Не Карамзину ли принадлежатъ эти слова? Въ его сочиненіяхъ мы ихъ не нашли, но ср. замѣчаніе его, записанное Батюшковымъ, въ этомъ же томѣ, стр. 333.

— (Стр. 172). Кл. Дорать (Claude-Joseph Dorat, 1734—1784), французскій писатель XVIII вѣка, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей салонной поэзіи того времени. По замѣчанію Сентъ-Бева, онъ придалъ такъ-называемой „легкой" поэзіи „un certain ton fringant, pimpant, ton de dragon et de mousquetaire" (Causeries de lundi, т. XI, стр. 45). Очевидно, та же мысль была у Батюшкова, когда онъ называлъ Дората „слагателемъ мадригаловъ" и указывалъ, что необходимо отличать его стихи отъ глубоко прочувствованной поэзіи Петрарки. Точно такъ и Сентъ-Бевъ говоритъ, что нельзя смѣшивать съ Доратомъ Парни, произведенія котораго проникнуты истинною страстью (тамъ же,

т. XV, стр. 287). Но въ свое время имя Дората пользовалось во французской литературѣ большою извѣстностью, отраженіе которой чувствовалось и у насъ (см. почетныя упоминанія о Дорать въ стихотворномъ отрывкѣ М. Н. Муравьева, приведенномъ въ настоящемъ томѣ на стр. 90, а также П. собр. соч. М. Н. Муравьева, т. I, стр. 193, гдѣ однако замѣчено, что Дорать, „можетъ быть, удалился отъ простоты, бѣгая за остроуміемъ").

— **Стр. 172—174**). О подражаніяхъ Тасса Петраркѣ упоминаетъ Женгене (Hist. litt. d'It., t. V, p. 375, прим., и t. IX, pp. 371 et suiv.), но о заимствованіяхъ не говоритъ ни слова.

— **(Стр. 181)**. По поводу статьи „Двѣ аллегоріи" И. И. Дмитріевъ, прочитавъ I-й томъ „Опытовъ" Батюшкова, писалъ 2-го августа 1817 г. А. И. Тургеневу: „При чтеніи аллегоріи его (первой) у меня навернулись слезы, и я отъ сердца пожелалъ ему счастія Жуковскаго" (Р. Архивъ 1867 г., ст. 1090).

— **(Стр. 190, прим. стр. 477)**. Стихи С. С. Уварова относятся, вѣроятно, къ 1811 г.; 15-го мая этого года онъ писалъ къ Жуковскому: „Въ скоромъ времени получите вы мои стихи: „Sur l'avantage de mourir jeune". Не судите строго о ихъ достоинствѣ; не иначе какъ о изліяніи чувствъ душевныхъ; участь ихъ должна бы быть—умереть тамъ, гдѣ они родились" (Р. Архивъ 1871 г., ст. 0159).

— **(Стр. 195)**. Яковъ Алексѣевичъ Потемкинъ (род. въ 1781 г., умеръ въ 1831), командиръ Семеновскаго полка въ Отечественную войну; съ 1830 г. кіевскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ (Михайловскій-Данилевскій, Императоръ и его сподвижники въ 1812—1815 гг., т. I, № 13).

— **(Стр. 195)**. Александръ Алексѣевичъ Тучковъ (род. въ 1777 г., убитъ подъ Бородинымъ 26-го августа 1812 г.), генералъ-маіоръ, шефъ Ревельскаго мушкетерскаго полка (Михайловскій-Данилевскій, Императоръ Александръ и пр., т. VI, № 40).

— **(Стр. 196)**. Петръ Александровичъ Рахмановъ, полковникъ Преображенскаго полка, съ 1810 года состоялъ при военномъ министрѣ М. Б. Барклаѣ-де-Толли и преподавалъ военныя науки въ школѣ колонновожатыхъ, которая была основана въ 1811 году (Р. Арх. 1878 г., кн. II, стр, 150; 1880 г., кн. III, стр. 295). Спеціальностію Рахманова была математика, и по словамъ С. П. Жихарева, онъ признавался многими извѣстными учеными за одну изъ лучшихъ головъ математическихъ (Отеч. Зап. 1855 г., № 7, стр. 189: Дневникъ чиновника). Рахмановъ былъ избранъ въ почетные члены Общества математиковъ, которое было основано въ Москвѣ въ концѣ 1810 г. по мысли М. Н. Муравьева (Н. П. Глиноецкій, Исторія русскаго генеральнаго штаба, т. I. С.-Пб. 1883, стр. 234). Печатные труды Рахманова по матема-

тикѣ исчислены въ Росписи Смирдина (№№ 3950, 4028, 4029, 4033—4035). Кромѣ того, въ 1810—1811 гг. онъ издавалъ Военный Журналъ, котораго вышло 24 книжки. Жихаревъ, знавшій Рахманова еще въ Москвѣ, говоритъ въ своемъ „Дневникѣ чиновника“, что онъ былъ страстнымъ любителемъ музыки и вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ В. Ѳ. Вельяминовымъ-Зерновымъ пытался даже поставить на русскую сцену оперу Глюка „Орфей“ (Отеч. Зап. 1855 г., № 4, стр. 416; № 5, стр. 186; № 7, стр. 173; № 9, стр. 141). Графъ П. Х. Граббе въ своихъ запискахъ также упоминаетъ, что Рахмановъ, будучи замѣчательнымъ математикомъ, имѣлъ и страсть къ музыкѣ, которой гармонію искалъ особенно въ математическихъ вычисленіяхъ: „Трудно себѣ вообразить какофонію, какою онъ насъ угощалъ за своимъ фортепіано“. Затѣмъ, гр. Граббе характеризуетъ Рахманова такими словами: „Добрый, честный, циникъ въ одеждѣ, иногда въ выраженіяхъ. Никто изъ тѣхъ, кто его зналъ, его не забудетъ. Я какъ теперь его вижу и жалѣю, что въ числѣ портретовъ, теперь въ моемъ сельскомъ кабинетѣ меня окружающихъ, недостаетъ его портрета. Онъ былъ тогда, кажется, полковникомъ по квартирмейстерской части, что нынѣ генеральный штабъ; въ 1813 году командовалъ пѣхотнымъ, не помню которымъ, полкомъ и въ Лейпцигскомъ сраженіи, уже въ улицѣ города, палъ геройскою смертію впереди полка“ (Р. Арх. 1873 г., кн. I, стр. 842—843).

— (**Стр. 204, прим. 481**). Въ записной книжкѣ кн. Вяземскаго приведена слѣдующая эпиграмма на Княжнина:

Княжнинъ! Къ тебѣ былъ строгъ судебъ уставъ,
И надъ тобой сшутилъ онъ необычно:
Вадимъ твой былъ сожженъ публично,
А публику студитъ холодный твой Росславъ.

Эпиграмма эта принадлежитъ едва ли не самому кн. Вяземскому (ср. его мнѣніе о Княжнинѣ—П. собр. соч. т. V, стр. 130); во всякомъ случаѣ по мысли она сходится съ сужденіемъ Батюшкова о Княжнинѣ.

— (**Стр. 210**). Маркизъ Лафаръ (Charles-Auguste de La Fare, 1644—1712) извѣстенъ нѣсколькими легкими лирическими стихотвореніями и еще болѣе своею дружбой съ Шолье. Прекрасную характеристику Лафара см. у Сентъ-Бева, Causeries, т. X.

— (**Стр. 237, прим. стр. 489**). Какъ по формѣ, такъ и по содержанію, рѣчь Батюшкова „о легкой поэзіи“ напоминаетъ рѣчь, сказанную Парни при пріемѣ его во Французскую академію въ 1803 году; здѣсь также высказывается мысль о вліяніи „легкой поэзіи“ на языкъ (см. эту рѣчь въ Oeuvres de Parny. P. MDCCCVIII, t. II, pp. 118—138).

— (**Стр. 241**). Въ строкахъ 30—31 читается: „цвѣтами выраженія“. Такъ и во всѣхъ предшествующихъ изданіяхъ; но едва ли не скрывается здѣсь опечатка: обыкновенно говорится „цвѣты воображенія“.

— (Стр. 242, прим. стр. 508). Въ числѣ французскихъ писателей, сочинявшихъ романсы-баллады, должно, кромѣ Казотта, назвать еще Монкрифа (Fr.-A Paradis de Moncrif, 1687—1770). Изъ нѣмецкихъ писателей ему подражалъ Глеймъ (1719—1803), которому принадлежатъ первыя баллады въ искусственной нѣмецкой литературѣ (о нѣмецкой балладѣ, преимущественно въ XVIII вѣкѣ, см. статьи: Holzhausen — въ Zachers Zeitschrift für deutsche Philologie, Bd. XV, Goerth—въ Herrigs Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen, Bd. 46, и Fahle—Jahrbücher für Philologie und Pedagogik, Bd. 104).

— (Стр. 551). „Моровая зараза во Флоренціи" напечатана въ Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія (Труды высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей россійской словесности) 1819 г., ч. V, стр. 39—50, съ полною подписью переводчика; въ изданіяхъ сочиненій Батюшкова 1834 и 1850 гг. перепечатана не была, и мы нашли эту статью, къ сожалѣнію, только по отпечатаніи 30 листовъ настоящаго тома, почему и помѣщаемъ ее уже въ дополненіяхъ къ нему.

Этотъ переводъ изъ Боккачіева „Декамерона" сдѣланъ Батюшковымъ одновременно съ переводомъ новеллы о Гризельдѣ, то-есть, въ исходѣ 1816 года или въ началѣ слѣдующаго; о немъ упоминается въ письмѣ нашего поэта къ Гнѣдичу отъ начала марта 1817 г. (т. III, стр. 420 и 423). Батюшковъ предполагалъ помѣстить его въ I-мъ томѣ „Опытовъ", вмѣстѣ съ „Гризельдой"; почему это не было сдѣлано—не извѣстно; но по всей вѣроятности, рукопись перевода осталась въ рукахъ Гнѣдича, который и передалъ ее для напечатанія въ Соревнователѣ уже въ то время, когда Батюшковъ уѣхалъ въ Италію.

Разсказъ о моровой заразѣ во Флоренціи находится въ самомъ началѣ „Декамерона". Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Гнѣдичу Батюшковъ называетъ этотъ разсказъ „саро d'opera италіянской литературы", повторяя въ этомъ случаѣ мнѣніе Женгене (Histoire littéraire d'Italie, t. III, p. 86).

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ [1]).

Абелярдъ—469.
Авеллони—302.
Августъ—16, 134, 215.
Авлъ Геллій—384.
Агамемнонъ—464.
Агатонъ—361, 546.
Агаѳій—403.
Аглая—523.
Агнеса—72, 407, 408.
Агриппа—360.
Агриппина—385.
Адамъ—480.
Аддисонъ—536.
Адимаръ—157.
Адодуровъ, В. Е.—417.
Адонисъ—298, 299.
Айкинъ, Дж.—457.
Аккерліо—384.
Акилини—299.
Акоховъ—389.
Аксаковъ, С. Т.—437.
Актеонъ—114.
Аладинъ—264, 269, 271, 272, 565.
Алевій—317.
Александра Павловна, великая княгиня—443.
Александръ Македонскій—16, 215, 334, 341, 342.
Александръ I Благословенный, императоръ—76, 98, 108, 369,—374, 411—413, 416, 418, 421, 436, 441—443, 493 498—500, 531, 534, 536, 541, 554.
Алексѣй Михайловичъ, царь—20, 362.
Алексѣевъ, М.—467.
Алексѣевъ, Ѳ. Я.—441.
Алеша Поповичъ—398.
Ализовъ—92, 93.
Алларъ—389.
Алкмеонъ—533.
Алопеусъ, М. М.—513.
Альбано—109.
Альбергати—302.
Альзира—68, 405.
Альфонсъ, герцогъ феррарскій—297.
Альфьери—158, 166, 301, 302, 331, 412.
Альцеста—506, 507.
Альцина—150.
Амароти—303.
Аменаида—437, 549.
Анакрсонъ—160, 208, 210, 239, 298, 303, 304, 362, 449, 505.
Анаксагоръ—351.
Анастасевичъ, В. Г.—480.
Анахарсисъ—317, 361, 455, 532, 135, 317.
Ангальтъ, графъ Ѳ. Е.—468.
Андроникъ Чехскій—47, 53.
Анжелика—150, 274—279.
Анна, англійская королева—38.
Анна, греческая царевна—42, 43, 45, 49, 50, 54, 55, 58, 60.
Ансильонъ—130, 455.
Антигона—436, 500.
Аполлонъ—31, 92, 104, 105, 172, 183, 438, 470, 522.
Апостолъ, Данилъ, гетманъ—411.
Апраксинъ, графъ С. С.—391.

[1]) Въ указатель внесены какъ имена лицъ дѣйствительно существовавшихъ такъ и дѣйствующихъ лицъ въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ.

Аракчеевъ, графъ А. А.—412.
Араповъ, П. Н.—402, 436, 437, 407, 480, 492. 498.
Арахна—270
Арбутнотъ—396, 525.
Аргантъ 156.
Аргусъ 265.
Аретинъ—303.
Аристовулъ—341.
Аристотель—120, 300, 506.
Аристофанъ—402, 414, 471.
Аріостъ—23, 124, 149—151, 244, 298, 299, 301, 302. 309, 386, 388, 458, 459, 488, 528, 531, 532, 564, 565.
Арія—104.
Армида—90, 156—158, 174, 213, 464, 465.
Арминій—304.
Арндтъ, І.—431.
Арно—513.
Артуръ—4.
Аруетъ, см. Вольтеръ.
Архаровы—521.
Арцыбашевъ, Н. А.—397.
Аслега—383.
Астольфъ—233, 388, 485.
Аталія—204, 543.
Аттикъ Помпоній—360, 414.
Аттила—75.
Ахиллъ, Ахиллесъ—318, 341, 367.
Аяксъ—104.
Аѳанасій—431.

Бавій—17, 220, 484.
Бавкида—108, 463.
Байронъ, лордъ—524.
Бакунины—402.
Бальбусъ—103.
Бальзакъ—299.
Бальи—501.
Бальменъ [де-], графъ А. Б.—468.
Бандетини—305.
Бантышъ-Каменскій, Д. Н.—458, 493, 494, 501, 504.
Барановъ, П. И.—411.
Барклай-де-Толли, М. Б.—566.
Барсовъ, А. А.—417, 420.
Барсуковъ, Н. П.—436, 443.
Бартелеми, аббатъ—455, 456.
Бартеневъ, П. И.—385, 386, 512.
Бартоли—467.
Басвиль—304, 305.
Баттё—339, 542, 545.
Батый—526.
Батюшковъ, П. Н.—477.
Бахметевъ, А. Н.—533.
Бахусъ—428.
Беатриса—167.
Беатрикса Савойская—296.
Безбородко, князь А. А.—436, 492, 493.
Безсоновъ, П. А.—459, 460.
Бекетовъ, П. П.—514.
Беккаріа—303.
Белавенъ—477.
Беленъ-де-Баллю—545.
Беницкій, А. П.—338, 384, 406, 409, 426—429, 542, 544
Бентивольо—302.
Беренгаръ V Раймондъ, графъ провансскій—295.
Беркенъ—410.
Бернаки—513.
Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ—513.
Бернаскони, И. П.—438.
Бертинелли—303.
Бертола ди Римини—304, 308.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. А. П.—176.
Бибиковъ, А. И.—493.
Бибрисъ—537.
Блеръ—542, 543.
Блудовъ, графъ Д. Н.—395, 400, 401, 468, 469.
Блюхеръ—332.
Бобровъ, С. С.—338, 428, 536—538.
Богдановичъ, И. Ѳ. 123, 160, 241, 337, 449, 467, 489—491, 493, 505, 534, 539, 563.
Богданъ Хмельницкій—187.
Боккаччіо—166, 528, 551, 568.
Болдыревъ, А. В.—419, 502.
Болеславъ—420.
Болингброкъ—525.
Болтинъ, И. Н.—337.
Бонди—304.
Борисъ Годуновъ, царь—437.
Боссюэтъ—369, 548.
Брачіолини да Пистоіа—300.
Бретель, см. Дю-Шатле.
Британникъ—15, 385
Брокгаузъ—516.
Броссъ [де-]—564.
Брусиловъ, Н. П.—454.
Брутъ—168, 169, 222, 360, 481.
Брюсъ, графъ Я. А.—411.
Брянчаниновъ, А. М.—432.
Буало—234, 337, 397, 495, 514.
Булгаковъ, А. Я.—560, 561.
Буле, І. О.—288, 413, 419.
Бурбоны—400, 407, 546.
Бурдалу—369.
Буринскій, З. А. 248, 525, 526.
Буттервекъ—339, 545, 565.

Бутурлинъ, графъ Д. П.—391, 513, 560.
Бутырскій, Н. И.—565.
Буяновъ—516.
Бѣлинскій, В. Г.—451, 489, 491, 559.
Бюргеръ—508.
Бюффонъ—170, 175, 472.

Вагнеръ—398.
Вадимъ—80, 396, 481, 482, 567.
Вакхъ—427.
Валкиріи—5, 379.
Валленштейнъ—72, 289, 407, 531.
Валлеръ—239, 487, 490, 563.
Вандикъ—112, 440.
Варнекъ А. Г.—113, 441, 442.
Васильчикова, В. П.—388.
Вафринъ—110, 440.
Великосельскій—383.
Вельяминовъ-Зерновъ, В. Ѳ.—555.
Венера (Киприда)—93, 102, 104, 109, 174, 223, 305.
Венути—484.
Веревкинъ, М. И.—474.
Вериста—6, 380.
Вернъ—164, 165, 467.
Вадыхаловъ—394.
Вигель, Ф. Ф.—400, 402, 413, 424, 435, 441, 442, 471, 499, 519, 521, 522, 542, 544, 561.
Виже—513.
Виже-Лебренъ—391.
Виландъ—151, 339, 490.
Вилламовъ—428.
Вильетъ—89, 563.
Винкельманъ—93, 104, 117, 432, 434, 438.
Виргилій—65, 73, 88, 91, 124, 152, 163, 166, 219, 239, 248, 309, 322, 406, 420, 426, 432, 439, 450, 464, 467, 485, 506, 515, 519, 533, 562, 565.
Виргинія—334, 335, 534.
Вирней, см. Вернъ.
Витгенштейнъ, гр. П. Х.—327, 330.
Віанъ—484.
Віельгорскій, графъ Мих. Ю.—519.
Віонъ—239, 487, 506.
Владиміръ I, в. князь 41—52, 54—56, 58, 60, 77, 396, 410, 429, 508, 541.
Вобанъ—233.
Вовенаргъ—394.
Воверманъ—187.
Воейкова, М. М.—512.
Воейковъ, А. Ѳ.—242, 248, 338, 377, 394, 401, 415, 416, 424, 479, 481, 488, 489, 505, 507, 511, 512, 527, 542.
Волковъ, А.—536.
Вольтеръ—13, 37, 61, 64—70, 77, 89, 90, 128, 168, 172, 178, 213, 322, 338, 439, 391, 398, 399, 401, 404—407, 411, 429, 431, 436, 437, 448, 449, 459, 465, 468, 472, 476, 484, 501, 509, 521, 523, 525, 533, 545, 562—564.
Воробьева, М. С.—436.
Воробьевъ, М. Н.—438.
Воронихинъ, А. Н.—442.
Воронцова, графиня М. А.—388.
Воронцовъ, гр. М. С.—332.
Воронцовъ, графъ С. Р.—416.
Востоковъ, А. Х.—242, 338, 405, 428, 488, 508, 509.
Всеволожскій, Н. С.—392.
Вуазенонъ—221—227, 231—233, 236, 484, 485.
Вуатюръ—299.
Вышеславцева, К. М.—512.
Вяземскій, князь Д. П.—532.
Вяземскій, князь П. А.—293—295, 316, 338, 387, 391, 394, 395, 399, 402, 403, 451, 452, 455, 468, 471, 472, 476, 477, 483, 491, 504, 505, 508, 510—514, 517—521, 524, 525, 528—533, 535, 537—539, 541, 545, 561, 562, 567.

Гагарина, княгиня Е. С., см. Семенова.
Гагаринъ, князь И. А.—437.
Гагедорнъ—240, 490.
Галактіоновъ, С.—524.
Галатея—13, 213.
Галафронъ—275.
Галаховъ, А. Д.—382, 401, 415, 425, 429, 479, 509, 530, 559.
Галлеръ, А. К.—437.
Галліенъ—558.
Гаральдъ—4, 530.
Гари—389.
Гарпагонъ—478.
Гарткнохъ—389.
Гашпаръ—293, 518, 519.
Гвальтьери—250—261.
Гваренги—99, 436.
Гварини—297, 298.
Гвидо-Рени—110, 440.
Гвильемъ—157.
Геба—92.
Гегендорфъ—384.
Гедеке—405.
Гезіодъ—87.
Гейнзій—384.

Гекторъ—341, 464.
Гельвецій—130, 545.
Геннади, Г. Н.—391, 415, 420, 427, 498, 526, 537.
Генрихъ IV, король французскій—302, 412.
Георгъ III, король англійскій—38.
Гераклитъ—322, 331.
Герардо-де-Росси—302, 304.
Герардъ Гонтгорстъ, см. Жираръ.
Гервей—386, 387.
Гердеръ—403, 509.
Геркулесъ—104, 109.
Германнъ—428.
Геродіанъ—525.
Геродотъ—16, 216.
Гертъ—586.
Геснеръ—288, 530.
Гёте—339, 509, 524.
Гиббонъ—525.
Гизъ, герцогъ—89.
Гильомъ де-Сенъ-Григори—295.
Гименей—39.
Гиперидъ—363, 364.
Гиппархъ—317.
Гиро—524.
Гиршфельдъ—288, 530.
Гіеронъ Сиракузскій—317, 319, 506.
Гіонъ—24, 560.
Глазуновъ, И. В.—389, 423.
Глазуновъ, И. И.—453.
Гламисъ—385.
Глафира—510, 511.
Глеймъ—568.
Глинка, С. Н.—392, 393, 397, 455, 468, 523.
Глиноецкій, Н. П.—566.
Глушковскій, А. П.—392.
Глѣбовъ, Ѳ. И.—526.
Глѣбовъ-Стрѣшневъ, П. Ѳ.—248, 526.
Глюкъ—567.
Гнѣдичъ, Н. И.—74, 338, 361, 381, 383, 385, 386, 388, 392, 399, 403, 406, 408, 409, 416, 422, 424-428, 434, 437, 439, 442, 447, 452, 456, 458, 459, 465, 471, 473, 474, 478, 482, 483, 489, 490, 491, 494, 495, 501, 503—505, 507, 510—512, 515, 517, 525, 528, 529, 533—536, 540, 544, 547, 562, 563, 568.
Гоа—23.
Говардъ—146, 457.
Годофредъ, Готфридъ—157, 271, 460, 565.
Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн. М. И.—327.
Голицына, княгиня А. П.—388.
Голицынъ, князь А. Н.—493.
Голодниковъ, К. М.—538.
Голубцовъ, Ѳ. А.—469.
Гольдони—301, 302.
Гольцгаузенъ—568.
Гомеръ—14, 17, 68, 75, 81, 109, 120, 124, 152, 217, 232, 239, 244, 303, 321, 343, 382, 384, 402, 488, 501, 506, 515, 562, 563, 565.
Горацій—73, 77, 89, 91, 122, 133, 135, 168, 219, 221, 222, 232, 235, 239, 309, 333, 362, 413, 420, 438, 449, 461, 498, 502, 506, 509, 514, 515 521, 538. 563.
Горислав Ляхскій—47, 52.
Горнъ—389
Горчаковъ, Н. Д.—502, 560.
Госнеръ—412.
Готье—389.
Гоцци—302.
Граббе, графъ П. Х.—567.
Грамматинъ, П. Ѳ.—388, 403.
Грачевъ—389.
Грей—304, 458.
Грессе—408.
Гречъ, Н. И.—405, 412, 417, 418, 427, 442, 509, 512, 515, 516, 543.
Григоровичъ, Н. И.—436.
Григорьевъ, В. В.—541.
Гризельда—250—261, 528, 529, 568.
Гримо-де-ла-Рейньеръ—424.
Гротъ, Я. К.—426, 443, 494.
Грузинцовъ, А. Н.—479.
Грушецкая, П. В.—412.
Гуаско, аббатъ—236, 483, 484.
Губеръ—438.
Гуртадо-де-Мендоза—297.
Гуссе—396.
Гюго—524.

Давидъ—115.
Давидъ, царь іудейскій—166, 373, 431.
Давила—302.
Давыдова—526.
Давыдовъ, Д. В.—440, 533.
Давыдовъ, Л. В.—329, 330, 533.
Даламберъ—220, 339.
Далмасъ—470.
Дамасъ, баронъ Р.—61, 335, 404, 534, 535.
Дантъ—158, 166, 167, 172, 239, 303 304, 340, 407, 460, 462, 553.
Даная—318.
Дарій, царь персидскій—16, 215, 317.
Дафна—301.
Дашкова, княгиня Е. Р.—481, 496.
Дашковъ, Д. В.—61, 338, 399-403,

409, 416, 426, 438, 471, 476, 480, 514, 515, 518, 522, 529.
Двигубскій, И. А.—419.
Дебора—480.
Дедерихъ—508.
Делапласъ—381.
Делиль, аббатъ—312, 434, 457, 532.
Делія—122, 161.
Дельвигъ, баронъ А. А.-504
Демосѳенъ—239, 363, 364, 562.
Демутъ-Малиновскій—442.
Дени,—391.
Денуартеръ—405, 406, 454.
Депрео, см. Буало.
Державинъ, Г. Р.—84, 141, 172, 221, 240, 333, 337—340, 347, 361, 362, 366, 367, 413, 415, 416, 420, 436, 438, 443, 449, 456, 468. 471, 480, 482, 489, 492-499, 527, 534, 537, 538, 540, 545—547, 563.
Детушъ—408.
Джонсонъ—544.
Дидона—392.
Дидро, Дидеротъ—322.
Діана—209.
Діогенъ—331.
Діонисій Сиракузскій—15, 215.
Діодоръ-403.
Дмитревскій, И. А.—110, 436.
Дмитріевъ, И. И.—17, 65, 217, 241, 337, 361, 362, 385, 387, 388, 396, 398, 400, 402, 403, 406, 410, 422, 426, 428, 434, 438, 441, 450, 468, 489, 491, 494, 496, 498, 499, 502-505, 507, 508, 511—514, 517, 519, 522, 524, 525, 527, 537, 539 541, 563, 565, 566.
Дмитріевъ, М. А.—394, 400, 405. 495, 505, 507, 510, 511, 513, 519—521.
Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И.—538, 539.
Дмитрій Донской, вел. кн.—440, 459, 470, 471.
Добрыня—41—60, 396, 397, 561.
Долгорукій, князь И. М.—454, 488, 489, 509—512, 527, 540.
Долгорукій, князь Я. Ѳ.—95, 145, 242.
Дорать—90, 172, 509, 565, 566.
Дормидонъ Тихинъ-478.
Драйденъ—509, 525.
Дубровинъ-398.
Дульцинея—160, 535.
Дунина-Борковская, С. А.-492.
Душенька—123.
Дьякова, А. А.—493.
Дьякова, Д. А.—493.
Дьякова, М. А.—493.
Дюкло—130, 455.
Дюрокъ—521.
Дюси—470, 513.
Дюссье—435, 443.
Дюшенуа—513.

Евгеній, митрополитъ—502.
Евгеній Онѣгинъ-517, 523.
Егоровъ, А. Е.—105—108, 110, 438, 442, 563.
Екатерина Великая, императрица—34, 69, 101, 243, 337, 339, 391, 406, 407, 413, 418, 421, 436, 441, 443, 444, 457, 458, 481, 495, 497, 500.
Екатерина Павловна, великая княгиня—440.
Екимовъ, В. П.—114, 443.
Елагинъ, И. П.—337.
Елена Павловна, великая княгиня—108, 443, 504.
Елизавета Алексѣевна, императрица—440, 498.
Елизавета Петровна, императрица—236, 339, 347, 383, 435, 441, 492.
Елисей—439.
Епиктетъ—320.
Ермакъ—434.
Ермалафидъ—384.
Еропкинъ, П. Д.—146, 182, 458.
Есаковъ, А. Е.—109, 439.
Ефремовъ, П. А.-439, 453, 481.
Ешевскій, С. В.—519.

Жанлисъ—24, 67, 406, 410, 513.
Женгене—125, 448, 450, 451, 459, 466, 467, 472, 564, 566, 568.
Жеребцовъ—519.
Жильберъ—427.
Жильблазъ—542, 543, 561.
Жираръ-де-ла-Нотте—109, 439.
Жиро—302.
Житова, В. П.—389.
Жихаревъ, С. П.—389, 431, 436, 437, 470, 472, 478, 480, 521, 526, 537, 541, 544, 559, 565—567.
Жіанни—305.
Жіануколо—251-253, 256—258, 261.
Жозефина, императрица—513.
Жоржъ—29, 392, 393, 437, 560, 561.
Жоффренъ—224, 484.
Жоффруа—67, 406, 562.
Жуковскій, В. А.—86, 112, 123, 242, 294, 328, 338, 383, 386, 392, 394, 396, 398, 399, 401—403, 407, 408, 410, 411, 422, 423, 425, 431, 440, 447, 449, 452, 456, 458, 465, 471, 473, 475, 477, 478, 490, 491, 505—509, 511, 512, 514, 518, 519, 522,

523, 525, 527, 529, 530, 532, 533, 539—542, 562, 566.

Загаринъ, П.—508, 518.
Загоскинъ, М. Н.—535.
Заикинъ, И. И.—471.
Заира—65, 67, 70, 505.
Затта, А.—460.
Захарисса—239.
Захаровъ, А. Д.—435.
Захаровъ, И. С.—98, 413.
Зевесъ—174.
Зено—301.
Зеновія—13, 213.
Зимцерла—42, 397, 398.
Зничъ—57.
Зотовъ, Р. М.—470.
Зульцеръ—542.

Ибрагимъ—428.
Ивановъ, И. А.—500.
Ивановъ, П.—400.
Иванчинъ-Писаревъ, Н. Д.—405.
Иверсенъ, Ю. Б.—443.
Игорь, в. князь—77, 397, 429, 433.
Игорь, кн. Сѣверскій—496. 526.
Идоменей—359, 360.
Измайловъ, А. Е.—428, 429, 542, 543.
Иппократъ—558.
Иппокрена—511.
Ипполитъ—31, 32.
Ириса—537.
Иродъ—480.
Исменъ—157, 262—264, 272.
Иснель—5, 6, 383.
Ифигенія—106, 301.
Ифландъ—513.

Іаковъ II, король англійскій—38, 39.
Іафетъ—336.
Іисусъ, сынъ Сираховъ—288.
Іоаннъ IV, царь—310, 311.
Іоласъ—109.
Іоркскій, герцогъ—37.

Кавдоръ—385.
Кавелинъ, Д. А.—338, 539, 541, 542.
Кавелинъ, К. Д.—541.
Казоттъ—508, 568.
Кайсаровъ, А. С.—52, 396—398, 561, 562.
Калау—417.
Каллимахъ—506.
Камбизъ, царь персидскій—317.
Камоенсъ—119, 220, 427.
Кампе—410.
Кандидъ—515.
Канова—92.
Кантемиръ, князь А. Д.—77, 127, 219, 236, 237, 239, 388, 453, 482—485, 535.
Кантъ—339, 411.
Капписси, Стомателло, графъ—492
Каппистъ, В. В.—75, 242, 429, 471, 474, 489, 492—503, 527, 547.
Каппистъ, В. П.—492.
Каподистріа, графъ—400.
Карабановъ, А. П.—468.
Карамзинъ, Н. М.—74, 76, 83, 242, 294, 333, 337—339, 361, 386, 395, 396, 400, 406, 410, 416, 421—423, 425—427, 430, 449, 454, 467, 468, 471, 480. 487, 489—491, 496, 498, 499, 501, 503, 505, 507, 509, 511—514, 517—519, 521, 524, 525, 527, 536—539, 544, 546, 560, 563, 565.
Карлъ Великій, императоръ—77, 429.
Карлъ V, императоръ—297, 362, 522.
Карлъ V, герцогъ лотарингскій—299.
Карлъ Савойскій—300.
Карлъ XII, король шведскій—405.
Кармановъ, Д. И.—418.
Картеромадо—302.
Картонъ—501.
Касти—412, 531, 532.
Каталани—523.
Катенинъ, П. А.—424, 523.
Катилина—414.
Катонъ—16, 215, 321, 354.
Катуллъ—122, 134, 160, 166, 220, 239, 455, 487, 489, 509.
Каченовскій, М. Т.—338, 394, 413, 515, 535, 536, 538, 544.
Квинтиліанъ—137, 542, 564.
Кейзерлингъ, баронъ—67, 406, 562.
Келлеръ—493.
Кесарь—104.
Кикинъ, П. А.—480.
Кипренскій, О. А.—110, 112, 440.
Киръ, царь персидскій—536.
Кирѣевскій, И. В.—561.
Кіабрера—298.
Кій—45.
Клара, св.—164.
Клауберъ—439, 440.
Клаудій—389.
Клейстъ—332.
Клеонтъ—506.
Клеопатра—30.
Клитъ—334.
Клопштокъ—244, 411, 425, 428, 480, 488, 490, 509, 536.
Клорида—499.
Клоринда—156, 270—272, 465.

Княжнинъ, Б. Я.—481.
Княжнинъ, Я. Б.—101, 309, 338, 420, 470, 481, 482, 532, 567.
Ковалевскій, Е. П.—468.
Козодавлевъ, О. П.—496.
Козыревъ—389.
Койпель—92.
Кокошкинъ, Ѳ. Ѳ.—392, 486, 511.
Колардо—469, 470.
Колмаковъ, Н.—443.
Колонна—167, 168, 300.
Коломбо—436
Коломбъ—564.
Колычевъ, Е.—338, 544
Кольбертъ—85.
Комала—427, 428.
Кампаровскій, см. Контаровскій.
Компейре—406.
Конгревъ—525.
Конде, принцъ—206, 404.
Кондильякъ—36, 394, 395, 561.
Кононовъ, А. А.—522.
Константинъ, императоръ—151.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ—76, 110, 411, 418, 421.
Констанъ, Б.—290, 531.
Контаровскій, Я.—495.
Кореджіо—92, 109.
Корилла—305.
Корсаковъ, П. А.—480.
Коріоланъ—222.
Корелкинъ, Н. П.—509.
Корнель—233, 468, 482.
Костровъ, Е. И.—338, 427, 497.
Котельницкій, А.—439.
Коттенъ—407.
Кошанскій, Н. Ѳ.—419, 420, 525, 562.
Кошелевъ, Д. Р.—454.
Коцебу—424, 429, 436, 513.
Кратесъ—25.
Крафтъ—418.
Кривосудовъ—498.
Кристіанъ—387.
Кроликъ, Ѳ.—235.
Кромвель—15, 215.
Кронебергъ, И. А.—385.
Кроссаръ—356, 357, 546.
Крутицкій, А. М.—498.
Крыловъ, И. А.—101, 241, 314, 316, 338, 340, 384, 440, 442, 470, 481, 491, 527, 532, 543.
Ксантиппа—355.
Ксенія, княжна галицкая—397.
Ксенія, княжна нижегородская—436.
Купидонъ—109.
Куракинъ, кн. А. Б.—110, 440.
Куртенеръ—389.
Куртель—114, 443.
Курцій—145.

Лабзинъ, А Ѳ.—454.
Лабиндо—304.
Лабоеси—79, 429.
Ла-Брюеръ—452.
Лаво—389.
Лагарпъ—178, 322, 401, 514, 542, 564.
Лагранжъ—359, 532, 533, 546.
Лазаревскій, А. М.—492.
Лаиса—537.
Лангнеръ—389.
Ланской—332, 534.
Лаокоонъ—104.
Ларошфуко, герцогъ—130, 143, 455.
Ларуссъ—404.
Ласепедъ—381, 382, 559.
Ласъ-Казасъ—146, 182, 457, 458.
Латона—364, 522.
Лаура—14, 159, 160—169, 171—173, 213, 448, 466, 467, 472, 573, 528.
Лафаръ, маркизъ—210, 567.
Лафонтенъ, Авг.—424.
Лафонтенъ, Ж.—16, 17, 210, 216, 241, 339, 384, 385, 463, 479, 563.
Лахезисъ—182.
Лебрюнъ—65.
Левицкій, Д.—440, 441.
Левшинъ, В. А.—454.
Леклеркъ—477.
Лелій—167.
Лель—294.
Ленотръ—64.
Леонидъ—145, 546.
Леопрепесъ—317.
Ле-Пресъ-де-Бомонъ—410.
Лесажъ—542, 561.
Лескюръ—396.
Лессингъ—509, 544.
Летиція Бонапарте—64.
Лиза—563.
Лизій—363, 365
Лоіотатосъ—402.
Ломоносовъ, М. В.—68, 81, 84, 125, 126, 155, 175—180, 182, 203, 238, 240, 241, 245, 337, 338, 344—347, 350, 356, 420, 430, 443, 451, 459, 473—475, 487, 489, 490, 492, 501, 526, 535, 562, 563.
Лонгиновъ, М. Н.—394, 395, 401, 428, 431, 481, 499, 514, 523, 546.
Лонгинъ—363, 546.
Лопухинъ, И. В.—431.
Лосенковъ, А П.—92, 434.
Лудовикъ—164.
Лукіанъ—341, 545.

Лукрецій – 109, 299, 350, 352, 545.
Лукуллъ—210, 313.
Лунинъ, С. М.—419.
Луцилій—360.
Львовъ, Н. А.—417, 420, 436, 493, 497, 498.
Львовъ, Ѳ. П.—420.
Люби—389.
Любословъ—496.
Людмила—407, 510.
Людовикъ XIV, король французскій—28, 39, 75, 76, 178, 405.
Людовикъ XV, король французскій—219.
Людовикъ XVI, король французскій—458.
Людовикъ XVIII, король французскій—404.
Люка—408.
Люциферъ—462.

Мабли—136.
Магницкій, М. Л.—542.
Магометъ—47, 158, 262, 270, 272, 310, 312.
Майковъ, В. И.—109, 337, 387, 417, 420, 439.
Майнаръ—384.
Макаровъ, И. Д.—426.
Макаровъ, М. Н.—390, 391, 436, 502, 512, 513, 517, 524.
Макаровъ, П. И.—338, 409, 426, 427.
Макбетъ—385.
Маккавей—480.
Макферсонъ—382, 450, 485.
Малиновскій, А. Ѳ.—454.
Малитурнъ—396.
Малле—383.
Мальбраншъ—476.
Мальзербъ—147, 148, 458.
Мамай—459.
Мандрикаръ—450.
Марини—298, 299, 301.
Маріамна—480.
Марій—16, 216.
Марія Магдалина—443.
Марія Медицисъ, королева французская—298.
Марія Ѳеодоровна, императрица—374, 443.
Маркетти—299, 545.
Маркъ-Аврелій—103, 320, 437.
Мармонтель—178
Маро—239, 487.
Мартосъ, И. П.—113, 443.
Мартыновъ, И. И.—366, 546, 547.
Марѳа Посадница—396, 397.
Масленниковъ, Н. Г.—403.
Масонъ—431.
Массильонъ—369.
Масьё—142, 394, 457, 545.
Матеръ-Флинтъ—395.
Маттеръ—560.
Маттиссонъ—83, 405, 406, 430, 530.
Мафеи—302.
Мевій—17.
Медемъ, баронъ—329, 330.
Медичи—149.
Медоръ—150, 274, 275, 277, 279.
Мей—389.
Мелеагръ—403.
Меленъ-де-Сенъ-Желе—384.
Мелиссино—438.
Мелпомена—75, 165, 204.
Мемнонъ—333.
Менгсъ—116.
Мендоза—531.
Менелай—104.
Ментенонъ—39.
Менцони—304, 308.
Меншиковъ, кн. А. Д.—95.
Мераляковъ, А. Ѳ.—242, 248, 310, 338, 398, 487, 489, 506, 507, 509, 525—527, 532, 565.
Меркурій—461.
Мерле—381, 406, 408.
Меропа—302, 437.
Мерсье—128, 454, 455, 513.
Мерсье де-Компьень—384.
Мерта—513.
Мессала—122.
Местръ [де-], графъ—388.
Метастазіо—297, 301.
Метродоръ—358.
Меценатъ—134, 359.
Мещерскій, князь А. И.—340.
Микель-Анжело—301.
Миллеръ, І.—339.
Миллеръ, актриса—513.
Милоновъ, М. В.—479, 518, 519, 521, 525.
Милонъ—499.
Милорадовичъ, гр. М. А.—323, 327, 330.
Мильтонъ—73, 508, 534, 536.
Мининъ—443.
Минцлофъ, Р. И.—407.
Митридатъ—414.
Михаилъ, императоръ—48, 80, 397.
Михаилъ Павловичъ, в. князь—456
Михайловскій-Данилевскій, А. И.—534, 566.
Мишьельсъ—564.
Мишо—532.
Моина—436.

Молчановъ, П. С.—400.
Мольеръ—75, 165, 408, 500, 524.
Монбронъ—288.
Монкрифъ—568.
Монселе—424, 454.
Монтань—78, 79, 119, 132—134, 146, 188, 240, 322, 331, 429, 432, 434, 447, 455, 548, 476.
Монтбронъ—288, 530.
Монтескьё—70, 221—224, 230, 231, 233, 236, 253, 483—486, 545.
Монти—304.
Морвенъ—450.
Мордвиновъ, графъ Н. С.—536.
Моро—182.
Морфей—18, 209, 218, 384.
Мосхъ—239, 487, 506.
Мстиславъ—397.
Мудровъ, М. Я.—419.
Муравьева, Е. Ѳ.—422.
Муравьева, Ѳ. Н.—419.
Муравьева-Апостолъ, П. В.—414.
Муравьевъ, М. А.—411.
Муравьевъ, М. Н.—73, 79, 81—91, 160, 242, 245, 246, 248, 249, 338, 386, 397, 406, 408—411, 417—423, 426, 429—432, 435 439, 449, 451, 467, 474, 488—490. 506—508, 525, 526, 559, 561—563, 565, 566.
Муравьевъ, Н. А.—417, 419.
Муравьевъ, Н. М.—443, 444, 489.
Муравьевъ-Апостолъ, И. М.—73, 338, 408, 411—417. 425, 430, 448, 449, 451, 457, 532, 560.
Мурилло—92.
Муртола—298.
Мюллеръ—439.

Набгольцъ—498.
Надеждинъ, Н. И.—437.
Нани—302.
Нанина—436.
Наполеонъ I—63, 64, 102, 357, 406, 412, 440, 451, 513, 534.
Нарсимъ—459.
Нартовъ, А. А.—454.
Нарышкинъ, А. Л.—499.
Нарышкинъ, Л. А.—492.
Нахимовъ, А. Н.—482.
Неваховичъ, Л. Н.—480.
Невзоровъ, М. И. 419, 420, 431, 536, 537.
Неккеръ 37.
Нелединскій-Мелецкій, Ю. А.—242, 338, 392, 487, 489, 498, 503—506, 561.
Немезида—161.
Неплюевъ, С. А.—366, 547.
Нептунъ—126.
Неронъ—358, 385, 429.
Несторъ, лѣтописецъ—48, 397, 526.
Несторъ, царь аргосскій—114, 464.
Неустроевъ, А. Н.—481, 539.
Никита—355.
Николаи—389.
Николай Павловичъ, императоръ—110, 392.
Никольскій, А. А.—534.
Никольскій, А. С.—542.
Никольскій, П. А.—338, 428, 542, 543
Ніобея—104.
Новиковъ, Н. И.—430, 431, 536.
Новосильцовъ, Н. Н.—500.
Ноель—381.
Носовъ, Г.—436.
Ньютонъ—109.
Нѣмовъ—389.

Оберонъ—151.
Оболенскій, князь Д. А.—504.
Обрѣзкова, Е. С.—505.
Овидій—109, 122, 160, 163, 166, 239, 487, 489, 506.
Оденъ—4, 6. 7, 82, 379, 380.
Озеровъ, А. И.—468, 471.
Озеровъ, В. А.—101, 338, 339, 402, 436, 467—472, 480, 500.
Оленина, В. А.—385.
Оленинъ, А. Н.—385, 391, 396, 422. 434, 440, 442, 444, 445, 469, 470, 493, 494, 500, 530, 532, 542.
Олегъ, кн.—470.
Олешевъ, А. В.—420.
Олиндъ—262, 272, 528.
Олофернъ—30.
Ольга—77, 397, 429, 433.
Омеръ, Омиръ, см. Гомеръ.
Орасъ—408.
Орестъ—48.
Орландо—151, 273, 275—281, 299, 459, 528, 532.
Орлова, графиня А. А.—20.
Орловскій, А. О.—71, 407.
Орловъ, графъ А. Г.—438.
Орфей—567.
Осиповъ, Н. П.—439.
Оскольдъ—79, 80—82, 397, 426, 430, 563.
Оссіанъ—303, 382, 383, 427, 428, 450 498, 501.
Остерманъ, гр. А. И.—328.
Отелло—339.

Павелъ—334, 335, 534.
Павелъ I, императоръ—411, 412, 431, 435, 441, 443, 498, 536.
Павзаній—317.
Павлъ Эмилій—88,
Паллисотъ—66, 562.
Палицынъ, А. А.—537.
Пандора—12, 211.
Панинъ, графъ Н. П.—416.
Панинъ, графъ П. И.—504.
Параша—510.
Парини—304.
Парки—33, 133, 293, 307.
Парни—178, 362, 383, 395, 565, 567.
Парменіонъ—16, 215.
Паскаль, архитекторъ—493.
Паскаль, писатель—132.
Пассера—384.
Педаретъ—88.
Пекарскій, П. П.—484.
Пелей—367.
Пенго—535.
Пентатлъ—363,
Переяславъ—50, 53.
Перло—538.
Перовскій, В. А.—454.
Персій—15, 221, 385.
Петина—197, 198.
Петинъ И. А.—188, 190—202, 476, 477, 508.
Петра—467.
Петрарка—74, 158—174, 239, 267, 300, 303, 448, 465—467, 472, 473, 508, 526, 528, 565, 566.
Петровъ, А. А.—546.
Петровъ, В. П.—337, 361, 492.
Петровъ, П. Н.—444, 436, 439, 443.
Петръ I Великій, императоръ—20, 92, 94, 95, 99, 182, 203, 2 5, 226, 228, 230, 234, 236, 238, 337, 339, 346, 383, 423, 435, 437, 451, 479, 480, 484, 485.
Петръ отшельникъ (пустынникъ)—157, 459, 460.
Петръ, апостолъ—95, 151.
Петусъ—104.
Пигмаліонъ—286.
Пиндаръ—87, 208, 298, 362, 506.
Пиндемонти—302, 304, 306.
Пиньотти—303.
Писаревъ, А. А.—61, 69, 70, 288, 404, 405, 479, 533.
Питтъ—211.
Пиѳія—231.
Плавильщиковъ—500.
Платонъ—132, 321—323, 362, 365, 384, 402, 533, 562.
Платонъ, митрополитъ Московскій—369, 547.
Плетневъ, П. А.—441, 442.
Плещеевъ, А. А.—499.
Плутархъ—15, 87, 215, 219, 341, 429.
Плутонъ—262.
Пнинъ, И. П.—338, 544.
Погодинъ, М. П.—419, 420, 437, 476, 518.
Пожарскій, князь П. М.—443.
Полевой, К. А.—516.
Полевой, Н. А.—516.
Поликсена—437, 470, 471, 507.
Полинникъ—240.
Политковскій, П. Г.—428, 429.
Полторацкій, С. Д.—403, 516.
Помпадуръ—66.
Помпей Гросфъ—413.
Помяловскій, И. В.—450.
Попе, Попъ—65, 303, 304, 337, 396, 525, 562.
Поповъ—389.
Поповъ, Ал. Н.—388.
Попугаевъ, В. В.—428.
Порошинъ, С. А.—443.
Порція—529.
Потемкинъ, князь Г. А.—443.
Потемкинъ, Я. А. 195, 566.
Потоцкій, графъ С. О.—441.
Пракситель—223,
Предслава—41 60, 396, 397, 561.
Прети—299.
Привѣта—538.
Прокоповичъ-Антонскій, А. А.—494, 502.
Прокудинъ-Горскій, М.—458.
Прометей—359.
Проперцій—160, 166, 239, 487, 506.
Протасова, графиня В. П.—388.
Протасова, графиня Е. П.—388.
Протей—66, 149.
Протопоповъ, В.—431.
Пуссень—106, 187.
Пушкина, А. Л.—512.
Пушкина, Е. Г.—456.
Пушкина, Е. Л —512.
Пушкинъ, А. М. 454, 511, 520.
Пушкинъ, Л. С.—424, 435, 437, 440, 490, 491, 514, 516, 522—525.
Пушкинъ, В. Л.—242, 338, 392, 402, 406, 438, 471, 489, 511—525, 527.
Пушкинъ, Л. А.—512.
Пушкинъ, С. Л.—512, 522.
Пыпинъ, А. Н.—519.

Р—нъ—66—69.
Радищевъ, А. Н.—288, 338, 530, 544.

Радміръ—47—50, 53—56, 58—60.
Раевскій, Н. Н.—327—331, 336, 337, 404, 405, 533, 546.
Ранда—510.
Раймондъ—464.
Рамазановъ, Н. А.—443.
Рамбальдо ди Гвасконья—464.
Рамлеръ—477, 509.
Рамсей—536.
Расинъ—15, 31, 32, 36, 75, 106, 165, 233, 244, 301, 309, 385, 468, 521, 524.
Растопчина, графиня Е. П.—388.
Растопчинъ, графъ Ѳ. В.—388.
Рафаель—92, 106, 109, 180, 181, 184, 235, 497.
Рахманиновъ, И. И.—454.
Рахмановъ, Н.—417, 418.
Рахмановъ, П. А.—196, 477, 566, 567.
Рейналь—457.
Рейхъ—389.
Рекамье—513.
Рекамье, г-жа—513.
Рене—347, 387.
Ренье—384.
Репнинъ, князь Н В.—413.
Рибасъ, О. М.—469.
Риваролъ—37—39, 395, 396.
Риваролъ, г-жа—396.
Ридигеръ—389.
Ринальдъ—90, 459, 565.
Ринучини—301.
Риссъ—389.
Рихманъ—179, 474.
Рихтеръ, В. М.—246, 525.
Ришелье, герцогъ—443.
Ріенци—168, 169, 472.
Роальдъ—50.
Робертсонъ—458, 559.
Робертъ, король неаполитанскій—159, 466.
Робеспіеръ—169, 467.
Ровинскій, Д. А.—440.
Рогнѣда—397.
Розановъ, Ѳ. Ф.—384.
Роза, Сальваторъ—72, 92, 187.
Рокелоръ, герцогъ—442.
Рокка—389.
Роландъ—388.
Росславъ—567.
Ростъ, Я.—458.
Рубенсъ—106, 109.
Руисдаль—187.
Румянцевъ, графъ Н. П.—114, 248.
Рурикъ, в. князь—77, 82.
Русановъ, Ѳ.—560.
Русланъ—523.
Руссо 84, 124, 128 131, 136, 137, 336, 450, 454, 456, 509, 562.
Руссовъ, С. В.—559.
Рыкаловъ, В. Ѳ.—500.

Савіоли—303, 304, 305.
Саккини—470.
Салленгръ—384.
Саллустій—515.
Салтыковъ, графъ И. П.—521.
Сальфи—451.
Самарина, С. Ю.—504.
Сангленъ [де-], Я. И.—419.
Сандерсъ—500.
Сарданапалъ—210.
Сарпи—302.
Сафо—166, 239, 304, 487, 489, 506, 509.
Сахарова, М. С.—101, 436.
Сахаровъ—492.
Саулъ—480.
Саути—508.
Свенальдъ—51.
Свиньинъ, П. П.—457.
Свифтъ—525.
Свѣтовидъ—52, 398.
Свѣчина, С. П.—388.
Святославъ, в. князь—51.
Сганарель—500.
Севинье—24.
Сегюръ, графъ—513.
Сегюръ [де-], маркизъ—388.
Селимъ—459.
Сельважіо—167.
Семенова, Е. С.—101, 392, 436, 437, 500, 543, 561.
Семіанъ—64, 69, 406.
Семионъ—398.
Семирамида—392, 561.
Сенека—36, 164, 319, 321—324, 352, 357, 358, 360, 363, 447, 482, 532, 533, 546.
Сентъ-Бевъ—396, 406, 484, 534, 564 565, 567.
Сенъ-Грегори [де],—531.
Сенъ-Ламберъ—67, 68, 332, 355, 405 533, 534.
Сенъ-Пьеръ, Б.—336, 534.
Сенъ-Симонъ—28.
Сербиновичъ, К. С.—561.
Сербинъ—450.
Сервантесъ—160, 220, 362.
Сикаръ—142, 394, 513.
Силла—16, 216.
Симонидъ—239, 317, 318, 489, 532.
Симъ—336.
Синеусъ—80.
Синявская, М. С.—436.

Сисмонди—295, 299, 301, 303, 304, 459, 472, 531, 564.
Скарронъ—439.
Скюдери—299.
Сладковскій, Р.—203, 479, 480.
Смирдинъ, А. Ф.—384, 405, 502, 504, 524, 546, 567.
Собко, Н. П.—438.
Соколовъ, П. А.—369, 547.
Сократъ—167, 182, 355, 356, 414.
Соломонъ, царь іудейскій—166, 314, 352, 374, 532.
Солнцевъ, М. М.—512.
Сомовъ, А. И.—434, 438—441.
Сопиковъ, В. С.—495.
Соссе—389.
Софія—157.
Софоклъ—340, 506, 515.
Софронія—262, 272, 528.
Сохацкій, П. А.—425, 426, 511.
Сперанскій, графъ М. М.—468, 512, 542, 560.
Спондей—518.
Сталь—382, 448.
Старожиловъ—99—103, 105—107, 109—113, 433.
Старословъ—515.
Стасовъ, В. В.—437.
Стернъ—460, 467, 517.
Стефанъ Угорскій—47.
Стоюнинъ, В. Я.—481.
Строгановъ, графъ А. С.—113, 248, 434, 438, 440—444, 498.
Строгановъ, графъ П. А.—295, 441, 531.
Стрѣшнева, Е. П.—526.
Стрѣшневъ, П. И.—526.
Стурдза, А. С.—470.
Стюарты—395.
Суворовъ-Рымникскій, князь А. В.—15, 182, 215, 401, 441, 498.
Суель—545.
Сумароковъ, А. П.—101, 179, 241, 337, 424, 470, 489, 492, 495, 535, 541.
Сумароковъ, П. П.—338, 538, 539.
Суметъ—524.
Сухомлиновъ, М. И.—401, 413, 418, 496, 503, 541.
Сушкова, М. В.—387, 454, 477.
Сушковъ, Н. В.—400, 494.
Сципіонъ—39, 164, 168, 169, 222.
Сѣверина, А. Г—387.
Сѣверинъ, Д. П.—529.
Сюррюгъ, аббатъ—388.

Талія—75, 204, 293, 406, 427, 498.
Тальма—514.
Тамерланъ—526.
Тамира—459.
Танкредъ—156, 172, 173, 437 460, 561.
Тарантъ [де-], княгиня—388.
Тарновскій—492, 498.
Тассони—300.
Тассъ, Бернардъ и его семейство—282, 287, 529.
Тассъ, Торквато—73, 110, 121, 125, 149, 151 158, 165, 166, 172—174, 220, 282, 297, 301, 309, 310, 360, 440, 444, 446, 451, 458—460, 468, 473, 484, 503, 507, 528, 531, 563—566.
Тацитъ—229, 476.
Тезей—31.
Телемакъ—410.
Теріо, Тиріо, Тіеріо—67, 562.
Терпсихора—387.
Тибуллъ—17, 91, 122, 160, 161, 163, 166, 217, 239, 362, 385, 448, 467, 487, 489, 506.
Тиверій, императоръ римскій—360.
Тимковскій, Р. Ѳ.—419, 525.
Тирабоски—298.
Тиртей—506.
Титовъ, В. П.—403.
Титъ Ливій—239, 403.
Тихонравовъ, Н. С.—418.
Тиціанъ—109, 440.
Толстой, графъ М. В.—519.
Тамара, В. С.—501.
Томасъ—167, 496.
Томонъ—97, 435.
Томсонъ—513, 536.
Тредіаковскій, В. К—178, 179, 337, 502.
Триполи, И А.—547.
Трироговъ, В. Г.—469.
Трощинскій, Д. П.—503.
Трубецкой, князь В. Б.—453.
Трубецкой, князь Н. Н.—430.
Трубецкой, князь Н. Ю.—221, 235
Труворъ—80.
Тургенева, В. П.—389.
Тургеневъ, Ал. И.—395. 396, 398, 491, 507, 508, 512, 520, 521, 541, 561, 563, 566.
Тургеневъ, Андр. И. 431.
Тургеневъ, И. П.—87, 417, 430, 431,
Тургеневъ, И. С.—389.
Туснельда—428.
Тучковъ, А. А.—566.

Уваровъ, графъ С. С.—75, 190, 403, 410, 429, 477, 501, 520, 545, 566.
Угрюмовъ, Г. И.—440.

Уландъ—508.
Улиссъ—502.
Унцельманъ—513.
Уранія—67.
Усладъ—294.
Усмошвецъ, Я.—392.
Уткинъ, Н. И.—110, 439, 440.
Ушаковъ, С. Н.—332, 534

Фабій—323.
Фабрицій—169.
Фавелій—294.
Фаворинъ—384.
Фаларидъ—15, 215.
Фале—568.
Фалотовъ, И.—433.
Фальконетъ—103, 437.
Фантони—304.
Фаржъ—32.
Фауль—387, 388.
Фебъ—477.
Федеричи—302.
Федра—31, 392, 561.
Федръ—525.
Федулъ—294.
Фелица—497.
Фенелонъ—24, 85, 369, 560.
Фигнеръ—110, 112, 444.
Филажіери—303.
Филемонъ—108, 463.
Филикаіа—299.
Филимоновъ, В. С.—480.
Филоктетъ—443.
Филомела—481.
Фингалъ—470, 471, 565.
Филиппъ II, король испанскій—287.
Филиппъ Өессалоникскій—403.
Фипсъ—429.
Фишеръ—414.
Фіалкинъ—402.
Флешье—369.
Фленранжъ—166.
Фоксъ—211.
Фонтенель—76, 77, 223, 224, 233, 429, 484.
Фонъ-Визинъ, Д. И.—337, 338, 455, 495.
Фортегверра—302.
Фортунатовъ, Ф. В.—417.
Франциск I, король французскій—239.
Френцель—398.
Фреронъ—562.
Фридрихъ Великій, король прусскій—64, 69, 406.
Фругони—301.
Фуксъ, Е. Б.—401.
Фурнье—472, 476.

Хамъ—336.
Ханыковъ, В. В.—417.
Хариты—211.
Хвостовъ, А. С.—480.
Хвостовъ, графъ Д. И.—401, 502.
Хемницеръ, И. И.—241, 338, 436, 489, 491, 493.
Херасковъ, М. М.—245, 312, 337, 387, 417, 420, 430, 501, 521, 532, 535, 536, 538.
Хинъ-Хилла—34, 561.
Храбровъ—523, 524.
Храповицкій, А. В.—436, 443, 494.
Храповицкій, М. В.—494.

Царь-дѣвица—51.
Цезарь—450, 481.
Целена—312.
Циммерманъ—427.
Цинтія—13, 213.
Цитенъ—332.
Цицеронъ—74, 239, 313, 321, 352—354, 358, 360, 414, 421, 426.

Чеботаревъ, Х. А.—419.
Чезаротти—303, 383.
Чекалевскій, П. П.—440, 443.
Чернобогъ—54.
Черноевичъ, А. С.—411, 412.
Чернышевъ, графъ З. Г.—430.
Черутти—395, 396.
Чингизъ—89.
Чино—167.
Чинціо—298.
Чичерина, О. В.—512.
Чудовскій, И. Б.—513.
Чулковъ, М. Д.—398.

Шаденъ—417, 420, 427.
Шактасъ—545.
Шаликовъ, князь П. И.—394, 512, 521.
Шарло—533.
Шатле [дю-], маркиза—65—70, 405, 406, 435, 562.
Шатобріанъ—66, 141, 322, 335, 387, 400, 456, 534, 545, 560, 564.
Шаховской, князь А. А.—401, 402, 470—472, 480, 515, 517, 518.
Шварценбергъ—332.
Шварцъ—430.
Шебуевъ, В. К.—442.
Шевыревъ, С. П.—417, 419, 431, 506, 507, 541, 545.

Шекспиръ—15, 244, 339, 361, 385, 425, 454, 536, 563.
Шенье, М. Ж.—534.
Шериданъ—413.
Шиллеръ—72, 83, 240, 289, 339, 405, 407, 425, 427, 428, 430, 490, 508, 509, 524, 531.
Шиллингъ-фонъ-Канштатъ, баронъ П. Л.—515, 516.
Ширинскій-Шихматовъ, князь С. А.—386, 387, 479, 480, 515, 519.
Шишковъ, А. С.—338, 387, 400, 401, 412, 416, 427, 471, 472, 474, 480, 503, 514, 515, 517, 535, 540, 542.
Шлегель—524, 544.
Шолье—123, 210, 448, 449, 505, 567.
Штелинъ, Я. Я.—180, 474.
Шуваловъ, графъ А. П.—314.
Шуваловъ, И. И.—84, 178, 179, 245, 248, 314, 441, 474.
Шустовъ—500.
Шутовской—402, 517.
Шушеринъ, Я. Е.—492.

Щедринъ, Ѳ. С.—435.
Щениковъ—499.
Щукинъ, С.—441.

Эвандръ—313, 532.
Эврипидъ—32, 340, 506, 515.
Эврифилъ—533.
Эдипъ—240, 470, 487, 500, 565.
Эйлеръ—418.
Экенвайдъ—536.
Элоиза—469.
Эльмина—384.
Эмилій—409, 422, 512, 565.
Эмпедоклъ—351.
Энгель, Ѳ. Е.—470.
Эндиміонъ—209, 216.
Энеида—415, 432, 441, 506, 532.
Эней—113, 312, 313, 360.
Эпиктетъ—132.
Эпикуръ—357, 358, 359, 360.
Эпименидъ—11, 16, 225.
Эразмъ Роттердамскій—384.
Эрминія—156, 158, 172, 173, 209.
Эсхилъ—506.

Ювеналъ — 221, 222, 233, 333, 515, 518.
Юдифь—30.
Юлія 502.
Юнгъ—386, 387, 536, 559, 560.
Юнона—104.
Юпитеръ—104, 314, 343, 438.
Юстъ-Липсій—324.
Юсуповъ, князь Б. Н.—443.

Языковъ, Д. И.—496.
Янусъ—246.
Янъ Собѣсскій—299.
Ярополкъ—470.

Ѳемистоклъ—317, 343.
Ѳеокритъ—160, 239, 487, 489, 506, 509.
Ѳеофанъ Прокоповичъ—235.
Ѳерситъ—384.
Ѳоминъ—499.
Ѳукидидъ—515.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
76	1	находитъ	находить
86	29	себя на трудъ	на себя трудъ
174	7	предпріячивый	предпріимчивый
289	23	nolre	notre
—	29	geurriers	guerriers
294	27	Пустъ	Пусть
303	13	grands	grand
312	18	jusqu'à qu'un	jusqu'à ce qu'un
313	11	d'un peau	d'une peau
330	29	не уважаемъ	но уважаемъ
331	5	не признательностію	но признательностію
381	28	обѣлку	обдѣлку
385	2	slepe	sleep
405	33	Bergschosses	Bergschlosses